

■ Олег Соколов ■

БИТВА ДВУХ ИМПЕРИЙ 1805–1812

*Впервые – раскрыта истинная причина
войны Наполеона с Россией.*

ОЛЕГ СОКОЛОВ

**БИТВА
ДВУХ ИМПЕРИЙ
1805—1812**

Москва
«Астрель»
Санкт-Петербург
«Астрель-СПб»

УДК 94(44)+94(47)"1805/12"

ББК 63.3(2)47 + 63.3(4Фра)

C59

Дизайн обложки: *Марина Акинина*

Иллюстрации предоставлены автором

*Автор выражает глубокую признательность
Турусову Виктору Павловичу за помощь в работе над книгой
и Кукушкиной Анне Анатольевне
за графическое исполнение схем и планов*

Соколов, О.

C59 Битва двух империй. 1805—1812 / Олег Соколов.— М.: Астрель; СПб.: Астрель-СПб, 2012.— 730, [4] с.: 16 л. ил.

ISBN 978-5-271-42347-5 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 978-5-9725-2267-5 (ООО «Астрель-СПб»)

Соколов Олег Валерьевич — крупнейший специалист по истории наполеоновской эпохи, кавалер ордена Почетного легиона, основатель движения военно-исторической реконструкции в России — впервые раскрывает нам тайну рокового решения Наполеона — почему же он начал войну с Российской империей?

Может, причиной тому мечты Наполеона о мировом господстве? Или у войны 1812 года были совсем другие «авторы», на совести которых лежит ответственность за эту историческую трагедию? Почему не состоялся «русский брак» императора? Кто хотел стать польским королем? Кому была выгодна эта война — разделенной Польше, изолированной Англии, униженной Пруссии? Кто проигрывал от союза Франция—Россия?

Впервые за двести лет здесь представлены оригинальные первоисточники — архивные документы, дневники, мемуары (как русские, так и французские), — с которыми еще не знаком российский читатель. Бесстрастная история — без цензуры.

УДК 94(44)+94(47)"1805/12"

ББК 63.3(2)47 + 63.3(4Фра)

Подписано в печать 20.02.12.

Формат 84 × 108 1/32. Уел. печ. л. 38,64.

Тираж 3000. Заказ № 2112

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© О. Соколов, 2012

© ООО «Астрель-СПб», 2012

Предисловие

Обычно, когда я рассказываю о Наполеоне и его эпохе, меня внимательно слушают, и более того, собеседники или аудитория всегда выказывают самый живой интерес и одобрение. Но рано или поздно следует неминуемый вопрос:

— Скажите, а зачем он напал на Россию?

Так как мне пришлось отвечать на этот вопрос сотни раз, я решил написать об этом книгу, тем более что проблема возникновения грандиозного русско-французского конфликта очень важна для понимания как российской, так и европейской истории, а её решение совершенно не очевидно. На эту тему я начал писать ещё в работе «Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа, 1799—1805 гг.». Но указанная книга имела всё же свою специфику и рассматривала, прежде всего, причины и ход войны 1805 года. Конечно, этот конфликт имеет для поставленного вопроса огромную значимость, но, разумеется, далеко его не исчерпывает. Чтобы ответить на, казалось бы, банальный вопрос полно и всесторонне, потребовалось написать специальную книгу, ту, уважаемый читатель, которую вы держите в руках, а темы, затронутые в работе «Аустерлиц», вкратце изложены в первых двух главах.

Зачем так полно и подробно освещать эту тему? Очень просто — без этого просто невозможно понять войну 1812 года. Недаром великий немецкий теоретик Карл Клаузевиц

сказал: «Политическое намерение является целью, война же только средством, и никогда нельзя мыслить средство без цели». Иначе говоря, без выяснения причин конфликта и точного определения его политических целей всякое серьёзное изучение самого хода войны просто немыслимо.

Вообще-то война 1812 года принадлежит к числу тех ожесточенных конфликтов, в которых стихия войны вырвалась на волю настолько, что политические вопросы были временно отодвинуты на второй план, уступив место пылу вооруженной борьбы. Поэтому может показаться, что предыстория конфликта в данном случае не так уж важна, по крайней мере, для изучения боевых операций, особенно если сравнить с теми войнами, где, как в кампании 1805 года, напряжение борьбы было не столь сильным и где политика сплошь и рядом вторгалась даже в ход военных событий.

Действительно, если речь идёт о подробностях частного боевого эпизода, можно обойтись и без политики. Зато ход кампании в целом, стратегическую расстановку сил, задачи, которые ставились перед полководцами, совершенно невозможно постичь без ясного и правильного видения политической обстановки, а значит, даже частный эпизод, вырванный из этого контекста, также будет представлен в искажённом свете.

Как показал анализ документов, ряд из которых ещё никогда не вводился в научный оборот, именно это «политическое намерение», побудительные мотивы политиков и планы сторон были хуже всего изучены и порой просто-напросто грубо искажены. Поэтому эта первая книга из трилогии о войне 1812 года целиком и полностью посвящена политическим и военным событиям, которые привели Францию и Россию к отчаянному столкновению. Возможно, что ряд выводов, сделанных в ходе исследования, будут неожиданны, но, можно не сомневаться, интересны.

Говоря об искажениях, нельзя не отметить объективные факторы их появления. Первая причина заключается в том, что в течение долгого времени историки, будь то русские, будь то французские, обращали очень мало внимания на изучение противной стороны, а поэтому все их труды долгое время носили односторонний характер.

В течение нескольких десятков лет непосредственно после войны 1812 года воспоминания о ней были остро политизированы. Русских историков строго ограничивали цензура и общественное мнение, которое сформировалось в результате войны с наполеоновской Францией. Для французов история наполеоновского государства также была сюжетом политическим. В период, последовавший сразу вслед за падением 1-й Империи, её надо было всячески поносить, чтобы заслужить благосклонность властей; позже история Наполеона не только вошла в моду, но и стала образующей для идеологии новой империи и, следовательно, объектом неумеренного восхваления; наконец, после свержения 2-й Империи в обиход на некоторое время опять вошла отрицательная характеристика как самого Наполеона I, так и его походов. Разумеется, при этом всех мало интересовала историческая правда о войне 1812 г., а уж тем более изучение каких-то русских архивных источников! Именно поэтому работы классиков военно-исторической науки, русских и французских, при их многочисленных достоинствах далеки от того, чтобы считаться произведениями, всесторонне и правильно отражающими события грандиозного русско-французского конфликта.

Но вот в конце XIX — начале XX века наступил поистине золотой век не только русско-французских взаимоотношений, но и военно-исторической науки. В 1891—1893 гг. был заключён русско-французский союз, одновременно приближался столетний юбилей войны 1812 года. Это событие бывшие противники отметили с уважением друг к

другу и с большим вниманием к развитию исторической науки. Жёсткая цензура в России исчезла, во Франции ушла на второй план острая политизация истории наполеоновских войн, в обеих странах открылись архивы, и к столетнему юбилею войны 1812 года стали выходить огромные публикации документов на русском и французском языках. Так в России вышло в свет 22 тома «Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-Учёного Архива Главного Штаба»; во Франции капитан Фабри издал многотомную публикацию документов Великой Армии с июня по август 1812 года, майор Маргерон выпустил в свет четыре тома о подготовке Франции к войне и т. д.

Однако все эти публикации, русские и французские, не были доведены до конца, золотой век военно-исторической науки был прерван Первой мировой войной и революцией в России. Нечего и говорить, что историки в большинстве своём не успели использовать замечательные публикации начала века. В России наступили поистине чёрные дни для изучения военной и не только военной истории. Тема войны 1812 года отошла в Советской России 20-х годов не на второй, а скорее на сто второй план.

Впрочем, в скором времени она снова вернулась... но как! В сравнении с тем, что началось в сталинском государстве, царская цензура показалась бы просто ненавязчивой интеллигентной правкой! На смену образованным офицерам начала века пришли воинствующие невежды. Когда знаменитый в советское время историк войны 1812 года полковник Жилин защищал диссертацию по этой теме, на наивный вопрос о том, какими иностранными источниками он пользовался, он гордо заявил: «Вражескими источниками я не пользуюсь!» Как ни странно, Жилин заслужил аплодисменты собравшихся и, конечно же, всяческое одобрение властей, по указанию которых его работы публиковались огромными тиражами.

Не особенно пользовались «вражескими источниками» и с другой стороны. Чем дальше, тем больше для западных историков Россия начинает стойко ассоциироваться с Советской Россией, а значит, априори с врагом. Так под пером известнейшего наполеоноведа Эдуарда Дрию война с Россией становится чуть ли не главным делом жизни Наполеона, желавшего спасти европейскую цивилизацию от большевизма... пардон, царизма. Что и говорить, западные историки отныне не могли, да и не особенно желали работать в советских архивах, а советские, может, и хотели, зато точно не имели возможности обращаться к французским архивам.

Страшное испытание, которое выдержал советский народ в годы Великой Отечественной войны, не могло не отразиться на всей советской исторической науке и особенно на изучении тех войн, где Россия противостояла сильному внешнему врагу. Ужасная война, где противоборствующие стороны разделяла исступлённая непримиримая ненависть, где речь шла о самом праве на существование целых народов, оказала огромное влияние на страну, познавшую эту жестокую трагедию. Отныне речь даже не шла только о цензуре властей, теперь сам русский народ во всяком неприятеле видел Гитлера. Всякое историческое сочинение, где противник был бы изображён иначе, было бы отвергнуто не только сверху, но и снизу. О какой уж бесстрастной науке тут можно говорить! Россия была всегда права, на неё все хотели напасть, жаждали поработить русский народ и делали это, разумеется, безжалостно и коварно...

С другой стороны железного занавеса также смотрели на российскую историю через призму борьбы с коммунистической угрозой, которая, конечно же, всегда исходила из России, разве что, когда речь шла о дореволюционном прошлом, слово «коммунизм» меняли на слово «царизм» либо «тоталитаризм». А в глазах европейцев русский народ пред-

ставлялся толпой серых мужиков в ватниках, только и думающих о том, как уничтожить западный мир...

Мнение лишь тупого обывателя, не имеющее значения для тех, кто пишет научные труды? Не совсем. Никогда не забуду, как в 1988 году, когда впервые более-менее открыли границы СССР, я отправился в долгую поездку по Франции и волею судеб оказался в небольшом эльзасском городке на открытии памятника наполеоновскому генералу Бурсье. На церемонии выступил военный историк, отставной полковник, что-то вроде французского «Жилина». Старый натовский «ястреб», произнося речь в честь Бурсье, не забыл упомянуть, что генерал, память о котором увековечили памятником, героически защищал... «свободный мир»!!! Вот уж поистине «оговорка по Фрейду»! Видимо, для этого полковника в наполеоновскую эпоху солдаты Франции сражались за «ценности» американской цивилизации...

А кстати, за что они сражались? Ответ на этот вопрос можно также найти в этой книге.

Но вернёмся к влиянию политики на историю наполеоновской эпохи и прежде всего — войны 1812 года. Ещё раз подчеркнём, что все изменения политической конъюнктуры воздействовали не только на массы, но и на тех, кто для них писал. До того как упал железный занавес, никто ни в СССР, ни в Европе серьёзно не изучал «вражеские» источники со всеми вытекающими последствиями. Более того, вскоре военные историки сочли ненужным знать язык противной стороны. Жилин не читал по-французски, натовский «ястреб» — по-русски. Что дельного могли написать эти люди, которые полностью исключали из своего исследования мнения, менталитет, подробности о военных операциях одной из сторон конфликта? Конечно ничего! Ведь это как если бы в гражданском процессе судья с самого начала решил бы слушать мнение только одной стороны, а другую не только бы не слушал, но даже и не понимал бы!

Но вот в начале 90-х годов рухнул железный занавес. Для большинства людей это вовсе не означало наступление эпохи счастья и процветания, но для русских историков началось время, когда они смогли снова работать свободно, а для западных — время, когда они получили возможность без лишних формальностей приезжать в Россию и трудиться в архивах.

Впрочем, мало кто из европейцев, и в частности французов, этим воспользовался. Из серьёзных современных работ французских авторов на тему русско-французского конфликта в эпоху наполеоновских войн можно отметить разве что книгу Мари-Пьер Рей «Александр I», но при всех её достоинствах эта работа о жизни и деятельности одного из главных героев войны 1812 года, а не о самой войне, её причинах и подготовке. Все остальные многочисленные популярные издания — лишь перепевы того, что много раз говорилось ранее; их авторы не использовали даже опубликованные русские источники, а об архивах нечего и говорить.

О том, насколько велико незнание современных французских историков о России и русской армии, убедительно свидетельствует один маленький эпизод. Из одной книги в другую переходит история о русском генерале «Сокерефе», взятом в плен при штурме французами батареи Раевского в Бородинском сражении... Я уже вижу изумленные глаза русских любителей истории и слышу фразу, которая наверняка вырвалась: «Да не было такого генерала!»

И правильно, никогда не было, да и фамилии такой в русском языке, по-моему, нет! Откуда же он взялся? Может, всё это вражеские выдумки? Не совсем. При штурме Большого редута (как французы называют батарею Раевского) действительно был взят в плен русский генерал, его фамилия вполне привычна для русского уха — Лихачёв. Но почему Сокереф?? Очень просто: если написать эту фамилию латинскими буквами, снабдив заглавную букву *L* завитушками, а остальные буквы написав неразборчиво, то фамилию

Likhatcheff можно прочитать как Sokereff. Очень давно кто-то именно так прочёл архивный документ, а все остальные просто перекатали фамилию, даже не заинтересовавшись — откуда взялся генерал, которого нет ни в одном боевом расписании. Можно себе представить, насколько ценны выводы историка, который даже не удосужился ознакомиться с составом одной из враждующих армий!

Если французские историки за последние годы не создали ничего значительного в области изучения истории войны 1812 года, то русские написали целую серию хороших произведений. Это замечательные работы А. Васильева, А. Попова, Ю. Земцова, Л. Ивченко, С. Шведова, В. Безотосного, которые не раз упоминаются на страницах этой книги. Многие из них созданы на базе широкого круга источников, взять, к примеру, работу С. Шведова, посвящённую численности и потерям русской армии, написанную на базе колоссального количества архивных документов.

Значит ли это, что не о чем больше писать? Никоим образом! Большинство этих достойных исследований посвящено всё-таки отдельным сюжетам. Мне же хотелось дать синтетический облик борьбы Наполеона и Александра, рассказать не только о боевых эпизодах, но и дать широкую картину европейской политики.

Нужно сказать, что на эту тему последнее время появилось также немало «новаторских» работ. Почти всех их объединяет одна и та же особенность: они написаны скорее журналистами, чем историками. Их главная задача — эпатировать публику неожиданным видением событий, порой в ущерб исторической истине. В этой книге читатель также найдёт много нетривиальных подходов, но они используются не ради ниспровержения во имя ниспровержения, а чтобы честно разобраться в ситуации на основе компетентного анализа большой массы источников: русских, французских, польских...

Тот, кто желает объективно написать о войне 1812 года и её политических причинах, неизбежно сталкивается с обстоятельством, вследствие которого хороших трудов на эту, казалось бы, избитую тему не так много. Речь идёт о проблеме, которую можно назвать «эффект экрана позднейшего времени». В любом случае, о каком бы историческом событии мы ни писали, перед нами стоит как бы замутнённое кривое стекло поздних мемуаров, предвзятых суждений, штампов и позднейших исследований, которые искажают события прошлого. Однако с 1812 годом ситуация совершенно особая. Драматические события этой войны развивались совершенно иначе, чем предполагали, к чему готовились современники, а итог кампании был для всех настоящей неожиданностью. Едва только участники этого грандиозного события немного оправились от изумления, они тотчас стали писать, подгоняя чувства и настроения, которые они испытывали накануне кампании под её финал. Но если бы речь шла только об эмоциях! Оказалось, что в русской армии чуть ли не каждый поручик готовился заманить врага в глубь страны, а во французской все только и умоляли императора не совершать страшной ошибки, которой теперь, по общему мнению, стала война с Россией. То же самое в отношении всех прочих больших и малых событий, политической и военной истории. Отныне всё стало видеться через призму вторжения в Россию Великой Армии и её финальной катастрофы. Поэтому и в русских, и во французских мемуарах о войне 1812 года всё подчас не просто искажено, а буквально поставлено с ног на голову.

Если же мы хотим понять подлинные мотивы поступков политических деятелей, планы военных, настроения в обществе России и Франции, мы должны попытаться взглянуть на события той эпохи не через кривое, мутное стекло мемуаров и позднейших произведений, а обратиться, в первую очередь, к подлинным документам той эпохи. Поэтому

скажем, когда речь идёт о франко-русских взаимоотношениях в 1809 году, нужно брать за основу не тексты, написанные каким-нибудь современником через 40 лет, а подлинные письма, приказы, отчёты, дневники, публикации именно 1809 года. Только так можно получить представление не о планах и чувствах, которые появились задним числом, а постичь истинный дух эпохи и её настроения и в конечном итоге правильно понять происходящее.

Значит ли это, что нужно совсем пренебречь мемуарной литературой? Конечно же, нет! Ведь мемуары дают краски и аромат эпохи... важно только убедиться, что именно той, а не другой. Иначе говоря, ими можно пользоваться лишь тогда, когда они находят подтверждение в документах изучаемой эпохи, что и делалось неоднократно при написании этой книги. Ни в коем случае не отказываясь от мемуаров в качестве полезных источников, автор отдавал безусловное предпочтение документам изучаемой эпохи. В результате были сделаны многие интересные выводы, которых никогда бы не удалось добиться, если бы не это предпочтение.

Говоря о штампах, прежде всего российской литературы, нельзя хотя бы один раз не упомянуть Великую Отечественную войну. Как уже было отмечено, она столь сильно повлияла на восприятие русским народом любой масштабной войны, что является для российских историков и публицистов ещё одним замутнённым стеклом, через которое уже вообще невозможно рассмотреть наполеоновскую эпоху, а все события последней представляются совершенно искажёнными. Об этом нужно сказать один раз для того, чтобы больше не возвращаться к этому вопросу.

Причины конфликта между Российской и Французской империями, государственное устройство этих стран, их внешняя политика, их идеология, цели, которые они преследовали в войне, методы ведения боевых действий настолько отличались от соответствующих характеристик

СССР и нацистской Германии, что всякое сравнение, всякая параллель между войной 1812 года и войной 1941—1945 гг. являются абсолютно недопустимыми. Подобные сравнения ничего не могут дать, а только переворачивают всё в головах людей, подменяя одно время совершенно другим. Ведь воспоминания о наполеоновской эпохе теряются в прошлом, а воспоминания о Второй мировой войне живы среди наших современников, живы ещё ветераны, живы люди, которые в те страшные годы были детьми, которые росли сразу после войны, когда вся Европа остро переживала её последствия. Поэтому стоит историку лишь один раз провести какую-то параллель между двумя войнами, как мгновенно в голове читателя поток ассоциаций с недавним прошлым начисто вытесняет слабо слышные отзвуки событий начала XIX века. Это всё равно, что пытаться за грохотом рок-концерта услышать далёкие звуки старинного клавирина. Нужно много изучать первоисточники, нужен такт и деликатный подход, чтобы понять людей уже не слишком близкой к нам эпохи, и всё это летит в тартарары, едва делается ненужное, бесполезное, а подчас просто кошунственное сравнение несравнимых эпох. Поэтому никогда, нигде в этой книге не проводятся подобные никчемные параллели.

Ещё один важный пункт: в конфликте, о котором идёт речь, кроме России и Франции принимала участие ещё и Польша, точнее, народ страны, разделённой на части в конце XVIII века. Своим стремлением к восстановлению некогда могучей Речи Посполитой он оказал огромное, если не сказать решающее влияние на русско-французские взаимоотношения в 1807—1812 гг. Неудивительно поэтому, что при написании этой книги польскому вопросу было уделено особое внимание, а польские документы привлекались наряду с русскими и французскими.

Но ещё раз подчеркнём, было бы просто невысказано начать серьёзный рассказ о войне, не объяснив, почему она

началась. И эта книга должна впервые дать исчерпывающий ответ на вопрос: почему же «он напал на Россию»?!

И последнее. Когда историку есть что донести до читателя, он пишет человеческим языком, ясно и увлекательно. Заумные фразы в историческом произведении обычно означают, что автору просто нечего сказать, и, если соскоблить с его произведения наукообразную шелуху, под ней просто-напросто окажется пустота. Поэтому я старался писать просто и по возможности увлекательно. Надеюсь, что читатель это оценит.

О. Соколов
15 августа 2011 г.

ГЛАВА 1

Начало и конец русско-французского союза

Представьте на миг невозможное: вы перенеслись в 80-е годы XVIII века и заявили какому-нибудь образованному петербуржцу или парижанину, что меньше чем через четверть века Россия и Франция сойдутся в огромном, отчаянном военном конфликте, что французские войска вступят в Москву, а русские — в Париж. Наверняка и русский, и француз посмотрели бы на вас как на сумасшедшего.

Действительно, вообразить такую войну было невозможно. Полторы тысячи километров, отделяющих тогдашнюю Францию от границ Российской империи, по масштабам скоростей того времени казались непреодолимой преградой для крупных масс войск, а серьёзных противоречий между странами, которые могли бы привести в движение подобные массы, не было и в помине. Наконец, даже если бы Франция и Россия вдруг ни с того ни с сего вздумали воевать, им не удалось бы этого сделать. Как ни проводи тогда линию от земель одной из этих стран до другой, всё равно пришлось бы пересечь десятки границ (!) независимых государств. И значит, их тоже нужно было бы заставить сражаться!

Словом, русско-французская война была для человека XVIII века бредом по определению. Тем более что отношения между двумя великими державами, какими тогда являлись Франция и Россия, были не просто хорошими. Дело явно шло к союзу...

Кстати, о великих державах. Здесь нет никакой оговорки, никакого преувеличения. Соотношение значимости стран в мире и на Европейском континенте в конце XVIII — начале XIX вв. не имело ничего общего с расстановкой сил в современном мире — другие государства, другие армии, другая мораль, другие скорости... В Европе XVIII века Франция была самой многонаселённой страной. Впрочем, Россия, переживавшая бурный демографический рост, в 1782-м догнала Францию по числу жителей. В то время во Франции проживало 27 млн человек, в России — 28 млн. Численность сухопутных вооружённых сил Франции (в военное время) достигала 400 тыс. человек, русская армия в конце правления Екатерины II насчитывала ровно столько же — 400 тыс. (это также численность военного времени, так как Россия в ту эпоху постоянно воевала).

Ни одно государство Европы не могло сравниться с этими гигантами ни по численности населения, ни по количеству вооружённых сил. Только Великобритания, несмотря на свою демографическую слабость (лишь 10 миллионов населения), также играла первостепенную роль в политике благодаря экономическому развитию и мощи своего военного и торгового флота.

Державой, которая по силе и значимости в мировой политике шла сразу за тремя означенными государствами, была Габсбургская монархия, властвовавшая на территориях Австрии, Венгрии, Богемии, Моравии, Тироля... В её землях проживало около 24 миллионов человек, а армия в военное время могла выставить до 300 тыс. солдат. Пруссию, с её 10-миллионным населением, уважали, пожалуй, лишь памятуя о славе Фридриха II. Но крупной самостоятельной роли эта держава играть не могла. Остальные 14 миллионов немцев жили на территории более трёхсот государств, вечно споривших между собой. 18 миллионов итальянцев жили также на земле, разделённой десятками границ.

Так что Францию и Россию можно по праву назвать сверхдержавами той эпохи; и от их политики зависело будущее Европы.

Когда в эпоху Петра Россия громко заявила о себе на международной арене, отношения между ней и Францией стали складываться весьма непросто. Дело в том, что для многих поколений французских государственных деятелей главным стержнем внешней политики страны была борьба с габсбургской опасностью. Габсбурги правили в Германии и Испании, словно сжимая Францию в стальных тисках. Но в конце XVII века Испания ослабла, а в начале XVIII века на её престоле оказался внук Людовика XIV, так что опасность для королевства с юга была устранена. Зато Австрия (точнее «Священная Римская империя германской нации») продолжала угрожать Франции. Чтобы противостоять ей, французские политики создали систему так называемого Восточного барьера — союз с тремя странами, которые, так или иначе, конфликтовали с Габсбургской империей. На северо-востоке от Австрии это была Швеция, на востоке — Речь Посполитая, на юго-востоке — Турция.

Империя Петра Великого, родившаяся в грохоте пушек и шуме раздутых ветром парусов линейных кораблей, по определению оказалась во вражде со всеми державами Восточного барьера. Именно поэтому отношения между Францией и Россией очень долго были, мягко говоря, прохладными.

Однако с середины XVIII века ситуация начала меняться. Габсбургская угроза, о которой так беспокоились французские политики, постепенно уходила в прошлое. С другой стороны, Швеция, когда-то верная союзница французского королевства, всё более попадала под английское влияние. Польша окончательно превращалась во второстепенное государство. Наконец, Османская империя погружалась во внутренний кризис, и впервые стали раздаваться голоса о том, что Турция — это «больной человек»,

который рано или поздно умрёт, и нужно думать о разделе его наследства.

Наряду с политическими изменениями в это время происходили и сдвиги в области общественных настроений во Франции. Как известно, тогда вся Европа жила под сильнейшим культурным влиянием Франции. Сама императрица Екатерина II читала, писала и, можно сказать, думала по-французски. Она активно поддерживала переписку со знаменитыми просветителями Дидро, Вольтером, Гриммом. Российская императрица одной из первых поняла растущую роль общественного мнения; она умело выявила и заставила работать на себя тех, кто это мнение во Франции создавал. Изысканной лестью и щедрыми подарками она заставила тех, кто поносил свое правительство, стать пропагандистами достоинств, действительных или мнимых, Российской империи и, конечно же, ее правительницы.

Уже во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Вольтер полностью встал на сторону России, рассматривая войну с турками как борьбу с опасными варварами: «Мадам, Ваше Императорское Величество, Вы поистине возвращаете мне жизнь, убивая турок (!), — писал он Екатерине, получив известие о победах русских войск. — Письмо, которое Вы мне написали 22 сентября, заставило меня соскочить с моей постели, восклицая: „Алла! Катарина!..“ Я действительно, Мадам, на вершине счастья, я восхищен, я благодарю Вас»¹.

Вслед за Вольтером и изменением общей политической конъюнктуры изменилось и отношение французов к России: «Общественное мнение во Франции, которое было враждебно по отношению к России, внезапно стало крайне благоприятным. Ко всему русскому стали относиться с каким-то наивным восторгом. В театре ставились пьесы, сюжет которых был взят из русской истории: „Скифы“ Вольтера, „Петр Великий“ Дора, „Меншиков“ Лагарпа... Повсюду в Париже возникали „Русские“ гостиницы, „Се-

верные кафе“. Торговец модными товарами открыл лавку под вывеской „У русского модника“».

Обоюдное сближение Франции и России, наметившееся в 70-е годы XVIII века, особенно проявилось в ходе войны за независимость американских колоний, когда французы вступили в открытую войну с Англией. Напрасно англичане пытались склонить на свою сторону российскую императрицу. Екатерина II не только не приняла их предложения, но и, возмущённая наглými действиями британцев на море, подписала 9 июля 1780 года договор с Данией о вооружённом нейтралитете. К этой декларации присоединились позднее Швеция, Голландия, Австрия, Пруссия, Португалия и Неаполитанское королевство. Это был мощнейший удар по попытке британского флота бесконтрольно хозяйничать на морях.

Уже в конце 80-х годов французская дипломатия поставила себе задачу добиться большего сближения с Россией и заключить русско-французский союз. Министр иностранных дел Монморен в своём докладе, направленном королю в самом начале 1789 г., писал: «Швеция не заслуживает более нашего доверия, впрочем, она может играть на континенте лишь второстепенную роль. Пруссия связала себя с Англией и стала нашим врагом... Германская империя — лишь разрозненные земли без всякой связи, к тому же многие из них находятся под влиянием Пруссии. Остаётся только Российская империя, и это тот союз, которого нам хотелось бы добиться»².

Однако всего лишь через несколько месяцев все расчёты политиков и дипломатов Европы оказались нарушены грандиозными событиями, которым суждено было изменить ход мировой истории. В 1789 году во Франции началась революция.

Нужно сказать, что поначалу ни деятели революции, ни монархи Европы не собирались сражаться, но очень скоро

мощная пропагандистская волна, которую распространяли по Европе события французской революции, вызвала беспокойство при всех дворах. Бежавшие из Франции эмигранты страшали аристократов кровавыми сценами и призывали на помощь европейских монархов. Но угрозы германского императора и прусского короля, направленные в адрес лидеров революции, вызвали не страх, а взрыв эмоций.

20 апреля 1792 г. в кипящей революционными страстями столице Франции собралась Законодательная ассамблея, чтобы обсудить вопрос о возможности войны с врагами, стягивающими силы к границам. Депутаты пришли, словно охваченные порывом и опьянением, которые, как электрический импульс, передала им бушующая толпа. Даже представитель умеренного крыла ассамблеи Пасторе воскликнул: «Свобода победит, или деспоты уничтожат нас. Никогда ещё французский народ не был призван исполнить более высокое предназначение... Победа пойдёт вместе со свободой!»

Что же касается якобинцев, их представитель Базир громко возвестил: «Народ жаждет войны! Торопитесь же исполнить волю его справедливого и благородного гнева. Быть может, сейчас вы объявите свободу всему миру!»

В результате депутаты в едином порыве проголосовали за объявление войны «королю Венгрии и Богемии», как был назван в документе, принятом ассамблеей, германский император Леопольд II. *

Так началась война между Францией и почти всей монархической Европой, так как к австрийцам и пруссакам вскоре присоединились Великобритания, Испания, Пье-

* Желая объявить войну не всей Германской империи, а лишь непосредственно Австрии, депутаты выбрали ту часть титула Леопольда, которая никак не затрагивала прочие немецкие земли. Эта предосторожность, впрочем, оказалась тщетной, так как в войну с Францией вступили и другие германские государства.

монт, Баден, Гессен, Неаполитанское королевство... Фактически эта война не утихла почти четверть века. Тогда же никто не ожидал, что она будет настолько серьёзной. Австрийцы и пруссаки рассчитывали на лёгкую военную прогулку до Парижа, а деятели революции не сомневались, что солдаты неприятеля тотчас же с восторгом перейдут на сторону восставшего народа. Но получилось всё совсем не так. Разгорелась война упорная и отчаянная.

Нетрудно предугадать, как отреагировали крепостническая олигархия и самодержавная государыня России на известия о революционных событиях во Франции. Узнав о них, Екатерина немедленно похоронила все проекты русско-французского союза. Происходящее в Париже она квалифицировала не иначе как «возмутительное безобразие», а о деятелях революции высказалась вполне недвусмысленно: «Вся эта сволочь не лучше маркиза Пугачёва».

Э. Деталь. Солдаты республики

Известие о суде над королём и его казни 21 января 1793 г. вызвало гневное восклицание императрицы: «Нужно искоренить всех французов до того, чтобы и имя этого народа исчезло!»

Однако, несмотря на эти и тысячи других проклятий в адрес революции, Екатерина оставалась весьма трезвым политиком. Возмущаясь событиями во Франции и декларировав, что 20 тысяч казаков будет достаточно, чтобы дойти до Парижа, императрица не слишком спешила туда их посылать.

Во-первых, она прекрасно понимала, что побороть революционную бурю совсем не просто, а во-вторых, у России было очень много куда более важных для неё «домашних» дел. До 1791 г. продолжалась русско-турецкая война, в которой, кстати, Великобритания, одна из главных держав антифранцузской коалиции, усиленно поддерживала Турцию и даже пригрозила России войной, если Россия не подпишет мирный договор с Османской империей. С другой стороны, Россия в эти годы усиленно занималась раздлами Польши, о чём мы ещё будем подробно говорить.

Впрочем, весной 1796 г., когда германский император обратился к российской государыне с просьбой оказать хоть какую-то помощь в борьбе с французами, Екатерина выказала принципиальное согласие. Однако она связала своё участие в войне с выполнением союзником ряда условий. Одним из главнейших она считала принятие совместной политической декларации о том, что целью войны является восстановление монархии во Франции (а не территориальные завоевания для отдельных стран коалиции). Екатерина также требовала, в качестве неперемennого условия, возвращения Пруссии в ряды коалиции (пруссак в 1795 г. подписали мир с Францией) и получения от Англии субсидий на ведение войны.

Но пруссаки больше не желали воевать, англичане не топились платить деньги, а самое главное, что поначалу

идеологическая война переросла для Англии и Австрии в конфликт, в котором они надеялись расширить сферы своего влияния в Европе. Правительства этих держав в общем, конечно, поддерживали идею восстановления монархии во Франции, но отныне не хотели связывать себя какими-либо твёрдыми обязательствами, которые могли бы при заключении мира помешать выторговать территориальные приращения и коммерческие выгоды. Их англичане и австрийцы ценили гораздо выше, чем благие пожелания о восстановлении тронов и алтарей.

В результате переговоры зашли в тупик, и золотые гинеи остались в мешках английских банкиров, а русские полки — у себя на родине.

В общем, совершенно очевидно, что Екатерина абсолютно не рвалась воевать с революционной Францией. По крайней мере исключала для себя возможность бросаться очертя голову в борьбу, не соответствующую выгодам и геополитическим интересам России. Более того, она пророчески предсказывала, что французы сами вскоре восстановят порядок, хотя и в другой форме. В 1794 г. императрица написала: «Если Франция справится со своими бедами, она будет сильнее, чем когда-либо, будет послушна и кротка как овечка; но для этого нужен человек недюжинный, ловкий, храбрый, опередивший своих современников и даже, может быть, свой век. Родился ли он или ещё не родился? Придёт ли он? Всё зависит от того. Если найдётся такой человек, он стопою своей остановит дальнейшее падение, которое прекратится там, где он станет, во Франции или в ином месте»³.

Когда Екатерина II выводила в письме эти строки, человек, о котором она говорила, уже был бригадным генералом, а в тот день, когда императрица умерла, он вошёл в легенду и направился по пути, который предсказала ему русская государыня.

17 ноября 1796 г. на поле боя у деревни Арколе в Северной Италии армия Бонапарта окончательно разгромила австрийские войска генерала Альвинци; за день до этого сам Бонапарт совершил в ходе боя свой знаменитый подвиг, бросившись с развёрнутым знаменем под ураган картечи, увлекая своих солдат на немыслимый штурм аркольского моста. Если за несколько месяцев до этого, победно начав свою знаменитую итальянскую кампанию, Бонапарт стал известным генералом, то после битвы при Арколе он вошёл в легенду. Отныне он превратился для своих солдат в полубога, за которым они были готовы идти хоть на край света.

«О, как шагает этот юный Бонапарт! Он герой, он чудобогатырь, он колдун! — написал о молодом герое другой великий полководец Александр Суворов.— Он побеждает и природу, и людей; он обошёл Альпы, как будто их и не было вовсе; он спрятал в карман грозные их вершины, а войско затаил в правом рукаве своего мундира. Казалось, что неприятель только тогда замечал его солдат, когда он их устремлял, словно Юпитер свою молнию, сея повсюду страх и поражая рассеянные толпы австрийцев и пьемонтцев. О, как он шагает! Лишь только вступил он на путь военачальника, как разрубил гордые узел тактики. Не заботясь о численности, он везде нападает на неприятеля и разбивает его по частям. Он знает, что такое неодолимая сила натиска, и в этом всё. Его противники будут упорствовать в своей вялой тактике, подчинённой кабинетным перьям, а у него военный совет в голове. В действиях свободен он как воздух, которым дышит. Он ведёт полки, бьётся и побеждает по воле своей!»⁴

Предсказание Екатерины Великой сбылось. Этот «недюжинный, храбрый, опередивший свой век человек» пришёл.

В Европе началась эпоха наполеоновская, а в России — эпоха Павла.

Императору Павлу I судьбой выпало осуществить несколько крутых поворотов во внешней политике России и

прежде всего в отношении Франции. Сначала это была Франция Директории, затем — Франции эпохи консульства Наполеона Бонапарта. Поэтому вполне уместно будет сказать несколько слов об этом человеке.

Едва только императрица испустила дух, как ее преемник подчеркнуто продемонстрировал всем, что начались иные времена. Знаменитый поэт Державин так позже опишет начало павловских времен: «Тотчас все приняло иной вид, зашумели шарфы, ботфорты, тесаки и, будто по завоевании города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом».

Это вполне понятно. В течение долгих лет уже более чем зрелый человек великий князь Павел Петрович был фактически отстранен от власти и даже просто от участия в управлении государством своей царственной матерью. До 42 лет Павел находился под ее неусыпной опекой, постоянно пребывал в страхе не только за свое положение, но и просто за свою жизнь, беспрестанно унижаемый фаворитами императрицы. Конечно, подобное положение не могло не сказаться на характере нового царя, на его желании как можно быстрее поменять все, что осталось от правления Екатерины.

Тем не менее любой серьезный современный историк едва ли охарактеризует императора Павла I как ненормального безумца, единственным увлечением которого было гонять солдат по плацу, заставляя всех носить букли, и ломать наследие предыдущего царствования. Монография Н. Я. Эйдельмана «Грань веков» впервые на основе большого фактического материала нанесла сокрушительный удар по мифу о сумасшествии Павла. За Эйдельманом последовали и другие историки.

Теперь не вызывает сомнения тот факт, что «безумие» Павла не более чем легенда, созданная теми, кто убил императора, для оправдания своего гнусного злодеяния. Легенда, которую с удовольствием подхватили либеральные историки,

а особенно советская пропаганда, стремящаяся в самом невыгодном свете выставить все русское самодержавие.

Сейчас можно с уверенностью сказать, что трагически погибший император хоть и был человеком импульсивным, вспыльчивым, но обладал массой достоинств. Он получил прекрасное образование, в совершенстве знал многие иностранные языки и, прежде всего, обладал высокими душевными качествами — честностью, прямоотой, желанием править, исходя не только из макиавеллиевской государственной необходимости, но руководствуясь принципами справедливости и благородства. Даже во внешней политике он стремился действовать «чистосердечно, открыто, презируя обычные дипломатические ухищрения: „Правдивость, бескорыстие и сила могут говорить громко и без изворотов“» — так выразился сам император в инструкции одному из своих послов.⁵

К тому же предыдущее царствование, несмотря на блистательную внешнюю сторону, имело и слишком неприглядную изнанку, хорошо знакомую новому императору. Без сомнения, самой тёмной, самой ущербной стороной России того времени являлась крепостническая система, при которой миллионы людей не просто являлись зависимым крестьянством, как в странах Западной Европы, а фактически были низведены до уровня рабов или, скорее, рабочего скота. С этой стороной российской действительности сложно было что-либо поделаться, оставаясь в рамках суще-

Г. Кюгельман.
Император Павел I

глядную изнанку, хорошо знакомую новому императору. Без сомнения, самой тёмной, самой ущербной стороной России того времени являлась крепостническая система, при которой миллионы людей не просто являлись зависимым крестьянством, как в странах Западной Европы, а фактически были низведены до уровня рабов или, скорее, рабочего скота. С этой стороной российской действительности сложно было что-либо поделаться, оставаясь в рамках суще-

ствующей системы. Павел издал лишь указ от 16 февраля 1797 г., запрещающий продажу дворовых и безземельных крестьян «с молотка или с подобного на сию продажу торго», отменил запрещение жаловаться на помещиков, указом от 18 декабря 1797 г. повелел списать все недоимки с крестьян и мещан, издал знаменитый закон о трехдневной барщине (5 апреля 1797 г.), ограничивавший повинности крестьян тремя днями в неделю.

Куда более значимой была деятельность Павла I в отношении наведения порядка в государственном аппарате, в армии и на флоте. Ведь в свои преклонные годы императрица Екатерина всецело передала все управленческие функции правящей элите, поэтому во всех государственных учреждениях творились чудовищные злоупотребления.

«Когда она (*императрица*) достигла возраста шестидесяти лет,— рассказывает в своих записках эмигрант на русской службе граф Ланжерон*,— тогда её здоровье ослабло, а вместе с ним и сила её ума, и работоспособность, у неё появилась пресыщенность наслаждениями и, быть может, угрызения совести за прошлое и страх перед будущим. Её окружение увидело, что от неё можно легко скрыть любые злоупотребления, и что у неё не было более ни силы, ни желания пресекать ужасающие несправедливости, о которых она ещё могла узнавать. Тогда исчезли все преграды, никто больше ничего не боялся, и Россия явила собой печальное зрелище бесчинств самых ужасающих, воровства

* *Ланжерон Александр Фёдорович (Луи Александр)* родился в 1763 г. в Париже, умер в 1831 г. в Санкт-Петербурге. Подполковник французской королевской армии. В эпоху революции эмигрировал и был принят на русскую службу. Начиная со штурма Измаила, где он отличился своей отвагой, вплоть до русско-турецкой войны 1827—1828 гг. Ланжерон в рядах русской армии принял участие почти во всех войнах, которые вела Россия в этот период. В 1811 получил звание генерала от инфантерии. Оставил интереснейшие записки, частично опубликованные.

самого открытого, грабежа самого возмутительного, сопровождаемого бесчисленными злоупотреблениями власти, угнетением и тиранией, которые совершались всеми, у кого была хоть какая-то должность, начиная от министра центрального правительства до самого последнего чиновника. Сенат, суды, отныне благоприятствующие только знатности и богатству, предоставляли продажное правосудие, где лишь золото и титулы определяли судебное решение. Жестокость помещиков не знала больше ни границ, ни наказаний. Из народа выколачивали налоги, в два раза превосходящие те, которые были назначены, а сборщики делили доходы между собой. Всякая жалоба, всякая апелляция были бесполезны, и более того, жестоко наказуемы»⁶.

Воровство в армии было такое, что «многие рекруты гибли от голода по дороге к месту службы или попадали работниками в имение командира». Ланжерон утверждал, что из 100 тыс. рекрут только 50 тыс. доходили до места службы, остальные либо умирали, либо «растаскивались» по дороге!!

Император взял на себя тяжелейшую задачу попытаться искоренить злоупотребления, пресечь чудовищную коррупцию, заставить чиновников честно работать, а офицеров служить. Вместе с наведением в армии строгой дисциплины Павел I улучшил материальное обеспечение войск, принял меры для устранения произвола частных начальников, дал точные правила для организации рекрутских наборов, для замещения офицерских вакансий, для переводов военнотружущих в другие части, производства в чины, увольнений, отставок и т. п. Но самое главное, как отмечали многие современники, предприняв жёсткую, бескомпромиссную борьбу с коррупцией, он положил конец «золотому веку грабителей».

Одновременно новый император произвел решительный поворот и во внешней политике империи. Он публично объявил о неучастии России в войне коалиции против

Франции. Канцлер Остерман так излагал побудительные мотивы этого решения в ноте, обращенной к правительствам европейских стран: «Россия, будучи в непрерывной войне с 1756 г., есть потому единственная в свете держава, которая находилась 40 лет в несчастливом положении истощать свое народонаселение. Человеколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезным Его подданным в... отдохновении, после столь долго продолжавшихся изнурений»⁷.

По приказу императора был отменён новый рекрутский набор, русской эскадре, находившийся в Северном море, было приказано возвратиться домой, войска, действовавшие за Кавказом против Персии, также были отправлены восвояси, наконец, все возможные приготовления к походу против Франции были аннулированы.

Впрочем, вскоре сухопутная война в Европе вообще прекратилась. Блистательные победы Бонапарта в Италии вынудили германского императора пойти на мирные переговоры, и в октябре 1797 г. был подписан знаменитый Кампо-Формийский мир, который означал конец Первой антифранцузской коалиции. Кроме Англии, которая не прекратила морской войны, все остальные державы Европы заключили с Францией мир.

К этому времени внутри Франции произошло много изменений. На смену кровавым романтикам якобинского террора к власти пришло правительство, представлявшее интересы спекулятивной буржуазии, печально знаменитая Директория. Успехи Бонапарта в Италии вскружили голову этому правительству, и в скором времени французские войска, по приказу Директории, вступили в Швейцарию, а затем и в Южную Италию. Наконец, самого Бонапарта во главе 35-тысячной армии послали на завоевание Египта.

По пути к земле фараонов французская морская армада 9 июня 1798 года подошла к о. Мальта. Бонапарт потребовал

от рыцарей Мальтийского ордена, которым принадлежал остров, капитуляции. Руководство древнего ордена сдало город и крепость без малейшего сопротивления. Оставив здесь небольшой гарнизон, Бонапарт со своей армией и флотом отправился дальше к Египту.

Для молодого генерала взятие Мальты было всего лишь эпизодом. Но для Павла I это событие стало важным знаком, который привёл к крутому повороту российской политики.

Разумеется, что причин для изменения позиции России на международной арене было предостаточно: стремительное расширение французского влияния в Германии и Италии, перспектива появления французов на Балканах, активная деятельность английской дипломатии и французских эмигрантов, которые разжигали антиреспубликанские настроения при русском дворе, и т. д. Тем не менее трудно переоценить значение мальтийского эпизода в этом вопросе. Именно взятие Мальты окончательно утвердило Павла в его решении начать войну с республикой. Причем интересно, что императора беспокоил не столько захват французами стратегически выгодного пункта на Средиземноморье, сколько разгром древнейшего рыцарского ордена.

Российский император фактически объявил крестовый поход против республики. Он стремился утвердить в Европе справедливость в той форме, в которой она ему представлялась: реставрировать монархию во Франции и восстановить все прежние власти и государства, существовавшие до начала войны против республики. Решительные действия российского императора привели к немедленному формированию Второй антифранцузской коалиции. В коалицию кроме России и Англии вошли Австрия, Турция и Неаполитанское королевство.

Теперь соотношение сил на фронтах было явно не в пользу французов. Во Франции угас революционный энтузиазм. Бонапарт это точно подметил, сказав: «Война, кото-

рая еще недавно была национальной и народной... стала войной безразличной народу, войной лишь правительств». Но французское правительство — Директория — было насквозь коррумпировано и могло дать пример не самопожертвования, а лишь стяжательства и грязных махинаций. Экономика страны, снабжение армии — все было в полном развале. Хаос царил внутри страны, бандиты хозяйничали на дорогах. Такое правительство «могло тиранить, но не могло править». Нетрудно догадаться, что армия в этих условиях не могла быть ни многочисленной, ни хорошо обеспеченной. Повальное дезертирство охватило ее ряды.

В результате союзники на всех фронтах стали теснить французов. Но самые главные успехи одержали российские войска под командованием Суворова в Северной Италии. Армия, ведомая выдающимся полководцем, разбила республиканцев в апреле 1799 г. в серии боёв на реке Адда, в июле — на реке Треббия, а затем 15 августа Суворов наголову разгромил знаменитого французского генерала Жубера в битве у Нови. За короткое время вся Италия оказалась в руках сил коалиции. И для императора Павла I, и для точно выполнявшего его волю русского полководца не было сомнений в том, что нужно делать: необходимо было восстановить «троны и алтари», то есть вернуть старые династии и, прежде всего, короля Карла Эммануила, изгнанного республиканцами из Пьемонта.

Однако, к великому удивлению российского императора, австрийцы совершенно не торопились восстанавливать прежние власти, а занимались в основном сбором контрибуций в свою пользу. «Пусть король совсем забудет о Пьемонте, — провозгласил после ухода русских войск из Северной Италии начальник штаба австрийской армии генерал Цах, — страна эта завоевана австрийцами, и, следовательно, главнокомандующий австрийский имеет один право распоряжаться в Пьемонте, точно так же, как он распоря-

жался бы, если б вступил с армией в Прованс или другую область Франции...»⁸

Чем дальше, тем всё менее становилось понятным, зачем русским воевать в отдалённых землях. Война имела смысл для Павла и для России только в том случае, если это была война идеологическая, направленная на поддержку консервативных принципов, главной целью которой было как раз не завоевание чужих территорий, а восстановление прежних порядков. И уж тем более русский император не собирался жертвовать огромными средствами и жизнями своих подданных для того, чтобы завоёвывать земли для иностранных держав.

Отношения между русскими и австрийцами настолько обострились, что австрийское командование настояло на выводе русских войск из Италии в Швейцарию, где они должны были соединиться с другим русским корпусом под командованием генерала Римского-Корсакова. Однако австрийские войска оставили этого генерала наедине с превосходящим числом французов ещё до того, как Суворов сумел подойти к нему на помощь. В результате знаменитый генерал Массена разбил Римского-Корсакова под Цюрихом, а Суворову пришлось с тяжелейшими боями пробиваться через непроходимые горные перевалы.

Провалом закончилась и высадка союзников в Голландии. Прижатые к морю, англо-русские войска вынуждены были подписать конвенцию, согласно которой союзники очищали территорию Батавской республики (Голландии). Интересно, что в то время, как английские войска вернулись на родину, русских солдат в Англию не пустили. Британский флот отвёз их на острова Джерси и Гернеси, где они среди зимы были брошены на произвол судьбы без пропитания, без одежды и обуви.

Не слишком-то удачно складывались отношения между союзниками и на море. Адмиралы Ушаков и Нельсон были

явно не созданы для дружбы. Спесь и самоуверенность, с которыми английский адмирал обращался с русским союзником, вызывали жесткий ответ со стороны Ушакова. В своих письмах Нельсон говорил, что Ушаков «держит себя так высоко, что это невыносимо», и «под вежливой наружностью русского адмирала скрывается медведь». Нельсон был очень обеспокоен утверждением русского присутствия на Средиземноморье и всячески отклонял проекты совместных действий против французского гарнизона на Мальте. Этот остров был нужен ему как база английского флота, и он вовсе не собирался после капитуляции французов отдавать остров каким-то там рыцарям.

Все это вместе не могло не взбесить Павла I, и дело здесь вовсе не в неуравновешенности российского императора. Сущность войны была полностью извращена. Оказалось, что русские солдаты и моряки жертвовали своими жизнями не для того, чтобы восстановить справедливость и монархический строй, а служили орудиями захватнической политики венского двора и алчности английских купцов.

11 (22) октября 1799 г. царь отправил твердое и недвусмысленное письмо австрийскому императору Францу: «...Видя из сего, что мои войска покинуты на жертву неприятелю тем союзником, на которого я полагался более, чем на всех других, видя, что политика его совершенно противоположна моим видам, и что спасение Европы принесено в жертву желанию распространить Вашу монархию... я с тою же прямою, с которою поспешил к Вам на помощь и содействовал успехам Ваших армий, **объявляю теперь, что отныне перестаю заботиться о Ваших выгодах...** Я прекращаю действовать заодно с Вашим Императорским Величеством...»⁹

Письмо Павла I было вручено лично императору Францу новым русским послом в Вене графом Колычевым на специальной аудиенции 5 ноября 1799 г. и произвело эффект разорвавшейся бомбы.

Длинные колонны русских войск через Баварию, Богемию и Моравию потянулись назад на восток. Крестовый поход закончился, для России начиналось возвращение в мир геополитических реалий.

В эти дни, когда российская политика совершала крутой разворот, на другом от Петербурга конце Европы произошли события, которым в неменьшей степени было суждено изменить судьбы мира. Узнав о глубочайшем кризисе, охватившем страну, о сплошных неудачах на фронтах, о том, что Франции угрожает вторжение иноземных войск, Бонапарт принял смелое решение. В ночь с 22 на 23 августа 1799 г. он с небольшим отрядом войск и несколькими преданными офицерами отплыл из Египта.

Два фрегата, на которых располагался маленький отряд, совершили поистине беспрецедентное плавание, чудом проскочив между вражескими эскадрами. 9 октября Бонапарт ступил на землю Франции, а 16 октября он уже был в Париже. Хотя к этому времени ситуация на фронтах значительно улучшилась и непосредственная опасность временно миновала, прогнивший режим Директории уже окончательно обанкротился. Народ устал от анархии и нестабильности, царства спекулянтов и жуликов, разгула бандитизма и коррупции. Поэтому возвращение молодого полководца было воспринято однозначно: Спаситель пришел. «Генерал, отправляйтесь же разбить врагов,— воскликнул один из ораторов, приветствовавший Бонапарта на пути следования через Прованс,— а потом мы сделаем Вас королем».

Лион был весь иллюминирован в честь приезда молодого героя, люди пели и танцевали на улицах под крики: «Да здравствует Бонапарт, который приехал, чтобы спасти Отечество!»

В Париж весть о том, что Бонапарт высадился на французском берегу, пришла вечером 13 октября, а на следующий день утром была объявлена в законодательном корпусе. Вме-

сто того чтобы осудить генерала, самовольно оставившего армию, депутаты повскакивали со своих мест и со слезами на глазах от восторга и энтузиазма запели «Марсельезу». Через несколько мгновений новость знал уже весь город.

Генерал Тьебо рассказывает в своих мемуарах, как в этот день он был по делам в Пале-Рояле. «Я только что вошел в большой двор, как на другой стороне сада я увидел группу людей, которая быстро росла, а потом мужчины и женщины побежали куда-то со всех ног... Без сомнения речь шла о какой-то очень важной новости: восстание, победа или поражение... какой-то мужчина, не остановившись, на бегу прокричал мне: „Генерал Бонапарт вернулся! Он высадился во Фрежюсе“. Тогда, в свою очередь, меня охватил всеобщий порыв... Новость распространилась с быстротой электрической искры. На каждом углу можно было увидеть то, что я увидел в Пале-Рояле, сверх того оркестры полков, расквартированных в Париже, пошли по улицам с музыкой, увлекая за собой потоки народа. Едва спустилась ночь, как импровизированная иллюминация зажглась во всех квартирах... на улицах, в театрах раздавались крики: „Да здравствует Республика! Да здравствует Бонапарт!“»¹⁰

В общем, молодому генералу не пришлось ломать голову в размышлениях на тему «Что делать?»: если у него и были сомнения при отплытии из Египта, теперь от них не осталось и следа — власть сама шла к нему в руки.

Именно поэтому переворот 18—19 брюмера VIII года (9—10 ноября 1799 г.) прошел так, в общем, легко и бескровно. Бонапарт был провозглашен первым консулом Французской республики и фактически главой всей исполнительной власти; два других консула, видные политические деятели Камбасерес и Лебрен, были не более чем статистами для создания некоего подобия коллегиального правления.

«Господа, теперь у страны есть настоящий хозяин!» — якобы провозгласил известный политик и участник собы-

тий 18—19 брюмера Сийес после встречи с Бонапартом наутро после переворота.

Даже если эта фраза выдумана позднее, она великолепно отражает то, что произошло в эти дни. Действительно, в самом скором времени страна неузнаваемо преобразится. Всего за несколько месяцев молодой консул очистит дороги Франции от бандитов, разгонит жуликов и спекулянтов, наладит нормальное функционирование административного аппарата. А самое главное, он вернет народу доверие к власти. Люди снова начнут платить налоги, опять нормально закрутятся все шестеренки государственной машины. На появление доверия к власти, предсказуемости, порядка и уверенности в завтрашнем дне экономика мгновенно ответит резким скачком. Отныне производство и торговля, освобожденные от феодальных пут, начнут развиваться с

Ж.-А. Гро. Бонапарт — первый консул

такой скоростью, что поразят даже тех, кто считался отчаянным оптимистом. Это, в свою очередь, укрепит доверие к власти и пополнит казну новыми исправно выплачивающимися налогами. Бонапарт создаст твердую и надежную денежную систему, откроет государственный банк. Он вернет свободу вероисповедания, создаст новую современную систему высшего и среднего образования, введет в стране единую систему мер и весов, будет всюду покровительствовать науке, искусству и вообще всем людям, которые работают на пользу государства и общества.

Знаменитый член государственного совета Луи Редерер напишет в это время под впечатлением от встречи с Бонапартом: «...черта, которую я хотел бы подметить у первого консула, — это его неподкупность. Я скажу больше, он принципиально недоступен подкупу... Как подкупить человека, у которого все физическое подчинено моральному, а мораль подчинена интересам общества? Как отвратить от пути добра человека, к которому можно подступиться, только разговаривая с ним об общественных интересах? Как отвлечь удовольствиями и утешами того, для кого главное удовольствие — это делать полезные вещи? Как вовлечь в порок человека, который позволяет приблизиться к себе лишь тем, кто известен своей мудростью, честностью и преданностью? Пусть негодяй и глупец не пытаются приблизиться к Бонапарту — они ничего от него не добьются... Мне кажется, что его избегают все те, у кого на совести не только недостойные дела, но даже недостойные мысли...»¹¹

Конечно, эта фраза Редерера, написанная под впечатлением от встречи с героем, идеализирует образ Бонапарта, но она, тем не менее, великолепно отражает настроения первых лет консульства. Наконец, после переворотов, потрясений, нестабильности и анархии в стране утвердилась власть надежная, предсказуемая и честная; власть, отвечающая чаяниям подавляющего большинства французов.

Бонапарт стал первым лицом в государстве почти что день в день с фактическим выходом России из коалиции *, а известия о перевороте во Франции пришли в Санкт-Петербург вместе с новостями о последних событиях на фронтах пока еще неоконченной войны.

Вести из Франции вызывали живейший интерес Павла I. В скором времени этот интерес приобрёл черты неподдельного восторга преобразованиями и свершениями Бонапарта. В апреле 1800 г. император отозвал из Лондона русского посла графа Воронцова.

Семён Романович Воронцов был не просто послом. Представитель влиятельного клана Воронцовых, он с 1784 г. был назначен послом в Великобританию и за 16 лет до того «вжился» в страну своего пребывания, что стал больше англичанином, чем русским. Даже граф Чарторыйский, которому были не чужды англофильские настроения, писал, что Воронцов «...поистине пустил корни в Англии, он так превозносил ее, как не мог бы это делать самый ярый „тори“ ... Эти чувства мешали ему смотреть беспристрастно на события и понимать интересы России...» ¹²

Отзыв Воронцова ** был важным политическим знаком, тем более что одновременно русский посол был отозван и из Вены, а на его месте не оставили даже временного поверенного.

На смену курса коалиционной войны окончательно приходили новые политические ориентиры, пока еще довольно неясные.

* 16 октября 1799 г. Бонапарт вернулся в Париж и начал подготовку к перевороту, 22 октября Павел направил императору Францу послание о прекращении совместных действий против Франции, 10 ноября произошел переворот, 20 ноября Павел в письме к Суворову еще раз подтвердил свое решение о выходе из коалиции.

** Несмотря на официальное смещение с поста посланника, Воронцов, сославшись на болезнь, остался в Лондоне и не вернулся в Россию.

В то время когда Россия искала новую внешнеполитическую систему, во Франции первый консул должен был немедленно решить не только острые внутренние проблемы, с чем он блистательно справлялся, но и внешние. Самой главной из них была война с Коалицией. Ведь несмотря на то, что Россия покинула де-факто ряды антифранцузского союза, Англия и Австрия не складывали оружия. Война продолжалась на суше и на море, Италия была потеряна, французские войска изгнаны с Ионических островов, блокированы в Египте, осаждены на Мальте, а границы Республики, несмотря на победы в Голландии и Швейцарии, оставались под угрозой. Франция устала от бесконечной войны, подавляющее большинство французов желали не только прекращения анархии и хаоса, но и мечтали о мире. Мира хотело и большинство простых европейцев — англичан, немцев, итальянцев, голландцев...

Бонапарт чувствовал это общее неодолимое желание и решил сделать шаг, пренебрегающий всеми формальными дипломатическими нормами. 26 декабря 1799 г., едва только придя к власти, он напрямую обратился к английскому королю: «Война уже в течение восьми лет разоряет четыре части света. Неужели она должна быть вечной? Неужели нет никакого способа ее остановить? Как две нации, самые просвещенные в Европе, могущественные и сильные, даже более того, чем нужно для их безопасности и независимости, могут жертвовать во имя пустого тщеславия блага торговли, внутреннего процветания и счастье стольких семейств? Почему мы отказываемся признать, что мир — это первая необходимость для человечества и самая высокая слава...»¹³ Одновременно подобное письмо Бонапарт направил и австрийскому императору. Оно завершалось словами: «Я далек от всякой жажды пустой славы, и моим главным желанием является остановить потоки крови, которые неизбежно прольются на войне»¹⁴.

Ответом на эти послания было презрительное письмо английского министра иностранных дел лорда Гренвиля и концентрация австрийских войск в Италии. Война, увы, была неизбежной. Но, рассчитывая на слабость Франции, союзники забыли, что во главе ее отныне стоял полный энергии и отваги человек, вокруг которого сплотилась вся нация. Наконец, человек, профессией которого, делом, которое он знал лучше, чем кто-либо, была война.

Пока австрийские генералы составляли планы и собирали свои полки, Бонапарт двинулся через Альпы с так называемой Резервной армией и нанёс удар по врагу с тыла. 14 июня 1800 года в битве при Маренго он вдребезги разбил австрийские войска, а уже на следующий день была подписана конвенция, согласно которой австрийцы очищали без боя большую часть Северной Италии. Едва начавшись, война уже закончилась.

Современники были потрясены невиданными успехами молодого героя. Немецкий военный теоретик того времени фон Бюлов написал, что эти события представляют собой «череду чудес, которые являют собой результат действия неведомых, я бы сказал сверхъестественных, сил».

При дворе императора Павла известия о победе Бонапарта вызвали реакцию, которую трудно было бы вообразить еще за полгода до этого: «Новость о победе при Маренго произвела в Петербурге удивительный эффект,— доносил источник министерства иностранных дел Франции.— Павел I не мог сдержать своей радости, не прекращая повторять: „Ну что, видите, какую трепку задали австрийцам с тех пор, как из Италии ушли русские“. Бонапарт стал отныне его героем, и, следовательно, как вы можете догадаться, героем для всего двора — какая необычная перемена!»¹⁵

Подобные настроения открывали дорогу к возможному сближению России и Франции. С другой стороны, победа при Маренго, ещё больше укрепившая власть первого кон-

сула, позволила ему более смело действовать в отношении России. Бонапарт решил, что он может сам сделать первый шаг навстречу недавнему противнику Франции.

18 июля 1800 г. министр иностранных дел Франции Талейран по поручению первого консула направил вице-канцлеру Российской империи графу Никите Петровичу Панину письмо следующего содержания: «Граф, Первый консул Французской республики знал все обстоятельства похода, который предшествовал его возвращению в Европу. Он знает, что англичане и австрийцы обязаны всеми своими успехами содействию русских войск; и, так как он почитает мужество, так как он больше всего стремится выразить свое уважение к храбрым войскам, он поспешил распорядиться, чтобы комиссарам, которым поручен был Англией и Австрией обмен пленных, предложено было включить в этот обмен и русских, находившихся во Франции... Но это предложение, столь естественное и повторенное несколько раз, осталось без успеха. Сами англичане, которые не могут не сознаться, что они обязаны русским и своими первыми успехами в Батавии, и плодами, которые они пожали безраздельно, и своим безопасным отступлением (потому что без русских ни одному англичанину не удалось бы сесть на корабль), англичане, говорю я, имеющие в эту минуту у себя двадцать тысяч пленных французов, не согласились на обмен русских. Пораженный этою несправедливостью и не желая далее удерживать таких храбрых воинов, которых покидают коварные союзники, сперва выдав их, Первый консул приказал, чтобы все русские, находящиеся в плену во Франции, числом около 6 тыс., возвратились в Россию без обмена и со всеми военными почестями. Ради этого случая они будут обмундированы заново, получат новое оружие и свои знамена»¹⁶.

За этим письмом последовало следующее, также подписанное Талейраном, где подчеркивалась решимость французов защищать остров Мальту от англичан, желающих

прибрать его к рукам. Наконец Бонапарт послал в подарок императору Павлу I меч, дарованный папой Львом X одному из магистров Мальтийского ордена.

Рыцарский жест и каждая строка в письмах первого консула были «тонко рассчитаны,— справедливо отмечает известный советский историк А. Манфред,— и неназойливое напоминание о том, что Бонапарт не участвовал в минувшей войне, и стрела, как бы ненароком направленная в Англию и Австрию, и дань уважения, принесенная русским храбрым войскам»¹⁷. Наконец, и сам адресат был выбран умело — хорошо знали, что Панин был горячим англофилом и сторонником коалиции. Разумеется, что, несмотря на формального адресата, письма в конечном итоге оказались на столе императора. Зная характер Павла I, нетрудно догадаться, какое впечатление произвели на него эти смелые, простые и благородные слова и поступки.

Реакция Павла была воистину восторженной. Говорят, что российский император поставил в своём кабинете бюст первого консула, а в одной из записок, направленных в министерство иностранных дел Франции, говорилось: «Русский художник написал картину, изображающую момент, когда Бонапарт устремился на мост у Лоди, чтобы во главе гренадер взять штурмом вражеские батареи... * Императрица купила картину за 600 рублей. Англия выделила значительные суммы, чтобы склонить наш двор остаться в коалиции. Но горе тому, кто осмелится предложить это...»¹⁸

Разумеется, положительная, можно сказать восторженная, реакция Павла была бы невозможна, если бы речь шла исключительно об изысканных жестах со стороны Бонапарта. Результат был столь значительным, потому что демонст-

* Как известно, Бонапарт устремился на штурм Аркольского моста; под Лоди он лишь отдал приказ к атаке, которую непосредственно возглавил Бертье. Ошибся либо художник, либо автор записки.

рации внимания легли на прочную базу сознания близости интересов России и Франции. Неудача «крестового похода» заставила русского императора сменить стержень своей внешней политики: от идеологических соображений перейти на почву геополитики. С другой стороны, необходимость любой ценой остановить революционную войну настоятельно требовала от правящих кругов Франции найти союзника. Только с помощью прочного союза можно было раз и навсегда примирить новую Францию с Европой.

И Бонапарт, и Павел в начале 1800 г. получили на этот счет ряд недвусмысленных соображений от своих ближайших помощников. Даже министр иностранных дел Талейран, который видел в перспективе для Франции возможность и необходимость сближения с Австрией, написал в знаменитой брошюре «Состояние Франции в конце VIII года»*: «Франция, возможно, единственное государство, у которого нет оснований опасаться России. У Франции нет никакой заинтересованности желать ослабления этой страны, никакой причины, чтобы не давать развития ее благосостоянию... Улучшить отношения между Францией и Россией, сделать так, чтобы исчезли даже причины, даже случаи споров, очень просто, и Франция не должна быть ни придирчивой, ни требовательной, все, что она желает, равным образом будет полезно как России, так и ей... Русская империя может получить великолепный союз... Согласие этих государств обеспечит стабильность всего мира»¹⁹. Из пространной аргументации Талейран сделал вывод о приоритетах французской внешней политики. Они должны были быть следующими: «Война до победы и блокада Великобритании до тех пор, пока последняя будет безраздельно господствовать на морях.

* Конец VIII года Республики — начало 1800 г. Брошюра была написана Талейраном, но непосредственная обработка текста принадлежит д'Отриву.

Война с Австрией, чтобы заключить с ней мир, а потом и союз. Договор с Россией, которая должна стать главным и естественным союзником Франции»²⁰.

С другой стороны, подобную же записку (всего лишь через несколько месяцев после того, как Талейран составил свою) подал императору Павлу I министр иностранных дел России граф Ростопчин. Эта записка была внимательно изучена императором и утверждена им 2 (14) октября 1800 г. Прежде всего Ростопчин считал, что Бонапарт желает мира с Россией и другими континентальными державами уже хотя бы потому, что вынужден вести борьбу с Англией: «Нынешний повелитель сей державы (Франции) слишком самолюбив, счастлив в своих предприятиях и неограничен в славе, дабы не желать мира. Им он утвердит себя в начальстве, приобретет признательность утомленного французского народа и всей Европы и употребит покой внутренний на приготовления военные против Англии, которая своею завистью, пронырством и богатством была, есть и пребудет не соперница, но злодей Франции...»²¹

«Так она (Англия)... вооружила попеременно угрозами, хитростью и деньгами все державы против Франции (замечание императора Павла: „И нас, грешных!“) и выпускала их на театр войны единственно для достижения собственной цели...»²²

Выводом Ростопчина была необходимость сближения с Францией и тесное содействие с ней на международной арене.

Император Павел I согласился с выводами своего министра и написал: «Опробуя (утверждая) план ваш, желаю, чтоб вы приступили к исполнению оногo. Дай Бог, чтоб по сему было»²³.

Первым практическим шагом на пути этого сближения стало отправление в Париж уполномоченного, формальной целью которого было обсуждение вопросов, связанных с воз-

вращением русских пленных на родину. На самом деле посланец царя генерал Спренгпортен * должен был подготовить почву для политического сближения России и Франции.

Первый консул, узнав о миссии генерала Спренгпортена во Францию, сделал распоряжение о том, чтобы его встретили повсюду с максимальным почетом. В первом крупном городе Французской республики, через который пролегал путь русского генерала, был приготовлен торжественный прием. В Брюсселе (территория бывших Австрийских Нидерландов в ходе революционных войн попала в руки французов) в честь Спренгпортена был выстроен облаченный в парадную форму гарнизон и грохотали пушки. Дивизионный генерал Кларк со своим адъютантом прискакал галопом из Парижа для того, чтобы засвидетельствовать почтение русскому посланнику. Спренгпортен был просто изумлен неожиданными, чуть ли не царскими почестями.

В своем докладе императору генерал в восторге писал: «Начиная с Брюсселя, мы ничего не платим; ни мне, ни моей свите не дают заплатить ни обола... ** Здесь везде, где мы ни появимся, публика встречает нас даже с рукоплесканиями... Расположение и минута самые благоприятные, притязания самые умеренные, и дело достойно вас и ваших благородных чувств»²⁴.

Посланец царя приехал в столицу Франции 20 декабря 1800 г., буквально тотчас же был принят министром иностранных дел и в тот же день — самим Бонапартом. Собственно говоря, официальная цель визита — выдача рус-

* *Спренгпортен Георг Магнус* (1740—1819) — шведский офицер финского происхождения. Перешёл в 1786 г. на русскую службу, получив звание генерал-майора. При Павле I получил звание генерала от инфантерии. В 1808—1809 гг. был русским генерал-губернатором Финляндии.

** *Обол* — мелкая монета в Древней Греции, иносказательно символ мелочи.

ских пленных — была, можно сказать, забыта. И не потому, что возникли какие-то осложнения, а наоборот, потому, что французское правительство настолько шло навстречу в этом вопросе, что подумало обо всем и было готово сделать все, лишь бы русские остались довольны. В отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Петербурге хранятся документы, посвященные официальной части миссии Спренгпортена. Это редкий пример соглашения между двумя договаривающимися сторонами, где одна из них (французская) берет на себя все обязательства, а другая лишь великодушно на них соглашается.²⁵

Во время беседы с русским посланником Бонапарт восторженно воскликнул: «Ваш монарх и я, мы призваны изменить облик мира!»

На следующий день после встречи со Спренгпортеном Бонапарт написал Павлу восторженное письмо:

«Париж, 30 фримера IX года (9 (21) декабря 1800 г.)

Вчера я встретил с огромным удовольствием генерала Спренгпортена. Я поручил ему передать Вашему Императорскому Величеству, что, как по политическим соображениям, так и из уважения к Вам, я желаю, чтобы две великие нации соединились как можно скорее в прочном союзе.

Напрасно в течение двенадцати месяцев я пытался дать мир и спокойствие Европе, но я не смог это сделать. Еще идет война без всякой необходимости и, как мне кажется, только из-за подстрекательства английского правительства.

Через двадцать четыре часа после того, как Ваше Императорское Величество наделит какое-либо лицо, пользующееся Вашим доверием и знающее Ваши желания, особыми и неограниченными полномочиями, — на суше и на море воцарится спокойствие. Потому что, когда Англия, германский император и другие державы убедятся, что воля и сила наших двух великих наций направлены к одной цели, оружие выпадет у них из

рук, и современное поколение будет благословлять Ваше Императорское Величество за то, что Вы освободили его от ужасов войны и раздоров...

Это твердое, откровенное и честное поведение может не понравиться некоторым кабинетам, но оно вызовет одобрение всех народов и потомства.

Я прошу Ваше Императорское Величество верить чувству особого уважения, которое я к Вам питаю; чувства, выраженные в этом письме, служат тому самым высшим доказательством, какое я могу Вам представить.

Бонапарт» 26

Еще это послание не дошло до Петербурга, как Павел I, словно чувствуя за тысячи километров настроение Бонапарта, даже не дожидаясь вестей из Парижа, написал письмо, поражающее своей ясностью, благородством и идеями, которые опережали свой век. Это послание столь интересно, что его нельзя не привести полностью:

«Петербург, 18 (30) декабря 1800 г.

Господин Первый Консул.

Долг тех, которым Бог вручил власть над народами, думать и заботиться об их благе. Поэтому я хотел бы предложить Вам обсудить способы, с помощью которых мы могли бы прекратить те несчастья, которые уже в течение одиннадцати лет разоряют всю Европу. Я не говорю и не хочу дискутировать ни о правах человека, ни о принципах, которыми руководствуются правительства различных стран. Постараемся вернуть миру спокойствие, в котором он так нуждается и которое, как кажется, является основным законом, диктуемым нам Всевышним. Я готов слушать Вас и беседовать с Вами. Я тем более считаю себя вправе предложить это, так как я был далек от борьбы, и если я участвовал в ней, то только как верный союзник тех, кто, увы, не выполнил своих обяза-

тельство. Вы знаете уже и узнаете еще, что я предлагаю и что я желаю. Но это еще не все. Я предлагаю Вам восстановить вместе со мной всеобщий мир, который, если мы того пожелаем, никто не сможет нарушить. Я думаю, что достаточно сказано, чтобы Вы могли оценить мой образ мысли и мои чувства.

Да хранит Вас Господь.

Павел»²⁷

Интересно, что Бонапарт, также еще не получив ответ Павла, твердо объявил на заседании государственного совета 2 января 1801 г.: «У Франции может быть только один союзник — это Россия». Складывается ощущение, что обе стороны охватило какое-то радостное возбуждение, словно этого давно ждали, и вот оно, наконец, случилось. Два могущественных народа, несмотря на различия в государственном устройстве и идеологии их стран, подали друг другу руки для того, чтобы установить в мире стабильность и спокойствие. С этого момента в течение десяти лет для первого консула, а впоследствии императора самой главной внешнеполитической концепцией будет желание создать франко-русский союз. К этой цели он будет стремиться несмотря ни на какие препятствия.

В тот момент, когда отношения между Францией и Россией, словно по мановению волшебной палочки, из вражды превращались в самую тесную дружбу, со стороны Англии Павел получил удар — настоящую пощечину. В сентябре 1800 г. после долгой и упорной обороны французский гарнизон на острове Мальта капитулировал. Как уже можно было догадаться из происходившего ранее, англичане не вспомнили ни о защите прав и свобод человека, о которых они так пеклись, ни о принципах легитимизма, ни о справедливости. Над островом был поднят британский флаг, и Мальта почти на два века стала одной из главнейших баз английского фло-

та на Средиземноморье. Это была последняя точка, которую можно было поставить в «крестовом походе», когда-то начатом Павлом. Вспомним, что основным побудительным мотивом, во имя которого погибли тысячи русских солдат, было восстановление справедливости и, прежде всего, защита принципов рыцарства и чести, воплощение которых царь видел в Мальтийском ордене. Теперь эти принципы были грубо растоптаны.

Эпизод с Мальтой и пиратские действия английского флота на море послужили детонатором для действий по защите свободы торговли со стороны северных стран. По инициативе Павла был образован союз государств бассейна Балтийского моря, целью которого было возобновить вооруженный нейтралитет 1780 г. Россия и Швеция подписали в Санкт-Петербурге договор 16 декабря 1800 г. В скором времени к ним присоединились Дания и Пруссия.

Этот союз получил впоследствии название Лига Северных стран (или Вторая лига нейтральных государств). Главными положениями статей союзного договора было требование о том, что нейтральные суда могли беспрепятственно плавать во всех морях, что мирный груз, шедший под нейтральным флагом, не подлежал захвату (причем все морские припасы считались мирным грузом), а порт признавался находящимся в состоянии блокады только в том случае, если он действительно был окружен боевыми кораблями. Наконец, главное положение декларации о вооруженном нейтралитете состояло в том, что коммерческие суда нейтральных стран, следующие под конвоем военных, не подлежали ни в коем случае осмотру со стороны боевых кораблей воюющих держав.

В это же время, в конце ноября 1800 г., австрийцы разорвали перемирие, заключенное летом в Италии на Рейне, и снова перешли в наступление. На этот раз мощный контрудар нанесла Рейнская армия. 3 декабря 1800 г. войска под командованием генерала Моро разгромили австрийцев в

битве под Гогенлинденом. Начались франко-австрийские переговоры о мире.

В тот момент, когда брат первого консула Жозеф Бонапарт и граф Кобенцель, австрийский уполномоченный, отчаянно дискутировали в Люневиле условия мирного соглашения, в Париж пришло письмо, написанное Павлом 18 (30) декабря 1800 г. (см. выше). В восторге Наполеон отправил своему брату послание: «Вчера прибыл из России курьер, проделавший путь за пятнадцать дней; он мне привез исключительно дружественное письмо императора (*Павла*), написанное им собственноручно: Россия имеет крайне враждебные намерения против Англии. Вам легко понять, что не в наших интересах спешить, так как мир с (*австрийским*) императором — ничто в сравнении с действиями, которые сокрушат Англию и сохранят нам Египет»²⁸.

Жозефу и не надо было спешить. Австрийцы уже знали о том, что между первым консулом и царем завязывается настоящая дружба. Кобенцель написал своему правительству в эти дни: «Это сближение с северными дворами, в особенности же с Россией, стало их коньком; они выставляют его на каждом шагу»²⁹. Теперь австрийские уполномоченные поняли, что у них нет никаких оснований затягивать переговоры. 12 февраля 1801 г. в Париже загремели пушки, возвестившие о подписании мира между Францией и Австрией*. В этот день парижане веселились на карнавале. Новость о подписании мира вызвала взрыв радости в праздничной толпе.

Свидетель этих событий пишет: «Тогда народ в каком-то безумном восторге хлынул внезапно... в сад Тюильри с иступленными криками: „Да здравствует первый консул!“ и принялся танцевать под окнами дворца»³⁰. Праздники по поводу заключения мира продолжались целый месяц: са-

* Люневильский мирный договор был подписан 9 февраля 1801 г.

люты и народные гуляния, официальные церемонии и приемы следовали один за другим. «Какой великолепный мир! Какое начало века! И какая мудрость, соединенная с умеренным применением могущества и силы!» — так выразила газета «Журнал де Деба» мнения французов по поводу происходящих событий.

Никогда, наверное, глава французского правительства не находился в такой радостной эйфории, которую разделял его народ. Кажется, все самые несбыточные мечты были реализованы всего лишь за год и два месяца его правления! Внутри страны воцарились спокойствие и порядок, война на континенте была выиграна, а на море французские, голландские, испанские, русские, шведские, датские и немецкие моряки готовили свои корабли к решительному бою с англичанами.

Наконец, в марте 1801 г. во Францию прибыл российский посол с многочисленной свитой. Этим послом был граф Степан Алексеевич Колычев, 54-летний вельможа, хорошо известный при дворе Екатерины и Павла. Трудно себе вообразить те приготовления, которые были сделаны для встречи высокого гостя. Первый консул буквально засыпал письмами префектов департаментов, через которые должен был проезжать русский посол. На границу выехал начальник штаба консульской гвардии, один из ближайших соратников Бонапарта генерал Кафарелли, чтобы организовать торжества в честь посланника.

Пока посол неторопливо приближался к столице Франции, первый консул и российский император готовили один из самых грандиозных проектов — поход в Индию. Конкретный план похода появился, очевидно, в первые месяцы 1801 г. В далекую экспедицию предполагалось направить 70-тысячную армию, половину которой (35 тысяч) выделяла Россия, другую половину — Франция. Французские войска под командованием уже известного нам выдающегося полковод-

ца генерала Андре Массена должны были спуститься на транспортных судах по Дунаю, затем пересечь Черное море и через Таганрог и Царицын дойти до Астрахани. Русская армия должна была быть собрана в Астрахани ранее и, следуя в авангарде, добраться до Астрабада (современный Горган) и дожидаться подхода союзников.

Подобно Египетской экспедиции Бонапарта, поход в Индию должен был стать не только военным, но и научным. План предполагал следующее: «Избранное общество ученых и всякого рода артистов должно принять участие в этой славной экспедиции. Правительство поручит им карты и планы, какие только есть о странах, через которые должна проходить союзная армия, а также наиболее уважаемые записки и сочинения, посвященные описанию тех краев»³¹. Подобно тому, как это было в Египетском походе, армию должен был сопровождать «отряд воздухоплавателей», в задачу которых входило изготовление воздушных шаров, с целью произвести впечатление на «невежественные» народы. Наконец, с войсками предполагалось отправить даже «фейерверочных мастеров», а в Астрабаде устроить блистательные празднества и парады «для внушения жителям тех стран самого высокого понятия о России и Франции».

В качестве авангарда этого похода Павел решил двинуть в Индию донских казаков. 12 (24) января 1801 г. он направил атаману Войска Донского Орлову I рескрипт с предписанием немедленно собрать казачьи полки и двинуть их к Оренбургу, а оттуда прямым путем «на реку Индус и на заведения английския, по ней лежащая»³². Орлов собрал 22,5 тысячи казаков с 12 пушками и 12 единорогами и выступил 27 февраля (11 марта) на Оренбург.

Согласно расчетам Бонапарта, русские и французские войска должны были дойти от Астрахани до берегов Инда за два месяца. Вполне осознавая трудности похода, он, тем не менее, заключал: «Армии русские и французские жаждут

славы; они храбры, терпеливы, неутомимы в храбрости, и благоразумие и настойчивость начальников победят все какие бы ни было препятствия»³³.

Так, в первые месяцы 1801 г. де-факто сложился первый в истории Европы русско-французский союз. Он не был еще оформлен ни одним официально принятым в дипломатической практике документом. Но нет никаких сомнений, что с обеих сторон существовала твердая воля к сближению.

Совершенно ясно отдавая себе отчет в том, что выгоды русско-французского союза в значительной степени уравновешивались для России неудобствами, нельзя не признать, что война с Францией была для нее еще более абсурдной и ненужной.

Заслуга Павла состоит в том, что он, признав ошибочность «крестового похода», нашел силы признаться в этом и протянуть руку дружбы стране, которая разительно отличалась по своему устройству от Российской империи. Прирожденный консерватор, ярый приверженец теории абсолютной монархии, Павел, тем не менее, сумел сделать то, о чем вряд ли могла подумать Екатерина, и то, что не смог впоследствии сделать Александр.

Увы, этому союзу не суждено было пройти проверку временем. Незадолго до описываемых событий, в конце 1800 г. в среде высшего российского дворянства созрел заговор против императора. Во главе этого заговора стоял известный государственный деятель генерал-губернатор Петербурга, граф Петр Алексеевич Пален, а его ближайшим помощником был граф Никита Петрович Панин, вице-президент Коллегии иностранных дел (говоря современным языком — заместитель министра иностранных дел). Активными участниками заговора были Платон Зубов, последний фаворит Екатерины II, и его брат Николай. Причина возникновения заговора вполне ясна — недовольство и раздражение высшего дворянства действиями императора. Не всем нравилось наведение

порядка в государстве и борьба с коррупцией, требовательность гражданской службы и строгая дисциплина в армии. Наконец, непоследнюю роль сыграла неуверенность знати в завтрашнем дне. И действительно, отмечая великодушие, честность и самые благие намерения Павла, нельзя не признать, что работать с таким «руководителем» было крайне трудно. Да, Павел не был безумцем, но его раздражительность, вспыльчивость, скоропалительные решения очень пугали знать. Своими необдуманными действиями он к концу 1800 г. оттолкнул от себя даже тех, кто потенциально мог бы быть его сторонником. Преданные и исполнительные люди часто попадали в опалу из-за пустяков.

Полковник конногвардейцев Саблуков, автор прекраснейших в своей точности и честности записок о времени Павла I, так охарактеризовал императора: «...Это был человек в душе вполне доброжелательный, великодушный, готовый прощать обиды, повиниться в своих ошибках. Он высоко ценил правду, ненавидел ложь и обман, заботился о правосудии и беспощадно преследовал всякие злоупотребления, в особенности же лихоимство и взяточничество». Но мемуарист тотчас же добавляет, что все эти высокие качества сводились на нет из-за «...несдержанности, чрезвычайной раздражительности, неразумной и нетерпеливой требовательности беспрекословного повиновения»³⁴. Неустойчивость положения любого человека на государственной службе в то время прекрасно характеризуют несколько строк Саблукова, который вспоминал: «...У нас вошло в обычай, будучи в карауле, класть за пазуху несколько сот рублей ассигнациями, дабы не остаться без денег в случае внезапной ссылки»³⁵. Конечно, при такой ситуации было бы сложно ожидать, что рано или поздно не возникнет нечто большее, чем простое недовольство.

Тем не менее ропот знати, вполне возможно, остался бы лишь пустыми разговорами, если бы не помощь «доброже-

лателей». Для того чтобы недовольство превратилось в нечто осязаемое, требовалась организационная сила и материальные средства. Этой силой явился английский посол Уитворт. Уже старые историки говорили об его участии в заговоре. Так, известный русский дореволюционный историк Валишевский считал, что Англия, вероятно, субсидировала заговорщиков.³⁶

Современные исследования окончательно поставили точку в этом вопросе. Английский историк Элизабет Спэрроу выпустила в свет большой научный труд «*Secret Service: British agents in France 1792—1815*», посвященный деятельности английской разведки в конце XVIII—XIX веке. Работа написана на основе изучения огромного количества неизвестных ранее архивных документов, и она не оставляет сомнения в причастности британских спецслужб к организации заговора против Павла I.³⁷ Английские агенты и английские деньги помогли подготовить государственный переворот в России.

Смутные, туманные предчувствия надвигающейся грозы терзали Павла. Саблуков рассказывает, что за несколько дней до выступления заговорщиков во время конной прогулки Павел вдруг остановил свою лошадь и, обернувшись

Б. Патерсен. Вид Михайловского замка, 1801 г.

к обер-шталмейстеру Муханову, сказал взволнованным голосом: «Мне показалось, что я задыхаюсь, и у меня не хватает воздуха, чтобы дышать. Я чувствовал, что умираю... Разве они хотят задушить меня?»³⁸ Без сомнения, какая-то неопределенная информация о заговоре дошла до Павла, но никаких деталей он не знал. Император оказался поистине в изоляции. И хотя в первые дни марта по Петербургу поползли слухи о заговоре, Павел оставался в неведении.

Граф де Санглен рассказывает, что вечером 11 (23) марта, когда он проезжал по Невскому проспекту, извозчик повернулся к нему и сказал:

— Правда ли, сударь, что император нынешней ночью умрет? Какой грех!

— Что ты, с ума сошел? — воскликнул в ответ Санглен.

— Помилуйте, сударь, у нас на Бирже только и твердят: конец.³⁹

Если это правда, то извозчик оказался информирован лучше, чем император, который, несмотря на странную нервную атмосферу в его резиденции в Михайловском замке, вечером 11 марта так и не предпринял никаких шагов для своего спасения. Около полуночи в замок проникли две группы заговорщиков: одна — ведомая графом Паленом, другая — генералом Беннигсенем. В карауле стоял 3-й батальон Семеновского полка, большая часть офицеров которого состояла в заговоре. Кроме того, высокое звание Палена и его большие полномочия позволили заговорщикам беспрепятственно войти во дворец. В то время, пока граф Пален и сопровождающие его офицеры отвлекали внимание основных караулов, «ударная» группа, ведомая Беннигсенем (10—12 человек), зарубив камердинера Аргамачева, ворвалась в спальню императора.

То, что дальше последовало, описано во многих источниках и разобрано в сотнях исследований по эпохе Павла I; впрочем, всех подробностей, наверно, установить невоз-

можно. Показания участников событий сбивчивы. К тому же практически все «герои» переворота были пьяны и вряд ли, даже спустя несколько минут, могли связно объяснить, что же произошло в действительности.

Так или иначе, Павлу пытались подsunуть на подпись какую-то бумагу, по всей видимости акт об отречении. Естественно, что император категорически отказался её подписывать. Тогда после «оживленной дискуссии» Николай Зубов ударил Павла в левый висок каким-то тяжелым предметом (показания свидетелей на этот счет расходятся: кто-то говорит о массивной золотой табакерке, кто-то о мраморном предмете, кто-то о пистолете). Император, обливаясь кровью, упал, тогда заговорщики повалили его на пол и задушили, судя по всему, офицерским шарфом офицера гвардии Скарятинна. Затем озверевшие от вида крови пьяные заговорщики набросились на убитого императора и принялись глумиться над мертвым телом...

«Крики „Павел более не существует!“ — рассказывает в своих мемуарах граф Чарторыйский, — распространяются среди других заговорщиков, пришедших позже, которые, не стесняясь, громко высказывают свою радость, позабыв о всяком чувстве приличия и человеческого достоинства. Они толпами ходят по коридорам и залам дворца, громко рассказывают друг другу о своих, если так можно выразиться, подвигах, и многие проникают в винные погреба, продолжая оргию, начатую в доме Зубовых»⁴⁰.

Утром 12 (24) марта дворянский Санкт-Петербург ликовавал. Улицы наполнились повесами, одетыми во все запрещенные регламентами Павла новомодные наряды, «круглые шляпы и сапоги с отворотами наполнили улицы, а какой-то подвыпивший гусарский офицер гарцевал на коне по тротуару с криком „Теперь все можно!“». Что же касается солдатской массы, она восприняла известие о гибели императора с угрюмым молчанием. «Строгости и ярость императора Павла

били обычно по чиновникам, по генералам и по старшим офицерам. Чем более высок был чин, тем больше была опасность подвергнуться наказанию, и редко строгости касались солдат. Наоборот, в качестве награды за парад или смотр они получали щедрые раздачи хлеба, мяса, водки и денег... Солдатам нравилось видеть, как император, их знаток и ценитель, обрушивал наказания и строгости на офицеров»⁴¹.

Собранный рано утром на плацу лейб-гвардии Конный полк отказался присягать новому царю, Александру, не убедившись в смерти Павла. Пришлось привести группу солдат во дворец, и корнет Филянтьев заявил хозяйничавшему там Беннигсену, что солдатам необходимо показать покойника. «Но это невозможно! Он весь обезображен, поломан, и сейчас занимаются тем, что его подкрашивают и приводят в благопристойный вид», — ответил генерал по-французски. Но так как корнет настаивал, Беннигсен раздраженно сказал: «Черт с ним. Раз уж они так к нему привязаны, пускай на него посмотрят». Когда солдаты вернулись к полку, полковник спросил правофлангового Григория Иванова:

— Что же, братец, видел ты Государя? Действительно он умер?

— Так точно, ваше высокоблагородие, **крепко умер!**

— Присягнешь ли ты теперь Александру?

— Точно так... хотя лучше покойного ему не быть...

А впрочем, все одно: кто ни поп — тот батька.⁴²

Так закончилось это необычное противоречивое и в то же время удивительное царствование. Но нас интересуют, прежде всего, не подробности заговора, а его политические последствия. Для того чтобы их понять, нужно, в частности, четко представить себе ту роль, которую сыграл сын Павла, великий князь Александр в трагических событиях ночи 11—12 марта 1801 г.

Распространено убеждение, что Александр I кое-что знал о заговоре, но даже и вообразить не мог, что его орга-

низаторы осмелятся совершить столь ужасное злодеяние. Он-де наивно воображал, что его папа спокойно подпишет отречение от престола и заживёт тихо и мирно где-нибудь в уютном дворце, а он, Александр, назначенный регентом, будет управлять государством, дабы спасти Россию от деспотизма безумца.

Но если бы Александр твердо и ясно выразил свою волю и пояснил заговорщикам, что в случае гибели отца он строго с них спросит, неужели кто-то осмелился бы поднять руку на императора! Нет сомнений, что в подобной ситуации Александр не только мог, но и просто был бы обязан устроить суд над заговорщиками и жестоко покарать убийц. Но ничего и отдаленно подобного сделано не было. Пожалуй, лучше всего в косвенной, но, тем не менее, вполне ясной форме продемонстрировал отношение Александра к заговору эпизод с главным заговорщиком графом Паленом. Узнав о произошедшем, Александр зарыдал или стал изображать судорожные рыдания, а граф Пален строгим тоном прервал его слезы: «Перестаньте ребячиться. Ступайте царствовать».

В этом резком ответе Палена и в рыданиях Александра целый спектакль. Проливая слезы, Александр публично изображал, что совершенно непричастен к злодеянию, что во всем виноваты негодяи и, в частности, стоявший перед ним граф Пален. Строгий ответ генерал-губернатора Петербурга предназначался не столько Александру, сколько другим свидетелям этой сцены, и был призван намекнуть новому императору, что тот вовсе не так чист, как пытался изобразить, проливая слезы.

Нужно сказать, что Пален не особенно скрывал свои намерения. В обращении к заговорщикам, которые спрашивали у него, что нужно сделать с императором, он недвусмысленно заметил: «Напоминаю, господа, чтобы съесть яичницу, нужно сначала разбить яйца». Невозможно предположить, чтобы такой искушенный в интригах и жестоко-

сти политической борьбы человек, как Александр, мог наивно воображать, что его прямолинейный и вспыльчивый отец подпишет бумажку, которую протянут ему пьяные офицеры, вломившиеся в его спальню. И еще меньше — представить себе, каким образом и на каких основаниях Павел будет в дальнейшем изолирован от политической жизни. Декабрист Никита Муравьев, у которого не было особых причин льстить ни одному, ни другому царю, жестко и однозначно написал по этому поводу: «В 1801 г. **заговор под руководством Александра** лишает Павла престола и жизни без пользы для России»⁴³.

Таким образом, есть все основания ясно и четко сказать, пусть и с некоторыми оговорками, что император Александр I вступил на престол в результате вполне сознательно совершенного отцеубийства. Участие в этом ужасном преступлении не только станет жестоким проклятьем, словно тяготеющим над личной жизнью царя, но и окажет влияние на политические события и, прежде всего, на отношения с первым консулом, а потом и императором Франции.

Известие о гибели Павла I. пришло в Париж 12 апреля 1801 г. Прусский посол в Париже написал в этот день: «Новость о смерти императора Павла была словно ударом грома для Бонапарта. Получив это известие от господина Талейрана, он издал крик отчаяния и тотчас же стал говорить, что эта смерть не была естественной, и что удар пришел со стороны Англии»⁴⁴. Первый консул, на которого совсем недавно совершили покушение оплачиваемые английскими спецслужбами роялисты (3 нивоза IX года, 24 декабря 1800 г.), сказал с горечью: «Они промахнулись по мне 3 нивоза, но они попали в меня в Санкт-Петербурге».

Одновременно англичане нанесли удар и в другой точке Европы. На Балтику двинулась огромная английская эскадра из 18 линейных кораблей и 35 фрегатов, бригов и корветов под командованием адмирала сэра Гайд-Паркера.

Авангардом эскадры командовал Нельсон. В задачу эскадры входил разгром датского флота и бомбардировка Копенгагена, чтобы добиться выхода Дании из Лиги северных стран. Затем эскадра должна была уничтожить русский флот, стоящий в Ревеле (Таллине), прежде чем ломка льда позволит ему соединиться с главной эскадрой в Кронштадте. После этого предполагалось сделать то же самое и со шведским флотом.

Вопреки инструкциям, Нельсон стремился атаковать, прежде всего, русских. «Я смотрю на Северную лигу, как на дерево, в котором Павел составляет ствол,— заявлял Нельсон,— а шведы и датчане — ветви. Если мне удастся добраться до ствола и срубить его, то ветви отпадут сами собою; но я могу испортить ветви и все-таки не быть в состоянии срубить дерево, и при этом мои силы... будут уже ослаблены в момент, когда понадобится наибольшее напряжение их... Получить возможность истребить русский флот — вот моя цель»⁴⁵.

Однако старший по должности Гайд-Паркер принял решение строго выполнять инструкцию. 2 апреля 1801 г. британский флот атаковал датские корабли на рейде Копенгагена, потопил и расстрелял их из пушек, а затем открыл ураганный огонь по городу. В столице были разрушены сотни домов и погибли сотни людей. Датчане вынуждены были вступить в переговоры, сдать свои морские арсеналы британскому флоту и выйти из Лиги северных стран. Нельсон рвался дальше, чтобы реализовать свою главную идею — сжечь русский флот. «Моей заветной целью,— сказал он,— было достижение Ревеля прежде, чем таяние льда сделает Кронштадт свободным, чтобы успеть уничтожить... (там) двенадцать линейных кораблей»⁴⁶.

Но громить линейные корабли в Ревеле Нельсону не потребовалось. Лига северных стран прекратила свое существование вместе с гибелью императора. «Павел I умер в ночь

с 24 на 25 марта *, — писала в апреле официальная французская газета „Монитор“, — английская эскадра прошла Зунд ** 31 марта. История расскажет нам, какая связь может существовать между двумя этими событиями» 47.

Теперь история может ответить на этот вопрос уверенно — связь между этими двумя событиями была самой прямой. Если в Копенгагене был нанесен удар по «ветвям» Северной лиги, то в Петербурге был срублен сам «ствол». Конечно, необходимо еще раз повторить, что было бы смешно приписывать случившееся в Петербурге исключительно деятельности английских спецслужб, но нельзя не отметить, однако, что заговорщики действовали в согласии и при поддержке державы, для которой сближение России и Франции было как кость в горле. Ночью с 11 на 12 (23—24) марта в Михайловском замке был убит не только император Павел, но и русско-французский союз.

* Дата дана ошибочно в связи с ее неправильным переводом с одного стиля на другой.

** Зунд — пролив, который отделяет Данию от Швеции. Английская эскадра, пройдя Зунд, вышла к Копенгагену.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Voltaire, *Correspondance*, t. 10 (octobre 1769 — juin 1772). Paris, 1986.
2. *Histoire des relations internationales sous la direction de P. Renouvin*. Т. 4; Fugier A. *La Révolution française et l'Empire napoléonien*. Paris, 1954, p. 19.
3. *Русский архив*, 1878, № 10, с. 219.
4. Суворов А. В. *Письма*. М., 1986, с. 311—312.
5. Милютин Д. А. *История войны России с Францией в царствование Павла I в 1799 году*. СПб, 1852—1853, т. 1, с. 18.
6. *Рукописный отдел РНБ, Ф 73 № 275 Langeron. Journal des campagnes faites au service de la Russie, 1790—1796*, t. 1, p. 140—141.
7. Цит. по: Милютин Д. А. *Указ. соч.*, т. 1, с. 10.
8. Милютин Д. А. *Указ. соч.*, т. 2, с. 340.
9. Там же, с. 345.
10. Thiébault В.-Р.-С.-Н. *Mémoires du general baron Thiébault*. Paris, 1893—1895, t. 3, p. 56—57.
11. *Journal de P.-L. Roederer in Napoléon Bonaparte, l'ouvre et l'Histoire*. IV. Napoléon vu et jugé par ses collaborateurs. Paris, 1971, p. 129.
12. Czartoryski А.-J. *Mémoires du prince Czartoryski et correspondance avec l'Empereur Alexandre Ier*. Paris, 1887, p. 301—302, 365.
13. *Correspondance de Napoléon Ier publiée par l'ordre de l'Empereur Napoléon III*. Paris, 1858—1870, t. 6, p. 36.
14. *Ibid*, t. 6, p. 37.

15. Archives Nationales. AF, 1696.
16. Сборник Российского исторического общества, т. 70, с. 1—2.
17. Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1986, с. 310.
18. Archives Nationales. AF, 1696.
19. Ropiatowski M. Op. cit., p. 127—128.
20. Ibid, p. 131.
21. Записка графа Ростопчина Ф. В. // Русский Архив, 1878, т. 1, с. 104.
22. Там же, с. 106.
23. Там же, с. 110.
24. Сборник РИО, т. 70, с. XXV—XXVI.
25. Рукописный отдел РНБ.
26. Сборник РИО, т. 70, с. 24—25.
27. Там же, с. 27—28.
28. Correspondance de Napoléon... t. 6, p. 585.
29. Сборник РИО, т. 70, с. XXXII.
30. Souvenirs d'un historien de Napoléon. Mémorial de J. de Norvins. P., 1896, t. 2, p. 278.
31. Там же, с. 27.
32. Письма императора Павла к атаману Донского Войска генералу от кавалерии Орлову 1-му // Русская старина, 1872, т. 7, № 9, с. 409.
33. Проект сухопутной экспедиции в Индию. СПб, с. 34—35.
34. Саблуков Н. А. Записки Н. А. Саблукова о временах императора Павла I и о кончине этого государя. СПб, 1907.
35. Там же, с. 32.
36. Валишевский К. Сын Великой Екатерины. СПб., 1914, с. 554.
37. Sparrow E. Secret Services: British agents in France 1792—1815. Suffolk. Secret Service, Assassination of Paul I, 1999, p. 223—240.
38. Записки Н. А. Саблукова, с. 58.
39. Цит. по Эйдельман Н. Я. Указ. соч., с. 275.
40. Czartoryski A.-J. Op. cit., p. 350.

41. Czartoryski A.-J. Op. cit., p. 251.
42. Записки Н. А. Саблукова, с. 68.
43. Полярная звезда, кн. V. с. 73.
44. Цит. по: Talleyrand et le Consulat, p. 529.
45. Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на французскую революцию и империю. М.; СПб., 2002, т. 2, с.73.
46. Ibid, с. 84.
47. Цит. по: Lentz T. Le Grand Consulat. Paris, 1999. p. 291.

ГЛАВА 2

«Под Австерлицем он бежал...»

Молодой 24-летний царь, пришедший к власти в результате кровавого переворота, являл полную противоположность своему отцу: Павел I был некрасив — юный император, по всеобщему мнению, был красавцем; у Павла была угловатая, неловкая походка — движения его сына были грациозными и изысканными; Павел был несдержан, кричал на людей по поводу и без повода — Александр со всеми говорил любезно и всем улыбался...

Однако различия на этом не кончались. Павел был человеком прямым, честным, великодушным. Он говорил то, что думал, делал, что говорил. Александр I говорил одно, думал другое, а делал третье. Все, кто приближался к нему, единодушно отмечают лукавство, неискренность, фальшь и лицемерие этого человека. Причина подобного характера, быть может, в том, что будущему царю с детства пришлось лавировать, изворачиваться, «выживать» в непростой обстановке. При дворе его бабки Екатерины ненавидели отца, и Александр вынужден был соглашаться и улыбаться. При маленьком гатчинском дворе не переносили всё, что делала Екатерина, и Александру приходилось делать вид, что он согласен с приближенными Павла I.

Барон М. А. Корф вспоминал по этому поводу: «То в Царском Селе и Петербурге — в шитом кафтане, в шелко-

вых чулках и в башмаках с бантами, нередкий свидетель распашных бесед Екатерины с Зубовым, сидевшим возле нее в халате, то в Гатчине и Павловске — в солдатском мундире, в ботфортах, в жестких перчатках, с ружьем, со строгой военной выправкой... юноша рано и скоро выучился являться с равным приличием и ловкостью в обеих масках»¹. Очень рано он познал ложь, обман и грязную закулисную изнанку политической жизни.

К моменту своего прихода к власти у молодого царя не было никаких последовательных убеждений, никакой ясной политической программы. Нужно отметить также, что Александр терпеть не мог долгую, упорную работу. За свою жизнь он так и не прочитал до конца ни одной серьезной книги. Зато он был не по годам умудрен опытом интриг. Пожалуй, никто не охарактеризовал Александра лучше, чем шведский посол Лагербельке: «В политике Александр тонок, как острие булавки, остер, как лезвие бритвы, и лжив, как пена морская»².

Первым желанием царя было, как это часто случается при воцарении нового монарха, разом изменить всю страну. В этом желании Александру помогали его так называемые «молодые друзья». Едва придя к власти, он собрал вокруг себя своих любимцев. Это были Павел Строганов, Виктор Кочубей, Николай Новосильцев и Адам Чарторыйский. Все эти люди, несмотря на свою молодость, были старше Александра*. Все они отличались поверхностно-либеральными убеждениями, все восхищались английской конституцией, были неопытны в политике и знали о России в основном из книг. Например, Павел Строганов провел свою молодость во Франции, а его воспитателем был настоящий якобинец Ромм. При этом «он являл собой забавную смесь энциклопе-

* В 1801 г. Строганову было 29 лет, Кочубею — 33, Новосильцеву — 40, Чарторыйскому — 31.

диета с русским боярином, у него был французский ум и французские словечки, зато нравы и привычки русские, огромное состояние и много долгов, обширный дом с элегантной меблировкой, прекрасная картинная галерея, каталог которой он сам составил, и бессчетное количество лакеев, рабов, с которыми хозяин хорошо обращался»³.

Друзья сплотились вокруг Александра в так называемый Негласный комитет, который они сами в шутку прозвали «Комитет общественного спасения». Впрочем, несмотря на такое «страшное» название и то, что придворная аристократия окрестила комитет «якобинской шайкой», его деятельность ограничилась прекраснодушными беседами о судьбах России и будущем мира.

Чем больше друзья обсуждали внутреннее положение страны, тем яснее становилось, что основной источник отсталости России — это крепостное право, и нельзя что-нибудь серьезно изменить, не затронув этого щекотливого предмета. Одновременно было очевидно, что коснуться проблемы крепостничества означало вступить в смертный бой со всем русским дворянством, жившим за счет эксплуатации крепостного труда, перейти из сферы мечтаний в область жесточайшей борьбы. А чем чревато недовольство аристократии, молодой царь уже хорошо понял на примере своего отца. В результате, несмотря на то что первые годы правления Александра I ознаменовались рядом реформ, все эти реформы коснулись не устройства здания империи, а лишь его фасада.

В 1802 г. вместо Петровских коллегий были созданы министерства, которые просуществовали до самого падения Российской империи. В стране были основаны новые университеты, а в 1803 г. вышел Университетский устав, который обеспечил выборность руководства университетов и гарантировал им значительную автономию. Наконец, в 1803 г. был издан знаменитый указ «О вольных хлебопаш-

цах», по которому помещикам разрешалось освобождать крестьян с землей за выкуп. Впрочем, помещики не очень спешили воспользоваться указом. За четверть века правления Александра лишь 47 тысяч «душ» мужского пола (из 15 миллионов!) получают свободу.

Выдающийся русский историк Ключевский весьма метко определил эти действия царя как «конституционные похоти», напоминающие «игру старых бар в свободную любовь со своими крепостными девками». Но однако и эти скромные реформы обеспокоили крепостническую аристократию. В 1803 г. царь вызвал из ссылки печально знаменитого генерала Аракчеева, а Негласный комитет понемногу прекратил свои заседания.

Зато во внешней политике Александр смог развернуться, не особенно рискуя вызвать негодование знати. Уже в 1801 г. многие заседания Негласного комитета были посвящены внешнеполитическим вопросам. И чем дальше, тем больше внешняя политика будет вытеснять из ума царя проблемы внутренние.

Интересно, что направление внешней политики России развернулось на 180 градусов уже в первые часы правления нового императора. Как вспоминал управляющей военной коллегией генерал Ливен, царь вызвал его утром 12 (24) марта и, обняв его за шею, воскликнул в слезах: «Мой отец! Мой бедный отец!» — а потом, вдруг внезапно сменив тон, спросил: «Где казаки?» Ливен все сразу понял и тотчас же направил приказ о возвращении казачьей армии, направленной на Индию, домой...

Так ли произошел этот эпизод или иначе, сказать сложно, но доподлинно известно то, что распоряжение о возвращении казачьих частей генерала Орлова I датировано 12 (24) марта 1801 г. Разумеется, марш казаков на Индию не являлся первой жизненной необходимостью для России. Однако удивляет, что молодой царь, который согласно рассказам многих совре-

менников так сильно переживал случившееся, страдал и рыдал, тем не менее, сразу же вспомнил о стратегических проблемах внешней политики.

Более того, на следующий день, 13 (25) марта, граф Пален отправил послание Семену Воронцову в Лондон, где говорилось: «Господин граф! В связи с кончиной его величества императора Павла I, последовавшей в ночь с 11-го на 12-е от внезапного апоплексического удара, на трон вступил любимец и надежда нации — августейший Александр. По его повелению я имею честь сообщить вашему превосходительству, что петербургский кабинет, вернувшись отныне к своим принципам, некогда снискавшим ему всеобщее доверие Европы, готов сблизиться с сент-джемским кабинетом *, чтобы восстановить между Россией и Великобританией единодушные и доброе согласие, которые всегда характеризовали отношения этих двух империй. Его императорское величество соизволил доверить приятное и важное поручение этого спасительного сближения вашему превосходительству»⁴.

Письмо Воронцову, как и приказ казакам, удивляет не столько содержанием, сколько датировкой. Уже отмечалось, что для России выгоды от войны с Англией не были очевидными. Однако стремительное, безоглядное сближение с Англией также не отвечало ни национальным интересам, ни тем более достоинству Российской империи. О мгновенном развороте политики, произошедшем буквально в день убийства и спустя сутки после него, можно сказать только одно — кто платит, тот и заказывает музыку.

Несмотря на то что Бонапарт был удален от русской столицы на тысячи километров, он мгновенно понял суть происходящего. Как уже отмечалось, он был буквально сражен известием о гибели Павла и на следующий день после его получения принял решение, которое о многом говорит. 13 апре-

* *Сент-Джемский кабинет* — английское правительство.

ля 1801 г. по указу первого консула Пьемонт отныне рассматривался как военный округ республики. Это еще не юридическая аннексия, но фактическое присоединение к Франции. Несмотря на то что французские войска заняли Пьемонт после разгрома армии Меласа при Маренго, несмотря на то что население этой провинции не желало возвращения австрийского владычества, а короля австрийцы сами не пустили на родину, поправ все принципы легитимизма, Бонапарт все-таки оставлял статус Пьемонта под вопросом в связи с недвусмысленными требованиями Павла. Ради союза с ним, ради совместной войны против англичан первый консул был готов рассматривать вопрос о возможном возвращении сардинского короля в свою столицу. Но теперь ситуация изменилась. Бонапарт сразу понял, что убийство Павла не обошлось без добрых советов из Лондона. А значит, о союзе можно забыть и поступать так, как того требуют интересы государства, не оглядываясь на мнения России.

Тем не менее, несмотря на изменение русской политики в отношении Франции, переговоры о заключении мира, начатые при Павле, продолжились. Увы, русский посол Степан Андреевич Колычев оказался не создан для того, чтобы способствовать сближению двух стран. Новая Франция была ему глубоко антипатична. В своём первом же послании своему непосредственному начальнику Растопчину он написал: «Я умоляю вас, ради Бога, господин граф, убрать меня отсюда как можно скорее. Я все вижу в черном цвете и от этого заболел. К тому же, по правде говоря, я чувствую, что моя миссия выше моих сил, и я сомневаюсь в успехе... Я никогда не свикнусь с людьми, которые правят здесь, и никогда не буду им доверять»⁵.

Действительно, переговоры с ним шли настолько туго, что в конечном итоге Бонапарт взорвался: «Невозможно быть более наглым и тупым, чем господин Колычев!»⁶ — написал он своему министру 2 июня 1801 г.

Нужно сказать, что Александр и сам вскоре понял, насколько Кольчев не соответствовал занимаемому месту. И тогда в Париж был отправлен другой дипломат — граф Аркадий Геннадиевич Морков. Практически ровесник Кольчева *, граф Морков был таким же напыщенным, самоуверенным сановником, как и его предшественник. Но особенно удивляет то, что его прошлое вовсе не наталкивало на мысль, что он послужит орудием восстановления взаимопонимания между Францией и Россией. В эпоху Екатерины Морков был ярким сторонником участия России в антифранцузской коалиции. Наконец, Аркадий Иванович, мягко говоря, не блистал приятной внешностью: «Его лицо, отмеченное оспой, постоянно выражало иронию и презрение, его выпученные глаза и рот, кончики которого были всегда опущены, делали его похожим на тигра» ⁷, — вспоминал Чарторыйский, а голландский посол граф Гогендорп написал: «Более некрасивого человека я не встречал в моей жизни».

Но главное не характер и внешность русского посла, а те инструкции, которые вручил ему молодой царь. Эти инструкции поражают своей пространностью. По объёму они сравнимы с главой этой книги и составлены нарочито запутанно и туманно.

Только после очень тщательного прочтения этой бумаги за абракадаброй корректных и ничего не значащих дипломатических фраз можно найти несколько слов, приподымающих завесу над истинными намерениями царя.

В инструкции раз сто повторяются слова «гармония», «согласие», а особенно часто «умеренность». Говорится о том, что нужно установить в Европе прочный мир, наладить хорошие отношения с Францией. Однако нет-нет и в размеренном, ровно текущем тексте вдруг прорываются плохо вяжущиеся с поверхностным содержанием фразы:

* Кольчев родился в 1746 г., Морков — в 1747-м.

«...всякое нарушение обязательств, заключенных с империей, вверенной мне провидением, положит конец системе умеренности, которую я себе предначертал».

Казалось бы, слова вполне логичные. Само собой разумеется, что договоры между странами не могут безнаказанно нарушаться. Однако сказанное относится исключительно к Франции, и именно ей адресована угроза. Александр пишет: «Если Первый Консул французской республики будет продолжать поддерживать и укреплять свою власть путем ссор и смут, которые сотрясают Европу... если он даст увлечь себя потоку революции... война может продолжиться... в этом случае мой уполномоченный во Франции должен будет лишь наблюдать за действиями правительства и развлекать его внимание, пока **обстоятельства, более удобные, не позволят мне прибегнуть к более действенным мерам (!)**».

Практически в эти же дни сходная инструкция была отправлена послу в Берлине Крюденеру. В ней можно найти абсолютно те же обороты, что и в наставлениях Моркову. Например, повторяется фраза «пока обстоятельства, более удобные, не позволят мне прибегнуть к более действенным мерам», «злбный гений революции» и т. д. Упомянув ситуацию в Египте, Александр называет пребывание там французов «гнетом врага». Обратим внимание, не «французским завоеванием», не «республиканским угнетением» или каким-нибудь еще эпитетом, а именно гнетом **врага**.

Наконец, говоря о возможных действиях республиканского правительства, царь твердо заявляет: «Это означает вынудить меня **применить другие меры**, чтобы наложить узду на стремления, несовместимые со спокойствием Европы». Как известно, в межгосударственных отношениях кроме переговоров существует только один вид «других мер» — действия железом и кровью...

Нужно отметить, что инструкции, составленные для посыл, являются персональным произведением Александра.

Все выдает его руку: и стиль, и чувства, точнее, одно чувство — враждебность к наполеоновской Франции.

Откуда эта странная, непонятная ненависть? Во всяком случае, она никак не могла появиться ни как следствие жизненно важных интересов России, ни как результат враждебных действий со стороны Французской республики. В это время ничто не говорило и говорить не могло о каких бы то ни было проектах Бонапарта, направленных против России.

Инструкции французским уполномоченным, рекомендации различным официальным лицам — везде в один голос повторялось одно и то же: Россия — это потенциальный союзник, с ней надо дружить: «Отныне ничто не нарушит отношений между двумя великими народами, у которых столько причин любить друг друга и нет поводов ко взаимному опасению...»⁸ — заявил Бонапарт, выступая 22 ноября 1801 г. с годовым отчетом «О состоянии Республики» перед законодательными учреждениями.

В наших руках есть все документы, которые некогда были совершенно секретными, и в них нет ничего, что выдавало бы какие-либо коварные замыслы Франции нанести вред Российской империи.

Геополитические соображения или вопросы чести и престижа страны никак не могли диктовать Александру враждебность по отношению к Бонапарту и его державе. С другой стороны, республиканские институты, которые еще оставались во Франции, тоже не могли, по идее, вызвать раздражение царя, ведь он постоянно афишировал свои либеральные взгляды. «Александр... меньше всех походил на борца с революционной заразой,— справедливо отмечает выдающийся русский историк Н. И. Ульянов.— Он еще до вступления на престол поражал иностранцев негодующими речами против „деспотизма“ и преклонением перед идеями свободы, закона и справедливости. Конечно, цена его либерализму известна, и вряд ли приходится возражать тем историкам, которые

считали его маской, но такая маска годится для чего угодно, только не для борьбы с революцией. Гораздо вернее, что у него не было никаких принципов и убеждений»⁹. Так что выражение «злой гений революции» в инструкциях послам звучит как-то не очень убедительно, и чувствуется, что оно относится совсем не к революционным идеям.

Интересно отметить, что Александр не был и англофилом. Например, поступки графа Семена Воронцова были ясны, последовательны и исходили из простого принципа — все, что хорошо Англии, должно быть хорошо остальным. Царь, хотя и окруженный многими англофилами, не проявлял лично каких-либо особых восторгов по отношению к туманному Альбиону. Но, как ни странно, на международной арене он стал вести себя так, как будто его главной мечтой было служить интересам Англии.

5 (17) июня 1801 г. между Россией и Англией была заключена конвенция, восстановившая мирные отношения и прежние договоры. Вероятно, в целях поддержания «гармонии» Россия полностью капитулировала в этой конвенции перед всеми английскими требованиями.

В Англии этот договор был встречен с восторгом, а в России — с недоумением. «На скорую руку, худо или хорошо, устроили сделку, в которой чувствовалась поспешность и желание **столкнуться во что бы то ни стало**»¹⁰, — написал об этой конвенции Чарторыйский. Еще более резко о ней высказался известный русский дипломат Павел Дивов: «...каждое (ее) наречение навеки погружало в ничтожество все труды бессмертные Екатерины II»¹¹. Подобное соглашение поистине означало политику «двойных стандартов». То, что не могли ни за что простить Франции, легко прощали англичанам и австрийцам.

Почему же Александр так резко развернул российскую внешнюю политику? Не будучи англофилом, он готов был исполнять повеления из Лондона, не будучи закоренелым

консерватором — сражаться против либеральных принципов. Понимая, что Франция не только не угрожает России, но и ищет с ней союза, Александр действовал так, будто завтра неизбежно должна была начаться война с французами. Единственным объяснением подобного поведения может служить только одно — личная неприязнь к Наполеону Бонапарту.

Конечно, рапорты Колычева, а затем и Моркова не могли пройти бесследно. В них глава Франции и его держава изображались в самых зловещих тонах. Но, возможно, другие события, не имеющие прямого отношения к политическим проблемам, сыграли не меньшую, а быть может, и большую роль в формировании отношения молодого царя к Бонапарту.

Князь Чарторыйский приводит в своих мемуарах следующий эпизод. В самые первые месяцы правления Александра супруга маркграфа Баденского, мать императрицы Елизаветы (или, проще говоря, теща царя), приехала в Санкт-Петербург, чтобы увидеться со своей дочерью. Супруга маркграфа решила на великих примерах показать своему молодому зятю, как надо управлять государством. В качестве основного примера она выбрала первого консула Французской республики и, в частности, отметила, что церемониал во дворце русского императора недостаточно строг, а русскому его двору не хватает блеска и величия. «Она проводила параллель между ним (*Александром*) и первым консулом, который в отличие от него лучше знает людей и, чтобы его уважали, подчинялись и восхищались, окружает себя блеском и не пренебрегает ничем, что могло бы увеличить престиж его правления, без которого никакая власть не может существовать. Маркграфиня, желая пробудить честолюбие своего зятя, советовала ему использовать уроки, которые дает миру такой великий гений. Она хотела, чтобы Александр брал пример с Наполеона и, не поссорившись с ним, стал его конкурентом, чтобы, как пер-

вый консул, он постоянно давал доказательства величия, силы, воли и решимости. Русские, говорила она, нуждаются в этом не меньше французов»¹².

Быть может, именно эти речи незадачливой немецкой родственницы вызвали в сердце Александра жгучую зависть и раздражение по отношению к Бонапарту. А может быть, этот в отдельности взятый эпизод и не особенно сильно повлиял на отношения молодого царя к первому консулу. Зато абсолютно очевидно, что в ту пору в Санкт-петербургском обществе только и говорили, что о Бонапарте. Кто-то его поносил, кто-то отзывался нейтрально, а многие восхищались. Вот что, например, можно было прочитать в книге «История Первого консула Бонапарта со времен его рождения до заключения Люневильского мира», вышедшей в 1802 году в Санкт-Петербурге:

«Но деятельный Гений сей, не токмо посреди войск блистает в полном своем сиянии; но и во время мира рождаются в нем новые силы, и он предпринимает и производит в действие те великие намерения, которые должны сделать счастливыми народы, пресечь все гражданские бедствия, приводящие их в отчаяние...

В недре покоя видим мы его, размышляющего о сих великих и важных предприятиях, которые должны освободить один народ от угнетения другого и восстановить то равновесие властей, без которого общество не что иное есть, как пустое слово...

К пылкой и непоколебимой храбрости присовокупляет он спокойное хладнокровие; к природным великим дарованиям и обширному разуму ту изобретательную хитрость, которую часто употреблял Ганнибал против римлян; к мудрой медленности в размышлении — всю скорость в исполнении; к стремительности юных лет — опытность и зрелость старости; с познаниями война соединяет он познание утонченного политика и добродетель, мудростию путеводимую; к чувствам

человеколюбивого сердца и воздержанию, любовь к славе и отважность победителя. Тщательное воспитание, глубокое познание инженерной науки, обширный театр, который доставила ему Италия для военных его подвигов,— все способствовало к развитию чрезвычайных дарований сего удивления достойного мужа и к показанию Франции, что и она также имеет своего Вашингтона»¹³.

Не исключено, что подобные речи и сочинения не беспокоили меланхоличного императора Австрии Франца II или ограниченного, полностью находящегося под властью своей жены прусского короля Фридриха-Вильгельма III. Но самовлюбленного, завистливого и злопамятного царя они в результате, судя по всему, не на шутку разозлили. С первых месяцев его царствования в его речах, бумагах и действиях с очевидностью проступает раздражение, переросшее затем в злобу, в конечном итоге ставшую непримиримой ненавистью к тому, кто был слишком популярен и знаменит.

Может удивить, что в этой ситуации мирный договор с Францией был все-таки подписан. И этому не помешали ни жесткие инструкции Александра, ни огромный нос Моркова. Дело в том, что в это же время начались предварительные переговоры между англичанами и французами. От войны устали не только французы, но и простые англичане. Великобритания была на грани банкротства, государственный долг поднялся до гигантской суммы в 12 миллиардов фунтов стерлингов, цены на предметы первой необходимости взлетели, то там, то сям вспыхивали голодные бунты. Английским правящим кругам любой ценой необходимо было если не заключить настоящий мир, то хотя бы получить временную передышку для того, чтобы потом с новой силой возобновить борьбу.

Разумеется, далекие стратегические планы английского правительства были неизвестны русскому послу, и он, несмотря на свою враждебность по отношению к Бонапарту и

его стране, оказался сговорчивее Колычева. Мирный договор между Россией и Францией был заключен 26 сентября (8 октября) 1801 г. в Париже. Согласно его статьям, а также пунктам тайной конвенции, которая была подписана два дня спустя, Россия признавала территориальные приобретения Франции, а французская сторона высказала принципиальное согласие предоставить сардинскому королю компенсацию за его потерянные владения в Пьемонте. Обе стороны договорились о том, что будут действовать совместно в вопросе территориального возмещения немецким князьям, потерявшим свои владения на левом берегу Рейна.

Несмотря на то что в это время англичане сами вели мирные переговоры с Францией, Александр поспешил оправдаться перед своими англофильски настроенными помощниками и их заморскими покровителями. В письме С. Воронцову от 7 (19) ноября 1801 г. царь пишет: «Я предлагаю вам решить самому, сообщить ли английскому министерству приложенные к настоящему письму акты, заключенные в Париже, полностью или частично (*имеются в виду статьи тайной конвенции*). Я хочу показать тем самым свою откровенность, надеясь, что эти секретные условия не будут разглашены другим. Я также считаю необходимым по этому случаю сообщить вам следующее: я совершенно не желаю вступать с французским правительством в какие-либо совместные действия, и выражение „последующее согласие“, употребленное Талейраном в его переговорах с графом Морковым, может быть разве что употреблено, если дело дойдет до этого, к вопросу о германских делах (*имеется в виду вопрос о компенсации германских князей*)»¹⁴.

Как видно из этого письма и из инструкции послан, Александр с самого начала своего царствования определил для себя приоритеты. Эти приоритеты отнюдь не совпадали с мнением большинства русской элиты. Среди государственных деятелей Российской империи можно было найти

самый широкий спектр мнений по вопросу внешней политики.

Целый ряд влиятельных политиков считал, что Россия должна соблюдать «свободу рук». Сторонником тактики нейтралитета был участник Негласного комитета В. П. Кочубей. Он полагал, что Россия не нуждается ни в одной из европейских держав. Если она будет держаться независимо, они сами станут заискивать перед ней. Таким образом, Россия сможет воздержаться от участия в ненужных ей военных авантюрах. «Россия, — говорил он, — достаточно велика и могущественна по своим размерам, населению и положению; ей нечего бояться с той или другой стороны, лишь бы она оставляла других в покое. Она слишком вмешивалась без всякого повода в дела, которые прямо ее не касались. Ни одно событие не могло произойти в Европе без того, чтобы Россия не обнаружила притязаний принять в нем участие и не начинала вести дорогостоящие и бесполезные войны... Что приносили многочисленному населению России дела Европы и ее войны, вызывавшиеся этими делами? Русские не извлекали из них для себя никакой пользы, а только гибли на полях сражений и с отчаянием в душе поставляли все новых рекрутов, платили все новые налоги»¹⁵. «Мир и улучшение нашего состояния — вот те слова, которые нужно написать золотыми буквами на дверях кабинетов наших государственных деятелей»¹⁶.

Другой влиятельной группой русских политиков были сторонники проанглийской ориентации. К ним относились не только Воронцовы, но также Панин, Строганов и Чарторыйский. Они настаивали на том, что единственно возможным альянсом для России является союз с Англией, и осаждали императора докладами и записками о пользе подобного союза. В своем англофильстве эти люди доходили даже до того, что утверждали, что русский народ изначально не способен к мореплаванию. «У нас никогда не будет торгового

флота...— заявлял Воронцов.— Неспособность наших моряков и капитанов торгового флота такова, что мало кто пожелает нанимать и страховать наши суда по причине больших расходов, чем это требуется для судов других держав» 17. А граф Панин писал следующее: «Борьба, которую Великобритания ведет практически одна сегодня против Франции, имеет цель поставить пределы могуществу, опасному для спокойствия Европы. Ее (Англии) интерес является, таким образом, и интересом нашего двора» 18.

Наконец, существовала еще одна группа русских государственных деятелей, считавших выгодными для России сближение и союз с Францией. К этой группе относились А. Б. Куракин, Ф. В. Ростопчин, Н. П. и С. П. Румянцевы.

В общем же надо отметить, что, несмотря на наличие разных точек зрения на внешнюю политику России, большинство влиятельных лиц империи поддерживало линию независимого курса. «Господствующая партия есть партия национально-русская,— отмечал в 1802 г. баварский поверенный в делах Ольри,— то есть образовавшаяся из людей, которые большею частью думают, что Россия может довольствоваться сама собою и что она должна поддерживать с европейскими великими державами лишь общие отношения, и прежде всего те, которые необходимы для вывоза ее земледельческих продуктов, что она не должна принимать никакого участия в обсуждении волнующих нас вопросов» 19.

В общем, можно сказать, что у Александра была полная свобода выбора внешнеполитического курса. Однако его линия поведения с самого начала была направлена на конфронтацию с Францией. Но в 1802 г. до реального столкновения было ещё очень далеко. В этот момент между Англией и Францией уже давно шли мирные переговоры. И 27 марта 1802 г. представитель Англии лорд Корнуоллис с одной стороны и Жозеф Бонапарт с другой стороны подписали мирный договор в городе Амьен. К договору присоединились

также представители Испании и Голландии. Амьенский договор распространялся также и на Турцию, которая присоединилась к нему особым актом от 13 мая 1802 г.

Согласно статьям мирного договора, Англия обязалась вернуть Франции и ее союзникам — Испании и Голландии — все отнятые у них колонии, за исключением островов Тринидад и Цейлон. Юридически подтверждалась эвакуация французов из Египта, с другой стороны — англичане также обязались уйти оттуда. Наконец, Англия давала обещание вывести свои войска с Мальты и вернуть остров рыцарям Мальтийского ордена. В договоре никак не упоминались территориальные изменения, произошедшие в это время в континентальной Европе (приобретения Франции на левом берегу Рейна и в Италии, создание Итальянской республики). Это оставляло недоговоренность, которую каждый мог в будущем трактовать по-своему. Но в этот момент никто об этом не думал.

«В этот торжественный момент представители (*стран, участвовавших в переговорах*), подписавшие мирный трактат, обнялись друг с другом... Большинство зрителей были растроганы до слез. Они были так счастливы, что их радость выразилась в бурных криках ликования»²⁰ — так писала газета «Журналь де Пари» о моменте подписания мира. Никогда еще, наверное, республика не видела такого радостного подъема, как в эти дни. «Восторженный возглас пронесся по всей Франции, на который словно эхо откликнулась Европа. Мы можем в этот раз полностью доверять рапортам полиции, когда она отмечает „выражение бурной радости“, которые 5 жерминаля (26 марта) проявлялись „на площадях, перекрестках и в театрах“, а особенно „в рабочих предместьях“»²¹.

Радостные чувства по поводу заключения мира охватили и англичан. Уже подписание предварительных условий было встречено здесь выражениями восторга; приезд в Лондон посланца первого консула превратился в триумфальное

шествие. Жители Лондона выпрягли лошадей из кареты генерала Лористона и руками вкатили ее в Уайтхолл под ликующие крики толпы: «Да здравствует Бонапарт!» Вечером весь город был спонтанно иллюминирован. Традиционный английский вензель G. R. (Georgius Rex — король Георг), выложенный светящимися огоньками, в этот вечер перемежался с необычным для англичан R. F. (Republique Francaise — Французская республика).

Люди устают от всего, и от ненависти тоже. Казалось, что в эти дни англичане полюбили народ, с которым сражались целые столетия. От мира все ожидали процветания и благополучия. В английских газетах можно было найти самые благожелательные статьи о Франции и о её первом консуле; лоточники бойко торговали веселым незатейливым лубком, изображающим толстого добряка, раскрывшего объятия для встречи тех, кого он так долго ждал. На картинке было подписано: «Джон Буль радостно встречает своих старых друзей: Белый хлеб, Свежее масло, Крепкое пиво и Ямайский ром».

Талейран с гордостью написал в своих мемуарах: «Можно сказать без малейшего преувеличения, что в момент подписания Амьенского мира Франция получила такой престиж, могущество, славу и влияние, что самый честолюбивый ум не мог бы пожелать большего для своего отечества... Меньше чем в два с половиной года... Франция, выйдя из того ничтожества, до которого довела ее Директория, стала первой державой Европы»²².

Действительно, 1802 г. стал годом великих свершений первого консула. 18 апреля в праздник Пасхи под сводами собора Нотр-Дам был торжественно обнародован Конкордат, соглашение с папой римским, который возвращал во Францию католическую религию, сохраняя при этом свободу совести для всех граждан республики. 26 апреля была объявлена амнистия всем эмигрантам, не запятнавшим себя

преступлениями против отечества, и 150 тысяч человек, которые вынужденно покинули родину в годы революции, получили возможность вернуться домой. Всего лишь тысяча эмигрантов, те, кто командовали контрреволюционными войсками, и те, кто сохраняли свои посты при дворах бежавших принцев, исключались из амнистии.

Один из вернувшихся эмигрантов, перешедший на службу к Наполеону, писал следующее: «Я проехал 60 департаментов (*регионы, на которые делилась Франция*) и поставил себе за цель строжайше проверить всю информацию, все то, чему я так долго не верил. Я получал информацию у префектов, у местных властей, я использовал все возможные контрпроверки, и я вынес из моих поисков лишь одно — что никогда за всю историю Франция не была столь процветающей, лучше управляемой и более счастливой».

В 1801—1803 гг. была проведена кардинальная административная реформа, создавшая современный государственный аппарат. В эти же годы была создана эффективная судебная система. А знаменитый закон от 11 флореаля X года (1 мая 1802 г.) учреждал систему высшего и среднего образования, не потерявшую своего значения вплоть до наших дней.

Никогда еще Франция не видела такого бурного экономического роста, как в эти годы. Все источники отмечают, что именно в 1802 г. начался подъем промышленности, который продолжился и в годы Империи. Если накануне прихода к власти Бонапарта валовой продукт Франции был на 40% меньше такового в 1789 г., к началу эпохи Империи он превзойдет дореволюционный уровень почти на 50%!

Как в самой Франции, так и на вновь присоединенных территориях повсеместно производились обширные строительные работы. Строились новые дороги, каналы, порты. В этом году была начата прокладка дороги через Симплонский перевал в Альпах, открылась новая дорога от Майнца

до Страсбурга, сооружались дороги от Ниццы к Генуе, от Бордо к Байонне и т. д. Особенно интенсивно развивался Париж. Первый консул объявил, что он желает сделать столицу «самым прекрасным городом, который когда-либо существовал». Рапорт полиции от 26 мая 1802 г. сообщал, что «строительные работы ведутся с такой активностью, что едва хватает рабочих»²³. А «Газет де Франс» в те дни писала: «Если судить по многочисленности и активности общественного и частного строительства, которое ведется в столице, можно подумать, что строится новый город»²⁴.

Неудивительно, что свершения Бонапарта вызвали во Франции не просто энтузиазм, а восторженное чувство подъема. Страна, вышедшая из потрясений революции, словно расправила крылья, была полна энергии и веры в будущее. Помнится, как один пожилой француз, знаток наполеоновской эпохи, блистательно резюмировал состояние духа людей того времени: «В эпоху Консульства все французы словно стали молодыми». Герцог де Брольи написал в своих воспоминаниях: «Эти четыре года (*консульства*), подобно десяти годам правления Генриха IV, являют собой самую лучшую, самую благородную часть истории Франции»²⁵.

Вполне закономерно политический авторитет Бонапарта так возрос, что он был провозглашён пожизненным консулом, а 4 августа 1802 г. была принята новая конституция, которая учреждала власть, близкую по своей сути к монархической. Бонапарт отныне был не только пожизненным консулом, но и имел право представить сенату своего преемника.

В отношении с Россией Бонапарт всеми способами стремился показать своё внимание к этой стране и к её монарху. В Петербург был направлен временный посланник, который пробыл в столице до августа 1802 г. Этим человеком был молодой блистательный офицер Арман де Коленкур.

Инструкции, данные посланнику, резко контрастируют с наставлениями, которыми царь снабдил Моркова. Они

очень короткие и сводятся фактически к одной фразе: «...вы постараетесь выразить ему (*Александру*) от имени Первого консула твердое намерение французского правительства культивировать добрую гармонию и дружественные связи, которые счастливо установлены между двумя государствами»²⁶.

В то время как Коленкур всеми силами старался улучшить отношения между Россией и Францией, Морков, казалось, не жалел ничего для того, чтобы отношения царя к Бонапарту переросло в настоящую ненависть. Совершенно непонятно, как посол, попавший в страну, в которой происходили гигантские позитивные сдвиги, не увидел и не услышал ничего, кроме брюзжания старух, вернувшихся из эмиграции. В его донесениях все описано только в черном цвете. «Положение (*Бонапарта*) непрочное. Его власть еще менее надежна после двух лет узурпации, чем в первый день... революция тяготеет всей своей тяжестью, и его положение становится с каждым днем все более тяжелым...»²⁷

В конечном итоге Морков дошёл до того, что сам оплачивал наёмных писак, которые составляли по его заказу памфлеты против Бонапарта и его правительства. Когда полиция арестовала одного из таких авторов, первый консул через своего посла пожаловался Александру.

Как всегда, ответ Александра был словно заключен на различных уровнях — он говорил одно, писал другое, думал третье, а делал четвертое. В разговоре с Коленкуром царь воскликнул: «Я слышал, что некоторые делают глупости. Черт возьми! Если я получу об этом точные сведения, я примерно накажу виновного и не потерплю, чтобы делали гнусности от моего имени»²⁸. Эта фраза была предназначена для благородного и честного офицера, без сомнения, чтобы показать ему, что Александр также прям и честен.

Ответ царя, направленный на имя главы правительства, был несколько иным. Он взял своего посла под защиту:

«...Я не придаю никакого значения тому, что могут делать ничтожные памфлетисты, которые никак не связаны с правительством, потому я и не придал значения обвинениям, которые были возведены на графа Моркова. Этот официальный представитель слишком хорошо знает мое стремление развивать и укреплять полнейшее согласие с Францией, и поэтому невозможно, чтобы он решился потворствовать чему-либо противному интересам и планам его правительства»²⁹.

Наконец, для внутреннего, так сказать, употребления, Александр лишь очень мягко упрекнул своего посла за общение с памфлетистом. Зато буквально за несколько дней до этого выразил ему свое полное доверие и поддержку: «Донесения ваши оправдывают в полной мере доверенность, которую имею я к деятельности и искусству вашему в делах. Ободряя все подвиги ваши (!), нужным почитаю войти здесь в некоторые изъяснения для дальнейшего вашего руководства...»³⁰ Не прекращал царь высказывать доверие Моркову и впоследствии.

В начале 1803 г. отношения между Англией и Францией начинают портиться. И вопрос здесь не в тех или иных действиях конкретных политиков. Бурное развитие французской промышленности, нежелание Бонапарта бесконтрольно допускать на французский рынок английскую продукцию в ущерб отечественному производителю, наконец, французская колониальная экспансия и огромное усиление Франции на континенте — все это не могло не обеспокоить английскую буржуазию. В течение более чем столетия Англия была фактически единственной в мире мощной капиталистической державой. Английские купцы и промышленники привыкли к тому, что у них нет опасных соперников. Английские дешевые и высококачественные товары повсеместно легко подавляли конкуренцию слаборазвитых мануфактур феодально-монархических стран. Так было, в частности, и в России, которая фактически превратилась в сырьевой

придаток для английской индустрии. И вот в Европе появилось большое государство, где глобальные социальные изменения привели к появлению мощной рыночной экономики.

Обычно принято писать, что английское правительство было очень сильно обеспокоено событиями на севере Италии и посредничеством Бонапарта в швейцарских делах *. Это, конечно, так, но не совсем так. На самом деле главной причиной раздражения английских правящих кругов был страх потерять безраздельное экономическое лидерство, потерять свои барыши.

Франция, выйдя из горнила революции, стала столь процветающей и богатой, что это пугало английских банкиров сильнее, чем пушки наполеоновской армии. Британские олигархи больше боялись мира, чем войны. Крокодиловы слезы по поводу независимости Швейцарии или Италии соответствовали действительности не более, чем в наше время демагогия о защите демократии со стороны известного всем государства. Мир приведет Англию к полному разорению — провозглашали сторонники Питта и Кэннинга.

Ясно, что мир в таких условиях не мог быть прочным, и достаточно было одной искры для того, чтобы вызвать взрыв. А таких искр, сыпавшихся со всех сторон на пороховую бочку англо-французских отношений, было предостаточно. В то время как Бонапарт послал в Лондон в качестве

* Из земель, потерянных австрийцами на севере Италии, была образована так называемая Цизальпинская республика. В январе 1802 г. Цизальпинская республика была переименована в Итальянскую республику, а её президентом был избран Наполеон Бонапарт. В сентябре 1802 г. Пьемонт был окончательно присоединён к Франции. Наконец в январе 1803г. между Французской республикой и Швейцарской конфедерацией был подписан так называемый акт о посредничестве. Швейцария сохраняла независимость от Франции, однако её конституция была фактически создана Бонапартом. Наконец Швейцария обязалась выставлять вспомогательный воинский контингент для французской армии.

посла генерала Андреосси, человека покладистого и положительно относящегося к Англии, выбор английского правительства был прямо противоположным.

Первый министр Аддингтон, желая сделать жест в сторону непримиримых тори и подчеркнуть, что, несмотря на заключение мира, он бдителен по отношению к Франции, назначил в качестве посла в Париже небезызвестного нам лорда Уитворта. Уже сам этот выбор заставил Бонапарта изумиться — ведь новый посланник был причастен к организации убийства Павла I! Уитворт был известен в Англии как ярый противник подписания Амьенского договора, а его отвращение по отношению к Франции было, по выражению современников, настоящей «патологией».

Одновременно в прессе развернулась активная антифранцузская кампания. Так, «Morning Post» от 1 февраля 1803 г. описывала события, произошедшие во Франции, как «насильственную узурпацию собственности богатых людей бандитами и висельниками», а самого первого консула как «существо, которое невозможно классифицировать, — полуевропеец-полуафриканец — нечто вроде средиземноморского мулата (!)»³¹.

Особенно усердствовала эмигрантская пресса. Некто Пельтье выпускал в Лондоне газету, в которой осыпал Бонапарта всеми возможными оскорблениями: «жалкий прихвостень Барраса, палач Александрии, изверг Каира, авантюрист, шарлатан, вожак разбойников, узурпатор, убийца, тиран», — а в одном из номеров редактор призывал к физическому устранению главы французского правительства.

В этой накалённой обстановке разгорелся спор вокруг о. Мальта, сыгравший огромную роль в европейской политике. Несмотря на условия Амьенского мира, англичане не спешили уводить с Мальты свои войска.

Тот, кто хоть раз видел остров Мальта, легко может понять, почему британские политики так цеплялись за этот

ключок земли. Во-первых, остров находится в самом центре Средиземного моря и уже по своему географическому положению является идеальным местом для размещения военно-морской базы, которая может держать под контролем средиземноморскую акваторию. Во-вторых, за долгие годы правления мальтийских рыцарей на острове были возведены грандиозные фортификационные сооружения, многие из которых стоят и поныне. Богатый орден позволил себе роскошь вырубить в скалах гигантские бастионы и казематированные батареи, которые фактически делали крепость неприступной. Конечно, при условии нахождения в ней достаточного гарнизона.

Однако у Мальты есть ещё одна специфика. Вглубь острова вдаются просторные, совершенно недоступные для всех штормов бухты, причём их глубина такая, что огромные линейные корабли начала XIX века (с осадкой 7 метров и более) могли подходить прямо к пирсу (!) столицы острова Лаваллетты. Лучшей военно-морской базы невозможно вообразить. Неудивительно, что британским адмиралам совершенно не хотелось уходить с этого удивительного острова.

К началу 1803 г. французы выполнили все условия Амьенского договора. Англичане же уклонялись от вопроса эвакуации Мальты. Именно в этот момент канцлер и министр иностранных дел А. Р. Воронцов направил послание своему брату С. Р. Воронцову, послу России в Лондоне. Последний также получил рескрипт Александра I. Обе эти бумаги подчёркивали сочувствие России к действиям английского правительства. Нужно сказать, что горячий англофил граф Семён Воронцов в своей беседе с британским министром иностранных дел Хоуксбери ещё более усилил и без того проанглийские рекомендации. В результате британский министр сделал вывод, что русские одобряют действия англичан в отношении Мальты и в случае войны поддержат Англию. Отметим, что в данном случае Семён Романович явно

усугубил позицию своего руководства. Крупный специалист по истории русско-английских отношений этого периода А. М. Станиславская справедливо отметила: «Очень двусмысленную роль и на этот раз сыграл С. Р. Воронцов, столь рьяно уговаривавший английское правительство не отдавать Мальту, что даже его англофильствующий брат, канцлер Александр Романович, остался недоволен»³².

В результате на переговорах по вопросу Мальты англичане заняли очень жёсткую позицию, фактически встав на путь провокации. Английский посол начал действовать по принципу, описанному Нельсоном. «Неважно как положить кочергу, — восклицал знаменитый адмирал, — но, если Бонапарт скажет, что ее нужно положить так, мы тотчас должны требовать, чтобы ее положили прямо противоположным образом».

На встрече 13 марта 1803 г. с английским послом Бонапарт воскликнул:

«Значит, вы решились воевать?!»

А потом громко произнес, обращаясь уже ко всем:

«Англичане хотят войны, но, если они первые вынут меч, я последний вложу его в ножны. Они не уважают договоры, теперь их нужно закрыть черным крепмом!»

Затем Бонапарт снова заговорил с Уитвортом и, сдерживая себя, начал с любезности, спросив у посла, где его жена. Уитворт ответил, что она осталась дома с больным ребенком. Тогда первый консул заметил:

«Вы провели здесь довольно плохое время года. Хотелось бы, чтобы вы увидели и хорошее...»

Через миг он вернулся к основной теме и с жаром выпалил:

«Вы, может быть, убьете Францию, но вы ее не запугаете... Нужно уважать договоры. Горе тем, кто не уважает договоры, — они будут ответственны перед всей Европой!»

Наконец, Бонапарт быстрыми шагами покинул зал и почти что прокричал: «Мальта или война!»³³

В апреле 1803 г. Уитворт в ультимативной форме предъявил последние предложения английского правительства. Они были следующими:

1. Англия сохранит за собой Мальту на 10 лет, а затем остров будет передан не ордену, а его жителям.
2. Неаполитанское королевство уступит остров Лампедуза * Англии.
3. Французские войска эвакуируют Голландию.
4. Англия признает аннексию Пьемонта Францией.
5. Англия не будет требовать вывода французских войск из Швейцарии.

В принципе эти предложения были вполне приемлемы для французской стороны, однако они умышленно формулировались таким образом, что подписаться под ними оказалось невозможно. Ответ нужно было дать в течение семи дней, причём ни малейшие замечания и контрпредложения не принимались. Бонапарт готов был согласиться, но, чтобы как-то спасти лицо, он предложил сократить срок пребывания англичан на Мальте.

Вечером 12 мая 1803 г. посол Англии Уитворт покинул Париж. Через четыре дня, 16 мая, Великобритания официально объявила Франции войну. А еще через сутки, в полдень 18-го числа, адмирал Нельсон поднял свой флаг на линейном корабле «Виктори». В этот же день английские военные корабли напали на французские торговые суда неподалеку от мыса Уэссан. Прогрели первые выстрелы пушек великой войны, которой суждено было длиться двенадцать лет.

Правящие круги Англии вступили в войну с энтузиазмом. На заседании палаты лордов 23 мая 1803 г. звучали только возгласы в поддержку войны. «Нужно наказать Францию!» — воскликнул герцог Кларенс, лорд Спенсер декла-

* *Лампедуза* — небольшой остров в Средиземном море неподалеку от Мальты. Принадлежал Неаполитанскому королевству.

рировал: «Без войны нельзя обойтись!» — а лорд Гренвиль, вторя ему, изрек: «Война — это сейчас необходимость».

Беспристрастный анализ ситуации легко мог показать, чего следовало ожидать от этой войны. Так как у англичан не было сухопутных сил, становилось ясно, что они снова всеми силами будут стараться вовлечь в войну против Франции континентальные державы. С другой стороны, было очевидно, что, не имея возможности сойтись с противником в равном бою на море, французы будут стараться расширить сферу своего влияния на суше, получить новые морские базы, корабли и моряков. Иначе говоря, англо-французская война была чревата войной на континенте.

Поддержав амбиции английского правительства, Александр I и Семён Воронцов выпустили джинна из бутылки, и теперь остановить эскалацию конфликта было непросто. Кстати, сам царь прекрасно понимал, что англо-французская война означала вооружённую борьбу по всей Европе. Несколько позднее он написал Фридриху-Вильгельму Прусскому, очень точно оценивая значение этого конфликта: «До тех пор, пока будет продолжаться война между Францией и Англией, не будет спокойствия для всех держав континента»³⁴.

Интересно, как действия русского правительства в эти дни оценивал баварский посланник Ольри. Вот что он написал в письме от 19 апреля (1 мая) 1803 г.: «...Она (*Россия*) одна могла бы твердым и энергическим вмешательством устранить угрозу и изменить положение, чтобы сохранить общественное спокойствие...»³⁵

Как уже упоминалось, англичане начали «боевые действия» с того, что атаковали на морях французские торговые суда. В результате пиратских действий британского военно-морского флота было захвачено 1200 французских и голландских торговых судов и конфисковано товаров на огромную сумму — 200 миллионов франков.

В ответ Бонапарт 22 мая распорядился конфисковать во всех портах английские корабли, запретил покупать и продавать английские товары и приказал арестовать всех англичан, находившихся на территории Французской и Итальянской республик. Генерал Мортье с 13-тысячным корпусом получил приказ занять Ганновер, наследственное владение английских королей на севере Германии.

Через несколько дней ганноверская армия капитулировала, а её солдаты и офицеры были распущены по домам. Одновременно отряды под командованием генерала Сен-Сира заняли порты на юге Апеннинского полуострова*. Хотя первые выстрелы уже прогремели, в июне 1803 г. Бонапарт обратился к русскому императору со смелым предложением: пусть Александр станет судьей во франко-английском споре. Первый консул заявил, что доверяет объективности царя и желает, чтобы его арбитраж был «как можно более неограниченным». Речь, таким образом, шла не о переговорах, а о том, чтоб Александр выступил третьей-ским судьей и сам постановил, кто и на что имеет право. Англия и Франция могли принять этот суд или отказаться от него и продолжить войну.

Однако русский арбитраж решительно отвергла Англия. Интересно, что Семён Воронцов уже настолько отождествлял себя с английскими правящими кругами, что сам мотивировал отказ англичан от лица английского министра иностранных дел. Русский посланник указал, что «он (*Хоуксбери*) не обладает даром выражаться определённо и ясно, а пишет ещё более туманно (!!)*». Поэтому Семён Романович, чтобы было понятнее, написал сам: «...Ни Мальта, ни ка-

* По условиям мирного договора 1801 г. с Неаполитанским королевством французы получили в своё распоряжение два порта на юге Апеннинского полуострова — Бриндизи и Отранто. Подписав Амьенский мир, Бонапарт обязался вывести войска с юга Италии, что и было исполнено.

кой-либо другой отдельный вопрос не могли бы обеспечить этот необходимый всем народам Европы покой... Ввиду обид и величайших оскорблений, которые Бонапарт постоянно наносит королю и английскому народу (!). Иначе говоря, цель войны — не отстоять английскую военную базу, а уничтожить Францию и Бонапарта. «Надо спасти саму Европу от гнетущего ее ярма, которое раздавит ее». А для спасения Европы, как считал Воронцов, нет ничего лучше, чем пушки английских кораблей: «Благоденствие Южной Италии, Средиземноморья и Леванта настоятельно требует присутствия английской эскадры в этом море»³⁸.

Отказ англичан от русского арбитража стал неожиданностью для Петербурга. Не смутившись, однако, этим, царь вместо арбитража предложил посредничество в переговорах между Францией и Англией. Причем, прежде чем начать переговоры, французы должны были вывести свои войска из Ганновера и Южной Италии.

На этот раз взорвался Бонапарт. «Арбитраж мог привести к миру,— написал он своему министру иностранных дел,— потому что речь шла об обращении к справедливому человеку, решение которого можно было принять, не подвергаясь бесчестию. Переговоры же в теперешних обстоятельствах не приведут ни к чему»³⁷.

Одновременно деятельность Моркова и его контакт с роялистами окончательно вывели из себя Бонапарта. «До тех пор, пока мир не был нарушен, в Париже терпели господина Моркова, хотя он действовал так, как будто был англичанином. Тогда это было безопасно. Но теперь, когда идет война... присутствие (в качестве посла) человека, столь отрицательно настроенного по отношению к Франции, является уже не просто предметом, вызывающим раздражение первого консула»³⁸, — писал Талейран в депеше французскому послу в Петербурге, излагая мотивы, по которым Бонапарт просил отзыва графа Моркова.

Если в официальном ответе Александр хотя и был язвитель-
лен, но все же выбирал выражения, то, обращаясь к Морко-
ву, он не видел необходимости сдерживать эмоции. По его
поручению А. Воронцов написал: «Имею честь сообщить
Вашему превосходительству, что Первый консул написал
Его Императорскому Величеству письмо, в котором он по-
требовал Вашего отзыва, и господин Талейран сопроводил
его депешей по этому же поводу... Содержание последнего
письма достойно его автора и представляет собой ужасаю-
щую и глупую ложь... Я сообщаю Вам, господин граф, на-
сколько Его Императорское Величество был шокирован
этими обвинениями, и насколько он уверен в их лживо-
сти...» Со своей стороны в конфиденциальном послании Во-
ронцов также полностью поддержал Моркова: «То, как с Ва-
ми обращались во Франции, не может удивить, ибо от
Первого консула нечего ждать другого, кроме как насилия и
бесстыдства. Все его поступки скорее похожи на поступки
гренадера, который выбился в люди, чем на поведение главы
великой нации»³⁹.

Эти абсурдные дифирамбы бездарному послу и поток ос-
корблений в адрес главы государства, который делал всё для
сближения России и Франции, лучше всего выдают настро-
ения Александра. Но царь не ограничился одними словами.
Отзывая Моркова, он прислал ему в награду бриллиантовую
звезду ордена Св. Андрея Первозванного — высшую награ-
ду Российской империи!

Интересно, что на место Моркова не был назначен но-
вый посол. В Париже остался лишь временный поверенный
в делах Петр Яковлевич Убри. Это было не просто жестом.
За ним стояли важнейшие политические демарши, которые
были предприняты Александром I летом—осенью 1803 г.

Именно с этого времени Александр начинает активные
действия по формированию антифранцузской коалиции. Он
буквально засыпает прусского короля и германского импера-

тора письмами, где предлагает вступить в активный, наступательный союз против Франции и тотчас же начать войну.

Получив уклончивый ответ из Пруссии, Александр 24 сентября (5 октября) 1803 г. написал прусскому королю уже угрожающее письмо: «Разумеется, не мне советовать Вашему Величеству, какое ему принять решение. Однако я не хочу скрывать от него, что с одной стороны я вижу славу, честь и настоящий интерес его короны, с другой... катастрофу всеобщую и Вашу личную... С человеком, который не знает ни умеренности, ни справедливости (*Бонапартом*), нельзя добиться ничего, уступая ему. Есть много обстоятельств в жизни личной и политической, когда спокойствие можно добыть только острием меча»⁴⁰.

Одновременно 6 (18) октября 1803 г. по поручению императора канцлер и министр иностранных дел А. Р. Воронцов написал секретнейшее послание поверенному в делах в Вене И. О. Анштетту. После долгого и как всегда туманного вступления на многих страницах он перешел к делу: «Его Императорское Величество, постаравшись не упустить из виду самое неотложное, пытаясь спасти Северную Германию от угнетающих ее бедствий, желает ныне с полной доверенностью объясниться по этим вопросам с германским императором... Вам поручается начать обсуждение с австрийским министерством настоящего положения дел в Европе. Мы весьма желаем знать, разделяет ли оно наше беспокойство, и какие средства оно считает наиболее верным, как для того, чтобы остановить стремительный поток французской мощи, готовый выйти из берегов, так и для того, чтобы обеспечить общее благо и спокойствие Европы в будущем...»⁴¹ Однако и австрийцы также ответили уклончиво.

Отсутствие результатов первого зондажа австрийской позиции ничуть не обескуражило Александра и его канцлера. 20 декабря 1803 г. (1 января 1804 г.) А. Р. Воронцов написал пространнейшее послание послу Австрии в Санкт-Петербур-

ге графу Стадиону. В этом послании старый канцлер снова живописует картину чудовищной угрозы, которая нависла над Европой и которую глупые австрийцы никак не могут себе уяснить. Нисколько не смущаясь отсутствием логики и противоречием со своим предыдущим демаршем, он уже описывает не ужас вторжения французов на Британские острова, а кошмар, который начнется из-за неизбежной неудачи десанта: «Не подлежит сомнению, что общественное мнение во Франции, которое до сих пор Бонапарту удавалось в целом заставить относиться к нему благосклонно, во многом изменится для него к худшему. Десант в Англию, в подготовке которого он зашел слишком далеко, чтобы не попытаться произвести его, и осуществление которого, как он теперь видит, связано с большими трудностями, не обещает ему никаких вероятных шансов с успехом выйти из критического положения, в котором он находится. Какими средствами может поднять Бонапарт упавший гражданский дух страдающей и обманутой нации? Как успокоит возбуждение ропшущей армии и алчных и недовольных генералов? Из всего, что было сейчас сказано, вытекает, что Первый консул не может долго оставаться в своем теперешнем положении, и что ему остается одно из двух: или скорее заключать мир, или продолжать осуществление своих захватнических планов...»⁴²

В этом пассаже видна не только полная необъективность, но и следы великолепных докладов Аркадия Ивановича Моркова, особенно когда автор говорит о «страдающей обманутой нации... ропшущей армии и алчных и недовольных генералах». Интересно, что канцлер и, естественно, император, обращаясь к австрийцам, проявляют прагматизм, от недостатка которого страдал наивный Павел. Зная, что в Вене небезразличны к красотам Италии, царь и его канцлер, не смущаясь противоречиями с благими намерениями будущей коалиции, походя бросают фразу о том, что в России с пониманием относятся к интересам австрийского двора: «Естест-

венно, что Австрийский дом, будучи тогда вынужденным понести значительные расходы, пожелал бы также со своей стороны извлечь некоторую выгоду из создавшихся обстоятельств и постарался бы обеспечить себе на будущее лучшие границы в Италии (!!)...»⁴³

Письма Александра и Воронцова, обращённые к руководству Пруссии и Германской империи, со всей очевидностью говорят о том, что не вопросы безопасности России волновали русского царя, что речь идёт не о создании какого-то оборонительного союза, вызванного опасными действиями для России со стороны Бонапарта. Речь идёт явно о создании наступательного союза, целью которого является нападение на Францию и уничтожение той государственной системы, которая сложилась в ней в результате революции.

Часто, описывая эволюцию отношений Александра к Бонапарту, историки обращают внимание на эпизод с арестом герцога Энгиенского (см. ниже), произошедший в апреле 1804 г. Якобы это событие было поворотным пунктом в политике царя. На самом деле письма 1803 г. не оставляют ни малейшего сомнения в намерениях Александра.

Это полностью подтверждают интересные документы из Российского государственного исторического архива. Здесь хранится подробнейший дневник австрийского военного атташе полковника Штутерхайма, записи в котором велись в период с января 1804 г. по апрель 1805 г. В отличие от многих старческих мемуаров, авторы которых часто путают одну войну с другой, а высказывания, произнесенные в 1825 г., относят к 1805 г., здесь мы видим поистине стенографический отчет о беседах Штутерхайма с первыми лицами империи и, прежде всего, с самим Александром. Судя по характеру дневника, каждая запись делалась вечером того же дня, когда происходил разговор, и все выражения воспроизведены настолько дословно, насколько это вообще возможно. Изучение этих бумаг не оставляет ни малейшего сомнения в том,

когда Александр принял решение о войне с Францией. Все беседы полковника с царем в январе—марте 1804 г. вертятся исключительно вокруг того, когда же, наконец, Австрия даст положительный ответ на настоятельные предложения царя о военном союзе.

На балу у императрицы 16 февраля Штутерхайм долго беседовал с Александром. «Ничто не возвышает душу так, как война,— внезапно сказал царь. А потом, буквально не переставая, твердил одно и то же: — Это поистине химера — надеяться на то, что мы сможем избежать общей судьбы, если мы не остановим амбиции Бонапарта. Нужно быть в такой же слепой апатии, как Пруссия, чтобы надеяться на это» 44.

На параде 26 февраля, где император и австрийский полковник снова встретились, Александр заявил: «Чтобы улучшить мою армию, ей нужна война, я надеюсь, что для блага обучения моих войск это будет война в союзе с вами» 45. 12 марта Штутерхайм записал в своем дневнике: «Уже восемь дней как император постоянно повторяет мне во время наших встреч на парадах, что ему не терпится узнать о нашем решении. Сегодня был большой бал-маскарад при дворе. Он (*Александр*) показался мне несколько рассерженным... более озабоченный, чем обычно, он произнес: „У вас теряют ценное время“» 46.

Собственно говоря, весь дневник Штутерхайма — это сплошное требование Александра быстрее получить положительный ответ и начать войну с Францией.

Таким образом, Александр не просто с конца 1803 г. думал об организации коалиции против Франции, не только делал в этом направлении конкретные шаги, но уже тогда был буквально одержим идеей войны с Наполеоном. Он навязывал ее всем: прусскому королю, австрийскому императору, он требовал ее, несмотря на то что англичане не особенно просили русских бросаться на защиту Лондона. Он жаждал ее любой ценой, не обращая внимания на то, послужит она ин-

тересам России или нет, желает ли ее или нет большинство элиты российского общества. Он не советовался уже практически ни с кем, кроме нескольких страдавших навязчивой идеей англофилов и, прежде всего, канцлера А. Р. Воронцова.

Кстати, именно потому, что война совершенно не соответствовала ни желанию большинства русской элиты, ни национальным интересам страны, а решение о ней принималось в, мягко выражаясь, узком кругу, Бонапарт никак не мог догадываться о ее подготовке. И более того, его дипломатические представители в России чуть не до самого момента разрыва упорно твердили о миролюбивых намерениях Александра.

В Париже в это время действительно было не до России. Война с Англией становилась всё более нештучной, и каждый день преподносил всё новые сюрпризы. В начале 1804 г. было раскрыто роялистское подполье, оплачиваемое Англией. Целью заговорщиков под руководством знаменитого шуана Кадудаль было убийство первого консула. В то время как Кадудаль и его сообщники были арестованы, стало известно, что сразу после убийства главы государства во Франции должен был появиться «французский принц», «но он там ещё не находится». Что это был за принц, никто из заговорщиков не знал или не хотел говорить.

Подозрение пало на герцога Энгиенского*. Он был самым молодым из всех значимых фигур роялистского движения, но и одним из самых популярных. В ходе боевых действий против республиканской армии он зарекомендовал себя как талантливый военачальник. Во время описы-

* *Герцог Энгиенский* — Людовик-Антуан-Анри герцог Энгиенский (1772—1804), сын Людовика-Анри-Жозефа герцога Бурбонского, внук принца Людовика-Жозефа де Бурбон Конде (1736—1818), одного из ближайших родственников французского короля Людовика XVI. Принц Конде был командующим эмигрантским корпусом. По старой монархической традиции до смерти старшего представителя этого дома его младшие отпрыски носили титул герцога Энгиенского.

ваемых событий герцог Энгиенский жил в городе Эттенхейм на территории маркграфства Баден, всего лишь в четырех километрах от французской границы.

На рассвете 15 марта отряд французской конной жандармерии и драгун, войдя на территорию Бадена, окружил дом, где жил герцог. Его вооруженные слуги были наготове, но герцог, будучи опытным солдатом, понял, что бой бесполезен, и сдался без сопротивления. Около пяти часов вечера 20 марта его привезли в Венсенский замок под Парижем, а в девять часов вечера был собран военный трибунал под председательством генерала Юлена...

Трибунал, составленный из офицеров, ветеранов республиканской армии, обвинил герцога в участии в организации заговора. Единогласным приговором была смертная казнь.

Позже, когда во Францию вернутся Бурбоны, все будут отрещиваться от причастности к этому событию, а знаменитый Талейран с присущим ему цинизмом глубокомысленно изречет: «Это хуже, чем преступление. Это ошибка» *.

На самом деле тогда никто так не считал. Англичане и роялисты наполнили Париж кинжалами наемных убийц. На первого консула вели самую настоящую охоту. Нужно было ответить так, чтобы больше ни у кого не возникало желания братья за ножи. Один из самых знаменитых историков этого периода, Фредерик Массон, написал по этому поводу: «Он должен был ударить так сильно, чтобы в Лондоне и Эдинбурге поняли, наконец, что это не игра. Он должен был ударить открыто, так, чтобы герцоги и граф д'Артуа, видя, как течет королевская кровь, задумались на мгновение. Он должен был ударить быстро, ибо, если бы он взял представителя королевского дома в заложники, вся монархическая Европа поднялась бы, чтобы его защитить...» ⁴⁷

Франция восприняла это известие молча. Если и поднялись голоса, то лишь для того, чтобы поддержать решение

* Эта фраза приписывается также Фуше и Буле де ла Мерту.

первого консула. Один из депутатов законодательного корпуса, некто Кюре, с восторгом воскликнул: «Он действует как Конвент!» Сам же Бонапарт, словно слыша этот голос, вечером 21 марта объяснил своему окружению мотивы казни фразами, будто заимствованными у ораторов Революции: «Эти люди хотели посеять во Франции хаос, они хотели убить Революцию в моем лице, я должен был ее защищать и отомстить за нее... Я человек государства, я — это французская Революция!»

Именно эту фразу Франция и хотела услышать от первого консула. Уже довольно долго среди первых лиц государства шел разговор о том, что нельзя допустить, чтобы благополучие страны покоилось лишь на жизни одного человека. Неужели, если Бонапарт будет убит другой, более удачливой группой заговорщиков, рухнет все здание, выстроенное в годы консульства? Многие видели решение данного вопроса в установлении наследственной власти по образцу монархии. Однако страна вовсе не хотела возвращаться назад. Франция хотела быть уверена, что если она вручит корону первому консулу, все, что сделано Великой французской революцией, останется незыблемым: гражданское равенство, отмена феодальных привилегий, свобода совести, незыблемость передачи земель эмигрантов новым собственникам, и прежде всего, бывшим зависимым крестьянам, свобода производства и торговли. Казнь герцога Энгиенского первый консул показал, что между ним и Бурбонами нет ничего общего. Поворота назад не может быть. Бонапарт отныне стал таким же «цареубийцей», как и члены Конвента, осудившие на смерть Людовика XVI.

По решению сената 18 мая 1804 г. первый консул Наполеон Бонапарт был провозглашен «Императором французов» под именем Наполеон I. Началась новая эпоха, но не только во внутривосточной истории Франции, но и в истории ее отношений с Европой.

Залп ружей во рву Венсенского замка отозвался гулким эхом при монархических дворах Европы.

Князь Чарторыйский *, открывая Государственный совет, собравшийся в Зимнем дворце в семь часов вечера 5 (17) апреля 1804 г., заявил: «Его Императорское Величество, возмущенный столь явным нарушением всяких обязательств, которые могут быть предписаны справедливостью и международным правом, не может сохранять долее отношения с правительством, которое не признает ни узды, ни каких бы то ни было обязанностей и которое запятнано таким ужасным убийством, что на него можно смотреть лишь как на вертеп разбойников».

Эти слова были прочитаны молодым князем, но на самом деле они принадлежали императору Александру. На рассмотрение Совета был поставлен вопрос о немедленном разрыве и войне с Францией. Большая часть членов Совета высказалась за разрыв отношений с Францией, как признает сам Чарторыйский, боясь не угодить царю. Однако были и отважные голоса. Наиболее решительно высказался граф Николай Петрович Румянцев **. Он вообще не понимал,

* *Чарторыйский* (Чарторийский, Чарторыский, Czartoryski) Адам Адамович (1770—1861), князь,— член Негласного комитета, в 1802—1806 гг. товарищ (заместитель) министра иностранных дел, с января 1804 г по июнь 1806 г. в связи с тем, что А. Р. Воронцов отошел по болезни от государственных дел, Чарторыйский фактически управлял Министерством иностранных дел.

** *Румянцев Николай Петрович* (1754—1826), граф — сын знаменитого фельдмаршала Румянцева-Задунайского, известный государственный деятель. С 1801 г. член Государственного совета, в 1802—1810 гг. министр коммерции, с 30.08.1807 г. управляющий Министерством иностранных дел, 12.02.1807 г. утверждён в должности министра. 7.09.1809 Румянцеву присвоено звание государственного канцлера России. С 01.01.1810—20.03.1812 гг.— председатель Государственного совета и Кабинета министров. В 1814 г. ушел в отставку.

почему Россия должна была броситься в кровавую войну из-за гибели иностранного принца: «...Решения Его Величества должны подчиняться только государственным интересам и... соображения сентиментального порядка никак не могут быть допущены в качестве мотива для действий... Произошедшее трагическое событие никак прямо не касается России, а честь империи никак не задета...»⁴⁸

Слова Румянцева несколько охладили пыл Александра. Было принято решение направить протест французскому правительству, однако ограничиться хотя и резкими, но дипломатическими выражениями, исключив из текста безумную фразу насчет вертепа разбойников. Одновременно при дворе объявлялся траур.

Конечно, Александру был глубоко безразличен герцог Энгийенский, но его гибель дала тот долгожданный повод, который искал русский император. Муссируя до бесконечности этот факт, можно было изменить настрой высших слоев русского общества, которое, как уже не раз отмечалось, прохладно относилось к идее войны с Францией. Действительно, императрица-мать, эмигранты, англофилы на все лады только и повторяли, что имя герцога Энгийенского. Французского посла *, который пока еще оставался в Петербурге, стали чураться.

Впрочем, светские разговоры были делом второстепенным. Казнь герцога Энгийенского дала Александру неожиданную возможность выступить перед всей Европой поборником права, возглавить новый крестовый поход против «богомерзкого» революционного режима. Во все концы Европы полетели письма с призывом немедленно объединиться в борьбе с Наполеоном и создать военный союз про-

* Послом Франции в России в этот момент был генерал Габриэль Мари-Жозеф д'Эдувиль, он занимал этот пост в 1802—1804 гг., прибив на место временного посланника Армана де Коленкура.

тив Франции. Подобные предложения были направлены в Вену, Берлин, Неаполь, Копенгаген, Стокгольм и даже Константинополь.

Александр I направил также ноту протеста в адрес сейма Германской империи в Регенсбурге. Когда этот документ был зачитан на заседании сейма, Баденский электор, на территории которого был арестован герцог, предложил не тратить время на посторонние дела и заняться рассмотрением текущих вопросов. Что и было сделано.

Нетрудно предположить, что царь был задет этой черной немецкой неблагодарностью, но мнение германских князей все же не играло определяющей политической роли. Куда более важной была позиция Австрии.

Долгожданное письмо, собственноручно написанное императором Австрии Францем II, пришло в Петербург 22 апреля (4 мая) 1804 г., как раз в тот момент, когда высший свет только и делал, что обсуждал историю герцога Энгиенского. С первого взгляда могло показаться, что в своем пространном послании Франц II полностью соглашался с Александром. Он писал, что разделяет мнение царя по вопросам европейской политики, что готов выставить двухсоттысячную армию для борьбы с французами, и даже любезно обещал в случае успеха захватывать не слишком много земель в Италии. Однако в его письме было небольшое «но», которое полностью перечеркивало все идеи Александра. Дело в том, что австрийский император был готов на **оборонительный** союз.

Австрийцы не видели в настоящий момент ни реальной опасности, ни необходимости воевать с Наполеоном. Они были, конечно, очень рады тому, что в случае угрозы со стороны Франции получают поддержку России, но никакого бурного желания броситься в схватку у них не было. Страна была истощена предыдущими войнами, государственный дефицит достиг огромной суммы — 27 миллионов флоринов. Самый выдающийся австрийский государствен-

ный деятель и полководец того времени эрцгерцог Карл, младший брат императора, говорил о том, что его страна отстала от Европы на целый век, что пассивность властей «такая, что можно изумиться», а развал администрации «полный». «Финансовое состояние Австрии — ужасающее, — писал эрцгерцог Карл. — Война приведет к немедленному банкротству...»⁴⁹

Не горел желанием вступать в войну с французами и прусский король, который также уклончиво ответил на предложение Александра. Что же касается Мадрида, там вообще смотрели в другую сторону. Фаворит королевы дон Годой, фактически заправлявший делами королевства, ответил на известие о гибели герцога Энгиенского ироничной фразой: «Когда есть дурная кровь, ее надо пустить».

Но самые страшные слова для Александра раздались из Парижа. В ответ на ноту, представленную 12 мая поверенным в делах Петром Убри, Бонапарт взорвался. Своему министру иностранных дел он написал: «Объясните им хорошенько, что я не хочу войны, но я никого не боюсь. И если рождение империи должно стать таким же славным, как колыбель революции, его отметит новая победа над врагами Франции»⁵⁰. По поручению первого консула Талейран написал, обращаясь к русскому правительству: «Жалоба, которую она (*Россия*) предъявляет сегодня, заставляет спросить, если бы, когда Англия замышляла убийство Павла I, удалось бы узнать, что заговорщики находятся в одном лье от границы, неужели не поспешили бы их арестовать?»⁵¹

Это была настоящая пощечина царю. Хотя и в форме намека, Александру дали понять, что довольно странно выглядит в роли блюстителя европейской нравственности человек, который замешан в убийстве своего отца. «Эта кровная обида запала в сердце Александра и поселила в нем неизгладимую ненависть к Наполеону, руководствующую всеми его помыслами и делами впоследствии, — писал в своих мемуарах

Греч.— Принужденный заключить с ним мир в Тильзите, Александр принес в жертву своему долгу и России угрызавшее его чувство, но ни на минуту не терял его и, когда пришло время, отомстил дерзновенному совершенною его гибелью. Вообще, Александр был злопамятен и никогда в душе своей не прощал обид, хотя часто из видов благоразумия и политики скрывал и подавлял в себе это чувство»⁵².

С этого момента смыслом жизни, мотивом всех действий Александра I будет только одно — свержение Наполеона. Этой личной ненависти будут подчинены все действия царя, ради этого, несмотря ни на какие геополитические интересы, несмотря ни на какую холодность и нежелание вступать в союз европейских монархов, несмотря на надменную, пренебрегающую всеми российскими интересами политику Англии, он будет упорно, буквально пинками заталкивать всю Европу в коалицию против своего врага. Талантливый русский историк, работавший в эмиграции, Борис Муравьев написал: «Разумеется, меньше всего заинтересован в этих действиях Александра был русский народ, которого герцог Энгийенский, расстрелянный в Венсенском рву, заботил не больше, чем какой-нибудь мандарин, посаженный на кол по приказу Богдыхана»⁵³.

В течение долгого времени советские историки как черт от ладана бежали от рассмотрения истинных причин создания Третьей коалиции. Потому что ясно: если начать поднимать документы, теория превентивной войны, защищающая интересы России, рассыпается как карточный домик. Ни о каких интересах страны ни царь, ни его подручные не думали. В лучшем случае можно сказать, что они хлопотали о корысти тех представителей российского правящего класса, которые наживались за счет продажи в Англию зерна из своих поместий. Это ни в коем случае не оправдывает экспансионистскую политику Наполеона, которая стала еще более заметна после провозглашения во Франции империи. Однако,

чтобы хоть как-то задеть регионы, где Россия имела свои интересы, Наполеон был бы вынужден разгромить Австрию. Так как габсбургская монархия не собиралась ни в коем случае в одиночку атаковать Францию, у Наполеона не было никакого повода для того, чтобы начать с ней войну. А если бы он вдруг, ни с того ни с сего, напал на нее, у России появился бы прекрасный случай показать свою силу. В этой ситуации Австрия была бы на стороне русских душой и телом и сражалась бы не «для галочки», а во всю свою мощь. Нет сомнений, что при подобном положении вещей и пруссаки не могли бы остаться в стороне. Тогда война действительно была бы не только мотивированна, но и необходима. Это было бы очевидно для каждого простого австрийского, прусского и русского солдата. Подобная война была бы поистине священной и справедливой... но Наполеон не собирался нападать на Австрию, по крайней мере, в обозримом будущем.

Как государственный человек, который мыслил интересами своей страны, он никак не мог понять политику Александра. Он не видел выгоды для России в предстоящей войне, и поэтому ему казалось, что царь окружен дурными советниками, что министров подкупает английское золото. Подобную точку зрения разделяли и многие в его окружении.

В сентябре 1804 г. Александр I отправил с дипломатической миссией в Лондон Н. Н. Новосильцева, одного из своих «молодых друзей» *. В его задачу входили переговоры с целью заключения военного союза между Россией и Англией.

Инструкции, данные ему 11 (23) сентября 1804 г., поражают своим объемом — около 30 000 знаков, иначе говоря, примерно 18 страниц этой книги! Удивляют они также запутанностью, туманностью и категорическим нежеланием называть вещи своими именами. Все листы обширного опуса

* «Молодым другом» он был, конечно, лишь относительно — в 1804 г. Новосильцеву исполнилось 43 года.

пропитаны лишь одним — ненавистью к Франции Наполеона, прикрытой иезуитскими, лицемерными фразами. Несмотря на то что этот документ не раз разбирался историками, он стоит того, чтобы на нем остановиться, так как в нём раскрываются все принципы политики Александра I и его помощника Чарторыйского, перу которого, кстати, по большей части, и принадлежат инструкции.

Документ начинается с длинной преамбулы, где на все лады уже в тысячный раз повторяются переживания по поводу страданий Европы и Франции, и делается первый вывод: «Прежде чем освободить Францию, нужно сначала освободить от ее ига угнетаемые ей страны». Потом, разумеется, царь планировал заняться «освобождением» самих французов. «Мы объявим ей (*французской нации*), что выступаем не против нее, но исключительно против ее правительства, угнетающего как саму Францию, так и остальную Европу. Мы укажем, что сначала имели в виду лишь освободить от ига этого тирана угнетаемые им страны; теперь, обращаясь к французскому народу... предлагаем всем партиям... с доверием отнестись к намерениям союзных держав, желающих лишь одного — освободить Францию от деспотического гнета, под которым она стонет».

Чтобы лучше объяснить собеседникам Новосильцева, отчего же «стонет» Франция, империи Наполеона даются самые чудовищные характеристики: «отвратительное правительство, которое использует в своих целях то деспотизм, то анархию». Касаясь будущего устройства побежденной страны, Александр глубокомысленно заявлял: «Внутренний социальный порядок будет основан на мудрой свободе». Рецепт «мудрой свободы», конечно же, лучше всего знали в Европе властитель миллионов русских крепостных крестьян и английские банкиры.

«Россия и Англия распространят вокруг себя дух мудрости и справедливости», — уверенно писал Александр. Впро-

чем, дух мудрости и справедливости понимался достаточно своеобразно. Например, говорилось: «Очевидно также, что существование слишком маленьких государств находится не в согласии с поставленной целью, потому что, не имея никакой силы... они не служат... никоим образом для общего благополучия».

После пространных рассуждений о мудрости и справедливости русский царь переходил к более приземленным задачам, которые были лучше доступны пониманию английских министров. По его мнению, было необходимо, «чтобы две державы-покровительницы сохранили некоторую степень господства в делах Европы, потому что они единственные, кто по своему положению неизменно заинтересованы в том, чтобы там царили порядок и справедливость».

Интересно, что, «переживая» за судьбу Турции и постоянно страшая султана захватническими видами французского правительства, царь мельком замечает: «Обе державы должны будут договориться между собой, каким образом лучше устроить судьбу ее различных частей»⁵⁴. Что царь понимал под этим, очень хорошо и ясно изложено в письме Чарторыйского Воронцову от 18 (30) августа 1804 г.: «Возможно, станет необходимой оккупация некоторых частей Оттоманской империи со стороны наших дворов, что будет единственным средством обуздать властолюбие Бонапарта (!!)⁵⁵.

Даже у того, кто хорошо знает лицемерие Александра, его наставления своему посланнику не могут не вызвать удивления. Готовя нападение и наступательный союз, он все время заявляет о том, что желает мира. Не решаясь и пальцем пошевелить, чтобы хоть немного залечить ужасные язвы российского крепостничества, он желал осчастливить 30-миллионный народ, принеся ему на штыках власть, которую французы свергли и против восстановления которой отчаянно сражались уже в течение десяти лет. Возмущаясь произвольными аннексиями Бонапарта, он

сам желал перекроить карту Европы, стирая с лица земли маленькие государства, которые «никоим образом не служат для общего благополучия». Выдвигая в качестве одного из мотивов войны французскую угрозу Османской империи, он без зазрения совести планировал аннексию всех ее европейских владений. Наконец, завершал Александр свой иллюзорный политический прожект утопической идеей установления всеобщего мира и гармонии в Европе.

Прагматичные английские политики с ходу отметили все химеры Александра. Они вынесли из прекраснодушных рассуждений только один ясный и простой факт — Россия желает войны с Наполеоном. Это их более чем устраивало. Все остальное Уильям Питт, вновь ставший в мае 1804 г. первым министром, пропустил мимо ушей. Он не был утопистом, его мало заботила концепция всеобщего блага и необходимости «распространять вокруг себя дух мудрости и справедливости», зато он четко и ясно видел интересы правящего класса своей страны. Как блистательный психолог, он нюхом почувствовал, что русский царь не просто ищет взаимовыгодного союза, а жаждет по непонятным для Питта причинам войны с Наполеоном. Поэтому английский премьер-министр повел себя с Новосильцевым с твердостью, которую можно было бы в других обстоятельствах оценить как спесивую самоуверенность, граничащую с тупостью.

Вместо того чтобы с благодарностью броситься в объятия Александра, он в буквальном смысле продиктовал России условия договора. Питт высокомерно отбросил все попытки русской стороны затронуть вопрос статуса Мальты. Остров в Средиземном море отныне являлся базой британского флота, и точка. Так же уверенно и без малейших сантиментов английский министр разрешил проблему морской конвенции: Англия будет действовать на морях так, как ей выгодно. В русском проекте было много прекраснодушных фраз о свободе Италии. Питт перечеркнул их раз и навсегда. Он то-

же считал, что Францию нужно убрать с северо-итальянских земель и укрепить Пьемонт. Однако ни о какой свободе для итальянского народа речи не могло идти. Англичане, желая усилить Австрию, потребовали передачи ей в будущем практически всей Ломбардии. Наконец, английского премьер-министра было сложно одурачить туманными фразами о «необходимой оккупации некоторых частей Османской империи». За всей галиматьей пустых фраз он прекрасно видел желание России утвердиться на Ближнем Востоке, чего англичане боялись еще больше, чем хозяйничанья там Франции. «Помогать какой-нибудь стране — означает самый удобный способ завладеть ею», — с язвительной иронией заметил Питт. Таким образом, отбросив все русские предложения, английское правительство просто-напросто наплевало как на самого царя, так и на все его искренние или притворные утопические схемы.

Уже упомянутый Борис Муравьев совершенно справедливо отметил: «В страхе, как бы не сорвался его проект, Александр оставил в руках англичан мыс Доброй Надежды и, что просто невообразимо, — Мальту. В этот момент он мог бы потребовать как компенсацию за огромные жертвы, на которые он вел свою страну, по крайней мере, немедленное возвращение острова Мальты ордену под суверенитетом и протекторатом России. Ничего подобного не было сделано. Сам дающий, он действовал так, как жалкий проситель»⁵⁶. Даже Чарторыйский, один из самых ревностных сторонников союза с Англией, изумленный наглými требованиями британских министров, вынужден был написать, что Англия «хочет направлять континент в своих собственных целях и не заботиться ни об общем положении вещей, ни о мнении других держав»⁵⁷. Но ничто не могло остановить поистине одержимую, не знающую никаких доводов разума жажду Александра воевать с Францией. Царь молча снес все оскорбительные, презирающие интересы России требования Уильяма Питта.

Результатом миссии Новосильцева и последовавших за ней переговоров было подписание 30 марта (11 апреля) 1805 г. в Петербурге англо-русской конвенции, которой предусматривалось создание «общего союза» против Франции. Россия брала на себя обязательство выставить 115 тысяч солдат для боевых действий против Наполеона. Интересный факт: было прописано, что Австрия выставит для ведения войны 250 тысяч человек, хотя согласие австрийцев еще даже не было получено. Можно сказать, что все обязательства, как военные, так и послевоенные, брала на себя Россия. Англичане же обещали лишь участвовать в войне своими морскими и сухопутными силами, а также выплатить субсидии участникам коалиции. Но дело в том, что английский флот и так без всяких договоров вел войну на море, сухопутных же сил англичане почти не выставили, а субсидии России были выплачены не полностью и с опозданием.

Так фактически родилась Третья коалиция, хотя Австрия так и не соглашалась выступить вместе с русскими и англичанами.

В этот момент Наполеон вёл активную подготовку к десанту в Англию. На берегу Ла-Манша он сосредоточил более 150 тысяч солдат, которые готовились переправиться через пролив и нанести решительный удар по врагу. Пока в Булони, где находился основной лагерь французских войск, активно готовили десантные суда, пока эскадры линейных кораблей и фрегатов сосредотачивались для того, чтобы атаковать английский флот в проливе и дать дорогу армии вторжения, Наполеон предпринял поездку в Италию. Здесь, в Милане, столице Итальянского королевства, должна была произойти торжественная коронация Наполеона, на этот раз — как короля Италии*.

* В марте 1805 г. Итальянская республика стала Итальянским королевством.

26 мая в миланском соборе состоялась коронация, которая если не затмила, то, по крайней мере, сравнялась блеском с церемонией в Нотр-Дам. Для торжественного ритуала из церкви Сан-Джованни в Монце в сопровождении эскорта гвардейцев была доставлена священная реликвия — корона лангобардских королей. Возлагая на свою голову древнюю железную корону, Наполеон громко, так что звуки его слов гулко отдались под сводами собора, произнес по-итальянски сакраментальную фразу первых королей Италии: «Господь мне ее дал, и горе тому, кто ее коснется!»

Звон колоколов миланской коронации отозвался сигналом тревоги в монархической Европе. Провозглашение Наполеона королем Италии, присоединение Генуи и Лукки прежде всего не на шутку обеспокоили австрийских политиков, чувствительных ко всему, что касалось итальянских дел.

Эти новости пришли в столицу Австрии, когда Александр I усилил своё дипломатическое давление на австрийцев. Подписав договор с Англией, он уже не мог отступать и в самой категоричной форме требовал от австрийского императора вступить в коалицию. «Неужели Австрия хочет спокойно, не приготовившись к войне, не приняв мер безопасности, ожидать появления Бонапарта в средоточии ее Монархии и подписать унижительный для нее мир? Неужели страх, вселяемый в нее честолюбцем, сильнее надежды на Мое содействие? — писал Александр русскому послу в австрийской столице, не скрывая своих эмоций. — Объявите Венскому Двору, что вместо обещанных Мною 115 000 даю ему 180 000 войск».

Под нажимом Александра, опасаясь усиления Французской империи в Италии, надеясь на британские субсидии, австрийцы, наконец, сдались и согласились выступить против Наполеона. 16 июля 1805 г. в Вене был принят план совместных военных действий в предстоящей кампании. Окончательно союзный трактат был подписан 28 июля

(9 августа) 1805 г. австрийским послом в Петербурге графом Стадионом. Еще раньше, 14 января 1805 г., был подписан русско-шведский договор о военном союзе, а 10 сентября 1805 г.— договор между Россией и Королевством Обеих Сицилий (Неаполем). Наконец 3 октября 1805 г. был заключен англо-шведский союзный договор. Он был подписан позже всех остальных, так как шведы затребовали субсидии, значительно превосходящие те, которые привыкли давать англичане, и компромисс был достигнут только после долгого торга. Третья коалиция против Франции была создана.

В русском обществе не было единого мнения по поводу предстоящей борьбы. Александра поддерживали англофилы и часть правительственных кругов. Воинственную позицию заняли ответственные дипломатические представители страны за границей: С. Р. Воронцов в Лондоне, А. К. Разумовский в Вене, Д. П. Татищев в Неаполе, А. Я. Италинский в Константинополе. Однако даже среди высшего общества были и ярые противники вступления России в войну. К ним относились: министр коммерции граф Н. П. Румянцев, министр просвещения граф П. В. Завадовский, министр юстиции князь П. В. Лопухин, министр финансов А. И. Васильев, член Непременного совета князь А. Б. Куракин, обер-гофмейстер граф Толстой, граф Ф. В. Ростопчин и многие другие. Каждый из них выдвигал свои резоны, согласно которым России не следовало ввязываться в европейскую драку. Так, А. И. Васильев говорил о плохом состоянии русских финансов, П. В. Завадовский отмечал, что война будет сопряжена с огромными расходами, а Ростопчин вообще категорически заявлял: «...Россия опять делается орудием грабительской английской политики, подвергая себя войне бесполезной»⁵⁸.

С другой стороны, значительная часть дворянства поддерживала царя, не спрашивая, почему и зачем он начинает войну. В своем дневнике молодой чиновник Степан Пет-

Ф. Жерар. Битва при Аустерлице

рович Жихарев записал: «Государь, вероятно, знает и без того, что мнение Москвы состоит единственно в том, чтоб не иметь никакого мнения, а делать только угодное государю, в полной к нему доверенности»⁵⁹.

Молодые офицеры, как им и положено, храбрились. Вообще, следует отметить, что в ту эпоху армия смотрела на войну совершенно иначе, чем в XX или XXI веке. Относительно небольшие, по меркам современности, технические средства уничтожения той эпохи, эффектные мундиры, торжественная красота генеральных сражений с их развевающимися знаменами и военной музыкой и, наконец, возможность отличиться в бою, получить высокий социальный престиж приводили к тому, что для профессионалов война была событием скорее желанным, чем пугающим. Особенно это чувствовалось в тех армиях, которые привыкли побеждать. Русская армия, овеванная победами Суворова, не сомневалась в успехе. «Трудно представить, какой дух одушевлял тогда всех нас, русских воинов, и какая странная и смешная самонадеянность была спутницей такого благо-

родного чувства. Нам казалось, что мы идем прямо в Париж»⁶⁰, — вспоминал гвардейский офицер И. С. Жаркевич.

Наконец, наиболее образованные слои дворянства, подобно герою романа «Война и мир» Пьеру Безухову, смотрели на войну с непониманием. Уже упоминавшийся выдающийся русский историк и публицист Н. М. Карамзин написал тогда слова, которые Л. Н. Толстой, немного переработав, и вложил в уста своего героя: «Россия привела в движение все силы свои, чтобы помогать Англии и Вене, то есть служить им орудием в их злобе на Францию без всякой особенной для себя выгоды... Что будет далее — известно Богу, но людям известны соделанные нами политические ошибки, но люди говорят: для чего граф Морков сердил Бонапарте в Париже? Для чего мы легкомысленно войною навлекли отдаленные тучи на Россию?»⁶¹

Итак, война началась. Война абсурдная, ибо в ней не были по-настоящему заинтересованы ни Россия, ни Австрия, ни другие континентальные державы — участницы коалиции, ни тем более Франция.

В этот момент, собрав войска в булонском лагере, Наполеон надеялся одним ударом закончить бесконечный англо-французский спор. Император и его солдаты с надеждой всматривались в горизонт, с замиранием сердца ожидая увидеть паруса французских эскадр, которые должны были войти в Ла-Манш и, сковав боем главные силы английского флота, открыть дорогу лёгким десантным судам, в задачу которых входила переброска войск на берега туманного Альбиона. Однако надеждам французского полководца не суждено было сбыться. Нерешительный командующий французскими эскадрами адмирал Вильнёв так и не отважился проложить путь в Ла-Манш и совершить манёвр, который должен был решить участь Британии. В августе 1805 г. Наполеон получил известия о наступлении войск Коалиции у него в тылу и, недолго думая, развернул свои войска на 180 градусов.

У войск Коалиции было значительное численное преимущество (около полумиллиона человек против, примерно, 250 тыс. французов). Однако план войны, составленный союзниками, полностью отражал политическую подоплеку конфликта. Царь хотел вовлечь в Коалицию как можно больше держав, стать кумиром Европы. Поэтому силы союзников были разбросаны на огромном пространстве континента. С огромными трудностями, ценой гигантских материальных затрат, десятки тысяч русских солдат были переброшены одни на север, другие на юг Европы (в Неаполитанское королевство) для того, чтобы вовлечь в Коалицию новые страны. Со стратегической точки зрения, это распыление войск оказалось совершенно бесполезно. Наполеон, сконцентрировав силы на решающем направлении, действовал так стремительно, что фланговые «диверсии» привели только к пустой трате сил.

На главных театрах военных действий — южногерманском и североитальянском, война развивалась так, как и следовало ожидать. Понимая, что основные события произойдут в Германии, австрийское командование, тем не менее, послало свои лучшие полки в Северную Италию, потому что там командовал эрцгерцог Карл. Он был противником этой войны и поэтому не получил руководство на решающем участке, но как брата императора его не могли совсем «обидеть». А выдвинутую вперед армию поручили бездарности, каким был генерал Макк, и это также произошло по политическим соображениям, ибо незадачливый генерал был одним из многих сторонников войны.

Опять-таки по политическим соображениям Макк начал наступление гораздо раньше всех остальных, стремясь, с одной стороны, оправдать оказанное ему доверие, а с другой стороны, опять из соображений политики, он надеялся вовлечь в антифранцузский союз Баварию и другие государства юго-запада Германии. В результате получилось

такое абсурдное размещение войск, которого не мог бы сделать намеренно засланный в штаб вражеский агент. В то время, когда меньшая часть австрийской армии буквально побежала вперед в Баварию, ее большая и лучшая часть спокойно стояла на равнинах Ломбардии и не начинала военные действия в ожидании, что из всего этого получится. В то же время только малая часть русских войск (Подольская армия Кутузова) двинулась в Австрию, причем расстояние от армии Кутузова до армии Макка было такое, что надеяться на их совместные действия перед лицом активного неприятеля просто не приходилось.

Но нелепость ситуации этим не исчерпывалась. Основные массы русских в этот момент были сосредоточены на границе с Пруссией, угрожая ей войной в случае, если она не вступит в коалицию! Отметим, что, если бы произошла эта невообразимая война против государства, вся вина которого состояла только в том, что оно не желало воевать с Наполеоном, Россия бы потерпела настоящую внешнеполитическую катастрофу. Колеблющаяся Пруссия была готова в этом случае решительно встать на сторону Франции.

К счастью для Александра, французские войска, совершая наступательный марш, прошли через небольшой прусский анклав Анспах. Нарушение французами нейтралитета Пруссии привело к тому, что прусский король решил пропустить русскую армию через свою территорию. Тем самым Александр был спасён от совершенно уж нелепой войны, которая в одночасье поставила бы Пруссию душой и телом в лагерь союзников Франции.

Что касается Наполеона, его действия в стратегическом масштабе были образцовыми. Если план войны союзников был похож на варварское нагромождение хаотических конструкций, план и действия Наполеона были подобны античному храму. Здесь не было ничего лишнего, но ничего добавить тоже было невозможно. Император совершенно четко

выбрал для себя главный объект воздействия. Он абстрагировался от всего второстепенного. На всех прочих театрах военных действий оставался тот минимум войск, который был необходим; на участках, которыми временно можно было пожертвовать, войска вообще отсутствовали. На направлении главного стратегического удара французский полководец обеспечил подавляющее численное превосходство. Для достижения успеха он использовал все возможные методы, и его политика шла рука об руку со стратегией. Германские государства, на которые рассчитывали австрийцы, стали союзниками Наполеона, а их контингенты также участвовали в войне на стороне Великой Армии.

В ходе знаменитого Ульмского марш-манёвра 80-тысячная австрийская армия Макка была не просто разгромлена, а почти целиком взята в плен (20 октября 1805 г.). Коалиция была поражена в самое чувствительное место. При других обстоятельствах одной такой победы было бы вполне достаточно для завершения войны.

Заброшенная волей царя в Баварию, Подольская армия Кутузова оказалась один на один с главными силами Наполеона. Если бы во главе Подольской армии стоял человек, который хотя бы на одну десятую позаимствовал схоластических «премудростей» Макка, судьба русских войск была бы предрешена. Ведь сорокатысячная армия Кутузова оказалась перед лицом четырёхкратно превосходящих её победоносных наполеоновских полков. Однако в лице опытного русского полководца на поле стратегических действий Наполеон нашел достойного противника.

Без сомнения, у выдавшего виды Кутузова не было порыва и энергии его значительно более молодого противника. В области оперативных и тактических комбинаций ему также было бы трудно спорить с Наполеоном. И, хотя солдаты любили Кутузова, он не обладал той харизмой, которая была характерной чертой французского императора.

Однако старого полководца отличали блестящий политический ум, тонкая проницательность и глубокое понимание стратегических проблем. Отступление Кутузова от Браунау до Брюнна нужно признать поистине образцовым. Малейшая ошибка, допущенная русским полководцем, стала бы для его армии последней. Малейшая задержка, малейшие схоластические размышления в стиле Макка, малейшие колебания перед вопросом, что делать, оборонять или нет рубеж реки Энса, Вены и т. п., — и его армия была бы окружена, разгромлена, раздавлена, взята в плен. Но Кутузов не допустил ни одного стратегического просчета, сумел нанести контрудар под Кремсом, выстоял даже тогда, когда не по его вине французская армия взяла Вену и, перейдя Дунай, двинулась наперерез русским.

Однако подвиг Кутузова и его солдат не получил никакого развития, что тоже вытекало из общего политического характера войны. Если Кутузов в сложных обстоятельствах действовал, в конечном итоге, успешно (если можно назвать, конечно, успешным непрерывное отступление), то это происходило из-за того, что он временно как бы абстрагировался от общих задач войны и думал только об одном — о сохранении своей армии.

Прибытие Александра к войскам не могло не вернуть боевые действия в рамки политических задач войны. Часто историки отмечают, что союзники, продолжив отступление, могли бы поставить Наполеона в трудное положение и почти наверняка выиграть кампанию. Действительно, с чисто военной точки зрения дела так и обстояли. Однако в случае продолжения отступления русский император рисковал потерять союз с Австрией, союз, которого он так упорно добивался и без которого продолжение войны становилось невозможным.

Нужно сказать, что австрийцы действительно всё больше склонялись к тому, чтобы выйти из войны. Австрийские

солдаты сражались с французами без всякого подъёма. Вообще, в памяти русских офицеров и солдат австрийцы остались как дурные союзники, нерешительные и постоянно склоняющиеся к «предательству»... А как ещё могли себя вести те, кого затащили в коалицию против воли не только большинства народа, но даже против воли генералитета?

Именно поэтому, чтобы не дать погибнуть союзу, 27 ноября 1805 г. русские войска перешли в наступление, и 2 декабря 1805 г. произошло знаменитое Аустерлицкое сражение.

Его исход поистине стал неожиданностью для всей Европы. Несмотря на численное превосходство (около 84 тыс. чел. против 72,5 тыс. чел. французов) союзные войска были полностью разгромлены. Для русской армии, которая с 1700 г. не знала, что такое сокрушительное поражение, подобный исход оказался настоящим шоком. Аустерлицкий позор стал не только стратегической катастрофой, но и моральной раной, которая требовала отмщения и реванша.

Все рассказы ряда русских историков о том, что Аустерлиц на самом деле не такое уж страшное поражение, и что армия вполне могла продолжать борьбу, относятся к области фантазии. Война была решена одним ударом, в один день, можно сказать, почти что в один час. С этой точки зрения, Аустерлиц напоминает некоторые великие битвы древности. Можно вспомнить, что в Средневековье делали различие между «войной» и «битвой». Война — это нормальное состояние общества того времени: небольшие набеги, осады, стычки. Битва же — это Божий суд, к которому готовились, как к торжественному ритуалу, и которая по своей сути не являлась «войной», потому что она неизбежно должна была ее закончить. Так и случилось под Аустерлицем. После битвы войны больше не было. Уже через день было подписано перемирие.

Аустерлиц также решил судьбу фланговых операций союзников. Русско-англо-шведский корпус, под командова-

нием графа Толстого наступавший в Северной Германии, немедленно прекратил свои операции, и войска на кораблях вернулись по домам.

Что же касается действий в Неаполитанском королевстве, где было громогласно объявлено о наступлении англо-русских войск, ситуацию лучше всего изложил князь Чарторыйский в своём частном письме посланнику России в Неаполе Татищеву: «У меня нет времени рассказывать вам обо всех несчастьях, которые нас преследовали. Если говорить в двух словах, Австрия выведена из войны, а нас сильно побили... Двор (*неаполитанский*) должен подчиниться обстоятельствам и выпутываться из переделки...» ⁶²

Неаполитанской королевской чете не оставалось ничего, кроме как последовать этому замечательному совету. Английские войска в буквальном смысле бежали к своим кораблям. Русские тоже отплыли из Неаполя, пусть и не так

Ж.-А. Гро. Встреча Наполеона и Франца II 4 декабря 1805 г.
после сражения при Аустерлице

поспешно. Поэтому король и королева, покинутые своими союзниками, укрылись на Сицилии. 14 февраля 1806 г. французские войска вступили в Неаполь, а на следующий день в столицу королевства под звон колоколов и грохот орудийного салюта въехал Жозеф Бонапарт. Отныне старший брат императора стал неаполитанским королём. Третья Коалиция перестала существовать.

Буквально через два дня после Аустерлицкой битвы, 4 декабря 1805 г., между австрийцами и французами было заключено перемирие. А вскоре начались переговоры, которые 26 декабря 1805 г. завершились подписанием Прессбургского мира. Согласно этому трактату австрийская монархия лишилась части своих владений. В общей сложности император Франц потерял 4 млн подданных (из 24 млн). При этом территориальные приобретения получили союзники Франции. Бавария приросла Тиролем и Форальбергом, а также рядом других земель. Вюртемберг получил Констанц и часть швабских владений, увеличился и Баден. Но особенно расширилось Итальянское королевство. Оно получило Венецианскую область, которую австрийцы заняли в 1797 г., а вместе с этой областью королевство заняло бывшие венецианские владения на восточном берегу Адриатики (сейчас это часть побережья Хорватии). Что касается последних земель, итальянскими они стали довольно символически, так как войска, посланные чтобы их занять, были в основном французскими, и находились они под командой генерала Молитора. В результате это относительно небольшое по площади владение стало не столько частью Итальянского королевства, сколько наполеоновским аванпостом на Балканах.

В июле 1806 г. был подписан договор между Францией и государствами запада и юго-запада Германии, следствием которого стало создание так называемого Рейнского союза. В него вошли Бавария, Вюртемберг, Баден, Берг, Гессен-

Дармштадт, Франкфурт и ряд мелких княжеств* — всего 16 государств. Рейнский союз был прежде всего военным. В случае войны немецкие союзники должны были выставить для поддержки французских войск 63 000 солдат. Со своей стороны Наполеон обязался, что в случае угрозы «немецкой независимости» он выставит 200 тысяч человек для защиты государств — членов союза.

Образование Рейнского союза означало окончательную утрату Габсбургами власти и влияния в германских государствах и, следовательно, крушение древнего, просуществовавшего почти тысячу лет рейха — Священной Римской империи германской нации. Понимая бесполезность дальнейшего существования номинальной империи, 6 августа 1806 г. Франц II отказался от титула императора Священной Римской империи германской нации и отныне стал «просто-напросто» императором Австрии под именем Франц I.

Все эти пертурбации резко изменили соотношение сил в Европе. Если до этого речь шла об усилении Франции, о приобретении владений, которые можно было рассматривать как передовые укрепления вокруг осажденной вражескими коалициями крепости, теперь империя Наполеона явно переросла понятие французской государственности. Именно с этого момента впервые стали раздаваться слова об империи Карла Великого. Государство Наполеона было пока еще далеко от того, чтобы стать «империей Европы», но это уже была не Франция, а нечто другое. Баланс сил на континенте явно оказался нарушен. Теперь врагам Наполеона было сложно примириться со столь существенным усилением его государства. Получался замкнутый круг: чтобы отразить нападение коалиций, Франция усиливалась; чем больше она усиливалась, тем больше ее ненавидели враги, и тем больше была вероятность создания новой коалиции.

* Герцогства Нассау, Нассау-Узинген и Аренберг, княжества Гогенцоллерн-Хехинген, Гогенцоллерн-Зигмарингер, Сальм-Сальм, Сальм-Кирбург, Изенбург-Бирштейн, Лихтенштейн и графство Лейен.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: Троицкий Н. А. Александр I и Наполеон. М., 1994, с. 51.
2. Цит. по: Mouravieff B. Lalliance Russo-turque an milieu des guerres Napoléoniennes. Bruxelles, 1954, p. 93.
3. Czartoryski A.-J. Mémoires du prince Czartoryski et correspondance avec l'Empereur Alexandre Ier. Paris, 1887, t. 1, p. 298.
4. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. М., 1960, т. 1, с. 11—12.
5. Сборник РИО, т. 70, с. 43—44.
6. Там же, с. 171.
7. Czartoryski A.-J. Op cit., p. 357.
8. Correspondance de Napoléon I. Paris, 1858—1870, t. 7, p. 336.
9. Ульянов Н. И. Александр I — император, актер, человек // Родина. 1992, № 6—7, с. 144.
10. Чарторыйский А. Мемуары князя Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. М., 1912, т. 1, с. 249.
11. П. Г. Дивов. Повествование... «Русская старина», 1899, кн. 11, октябрь, с. 80.
12. Czartoryski A.-J. Op. cit., p. 276.
13. История первого консула Бонапарта со времен его рождения до заключения Люневильского мира. СПб., 1802, с. III, IV, VII, VIII.
14. Сборник РИО, т. 70, с. 705.

15. Czartoryski A.-J. Op. cit., p. 292—293.
16. Архив кн. Воронцова. М., 1870—1897, т. 18, с. 241.
17. Внешняя политика России..., т. 1, с. 66.
18. Там же.
19. Из донесений баварского поверенного в делах Ольри в первые годы царствования (1802—1806) императора Александра I // «Исторический вестник», 1917, № 1, январь, с. 125.
20. Journal de Paris, 10 germinal an X, 30 mars 1802.
21. Madelin L. Le Consulat. P., 1939, p. 160.
22. Talleyrand. Mémoires. P., 1953—1955, t. I, p. 286.
23. Cité par: M. Guerrini, Napoléon et Paris. P., 1967, p. 105.
24. Ibid.
25. Broglie A.-C.-L. Souvenirs (1785—1870) du feu duc de Broglie. Paris, 1886, t. 1.
26. Сборник РИО, т. 70, с. 706.
27. Сборник РИО, т. 70, с. 312, 315, 316, 317, 280.
28. Там же, с. 362.
29. Там же, с. 371.
30. Там же, с. 345.
31. Цит. по: Histoire des relations internationales. T. 4. A. Fugier. La Révolution française et l'empire napoléonien. Paris, 1954, p. 178.
32. Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. М., 1962, с. 242.
33. Делеша от Уитворга к Хоуксбери от 14 марта 1803 г. Цит. по: Ropiatowski M. Op. cit., p. 745—746.
Делеша Моркова от 4 (16) марта 1803 г. Сборник Российского Исторического Общества, т. 77, с. 63—68.
34. Baillet P. Briefwechsel Koenig Friedrich Wilhelms III und der Koenigin Luise mit Kaiser Alexander I, Leipzig, 1900, p. 169.
35. Из донесений баварского поверенного в делах Ольри в первые годы царствования (1802—1806) императора Александра I // «Исторический вестник», 1917, № 1, январь, с. 127.

36. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. М., 1960, т. 1, с. 475—482.
37. Correspondance de Napoléon I. Paris, 1858—1870, t. 7, p. 486.
38. Цит. по: Tatistcheff S. Alexandre I et Napoléon. Paris, 1891, p. 54.
39. Ibid, p. 64—65.
40. Ibid, p. 44—45.
41. Внешняя политика России..., т. 1, с. 522—527.
42. Внешняя политика России..., т. 1, с. 600.
43. Там же, с. 602.
44. Российский государственный исторический архив. Фонд 549. Оп. 1, 387. Tagebuch des Kaiserlichen Obersten Karl Freiherr von Stuterheim, p. 23—29.
45. Ibid, p. 32.
46. Ibid, p. 41.
47. Masson F. Le Sacre et le Couronnement de Napoléon. Paris, 1978, p. 61.
48. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. М., 1960, т. 1, с. 686—691.
49. Цит. по: Alombert P.-C., Colin J. La campagne de 1805 en Allemagne. Paris, 1902—1908, t. 3, p. 105—107.
50. Correspondance de Napoléon I. Paris, 1858—1870, t. 9, № 745...
51. Ibid...
52. Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.-Л., 1930, с. 334.
53. Mouravieff V. L'alliance Russo-turque au milieu des guerres napoléoniennes. Bruxelles, 1954, p. 91.
54. Внешняя политика России..., т. 2, с. 138—154.
55. Там же, с. 121.
56. Mouravieff V. Op. cit., p. 98.
57. Цит. по: Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. М., 1962, с. 368.

58. Деятнадцатый век, кн. II, с. 87.
59. Жихарев С. П. Записки современника. М., 2004, с. 198.
60. Жаркевич И. С. Записки И. С. Жаркевича // Русская старина. 1874. Т. 9. Февраль, с. 218.
61. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России, с. 52, 54, 58.
62. Рукописный фонд Национальной библиотеки. Ф. 762, № 149.

ГЛАВА 3

Тильзит

Аустерлицкий разгром не остановил Александра. Нет, он не был наивным молодым человеком, которого подтолкнули к войне «недобрые» советники. Теперь, после Аустерлица, его ненависть к Наполеону стала еще более лютой и непримиримой. Позор страшного поражения не стал, как на то надеялся французский император, уроком для самоуверенного молодого человека. Он лишь укрепил Александра в его намерении свергнуть Наполеона любой ценой, не останавливаясь ни перед какими потерями. Еще не остыли жерла французских и русских пушек, а Александр уже готовил новую войну.

Ранним утром 5 декабря 1805 г. молодой царь встретился с адъютантом Наполеона Савари и заверил его в том, что русская армия немедля уйдет с австрийских земель и прекратит боевые действия. В обмен на это Наполеон отдал приказ тотчас же остановить всякое преследование русских войск, надеясь своим великодушным жестом вызвать симпатии Александра. В разговоре с прусским министром графом Гаугвицем французский император сказал: «Россия будет со мной, быть может, не сегодня, но через год, через два, через три года. Время стирает все воспоминания, и из всех союзов это будет тот, который мне больше всего подходит»¹.

Считая, что франко-русский союз выгоден обеим державам, Наполеон исходил из геополитических соображе-

ний. Увы, он не знал, с кем имеет дело. Едва Александр простился с Савари, как тотчас приказал графу Строганову ехать в Лондон, чтобы «узнать о намерениях английского правительства и обещать ему прежнее единодействие России...». Одновременно он распорядился: «Генерал-адъютанту князю Долгорукову отправиться в Берлин... и обещать, если Пруссия решится воевать с Наполеоном... поддерживать ее всеми силами России, предоставляя на первый случай в распоряжение прусского короля корпуса Беннигсена и графа Толстого»².

Даже с трудом верится, что молодой русский царь всего лишь за два дня до этого пережил страшный разгром! Несмотря ни на что, он жаждал немедленно броситься в борьбу, которую в континентальной Европе решительно никто не хотел продолжать.

Что касается Пруссии, то здесь вышел совсем уж комичный казус. Еще в ноябре под давлением Александра прусский король скрепя сердце, крайне неохотно, но всё-таки решил присоединиться к Коалиции. К Наполеону был послан министр иностранных дел граф Гаугвиц, который должен был передать французскому императору ультиматум. Однако граф принадлежал к числу тех людей, которые скорее сочувствовали Франции, чем Коалиции, и поэтому не слишком спешил вручать этот документ. Все знали, что вскоре состоится битва, и Гаугвиц решил подождать её исхода. Когда же Наполеон одержал блистательную победу, Гаугвиц решил, что было бы совершенно абсурдно в этой ситуации начинать войну с Францией. И поэтому он на свой страх и риск начал переговоры, которые закончились подписанием 15 декабря 1805 г. в Шенбруннском дворце франко-прусского союза. Не без юмора об этом написал Клаузевиц: «В Берлине по поводу поведения Гаугвица сначала поднялся большой шум, что было вполне естественно, так как его послали, чтобы объявить войну, а он вернулся с союзом»³.

Согласно условиям франко-прусского договора в обмен на поддержку Франции и уступку Наполеону герцогства Клевского и Невшателя, а Баварии — княжества Анспбах (того самого, из-за которого Пруссия чуть-чуть не оказалась в рядах Третьей коалиции), Фридрих Вильгельм III получил Ганновер.

Шенбруннский договор лишил Александра всяких надежд на немедленное выступление Пруссии. Но как это не удивительно, даже переговоры пруссаков с французами не могли обезоружить решившего идти до конца царя. Находясь в Тешене, он отдал Кутузову распоряжение тайно направить корпус генерал-лейтенанта Эссена в Пруссию и тем самым подтолкнуть прусского короля к выступлению! У дипломатически корректного Михаила Илларионовича, очевидно, глаза вылезли на лоб, когда он читал рескрипт царя. Несмотря на свою покладистость, он вынужден был ответить категорическим отказом: «Таковое движение не может не встревожить французское правительство и не навести, может быть, заботы австрийскому двору; сохранить оное в тайне есть вещь невозможная, ибо должно отправить кого-либо предварительно для заготовления продовольствия, нужного сему корпусу, что немедленно учинится известным в главной квартире французской; тогда кто отвечает, что Бонапарт, позволяющий себе все на свете, не пошлет корпус прямою дорогою для пресечения дороги и нападения на сей под командою генерал-лейтенанта Эссена»⁴. Русские войска продолжили свое отступление, и новая коалиция против Наполеона временно не состоялась.

Увы, несмотря на всё желание Александра I, война закончилась. В Европе больше никто не хотел лезть в драку, и молодому царю нужно было возвращаться в свою столицу, где, как он мог думать, ждёт его не самый тёплый приём. Но то, что произошло в Петербурге, должно вызвать у людей, привыкших мыслить рационально, мягко говоря, лёгкое

изумление. Графиня Строганова писала: «Всех опьянила радость вновь видеть его. Он прибыл ночью; утром залы и коридоры дворца были заполнены людьми, так что едва можно было пройти, а площадь перед дворцом была черна от народа. Когда он появился, бросились целовать его руки, ноги, одежду»⁵.

Впрочем, эти безумные восторги объяснялись не только любовью народа к царю. В Петербурге был распушен слух, что все несчастья армии вызваны были предательством австрийцев. «Их подлое поведение, которому мы обязаны неудачей, вызвало у меня невыразимое возмущение, — писала императрица Елизавета матери. — Не передать словами чувства, которые вызывает эта трусливая, вероломная, наконец, глупая нация, наделённая самыми гнусными качествами (!!)... Наши замечательные войска, несмотря на неудачи и предательство, покрыли себя славой даже в глазах своего врага и вызывают глубокое восхищение у соотечественников. Наши солдаты — ангелы, мученики и одновременно

герои. Умирая от голода, падая от истощения, они требовали только одного — сразиться с неприятелем, в то время как обозы с продовольствием попали к врагу, а эти презренные австрийцы были всем обеспечены»⁶.

Однако с возвращением войск в Петербург открылась неприглядная правда, и восторг мало-помалу пропал. Вот что писал Николай Новосильцев в январе 1806 г. Павлу Строганову: «Помните, расставшись с нами, вы

Ж.-Л. Монье. Императрица Елизавета Алексеевна, 1807 г.

оставили нас крайне обеспокоенными тем, с каким лицом покажемся мы в Петербурге. Наше беспокойство и стыд возрастали по мере приближения к столице... Представьте наше удивление, когда мы узнали, что император был встречен с энтузиазмом, который невозможно описать, и что он въехал в город среди приветствий, которым нет примера; что все добрые жители Петербурга восхищены отличными действиями нашей армии в последнем деле; говорят, что это армия героев... что армия горела желанием возобновить бой, но австрийцы были настоящие изменники, продавшиеся Франции, и если мы проиграли битву, то только потому, что они сообщили планы французам, и что их армия перешла на сторону врага... Вы легко можете вообразить, что подобным небылицам нельзя долго верить... Скоро все узнали, что произошло на самом деле, какова была истинная причина нашего поражения, и как мы вели себя после него. Вскоре после нашего возвращения мы были встревожены тем, как сильно император упал в общественном мнении, больше не говорят об измене австрийцев и приписывают все несчастья ему одному»⁷.

Это изменение общественного мнения никак не повлияло на твёрдое желание Александра во что бы то ни стало начать новую войну с Францией. Практически сразу по возвращении в Петербург Александр созывает Государственный совет, который проходит, как ни странно, в последние дни декабря 1805 г. и в первые дни января 1806 г. (по старому стилю), то есть в православное Рождество и в Новый год по юлианскому календарю, когда государственные учреждения в России обычно не работали. Царю хотелось как можно скорее посоветоваться о том, какой внешнеполитический курс выбрать стране, а точнее, убедить российскую элиту в необходимости следовать выбранному им курсу.

Предложения, высказанные высокопоставленными русскими чиновниками, были самые разные: кто-то, как Чарторыйский и Кочубей, были уверены, что России необхо-

дим союз с Англией, другие, и в частности князь Куракин, высказались категорически против войны с Францией. Князь считал, что Россия воевала, прежде всего, не за свои, а за английские интересы, и что гораздо выгоднее будет контролировать Наполеона, заключив с ним союз.

Госсовет продолжался несколько дней, но все остались при своём мнении, а царь немедленно перешёл в дипломатическое наступление, целью которого было любой ценой сформировать новую коалицию против наполеоновской Франции. Он снова, как в 1804 и 1805 гг., буквально засыпает европейские дворы письмами, призванными настроить их против Наполеона. С послом России в Англии, Семёном Воронцовым, Александр был особенно откровенен. С большим сожалением он пишет 1 (13) февраля 1806 г.: «Положение России не позволяет ей напасть на противника, и она может поразить его лишь с помощью государств, которые её от него отделяют»⁸ (!).

Вот уж поистине катастрофа! Противник на нас не может напасть, и мы на него никак не можем напасть! Но это не обескураживает молодого императора. Он продолжает: «Следовательно, первая и главная задача состояла в том, чтобы быть готовым в любой момент оказать им (*государствам, которые лежат между Россией и Францией*) помощь, и именно этим я в основном и занялся. В ближайшее время моя армия будет снова полностью укомплектована, все необходимые для этого рекрутские наборы были уже произведены, и пополнения непрерывно прибывают в воинские части»⁹.

Словом, русская армия готова к новой войне, лишь бы найти хоть какого-то мало-мальского союзника, через территорию которого можно было добраться до Франции.

Верный проводник политики Александра I, Чарторыйский также пишет в Англию. В своём письме он повторяет основные мысли царя о том, насколько важно начать новую войну и оказывать максимальное давление на прусское пра-

вительство, и добавляет, что державы будущей коалиции не должны стесняться забирать себе остатки разгромленных вражеских государств: «Нет никакого сомнения в том, что равновесие в Европе может быть восстановлено путём компенсации уже сделанных приобретений... Принципы, которыми руководствуется император (*Александр*), хорошо известны, его бескорыстие проявлялось во всех случаях с полной очевидностью, но, если бы было признано, что для того, чтобы не утратить своего влияния в Европе, он должен стремиться к новым территориальным приращениям, разве не было бы вполне естественным для его кабинета побуждать его к этому, и разве мог бы он сам не пойти на это, не пренебрегая интересами своего народа и славой своей империи»¹⁰.

Но, пожалуй, ещё более удивительна беседа ближайших друзей Александра I, Чарторыйского и Новосильцева, с прусским посланником в Петербурге Гольцем и известным прусским генералом герцогом Брауншвейгским. Эта беседа, состоявшаяся 14 (26) января 1806 г., зафиксирована письменно, и благодаря этому мы можем, словно перенесясь во времени, услышать голос тех, кто выражал интересы царя. Фактически, требуя немедленного выступления Пруссии против Франции, князь Чарторыйский сделал заявление, которое полностью выдаёт мотивы политики Александра.

Как известно, русские историки обычно пишут, что царь вел войны, чтобы обезопасить своё государство от опасных происков Наполеона. Но князь Чарторыйский открытым текстом говорит следующее: «...Россия делает это из великодушия (*ведет войны с Наполеоном*) и не получает от этого никаких преимуществ, кроме некоторого усиления своего влияния на общеевропейские дела, что, может быть, и хорошо, но не имеет никакого отношения к вопросу безопасности Российской империи, которой благодаря её ресурсам ничто не угрожает...»¹¹

Действительно, Российской империи ничто не угрожало, как и Великобритании, за интересы которой во многом и лилась русская кровь в только что завершившуюся войну. 21 октября 1805 года неподалёку от Кадиса на траверсе мыса Трафальгар эскадра Нельсона атаковала франко-испанский флот под командованием адмирала Вильнёва. Несмотря на мужество французских и испанских моряков, большой опыт англичан и флотоводческое искусство Нельсона решили участь битвы. Франко-испанская армада потерпела сокрушительное поражение. Оно было не только материальным — гибель и пленение 23 линейных кораблей в ходе боя и в последующие две недели, — но и моральное. Французский флот отныне не мог соперничать на море с британским, а для восстановления военно-морских сил даже при самой активной работе в этом направлении французам потребовались бы долгие годы. Безопасность британских островов была отныне гарантирована. Так что мотив спасения гордой Англии от «кровавого узурпатора» также отныне не мог руководить действиями Александра.

Но всё это никак не изменило поведение молодого царя, рвущегося в бой. По его поручению Чарторыйский пишет даже российскому послу в Вене и настоятельно рекомендует ему всячески добиваться от несчастных, только что побитых австрийцев, чтобы они следовали примеру отважного Александра и бросились очертя голову в новую авантюру. «Его Императорское Величество, — пишет князь, — избирая систему политики, которую он Вам изложил и которой он полон решимости следовать, больше заботился о нуждах других государств Европы, чем о нуждах самой России, и этим же принципом он руководствуется, говоря о том, какой образ действий со стороны Австрии был бы ему приятен»¹². И тут же Чарторыйский добавляет убийственную для концепции разумной политики Александра следующую фразу: «Самой России, несмотря на теперешние неудачи, можно сказать, нечего бояться».

Несмотря на то что России нечего было бояться, союзников в будущей войне стали искать вплоть до Мадрида, и графу Г. А. Строганову, послу России при испанском дворе, было поручено обратиться к властям Испании с недвусмысленными предложениями!

Некоторые биографы Александра говорят, что после Аустерлицкого поражения царь не знал, что делать, был растерян и сбит с толку. Однако приведённые документы свидетельствуют об обратном. Один из лучших биографов этого странного правителя, Мари-Пьер Рей, совершенно справедливо написала следующее: «Несмотря на упреки и недовольства, несмотря на свою изоляцию, Александр упорствует в своём дипломатическом выборе... Единственный руководитель международной политики, царь в 1805—1806 гг. не походил на безвольную личность, которая представлена на страницах некоторых исторических сочинений. Наоборот, можно видеть упрямого человека, уверенного в своём выборе»¹³.

Интересно, что даже изменение в политике Великобритании не повлияло на позицию царя. Действительно, знаменитый английский премьер министр Уильям Питт умер, подавленный известием о разгроме Третьей Коалиции под Аустерлицем. Легенда говорит, что перед смертью он сказал, указывая на карту Европы: «Сверните её, она не потребует-ся как минимум десять лет». Непримирымый враг Франции при любом режиме, он считал, что континентальная Европа интересна только в том случае, если её можно заставить воевать с французами.

Питта не стало 23 января 1806 г. На смену ему пришёл лорд Гренвиль, который сформировал вокруг себя министерство, вошедшее в историю как «министерство всех талантов». Портфель министра иностранных дел получил знаменитый Джеймс Фокс, известный не только своими блестящими ораторскими способностями, но и умеренными симпатиями к Франции; точнее, у Фокса не было той

подкорочной франкофобии, которая в течение долгого времени являлась отличительной чертой всех английских государственных деятелей.

В феврале 1806 г. Фокс обратился с предложением о начале мирных переговоров к французскому правительству, и лорд Ярмут был направлен в Париж. Узнав об этом, Александр был обеспокоен. Действительно, если бы Англия подписала с Францией мирный договор, то воевать стало бы невозможно! По его рекомендации посол в Лондоне С. Р. Воронцов предъявил 15 апреля 1806 г. министру иностранных дел Фоксу ноту, в которой говорилось следующее: «Русский посол совершенно не понимает, что значит вести предварительные переговоры (с Францией), и почему выражается такая готовность приступить к ним, не медля ни одного дня»¹⁴.

Формально беспокойство в ноте высказывалось по поводу того, что англичане собирались начинать сепаратные переговоры. Однако форма, в которую была облечена нота, явно говорит о том, что Александр I и посол в Англии беспокоились больше о самом факте начала англо-французских переговоров. Однако царь и его ближайшее окружение напрасно переживали. Джеймс Фокс, которого пресса и так упрекала во франкофильстве, решил вести переговоры жестко. Наполеон, победивший при Аустерлице, также считал, что он не вправе быть слишком уступчивым. В результате переговоры зашли в тупик.

Самое интересное, что русский уполномоченный статский советник Пётр Убри, прибывший в Париж для ведения переговоров вслед за лордом Ярмутом, оказался на удивление стоворчивым. 20 июля 1806 г. он подписал с министром иностранным дел Франции Талейраном «Русско-французский договор о мире и дружбе». Согласно этому договору боевые действия на суше и на море немедленно прекращались. Что касается взаимных уступок, то их было немного, так как в тот момент интересы России и Франции

практически нигде прямо не пересекались. Русские войска должны были очистить Бокка-ди-Катарро (устье реки Котор на территории современной Черногории) * и передать эту территорию французам, а французы со своей стороны должны были вывести армию из Германии, где она находилась после победоносной кампании 1805 г.

Пришедший в Санкт-Петербург из Парижа документ был с гневом дезавуирован царём. Вообще, нужно сказать, что договор, который подписал Петр Убри, действительно давал некоторые выгоды Франции без соответствующей компенсации в пользу России. Однако возмущение со стороны царя этим договором было вызвано не столько уступками, сколько самой сутью документа. Если бы Александр был недоволен только отдельными параграфами, и в частности, передачей французам выгодного участка побережья Адриатики, то что мешало ему возобновить переговоры, указав те пункты, которые не подходят российской стороне?

О том, насколько царь действительно «дорожил» Боккади-Катарро, говорит тот факт, что на Венском конгрессе 1814 г. он добровольно (!) передал эту землю австрийцам; более того, царь отдал не только этот клочок суши, но и **Ионические острова**, которые он опять-таки добровольно **подал англичанам!**

Так что не вопрос о клочке суши на побережье Адриатики волновал молодого царя, его не устраивал сам факт существования договора о мире и дружбе с Францией.

В отношении англичан Александр мог вздохнуть с облегчением — англо-французского мира не получилось. Более того, Фокс, разбитый болезнью, умер 13 сентября 1806 г.

* В ходе боевых действий в кампании 1799 г. русские войска овладели Ионическими островами (со знаменитой крепостью на о. Корфу). Здесь располагался значительный русский гарнизон. Часть из этого отряда, по инициативе адмирала Сенявина, захватила 5 марта 1806г. Бокка-ди-Катарро на восточном побережье Адриатики.

После его кончины к власти пришли непримиримые тори, известные своей враждебностью по отношению к Франции. Новый кабинет министров категорически отверг всякую попытку переговоров. Реальный шанс заключить мир, который мог бы установить спокойствие в Европе и примирить наполеоновскую империю и старые монархии, был потерян.

Что касается Пруссии, то с ней произошли совершенно невообразимые, с трудом укладываемые в рамки здравого смысла события. В феврале 1806 г. прусский король ратифицировал договор о союзе, подписанный до этого Гаутвицем. Однако при королевском дворе сформировалась «партия войны». Её самой яркой сторонницей была королева Луиза. Очаровательная белокурая немецкая красавица, она с жаром вела воинственную пропаганду среди высших слоёв прусского общества. С энтузиазмом она стала шефом Байрейтского драгунского полка и с удовольствием появлялась перед фронтом доблестных драгун. В свой день рождения она устроила придворный патриотический спектакль. Четырнадцать детей, облачённых в мундиры эпохи Фридриха Великого, прочитали воинственную поэму, где тень победителя под Росбахом вручала королеве защиту чести, могущества и славы Пруссии.

Восторги молодых офицеров и очаровательная Луиза, конечно, повлияли на решение короля Фридриха Вильгельма, однако куда сильнее на него подействовало непрерывное дипломатическое давление со стороны России. Александр I обещал любое содействие, любую поддержку, только бы Пруссия начала войну с Францией. Наконец, немаловажную роль сыграли франко-английские переговоры. Прусский король справедливо опасался, что в случае заключения мира с Англией Наполеон согласится вернуть ей Ганновер, который Пруссия к этому времени оккупировала. В результате Фридрих Вильгельм III не выдержал, и 12 (24) июля 1806 г. была подписана декларация о русско-прусском союзе. Этот доку-

мент ставил жирный крест на альянсе Франции и Пруссии. Фактически король менял на 180 градусов направление своей политики и от союза с Наполеоном переходил к острой с ним конфронтации. Этот поворот вызвал ликование «партии войны» при берлинском дворе.

Необходимо отметить, что это ликование объяснялось не столько ненавистью к идеям Французской революции и к Наполеону лично, сколько чисто воинским энтузиазмом. После Фридриха Великого Пруссия фактически не вела серьёзных войн. Несколько операций, в которых прусские войска сражались с французской республиканской армией, в расчёт не принимались. В стране, где всё было подчинено армии, где с почти божественным пиететом говорили о Фридрихе Великом, никто не допускал возможности, что прусские полки могут потерпеть поражение. Как уже указывалось, в те времена молодые офицеры с восторгом смотрели на перспективу участия в войне в том случае, когда армия была уверена в успехе. Большой уверенности, чем у пруссаков в 1806 г., трудно было бы себе вообразить.

Даже опытный генерал Блюхер уверенно заявлял: «Армия в отличном состоянии, и можно ожидать самых блистательных результатов, опираясь на твёрдость солдат, на храбрость и мудрость её начальников... Я не боюсь встретиться с французами... Я обращу берега Рейна в их могилу, и, как после Росбаха, я привезу радостную весть о победе». Ему вторил генерал Гогенлоэ: «Я бил французов более чем в шестидесяти боях и, ей-богу, разобью и Наполеона!» Что же говорить о молодёжи! Обожаемый прусскими офицерами принц Людвиг Прусский хвалился: «Против французов не нужны сабли, одного хлыста хватит»¹⁵.

Самое удивительное, что Наполеон даже и не подозревал о том резком повороте, который совершила прусская политика. 17 августа 1806 г. он писал своему начальнику штаба Бертье: «Нужно серьёзно готовить к возвращению

Великую Армию, ибо мне кажется, что все сомнения насчёт поведения Германии рассеялись... Вы можете объявить, что в первые дни сентября наша армия вернётся во Францию»¹⁶.

Наполеон не думал о войне с Пруссией, а прусский король не желал воевать с Наполеоном, но давление Александра на прусский двор стало тем детонатором, который привёл к взрыву. Король не смог сопротивляться влиянию молодого русского монарха и своего окружения. Фридрих Вильгельм III горестно замечал: «Многие короли претерпели падение, потому что они слишком любили войну, если же я упаду, то это произойдёт потому, что я слишком любил мир».

Ну а дальше события развивались с головокружительной быстротой. 7 октября Наполеон, находясь в Бамберге, получил ультиматум от прусского короля. Уже через три дня, 10 октября, произошло первое крупное боевое столкновение французов с пруссаками — сражение под Заальфельдом, в котором корпус маршала Ланна наголову разбил войска принца Людвиг Прусского, а сам принц, горячий энтузиаст войны, был убит ударом сабли французского гусара.

14 октября 1806 г. в битве при Йене войска под командованием Наполеона нанесли сокрушительное поражение прусской армии графа Гогенлоэ. В этот же день в 10 км к северу, под Ауэрштедтом, корпус маршала Даву разгромил главные силы пруссаков под командованием самого короля и герцога Брауншвейгского. Хвалёная прусская армия бежала, оставив в руках победителей десятки тысяч пленных, десятки знамён и пушек.

Неотступно преследуя бегущего неприятеля, французы подошли к Берлину, и 27 октября, под звуки победных маршей, полки наполеоновской армии прошли по Унтер-ден-Линден. Во главе огромной свиты, сверкающей золотом шитья и эполет, ехал на белом коне сам император. Победа была настолько сокрушительная, настолько внезапная, что население прусской столицы не знало даже, как реагиро-

вать на всё происходящее. Большинство с изумлением взирало на великого полководца и его победоносную армию, а кто-то, то ли от истинного восторга, то ли на всякий случай, приветствовал Наполеона.

Наконец, 7 ноября 1806 г. командир резервной кавалерии Великой Армии маршал Мюрат, рапортуя из местечка Швартау, написал императору строки в гасконском стиле, великолепно отражающем настроение французов в эту удивительную кампанию: «Сир, я закончил боевые действия, так как не с кем больше драться...»

«Наполеон дунул, и Пруссии не стало» — такой короткой фразой охарактеризовал великий немецкий писатель Генрих Гейне то, что произошло в эту фантазмагорическую двухнедельную войну.

Без сомнения, под влиянием военных успехов Наполеон, находясь в Берлине, принял важнейшее решение, повлиявшее на всю последующую историю его империи и оказавшее огромное влияние на всю историю Европы.

21 ноября 1806 г. французский император подписал знаменитый Берлинский декрет, декларирующий экономическую блокаду Британских островов. Декрет начинался торжественной преамбулой, объяснявший жителям всего континента, почему было принято подобное решение. Указывалось, в частности, следующее:

«1. Учитывая, что Англия не уважает прав человека, которые обычно признаются цивилизованными государствами,

2. что она рассматривает как врага всякого подданного вражеского государства и забирает в плен не только экипажи боевых кораблей, но и экипажи торговых судов, и даже просто торговцев и негоциантов, путешествующих по своим делам,

3. что она распространяет на торговые суда и собственность частных лиц право завоевания, которое применимо только к вражеским государствам,

4. что она распространяет на города и неукреплённые торговые порты право блокады, которое цивилизованные народы применяют только к крепостям,

5. что она объявляет в состоянии блокады те приморские крепости, перед которыми у неё нет ни одного военного корабля, хотя крепость действительно заблокирована лишь тогда, когда она реально окружена военными силами и когда к ней невозможно приблизиться без опасности,

6. что она объявляет находящимися в состоянии блокады порты, целые побережья и даже целые государства, которые все её объединённые силы не смогли бы заблокировать...

7. что это поведение Англии достойно первых веков варварства, и что это государство использует своё могущество во вред всем,

8. что естественным правом является противопоставить врагу оружие, которым он пользуется...

Мы провозглашаем следующее:

1. Британские острова объявляются в состоянии блокады.

2. Всякая торговля и переписка с Британскими островами запрещается. В соответствии с этим все письма и посылки, направленные в Англию, либо англичанину, либо написанные на английском языке, не могут быть отосланы по почте и будут конфискованы...

3. Всякий подданный Англии, чем бы он ни занимался, обнаруженный в любой стране, занятой нашими войсками, будет рассматриваться как военнопленный.

4. Всякий склад, всякий товар, всякая собственность какого бы рода они ни были, принадлежащие английскому подданному, конфискуются...»¹⁷

Как видно из текста декрета, Наполеон взывал к общественному мнению всех европейских стран, указывая на многочисленные злоупотребления (по понятиям тех времён) английского флота и английского правительства. Император ставил задачу не только принудить власти и наро-

ды континентальной Европы к экономической войне, которую он объявил Великобритании, но и убедить их в её необходимости и справедливости.

Надежды Наполеона основывались на идеях физиократов, философов XVIII века, считавших, что истинным богатством страны является сельское хозяйство, после него — промышленность. Торговля же, а тем более финансы являются лишь производными. Согласно этой теории, богатство Англии, основанное на торговле и спекуляциях, являлось лишь колоссом на глиняных ногах, и стоило только лишить Англию возможности получать сырьё на континенте и заваливать европейские страны своими товарами, как её призрачное могущество рухнет.

Без сомнения, мысли Наполеона были далеко не абсурдными, однако император не знал, что уже в 1806 г. только 33,1% английского экспорта направлялось в Европу (24,3% в США и 42,6% в остальные страны мира) ¹⁸. Таким образом, удар, для которого потребовалось задействовать огромные силы, не стал для Великобритании настолько чувствительным, как ожидалось.

Но самое главное, что, объявив континентальную блокаду (тогда этого термина ещё не было, он появится позднее), Наполеон фактически вынужден был объявить войну до победного конца. Чтобы блокада была эффективной, следовало закрыть все порты Европейского континента, а это значило, что все государства должны были либо стать вассальными от Франции, либо вступить в союз с Наполеоном. Продиктовав пункты декрета континентальной блокады, император поставил перед собой сверхзадачу, которая отныне будет диктовать ему внешнюю политику в отношении всех держав континента.

России в этой системе он отводил важнейшее место, так как видел в ней потенциального союзника, с помощью которого ему удастся поставить на колени надменную Британию.

На страницах этой книги мы ещё не раз будем возвращаться к проблеме континентальной блокады, здесь же отметим, что кроме наступательной внешней политики, к которой она принуждала Наполеона, блокада сыграет ещё одну дурную шутку. Следствием блокады станет повышение цен на многие импортные товары: сахар, кофе, табак, высококачественное английское сукно. Иначе говоря, всё это станет источником каждодневного раздражения европейского потребителя. Позже Наполеон воскликнет: «Я ужасаюсь, когда думаю, что из-за чашки кофе, в которой было чуть больше или чуть меньше сахара, остановили руки, которая хотела освободить мир!»¹⁹

Но всё это будет много позже. Пока же вернёмся на театр боевых действий.

Нужно отметить, что, в отличие от экономики, в области военной у Наполеона вовсе не началось головокружение от успехов, и, несмотря на блистательные победы, император обратился к прусскому королю с мирными предложениями. Условия мира были довольно жёсткие: Пруссия должна была передать Великой Армии ряд важных крепостей, а русская армия должна была уйти из пределов Пруссии. Однако эти условия даже отдалённо не соответствовали той мере разгрома, который потерпела Пруссия. Укрывшись на территории Восточной Пруссии, король созвал совет, который собрался 16 ноября 1806 г.

Можно почти не сомневаться в том, что совет, да и сам король, скорее всего, приняли бы предложения Наполеона, если бы не решимость Александра драться несмотря ни на что. К этому времени царь был уже проинформирован о том, что случилось на полях Йены и Ауэрштедта. Он был изумлён. Однако нужно отдать ему должное — катастрофа пруссаков не смутила русского монарха. В письме, адресованном королю Фридриху Вильгельму III, от 22 октября (3 ноября) 1806 г. он подтвердил, что получил известия о

разгроме Пруссии. Тем не менее он заявил о непоколебимой верности России своим обязательствам и о том, что он окажет военную помощь. Было обещано, по крайней мере, 140 тыс. русских солдат.

В результате мнение членов королевского совета разделились. Одни считали, что нужно заключать мир, другие — что необходимо продолжать войну. За плечами же прусского короля словно незримо стоял Александр с его твердым намерением вести борьбу с Наполеоном до конца. В результате вопреки здравому смыслу, вопреки тому, что семь из одиннадцати членов совета были за мир, Фридрих Вильгельм принял решение не складывать оружия.

В этот момент французская армия вышла к линии Одера, за которой начинались земли бывшей Польши, оккупированной пруссаками.

Перед Наполеоном встал самый сложный выбор: что делать дальше? Остановиться на Одере или, преследуя пруссаков, вступить на территорию бывшей Речи Посполитой? Проблема, которая возникла перед Наполеоном, станет, наряду с континентальной блокадой, одной из самых главных проблем империи и также одним из самых основных, если не самым основным, пунктом преткновения в русско-французских отношениях.

Чтобы правильно понять корни этого явления, нам необходимо сделать небольшое историческое отступление, которое, казалось бы, не имеет прямого отношения к событиям наполеоновской эпохи, но без которого просто невозможно понять события не только 1807, но и 1812 г.

Земля, к которой подошли французские солдаты, ещё недавно называлась гордым именем Речь Посполитая. По-русски это означает не что иное, как «общее дело», а по-латыни — «*res publica*». Наконец, полное название этого государства — Речь Посполитая Короны Польской и Великого княжества Литовского (*Rzeczpospolita Korony Polskiej i*

Wielkiego Ksiestwa Litewskiego). Оно появилось в 1569 г. в результате так называемой Люблинской унии, объединившей Великое княжество и Польское королевство в единое государство (до этого, начиная с XIV века, существовала личная уния, объединявшая властителей двух стран). В этом государстве был общий король, единый сейм, единая внешняя политика и единая монетная система. Однако Польское королевство и Великое княжество Литовское сохраняли свою собственную администрацию, свои финансы, свои суды и даже обладали собственным войском.

Во время подписания Люблинской унии произошло перераспределение территорий внутри Речи Посполитой. Большая часть украинских земель вошла в состав Польского королевства. Отныне Польша и Украина представляли собой так называемые «Коронные земли». Остальная территория сохранила название Великое княжество Литовское.

Необходимо отметить, что Великое княжество Литовское, несмотря на своё название, имело мало общего с современной Литвой. Это было большое многонациональное государство: здесь проживали балтоязычные литовцы, латгалы, ятвяги, славяноязычные литвины, русские, поляки, немцы, евреи, литовские татары и караимы. Здесь говорили на самых разных языках, но наиболее распространён был западнорусский. Языком официальных документов также был западнорусский письменный язык. Однако после Люблинской унии всё более распространяется польский язык и польская культура. В результате дворянство Речи Посполитой постепенно становится польскоязычным. Дворяне перенимают польскую культуру, польские обычаи, костюм, оружие и т. д.

Речь Посполитая была многоконфессиональным государством, где католическая религия являлась основной. Однако православная религия также играла очень важную роль. В 1596 г. в результате собора Западнорусской церкви, прохо-

дившем в городе Бресте, была принята так называемая Брестская уния, в результате которой часть православного духовенства Речи Посполитой приняла главенство римского папы, и возникла новая церковь, получившая название Униатской. На значительной части территории Украины и в восточных землях Великого княжества Литовского православные не приняли унии и сохранили свою собственную церковь.

XVI век был золотым веком Речи Посполитой, её владения простирались «от моря до моря», то есть от берегов Балтики до Северного Причерноморья. В это время многие западные русские земли, и в частности Смоленск, входили в состав Речи Посполитой. Граница между Речью Посполитой и Московским царством проходила менее чем в 250 км от Москвы! Однако в XVII веке начинается упадок некогда великого государства. Король здесь был выборным, а шляхта имела столько прав, что управлять страной было почти что невозможно. Один из самых печально знаменитых законов Речи Посполитой — так называемое «*liberum veto*». Достаточно было одному из шляхтичей во время сейма сказать *veto* (лат. «запрещаю»), чтобы решение, за которое голосовали все остальные, было не принято. В результате растущей шляхетской анархии Речь Посполитая в XVII веке потеряла многие владения на востоке, в том числе Левобережную Украину и Смоленск.

В XVIII веке страна окончательно приходит в упадок, а её соседи становятся всё сильнее. Ясно, что природа не терпит пустого места, и мощные сопредельные государства начинают вмешиваться во внутренние дела Речи Посполитой, а потом и просто-напросто решают прибрать к рукам часть её территории. В 1772 г. состоялся так называемый первый раздел Польши (этот термин устоялся в исторической литературе, хотя речь здесь идёт о Речи Посполитой). Россия, Пруссия и Австрия оторвали по большому куску окончательно пришедшего в упадок государства. Россия

получила земли общей площадью 92 тыс. км² с населением 1 млн 300 тыс. человек (к моменту первого раздела население Речи Посполитой составляло 12,3 млн человек, а её площадь была 718 000 км²). Всего же страна потеряла 3 млн 480 тыс. человек и 210 тыс. км² территории.

Революционные события во Франции вызвали подъем патриотических настроений в Польше, и 3 мая 1791 г. после долгих заседаний сейма была принята конституция. Эта конституция не была революционной. Она, наоборот, упрочила власть короля, установила наследственную монархию, создала унитарное государство и покончила со шляхетской вольницей. В частности, было отменено печально знамени-

Разделы Речи Посполитой

тое «liberum veto». Мещане были уравнены в правах со шляхтой, а крестьяне брались под защиту государства.

Екатерина II была в бешенстве и в ответ на польскую конституцию инициировала собрание нескольких продажных магнатов в городке Тарговица под Уманью, где они объявили конфедерацию с целью восстановить «польские свободы» и отменить конституцию 3 мая. Екатерина тотчас же поддержала «повстанцев», борющихся за «свободу» (слово «демократия» в подобных случаях тогда ещё не употребляли). Русские полки были переброшены с турецкой границы и двинулись на Варшаву. Польский король Станислав Понятовский не оказал сопротивления и, более того, в страхе перед расправой присоединился к конфедерации. В июне 1793 г. в Гродно был собран новый сейм. Его заседания происходили в гродненском замке, наполненном и окружённом русскими солдатами. Для большей убедительности на замок навели стволы пушек. Сейм в гробовом молчании признал отмену конституции и новый раздел Речи Посполитой. Ставшую ненужной конфедерацию «борцов за свободу» разогнали.

Согласно второму разделу 1793 г., Россия получила Правобережную Украину, а Пруссия — Данциг, Торн и Великую Польшу с Познанью. После второго раздела страна потеряла около 308 тыс. км² с населением около 2 миллионов человек. Этот очередной раздел страны вызвал национально-освободительное восстание под руководством Тадеуша Костюшко. Восстание было подавлено. 5 ноября 1794 г. войска Суворова взяли штурмом предместье Варшавы — Прагу.

Об этом штурме необходимо сказать отдельно. Большинство русских историков предпочитают не говорить о нём вообще или, в крайнем случае, упоминать вскользь. Однако произошедшее в предместье Варшавы, лежащем на восточном берегу Вислы, заслуживает внимания. В польскую историографию оно вошло под названием «резня в

Праге». Действительно, штурм, который предпринял Суворов, закончился трагическим результатом. Русские солдаты, овладев укреплённым предместьем, устроили ужасающую бойню не только оборонявшим укрепления солдатам и ополченцам, но и мирному населению.

Удивительно, что даже сейчас есть историки, которые не хотят признавать это событие или «минимизируют» его значение, говоря о том, что в Праге было убито не 20 тыс. жителей, как утверждают польские исследователи, а «всего лишь» 10 тыс., что казаки не насаживали младенцев на пики, что всё это — рассказы злопыхателей, что вообще погром, грабёж и насилие сопровождали в ту эпоху любой штурм и т. д. и т. п.

Действительно, неписанные законы войны того времени предполагали, что взятый штурмом город отдавался на разграбление войскам. Однако всё же существует разница между грабежом и насилием, с одной стороны, и резнёй тысяч мирных жителей — с другой. Кроме того, в Центральной Европе, начиная, скажем, со второй четверти XVIII века, подобных событий в крупном масштабе не происходило. Одно дело — войны с турками, здесь враг не церемонился с европейскими городами, и, соответственно, европейцы не церемонились с ним. Другое дело — войны между регулярными армиями Европы. В большинстве случаев в XVIII веке крепости брали не штурмом, а осадой. Когда брешь в крепостном обводе была пробита, гарнизону предлагалось капитулировать на почётных условиях, что обычно и происходило, так как в большинстве случаев у осаждающих было больше сил и средств, а обороняться имело смысл, пока крепость не была сильно повреждена. Муниципалитеты городов, естественно, боявшиеся последствий штурма, обычно уговаривали коменданта сдаться, пока не поздно.

В XVIII веке в Западной и Центральной Европе нельзя припомнить ни одного штурма большого города с грабежом и насилиями. Последний раз взятие городов с последующи-

ми бесчинствами происходили в ходе Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.). Самым ярким примером является знаменитый разгром Магдебурга имперской армией Тилли в 1631 г.

Напротив, ни в ходе войны за австрийское наследство (1740—1748 гг.), ни в ходе Семилетней войны (1756—1763 гг.), ни тем более в ходе полукомичной австро-прусской «картофельной» войны (1778 г.) ничего подобного не происходило. Так что европейцы совершенно отвыкли от такой войны. И не так уж важно, погибло в Праге 10 тысяч или 20 тысяч человек, важно то, что этот штурм стал для поляков поистине моральным шоком. После него Варшава капитулировала, и сопротивление прекратилось.

Значит ли это, что Суворов, действуя жестоко, сэконо-мил жизни других людей? Возможно, в тот момент да. Однако в историческом плане пражский погром был, без сомнения, ошибкой. Если бы Суворов, вступив в город, просто казнил отдельных руководителей восстания, вероятно, это было бы забыто через несколько лет, но дикие сцены пражской резни остались в памяти людей на долгие годы и уж тем более никак не были забыты в наполеоновскую эпоху. Напомним, что между штурмом Праги и вступлением Наполеона в Польшу прошло менее 12 лет. В памяти всех взрослых поляков были живы события в Праге. Воспоминания о них создали атмосферу негативного отношения к русским властям и войскам, на фоне которого будет развиваться польское национально-освободительное движение.

После штурма Праги и разгрома восстания Речь Посполитая перестала существовать. В 1795 г. по третьему разделу Россия получила Литву, оставшуюся часть Белоруссии и Западную Украину (территория 20 тыс. км² с населением 1,2 млн человек). Варшава и значительная часть старых польских земель отошли к Пруссии. Австрия на этот раз не осталась в стороне и получила так называемую Малую Польшу с городом Люблином.

На территории Польши были расквартированы оккупационные войска, бесчинства которых не знали предела. Вот что написал свидетель этих событий, уже известный нам офицер русской армии Ланжерон: «Состояние каждой деревни Польши с 1791 года по 1796 год, когда я пишу эти строки... походит на город, только что взятый штурмом... Солдат забирает всё у крестьянина, а если тот жалуется, то он его бьёт, не оставляя ему (*крестьянину*) ни хлеба, ни мяса, ни яиц, и требует, чтоб его кормили так, чтоб он мог приглашать своих товарищей и кутить с ними как помещик... Русский солдат стал бичом крестьянина, у которого он квартирует. Солдат совращает жену крестьянина, бесчестит его дочь, прогоняет крестьянина из его постели и часто из его дома. Он съедает всех его куриц, весь его скот, забирает его деньги и регулярно избивает...»²⁰

Что же касается знати, автор записок отмечает: «Те, кто были верны своему отечеству, были выброшены, презираемы, ссылаемы, заключены в тюрьмы. Повсюду конфискация имущества показала, что никакая собственность не будет больше уважаться, и жадность придворных Екатерины поглотила самые лучшие поместья крупных собственников Литвы, Волыни и Подолья...»²¹

Помимо грабежа завоеванной территории, Третий раздел означал настоящую трагедию полного исчезновения целого государства с глубочайшими историческими корнями, государства, которое внесло многое в жизнь и культуру Европы. Разумеется, для многих поляков, литовцев и других жителей многонациональной Речи Посполитой её исчезновение стало катастрофой. Тем более что конституция 3 мая 1791 г. была очень популярна, и реформы, проведённые тогда в стране, остались в памяти людей как, без сомнения, положительные изменения, которые выводили, наконец, Речь Посполитую из политического хаоса и анархии, царивших в стране в XVIII веке.

С самого начала поляки традиционно связывали надежды на восстановление своего отечества с Францией, и прежде всего они надеялись на непобедимого генерала Бонапарта. Уже в январе 1797 года в рядах его армии, сражавшейся в Италии, был создан так называемый польско-италийский легион. Боевым маршем польских частей стала знаменитая «Мазурка Домбровского», которой затем суждено будет стать национальным гимном Польши:

Еще Польша не погибла,
 Коль живем мы сами.
 Все, что взял у нас наш недруг,
 Мы вернем клинками!

Марш, марш, Домбровский,
 За край наш польский,
 Чтобы нас встречал он
 Под твоим началом!

Вислу перейдем и Варту,
 Чтобы с Польшей слиться,
 Научил нас Бонапарте,
 Как с врагами биться.

Генерал Бонапарт, а впоследствии император Наполеон с большим удовольствием использовал отвагу польских солдат. Однако он вряд ли серьезно задумывался о том, что когда-то ему придется не на словах, а на деле заняться польским вопросом. Все это было тогда так далеко от Северной Италии и Адриатики, которые император рассматривал как возможную сферу влияния Франции. Но вот теперь волею судеб французские войска оказались на границах бывшей Речи Посполитой. И польский вопрос отныне встал во весь рост.

Нечего и говорить, что для поляков, героически сражавшихся в армии Наполеона, все было ясно. Необходимо было перейти Одер, поднять вооруженное восстание на терри-

тории прусской Польши, освободить для начала польские территории, томившиеся под немецким гнетом, чтобы потом, рано или поздно, восстановить всю Речь Посполитую.

Однако даже для человека, мало сведущего в политике, было понятно, что освобождение прусской Польши навсегда поссорит Наполеона не только с пруссаками, но и с Россией и Австрией, которые получили в свое время львиную долю польских земель. Именно поэтому один из известных офицеров наполеоновской армии, начальник штаба корпуса Нея, полковник, а впоследствии генерал Жомини, талантливый специалист в области стратегии и тактики, представил Наполеону записку, где он настоятельно рекомендовал императору ни в коем случае не совершать этот рискованный шаг.

Жомини передал свои заметки Наполеону 10 ноября 1806 года в Берлине. Военный теоретик в самых ярких красках расписывал выгоды прусского союза для Франции. По его мнению, Наполеон должен был великодушно простить Пруссии ее нападение и заключить с ней мир, не требуя от нее никаких территориальных уступок, и, прежде всего, ни в коем случае не форсировать линию Одера, ни при каких условиях не затрагивать взрывоопасный польский вопрос. Жомини утверждал, что в случае попытки освобождения Польши Великая Армия встретится с ожесточенным сопротивлением русских, а 150-тысячная австрийская армия может нанести удар с тыла. Наконец, по мнению теоретика, власть более просвещенного государства на польской территории, то есть хозяйничанье пруссаков, идет польскому народу лишь на пользу.

Похожего мнения придерживался министр иностранных дел Франции Талейран. Последний постоянно говорил о непостоянстве и легкомыслии поляков и об опасности конфликта с Россией, и особенно, с Австрией, к которой Талейран всегда благоволил (увы, не бесплатно).

Были и прямо противоположные мнения. Например, известный тайный агент Наполеона и выдающийся эксперт по вопросам международной политики того времени граф де Монгайар также представил в Берлине свой политический «мемуар» Наполеону. Его выводы были диаметрально противоположны выводам Жомини. Так, Монгайар, во многом опережая свое время, указывал на огромную опасность (в перспективе) усиления Пруссии. Он пророчески отмечал, что Пруссия может стать ядром немецкого объединения, которое позже встанет костью в горле как Франции, так и России: «Власть Германии ни в коем случае не должна принадлежать Пруссии, если мы не желаем, чтобы спокойствие Европы было нарушено этой державой». Монгайар считал также, что Россия является естественным союзником Франции: «Россия не может быть врагом Франции, она, наоборот, нуждается в том, чтобы Франция была независимой и сильной»²².

Монгайар полагал, что «только восстановление Польши укрепит новую политическую систему в Европе». Оно не только позволит создать надежную опору для Франции на востоке Европы, но и поможет нанести англичанам чувствительный удар, так как берега Балтики будут надежно закрыты для британского флота.

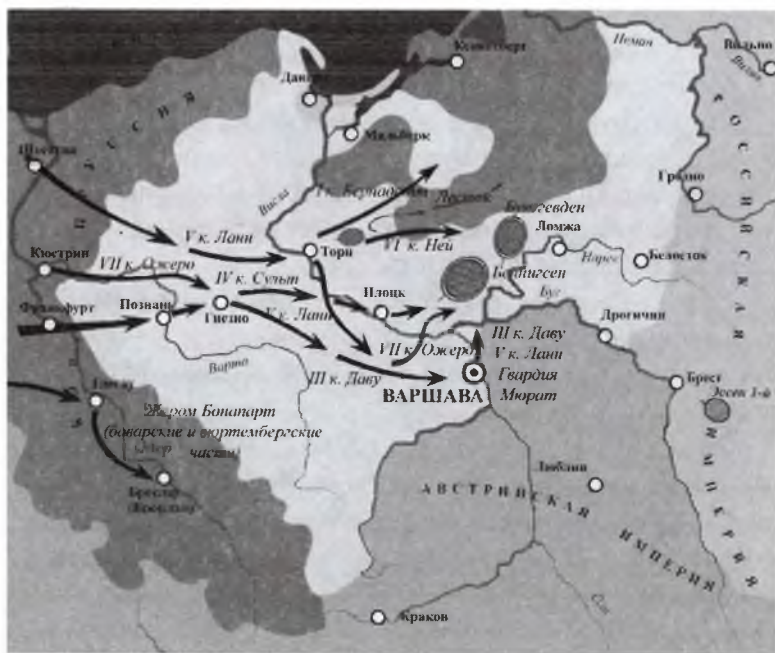
Среди маршалов также не было единого мнения. Так, командир 5-го корпуса, известный храбрец и личный друг императора Жан Ланн был очень скептически настроен по отношению к полякам. Вот что он доносил императору 7 ноября из Штеттина, с польских границ: «Невозможно восстановить эту нацию, которая пребывает в возмутительной анархии. Если вооружить поляков, то все польские провинции передерутся между собой... Кажется, что отсюда до самой Вислы простирается страна самая нищая, которую только можно себе вообразить. Это настоящая пустыня»²³.

Зато маршал Даву, командир 3-го корпуса Великой Армии и герой битвы при Ауэрштедте, восторженно писал о

том, какой прием оказали его авангардам на польской земле: «Поляки встречают нас как освободителей... Повсюду наши отряды были приняты с самым восторженным энтузиазмом как дворянами, так и простым народом. В Познани собрались представители всех знаменитых дворянских семей Польши, чтобы встретить Ваше Величество...» 24

Такого же мнения придерживался Мюрат и многие другие знаменитые маршалы и генералы.

Наполеон колебался. Несмотря на восторженные рапорты своих подчиненных об энтузиазме поляков, он прекрасно понимал всю меру опасности, которую влечет за собой само прикосновение к болевой точке Европы. Несмотря на полный разгром пруссаков, несмотря на позорную капитуляцию

Кампания 1806 г. на территории прусской Польши

остатков войск Гогенлоэ под Пренцлау, сдачу корпуса Блюхера под Любеком, капитуляцию знаменитых твердынь Пруссии Кюстрина, Штеттина и Магдебурга (в последнем генерал Клейст с огромным 22-тысячным гарнизоном сдался, когда французы чисто символически обстреляли город из нескольких мортир), император считал все-таки, что лучше всего заключить с пруссаками мир и тем самым прекратить войну.

Конечно, Наполеон, как человек трезвого политического рассудка, не мог позволить себе быть столь великодушным, как предлагал в своей записке генерал Жомини. Император заботился об интересах своей страны и был полон решимости не допустить, чтобы Пруссия могла когда-либо нанести внезапный удар. Она, по мнению Наполеона, должна была хотя бы символически заплатить за развязанную войну. Однако условия, которые ставил император своему противнику, были более чем умеренными.

Как уже отмечалось, к великому удивлению Наполеона, прусский король отказался от мира.

Так у императора оставалось все меньше выбора. Продолжение войны с пруссаками и борьба с русской армией становились неизбежными. Естественно, что в этой ситуации с чисто стратегической точки зрения было бы крайне неразумно позволить остаткам прусских войск прийти в себя, получить новые пополнения из Восточной Пруссии и собрать новую мощную армию на территории Польши.

Наконец, свою роль сыграл фактор «пустого пространства». От Одера до Вислы практически не осталось прусских войск, а русские отряды еще не появились. Таким образом, большая часть прусской Польши была совершенно свободна, и ее могли занять даже небольшие кавалерийские отряды. Крепости, прикрывавшие переправы через Одер: Кюстрин и Штеттин, — были в руках Великой Армии. Польша словно манила французов в глубь своих просторов.

В результате, подчиняясь жесткому стратегическому императиву и соблазну «пустого пространства», Наполеон принял чреватое серьёзными последствиями решение. Ясно оно нигде не выражено, однако его можно вполне четко проследить по отдельным приказам императора и действиям в ноябре—декабре 1806 года. Великая Армия должна была вступить на территорию прусской Польши и не препятствовать полякам, если они начнут национально-освободительное восстание. Однако при этом не следовало им ничего обещать. Польское восстание (если таковое начнется), по мысли Наполеона, должно было лишь помочь быстро разгромить остатки прусских войск и послужить уроком для русского царя.

Наполеон считал, что Александр поймет: в случае продолжения войны он также рискует получить восстание в бывших польских провинциях. Поэтому царь станет более стоворчивым и пойдет на переговоры, в результате которых будет заключен мир и, возможно, союз с Россией. В случае мирных переговоров Наполеон не исключал, видимо, восстановление независимости какой-то части польской территории. Разумеется, речь могла идти только о территории прусской Польши.

В середине ноября 1806 года войска Великой Армии на широком фронте форсировали Одер и вступили на территорию прусской Польши. Повсюду французов встречали как освободителей. В Познани жители устроили восторженный прием маршалу Даву и его солдатам. Несмотря на проявление радости, нельзя не отметить, что Ланн был во многом прав. Страна была бедной, а осенние дороги — отвратительными. Именно тогда во французской армии родилась фраза: «Бог создал для Польши пятую стихию — грязь».

Едва французские корпуса продвинулись на несколько десятков километров в глубь польской территории, как необходимость добывать провиант и желание поскорее ока-

заться в цивилизованном месте буквально погнали французских полководцев к Варшаве. Маршалы стали наперебой докладывать императору о том, что их войска не находят достаточного количества провианта, что стратегически важно занять такой крупный город, как Варшава, и т. д. и т. п. В результате осторожное, по мысли Наполеона, продвижение по польской территории превратилось в настоящий бег к столице.

28 ноября 1806 года в час дня авангарды кавалерии Великой Армии под командованием Иоахима Мюрата вступили в Варшаву. Прусский гарнизон и отдельные русские отряды, стоявшие на западном берегу Вислы, ушли за реку и не препятствовали триумфальному вступлению французов в польскую столицу. Жители встречали французов с каким-то иступленным, безумным энтузиазмом. Ликующая толпа стояла вдоль улиц, по которым проезжала кавалерия Мюрата во главе с как всегда пышно разодетым маршалом. «Я еще никогда не видел национальный дух, доведенный до такой высшей точки,— восторженно докладывал легендарный командир конницы.— Мы въехали в Варшаву приветствуемые тысячу раз повторяемыми криками „Да здравствует император Наполеон, наш освободитель!“ . Этот возглас исходил из уст людей всех классов и состояний. Что же касается женщин,— добавил опытный в этом вопросе маршал,— они просто не могли сдерживать своей радости... Все поляки просят оружия, чтобы сражаться с врагом... Наши солдаты были встречены, будь то дворянами, будь то крестьянами, будь то горожанами, как братья... Каждый житель стремился сделать так, чтобы наши солдаты расположились у него в гостях. Знатные люди подготовили торжественные ужины для наших офицеров. Так что, Сир, радость всеобщая»²⁵.

Кстати, вечером в Варшавском театре давали спектакль, специально подготовленный к этому случаю. Он назывался «Пражские укрепления». Как можно догадаться, речь шла не

Б. Гембаржевский. Маршал Мюрат и князь Понятовский вступают в Варшаву во главе французских войск, 28 ноября 1806 г.

о столице Чехии, а о разгроме варшавского предместья в 1794 г. Эпизод, о котором мы упоминали, был у всех на устах...

Доклад Мюрата о восторженной встрече в польской столице был полон экзальтации неспроста. Герцог Бергский явно мечтал о чём-то большем, чем маршальские эполеты. «Создать независимое государство под скипетром иностранного короля, которого Ваше Величество даст этой стране,— вот всеобщее желание,— прозрачно намекал в своем докладе бравый гасконец и продолжал: — Но они поднимутся все только тогда, когда Ваше Величество провозгласит независимость Польши и укажет, кто же тот король, которого Вы желаете видеть»²⁶.

Ответ Наполеона был ледяным душем для незадачливого маршала: «Передайте им, что я пришел сюда не для того, чтобы выпрашивать трон для одного из своих близких». Так же холодно и с серьезным спокойствием Наполеон принял депутацию польского дворянства, когда он лично приехал в Познань, где ему устроили еще более восторженную встречу, чем Мюрату в Варшаве: «Господа,— строго произнес император в ответ на напыщенные речи,— то, о чем вы говорите,— это великое дело, но помните, что это война с ее случайностями, с ее опасностями и с ее тяготами». Впрочем, после бала, который устроили в его честь в Познани, Наполеон, улыбнувшись, сказал: «По-моему, все польки — настоящие француженки!» Это, однако, никоим образом не изменило настроения Наполеона, и он почти тайком въехал в Варшаву в ночь с 18 на 19 декабря, стремясь всеми способами избежать всяких торжественных встреч. На другом берегу Вислы французов ждала русская армия, и императора это заботило куда больше, чем энтузиазм толпы.

22 декабря началась операция по форсированию Вислы, которая вылилась в сражения при Пултуске и Голымыне. Кровопролитные схватки не принесли решающего успеха ни той ни другой стороне.

1 января 1807 года император вернулся в Варшаву. Легенда рассказывает, что в этот день на станции Блоне он встретил прекрасную девушку с золотистыми волосами, которая с таким восторгом и трепетом смотрела на него, что император снял шляпу и поклонился. Тогда, не сдерживая себя от переполнивших её чувств, прелестная незнакомка воскликнула: «Приветствую вас, тысячекратно благословенный, на нашей земле. Что бы мы ни сделали, ничто не может должным образом выразить чувств, которые мы питаем к вам, и радости, которую мы испытываем, видя, как вы вступаете в пределы нашей родины, которая ждёт вас, дабы восстать из праха». Девушку звали Мария Валевская; у Наполеона вскоре начался роман с этой прекрасной полькой, который наложил свой отпечаток на восприятие императором Польши.

А дальше, в Варшаве, началось все то, чего император так старательно стремился избегать: приемы, балы, пиршества, бряцанье оружием польской шляхты, клятвы верности, энтузиазм, ликование, улыбки прекрасных полек и... любовь красавицы Марии. Наполеон был человеком государства, трезвым политиком, но все-таки он был человеком. Знаменитый историк Луи Мадлен точно описал пьянящую обстановку, которая окружала императора в Варшаве: «блистательное общество, полное рыцарства и утонченности, народ, столь близкий по духу французам, что, как он заметил, здесь все французские достоинства и недостатки доведены, кажется, до их крайних форм. Веселые танцы, мазурки под звук скрипок, удивительная роскошь костюмов, где парадное изящество переплеталось с восточной пышностью, вдохновенные лица мужчин и изысканная красота женщин, атмосфера, словно наполненная опьянением и надеждой на освобождение...»²⁷

В результате, сказав «А», Наполеон вынужден был сказать «Б» и т. д. Считая, что борьба в Польше будет лишь ограниченным восстанием против пруссаков, он, на самом

деле, пришел к тому, что всеми способами стремился предотвратить: народным восстаниям и кровопролитной войне с русскими войсками.

Война действительно получилась страшной. В холоде и голоде, по колено в грязи и снегу, армия утратила тот весёлый энтузиазм, который переполнял её в прусском походе 1806 г. Знаменитый главный врач Великой Армии барон де Перси записал в своём дневнике в это время: «Никогда французская армия не была в столь несчастном положении. Солдаты каждый день на марше, каждый день на биваке. Они совершают переходы по колено в грязи, без унции хлеба, без глотка водки, не имея возможности высушить одежду, они падают от истощения и усталости... Огонь и дым биваков сделали их лица жёлтыми, исхудалыми, неузнаваемыми; у них красные глаза, их мундиры грязные и прокопченные»²⁸.

Французам пришлось не только испытать тяготы похода, но и сойтись в бою с решительным, готовым к смертельной схватке неприятелем. Русская армия сражалась с удивительным мужеством и отвагой. В генеральном сражении, данном 8 февраля 1807 г. под Эйлау, Наполеону удалось добиться лишь пирровой победы. Русская армия покинула усыпанное трупами поле битвы, но и французы настолько ослабли, что продолжать наступление было невозможно. Обе армии разошлись по зимним квартирам и, зализывая свои раны, готовились к новым боям.

Интересно, что практически в тот же момент, когда началась кампания на территории прусской Польши, пушки загремели и над Дунаем. Появление наполеоновского анклава на Адриатическом побережье ещё более накалило атмосферу на Балканах. Нужно сказать, что и Франция, и Россия вели здесь наступательную и довольно противоречивую политику. Обе державы понимали, что Османская империя клонится к упадку своего могущества, что может наступить момент, когда останется только подобрать её

«обломки», а эти «обломки» вызывали аппетит и у российской аристократии, и у французской буржуазии. Россия постоянно стремилась на юг, к Константинополю и проливам. Это стремление объективно совпадало с освободительными чаяниями народов, живших под турецким игом, тем более что многие из этих народов были славянами и православными. Эти чаяния российское правительство постоянно поддерживало деньгами, поставками оружия и обещаниями. С другой стороны, на словах постоянно говорилось о необходимости сохранения союза с Османской империей, который существовал с 1799 г. и принес немало политических дивидендов, в частности владения на Средиземноморье. В результате постоянной темой риторики правящих кругов Российской империи в то время была защита целостности Турции от коварных замыслов Наполеона.

Практически такой же была политика и риторика наполеоновской дипломатии, только, конечно, с противоположным знаком. Французские агенты проникали в балканские страны и также говорили о помощи угнетённым, которую принесёт Франция. С другой стороны, Наполеон был слишком заинтересован в поддержке со стороны Турции, особенно в тот момент, когда вёл войну с Россией, и поэтому проявлял чуткую заботу о защите несчастной империи от посягательств с севера.

Именно поэтому политика обеих держав на Балканах была необычайно запутанна и часто непоследовательна. Послы Франции и России боролись за влияние в Константинополе. Однако, когда Наполеон одержал победу под Аустерлицем, влияние наполеоновского посланника Себастини стало явно преобладающим. В Турции оживились антирусские настроения. Со своей стороны Россия оказала дипломатический нажим на Османскую Порту, в частности, в ультимативной форме потребовав не смещать господарей Валахии и Молдавии, которых султан решил заменить на верных себе людей.

Дело в том, что по договору с Россией 1802 г. турецкие власти не имели права смещать господарей указанных княжеств досрочно — ранее семи лет. В случае отказа Турции грозила война. Султан вынужден был пойти на попятную и готов был оставить угодных России господарей. Но эпизод с господарями был лишь поводом. Хотя в Петербурге стало известно о согласии турок, 23 ноября 1806 г. русские войска перешли Днестр и стали быстро продвигаться в сторону Бухареста и Дуная.

Несмотря на запутанность русско-турецких отношений, в этот раз инициатива начала войны целиком и полностью исходила от правительства Александра I. Адмирал Чичагов, довольно сомнительный полководец, но весьма честный человек, написал: «Когда русский посол Италинский добился от Дивана (*Совета*) полного удовлетворения российских требований, он вдруг узнал о вторжении русской армии в Княжество. Он заявил, что этого не может быть, и поверил только тогда, когда получил официальное подтверждение. Это нападение, столь неуместное, было результатом глупейшей выходки барона Будберга, который только занял место министра иностранных дел (до него этот пост занимал князь Чарторыйский)... В качестве своего дебюта на министерском посту Будберг добился от императора разрешения напасть на турок в тот момент, когда исчез даже малейший повод для ссоры. Так началась эта война, которая стоила России столько людей и столько денег, и в тот момент, когда она нуждалась в концентрации своих усилий, чтобы сражаться с Наполеоном»²⁹.

Интересно, что при этом было официально объявлено, что Россия не ведёт войну с Турцией, а лишь берёт под защиту княжества, которым грозит вторжение наполеоновских войск! Конечно, нельзя недооценивать активность французских агентов на Балканах и колониальные аппетиты Наполеона, но всё же это было явным перебором. Никак

не желая, чтобы провинции его империи взяли под свою «защиту» русские войска, султан Селим III 27 декабря 1806 г. объявил войну России.

Так в Европе возник новый очаг напряжённости, который ещё более запутал и без того непростую европейскую политику этого времени.

Создание серьёзного конфликта почти полностью по инициативе Александра I тем более удивительно, что уже два года на юго-восточных рубежах России пылало пламя ещё одной войны — русско-персидской, которая началась в июне 1804 года! Здесь одновременно были задействованы довольно ограниченные силы русской армии, около 20 тыс. человек. Но война с Персией была кровопролитным конфликтом, который разворачивался на территории современных Азербайджана, Армении, Грузии и Абхазии и продолжался вплоть до 1813 года! Интересно, что персидский шах Фетх-Али, который вёл войну с русскими, получал активную помощь от Англии (!), о защите которой так пёкся Александр I...

Впрочем, главные события в Европе развивались не на Балканах и не на Кавказе, а в Польше, где обе стороны — русские и французы — собирали силы для решающего столкновения в предстоящую летнюю кампанию 1807 г.

Испытавший тяжесть Аустерлицкого разгрома молодой царь самым серьёзным образом готовился к продолжению борьбы. Разумеется, русская армия получала пополнение, оружие, боеприпасы... Среди мер военного характера, призванных усилить армию, был созыв ополчения. Указом от 30 ноября (12 декабря) 1806 г. было организовано так называемое «Земское войско» численностью по спискам 612 тыс. человек.

Одновременно 13 января 1807 г. был создан так называемый «Комитет общей безопасности» — тайная политическая полиция и контрразведка. В указе о создании комитета говорилось, что он создаётся «...обращая внимание на

способы, которыми коварное правительство Франции, достигая пагубной цели своей — разрушения всеобщего спокойствия, не переставало действовать во всех европейских государствах...».

Но Александр впервые решил применить силу и другого свойства — «идеологическое» оружие. По его распоряжению в декабре 1806 г. Святейший Синод предал Наполеона анафеме и объявил его Антихристом! В начале 1807 г. во всех православных церквях России священники гулким басом произносили: «Наполеон дерзает против Бога и России... Покажите ему, что он тварь, совестью сожжённая и достойная презрения... Не верьте ему, ниспровергайте его злодейства».

Далее сообщались ценные сведения о том, что Наполеон только и живёт, что «потрясением Православной греко-русской церкви, тщится наваждением дьявольским вовлечь православных в искушение и погибель», поклонялся истуканам, человеческим тварям и блудницам, в Египте «проповедовал Алькоран магометов», наконец, «к вящему посрамлению церкви Христовой, задумал восстановить синедрион, объявить себя мессией, собрать евреев и вести их на окончательное искоренение всякой христианской веры»³⁰.

От подобной «идеологической» обработки подданных у священников, хоть раз читавших Священные тексты, должны были, наверное, волосы встать дыбом. Дело в том, что в христианской эсхатологии говорится о том, что Антихрист захватит власть над миром и будет властвовать 42 месяца. Никакая человеческая сила не сможет противостоять Антихристу. «...Только Сам Господь, придя вторично на землю во славе Своей, победит его. Тогда наступит Страшный Суд Христов и конец нашего мира». Получалось, что сражаться с Наполеоном бессмысленно, да и перспективы вырисовывались какие-то не очень радужные...

Однако Господь, очевидно, не обратил внимания на неожиданное прочтение Библии Святейшим Синодом и равным

образом остался глух к молитвам, призывающим кары на голову Наполеона, потому что летняя кампания 1807 г. оказалась на изумление короткой. Русские войска перешли в наступление на рассвете 5 июня 1807 г., а уже 14 июня они потерпели сокрушительное, страшное поражение в битве под Фридландом. Русская армия потеряла около 20 тыс. убитыми, ранеными и пленными, однако не это было важно. Французские потери были также немалыми (12 тыс. убитых и раненых). Дело в том, что русские полки, прижатые к реке Алле, были сброшены с её крутых берегов в полном беспорядке. Если в сам день сражения солдаты, несмотря на дурные распоряжения главнокомандующего генерала Беннигсена, дрались с отвагой, то на следующий день войска охватила деморализация. «Беспорядок был ужаснейший»³¹, — вспоминал генерал Ермолов об отступлении после битвы.

Что же касается командования, то здесь вообще царил паника и растерянность. Знаменитый поэт и партизан Денис Давыдов, участник кампании 1807 г., рассказывал о своих впечатлениях от состояния окружения царя: «Я прискакал в главную квартиру. Толпы разного рода людей составляли её. Тут были англичане, шведы, пруссаки, французы-роялисты, русские военные и гражданские чиновники, разночинцы, чуждые службы и военной, и гражданской, тунеядцы и интриганы, — словом, это был рынок политических и военных спекулянтов, обанкротившихся в своих надеждах, планах и замыслах... все было в тревоге, как за полчаса до светопрествления»³².

Удивительно, но император Александр, несмотря ни на что, надеялся продолжать войну против Наполеона. Тогда его брат, великий князь Константин, посоветовал: «Государь! Если вы не желаете заключать мир с Францией, то дайте каждому из ваших солдат хорошо заряженный пистолет и скажите пустить пулю в лоб. Вы получите тот же результат, который вам даст новое и последнее сражение»³³.

Здесь нужно прервать на некоторое время хронологическое повествование для того, чтобы пояснить сложившееся положение. Если исходить из чисто военных соображений, ситуация для русской армии была, конечно, тяжёлая, но не совсем отчаянная. Наполеон разбил главную армию, но оставалось ещё немало военных сил. Общая численность регулярных войск Российской империи достигала 400 тыс. человек, иррегулярные войска насчитывали в своих рядах ещё 100 тыс. человек. Русские резервы были относительно близко, а французские — очень далеко. Наконец, вспомним о 600-тысячном (в потенциале) ополчении, которое вот-вот должно было пополнить ряды действующей армии.

Опасность же для русских правящих кругов была не столько военная, сколько политическая, и исходила она от ростков вольномыслия, которые попадали в Россию. Несмотря на то, что священники продолжали рассказывать о том, как Наполеон «тщится наваждением дьявольским волеи православных в искушение и погибель», страна всё больше и больше наполнялась слухами о том, что Наполеон даёт волю крестьянам, и это вызывало нешуточное брожение умов.

В документах Комитета общей безопасности можно найти, например, сведения о том, что «в Петербурге в начале 1807 г. дворовые возлагали надежду на то, что Наполеон освободит их. Крепостной помещика Тузова Корнилов рассказывал в лавочке: „Бонапарте писал к государю... чтоб, если он желает иметь мир“, то освободил бы „всех крепостных людей, и чтоб крепостных не было, в противном случае война будет всегда“. Оказалось, что он слышал об этом от одного крепостного живописца, рассуждавшего с двумя товарищами по профессии о том, что „француз хочет взять Россию и сделать всех вольными“. В январе 1807 г.. допрошен был дворовой П. Г. Демидова Спириин вследствие того, что в перехваченном письме его... к отцу, сосланному за

участие в бунте заводских служителей против приказчиков, он писал: „в скором времени располагаю видеться с вами чрез посредство войны; кажется, у нас, в России, будет несправедливость опровергнута“»³⁴.

Вообще, в России постоянно случались крестьянские бунты, а в это время их интенсивность особенно возросла. На период 1801—1806 гг. приходится 45 крестьянских выступлений.³⁵

Близкий к будущим декабристам московский барин Александр Тургенев записал в своём дневнике в декабре 1806 г.: «Мне кажется всё, что Бонапарте придёт в Россию; я воображаю санкюлотов, скачущих и бегающих по длинным улицам московским...»³⁶ А Фёдор Ростопчин доносил Александру I об упорных слухах и даже прокламациях о воле, которую Бонапарт якобы собирался принести в Россию.

Впрочем, до общего крестьянского бунта в России было ещё весьма далеко. Зато восстание в регионе бывшей Речи Посполитой, оказавшейся на территории российской короны, было вполне вероятным. В западных губерниях ситуация была крайне беспокойной. Здесь власти даже и не думали собирать ополчение, потому что оно могло направить свое оружие совсем не в ту сторону. Здесь люди жадно ловили новости о победах Наполеона, и в скором времени по всей Литве началось брожение. «Литовская молодёжь покидала край всеми способами, пробираясь на запад, чтобы вступить в ряды формирующейся польской армии,— пишет специалист по истории Литвы в этот период Дариуш Наврот.— Вероятно, около 12 тыс. молодых людей из Литвы и Волыни оказалось в рядах новых отрядов»³⁷.

В главной квартире Наполеона находилось несколько представителей самых знатных семей Литвы, которые стремились побудить императора вступить на территорию Речи Посполитой, занятой русскими, и начать там вооружённое восстание. Среди этих людей самую видную роль играл моло-

дой князь Сапега, который в ходе кампании 1807 г. сражался в рядах третьего легиона генерала Домбровского. Князь Сапега видел в Наполеоне человека, создающего новую систему миропорядка, где важную роль должно было сыграть восстановление великой Речи Посполитой. По мысли князя, она должна была стать центром объединения славянских народов. В феврале 1807 г. Сапега представил план вооружённого восстания на Подолии, Волыни и Украине. Подобные планы представляли императору и другие польские офицеры.³⁸

Князь Михал Огинский, кстати автор знаменитого полонеза «Прощание с отчизной», бывший участник восстания Костюшко, а в описываемое время — сторонник царя Александра и прорусской политики, писал: «Нельзя не отметить, что, когда Наполеон начал кампанию 1806 г., во всей Литве и во всех польских провинциях, подчинённых России, возникло большое движение. Повсюду люди жадно читали обращения Наполеона к полякам, прокламации Домбровского и Выбицкого, которые приходили из Варшавы, и письма, которые давали надежду на восстановление Польши»³⁹.

Мадам Шуазель-Гуфье (урождённая Софья Тизенгаузен, представительница знатного литовского рода) вспоминала, какое сочувствие вызывали у населения Вильно французские пленные: «Уличные торговцы яблоками и печеньем не хотели брать деньги с французских солдат. Кучера спускались со своих повозок, чтобы дать место пленным... В большом особняке моего отца располагалось примерно тридцать офицеров. Мой отец два раза в день накрывал для них стол на французский манер и в хорошей посуде... В тот день, который был назначен для отъезда пленных, у нас дома всё походило на ярмарку одежды и белья. Отовсюду присылали им вещи... Наш большой двор был заполнен толпой, и здесь стояли сани, которые бесплатно предоставили пленным виленские извозчики... Мой отец, прощаясь с пленными, незаметно вручил им тяжёлый мешочек, наполненный сереб-

ром... При этом он предусмотрительно послал также деньги в русский госпиталь. Это не помешало губернатору, господину Корсакову, в общем неплохому человеку, упрекать моего отца в опасной выходке и пригрозить ему Сибирью»⁴⁰.

Свидетельство пленного французского офицера почти слово в слово подтверждает слова Софьи Тизенгаузен: «Стремление к восстановлению Польши было столь же горячим в Литве, как и в Познани,— пишет офицер штаба маршала Нея, взятый в плен весной 1807 г.— Французских военнопленных принимали в Вильно как братьев. Простые люди обнимали их со слезами, бежали за водой, чтобы дать им напиться; я видел, как кучер спрыгнул со своего сиденья и дал пленным все деньги, которые у него были. Подобные проявления внимания беспокоили власти...»⁴¹

Наконец, один из русских чиновников докладывал из Вильно, что «в так называемых казино или клубах пили за здоровье Наполеона, рассказывали разные неподобающие мнения о наследии русского престола, и большинство относилось недоброжелательно к русскому правительству»⁴². Литовское дворянство укрывало также «запасы хлеба, чтобы сберечь его для ожидаемого прихода французов... В одной Вильне было скрыто в монастырях до 80 тыс. четвертей»⁴³.

Едва летом начались боевые действия, как 17 июня польские войска под командованием генерала Зайончека двинулись на Гродно. Вслед за ним на подкрепление шёл Домбровский со своей дивизией. «Ещё несколько дней, и наша судьба, и судьба целой Европы стала бы совершенно иной»⁴⁴,— писал Феликс Потоцкий**.

* *Четверть* — здесь: единица объёма сыпучих тел (1 четверть = 209,91 л).

** *Потоцкий Феликс* (1779—1811) — был одним из создателей и первых офицеров польских войск на службе Наполеона.

Для русской элиты было крайне рискованно продолжать войну в условиях опасности социальных потрясений и польского восстания. В на редкость эмоциональной для официального документа записке от 11 (23) ноября 1806 г. Новосильцев, Строганов и Чарторыйский писали Александру о том, что можно ожидать восстановления Наполеоном Польши и восстания в провинциях, доставшихся России по разделам ⁴⁵.

Наконец эгоистические действия англичан разозлили даже такого холодного и расчётливого человека, как Александр. Несмотря на обещания щедрого финансирования военных операций против Наполеона, за 1806 г. на содержание российских войск поступила лишь мизерная сумма в 50 тыс. фунтов стерлингов. Вместо помощи морскими силами «британские военные корабли неоднократно арестовывали и без того немногочисленные российские суда, принадлежавшие в основном торговым домам Архангельска и прибалтийских провинций России» ⁴⁶. На суше английская помощь также оказалась иллюзорной. Вначале предполагалось высадить на севере Германии мощный британский десант численностью в 30 тыс. человек. Правда, скоро выяснилось, что экспедиционный корпус не может превышать 20 тыс. человек, а затем и вовсе стало известно, что можно рассчитывать не более чем на 10 тыс. английских солдат. Причём всё это сопровождалось, как всегда бывало в таких случаях с британским контингентом, вечными проволочками, оттягиванием сроков и тому подобным. В конечном итоге на о. Рюген высадился смехотворный, по масштабам операций войны 1807 г., английский отряд в 3,5 тыс. солдат. К тому же это войско ступило на сушу только в июне, то есть тогда, когда война, собственно, и закончилась.

Интересно, что при этом британские правящие круги сумели найти солдат и деньги для того, чтобы попытаться овладеть Египтом! В марте 1807 г. 5-тысячный английский

экспедиционный корпус высадился в Александрии. Однако подвиги джентльменов с туманного острова продолжались на земле фараонов весьма недолго. Египетский паша Мехмет Али сумел организовать достойный отпор захватчикам. Уже в апреле того же года экспедиционный корпус был частично уничтожен, а частично попал в плен. Только жалкие остатки британского отряда смогли уплыть на Сицилию.

Конечно, английская высадка в Египте была осуществлена минимальными силами, но ведь и такой помощи русская армия не дождалась! Неудивительно, что молодой царь был просто взбешён...

Наполеон также не испытывал энтузиазма от перспективы дальнейшей борьбы. Его армия, несмотря на победы, находилась далеко от своих источников пополнения. Можно было предполагать, что в случае продолжения войны Наполеону снова придётся столкнуться с проблемой климата и с проблемой огромных пространств. Вообще, война за освобождение Польши была, мягко говоря, не слишком популярна среди французских солдат и офицеров. Тогдашняя Польша была бедным краем, который так разительно отличался от богатых Ломбардии, Баварии, Саксонии. Здесь наполеоновские войска столкнулись с суровым климатом и не менее суровым врагом. Да, солдаты выполняли приказания императора и готовы были идти за ним в самое пекло. Но в Польше в зимнюю кампанию 1806/07 гг. они постоянно чертыхались и проклинали всё на свете. Именно тогда родилось их знаменитое прозвище «ворчуны» (grogards). Правда, также будут говорить: «Они ворчали, но шли за ним».

В результате обе стороны желали мира. Что же касается Наполеона, ему казалось, что он близок к реализации мечты о создании русско-французского союза.

Только этим можно объяснить действия, предпринятые Наполеоном 18 июня 1807 г. В этот день французские авангарды, преследуя отступающую русскую армию, подходили

к Тильзиту, где дорогу преграждала широкая и глубокая в этом месте река Неман.

Русские войска оказались прижатыми к водному потоку. Главные силы армии успели переправиться, но на западном берегу оставалось еще немало войск. Чтобы прикрыть их отступление, генерал Багратион развернул свой арьергард в боевой порядок. Нужно сказать, что его положение было катастрофическим. Если бы французы атаковали всеми силами, у русских не было бы никаких шансов уйти из-под удара. Через полноводный глубокий Неман, который в районе Тильзита достигает ширины 250 м, можно было переправиться только по узкому деревянному мосту. В этой ситуации большая часть 10-тысячного отряда Багратиона вынуждена была погибнуть либо сложить оружие. В тот момент, когда французские войска были готовы для решающей атаки, показался русский парламентар, сопровождаемый трубачом *.

Маршал Мюрат, который командовал авангардом, тотчас принял русского офицера и приказал доложить обо всем императору. Указания Наполеона были однозначны: бой не начинать и дать русским отойти за Неман. В рапорте Мюрата, написанном в 15 ч. 30 мин. этого дня, говорится следующее: «По приказу Вашего Величества... я должен был остановиться в деревне Шиллюпишкен, после того как мы активно преследовали арьергард неприятеля в 10 тыс. человек кавалерии... вся вражеская армия, очевидно, будет этим вечером за Неманом»⁴⁷.

Генерал Бро, тогда капитан 7-го гусарского полка, вспоминал: «Эти войска (*казаки*) прошли через Эльбингские

* Во многих исторических произведениях говорится о том, что первый парламентар был послан 19 июня. Из приведённого ниже рапорта Мюрата и ряда других документов следует, что это произошло именно 18 июня. При этом обмен парламентарями продолжился и на следующий день.

ворота, и мои первые кавалеристы оказались у хвостов последних русских коней. Чтобы не случилось какого-нибудь нежелательного инцидента, я остановил моих гусар, так как они буквально кипели от желания сразиться с врагом»⁴⁸.

Не двигаясь, наблюдал французский авангард и за тем, как казаки поджигали мост после того, как последний русский солдат ушел на восточный берег реки. Наполеоновскими войсками не было предпринято никаких попыток подготовить переправу через Неман ни в Тильзите, ни в каком-либо другом месте поблизости. Поистине удивительное преследование!

Все это совершенно необъяснимо с точки зрения чисто военной, зато очень хорошо понятно, если учесть, что Наполеон считал союз с Россией своим приоритетом.

На следующий день царь послал князя Лобанова-Ростовского к начальнику штаба Великой Армии маршалу Бертье уже от своего имени. 21 июня около 18 часов князь снова прибыл во французский штаб, где и было подписано перемирие. Уже вечером Лобанов-Ростовский ужинал с Наполеоном и поднимал с ним тост за здоровье Александра.

На 25 июня была назначена встреча двух императоров. Она должна была состояться на плоту, специально для этого сооружённом посередине Немана французскими инженерами.

На плоту возвышался павильон для встречи императоров. Это строение было сделано в виде небольшого домика. В нём было два входа: один, обращённый к левому, западному берегу реки, предназначался для императора Наполеона, другой, обращённый к правому, восточному берегу, — для Александра. Французские солдаты постарались обустроить это небольшое сооружение, превратив его в нарядную комнату с двумя окнами, украшенную зеркалами. Посреди неё стояли стол и два кресла. Рядом на плоту стоял ещё один домик поменьше, для свиты.

После долгих дождей день выдался необычайно погожий и солнечный. Весь высокий «французский» берег был усыпан тысячами нарядно одетых солдат и офицеров, с нетерпением ожидавших исторического события. С противоположной стороны видно было только два небольших отряда конницы, а дальше расстилалась пустынная равнина. Почти у самого берега в зажиточном крестьянском доме ожидал встречи со своим врагом молодой царь. По случаю торжественного момента он надел темно-зеленый с алым воротником и обшлагами парадный мундир Преображенского полка. По моде того времени цвет формы почти не отличался от чёрного. И этот строгий, тёмный облегающий мундир ещё более подчёркивал изящество и стройность тридцатилетнего монарха. На Александре были обтягивающие лосины и изящные сапоги чуть ниже колена. Волосы по моде того времени были слегка напудрены.

Александр I сидел за столом и ждал с внешним спокойствием, вокруг него стояло несколько генералов и сановников также в парадных мундирах. Около получаса прошло в напряжённом ожидании. Вдруг в комнату вбежал адъютант и воскликнул: «Едет, Ваше Величество!»

«Электрическая искра пробежала по всех нас, — вспомнил Денис Давыдов. — Государь хладнокровно и без торопливости встал со своего места, взял шляпу, перчатки свои и вышел со спокойным лицом и обыкновенным шагом вон из горницы. Мы бросились из неё во все отверстия, прибежали на берег и увидели Наполеона, скачущего во всю прыть между двух рядов старой гвардии своей. Гул восторженных приветствий и восклицаний гремел вокруг него и оглушал нас, стоявших на противоположном берегу. Конвой и свита его состояли, по крайней мере, из четырёхсот всадников»⁴⁹.

Оба императора, каждый с пятью сопровождающими, одновременно вошли в приготовленные для них лодки, и гребцы взялись за вёсла. Но течение Немана сильное, грести

было не так-то просто. У Наполеона на вёслах сидели гвардейские моряки, поэтому французский император оказался на плоту раньше Александра. Быстрыми шагами он прошёл на другую сторону плавучего сооружения и любезно помог молодому царю подняться. Оба, подчиняясь какому-то внутреннему импульсу, не сговариваясь, обнялись. «Сир, я ненавижу англичан, так же как и вы!» — воскликнул Александр. «В таком случае мир заключён!» — улыбаясь, ответил Наполеон.

Это было то небольшое, что услышали свидетели этой сцены, а далее императоры прошли в свой павильон, а свита — в свой. Встреча Наполеона и Александра продолжалась около часа, о чём они беседовали, можно только догадываться, но так или иначе это было началом русско-французского мира и союза.

На следующий день состоялась новая встреча на плоту, на этот раз в присутствии прусского короля. Наполеон с трудом сдерживал свою неприязнь по отношению к последнему.

В этот же вечер Александр по приглашению императора французов переправился через реку. Его встречали со всей возможной помпой. Для Александра подготовили богато убранного арабского коня, и он поехал вдоль рядов французских гвардейцев, застывших с ружьями «на караул». Императорская гвардия в полной парадной форме, выстроенная на берегу и на улицах Тильзита, сияла воинственным блеском. Перед молодым царём склонялись трёхцветные знамёна, увенчанные бронзовыми орлами, грохотал салют из шестидесяти пушечных выстрелов. Императоры, окружённые блестящей свитой, проехали через город, на улицах которого были выстроены лучшие полки наполеоновской армии. Александр, прекрасный наездник, безупречно сидел на коне и отвечал на воинские приветствия любезной улыбкой, грациозно салютуя своей шпагой замершим по стойке «смирно» батальонам.

Когда оба императора подъехали к особняку, который предназначался Александру, Наполеон произнёс: «Вы у себя дома!» Но Александр, демонстрируя, насколько он восхищён французской гвардией, еще некоторое время объезжал полки, выстроенные вдоль всей улицы.

На следующий день Наполеон дал возможность царю вдоволь насладиться воинской красотой, устроив огромный смотр гвардии на равнине перед Тильзитом.

Офицер императорской гвардии Булар наблюдал за кортежем императоров, отправлявшихся на маневры: «Какое удивительное собрание — столько монархов, принцев, генералов, ещё недавно отчаянных врагов, а теперь если не друзей, то, по крайней мере, людей, готовых ими стать. Они обращались друг с другом с доброжелательностью, вниманием и изысканной вежливостью, так что казалось, что сама совершенная гармония царила между ними. Как император был тогда велик! Как он должен был быть горд и счастлив. Я же никогда не забуду то впечатление, когда увидел из моего окна этот столь необычайный кортеж, полный величия...»⁵⁰

Для удобства ведения переговоров Тильзит был объявлен нейтральным городом. Одна часть города была занята Александром и его свитой и одним батальоном российской Императорской гвардии, а другая — Наполеоном с его свитой и одним батальоном французской Императорской гвардии. Чтобы показать, насколько обе стороны уважают друг друга, Наполеон отдал распоряжение, чтобы на следующий день во французской гвардии дневным паролем, отзывом и лозунгом были следующие слова: «Александр, Россия, Величие», тогда по русской Императорской гвардии был отдан приказ о пароле «Наполеон, Франция, Отвага».

Торжественные приёмы, парады следовали один за другим. Так как в город из военных допускали только избранных лиц, многие русские офицеры переодевались в граж-

данскую одежду, чтобы посмотреть на Наполеона, и на улицах Тильзита постоянно было оживлённо.

Вечером 30 июня французские гвардейцы устроили грандиозный банкет, на который пригласили солдат русской гвардии: преображенцев, семёновцев и измайловцев. На равнине неподалёку от города было составлено огромное каре из столов, в центре которого оркестр играл весёлые марши. Столы ломились от угощений: говядина, свинина, баранина, жареные гуси и куры, шнапс и пиво лились рекой. Солдаты сидели вперемежку — русские и французы. В разгар банкета веселящихся солдат навестили сами императоры. Наполеон, с удовольствием взирая на пиршество воинов, произнёс, обращаясь к своим гвардейцам: «Гренадеры, то, что вы сделали, — прекрасно!» Можно себе представить, какими тостами и криками восторга встретили это появление монархов двух самых могущественных империй на свете! Но пиршество стало ещё более весёлым и разгульным, когда императоры ушли. Солдаты обеих армий братались и закончили тем, что, поменявшись мундирами, ходили по городу с криками «Да здравствуют императоры!» по-русски и по-французски...

Если мы остановились подробно на, казалось бы, мало-важных деталях тильзитской встречи, то лишь для того, чтобы показать, сколь абсурдной была война между Россией и Францией и сколь малы были противоречия в 1805—1807 гг. Ведь, едва только замолчали пушки, солдаты и офицеры обеих сторон сели за один стол и искренне, от всей души радовались встрече, словно были старыми друзьями. Невозможно представить себе подобную сцену в войне между армиями, которых разделяет национальная, идеологическая или религиозная вражда.

Без сомнения, эта атмосфера влияла и на ход серьёзных переговоров. Знаменитый историк Альбер Вандаль блистательно сказал по этому поводу: «При переговорах с Россией

они (*французы*) делали вид, что ведут их с не побеждённым врагом, а с заблуждавшимся другом, что дело идёт только о том, чтобы вернуть его на истинный путь»⁵¹.

Было бы долго и бесполезно описывать все перипетии переговоров; к тому же самое интересное осталось за кулисами, ибо происходило без свидетелей. Тем не менее хотелось бы отметить следующее: в течение долгого времени во французской исторической литературе бытовало мнение, что оба императора были очарованы друг другом и попали, в известной степени, под взаимное влияние. Факты говорят о другом. Если Наполеон действительно в некоторой степени был пленён «лучезарной улыбкой» Александра, молодой царь никоим образом не попал под влияние великого корсиканца, хотя внешне, как умелый актёр, изображал восторг. Своей любимой сестре Екатерине он писал 17 (29) июня 1807 г. из Тильзита: «Господь нас спас. Вместо жертв мы выходим из борьбы даже с некоторым блеском. Но что Вы скажете о всех этих событиях? Я провожу целые дни с Бонапартом, целые часы наедине с ним! Я спрашиваю Вас, не сон ли всё это?»⁵²

Нет, это бы не сон, и молодой русский монарх сохранял более чем трезвую голову. Той же самой Екатерине, которой он поверял свои самые сокровенные мысли, он несколько позже без обиняков писал: «Бонапарт считает, что я дурачок, ну что ж, смеётся тот, кто смеётся последним. Все мои надежды на Бога».

Что касается Наполеона, то он не без некоторой наивности поведал в письме к жене в тот же день, когда в первый раз встретил Александра: «Друг мой, я только что встречался с императором Александром. Я очень доволен им, это очень красивый и добрый молодой император. У него больше ума, чем это принято считать»⁵³.

Известный советский исследователь русско-французских отношений той эпохи Владлен Сироткин писал, что

никакого обольщения друг друга императорами не было, а был расчётливый торг.⁵⁴

Было бы довольно странно, если бы лидеры двух великих держав в своих действиях руководствовались только личной приязнью и «по дружбе» уступали бы друг другу в серьезных политических вопросах. Совершенно естественно, что оба старались получить на переговорах максимальное количество выгод. В этом смысле они оба были вполне нормальными здоровыми людьми, хотя Наполеон действительно во многом был очарован молодым царём.

Самое главное — то, ради чего вёлся торг, ради чего Наполеон, Александр и их помощники предпринимали дипломатические манёвры, ловчили, пытались напустить время от времени туман. Задачей Наполеона было заключение союза с Россией навсегда; Александр лишь старался добиться временного мира, или, как модно было говорить в советской историографии, «мирной передышки», чтобы затем с новыми силами и новыми союзниками обрушиться на того, кого он считал своим личным врагом.

О том, насколько Наполеон желал не просто мира, а именно союза с Россией, лучше всего говорит его поведение в ходе преследования русской армии после сражения под Фридландом. Так же как после Аустерлица, он фактически намеренно выпустил разбитого неприятеля. Если бы французский император желал разгромить Российскую империю, видел бы в долгосрочной перспективе новую войну с русскими и, как писалось в анафеме, «тщился наваждением дьявольским вовлещи православных в искушение и погибель», то лучшего момента, чем июнь 1807 года, просто невозможно было придумать.

Маршал Ней докладывал в своём рапорте от 20 июня 1807 г. из Инстербурга: «Каждый день приносит новые доказательства страшного беспорядка, в котором он (*неприятель*) находится. Те, кто хорошо знают Россию, утвержда-

ют, что несчастья, которые она претерпела, так сильны, что она потрясена в своих основах, и внутри неё царит беспорядок такой, что отряд французских войск мог бы дойти хоть до Петербурга»⁵⁵.

Вспомним о бывших шляхтичах Речи Посполитой, а ныне подданных русского царя, готовящихся взяться за оружие. Наполеону не потребовалось бы идти ни на Петербург, ни на Москву, ни на Камчатку для того, чтобы в 1807 году нанести сокрушительный удар империи Александра I. Французскому императору достаточно было произвести только: «Польша снова жива!»

«О, если бы Наполеон, вместо того чтобы заключить Тильзитский мир,— восклицала Софья Тизенгаузен,— пошел прямо в Литву, когда русская армия была разбита, когда все умы были возбуждены... когда все сердца пылали патриотизмом! Наполеону нужно было только появиться, чтобы все взялись за оружие»⁵⁶. Но император французов заботился не о восстановлении Речи Посполитой, он не желал посрамления России. Наоборот, в описываемое время Наполеон неоднократно всеми способами старался выказать уважение русским войскам, генералам, офицерам, солдатам...

Конечно, Наполеон делал это не из-за какой-то особой любви к русскому народу, просто он был уверен, что сама логика, сама география подсказывает: России и Франции суждено не просто жить в мире, но и быть союзниками. Он разбил русских под Фридландом, но генеральное сражение по нравам той эпохи было для профессиональных армий естественным солдатским делом, не накладывающим отпечатка на последующие отношения между народами. Зато он старательно избегал событий, подобных «резне в Праге», которые могли бы на десятилетия, а то и на столетия испортить отношения между двумя нациями. Сомнительной славе уничтожения не успевшей переправиться на другой берег Немана дивизии он предпочел перспективу искреннего

союза, причем союза не только геополитического, но и эмоционального. Наполеон надеялся, быть может несколько наивно, что его великодушные жесты будут оценены.

Стендаль, современник и свидетель этих событий, на редкость точно оценил происшедшее: «Наполеон покинул Тильзит в полной уверенности, что приобрел дружбу императора Александра, уверенность в достаточной мере нелепая, но это заблуждение прекрасно, оно столь возвышенного свойства, что посрамляет тех, кто клеветает на императора...»⁵⁷

Итак, Наполеон вел переговоры, поставив себе цель добиться союза с Россией. Александр предпочел бы просто заключить мир, но ценой, которую необходимо заплатить за почетный мир, был союз с Францией.

Вопросом, который вызвал самые интенсивные дискуссии, был вопрос о Пруссии. Наполеон хотел сурово покарать это государство. Тем более что сделать это было нетрудно, так как большая часть прусских владений состояла из земель, не так давно отторгнутых от соседей. Достаточно было просто вернуть им потерянное, и Пруссия почти исчезла бы с европейской карты. Александр всеми силами выступил на защиту, но не столько Пруссии, сколько прусской королевской четы, а ещё точнее — очаровательной королевы Луизы. Ее красота также брошена в горнило дипломатического сражения.

6 июля 1806 года прелестная королева приехала в Тильзит, где уже вследствие настоятельных просьб Александра разместился прусский король. Карета Луизы остановилась у скромного дома, занимаемого её мужем; королева едва успела подняться в комнату на втором этаже, как с улицы раздался шум. Это во главе огромной свиты приехал Наполеон. Решительно войдя в дверь, он стремительно поднялся по лестнице.

Как позже будет вспоминать император, королева встретила его патетическими мольбами, словно она была актрисой Дешенуа в трагической роли Химены. Напрасно Напо-

Ж.-Ш. Тардьё. Встреча Наполеона и прусской королевы Луизы
6 июля 1807 г. в Тильзите

леон пытался перевести разговор на прозаические темы. Луиза, не унимаясь, восклицала:

— Сир, но ведь вы оставите нам Магдебург и Вестфалию?!

— Мадам, я, конечно, буду очень рад... — неуверенно произнес император, а потом нашелся и совершенно другим тоном добавил: — У вас прекрасное платье. Скажите, это креп или итальянский газ? А где егошили?

Шарм прусской королевы сыграл ничтожно малую роль в переговорах, несравненно большее значение имело недвусмысленное заступничество Александра.

В подписанном 7 июля мирном договоре статья, касающаяся Пруссии, гласила следующее: «Его величество император Наполеон из уважения к Его величеству императору

всероссийскому (!) и непоколебимой дружбы соглашается возвратить Его величеству королю прусскому, союзнику Его величества императора Всероссийского, все те завоеванные станы, города и земли, кои ниже сего означены...»⁵⁸. Далее перечислялись те земли, которые оставались за Пруссией, а в других статьях — то, что королевство теряло.

Территориальные потери Пруссии были огромны. Из 10 млн подданных прусский король лишался 5 млн. Из западных земель, утраченных Пруссией, создавалось так называемое Вестфальское королевство, королем которого стал младший брат Наполеона Жером. А из бывших польских территорий, захваченных пруссаками по второму и третьему разделу Речи Посполитой, было образовано так называемое герцогство Варшавское. Это новое государство имело территорию 103 тыс. км² и население 2,6 млн человек. Официально герцогство было поставлено в вассальную зависимость от Саксонского королевства.

Россия не понесла никаких территориальных потерь. Более того, она даже приросла небольшим приобретением — Белостокским округом. Кстати, эти земли были отрезаны от владений бывшего союзника — Пруссии.

Впрочем, Россия сдавала свои позиции на Средиземном море. Русские войска должны были уйти с Ионических островов и из Бокка-ди-Катарро. Эти земли передавались Франции. Наконец, Россия обязывалась отвести свои войска из Молдавии и Валахии (часть территории современной Румынии), оккупированных в ходе наступления 1806 года.

Конечно, этот мир был выгоден для Франции, что вполне понятно, ибо он был заключен Наполеоном после победоносной войны. Однако Россия ничего не теряла, за исключением принадлежащих ей на «птичьих правах» заморских военно-морских баз, и, более того, даже кое-что приобрела.

Когда-то В. И. Ленин в пылу политической дискуссии сравнил Тильзитский мир с заключённым большевиками

Брестским миром, который сам «вождь мирового пролетариата» назвал «похабным» (!) и который действительно был таковым. К сожалению, многие советские историки, не задумываясь, подхватили эту абсурдную мысль и перенесли характеристику событий совсем другой эпохи на Тильзитские соглашения. Можно вообразить, что в июле 1807 года был подписан унижительный акт, наносящий ущерб интересам России. Но ничего подобного даже отдалённо не было в договоре, заключённом между Наполеоном и Александром! После проигранной вдребезги кампании, перед лицом возможного потрясения основ Российской империи царю удалось за счёт минимальных уступок не только ничего не потерять, но даже приобрести.

Тильзит не только не был катастрофой, напротив, он явился несомненным успехом Александра I, дипломатические способности которого особенно проявились в договоре о союзе. Напомним, что для Наполеона прекращение победоносного наступления и подписание мира имело смысл только в случае заключения союза с Россией. Император был уверен, что едва две великие державы объединятся в едином порыве, как главный вопрос его внешней политики — победа над Англией — будет успешно решён.

В отличие от мирного договора, в котором было 37 статей, из которых 7 — секретных, договор о союзе был, мягко говоря, лаконичным (всего лишь 9 статей). Но самое главное, он был столь же туманным, как и кратким.

Молодой царь явно обыграл своего партнера в дипломатической игре. Он не хотел брать на себя никаких обязательств, их в договоре о союзе фактически и не было.

Так, первый параграф союзного договора гласил, что оба императора «обязуются действовать сообща как на суше, так и на море... во всякой войне, которую Франция или Россия была бы в необходимости предпринять или вести против любой европейской державы». Однако при этом

второй параграф пояснял, что в каждом случае должна была заключаться отдельная конвенция, определяющая, как и какими силами союзник обязан помогать своему партнеру. Можно вообразить, что с учетом дистанций, медленности связи и нечеткости изначальных формулировок при желании можно было свести к нулю любое содействие в военном конфликте. На практике так и получилось, и военная конвенция ни разу не была заключена.

Россия брала на себя обязательство выступить посредником в переговорах Франции и Англии, а если последняя не пожелает заключить мир на обозначенных в договоре условиях, отозвать посла из Лондона и объявить Англии войну. В этом случае Россия, что вполне естественно, присоединялась к континентальной блокаде. Однако в договоре не было ничего сказано относительно судов нейтральных держав, что впоследствии вызвало острейшие противоречия.

В отношении континентальной блокады нужно отметить пятую статью союзного договора, которая предусматривала, что Россия и Франция потребуют закрытия портов Дании, Швеции и Португалии для английских судов. В случае несогласия королевского двора какой-либо из этих стран с ним «будет поступлено... как с неприятелем».

Позиция правительств перечисленных государств была такова, что пятая статья договора давала Наполеону карт-бланш на оккупацию Португалии, а Швеция отдавалась на волю Александра, который был не прочь продолжить продвижение России на Балтику, аннексировав Финляндию.

Франция обязалась выступить посредницей на переговорах России и Оттоманской империи и употребить свое влияние на то, чтобы турки в трехмесячный срок приняли русские условия. В случае, если переговоры не «приведут к удовлетворительному результату», Франция «будет действовать заодно с Россиею... чтобы освободить из-под ига мучений турецких все провинции Оттоманской империи в

Европе за исключением Константинополя и провинции Румелии *»⁵⁹.

Конечно, Наполеон понимал, что Османская империя была старым и естественным союзником Франции. Но когда-то составлявшая всю основу французской политики борьба с Габсбургской монархией уже давно отошла на третий план, и, соответственно, турецкий союз также потерял свою значимость.

Французский император был готов сделать то, что обозначил в договоре, тем более, там ясно говорилось, что Константинополь и Румелия останутся за турками. Наполеон логично считал, что между сферами влияния российской и французской империи обязательно должно лежать некое нейтральное пространство, не допускающее столкновений двух сверхдержав по различным поводам, которые неизбежно появляются у граничащих друг с другом государств. «Эта империя (*Османская*) пусть даже в разваленном состоянии должна была оставаться той территорией, которая нас разделяет, что-то вроде болота, которое не дало бы обойти мой правый фланг»⁶⁰.

При этом личное отношение Наполеона к присутствию Турции на европейском континенте было крайне негативным. В письме министра иностранных дел, написанном в марте 1808 г., говорилось: «Император не любит турок. Он считает их варварами»⁶¹.

Нет сомнений, что если бы со стороны Александра пункты Тильзитского договора исполнялись в полном объёме, Россия и Франция никак не поссорились бы из-за расширения Российской империи вплоть до Дуная! Нужно обла-

* *Румелия* — довольно расплывчатый термин, которым в то время называлась большая часть Балканского полуострова, которую сейчас занимают: европейская Турция, Болгария, Македония, Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина. Грецию, видимо, ни Наполеон, ни Александр к Румелии не относили.

дать поистине извращённым сознанием, для того чтобы считать подобные соглашения доказательством враждебных замыслов Наполеона по отношению к России.

Да, император французов торговался с Александром, да, он не очень-то хотел отдавать на волю своего недавнего противника даже такого малозначимого союзника, как Турция... но он всё-таки это делал во имя высшей цели — русско-французского союза.

В этом смысле наиболее характерным является отношение Наполеона к полякам. Часто говорят, что французский император «обманул поляков». Самое интересное, что подобная фраза выходит из-под пера тех, кто считает, что великий корсиканец чуть ли не с рождения планировал войну с Россией.

В действительности перед Наполеоном был очень тяжёлый выбор: либо русско-французский союз, либо Польша. Ясно, что восстановление Речи Посполитой исключало всякую возможность союза с Россией, которой досталась огромная часть Польши. Потребовалась бы война до победного конца не только против Российской империи, но и против Австрии (Пруссия не в счёт, она и так была уже разгромлена). Но Наполеон был императором Франции и прежде всего заботился о своём государстве. Неоднократно он повторял, что не собирается проливать потоки крови своих подданных за восстановление чужого государства, пусть даже совершенно несправедливо и жестоко уничтоженного. Император постоянно любил подчёркивать тот факт, что он является прагматичным политиком. Так оно и было, но, видимо, не во всем. Об этом говорит создание герцогства Варшавского.

Иногда пишут, что Наполеон выторговал создание этого маленького эмбриона Польши, чтобы иметь плацдарм для нападения на Россию (!), что ему хотелось иметь союзника в грядущей войне с царём и т. д.

Однако Наполеон в этот момент и отдалённо не вообразил, что вскоре ему придётся воевать с Российской империей. Ему нужен был союз, а не война. Ясно, что даже очень маленькая Польша должна была мешать этому союзу. Сам факт воссоздания даже самой крохотной части некогда большого государства должен был вызвать раздражение российских элит (и действительно вызвал). Зачем же это государство, с населением 2,6 млн жителей, с небольшой территорией, изолированное от своих потенциальных союзников и граничащее с российским колоссом?

Провокация?..

Наполеон не был сумасшедшим и не собирался раздражать страну, на содействие которой он рассчитывал в достижении главной цели своей внешней политики и, можно сказать, жизни.

Создание герцогства Варшавского никак не укладывалось в очевидную линию политики, которую император недвусмысленно начертал в своём письменном обращении к Александру 4 июля 1807 г.: «Географическое положение обеих стран (*Франции и России*) такое, что в нынешнем положении вещей оно очень благоприятно. Ведь даже в состоянии войны нашим государствам даже негде сразиться... Политика императора Наполеона (*император говорит о себе в третьем лице*) направлена к тому, чтобы зона его непосредственного влияния не распространялась дальше Эльбы. И эту политику он принял, потому что она единственная, которая может дать ему искреннюю и постоянную дружбу со стороны великой северной империи. Таким образом, край, который простирается от Немана до Эльбы, будет барьером, разделяющим оба государства и не дающим им обмениваться булавочными уколами, которые часто превращаются в пушечные выстрелы»⁶².

Главным мотивом создания герцогства Варшавского было моральное обязательство Наполеона перед поляками. Поль-

ские солдаты и офицеры с беззаветной храбростью сражались в рядах армии молодого Бонапарта. Они проливали свою кровь в Италии, в Египте и на далеком Сан-Доминго. Едва Наполеон вступил на территорию Речи Посполитой, как в ряды его войск встало 30 тыс. поляков. И снова они сражались с беззаветной отвагой и умирали с криком: «*Niech żyje cesarz!*»*

Как воин, который скрепил узы братства по оружию с польскими воинами, Наполеон не мог не вознаградить их хотя бы созданием крошечного и, казалось бы, ничёмого государства. Для политики императора оно было совершенно бесполезно и лишь создавало проблемы. Если бы Наполеон действительно был беспринципным циником и беззастенчивым политиканом, он просто забыл бы про поляков и про их подвиги и сделал бы вид, что ничего не было... Нет, Наполеон не обманул поляков, напротив, он дал им всё, что было реально сделать в сложившейся ситуации. «Наполеон — это единственный иностранный монарх, это единственный великий европеец, который сделал что-то хорошее для Польши,— написал знаменитый польский историк Шимон Ашкенази,— он не был всемогущим, но он сделал для Польши максимум того, что мог»⁶³.

Но, совершив этот благородный акт, император сам подложил под Тильзитский договор мину замедленного действия. Польша станет одной из самых главных, если не самой главной причиной разлада союза. Настанет момент, когда Наполеону придётся выбирать: либо Россия, либо Польша...

Но тогда, в июле 1807 г., никто об этом ещё не думал. Тильзитская встреча заканчивалась самыми яркими проявлениями дружбы и приязни. Как уже отмечалось, 7 июля 1807 г. были подписаны основные русско-французские документы, а 9 июля дипломатический марафон завершился подписанием франко-прусского договора.

* Да здравствует император!

Этот день стал символом Тильзита. Он выдался самым солнечным и самым погожим. В 10 часов утра произошёл обмен ратифицированными договорами, а также обмен «дипломатическими» наградами. Наполеон наградил орденом Почётного легиона высшей степени самого царя, великого князя Константина, министра иностранных дел Будберга, князя Куракина и князя Лобанова-Ростовского, принимавших деятельное участие в переговорах. Со своей стороны Александр сделал кавалером высшего российского ордена Андрея Первозванного своего союзника — императора Наполеона. Этот же орден получили: министр иностранных дел Талейран, начальник штаба маршал Бертье, маршал Мюрат и младший брат императора Жером.

В 11 часов утра батальон лейб-гвардии Преображенского полка с великим князем Константином во главе построился в парадном строю напротив батальона Первого полка пеших егерей французской Старой гвардии. Константин, который был в конном строю, украсил свою грудь алой лентой Большого креста ордена Почётного легиона. Раздались торжественные звуки старинного русского марша «Коль славен», на который французские гвардейские музыканты ответили «Маршем егерских рожков».

Затем верхом в сопровождении свиты прибыли императоры. Сначала появился Александр, как и его брат, с лентой Почётного легиона через плечо, затем — Наполеон с голубой Андреевской лентой и звездой ордена.

Когда оба монарха оказались перед фронтом российской гвардии, Наполеон спросил у царя: «Позволит ли Ваше Величество вручить орден Почётного легиона тому из солдат, который наиболее отличился в этой войне?» Конечно, Александр согласился. Что касается полковника, то он был поставлен в тупик вопросом, кто у него лучший солдат. Наскоро посоветовавшись с офицерами, он вывел из строя правогофлангового гренадера Лазарева. Наполеон снял с себя ры-

царский крест Почётного легиона и приколот его к груди русского солдата, громко произнеся несколько театральную фразу: «Помни, что в этот день твой государь и я стали друзьями». В ответ Александр позже распорядился передать Знак отличия Военного ордена (как его стали называть позже — солдатский Георгиевский крест) * Наполеону, чтобы тот мог наградить лучшего солдата своей гвардии.

В особняке, где располагался Александр, состоялся прощальный обед для императоров и свиты, в то время как неподалёку для французских и русских гвардейских офицеров был устроен пышный банкет. Причём обе армии праздновали в этот день не только заключение союза, но и годовщину Полтавской победы (27 июня по ст. стилю).

Наконец в три часа дня Наполеон проводил Александра до Немана, где Александр и его свита сели в лодку, чтобы переправиться на противоположный берег. Императоры простились, словно уже давным-давно были лучшими друзьями. Казалось, что мечта Наполеона свершилась: русско-французский союз становился реальностью.

* Царь не смог перешагнуть через определённые сословные традиции российской монархии. По статусу рыцарский орден Почётного легиона был гораздо выше, чем «солдатский Георгиевский крест», ибо орден, вручённый Наполеоном, мог украшать грудь не только солдата, но и генерала, и высшего сановника. Знак же отличия Военного ордена предназначался только для «нижних чинов». Рыцарский орден Почётного легиона примерно соответствовал по статусу Георгиевскому кресту 4-й степени.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: Sorel A. L'Europe et la Révolution française. Paris, 1905, t. 7, p. 13.
2. Михайловский-Данилевский А. И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г. СПб., 1844, с. 233.
3. Клаузевиц К. 1806 год. М., 1937, с. 56.
4. Кутузов М. И. Сборник документов. М., 1951, т. 2, с. 306.
5. Цит. по: Труайя А. Александр I, или Северный сфинкс. М., 1997, с. 97—98.
6. Там же, с. 97.
7. Цит. по: Rey M.-P. Alexandre Ier. Paris, 2009, p. 222—223.
8. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. М., 1963, т. 3, с. 42—43.
9. Там же.
10. Там же, с. 46—48.
11. Там же, с. 60—62.
12. Там же, с. 73—75.
13. Rey M.-P. Op. cit., p. 225—226.
14. Внешняя политика России XIX и начала XX века... т. 3, с. 120.
15. Цит. по: Houssaye H. Iéna et la campagne de 1806. Paris, 1912, p. 13—14.
16. Correspondance de Napoléon I ... t. 13, p. 80.
17. Ibid, p. 555—557.
18. Dufraisse R. Blocus continental. Dictionnaire Napoléon. Paris, 1987, p. 222.

19. Цит. по: Madelin L. Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris, 1940, t. IV, p. 219.
20. Рукописный отдел РНБ, Ф 73 № 275 Langeron. Journal des campagnes faites au service de la Russie, 1790—1796, t. 3, p. 64—65.
21. Ibid. p. 98, 128.
22. Цит. по: Lechartier G. La Manceuvre de Pultusk. Paris, 1911, p. 86.
23. Ibid, p. 66.
24. Ibid, p. 67.
25. Ibid, p. 131—132.
26. Ibid, p. 135.
27. Madelin L.
28. Percy P.-F. Journal des campagnes du baron Percy, chirurgien en chef de la Grande Armée. Paris, 1904, p. 137, 152.
29. Tchitchagof P. Mémoires de l'amiral Pavel Tchitchagof, gouverneur des principautés de Modlavie et de Valachie en 1812. Paris, 1909, p. 66—67.
30. Отечественная война и русское общество. Под ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. М., 1911, с. 168.
31. Ермолов А. П. Записки. М., 1991, с. 108.
32. Давыдов Д. Сочинения. М., 1962, с. 238.
33. Цит. по: Vandal A. Napoléon et Alexandre I, l'alliance russe sous le premier Empire. Paris, 1893—1896, t. 1, p. 50.
34. Отечественная война и русское общество..., т. 5, с. 75.
35. Сироткин В. Наполеон и Россия. М., 2000, с. 67.
36. Дневник Н. И. Тургенева. Запись 9 (21) декабря 1806 г. Архив братьев Тургеневых, т. I, с. 15.
37. Nawrot D. Litwa i Napoleon w 1812 roku. Katowice, 2008, p. 21—22.
38. Ibid, p. 24—28.
39. Oginski M. Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les polonais, t. 2, p. 342.
40. Choiseul-Gouffier S. Réminiscences sur l'empereur Alexandre Ier et sur l'empereur Napoleon Ier. Besancon, 1862, p. 79—80.

41. Fezensac R. M. P. J. Montesquiou, Souvenirs militaires. Paris, 1863, p. 168.
42. Цит. по: Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века. СПб., 2007, с. 418.
43. Там же, с. 425.
44. Цит. по: Nawrot D. Litwa i Napoleon w 1812 roku... p. 31.
45. Записка трёх товарищей министров императора Александра I. Русская старина 1894 г., август, с. 212—216.
46. Орлов А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху Наполеоновских войн. М., 2005, с. 43.
47. S. H. D. 2 C. 49.
48. Bro L. Mémoires du général Bro. Paris, 1914, p. 58.
49. Давыдов. Д. Сочинения... с. 245.
50. Boulart J.-F. Mémoires du général d'artillerie baron Boulart. Paris, 1992, p. 170.
51. Vandal A. Op. cit., p. 51.
52. В. кн.: Николай Михайлович, переписка императора Александра I с сестрой в. кн. Екатериной Павловной. СПб., 1912, с. 15, № 15.
53. Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. Paris, 2010, t. 7, p. 916.
54. Сироткин В. Наполеон и Александр. М., 2002.
55. S. H. D. 2. C. 49.
56. Choiseul-Gouffier S. Op. cit., p. 78.
57. Стендаль. Собрание сочинений. М., 1959, т. 11, с. 64.
58. Внешняя политика России XIX и начала XX века... т. 3, с. 641.
59. Там же, с. 642.
60. Mémorial de Sainte-Hélène. Paris, 1968, p. 183.
61. Vandal A. Op. cit., p. 74.
62. Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. Paris, 2010, t. 7, p. 924, 926.
63. Askenazy S. Napoléon et la Pologne, p. 3—4.

ГЛАВА 4

Россия от Стокгольма до Константинополя!

Париж встретил известие о Тильзитском мире ликованием. «Франция была в каком-то исступленном восторге, — писал генерал Савари, — вся страна была уверена, что за заключением мира последует долгий период счастья... повсюду закипела деятельность, у многих ремесленников снова забила ключом работа... Прокладывали новые дороги, каналы, строили общественные здания...»¹ Чувства радости и подъема наполняли страну. Королева Гортензия, жена брата Наполеона, записала в своих мемуарах: «Славный Тильзитский мир принес спокойствие и счастье. Казалось, что все желания исполняются»².

В Лионе на празднествах по поводу заключения Тильзитского мира звучала торжественная кантата:

Я приветствую тебя, о мир, о мир, о мир!
Каждый день французский народ
Просил победу даровать нам мир,
Пусть слава сияла над нами,
Но всегда мы молили о мире,
Я приветствую тебя, о мир, о мир, о мир!

Эта искренняя радость была не только праздником элит. «Император Наполеон вернулся в столицу, где он был встречен с энтузиазмом, близким к фанатизму»³, — писал в своих воспоминаниях адъютант маршала Сульга Петие, а Ни-

коля Марсель, тогда сержант 69-го линейного полка, рассказывал: «Жители всех городов соперничали в щедрости, с которой они встречали солдат, покрытых славой. Повсюду нас принимали как братьев»⁴. Луи-Франсуа Лежен, офицер штаба Бертье, писал: «Можно представить себе энтузиазм, с которым нас принимали по нашему возвращению в Париж... Время проходило в праздниках и торжествах»⁵.

Наконец, парижская биржа, мало склонная к эмоциям и эфемерным восторгам, по-своему отреагировала на заключение франко-русского мира. Курс государственной ренты достиг своего апогея.

Мнение самого императора о важности союза и надежду на то, что он будет прочен, можно найти во всех письмах Наполеона, обращенных как к его ближайшим помощникам, так и к его родственникам и монархам иностранных держав. В частности, в послании императору Францу от 18 июля 1807 г. Наполеон писал: «Мир, заключённый между императором России, Прусским королём и мной, обещает долгие дни спокойствия всему континенту»⁶. Не случайно через много лет после описываемых событий, когда Наполеону задали вопрос, в какой момент он был наиболее счастлив, он ответил: «Быть может, в Тильзите».

Французский император послал своего адъютанта генерала Савари в Петербург в качестве временного дипломатического представителя буквально на следующий день после прощания с Александром. Наполеон напутствовал генерала такими словами: «Избегайте в разговорах всего, что могло бы быть воспринято как насмешка. Например, никогда не говорите о войне, не осуждайте местные обычаи, не обращайтесь внимания ни на что смешное. У каждого народа свои правила, а в привычке французов всё сравнивать со своими и выставлять себя в качестве образца... Наконец, если возможно укрепить мой союз с этой страной (*Россией*), не пренебрегайте ничем, что могло бы этому способствовать. Меня

обманули австрийцы и пруссаки, но я полностью доверяю императору России, и не существует ничего, что могло бы помешать сближению наших народов. Отправляйтесь же и сделайте всё для этого»⁷.

Генерал-адъютант Савари получил своё задание 10 июля 1807 г. в Кёнигсберге, а 23 июля в 15 часов он уже был в Петербурге. Насколько русские воспринимали Тильзитский мир иначе, чем французы, Савари мог констатировать с первых шагов по территории Российской империи.

Посланник Наполеона столкнулся с враждебностью уже на границе, где его встретили угрюмые и недоброжелательные лица чиновников. Когда он приехал в Петербург, его не хотели селить ни в одной из гостиниц, и, согласно рассказам генерала, ему удалось расположиться в отеле «Лондон», причём только потому, что собственник отеля оказался земляком Савари.

Действительно, Тильзитский мир вызвал далеко не восторженную реакцию в России. Так, бывший посол в Лондоне Семён Воронцов заявил, что сановникам, подписавшим Тильзитский договор, следовало бы въехать в столицу на ослах. Но если бы это было лишь мнением знаменитого англофила! Мир с Францией встретила недоброжелательно вся аристократическая верхушка Петербурга. Савари докладывал, что его целых полтора месяца не принимали ни в одном из знатных домов столицы, и это притом, что царь принял посланца своего союзника вечером того же дня, когда тот прибыл в Петербург! А на следующий день Савари ужинал с Александром в Каменноостровском дворце.

Нужно заметить, что Наполеон не самым лучшим образом подобрал кандидатуру посланца. Разумеется, Савари был человеком умным, преданным, умеющим хорошо говорить, а ещё лучше — слушать. Но у него было два недостатка: во-первых, он происходил из незнатной семьи, а во-вторых, принимал самое активное участие в деле герцога

Энгиенского, которое наделало столько шума всего за три года до Тильзита.

Конечно, неудачный выбор посланца отчасти послужил причиной холодному приёму, который аристократический Петербург оказал ему, но куда важнее было то, что российская элита встретила Тильзитское соглашение в штыки. Первой очевидной причиной этой реакции было то, что мир был подписан после сокрушительного поражения. Позор относился не к самому факту подписания мира, не к его статьям, которые большая часть общества и не знала, а к тому, что мир был заключён спустя несколько дней после разгрома под Фридрихсландом. Наконец, если учитывать, что после войны 1805 г. мир так и не был подписан, Тильзит венчал собой не только поражение в Восточной Пруссии, но и Аустерлицкую катастрофу.

Савари очень точно доложил по этому поводу императору: «Меня только что предупредили, что во всем обществе позволяют себе открыто высказываться против настоящего положения вещей. В особенности горячатся офицеры, они краснеют от того, что мир был заключён после поражения, и желают отомстить за позор. Эти настроения требуют бдительности, но не представляют опасности»⁸.

Второй причиной была также очевидная классовая неприязнь российской аристократии к французским «безродным выскочкам», к армии и обществу, едва только вышедшим из горнила революции. Подобное отношение существовало, разумеется, и раньше, но тогда французы были далеко, а сейчас оказались прямо под носом, а один из них вообще приехал в Петербург и чуть не каждый день ужинал у царя.

Не следует сбрасывать со счетов ещё одну причину — вполне реальные опасения по поводу распространения социальных потрясений. После Тильзитского мира кодекс Наполеона и общество, где было декларировано гражданское равенство, оказались буквально на границах Россий-

ской империи. Оренбургский помещик М. В. Веригин писал: «В новой конституции герцогства Варшавского говорится, что никто не имеет права владеть крепостными. И вот одним росчерком пера дворяне почти лишены собственности. Можно опасаться, что эта эпидемия распространится и у нас. Это станет страшным ударом для России»⁹.

Наконец одной из самых главных причин враждебного отношения русской знати к Тильзитскому миру стал польский вопрос. И это была далеко не только моральная, но и вполне материальная проблема. О том, насколько материальные интересы российской элиты были привязаны к обладанию польскими провинциями, говорят цифры. Вот, например, часть документа, где указаны фамилии русских вельмож и количество крепостных, которые были переданы им в результате конфискации 1793—1795 гг., произведенных у представителей польской знати, участвовавших в борьбе против разделов Речи Посполитой:

«Генерал порутчику Голенищеву Кутузову . Конфискованные у судьи Андрея Дубравского, в Волынской губернии разные фольварки с принадлежащими к ним селениями 2531 (душ)*

Местечко Райгородок 136

И того 2667.

Генерал фельцейхмейстеру Графу Зубову. В Литовской губернии из бывших королевских столовых имений Экономию Шавельскую 13 662...

Генерал аншефу графу Николаю Салтыкову. Из секвестрованных у подскарбия Литовского Михайлы Огинского в Минской губернии местечко Равок и двор Поморовицзну, фольварок Левков с деревнями 964

Местечко Илия с фольварками 1005

* Орфография документа сохранена.

Да в части отделённой от Минской губернии к Могилёвской село Цецержин с деревнями 2732

И того 4701...

Действительному тайному советнику и обер гофмейстеру графу Безбородке в Брацлавской губернии староство Хмельницкое 4981...

Действительному тайному советнику Сиверсу.

В Минской губернии

Из секвестированных у стражника литовского Яна Оскирки, местечко Барбаров с деревнями 1396

В той же губернии из принадлежавших Бискуну Виленскому село Уборцы с деревнями 1412

И того 2808...

Генерал фельдмаршалу Графу Петру Александровичу Румянцеву Задунайскому в Литовской губернии из экономии Бржестской бывшей в числе королевских столовых имений 5700.

Да в Брацлавской губернии из секвестрованных у Подчашаго короннаго Михайлы Чацкаго село Серебринец с деревнями 1399

И того 7099.

Генерал аншефу Князю Репнину.

В Минской губернии экономия Пинская 3995

В Подольской губернии, части той же экономии фольварок Сварицевский с деревнями 390

И того 4385.

Генерал порутчику Графу Ферзену в Волынской губернии из секвестрованных у старосты Новгородскаго Тадеуша Чацкаго ключ Острогский, за исключением из него по случаю устрояемого тут окружнаго города из числа поселян 188 душ 2367

Да в той же губернии староство Просятковское 754

И того 3121...

Генерал фельдмаршалу Графу Суворову Рымникскому в Литовской губернии из экономии Бржестской бывший в числе королевских столовых имений ключ Кобринскийс прочими

ключами, фольварками и именьями составлявшими бывшую губернию Кобринскую 6922.

Генерал порутчику Денисову. Из того же местечка (Полянок Минской губ.) 1200.

Генерал майору Бенигсену

В минской губернии принадлежавших бискупу Виленскому село Козлов Берег 180

Село долгинов 138

Местечко Медведичи с деревнями 769.

И того 1087...

Генерал порутчику Коновницыну в Волынской губернии принадлежавшие капитуле Олыцкой, селы Тинка и Забора и деревня Чабель 470»¹⁰.

Это лишь небольшая часть тех секвестров и конфискаций, которые были проведены после разделов Речи Посполитой и послужили огромному обогащению верхушки русской знати. Так, например, только на территориях белорусских губерний за 1772—1800 гг. в собственность русским помещикам было роздано 208 505 «душ мужеского пола»¹¹.

Уже известный нам генерал Ланжерон писал: «Имущество (польской знати) роздано русским генералам, министрам, придворным, фаворитам и лакеям всех этих пиявок на теле несчастного народа, который претерпел ужас грабежа всеобщего и организованного. Тюрьмы были наполнены невинными, ими же наполнена Сибирь. Много несчастных погибло в безывестности, но зато Зубовы, Марковы, Безбородко получили собственность, захваченную у многих семейств. Фаворит Платон Зубов получил в Курляндии и в Самогитии земли с крестьянами, которые давали доход 2 млн * руб. в год...»¹²

* Серебряный рубль той эпохи весил 24 г. Однако было бы неправильно оценивать его покупательную способность, просто умножая теперешнюю цену серебра на этот вес. Само серебро стоило тогда дороже. Человек, имевший 2 млн руб. годового дохода, сопоставим с современным долларowym миллиардером.

Обратим внимание на фамилии в списке тех, кто получил конфискованные владения, и на те, что упомянул Ланжерон: Кутузов, Суворов, Румянцев, Салтыков, Зубов, Беннитсен, Репнин, Коновницын, Безбородко... Всё это семьи, представляющие верхушку русской аристократии, генералитета и чиновничества. Все эти люди отныне оказались связаны круговой порукой по отношению к польской проблеме. Все, что касалось перспективы возрождения Польши, приводило в бешенство русскую аристократию.

Наконец последним фактором, определявшим резко негативную оценку Тильзитского мира со стороны российских вельмож, были торговые интересы, а именно экспорт зерна и сырья в Англию, за счёт которого богатели самые знатные семьи Российской империи.

Что же касается народа, то на него в известной степени повлияла анафема, объявленная Наполеону, и антифранцузские проклятья, которые раздавались с церковных амвонов по всей России. Только после напоминания Савари царь отдал распоряжение прекратить подобные речи в церквях.

Ряд историков переносят все эти враждебные Наполеону и Франции оценки и на времена, предшествовавшие войнам 1805—1807 гг., да ещё утрируют их за счёт описания настроения русского общества в 1812 г. К этому добавляются рассуждения об угрозе безопасности России, агрессивных планах Наполеона на Балканах и т. п. Всё это смотрится научнообразно, «разумно» объясняя активное участие России в Третьей и Четвёртой Коалициях. А если говорить точнее, ту решающую роль, которую Александр I сыграл в развязывании двух войн.

Как ясно сказано в предыдущих главах, до 1805 г. подобных настроений в русском обществе не было. Мало того что интересы России и Франции серьёзно не пересекались, — даже сойтись в бою было негде, мешали лежащие в центре Европы государства, о чём так переживал Алек-

сандр. Не было не только никаких геополитических и экономических предпосылок, но даже и общественного мнения, которое бы толкало правительство к конфликту.

Русская аристократия не испытывала никакого желания драться с Наполеоном, у народа не было ненависти к французам, и уж тем более не существовало никаких серьёзных оснований идти сражаться в далёкие края за интересы, не понятные ни русским солдатам, ни даже генералам. Ничего, кроме маниакального желания Александра I и кучки поддерживающих его аристократов-англофилов любой ценой ввязаться в войну с Францией. Что касается Наполеона, он вообще не мог понять, чего от него хочет Александр, и был уверен, что молодого «несмышлёного» царя толкают на войну продавшиеся Англии аристократы, заседавшие в русском правительстве.

Зато, когда Россия поучаствовала в двух больших войнах против Франции, ситуация изменилась. Кроме жажды реванша со стороны офицеров и генералов, возникли вполне серьёзные опасения за интересы правящего класса в целом. Тем самым появились экономические и геополитические предпосылки серьёзного конфликта.

Теперь Александр мог даже на некоторое время самоустраниться от процесса, который он начал. Была обрушена глыба, которая мало-помалу вызвала лавинообразную реакцию, и личное участие царя стало уже не столь важным.

Обращая внимание на огромные сдвиги в отношении русского общества к Франции и Наполеону, нельзя в то же время смотреть на события 1807—1811 гг. сквозь призму будущей войны 1812 г. Знаменитый поэт и партизан Денис Давыдов в своём известном произведении «Тильзит в 1807 г.» дал такую безапелляционную картину отношения русских офицеров к французам: «Общество французов нам ни к чему не служило; ни один из нас не искал не только дружбы, даже знакомства ни с одним из них, невзирая на их

старания... За приветливости и вежливость мы платили приветливостями и вежливостью — и всё тут. 1812 год стоял уже посреди нас, русских, с своим штыком в крови по дуло, с своим ножом в крови по локоть(!)»¹³.

Эта фраза, написанная много лет спустя после 1812 г., очень хорошо показывает, как последующие события часто полностью искажают воспоминания. Свидетельства многих французских участников Тильзитской встречи говорят скорее о приятельских отношениях, которые установились между офицерами ещё недавно враждовавших армий. Наконец, бывали и совсем особые случаи. Так, капитан штаба д'Эспеншаль знал некоторых русских офицеров по своему эмигрантскому прошлому: «...Я, по счастливой случайности, встретил молодого графа Левашова, с которым был очень дружен в Неаполе, — рассказывает д'Эспеншаль. — Мы бросились в объятия друг другу со всей экспрессией нашей молодости, вспоминая о недавнем времени, когда у нас было много общих моментов счастья и удовольствий»¹⁴. Ну а о том, с каким энтузиазмом русские офицеры завязали дружеские связи с французскими офицерами, и как они вместе предавались отчаянному веселью в штабе самого Наполеона в кампанию 1809 года, речь пойдет в следующей главе.

Эти случаи, конечно, неординарные, зато реакция, которую отметил русский чиновник Вигель в среде провинциального пензенского дворянства, была скорее вполне обыденной: «Что за толки услышал я, — Боже мой! Вот их сущность: „Ну что ж, была война, мы побили неприятелей“, потом они нас побили, а там обыкновенно, как водится, мир; и слава Богу, не будет нового рекрутского набора»¹⁵.

Интересно также отметить реакцию российского духовенства на заключение Тильзитского мира. С учётом того,

* Скорее всего, имеется в виду битва при Эйлау, которая выдавалась в России за победу русского оружия.

что говорилось об анафеме, можно вообразить, что все русские священники в штыки приняли известие о подписании мира с Антихристом. Но иерархи русской церкви вполне понимали, что проповеди насчёт Антихриста были исключительно политическими, поэтому договор с Наполеоном их совершенно не удивил. Митрополит Августин произнёс в Петербурге восторженную проповедь по поводу заключения мира и получил от Александра I щедрые подарки за блестящую речь. В ответ знаменитый митрополит Платон написал своему коллеге: «С полученным Вами от государя подарком я поздравляю, он служит доказательством того, что есть у нас мир, да и мир радостный»¹⁶.

Что же касается народа, то среди мужиков распространился слух, в комической форме объяснявший, почему от вражды с безбожным Наполеоном перешли к дружбе. Говорили, что если «наш православный царь» встретил «ихнего ампира» на плоту, то это потому, что он перво-наперво, макнув его в воду, окрестил, и только после этого стал вести переговоры.

В этой связи возникают большие сомнения в абсолютно спонтанной, жёсткой реакции петербургского общества на появление посланца Наполеона. Очень странно, что в стране, где мнением начальства обычно не пренебрегают, в течение полутора месяцев нигде (!) не принимали генерала, который чуть ли не каждый день ужинал в обществе царя! Ну и, наконец, история с отказом разместить Савари и его свиту в гостиницах вообще вызывает недоумение. Настолько, что этому просто не стоило бы верить, если бы генерал написал об этом только в своих мемуарах. Но он ясно и чётко указывает на это происшествие в своём рапорте Наполеону от 6 августа 1806 г. То есть факт налицо.

Совершенно невообразимо, чтобы хозяева гостиниц осмелились самовольно играть такую шутку с человеком, которого спустя несколько часов после приезда в Петербург

принял в своём дворце сам царь. Всё это очень похоже на тонкую игру, организованную по прямому указанию самого Александра, в стиле приёма, известного в следственной практике под названием «доброе» и «злого» следователя. Подчёркивая свою доброжелательность, будучи изысканно любезным с посланником, царь как бы показывал: «Вот видите, я делаю всё, что могу! Но Вы понимаете, что очень сложно работать в такой ситуации, когда вся страна враждебна нашему союзу». Тем самым он заранее снимал с себя все обязательства по отношению к Франции — всегда можно было сослаться на противодействие знати. А с другой стороны, он мог больше требовать от своего союзника под предлогом необходимости задобрить эту знать.

Конечно, это лишь догадки. Ясно, что письменного приказа не принимать Савари в салонах петербургских аристократов быть не могло, и потому трудно найти какое-либо неоспоримое доказательство. Зато совершенно очевидно, что царь, несмотря на все свои приторно любезные встречи с Савари, сохранил в душе вражду к французскому императору. И этому есть письменные доказательства. Своей матери молодой царь с циничной откровенностью писал: «Никакого подлинного союза с Францией нет и в помине: есть лишь временное показное примыкание к интересам Наполеона. Борьба с ним не прекратилась — она лишь изменила свою форму».

А прусскому королю царь откровенно говорил ещё в Тильзите: «Потерпите. Мы заберём обратно всё, что потеряли. Он сломит себе шею. Несмотря на все мои демонстрации и наружные действия, в душе я Ваш друг и надеюсь доказать Вам это на деле».

Игру Александра I первым понял и со всей ясностью изложил великий князь Николай Михайлович Романов. Этот князь и выдающийся историк был расстрелян в 1918 г. большевиками за свою принадлежность к царской семье и

поэтому в течение всего советского периода ни разу не издавался. Трудно найти большего разоблачителя Александра, чем этот член семьи Романовых.

Николай Михайлович писал: «Александр, как не простил Австрии кампании 1805 г., не забыл и Аустерлица и ждал терпеливо минуты смыть позор; не желая, может быть, преждевременного кровопролития, он только и сблизился с Наполеоном, чтобы его погубить, и, когда настал момент, воспользовался гениально всеми обстоятельствами, став всенародно жертвой коварства и честолюбия своего союзника»¹⁷.

Стремление Александра прикидываться добрейшим другом, жертвой недовольной, фрондирующей знати, послужило, очевидно, причиной назначения послом во Францию графа Петра Александровича Толстого. Назначение совершенно невообразимое, если бы царь хоть на секунду стремился сохранить хорошие отношения между Россией и Францией.

В. Боровиковский.
Генерал-адъютант
граф П. А. Толстой
(1769—1844) в 1799 г.

Граф Толстой был генералом, чуждым дипломатической тактичности, человеком суровой внешности и резких манер. К тому же он был убеждённым, ярким противником франко-русского союза! Его жена, «долговязая, тощая, несветская, неуклюжая, неумная», также была резко враждебна по отношению к Франции.

Едва посольская чета приехала в Париж, как с первых дней своего пребывания во французской столице Тол-

стой стал, словно нарочно, делать всё, чтобы испортить отношения между странами. По поводу приезда русского посла император устроил самый торжественный приём во дворце Фонтенбло и был необычайно любезен. Специально чтобы выказать уважение к России, он надел полученный в Тильзите орден Андрея Первозванного с голубой лентой через плечо. Несмотря на это, граф Толстой во время всей аудиенции стоял с недовольным видом и хранил ледяное, угрюмое молчание.

Это тем более непонятно, если принять во внимание то, что кроме почестей Наполеон встретил посланника Александра удивительным, невообразимым подарком. За миллион франков, плюс Елисейский дворец в придачу, император выкупил у маршала Мюрата его роскошный особняк Телюссон. Но Наполеон купил не просто помещение для посольства, а, проявляя огромное внимание к посланцу «дружественной» державы, преподнёс дворец в подарок вместе со всем, что его наполняло: роскошной мебелью, дорогими картинами, столовым серебром, коврами и т. д. Интересно, что все эти богатства стоили даже дороже, чем сам дворец.

Но на Петра Александровича это не произвело никакого впечатления. Русский посол, избегая собраний, где появлялся император, стал зато завсегдатаем Сен-Жерменского предместья, где гнездилась оппозиционная, роялистски настроенная знать и велась открытая пропаганда против правительства.

Выходки Толстого просто изумляют. Вспомним, что Наполеон рекомендовал Савари избегать всяких разговоров о войне. Понятно, что, беседуя о сражениях, где нынешние партнёры были в рядах противоборствующих сторон, легко было напасть на сюжет, который мог вызвать обоюдное раздражение. Граф Толстой словно старался сделать это нарочно. Однажды, возвращаясь после императорской охоты, куда Пётр Александрович, естественно, был пригла-

шён как посол великой союзной державы, он оказался в карете с князем Боргезе и маршалом Неем. В дороге Толстой стал настойчиво говорить на военные темы, безудержно восхваляя русские войска и пренебрежительно отзываясь о французах. А потом вообще дошёл до того, что высказал надежду на реванш. Но напротив боевого генерала Толстого тоже сидел не престарелый защитник толерантности, а 38-летний маршал Ней, известный своей порывистой отвагой в бою, харизмой и вспыльчивостью. С учётом того, что корпус Нея, ведомый лично маршалом, своей отчаянной атакой решил судьбу Фридландского сражения, у него было иное мнение насчёт предмета дискуссии... Слово за слово, спор разгорелся и принял столь острый, жёсткий оборот, что, если бы не князь Боргезе, прогулка закончилась бы дуэлью.

Но если бы всё только ограничивалось неблагодарностью и грубостью посла! Толстой получил рекомендацию добиваться скорейшего ухода французской армии с прусской территории. Это был один из пунктов полученных им инструкций, но почему-то именно за него принялся Петр Александрович с упёртой настойчивостью, забывая все те вопросы, где можно было бы найти точки соприкосновения. Толстой посылал в Петербург рапорты один мрачнее другого. За задержкой вывода французских войск из Пруссии он увидел желание окончательно расчленить это государство. Отсюда посол сделал серию умозаключений, согласно которым уничтожение Пруссии для Наполеона было не только целью, но и средством добраться до Российской империи.

Все письма Толстого из Парижа полны яда и ненависти. Вместо того чтобы хоть как-то способствовать улучшению отношений между государствами, он то указывал, что французское правительство стремится вмешиваться во внутренние дела России (донесение 19 ноября 1807 г.), то предлагал сближение с Австрией, чтоб противодействовать

Наполеону (донесение от 8 сентября 1808 г.). Но его самая главная мысль, которая присутствует во многих посланиях, — это необходимость наращивать армию и сосредоточить в западных губерниях России до 200 тыс. солдат. Словом, всеми силами готовиться к войне! ¹⁸

Совершенно другого посла избрал Наполеон, чтобы направить к Санкт-Петербургскому двору (напомним, что Савари был лишь временным посланником). Подобно Толстому, посол Франции в России происходил из знатного рода и был боевым офицером. Но на этом их сходство заканчивалось. Ещё ранее Савари писал императору, что в Петербурге «нужен военный человек, который мог бы украшать своим присутствием парады, человек, который по своему возрасту, по своему стилю, а также по своему открытому характеру мог бы понравиться императору Александру». Кроме того, адъютант императора справедливо считал, что в Петербурге требовался человек из знатной семьи, который своей обходительностью и изысканностью манер мог бы произвести впечатление на женщин.

Такой человек был найден. Его звали Арман-Огюстен-Луи маркиз де Коленкур. Он был дивизионным генералом и адъютантом императора. Для своего ранга Коленкур был очень молод, по приезду в Петербург ему только что исполнилось 34 года. О древности его семьи достаточно сказать, что один из его предков, Филипп де Коленкур, был ближайшим соратником Бодуэна Фландрского, возглавлявшего Четвёртый крестовый поход (1205 г.). Несмотря на аристократическое происхождение, молодой генерал никак не был подвержен влиянию роялистской оппозиции, а придерживался взглядов, вполне отвечающих духу времени. Буквально накануне прихода к власти Бонапарта он писал в письме своей родственнице: «Время этой смешной любви к Старому порядку прошло» ¹⁹.

При этом Коленкур был беззаветно предан своему императору и был доблестным воином. Он отважно сражался в эпоху революционных войн, и в 1799—1801 гг., командуя 2-м карабинерским полком — элитой тяжёлой кавалерии, — зарекомендовал себя как отличный руководитель и храбрый командир.

Несмотря на происхождение и изысканные манеры, Коленкур был совершенно не похож на классического дипломата, умелого разведчика, всегда помнящего об интересах своего государства, умеющего всем улыбаться, но никому не доверять. Коленкур подобно своим предкам действительно был настоящим рыцарем, отважным, но честным, доверчивым и немного наивным. Наконец, как все рыцари, он был не свободен от тщеславия и легко поддавался умелой лести. Нетрудно ожидать, что тонкий знаток

человеческих душ, Александр, понял все особенности французского посла с его первых шагов в Петербурге. Тем более что царь встречался с ним ранее, когда в 1801 г. Коленкур был послан в Петербург с короткой дипломатической миссией.

Понимая, что он может использовать в своих интересах наивность посланника, царь решил не поскудиться ни на материальные знаки внимания, ни на почести Коленкуру. В распоряжение молодого генерала был выделен огромный роскошный дворец князей Волконских, ко-

Ф. Жерар.
Генерал Арман-Огюстен-Луи
де Коленкур (1773—1827)

торый Александр специально для этого выкупил за гигантскую по тем временам сумму 340 тыс. рублей *. Великолепие этого дворца было вполне сравнимо с роскошью особняка Телюссон, который Наполеон, как уже указывалось, приобрёл для русского посла.

Коленкур прибыл в Петербург 17 декабря 1807 г., а уже 20 декабря он вручил царю свои верительные грамоты и тем же вечером был приглашён в Эрмитажный театр, где его усадили в кресло в одном ряду с императорской семьёй — честь, которой ещё никогда не удостоивался ни один из иностранных посланников. Жозеф де Местр записал в эти дни: «Посол... Франции уверенно занял первое место повсюду. Вчера вечером был бал и торжественный ужин у вдовствующей императрицы в честь дня рождения императора. Коленкур танцевал первый танец по очереди с обеими императрицами (*имеются в виду мать Александра I и его супруга*)» ²⁰.

На официальном приёме дипломатического корпуса в феврале 1807 г. Коленкур занял первое место среди послов, хотя традиционно по русскому дипломатическому протоколу первое место должен был занимать австрийский посланник. Молодой царь одобрил поступок Коленкура, с улыбкой сказав: «Эти французы всегда проворнее австрийцев».

Но Александр не удовольствовался тем, что предоставлял французскому посланнику первое место на балах, официальных приёмах и парадах. Молодой царь умел изысканно льстить: «Кстати, генерал, — как-то сказал Александр, — Вы имели большой успех в нашем обществе, вы одержали победу над самым непримиримыми... благодаря вашему обращению, у нас все сделаются французами» ²¹.

* Серебряный рубль в это время был равен приблизительно 4 франкам. Однако речь идёт об ассигнациях. По курсу 1807 г. рубль ассигнациями равнялся примерно 2,7 французского франка. Следовательно, стоимость особняка была около 918 000 франков и почти равнялась цене дворца, который Наполеон подарил для русского посольства.

Наконец Александр дошёл до того, что, изображая самую близкую дружбу к Коленкуру, поверял ему свои сердечные тайны, рассказывая, в частности, о своей любви к прелестной Марии Нарышкиной: «о влечении, которое постоянно приводило его к Н..., хотя бы он мимоходом и увлекался некоторыми другими; о ревности, которая ни к чему не ведёт и ни от чего не ограждает...»²²

Нельзя не признать, что это был блистательный ход. О связи Александра с Марией Нарышкиной в мельчайших деталях знал весь Петербург. Ничего секретного, что нанесло бы ущерб империи и ему лично, царь не выдавал, зато он создал впечатление исключительной искренности и доверия к молодому генералу. Честный и наивный воин, Коленкур подумал, что русский император действительно стал его ближайшим личным другом. Было от чего закружиться голове у наивного посла!

Тем более что сам Петербург произвел впечатление как на Савари, так и на Коленкура. Уже первый посланец императора так рассказывал о Северной столице: «Петербург построен со всей роскошью Италии, здесь такое изобилие гранита и мрамора, словно в тех знаменитых древних городах, от которых до нас дошли только имена. Здесь не видно еще музеев, нет академии изящной словесности, но ростки новой цивилизации видны повсюду, и, вероятно, скоро эта страна заставит трепетать весь мир. Ее народ полон свежих сил и энергии...»²³ Коленкур вспоминал с еще большим восторгом о северной Венеции: «Все здесь внушает восхищение, все дышит величием и торжественностью Екатерины Великой... Кажется, что ты перенесен в храм фей, когда сравниваешь этот чудесный город с другими городами Европы... В дни приемов дворцовые залы сияли так, что это опьяняло воображение. Казалось, что это чудеса тысячи и одной ночи. Поистине восточная роскошь, женщины ослепительной красоты, изысканные, элегантные, украшенные сверка-

ющими бриллиантами, умные, образованные, легкомысленные, веселые, жадные до танцев, музыки, празднеств и наслаждений. Молодые люди такой эlegantности, столь изысканных манер и столь расточительные, что перед ними наши французские образцы просто меркли. Каждый день приносил новые удовольствия, новые празднества, мне приходилось трудно, клянусь вам, чтобы ни в чем не уступать в содержании моего особняка феерии русской роскоши»²⁴.

В описании России, сделанном в 1807 г. французским путешественником, мы видим такую характеристику столицы: «Большинство предметов роскоши можно найти в Петербурге в таком огромном количестве и в таком великолепном качестве, что бесполезно привозить их из-за границы, по крайней мере, для потребления в самом городе. Особенно здесь любят предметы из драгоценных металлов. В городе работают 183 ювелирных мастерских, из которых 44 русских и 139 иностранных. Сверх того, огромное количество золотых и серебряных дел мастеров. Блеск двора и роскошь вельмож и богачей сделали так, что в этой столице стремление к излишествам стало совершенно обычным»²⁵.

Впрочем, Наполеон дал своему послу возможность попытаться перещеголять русских в расточительности. На содержание посольства и на то, чтобы давать постоянно приемы, Коленкур получил от императора 800 тысяч франков ежегодного содержания плюс 250 тысяч франков на расходы «по устройству» в Петербурге. «Я даю вам карт-бланш на все расходы вашего посольства,— сказал Наполеон.— Нельзя, чтобы у нас был вид разбогатевших буржуа. Французский двор не должен быть ни мелочным, ни маленьким. Наш русский брат любит роскошь и празднества... ну что ж, будьте несравненны...»²⁶

Нужно сказать, что Коленкур строго выполнил наставления своего повелителя. В Петербурге еще долго будут рассказывать об ужине на 400 персон, данном французским

посланником, где груши, каждая из которых стоила по 100 серебряных рублей, и вишни по одному серебряному рублю штука подавались с такой расточительностью, что «казалось, что они стоили по 20 су за фунт»²⁷.

Особое впечатление на Коленкура произвели петербургские парады, особенно если учесть, что посол наблюдал их не со стороны, а сидя на коне подле молодого царя. Вот что посланец Наполеона записал в своем отчете в январе 1808 года: «Здесь все говорят только об униформах, мечтают только о блистательных мундирах, которые будут наде- ты на Крещенский парад. Все они теперь на французский манер, у генералов шитье, у офицеров эполеты, у солдат плечевые португалии вместо поясных. Музыка играет во французском стиле, марши французские, экзерциции французские»²⁸. «Одновременно в параде участвовало до 20 тысяч солдат, а часто и 30 тысяч,— рассказывал позже Коленкур.— Нужно сказать, что войска эти были восхити- тельны как по своему порядку, так и по блеску униформы. У каждого кавалерийского полка была своя масть лошадей: черные, серые, гнедые и т. д. Полковниками были самые знатные российские вельможи, которые расходовали безумные суммы на роскошную униформу своих частей. Особенно блистал кавалергардский полк, созданный Пав- лом I... Среди самых красивых выделялся также Лейб-гвар- дии гусарский полк, которым командовал князь Четвер- тинский, брат госпожи Нарышкиной. Это был самый элегантный полковник, которого можно было видеть. Его алый ментик и доломан были просто покрыты золотом, а богатый мех еще лучше оттенял его прекрасное лицо. Он добился, чтобы кони его полка были черными, и этот свер- кающий аспидно-черный цвет, великолепно контрастируя с алым цветом мундиров, производил незабываемое впе- чатление. Конская амуниция и оружие, все было покрыто золотыми украшениями...»²⁹

Александр добился своего. Тонкая лесть царя, петербургские красавицы и сверкающие батальоны гвардии, блеск балов и роскошь празднеств сумели заслонить от Коленкура многие серьезные политические процессы. В результате, несмотря на порой очень точные наблюдения русского общества, которые можно найти в рапортах французского посла, он оказался абсолютно слепым в отношении Александра, которому, как кажется, даже доставляло удовольствие играть в игру с несколько наивным генералом.

Впрочем, какими бы ни были послы, французские в России и русские во Франции, главам обоих государств пришлось в это время (в конце 1807 — начале 1808 г.) принимать ряд важнейших внешнеполитических решений, проистекавших из условий союзного договора. Как уже отмечалось, российская сторона должна была осуществить посредничество во франко-английских переговорах и попытаться склонить Великобританию к подписанию мира. Но русское посредничество было отклонено англичанами; зато, прекрасно понимая, чем грозит Великобритании русско-французское сближение, английское правительство решило действовать немедленно и жёстко.

Первый удар англичан пришёлся по Дании... Почему была выбрана Дания? Дело в том, что эта страна находилась в традиционно дружественных отношениях с Россией, хорошие отношения складывались у датчан и с Наполеоном. Ясно, что Дания могла быть вовлечена в континентальную коалицию против Британии, а датский флот издавна славился как один из лучших европейских флотов. Если бы датские морские силы объединились с русскими, господству англичан на северных морях пришёл бы конец.

Понимая это, летом 1807 г., сразу после известия о заключении Тильзитского мира, английское правительство с неожиданной для него быстротой подготовило морскую экспедицию против нейтральной Дании. Если для содейст-

вия русским англичане никак не могли собрать ни флот, ни войско, здесь всё было решено в несколько дней. В конце июля 25-тысячная английская армия была погружена на корабли и отправилась к берегам Дании. 16 августа 1807 г. британские войска, под командованием знаменитого в будущем лорда Уэлсли *, высадились на датском берегу и, нанеся поражение небольшой датской армии у местечка Кёге, обложили столицу королевства. Мощный британский флот блокировал Копенгаген с моря. Английское командование предъявило датчанам ультиматум — сдать весь военный флот на «хранение» в Англию, с обещанием вернуть его в конце войны. Но датчане с негодованием отвергли этот наглый ультиматум и вступили в борьбу.

Британские войска и флот не имели возможности предпринять правильную осаду сильной крепости, а тем более опасались огромных потерь и неудачи в случае попытки штурма. И поэтому они просто-напросто решили применить бомбардировку мирного города. Тогда этот метод уже существовал, только использовались для бомбардировки тяжёлые мортиры, стреляющие разрывными снарядами (бомбами). Кроме того, англичане, как передовая в техническом отношении нация, употребили для обстрела города и последнее слово тогдашней науки, «ракеты Конгрева» — небольшие пороховые ракеты, которые действовали как зажигательные снаряды. Со 2 по 5 сентября, в течение почти трёх суток, тысячи бомб и ракет обрушились на датскую столицу. Более 30% зданий города было сожжено или разрушено, погибло около 2 тыс. гражданских лиц, а также около 3 тыс. солдат, ополченцев и моряков.

Несмотря на отважную оборону, комендант столицы, чтобы избежать полного уничтожения Копенгагена и его

* *Артур лорд Уэлсли* (1769—1852) — выдающийся английский полководец, более известный под именем герцог Веллингтон, которое он получил в 1814 г.

мирных жителей, подписал капитуляцию. Англичане ворвались в порт и захватили там 18 датских линейных кораблей, 11 фрегатов, 14 разнообразных боевых кораблей меньшего размера и 26 канонерских лодок. Сверх того, джентльмены с туманного острова сожгли три линейных корабля, находящихся в доках, а через несколько дней, как разбойники, скрылись с добычей.

Пиратское нападение на Копенгаген сделало в отношении Дании больше, чем могли бы сделать угрозы Наполеона. Министр иностранных дел этого королевства написал послу своей страны в Париже: «Английская агрессия разрушила наш нейтралитет и сделала нас естественными союзниками Франции. Пусть Франция знает, что мы теперь никогда её не покинем и что у неё нет более преданных союзников, чем мы»³⁰.

Одновременно подобные действия англичан повлияли и на российское общественное мнение. Несмотря на все интриги английского посла лорда Говера и известного агента полковника Вильсона, Александр принял решение выполнить обещания, данные в Тильзите. 25 октября (6 ноября) 1807 г. Россия разорвала дипломатические отношения с Великобританией.

Подобные действия Александра, как может на первый взгляд показаться, противоречат тому, что говорилось о его буквально подкорочной вражде к Наполеону. На самом деле — вовсе нет. Подчеркнём, что Александр не следовал за Англией, а наоборот, он ловко использовал английскую ненависть к Франции вообще, и Франции Наполеона в особенности, для достижения своих целей. Эгоистические до глупости действия английского правительства в ходе войны 1806—1807 гг. не на шутку разозлили молодого царя, и он был не против слегка щёлкнуть по носу надменных британцев, показав им опасность пренебрежительного отношения к России.

Однако воевать с Англией по-настоящему Александр не собирался. Английский посол продолжал оставаться в Петер-

бурге, а полковника Вильсона царь не раз приглашал на ужин в свою резиденцию на Каменном острове. Александр прекрасно понимал, что Англия ему потом снова понадобится, поэтому не спешил резко рвать отношения с этой страной. Только следуя настоятельным просьбам министра иностранных дел Румянцева, требовавшим устойчивого курса российской политики, англичане были удалены из Санкт-Петербурга.

Снова, после короткого периода в эпоху правления Павла I, Россия и Великобритания оказались в состоянии войны. Впрочем, на этот раз царь воевал вынужденно, что чувствовали как его подчинённые, так и неприятель.

Тем не менее целью британских политиков и военных стал русский флот. Вообще, Наполеон очень рассчитывал, что, соединившись на Балтике, русские эскадры вместе с датскими создадут англичанам немало проблем. Флоту адмирала Сенявина, находившемуся в Средиземноморье и вынужденному покинуть Корфу и Бокка-ди-Катарро, был дан приказ обогнуть Европу и вернуться на Балтику, откуда эскадра ушла ещё в 1799 г.

Сенявин получил приказ ещё задолго до разрыва с Англией и, возможно, вполне мог успеть вернуться в Балтийскую акваторию вовремя. Однако адмирал, который уже в течение двух лет воевал с французами, не спешил выполнять распоряжение, ибо, очевидно, догадывался, для чего его корабли должны были предпринять плавание вокруг Европы. Только осенью 1807 г. русская эскадра прошла Гибралтар и оказалась в Атлантике, где, попав в сильный шторм, вынуждена была укрыться в бухте Лиссабона.

Здесь Сенявин, очень не торопясь, ремонтировал свои суда. В скором времени неподалёку от порта появились британские корабли, а адмирал узнал, что Россия и Англия находятся в состоянии войны. В результате лиссабонское стояние продолжалось очень долго. В августе 1808 г. сильная английская эскадра адмирала Коттона появилась у по-

бережья Португалии. Она высадила английскую армию под командованием уже известного нам лорда Уэлсли и прочно заблокировала гавань, в которой находился русский флот.

Сенявин не стал принимать героический неравный бой. Более того, он наотрез отказался действовать с сухопутными силами генерала Жюно, войска которого вступили в Лиссабон в конце ноября 1807 г. (см. главу 5). Последний предлагал вместе воевать против англичан на суше, употребив для этого многочисленные команды кораблей. Русский адмирал предпочёл капитулировать. Правда, его капитуляция была почётной. Русские корабли сдавались «на хранение» в Англию до конца войны. Это были примерно те же условия, которые в своё время британцы безуспешно предлагали в Копенгагене.

Семь русских линейных кораблей и фрегат, покрытые славой многих боёв, отправились в Англию под эскортом британского флота (два старых линейных корабля были оставлены в Лиссабоне, где их захватили англичане). По настоянию адмирала, Андреевский флаг не был спущен и оставался поднятым на кораблях эскадры. Однако по прибытии в Англию лорды адмиралтейства заявили, что нельзя допустить, чтобы боевой флаг вражеского флота развевался на территории Британии. Флаг пришлось спустить.

После многочисленных проволочек и задержек в августе 1809 г. экипажи русских кораблей на транспортных судах были отправлены в Ригу, куда и прибыли в сентябре. Сами корабли русской эскадры так и остались в Англии.

Конечно, Сенявина, вернувшегося в Петербург без кораблей, не погладили по головке за его «подвиги». Однако какого-либо наказания адмиралу также не последовало. Царь просто отказался его принять и не пожелал разговаривать с тем, кто уж слишком очевидно действовал вопреки его указаниям и союзным обязательствам.

В тот момент, когда русская эскадра ещё стояла без дела в бухте Лиссабона, на другом конце Европы начинались

самые серьёзные события. Как уже указывалось, Тильзитский договор предполагал, что Россия потребует от Швеции присоединения последней к континентальной блокаде и в случае отказа объявит ей войну. Более того, после нападения англичан на Копенгаген Александр потребовал содействия Швеции в закрытии Балтийского моря от британских судов. Король Густав IV отклонил все эти требования и взял курс на сближение с Англией.

Коленкур стал настойчиво убеждать царя в необходимости воздействовать на Швецию силой. Александр I особенно и не противился, так как он был совершенно не прочь разбить шведов и приобрести обширные земли в Финляндии. Но Наполеон предлагал даже больше. В беседе с неприятливым русским послом 5 января 1808 г. император французов высказал мысль о том, что он в принципе не против присоединения к России всей Швеции, включая даже и Стокгольм! Император пошутил, что прекрасные петербургские дамы не должны пугаться грохота шведских пушек.

Совершенно невообразимый разговор, если рассматривать происходящее с позиции стремления Наполеона не только к мировому, но даже европейскому господству!

Боевые действия начались 9 (21) февраля 1808 г. Армия под командованием генерала Буксгевдена перешла границу и начала продвижение в глубь территории Шведского королевства. Русские войска насчитывали в своих рядах не более 24 тыс. человек, впрочем, и шведов было, прямо скажем, немного, всего 19 тыс. человек, разбросанных по всей Финляндии. Тем не менее, малочисленность армии Буксгевдена удивляет — лишь около 5% от общего количества российских вооружённых сил. Правда, почти 20% военнослужащих было задействовано в боевых действиях против турок, но больше всего войск дислоцировалось вовсе не на юге или севере, а в западных губерниях России...

Несмотря на малочисленность армии, воевавшей против шведов, наступление в Финляндии развивалось успешно. 18 февраля (2 марта) русские полки вступили в Гельсингфорс (Хельсинки), а 10 (22) марта заняли город Або. 26 апреля (8 мая) после двухмесячной осады капитулировала мощная крепость Свеаборг. В плен сдался гарнизон численностью 7,5 тыс. человек, было захвачено более 2 тыс. орудий и 120 военных судов.

Наконец, 16 (28) марта 1808 г. был издан высочайший манифест о присоединении Финляндии к России. Интересно, что манифест был опубликован несмотря на то, что война продолжалась и шведы ещё оказывали отчаянное сопротивление.

Внешнеполитические успехи империи улучшили отношения российских элит к союзу с Францией. Вот что писал Колленкур из Санкт-Петербурга в апреле 1808 г., рассказывая о настроениях общества: «У обер-камергера Нарышкина шла дискуссия о Финляндии: „Я — русский человек, — произнёс муж, — и когда я вижу, как император (*Александр*) навсегда заглохнет Петербург от опасности, и присоединяет к империи, то, что наша Великая Екатерина не осмеливалась даже надеяться присоединить, я доволен, это обещает нам и другие выгоды (*от союза*)“». Его жена, большая болтушка, добавила: „Вот наша дорогая Великая княгиня и отомстила этому маленькому шведскому королю *. Только бы Франция дала нам турецкие провинции, только бы все наши молодые люди вернулись из армии, только бы у нас был мир — тогда если кто-нибудь ещё

* Екатерина II планировала брак своей внучки Александры Павловны с молодым шведским королём Густавом IV, но, когда в 1796 г. «жених» приехал в Петербург, он повёл себя вызывающе и категорически отказался уступить в религиозном вопросе — великая княжна должна была принять лютеранство. В результате свадьба расстроилась, а Екатерина из-за оскорблений, нанесённых ей 17-летним юнцом, пережила большое потрясение, и её состояние здоровья сильно ухудшилось. В ноябре того же года императрица умерла.

будет жаловаться на императора (*Александра за французский союз*), его нужно будет прогнать от двора. А эти англичане! Они всегда нас бросали, они думают исключительно о себе“»³¹.

Очаровательная Мария Нарышкина, возлюбленная Александра, страданиями по которой молодой царь делился с молодым послом, затронула в своей речи довольно острую тему. Она упомянула не только Финляндию, но и турецкие провинции. Действительно, союз, заключённый в Тильзите, во многом базировался на том, что Наполеон отдавал на милость России не только Швецию, но и традиционного союзника Франции — Османскую империю.

Точнее, для начала было обещано посредничество в переговорах, но в случае, если турки отклонят мирные предложения, Наполеон брал обязательство действовать против Порты заодно с Россией.

Ещё во время переговоров в Тильзите 28 июля 1807 г. император французов направил в турецкий лагерь капитана инженерных войск Полена с задачей способствовать как можно скорейшему прекращению боевых действий на фронтах турецкой войны.

В описываемый период времени первоначально быстрое продвижение русских войск приостановилось из-за упорной обороны турок. Тем не менее Османскую империю сотрясали внутренние смуты. 29 мая 1807 г. был свергнут султан Селим III. Его падение во многом предопределило изменение отношения Наполеона к Турции. Когда на Тильзитских переговорах император французов получил известия о событиях в Стамбуле, он воскликнул: «Вот решения Божественного провидения, которое говорит мне, что турецкая империя не должна больше существовать»³².

Действительно, франко-турецкий союз основывался не только на близких внешнеполитических интересах, но и на особенностях личности Селима, султана-реформатора, желавшего преобразовать обветшалую империю, стремивше-

гося навести порядок в чудовищной, архаичной запутанности администрации и безалаберной финансовой системе своего государства. Кроме того, Селим был образованным человеком, поэтом и композитором. Одновременно он не забывал своих воинских корней; одной из главных задач в деле модернизации государства он считал преобразование армии и создание вооружённых сил по европейскому образцу. Им был создан так называемый «низам-и-джадид», полки современного по меркам той эпохи устройства, которые должны были прийти на смену архаичным янычарам.

Нетрудно понять, почему янычары невзлюбили султана и организовали его свержение и арест, а впоследствии, два месяца спустя, — и убийство. К власти пришёл султан Мустафа IV, который, в свою очередь, был свергнут и убит в 1808 г. Его преемником стал султан Махмуд II, правление которого, в отличие от предыдущего, было многолетним и продлилось до 1837 года! Впрочем, дворцовые перевороты не мешали туркам вести с русскими войну на суше и на море.

Если на суше действия развивались с переменным успехом, то на море адмирал Сенявин, о судьбе которого уже говорилось, сумел нанести поражение турецкому флоту в знаменитом Афонском сражении 19 июня 1807 г. Оно состоялось в тот же день, когда были приостановлены боевые действия в Восточной Пруссии, но об этом на берегах Эгейского моря, где гремели пушки русских и турецких кораблей, ещё никто не знал.

В это же время, летом 1807 г., сухопутные операции русской армии застопорились. 18-тысячная армия престарелого генерала Михельсона осаждала Измаил (который по Ясскому миру * 1792 г. опять стал турецким), генерал Милорадович прикрывал с юга Бухарест. Главная армия турок под коман-

* Ясский мирный договор был заключён 29 декабря 1791 (9 января 1792) года.

дованием великого визиря Али-Паши располагалась в районе крепости Силистрия.

Именно туда прибыл от имени Наполеона молодой французский офицер, капитан Полен. Несмотря на юный возраст и невысокое звание посланца императора, его встретили с необычайным почётом. Лагерь напомнил молодому капитану сказки тысячи и одной ночи: «Бесчисленное количество великолепных шатров, украшенных золотыми полумесяцами, многочисленные зелёные флаги и штандарт Магомета развевались повсюду... а тот шатёр, который предстал передо мной, смог вместить, наверное, два десятка наших обычных палаток... я прошёл через его различные отделения, наполненные драгоценным оружием, и наконец оказался в настоящем зале, затканном шёлковым бархатом с золотыми кистями. Здесь ждал меня великий визирь, ближайший помощник султана».

Полен рассказывает далее: «„Да прославится Бог,— произнёс он, прочитав мою депешу.— Твой император воистину велик. Господь желает, чтобы я прекратил войну с моими врагами. Что ж, я соглашусь, но с сожалением...“, а затем, перечислив свои силы и победы над отрядами русской армии визирь произнёс снова: „...но раз он (*Наполеон*) решил, что мир должен прекратить боевые действия, и, так как я знаю на этот счёт волю моего государя, ты можешь отправиться на аванпосты и объявить о мире“»³³.

Боевые действия были прекращены, а вскоре вслед за скромным офицером на театр русско-турецких боевых действий прибыл генерал Гийемино. При его посредничестве 24 августа 1807 г. в Слободзее было подписано перемирие, согласно которому Молдавия и Валахия превращались в нейтральную зону между армиями. Русские должны были вывести войска из княжеств на север, за Днестр, а турки — на юг, за Дунай. Во время переговоров скончался главнокомандующий русской армией генерал Михельсон, его заме-

стителю, генерал Мейендорф, утвердил договор, а затем, не дождавшись утверждения договора царем, вывел русские войска из придунайских княжеств.

В общем и целом, выполняя условия Тильзитского мира, добившись заключения перемирия между сторонами, более того, стараясь убедить турок в мирном договоре уступить княжества России, Наполеон поначалу старался всё-таки смягчить последствия тяжёлых территориальных потерь, которые должна была понести Оттоманская империя. Как уже указывалось в предыдущей главе, в период Тильзита он был вполне согласен с расширением Российской империи до Дуная. Подобную политику никак нельзя назвать анти-русской, однако события, произошедшие в конце 1807 и в начале 1808 гг. вынудили Наполеона пойти в решении восточного вопроса ещё дальше, чем он, видимо, изначально намеревался.

Уже отмечалось, что безжалостной бомбардировкой Копенгагена англичане показали, что не только не собираются складывать оружие, но, напротив, готовы жестоко драться. В конце января 1808 г. до Парижа дошли известия из Лондона о парламентской сессии в Великобритании. Тронная речь, прочитанная перед обеими палатами, была полна ненависти к Франции и непоколебимого желания воевать до конца. Позже французский генерал Пилле, находившийся в Англии в качестве военнопленного, написал: «Я видел народ, готовый вести войну ради испепеляющей его страсти владеть торговлей всей планеты, народ, политическое существование которого никак не могло быть подорвано миром, но эти люди восклицали со всех сторон: „Нужно уничтожить Францию, нужно сделать так, чтобы сгинул последний француз, и для этого мы не должны остановиться перед тем, чтобы пожертвовать нашим последним солдатом и последней золотой монетой!“»³⁴

Наполеон не мог беседовать тогда с пленным генералом, но ему хватило чтения парламентских речей в газетах, чтобы понять — Британия готовится к войне не на жизнь, а на смерть. С ней невозможно достичь мира, если не вынудить её к этому силой. Следовательно, другого выхода, как война до победного конца, у него нет. Ясно было также, что в одиночку Франции не справиться с врагом, который благодаря своему огромному флоту присутствует повсюду, который везде сеет смуту, подкупая политических деятелей, и не останавливается даже перед преступлениями, подобными тому, что было совершено в Михайловском замке в мартовскую ночь 1801 г.

Конечно, нельзя осовременивать методы борьбы Британии того времени за господство в мире и превращать описание английских спецслужб наполеоновской эпохи в некое ЦРУ XIX века. Тем не менее, бескомпромиссность и жёсткость борьбы, которая велась методами, отвергаемыми другими государствами, была налицо.

И Наполеон решился. 2 февраля 1808 г. он пишет пространное письмо Александру I: «Ваше Величество, Вы, наверное, читали уже речи в английском парламенте. Решение, которое там принято, — вести войну насмерть... Теперь мы сможем добиться мира, только укрепив нашу систему. Пусть же Ваше Величество укрепляет и увеличивает армию. Вся помощь и поддержка, которую я могу оказать, будут оказаны. У меня нет ни малейшего чувства зависти к России, но лишь желание её славы, процветания и расширения...»³⁵

Наполеон ещё раз повторяет, что он готов согласиться с тем, что вся Швеция отдана на милость русского царя: «Ваше Величество, быть может, нуждается в том, чтобы удалить шведов от столицы, расширяйте же Ваши границы столь далеко, как Вы того пожелаете, я готов Вам помочь всеми своими силами»³⁶.

Но на этом предложение императора французов не исчерпывается, он кладёт на стол главный козырь, даже не туз, а настоящий «джокер»: «Через месяц после того, как мы с вами договоримся, армия (*союзная франко-русская*) может быть на берегах Босфора. Удар почувствуют вплоть до Индии, и Англия должна будет смириться... 1 мая наши (*союзные*) войска могут быть уже в Азии, в то время как войска Вашего Величества — в Стокгольме. Тогда англичане, которым будут угрожать в Индии, которых выгонят с Ближнего Востока, будут раздавлены тяжестью событий, наполняющих атмосферу. Ваше Величество, так же как и я, конечно же предпочли бы блага мира, проводя нашу жизнь среди наших обширных империй и посвящая себя заботам о возрождении и счастье наших подданных, покровительствуя наукам и искусствам... Но враги человечества не хотят этого. Что ж, нам нужно быть великими в борьбе, несмотря на наши желания...»³⁷

В этом письме Наполеон не говорит явно о разделе Османской империи, но в послании к Коленкуру он определённо указывает на раздел, при котором Россия получит Константинополь и, как минимум, территории, лежащие к северу от него, то есть земли современной Европейской Турции, Болгарии, Румынии и Молдавии! Конечно, всё это предоставлялось не за «красивые глазки». Франция при этом разделе должна была получить не менее заманчивые куски из наследия Османской империи: Грецию, Албанию, Египет и, наконец, Дарданеллы, для того чтобы держать ключ от Средиземного моря, в то время как Россия получала ключ от Чёрного моря.

Иначе говоря, Наполеон предлагал восстановить некое подобие Западной и Восточной Римских империй, которые должна была разделять Австрия как залог того, чтобы у двух великих государств не могло возникнуть пограничных конфликтов...

Нужно быть поистине сумасшедшим, чтобы утверждать, что Наполеон при этом только и мечтал, чтобы «раздавить Россию», как писали в советских учебниках. Наоборот, такого «русского великодержавного шовиниста», как император французов, не было во всей истории России. Ведь он, ни много ни мало, предлагал создать Российскую империю, которая бы простиралась от Стокгольма до Константинополя!

Всё это делалось не из-за наивности, не по глупости, не было коварным подвохом или обманом, как часто отмахиваются от этого факта некоторые русские историки, которые вбили себе в головы, что Наполеон только и желал, что «погубить православных». Нет, просто в 1807 г. он понял, что у него нет выбора. Он должен драться с Англией за право существовать, за право дышать, и этого один он сделать не сможет! А значит, ему нужен союзник, которому следует предложить нечто такое, от чего может отказаться только душевнобольной или враг собственной страны.

Был ли Наполеон агрессивным? Конечно! Но разве английские олигархи, готовые кого угодно удавить за копейку, были мальчиками из церковного хора? Те, кто убивал мирных жителей в Копенгагене, те, кто оплачивал все коалиции против Франции и давал деньги и оружие кому угодно, лишь бы предавали смерти всех, кто стоит на пути у британских политиков?

Кавалер ордена Андрея Первозванного Наполеон Бонапарт предлагал России самый грандиозный внешнеполитический проект, под которым вполне мог подписаться сам Пётр Великий.

Конечно, обсуждение конкретных деталей не могло не вызвать разногласий. И действительно, когда посол Франции Коленкур и министр иностранных дел России Румянцев встретились, возникли отчаянные споры о том, какие земли должны были отойти под контроль Российской им-

перии, а какие — под контроль Франции и какие — Австрии. Самый острый вопрос вызвали Дарданеллы. Румянцев заявлял, что обладание Босфором и Константинополем без контроля над входом в Средиземноморье не имеет большой цены. Четыре часа спорили об этом 9 марта 1808 г., на следующий день — ещё несколько часов. Но всё-таки было вполне возможно прийти к соглашению. Слишком уж выгодные были эти условия для России, а что касается Наполеона, он был просто обязан договориться с Александром. От этого зависело будущее его империи. Именно поэтому оба императора весной 1808 г. приняли решение встретиться, чтобы обсудить детали великого проекта. Местом встречи, по предложению Александра, был назначен небольшой уютный немецкий городок Эрфурт. Однако неожиданные события внезапно внесли коррективы в грандиозные планы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Savary A.-J.-M.-R. Mémoires du duc de Rovigo. Paris, Londres, 1828, t. 2, p. 93—95.
2. La reine Hortense. Mémoires. Paris, 2006, p. 175.
3. Petiet A. Souvenirs historiques, militaires et particuliers, 1789—1815. Paris, 1996, p. 192.
4. Marcel N. Campagnes en Espagne et au Portugal. Paris. 2001, p. 8.
5. Lejeune L.-F. Mémoires du général Lejeune. Paris, 2001, p. 58.
6. Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. Paris, 2010, t. 7, p. 962.
7. Savary A.-J.-M.-R. Op. cit., p. 97.
8. Ibid.
9. Цит. по: Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. М., 1962.
10. Ведомость кому каки деревни и в каком числе душ всемиростивейшее пожалованы августа 18 1795 года // Родина, 12, 1994, с. 47—48.
11. Бешанов В. В. Брестская крепость. История.
12. Рукописный отдел РНБ, Ф 73 № 275 Langeron. Journal des campagnes faites au service de la Russie, 1790—1796, t. 3, p. 128—129.
13. Давыдов Д. Сочинения. М., 1962, с. 247—248.
14. D'Espinschal Souvenirs militaires, t. 1, p. 146.
15. Вигель Ф. Записки. М., 2003, т. 1, с. 428.
16. Письма Платона, митрополита Московского, к преосвященным Амвросию и Августину. М., 1870, с. 123—124.
17. Великий князь Николай Михайлович (Романов). Дипломатические сношения России и Франции по донесениям

- послов императоров Александра и Наполеона 1808—1812. СПб., 1905—1914, т. 1, с. CLX.
18. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. М., 1963, т. 4, с. 112, 176, 245, 333.
 19. Jourquin J. Caulaincourt le loyal compagnon. *Revue Napoléon I*. Paris, 2000, № 5, p. 52.
 20. Maistre J. de Cèvres, t. 10, p. 546.
 21. Цит. по: Vandal A. Napoléon et Alexandre I, l'alliance russe sous le premier Empire. Paris, 1893—1896, t. 1, p. 213.
 22. Ibid.
 23. Savary A.-J.-M.-R. Op. cit., t. 2, p. 101.
 24. Souvenirs du duc de Vicence. Paris, 1837, t. 1, p. 32.
 25. Tableau général de la Russie moderne et situation politique de cet empire au commencement du XIX siècle, par V. C.***, continuateur de l'Abregé de l'Histoire générale des voyages. P., 1807, t. 2, p. 89—90.
 26. Цит. по: Souvenirs du duc de Vicence... t. 1, p. 29.
 27. Ibid, p. 33—34.
 28. Цит. по: Великий князь Николай Михайлович (Романов)... т. 6, с. 3.
 29. Souvenirs du duc de Vicence... t. 1, p. 53—54.
 30. Цит. по: Napoléon et l'Europe. Regards sur une politique. Coordonné par Thierry Lentz. Paris, 2005, p. 353.
 31. Цит. по: Великий князь Николай Михайлович (Романов)... т. 6, с. 17.
 32. Цит. по: Vandal A. Napoléon et Alexandre I... t. 1, p. 73.
 33. Paulin J. A. Souvenirs du general baron Paulin. Paris, 1895, p. 95—98.
 34. Masson P. Napoléon et l'Angleterre. La marine et l'armée anglaise contre Napoléon // http://www.napoleon.org/FR/salle_lecture/articles/files/Napoleon_Angleterre_2_marine.asp
 35. Correspondance de Napoléon I, t. 16, p. 498.
 36. Ibid.
 37. Ibid, p. 498—499.

ГЛАВА 5

Пламя над Пиренеями

Напомним, что согласно условиям Тильзитского мира «высокие договаривающиеся стороны» должны были среди прочего потребовать закрытия для английских судов всех гаваней Португалии. В случае отказа лиссабонского двора ему надлежало объявить войну. Для Португалии, которая со времён Метуэнского договора * (1703 г.) была фактически полуколонией Великобритании, это требование было абсолютно невыполнимым.

Для вторжения в Португалию на юге Франции была сосредоточена 25-тысячная французская армия под командованием генерала Жюно. 27 октября 1807 г. испанский двор без всяких затруднений вступил в соглашение с Наполеоном. Согласно договору французские войска получали свободный проход через Испанию, которая стала союзницей Франции в войне со своим западным соседом. В конце ноября 1807 г. армия Жюно беспрепятственно вступила в Лиссабон, откуда на кораблях бежала португальская королевская семья.

* По этому договору Англии были предоставлены такие торговые льготы, что английские купцы очень быстро овладели почти всей торговлей Португалии. Одновременно ничем не сдерживаемый импорт английских товаров подавил развитие местной промышленности, в результате чего Португалия попала в экономическую, а затем и политическую зависимость от Великобритании.

Пока французы занимали территории Португалии, внутри правящей королевской четы в Испании назревал кризис. Престарелый король Карл IV из династии Бурбонов фактически не правил. Вместо него всем руководила немолодая, уродливая, но сластолюбивая королева Мария-Луиза Пармская, а точнее, её любимый фаворит Мануэль Годой, или князь мира, как его стали величать в 1805 г. Бывший офицер королевской гвардии, этот честолюбивый и беззастенчивый здоровяк сосредоточил в своих руках почти все бразды правления страной. Он не только сказочно обогатился, но и интриговал за изменения в порядке наследования престола и отстранения от власти законного преемника принца Фердинанда Астурийского. Народ ненавидел Годоя, зато молодой Фердинанд (в 1807 г. ему было 23 года) пользовался всеобщей симпатией. Назрел конфликт, который мог в любой момент вырваться наружу.

Чувствуя приближение драматических событий, Наполеон задумал использовать их в своих целях. Под предлогом укрепления находившейся в Лиссабоне армии, Испанию наводнили колонны французских войск. Общее командование над ними было поручено маршалу Мюрату. Интересно, что испанцы доброжелательно встречали французские отряды, считая, что они пришли, чтобы освободить Испанию от ненавидимого всеми временщика.

В это время давно назревавшая гроза грянула. В ночь с 17 на 18 марта 1808 г. в загородный королевский дворец Аранхуэс ворвались сторонники принца Фердинанда. Дон Годой едва избежал смерти, спрятавшись от вооружённой толпы в шкаф. Через сутки он был найден и остался жив только благодаря вмешательству самого Фердинанда. Король и королева вынуждены были отречься. Власть перешла к принцу, который стал отныне королём Фердинандом VII.

Желая спасти Годоя от неминуемой расплаты, свергнутые король и королева обратились за помощью к Мюрату.

Тот, чувствуя, куда дует ветер, посоветовал Карлу IV прибегнуть к заступничеству Наполеона и написать протест против своего отречения. Фердинанд со своей стороны тоже поспешил пожаловаться императору. Так завязалась интрига, которой было суждено превратиться в гигантскую кровавую драму.

Наполеон предложил всем участникам конфликта прийти к нему на встречу в Байонну, небольшой город на юге Франции. Здесь в апреле 1808 г. произошло историческое свидание. Король и королева обрушили на своего сына поток гневной брани, требуя у императора восстановить справедливость.

Соблазн был слишком велик. Это был великолепный шанс для отстранения от власти дискредитировавшей себя династии. Наполеону казалось, что он очень просто сможет убрать в сторону вконец переругавшееся семейство и возвести на испанский трон нового короля, а именно своего брата Жозефа. Император считал, что, утвердив на престоле Испании монарха из своей династии, проведя в стране серию назревших полезных реформ, организовав её разумное управление, легко можно будет завоевать сердца испанцев. На смену Испании разваливавшейся и отсталой придёт новая Испания — сильная, экономически процветающая страна, надёжный союзник Французской империи. Самым главным для Наполеона в настоящий момент было то, что такая Испания помогла бы ему в борьбе с Англией своими кораблями, моряками и наконец просто закрытием своих портов для английских товаров.

Наполеон не ожидал, что смена династии может вызвать серьёзные возмущения в стране. Ему казалось, что Бурбоны окончательно изжили себя, что Испания ждёт перемен. Наконец, гарантия неприкосновенности национальной независимости и сохранение привилегий католической церкви казались ему вполне достаточными условиями для того,

чтобы испанцы без всяких осложнений восприняли рокировку на троне.

Хорошо информированный австрийский министр Меттерних, которого трудно заподозрить в симпатии к Наполеону, написал: «Императора уверили, что единственная сложность, которую он встретит в Испании, будет дурное впечатление, произведённое тем, что не он сам лично станет править в этой стране (!)»¹. Так что ни к какой войне французский император не готовился, а собирался совершить быстрый и бескровный переворот.

Действительно, что касается королевской семьи, всё прошло даже проще, чем ожидал Наполеон. Фердинанд отрёкся от захваченной им короны, а король и королева в благодарность за «благodeяния Наполеона» поспешили сделать то же самое. И Фердинанд, и стареющая королевская чета получили от императора по дворцу, где могли в своё удовольствие жить на выделенное им богатое содержание. Наполеон же получил корону Испании для своего брата. Однако, если правители страны легко отказались от власти, сами испанцы восприняли весть о байоннских событиях совершенно иначе.

Утром 2 мая 1808 г. в Мадрид прибыли первые известия о происходящем. В городе вспыхнуло восстание. Многие французские солдаты, прогуливавшиеся по улицам, были растерзаны толпой.

По первому сигналу тревоги Мюрат собрал имеющиеся у него в распоряжении силы и обрушился на восставших. Бунт был потоплен в крови. Мадрид затих. Однако «El dos de Mayo» (2 мая) послужило искрой, от которой вспыхнуло восстание по всей стране. Повсюду в Испании стали возникать местные хунты (комитеты), организовывавшие сопротивление. Центральная хунта в Севилье объявила от имени всего народа войну Франции.

Так началась самая продолжительная, самая ожесточённая война наполеоновской империи. Действительно, если

кампания 1805 г. длилась всего четыре месяца, война 1812 г. в России — около полугода, то Война за Независимость Испании (так эту войну называет испанская историография) продолжалась без малого шесть лет!

Увы, Наполеон не понял сути происходящего. Огромная волна народного гнева показалась ему сначала малозначащими волнениями. 6 мая 1808 г. из Байонны он написал Талейрану: «Я думаю, что главное дело сделано. Быть может, отдельные беспорядки будут иметь место, но уроки, преподанные в Мадриде и в Бургосе, должны, без всякого сомнения, всё уладить»².

Впрочем, несмотря на небрежный тон этого письма, Испания уже нарушила планы Наполеона на востоке. Он был вынужден отложить свидание с Александром на неопределённый срок, а в это время события на Пиренейском полуострове развивались с головокружительной быстротой.

Французские войска под командованием маршала Бессьера разгромили отряды повстанцев 14 июля в битве при Медина-де-Риосеко, и король Жозеф смог через несколько дней въехать в испанскую столицу, встретившую его гробовым молчанием. Несмотря на, мягко говоря, холодный приём населения, 25 июля 1808 года Жозеф был торжественно провозглашён королём «Испании и Индий». Однако пока в Мадриде новый король торжествовал свой «успех», на юге Испании, неподалеку от города Байлен, произошли события, которые в корне изменили положение дел не только на Пиренеях, но и во всей Европе.

Небольшой французский корпус под командованием генерала Дюпона был окружён превосходящими силами регулярных испанских войск и повстанцев. У Дюпона было 9 тыс. человек, у испанцев — 18 тыс. одних регулярных частей. Положение французов было крайне тяжёлым, и генерала соблазнили выгодные условия предложенной ему капитуляции. Испанское командование обещало, что, если

французы прекратят сопротивление и сложат оружие, их просто-напросто отправят во Францию на английских кораблях.

22 июля 9 тысяч французских солдат сложили оружие, а вслед за ними по приказу Дюпона сдалась вдобавок и дивизия Веделя, направлявшаяся на выручку своим. Командующему корпусом пригрозили, что, если солдаты Веделя не присоединятся к капитуляции, почётные условия не будут выполнены. Ведель имел глупость послушаться своего начальника. В результате ещё 9 тыс. французских солдат сдались испанцам!

Но испанское командование вероломно нарушило все свои обязательства. Солдаты, сложившие оружие, из-за преступного малодушия своего командира провели долгие шесть лет в ужасающем плену. Многие из них уже никогда не увидели Францию.

Самым же главным в этой истории были политические последствия байленской катастрофы. Рассказывают, что никто ещё не видел такого бешеного приступа гнева, как тот, который охватил императора при известии о капитуляции Дюпона. И это неслучайно. Наполеон сразу понял, что это событие окажет разрушительное воздействие на всю его европейскую политику. Из Бордо, где император узнал о поражении на юге Испании, он написал Жозефу 3 августа 1808 г.: «Дюпон обесчестил наши знамёна. Какая глупость! Какая низость!.. События подобного рода требуют моего немедленного присутствия в Париже. Германия, Польша, Италия — всё ведь связано. Моя боль велика, когда я думаю о том, что я не могу быть сейчас вместе с Вами и среди моих солдат»³.

Часто, описывая Испанскую войну, историки говорят, что у Наполеона не было никаких шансов добиться успеха, ибо восставший народ целой страны невозможно победить. В этих высказываниях есть немало здравого смысла; и дей-

ствительно, события, произошедшие на Пиренейском полуострове, казалось бы, полностью подтверждают эту точку зрения. Однако не следует забывать, что у Наполеона в Испании были не только противники, но и горячие сторонники. Если бы весной 1808 г., когда волна народного движения не достигла ещё своего апогея, император ввёл бы в Испанию мощные силы, возможно, ему удалось бы достичь поставленной цели. Однако в июле 1808 г. на территории Пиренейского полуострова находилось не более 100 тыс. французских солдат, разбросанных по огромной территории, причём подавляющее большинство из них были рекрутами, никогда ещё не нюхавшими пороха. Это были запасные батальоны, маршевые кавалеристские части из подразделений, принадлежащих к разным полкам. В общем, всё, что было в тылах Великой Армии ещё не вернувшейся из Германии после похода 1805—1807 гг.

Результатом этой недооценки испанского сопротивления была Байленская капитуляция. Она послужила детонатором огромного взрыва. Если до этих роковых событий значительная часть испанцев не сделала свой выбор, побавиваясь престижа огромной силы наполеоновской армии, то после Байлена ситуация изменилась. Пропаганда испанских повстанцев и английская пресса в мгновение ока разнесли по всей Испании и по всей Европе чудовищно преувеличенные рассказы о поражении Дюпона, что тотчас изменило весь моральный климат в стране. Волна мощного энтузиазма поставила под ружьё тысячи ещё недавно сомневавшихся людей. На знамёнах новобранных полков появились самоуверенные надписи: «Победителям победителей при Маренго, Аустерлице и Йене».

Неважно, что испанцы в действительности разбили небольшой корпус, состоявший из новобранцев; недаром ведь сам Наполеон говорил, что на войне ценнее всего моральные силы, а искренне верить во что-то значит уже наполо-

вину этого достичь. Теперь испанские ополченцы, повстанцы и солдаты регулярных полков были уверены, что могут разгромить любые войска наполеоновской империи. За несколько дней вся ситуация на театре военных действий стала другой. Жозеф вынужден был бежать из Мадрида, французские части отступали к границе. Жюно в Португалии оказался отрезанным от основных сил, а в начале августа на территории этой страны высадилась группировка английских войск под командованием уже известного нам сэра Артура Уэлсли. Эскадра Сенявина была заблокирована (см. предыдущую главу).

Новости из Испании бурно обсуждало всё высшее общество Санкт-Петербурга. Коленкур в своих донесениях о настроении среди российской элиты писал в это время: «Говорят, что Кадис занят англичанами, и что французский флот захвачен ими. Говорят, что Португалия восстала, и французы оттуда ушли, русская эскадра частью сожжена, а частью захвачена англичанами... Говорят, что генерал Дюпон взят в плен с 25 тыс. французами и 10 тыс. швейцарцами, что маршал Бессьер разбит 16 июля с большими потерями и вынужден отступить, маршал Монсей отступает и, не будучи побитым, разжалован, что генерал Лефевр разбит и окружён, что генерал Жюно заперся в укреплениях и фортах Лиссабона, а король покинул Мадрид с армией»⁴.

В этих слухах нечего искать истину. Русская эскадра, как мы уже указывали, была не сожжена, а сдалась на почётных условиях, Бессьер не проиграл 16 июля сражение, а наоборот, как уже говорилось, одержал 14 июля блистательную победу под Медина-де-Риосеко, и не только не отступил, а наоборот, двинулся на Мадрид... Но важно, что русская знать, которая уже недавно начала свыкаться с русско-французским союзом, снова в большинстве своём отшатнулась от него.

Однако поистине невообразимые изменения произошли в Австрии. Уже первые сообщения об испанских собы-

тиях разбудили внезапно спящий до этого пангерманский национализм и австрийский патриотизм. Новая супруга императора, молодая, красивая Мария-Людовика д'Эсте, мечтала о войне с «якобинцами». К реваншу за предыдущие поражения призывал и австрийский министр иностранных дел Иоганн-Филипп фон Стадион, пришедший на смену графу Кобенцелю. В Вене распространялись переведённые на английский язык английские и испанские антинаполеоновские памфлеты. Общее патриотическое настроение подогревала газета «Отечественные листы», основанная Стадионом. Вокруг салона Каролины Рихтер группировалась венская аристократия, враждебная наполеоновской империи.

За пределами Австрии, в Кенигсберге, в апреле 1808 г. возникла тайная организация Тугендбунд, объединившая студенческую молодёжь. А известный профессор Фихте выступил со своими знаменитыми «Речами к немецкой нации». В восьмой речи, проводя явную параллель с империей Наполеона, философ перечислял благодеяния римской цивилизации. Но Фихте восторгается не римлянами, а древними германцами, несмотря ни на что выступившими за свою независимость с оружием в руках: «Разве не видели они (*германцы*) процветания римских провинций? Блага, которыми там пользовались граждане, законами, защитой судов и фациями ликторских топоров? Разве не были готовы римляне разделить эти блага? ...Разве у них (*германцев*) не было перед глазами доказательств знаменитого римского великодушия, когда они видели, как те, кто соглашался с римлянами, получали титулы королей и командные посты в римской армии... Разве они не понимали превосходства римской культуры? ...Но для них свобода была правом оставаться немцами ...а рабством — все блага, которые предлагали им римляне, потому что, приняв эти блага, нужно было перестать быть немцами и стать наполовину римлянами» ⁵.

Известие о Байленской катастрофе вызвало поистине взрыв ликования в националистических немецких кругах, и вслед за речами философов и светской болтовнёй отчётливо раздался звон оружия. К западным границам габсбургской монархии потянулись колонны войск, Чехия и Венгрия проголосовали за выделение субсидий на так называемый «ландвер» — ополчение, созданное указом австрийского императора в июне 1808 г. Дамы высшей венской аристократии усиленно пропагандировали вступление добровольцев в ряды этого нового войска, а императрица собственноручно вышивала ленты к его знамёнам... Всё это очень походило на настроения в Берлине 1806 года, с той разницей, что на этот раз военный энтузиазм разделяло не только офицерство, но и широкие народные массы. Шесть батальонов венского ландвера состояли целиком из добровольцев. Наконец, патриотический подъём был поддержан католической церковью.

В июле 1808 г. граф Стадион пригласил к себе русского посла в Вене, князя Куракина, и в долгой беседе достаточно откровенно изложил намерения своего двора начать войну с Францией. Об этом разговоре Куракин направил подробнейший рапорт в Петербург, где, в частности, писал: «Граф Стадион... сказал... что никогда ещё Австрия не имела лучше укомплектованной и снаряжённой армии». Он указал на «занятость императора французов испанскими делами» и на то, что «они приняли тревожный для Франции оборот благодаря решительности испанцев»⁶.

В общем, в вежливой дипломатической форме было заявлено, что Австрия собирается нанести удар, пока Наполеон занят в Испании, и что австрийский император очень надеется если не на содействие русских, то, по крайней мере, на их благожелательный нейтралитет.

Если эти переговоры велись в тайне, то огромные военные приготовления габсбургской монархии невозможно

было скрыть. Наполеону война в центре континента была совершенно не нужна, ведь все его мысли были заняты борьбой с Англией, а теперь ему ещё и срочно нужно было как-то расхлёбывать кашу, которую он заварил в Испании. Он считал, что проще и логичнее избежать этой войны, прибегнув к помощи русского союза. Теперь вопрос о разделе Турции, Босфоре и Дарданеллах откладывался на неопределённый срок. Нужно было срочно остановить австрийцев. Перенесенная на осень 1808 г. встреча императоров в Эрфурте в корне меняла свою повестку.

23 сентября 1808 г. Наполеон покинул загородный дворец Сен-Клу, и его походная карета покатила на восток. Ещё ранее, 14 сентября, Санкт-Петербург покинул Александр, ему предстоял более долгий путь. Молодого царя провожали слёзы и мольбы его матери, призывавшей сына ни за что не встречаться с корсиканским чудовищем. «Вы ответите за это путешествие перед императором и перед Россией!» — якобы воскликнула она, обращаясь к гофмаршалу Толстому.

Здесь нужно на некоторое время прервать хронологическое повествование, чтобы немного остановиться на вопросе позиции знати по отношению к русско-французскому союзу вообще и влиянию вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны в частности.

За несколько дней до отъезда Александра на встречу с Наполеоном его мать написала ему пространное письмо, которое, если привести его целиком, заняло бы почти десять страниц этой книги. Но оно важно нам не как шедевр графомании, а как документ, резюмирующий точку зрения консервативной оппозиции политике царя.

Как уже отмечалось выше, в результате войн 1805—1807 гг. усилилась неприязнь русского дворянства по отношению к Наполеону и новой Франции, особенно среди высшей аристократии. Причины этой враждебности изложены в предыдущей главе.

Однако, как кажется, единодушные оппозиции тильзитской политике обычно сильно преувеличиваются. Подавляющее большинство свидетельств настоящей ненависти к Наполеону русской знати исходит из мемуарной литературы, которая абсолютно вся окрашена эмоциями, появившимися в ходе войны 1812 г. и сразу после неё. Фактически это не характеристика мнения русского дворянства и народа в 1808 или в 1809 году, а описание чувств, охвативших большую часть русского общества во время Отечественной войны.

Но нас интересует состояние России после Тильзита. И здесь всё не так просто, как кажется. Вот что писал об империи Наполеона в январе 1809 г. знаменитый московский журнал «Гений времени»: «Исполинскими шагами приближается сие государство (*Франция*), обратившее на себя в течение 20 лет внимание всего света, к неожиданной степени величия и силы. Руководствуемое благоразумием великого мужа, имеющего во власти своей судьбы многих миллионов людей, оно перерождается и вводит совершенно новый порядок вещей. Последние следы ужасного безначалия (*революции*), опустошавшие сию землю в течение нескольких лет, в прошедшем году (*1808*) совершенно исчезли. Новое наследственное дворянство заступило место древнего... Престол Наполеона получил от этого большую прочность и новый блеск... Народное просвещение получило новый порядок и поручено Императорскому университету. Для облегчения учения заведены пансионы (*стипендии*) и сыновья заслуженных офицеров размещены по училищам. Фабрики и мануфактуры приходят в цветущее состояние...»⁷

А на страницах ещё более известного «Вестника Европы» под редакцией Василия Жуковского в это же время можно было прочитать следующее: «Сам Наполеон, рождённый для военных беспокойств и военной славы, торжественно изъявил готовность свою к жертвованиям для восстановления желаемой тишины в Европе»⁸. Что же

касается недавних событий в Испании, симпатии авторов журнала очевидны: «...Хитрые британцы не упустили случая распространить мятежи в Испании, пользуясь отсутствием войск французских. В северных и южных провинциях... вспыхнуло пламя ужасного мятежа; народ, подстрекаемый изуверством и жестокостью, бесчеловечно умертвил начальников своих и многих французов, поселившихся в Испании»⁹.

Всё это очень далеко от почти ставшего аксиомой, особенно в советской историографии, мнения, опирающегося в свою очередь на точку зрения известнейшего исследователя русской мемуаристики Н. Ф. Дубровина, работавшего в конце XIX века. В исследовании этого автора можно прочитать: «Таково было тогдашнее настроение общества, мысль о мщении и народная ненависть к Наполеону росли ежедневно. „Чувство ненависти к французам после Тильзитского мира,— пишет К. А. Полевой,— было во всех мыслящих русских“»¹⁰.

Можно только подивиться эпохальным обобщениям на основе подобных «свидетельств», учитывая, что автору мемуаров, на которые ссылается Дубровин, Ксенофонту Андреевичу Полевому, в момент заключения Тильзитского мира было... 6 лет (!!), а написаны они были примерно через полвека после наполеоновской эпохи!

Но возвратимся к матери Александра. Её письмо — куда более важный документ, ибо написано оно было в 1808 г. и, следовательно, выражает мнение своей эпохи, а точнее — взгляды самых ярых консерваторов, одним из лидеров которых она являлась. Даже далеко не сторонница революционных преобразований царствующая молодая царица Елизавета Алексеевна с возмущением писала о Марии Федоровне: «Императрица (*вдовствующая*), которая как мать должна была бы поддержать и защищать интересы своего сына, из самолюбия стала главой фронды. Все недоволь-

ные, которых весьма много, группируются вокруг неё. ... Не могу передать, насколько меня это возмущает»¹¹.

Итак, о письме. Что касается положения Европы, Мария Фёдоровна категорична: «Общее положение дел за границей представляет в высшей степени грустную и поражающую картину. Европа подчинена велениям кровожадного тирана... Несчастный молодой король (*Фердинанд VII*) томится в замке, который, вероятно, будет его могилой... Поражённый первой действительной неудачей, он (*Наполеон*) находится в состоянии кризиса... если испанцы будут продолжать держаться и торжествовать над ним — их пример увлечёт другие народы, стонущие под игом...»¹²

Если бы мы не знали, кто пишет это письмо, можно было бы подумать, что это произведение какого-нибудь карбонария, готовящего революцию против безжалостного угнетателя. Но как это ни смешно, о народах, «стонущих под игом», пишет властительница миллионов крепостных рабов! Императрица страны, где только за время правления Александра I произошло около 280 значительных крестьянских волнений, подавляемых, в большинстве, силой оружия, где ничто не ограничивало произвола помещиков, владевших тысячами крепостных, где можно было прочесть в газете объявление типа: «Продаётся сука породистая с двумя щенками, девка Параска, умеющая шить, да говорящий попугай...»

Убежденная в непрочности власти Наполеона, Мария Фёдоровна повторяет в письме все штампы английских пасквилей: «Кумир шатается... война... необходима Бонапарту, чтобы отвлечь внимание французов в другую сторону»¹³. Ну а что касается лично императора французов, то под пером императрицы он просто разбойник с большой дороги. В отношении свидания с Наполеоном Мария Фёдоровна категорична — оно «чернит Вашу репутацию и кладёт на неё неизгладимое пятно, за которое когда-нибудь даже гря-

душие поколения будут упрекать Вас... Вы ошибаетесь, даже преступным образом (!): то, что Вы делаете, для того чтобы предотвратить бедствия, то самое щедрой рукой, обрушит их на наши головы... Александр, что будет с нашим государством, с Вашей семьёй? Вы отец и того и другой, выслушайте наши просьбы... ради Бога, Александр, уклонитесь от этого свидания...»¹⁴

В общем, весь этот бред даже не стоило бы и переписывать, если бы, во-первых, это не отражало настроения немалой части консервативной знати, а во-вторых, если бы нам не был известен ответ молодого царя, который явно обрисовывает его политику и видение общей ситуации в эти годы.

Для начала Александр категорически отбрасывает все почерпнутые в памфлетах сказки о Франции как о нестабильном, готовом в любую секунду рухнуть государстве, вертепе разбойников, похожем на пиратскую республику XVII века на Мадагаскаре, управляемую бандитом с большой дороги, вся сила которого заключается лишь в жестокости, коварстве и вероломстве. «На чём основываются предположения о столь близком падении столь могущественной империи, как Франция настоящего времени? — спрашивает молодой царь. — Разве забыли, что она оказала сопротивление всей ополчившейся против неё Европы в такое время, когда её самое раздирали всевозможные партии, междоусобная война в Вандее, когда вместо армии она имела лишь национальную гвардию, а во главе себя правительство слабое, колеблющееся... А в настоящее время оно управляется необыкновенным человеком, таланты, гений которого не могут быть оспариваемы... и при наличии армии закалённой, испытанной 15-ю годами походов; хотя, чтобы это-та империя рухнула вследствие того, что два французских корпуса (*отряд Дюпона и див. Веделя*) неблагоприятно предводимые, потерпели поражение от превосходившего силами неприятеля!»

Александр и ранее знал то, что теперь, после встречи в Тильзите, понимал прекрасно: он имеет дело не с мелким хулиганом, а с великим человеком. На смотрах в Тильзите он наблюдал блеск и могущество его армии, видел весёлый задор её молодых генералов, познакомился за недолгий год мира с произведениями талантливых учёных, ремесленников и художников Франции. Его письма ко всем коронованным особам Европы в 1802—1806 гг. о спасении мира от кровожадного чудовища были, так сказать, для внешнего употребления. А перед своей матерью он предельно откровенен: да, Наполеон велик, да, он «не желает войны с Австрией (*а уж с Россией и подавно!*). Последняя же может начать войну, лишь совершенно заблуждаясь относительно своих истинных интересов...». Да, всё это так. Но это не мешает ему, Александру, готовить погибель Наполеону: «Но мы должны работать над этим среди глубочайшей тишины, а не разглашать на площадях о наших вооружениях, наших приготовлениях, и не гремя публично против того, к кому мы питаем недоверие»¹⁵.

Обстоятельства дали возможность Александру получить в Эрфурте прекрасную возможность поработать в «глубочайшей тишине» закулисных интриг.

Император французов приехал в маленький немецкий городок, переполненный войсками, сановниками, дипломатами и просто любопытными, 27 сентября, на несколько часов раньше своего царственного «друга». Наполеон категорически отказался от всех почестей к себе лично, в его задачу входило окружить знаками внимания и почтения Александра I. Маленькие старинные домики уютного городка подновили, почистили, а княжеский дворец наполнили новомодной роскошной мебелью в стиле ампир. Портреты князей в напудренных париках убрали, а на место их повесили яркие, помпезные шпалеры, украшенные символами империи, вышитыми золотом орлами и пчёлами. По-

всюду расставили драгоценные вазы и сверкающую позолотой бронзу.

Наполеон приказал не жалеть ничего, чтобы расположить Александра и показать ему блеск империи. В Эрфурт прибыли отборные части гвардии и лучшие из располагавшихся неподалёку полков. Гарнизонком командовал отважный генерал Удино. Было приказано привезти труппу «Комеди Франсэз» со знаменитым трагиком Тальма и самыми красивыми актрисами. «Каждый день мне нужно зрелище, я хочу удивить Германию блеском»¹⁶, — якобы сказал император бывшему министру иностранных дел Талейрану, который, несмотря на отставку в августе 1807 г., был приглашён на эрфуртскую встречу в качестве советника. Кроме того, он сохранил свою придворную должность обер-камергера, что давало формальный повод для его присутствия в свите императора.

Кстати, Талейран, о роли которого в Эрфуртском свидании мы ещё будем говорить, пытался доказать необходимость пригласить на встречу и австрийского императора. Однако Наполеон видел в Эрфуртском свидании прежде всего возможность пообщаться наедине с молодым царем и совершенно не желал присутствия австрийского монарха, который готовил против него войну. В качестве австрийского представителя прибыл только барон Винцент, который привёз с собой письмо от Франца I, где были лишь общие дипломатически вежливые и ничего не значащие фразы.

Что касается германских королей и князей, их даже не надо было приглашать. Они не хотели пропустить знаменательное событие и сами напросились приехать в Эрфурт. Сюда прибыли короли Баварии, Вюртемберга, Саксонии; герцог Ольденбургский, князья Кобургский, Мекленбург-Шверинский, Мекленбург-Стрелицкий, Турн-и-Таксис... и т. д. и т. п. со всеми своими свитами, камергерами, пажамы, лакеями в ливреях, каретами... В общем, в городе было

не скучно, и 20 гостиниц брали штурмом, так же как и те дома, где можно было расположиться на постой.

Чтобы продемонстрировать молодому царю свое внимание, Наполеон выехал из города во главе огромной свиты для встречи своего «друга». Когда показался экипаж с Александром, император французов спрыгнул с коня, царь вышел из коляски, и они обнялись, как старые друзья. Затем Александру подвели богато экипированного, красивого коня, и императоры вместе верхом поехали в сторону города.

У Эрфуртских ворот стояли отряды войск в полной парадной форме, гремела торжественная музыка и артиллерийские залпы, склонялись сверкающие бронзовые орлы, и отовсюду раздавался возглас: «Да здравствуют Императоры!» Вечером в ярко иллюминированном городе царило шумное оживление — всюду гуляли офицеры и солдаты в парадной форме и жители в нарядной одежде. Казалось, всё обстоит просто идиллически.

Начиная с 28 сентября расписание каждого дня продолжительного свидания в Эрфурте было примерно одинаковым. С утра императоры занимались каждый своими делами, после полудня они встречались и обсуждали политические вопросы, вечера были посвящены театру, балам и приёмам.

Несмотря на обширную программу светских увеселений, Эрфуртское свидание было одной из самых важных дипломатических битв XIX века. И почти с ходу это сражение пошло не так, как его задумывал Наполеон. Важнейшую роль в этом сыграл человек, о котором необходимо сказать отдельно.

О Талейране, князе Беневентском, написаны сотни толстых томов, и сложно, а то и просто невозможно описать его в нескольких словах. Без сомнения, талантливейший дипломат, один из крупнейших специалистов в области международных отношений своего времени, блестящий,

Ф. Жерар. Шарль-Морис де Талейран-Перигор,
князь Беневентский (1754—1838)

остроумный собеседник, князь Беневентский был, прямо скажем, мало похож на героя. Знаменитый деятель Французской революции Мирабо так охарактеризовал Талейрана: «Это человек подлый, жадный, низкий интриган, ему нужна грязь и нужны деньги. За деньги он продал свою честь и своего друга. За деньги он бы продал свою душу — и он при этом был бы прав, ибо променял бы дерьмо на золото».

Почему же Наполеон пользовался услугами этого коррумпированного негодяя? Очень просто: император знал о компетентности и дипломатических талантах министра и хотел использовать их в своих целях, очевидно, будучи уверенным, что его собственный гений и талант всё равно выше, и он сможет контролировать деятельность своего помощника, направляя её на благо государства. В общем, до 1807 г. эта схема работала, но в Эрфурте, как мы увидим, она дала сбой...

Необходимо отметить, что Талейраном руководила не только жажда наживы, у него была и некая политическая концепция, которой он придерживался. По его мнению, внешнеполитическое положение Франции было идеальным в 1802 г. после заключения Амьенского мира с Англией. Войны 1803—1807 гг. слишком увеличили могущество страны, а испанская авантюра вообще была чревата катастрофой. Об этом Талейран довольно ясно пишет в своих мемуарах. В этом смысле трудно не согласиться с логикой министра. Однако путь, который он избрал для достижения правильного миропорядка, слегка удивляет. Герцог Беневентский решил не допустить укрепления союза Наполеона с Россией. «Если бы он достиг успеха в Эрфурте,— пишет Талейран,— он стал бы искать повод для конфликта с Австрией, а военная удача позволила бы ему поступить с ней так же, как с Пруссией»¹⁷.

Даже Александр знал (и писал об этом своей матери), что Наполеон не ищет войны с Габсбургской монархией и всеми силами пытается избежать этого конфликта. Собственно говоря, для этого и была организована Эрфуртская встреча. Так что рассуждения князя Беневентского были абсолютно ложными, и его дальнейшие действия объяснялись совсем другими мотивами

Как ни странно, Наполеон доверял Талейрану настолько, что перед встречей предоставил ему для ознакомления все секретные документы, касающиеся русско-французских отношений, и, в частности, рапорты Коленкура. Более того, император не только не запретил князю Беневентскому встречаться наедине с Александром, но и всячески поощрял его в этом, надеясь, что умелый дипломат сумеет так тонко составить договор, что Россия возьмёт на себя как можно более конкретные союзные обязательства.

Однако при первой же неформальной вечерней встрече с Александром в салоне у княгини Турн-и-Таксис князь Бене-

вентский огорошил своего собеседника потрясающей фразой: «Государь, для чего вы сюда приехали? Вам нужно спасти Европу, а вы добьётесь этого, только противодействуя Наполеону. Французский народ цивилизован, зато французский государь не цивилизован; русский государь цивилизован — а его народ не цивилизован. Значит, русскому государю нужно быть союзником французского народа»¹⁸.

«Для Александра поступок Талейрана был целым откровением,— очень верно отмечал известный русский историк Тарле,— он справедливо усмотрел тут незаметную ещё пока другим, но зловещую трещину в гигантском и грозном здании великой империи. Человек, осыпанный милостями Наполеона, со своими земельными богатствами, дворцами, миллионами, титулом „высочества“, царскими почестями, вдруг решился на тайную измену! Любопытно, что Александр в Эрфурте больше слушал Талейрана, чем говорил с ним сам. Он почти всё время молчал. Царь, по-видимому, сначала не вполне исключал и возможность провокационной игры, зачем-либо затеянной Наполеоном при посредстве князя Талейрана. Но эти подозрения Александра скоро рассеялись»¹⁹.

С этого дня начались, фактически, двойные переговоры: днём Наполеон беседовал с Александром, стараясь убедить его в своей правоте, а вечером Талейран в салоне княгини Турн-и-Таксис разрушал все усилия своего императора.

С гордым цинизмом Талейран рассказывает об этом в своих мемуарах:

«— Что говорит Винцент? (*Спросил царь.*)

— Ваше Величество, весьма благоразумные вещи; он надеется, что Ваше Величество не позволит императору Наполеону толкнуть вас на мероприятия, угрожающие Австрии или хотя бы оскорбительные для неё; позвольте мне, Ваше Величество, сказать, что я питаю такие же желания.

— Я тоже этого хочу, но это очень трудно, так как мне кажется, что император Наполеон очень раздражён».

Талейран не остановился, а продолжал приводить доводы в пользу саботажа франко-русского союза.

«Я видел, как мои слова приятны императору Александру,— продолжает рассказывать сам „герой“ этих событий,— он делал карандашом заметки о том, что я ему говорил...

На следующий день император Александр показал мне замечания, сделанные им к проекту договора, и любезно сказал:

— В некоторых местах вы найдёте свои собственные мысли; я прибавил многое, заимствованное из прежних своих разговоров с императором Наполеоном.

Его замечания были довольно удачны. Он решил передать их на следующий день утром. Это меня порадовало, так как он казался мне не слишком решительным, и я хотел, чтобы первый шаг был уже сделан. Мои опасения не оправдались, и при обсуждении, которое длилось более трёх часов, он не сделал никаких уступок. Когда императоры расстались, Наполеон послал за мной и сказал:

— Я не добился ничего от императора Александра; я подходил к нему и так и сяк, но он упрям, и я не продвинулся и на шаг.

— Ваше Величество, мне кажется, что, пока вы здесь, вы уже многого достигли, так как император Александр уже полностью очарован вами.

— Это вам он так показывает, он вас дурачит. Если он меня так любит, то почему же не подписывает договор?

— Ваше Величество, в нём есть нечто рыцарственное, чрезмерные предосторожности его оскорбляют; он считает, что его слово и чувства к вам обязывают его больше, чем договоры. Его письма, которые вы дали мне прочитать, доказывают это.

— Чушь какая-то...»²⁰

Все замыслы Наполеона были сорваны... Конечно, идеи Талейрана о европейском равновесии, о том, что Франция

не нуждается в испанской войне, войны. Но есть одно маленькое «но». В 1808 г. сложилась такая ситуация, какая сложилась. Кто в ней повинен — Наполеон, Александр, английские купцы, австрийские аристократы, прусские милитаристы? Это — вопрос для суда истории, и мы ещё на нём обязательно остановимся.

Но сейчас важно другое — существовала определённая политическая ситуация, и из неё было только два выхода, и, увы, оба сопряжённые с кровопролитием.

Первый — Александр поддерживает Наполеона, твёрдо заявляет австрийцам, что в случае нападения на Французскую империю он выполнит свои союзнические обязательства. Австрия сидит тихо, Наполеон наводит порядок в Испании, и, опираясь на это новое могущество в Европе, Россия и Франция вынуждают Англию заключить мир, при этом обе империи сохраняют все свои территориальные приобретения.

Второй — Александр ведёт себя так, как желает Талейран. Не только не грозит австрийским политикам, но и в определённой степени подталкивает к войне, показывая, что он будет выполнять союзные обязательства только для вида. В то время как Наполеон отправляется распутывать дела в Испании, австрийцы ударяют с тыла. В случае победы Австрии сначала Россия, а затем и Пруссия присоединяются к ней, происходит кровавый разгром Французской империи, Итальянского королевства и герцогства Варшавского. Наполеон свергнут, и Талейран на обломках государства пожинает плоды своей измены.

В случае поражения Австрии Наполеон вынужден будет расширить своё влияние, ещё больше провоцируя потенциальных врагов, и в частности — Российскую империю. Начинается огромная война... далее смотри предыдущий вариант — на залитых кровью руинах империи Талейран получает новые почести и деньги. Кстати, этот последний алгоритм событий и произошёл в реальности.

Что лучше: один короткий поход в Испанию или громадная многолетняя бойня в центре Европы вместе с долгой и кровопролитной войной в Испании заодно?

Какая из этих линий политика мира, а какая — войны? Ряд историков, любящих щегольнуть своей интеллектуальной проницательностью, превозносят измену Талейрана как поступок разумного человека, стремящегося любыми, пусть даже не очень красивыми способами обуздать кровавого деспота. Нам кажется, что Талейран в Эрфурте не только не проявил себя как человек мира и умеренности, наоборот, он оказался самым кровожадным из всех, потому что, совершая свою гнусную измену, он единственный понимал последствия, к которым она приведет.

Наполеон остался наивен и слеп. Он видел, что Александр стал неподатлив, что всё идёт не так, как хотелось бы. Отсюда его раздражение и известная сцена, когда, придя в бешенство от холодного упрямства царя, Наполеон схватил свою шляпу, бросил её на пол и растоптал ногами. Александр остался спокоен и бесстрастно произнёс: «Вы вспыльчивы, а я упрям. От меня гневом вы ничего не добьётесь. Будем продолжать спокойно дискутировать, или я ухожу». Потому-то Наполеон и выходил из себя, ибо видел, что все разумные доводы не действуют на его собеседника. Что тот явно говорит не языком союза, а языком конфронтации.

Здесь же, в Эрфурте, Александр принял и ещё одно важное политическое решение, и опять-таки не без добрых советов Талейрана. Наполеон намекнул молодому царю, что собирается развестись с бесплодной Жозефиной и искать нового брака, который позволил бы ему заложить основы династии. Ясно, что речь шла о возможной династической партии с одной из сестёр царя. Александр отделался неопределёнными фразами. Тогда, желая получить поддержку опытного дипломата, Наполеон поручил Талейрану переговорить на этот счёт с царём.

И тот переговорил... Тем же вечером князь Беневентский дал ценные советы Александру.

«Честно говоря,— пишет сам князь,— я был в ужасе от мысли этого ещё большего укрепления союза между Францией и Россией (!). По моему мнению, надо было сделать так, чтобы идея союза была принята настолько, чтобы удовлетворить Наполеона, но поставить на пути её такие оговорки, чтобы сделать её неисполнимой».

Впрочем, Александру уже не надо было ничего объяснять, он и так знал, как надо отвечать Наполеону.

«С первых слов,— продолжает Талейран,— он меня понял именно так, как я хотел того. „Если бы дело шло только обо мне,— сказал он (*Александр*),— я охотно дал бы согласие, но моя мать сохранила власть над дочерьми, власть, которую я не могу оспаривать“»²¹.

Вся эта деятельность, впрочем, проходила закулисно. Внешне оба императора сохранили прекрасные отношения. Казалось бы, в полном согласии они посещали спектакли, праздники и балы.

Особенно запомнился всем, кто был свидетелем этого исторического момента, пышный бал, который был дан в честь обоих императоров во время посещения ими Веймара. На празднике в герцогском дворце собрались все короли, принцы, князья, герцоги и графы, которые были свидетелями Эрфуртской встречи. Сверкали тысячи свечей, переливались бриллианты на колье, пышных платьях и диадемах сотен знатных дам. Бал начался с того, что император Александр танцевал первый контрданс с королевой вестфальской (молодой супругой Жерома Бонапарта).

Несмотря на пышность торжества, Наполеон не преминул поразить всех тем, что прямо на балу пожелал встретиться с известным писателем Виландом, за которым была послана карета. Наполеон обратился к пожилому автору, словно к своему старому другу, и долго беседовал с ним на

исторические и литературные темы. Все заметили, что император разговаривал с писателем без тени надменности или, напротив, напускной фамильярности, с которой сильные мира сего часто разговаривают с «обычными» людьми, подчёркивая свою псевдодемократичность. Ничего подобного в тоне Наполеона не было, он говорил с Виландом как с равным, искренне интересуясь его мыслями на различные темы.

Впрочем, Наполеон виделся не только с Виландом; ещё будучи в Эрфурте, он встретился с Гёте и использовал свою Веймарскую поездку для того, чтобы снова засвидетельствовать почтение этому великому писателю.

Наконец в Веймаре императоры единственный раз приняли участие в охоте, а на следующий день отправились посмотреть поле боя под Йеной, где Наполеон выступал в качестве «экскурсовода» царя.

Оба императора каждый вечер присутствовали на спектаклях «Комеди Франсэз». 4 октября, когда знаменитая труппа давала пьесу Расина «Эдип», знаменитый Тальма громко продекламировал фразу: «Дружба великого человека — это дар богов!»

Услышав эти слова, Александр встал и демонстративно пожал руку Наполеону, изображая самый искренний восторг.. Поистине, у Талейрана был замечательный ученик!

Наконец, в Эрфурте произошёл довольно курьёзный эпизод. Как и в Тильзите, там состоялся обмен любезностями — Наполеон и Александр, каждый в свою очередь, наградили помощников своего союзника высшими наградами. Эти награждения были достаточно своеобразными. Царь возложил знаки ордена Андрея Первозванного на маршала Ланна, героя Фридландской битвы, а Наполеон наградил Большим Орлом Почётного легиона «выдающегося дипломата» Петра Александровича Толстого, без сомнения, за его крупный вклад в развитие русско-французской дружбы...

Интересно, что после этого царь решил также отметить замечательную деятельность своего посла и сам лично собрался надеть на него голубую ленту высшего ордена Российской империи. Толстой имел глупость не только отшатнуться от царя, решившего вознаградить его, но и воскликнуть: «Нет, Ваше Величество, я не могу допустить, чтобы Ваш священный орден лёг рядом с лентой, полученной от узурпатора!» Это было слишком даже для Александра. Он не стал настаивать и упрашивать незадачливого посла принять награду... Пётр Александрович никогда уже не получит Андреевскую звезду, да и своего места посла он также лишится. Царю нужен был человек, который умело скрывает его намерения, а не грубо и прямо, как Толстой, ведёт к конфронтации.

Послом России во Франции был назначен князь Александр Борисович Куракин. Да, тот известный Куракин, который в усыпанном бриллиантами костюме фигурирует на знаменитом портрете работы Боровиковского. Куракин был одним из богатейших людей Российской империи, отличался образованностью и необычайным тщеславием. Он любил награды; говорили, что даже утренний чай он пил в халате, украшенном бриллиантовыми звёздами. Прямая противоположность своему предшественнику, суровому солдату, Куракин станет также известным ценителем французских балерин... Пустой и тщеславный человек, он, тем не менее, не был враждебен ни Наполеону, ни Франции и явится для Александра идеальным послом. В отличие от Толстого он не будет вызывающе вести себя по отношению к Наполеону и скандалить с наполеоновскими маршалами, оставаясь светски доброжелательным. Но с другой стороны — можно было не бояться, что он предпримет какие-то инициативы, которые способствовали бы действительному укреплению союза.

Но вернёмся к Эрфурту. Несмотря на улыбки, рукопожатия и проявления «дружеских» чувств, свидание импера-

торов закончилось, по сути дела, ничем. Впрочем, нет. Если признать, что целью всех действий молодого царя было столкнуть лбами две великих империи, Эрфурт стал полной дипломатической победой Александра. Напрасно его мать переживала — Александр не только не попал под влияние французского императора, более того, он обвёл его вокруг пальца, как мальчишку.... Только вот ради чего?

В результате Эрфуртского свидания было принято соглашение, которое состояло из 14 статей. Опять декларировалась необходимость переговоров с Англией на основании сохранения статус-кво, в которое включалось признание Жозефа королём Испании, а с другой стороны — признание за Россией права обладания Финляндией, Молдавией и Валахией. Раздел Турции был забыт, и обе стороны согласились сохранить «целостность остальных владений Оттоманской империи».

Одновременно декларировалось, что в случае нападения Австрии на Французскую империю Россия выступит против австрийцев. Однако сама конвенция должна была оставаться секретной в течение 10 лет, так что австрийцы и представители других стран официально не могли ознакомиться с этой статьёй; при этом Александр явно дал понять австрийскому руководству, что не собирается выполнять свои союзные обязательства.

О брачных проектах в договоре, конечно, ничего не говорилось. Наполеон думал, что дело пошло в правильном направлении, и уклончивые ответы царя связаны с его осторожностью. Что касается Александра, он знал отныне, что ему нужно готовить благовидные предлоги, чтобы отклонить эту партию.

14 октября 1808 г. Наполеон и Александр в последний раз обнялись и попрощались на Веймарской дороге. Говорят, что Наполеон ещё долго стоял и смотрел вслед удаляющейся коляске молодого царя. Быть может, он, опытный

знаток человеческих душ, инстинктом понял, что эта встреча последняя...

Тем не менее, уверенный в том, что поддержка России ему обеспечена, Наполеон устремился сначала в Париж, а затем буквально понёсся в Испанию, чтобы немедленно разрубить узел политических противоречий стремительным ударом меча. 25 октября, во время своего кратковременного пребывания в столице, император выступил на открытии заседания законодательного корпуса. Здесь он вкратце сообщил о результатах Эрфуртской встречи: «Император России и я, мы встретились в Эрфурте. Наша первая мысль была мысль о мире. Мы готовы принести жертвы, чтобы 100 млн человек, которых мы представляем, могли как можно скорее наслаждаться благами морской торговли. Мы объединены согласием и готовы быть вместе в мире и в войне».

Император объявил также о своей ближайшей цели: «Часть моей армии движется против войск, которые Англия либо сформировала, либо высадила в Испании. Это поистине дар провидения, которое всегда покровительствовало нашему оружию, что ненависть настолько ослепила английское правительство, и оно отказалось от защиты морей и высадило свою армию на континенте. Я отправляюсь, чтобы встать во главе моих полков и с Божьей помощью короновать в Мадриде короля Испании и водрузить победоносных орлов над фортами Лиссабона»²².

В первых числах ноября 1808 г. корпуса Великой армии хлынули через Пиренеи, а 4 ноября сам император вступил на территорию Испании. Испанские генералы, возомнившие после Байлена, что они превосходят в своём искусстве Наполеона, поставили себе задачу не просто остановить противника, а взять в плен французскую армию и её полководца. Однако первые же столкновения показали, что отныне испанцы имеют дело с настоящими солдатами Аустерлица и Фридланда.

Уже 10 ноября 1808 г. авангард главных сил французов наголову разбил армию маркиза Бельведера под Гамоналем. В тот же день маршал Виктор, двигаясь на правом фланге императорских войск, разгромил испанский корпус в сражении под Эпинозой. А через несколько дней (23 ноября) маршал Ланн, шедший со своими силами на левом крыле, нанес сокрушительное поражение армиям генерала Кастатьоса и Палафокса под Туделой. Наполеон, в отличие от многих своих кампаний, даже не удостоил испанских генералов чести обращать внимание на размещение их войск и соотносить с этим свои операции, он просто двигался к Мадриду, сметая всё на своём пути.

30 ноября в ущелье Сомо-Сьерра армия генерала Бенито Сан-Хуана попыталась преградить дорогу французским войскам. Но моральное превосходство полков, ведомых Наполеоном, было столь сильным, что, пока пехота завязала бой в стрелковых цепях справа и слева от дороги, император в нетерпении закончить дело бросил в атаку эскадрон своего эскорта — 150 польских шеволежеров. Немыслимая, невообразимая атака эскадрона против целой армии удалась. Отважные поляки взяли все испанские батареи, стоявшие на дороге, и армия Бенито Сан-Хуана в панике бросилась бежать.

Блистательная победа под Сомо-Сьеррой, разгром испанских войск корпусом маршала Ланна и победа маршала Виктора, подобно смене театральных декораций, неизменно изменили стратегическую обстановку на территории Пиренейского полуострова. Ещё недавно угрожавшие взять в плен Наполеона и его армию, испанские генералы бежали в разные стороны с остатками деморализованных войск. 4 декабря наполеоновские войска вступили в Мадрид.

Сокрушительные военные победы император решил закрепить изменениями в социальной и политической сфере, которые, по его мнению, должны были привлечь на его

стороны миллионы испанцев. Реформы, существовавшие в мечтах передовых людей Испании, были проведены буквально в течение одного дня. Декретами, подписанными в загородном дворце Хамартин 6 декабря 1808 г., Наполеон разом покончил со всеми феодальными пережитками: он объявил равенство всех граждан перед законом, отменил на вечные времена инквизицию, упразднил все внутренние таможи, мешавшие развитию страны, сократил на две трети число монастырей, установил единые для всей страны законы... Император также обещал амнистию всем, кто в месячный срок сложил оружие, а жители Мадрида на священных дарах присягнули на верность новому королю Жозефу Бонапарту.

Для Наполеона всё складывалось настолько удачно, что казалось, испанская проблема уже бесповоротно решена одним молниеносным ударом. Однако это было не так.

К. Верне. Наполеон перед Мадридом, 3 декабря 1808 г.

19 декабря во время грандиозного парада на равнине между Мадридом и дворцом Хамартин император получил известие, что высадившийся в Испании английский корпус появился на коммуникациях французской армии. О том, что англичане высадились на Пиренейском полуострове, все знали давно, но никто во французском штабе толком не представлял, где находятся британские войска, что они делают и какова их численность... Многие считали, что, напуганные победами императорских полков, они либо вообще покинули Испанию, либо затаились где-нибудь на морском побережье, не смея ни на шаг отойти от своих кораблей...

Узнав о наступлении англичан, Наполеон решил стремительно атаковать их и наголову разгромить, не дав уйти к морю. 23 декабря 1808 г. французская армия в тяжелейших условиях снежной бури форсировала горную цепь Сьерра-Гвадаррама и устремила навстречу английским войскам генерала Мура, находившимся в этот момент к северу от Вальядолида. Англичанам ничего не оставалось делать, как поспешно отступать в северо-западном направлении в надежде успеть сесть на корабли и побыстрее скрыться. Вначале их отступление происходило в порядке, и более того, английских арьергард огрызался, но скоро под натиском бурного наступления французов движение британской армии стало беспорядочным, а потом и вовсе превратилось в бегство.

Вот как описывает английский офицер лорд Нейпир британскую армию, проходившую через город Бембибре: «Обширные погребя города представляли такой соблазн, что сотни пьяных солдат остались позади войска... Едва арьергард оказался вне города, как показалась французская кавалерия. Тотчас дорога заполнилась мародёрами, которые при виде французов потеряли разум. Они толпами бросились к своим войскам, издавая дикие вопли. Другие страшно ругались и бежали, делая неприличные жесты,

многие бросали оружие, так как повсюду царил страх. Те же, кто был ещё более пьян, став безразличными к опасности и своему позору, бежали куда глаза глядят...»²³

Однако именно в этот момент, когда разложение английских войск стало практически полным, император получил депешу из Парижа, в которой говорилось об усиленных военных приготовлениях Австрии и о каких-то непонятных интригах Талейрана и Фуше. Это послание Наполеон получил в ночь с 1 на 2 января 1809 г., когда он, преследуя англичан, находился на дороге в Асторгу. Наполеон решил, что он должен немедленно отправляться в Париж, а деморализованную армию Мура разгромить и без него. Утром 2 января в Асторге Наполеон объявил своим маршалам и генералам: «Я вынужден отправиться в Вальядолид, чтобы получать эстафеты из Парижа в пять дней... Ситуация в Европе требует, чтобы я не был удалён от столицы... К сожалению, я должен покинуть Асторгу».

Наполеон уехал из Асторги 3 января 1809 г., проведя напоследок смотр корпуса маршала Сульта, которому теперь отводилась главная роль в преследовании англичан.

Сразу всё изменилось. Гвардия отправилась вслед за императором, маршал Ней, который не хотел оставаться под командой Сульта, нашёл повод, чтобы уклониться в сторону для преследования небольшого испанского отряда. Так Сульт остался лишь со своими силами, которых явно не хватало для неотступной погони за противником. В результате вместо разгрома и уничтожения английской армии её аккуратно «проводили» до порта Коруньи, где после символического боя 16 января 1809 г. английские войска погрузились на корабли и преспокойно уплыли.

Хотя маршал Сульт мог составить блистательный рапорт о победе, в котором фигурировали тысячи пленных и огромное число захваченных пушек (в сдавшихся испанских крепостях), операция не достигла своей цели. Если бы импера-

тор остался на театре военных действий ещё несколько дней, то, несомненно, англичанам не удалось бы уйти от преследования. Их армия была бы неминуемо окружена и взята в плен вместе с лучшими гвардейскими полками, генералами, офицерами, знамёнами. Подобный разгром, очевидно, поставил бы точку на участии британских войск в континентальных операциях, а английский парламент не дал бы и ломаного гроша на финансирование боевых действий на суше.

Вместо этого английская армия была всего лишь слегка потрёпана. Её общие потери за время отступления и боёв составили примерно 5—6 тыс. человек. Конечно, это немало, но полки сохранили свои кадры, знамёна, структуру и после небольшого пополнения и отдыха могли снова вступить в войну.

Именно присутствие английских войск превратило уже практически выигранную кампанию в долгую кровопролитную борьбу. Вокруг британской армии будут группироваться отряды испанских повстанцев. Англичане станут финансировать создание новых и новых португальских и испанских регулярных полков, им поставлять оружие, обмундирование, боеприпасы. В результате война в Испании будет не серией карательных операций, состоявших в погоне за партизанами, как это часто представляют, а огромной войной с десятками крупных сражений, сотнями боёв среднего значения, многочисленными осадами сильнейших крепостей... Войной, которая станет поглощать силы великой империи, подтачивать её могущество.

Нет сомнения, что 2 января 1809 г., когда император, не завершив преследование неприятеля, отправился в Вальядолид, он допустил роковой просчёт, который в конечном итоге во многом предопределил крушение его европейской монархии.

Ввязавшись в 1808 г. в испанские дела, Наполеон и не подозревал, какие спящие силы он разбудил, в какую без-

дну вверх свою империю. Среди его высказываний на Святой Елене, к которым надо относиться более чем критически, есть, тем не менее, одно, указывающее на корень и первопричину его конечного падения лучше, чем многие сотни томов позднейших исторических сочинений: «Эта несчастная война (*испанская*) меня погубила. Вся причина моих катастроф заложена в этом фатальном узле. Эта война подорвала мой престиж в Европе, увеличила мои затруднения, послужила школой для английских солдат... Самая большая ошибка, которую я когда-либо допустил, — это испанский поход»²⁴.

Император пробыл в Вальядолиде недолго; уже днём 17 января он галопом скакал со своей свитой по разбитым испанским дорогам на север, а 23 января рано утром был в Париже. Здесь он получил и обработал огромную массу документов, говорящих о подготовке Австрии к войне, здесь он получил и информацию о не до конца понятных ему тайных интригах Талейрана и Фуше. 27 января император сделал выволочку своему министру полиции Фуше, а на следующий день обрушился на главного виновника произошедшего: «Вы вор, мерзавец, бесчестный человек! — в ярости восклицал Наполеон. — Вы не верите в Бога, вы всю вашу жизнь нарушали все ваши обязанности, вы всех обманывали, всех предавали, у вас нет ничего святого, вы бы продали вашего родного отца! Я вас осыпал благодеяниями, а между тем вы на всё против меня способны! Вот уже десять месяцев только потому, что вы ложно предполагаете, будто мои дела в Испании идут плохо, вы имеете бесстыдство говорить всякому, кто хочет слушать, что вы всегда отрицали моё предприятие в отношении этого королевства, тогда как это именно вы подали мне первую мысль о нём и упорно меня к нему подталкивали!.. А этот человек, этот несчастный? (*Имеется в виду герцог Энгиенский.*) Кто сообщил мне, где он находится? Кто подстрекал меня сурово

расправиться с ним?.. Чего вы хотите? На что вы надеетесь? Посмейте мне это сказать! Ну, посмейте! Вы заслужили, чтобы я вас разбил, как стакан, и у меня есть власть сделать это, но я слишком вас презираю, чтобы взять на себя этот труд!.. Вы — дерьмо в шёлковых чулках! Дерьмо! Дерьмо!..»

Хорошо известна и часто цитируется остроумная ремарка бывшего министра по выходе из императорского кабинета: «Как жаль, господа, что такой великий человек так плохо воспитан».

Но зато гораздо менее широко известно, что Талейран в это время был уже не просто предателем, а агентом русской разведки, который получал деньги за свою работу. Главным контактом Талейрана был советник русского посольства Карл Нессельроде, в будущем — печально знаменитый министр иностранных дел России. В тайной переписке Нессельроде с Петербургом Талейран фигурировал под псевдонимами: «Анна Ивановна», «кузен Анри», «наш книгопродавец», «юрисконсульт», «наш друг». Хотя к этому моменту Талейран уже не был министром, он сохранил огромное количество связей, которые позволяли ему сообщать своим нанимателям ценную информацию. Особенно помогал ему в этом министр полиции Фуше, который в тайной переписке российского посольства будет обозначаться словами: «Наташа», «президент» и «Бержьен». Отставка Фуше в июне 1810 г. лишила Талейрана возможности получать ценную информацию; соответственно, поток золота из России постепенно стал иссякать. Тогда он имел наглость написать письмо Александру, в котором сообщал, что изрядно поиздержался, и было бы замечательно, если бы царь, вспоминая его Эрфуртские заслуги, переслал бы своему верному агенту небольшую сумму, а точнее, полтора миллиона золотом! Александр ответил любезно с издёвкой (в чём он был великий мастер), что не может послать деньги потому, что не желает скомпрометировать князя Беневентского...

Но бывший министр не ограничился шпионской деятельностью в пользу России. 29 января 1809 г., всего лишь через несколько дней после бурной сцены в Тюильри, Талейран повидался с австрийским послом Меттернихом и ни много ни мало предложил свои услуги Австрии, конечно не бесплатно. Об этом факте австрийский посол доложит в Вену: «Х. (Талейран) снял передо мной всякую маску... Он мне сказал позавчера, что момент наступил, что он считает своим долгом вступить в прямые сношения с Австрией... Он мне намекнул, что нуждается в нескольких сотнях тысячах франках, так как император (Наполеон) подорвал его состояние (!!!)... Я ему ответил, что император (Франц I) не прочь доказать ему свою признательность, если он желает послужить общему делу. Он ответил, что это дело — и его дело, что ему только либо восторжествовать вместе с этим делом, либо с ним же и погибнуть»²⁵.

Таким образом, ни одно действие Наполеона не оставалось тайной для венского и петербургского дворов. Поэтому ни в Вене, ни в Петербурге не могли не знать, что Наполеон категорически не желает войны с Австрией. Более того, в начале 1809 г. в Париже находился граф Н. П. Румянцев — русский министр иностранных дел. Понимая, сколь далеко зашли приготовления австрийцев к войне, Наполеон сделал Румянцеву предложение — совместным русско-французско-австрийским договором гарантировать безопасность Австрийской империи. Взамен этого Австрия должна была прекратить военные приготовления. Румянцев не осмелился действовать самостоятельно и 15 февраля 1809 г. покинул Париж. Учитывая, что на конец января — начало февраля 1809 г. приходится период самой бурной деятельности Талейрана, отъезду русского министра не стоит удивляться.

Несмотря на формальный франко-русский союз, между петербургским и венским двором сохранялись самые тесные связи. В то время, когда Румянцев покинул Париж, ав-

стрийский посол в Петербурге граф Шварценберг встретился с Александром I. Беседа, о которой австриец подробно сообщил своему двору, поистине вызывает изумление. «Союзник» Франции не только не попытался дать понять австрийцам, что их политика чревата самыми серьёзными осложнениями, наоборот, он показал глубокое участие, которое он питает к судьбе Австрии, и враждебность к Наполеону. Наконец царь, совершенно разоткровенничавшись, произнёс следующую фразу: «Когда-нибудь час мщения придёт», — имея в виду будущую и несомненную для него войну с Наполеоном.²⁶

В этих условиях австрийцы и не подумали поворачивать назад. Почти 200-тысячная австрийская армия сконцентрировалась на границе с Баварией, 100-тысячная армия двигалась к границам Итальянского королевства, и, наконец, 33 тысячи солдат были готовы вторгнуться на территорию герцогства Варшавского. Теперь война была неизбежна...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Metternich C. W. L., prince de. Mémoires, documents et écrits divers. Paris, Plon, 1880—1884, t. 2, p. 245.
2. Correspondance de Napoleon I, t. 17, p. 66.
3. Ibid, t. 17, p. 428.
4. Великий князь Николай Михайлович (Романов). Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона 1808—1812. СПб., 1905—1914, т. 1, с. 42, 44.
5. Fichte Discours 8.
6. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. М., 1963, т. 4, с. 296—297.
7. Гений времени, 1809, № 4, с. 13—14.
8. Вестник Европы, 1809, январь, № 1, с. 63.
9. Там же, с. 66—67.
10. Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века. М., 2007, с. 246.
11. Rey M.-P. Alexandre I. Paris, 2009, p. 246.
12. Русский архив, 1911, № 1, с. 5, 6, 11.
13. Там же, с. 12—13.
14. Там же, с. 22—23.
15. Там же, с. 20.
16. Talleyrand Ch.-M. Mémoires du prince de Talleyrand. P., 1891, t. 1, p. 402.
17. Ibid, p. 320.
18. Metternich C. W. L., prince de. Op. cit., p. 248.
19. Тарле Е. Талейран. М., 1992, с. 108.

20. Talleyrand Ch.-M. Mémoires. P., 1891—1892, t. 1, p. 438—439.
21. Ibid, p. 450.
22. Correspondance de Napoléon I, t. 18, p. 21.
23. Napir W. F. P. Histoire de la guerre de la peninsula 1807—1814. Paris, 1983, t. 1, p. 339.
24. Correspondance... t. 32, p. 265.
25. Dard E. Napoléon et Talleyrand. Paris, 1935, p. 227.
26. Цит. по: Beer A. Zehn Jahre osterreichischer Politik 1801—1810. Leipzig, 1877, p. 349.

ГЛАВА 6

Jeszcze Polska nie zginęła *

Рано утром 9 апреля 1809 г. австрийские войска под командованием эрцгерцога Карла форсировали пограничную реку Инн и вторглись в Баварию. В общей сложности здесь у австрийцев было около 139 тысяч солдат. Одновременно 20-тысячный корпус генерала Шателера вступил в Тироль, в Италии начала наступление 73-тысячная армия эрцгерцога Иоанна, 33 тысяч солдат эрцгерцога Фердинанда вторглись в пределы герцогства Варшавского. Так началась одна из самых грандиозных войн наполеоновской эпопеи...

Австрийцы надеялись на внезапность и на неподготовленность французской армии. Действительно, в Германии около 150 тысяч солдат Наполеона были рассеяны по огромному пространству от берегов Балтики до баварских Альп. В результате в первые дни эрцгерцогу Карлу удалось вклиниться в разбросанное расположение французских корпусов. Но при первом же звуке пушек, раздавшихся в Баварии, Наполеон сел в карету и уже 17 апреля рано утром приехал в Донауверт — центр расположения своих войск.

В этот же день он обратился к армии с пламенным воззванием: «Солдаты! ...Вы были со мной, когда австрийский монарх прибыл на мой бивак в Моравии. Вы слышали, как

* Первые слова польского национального гимна: «Ещё Польша не погибла».

он просил нас о снисхождении и клялся в вечной дружбе... Австрия всем обязана нашему великодушию, но три раза она преступила свои клятвы. Наши прошлые успехи являются надёжной гарантией того, что нас ждёт победа. Вперёд же, и пусть, увидев вас, враг узнает своих победителей!»¹

Французская армия тотчас перешла в наступление, и последовала серия стремительных победоносных ударов: 19 апреля — Тенген, 20 апреля — Абенсберг, 21 апреля — Ландсхут, 22 апреля — Экмюль, 23 апреля — Регенсбург... Дорога на Вену была открыта, и не прошло и месяца, как французские войска были уже под стенами австрийской столицы. После непродолжительного обстрела город открыл свои ворота, и 12 мая французы в очередной раз под звуки победных оркестров шли по улицам Вены. Подобной невообразимой скорости развития событий никто не ожидал.

В это же время боевые действия на востоке Европы развёртывались совершенно иначе. Вынужденный формальным договором объявить войну Австрии, Александр пригласил во дворец посла этой державы, князя Шварценберга, и заявил ему, что он сделает всё, чтобы уклониться от необходимости нанести вред противнику. И в конце царь дошёл до того, что на прощание пожелал австрийцам успеха (!!).

Желая удачи своему формальному неприятелю, вечно фальшивый молодой царь на этот раз действительно был искренен. Если на «западном фронте» события развивались с головокружительной стремительностью, то российские войска шли на помощь своим союзникам примерно с такой же поспешностью, как когда-то действовали англичане, когда им нужно было высадить десант для поддержки русских войск.

Для совместных действий против Австрии Россия выделила, казалось бы, весьма крупную армию под командованием князя Голицына. Его войска насчитывали в своих рядах 40 тыс. человек. Однако их продвижение вперёд откладыва-

лось под всевозможными предлогами. Сначала говорилось о том, что армия не может выступить в поход, так как долго не сходит снег, потом войска задерживали постоянные дожди, потом разлив рек препятствовал движению. Сверх того сам князь никак не мог попасть в свою главную квартиру. Дело в том, что он женил своего сына, и в связи со столь уважительной причиной наступление было отложено...

События на берегах Вислы имеют самое прямое отношение к теме данной книги, и поэтому мы обязаны рассказать о них подробно.

Кампания 1809 г. в Польше

Маленькая армия князя Понятовского героически вступила в борьбу с почти двукратно превосходящим по численности войском австрийцев. 19 апреля 1809 г. недалеко от Варшавы у местечка Рашин князь Понятовский с 12-тысячным корпусом встретил атаку более чем 30-тысячной австрийской армии. Битва под Рашиным вошла в легенду, ибо поляки здесь сражались как герои. В самый критический момент боя, когда австрийцы опрокинули центр польских войск неподалёку от деревни Фаленты, князь Юзеф спрыгнул с коня и, взяв в руки солдатское ружьё, повёл пехоту в отчаянную контратаку, сражаясь с неприятелем на штыках, как самый отважный grenadier.

Несмотря на всю безумную отвагу, князю пришлось отступить и сдать Варшаву, чтобы не потерять своё маленькое войско. 23 апреля австрийцы вступили в польскую столицу, и казалось, Польша снова погибла.

Но никто не ожидал того, что сделал в эти дни князь Понятовский; его поистине умелые и отважные действия превосходят любое воображение. Он не только не опустил руки, но с ещё большей решимостью вступил в борьбу. Пользуясь тем, что австрийцы вынуждены были держать в Варшаве значительные силы, князь решил оборонять правый берег Вислы.

Австрийцы попытались форсировать реку, чтобы разгромить маленькую польскую армию, но Понятовский перешёл в стремительное контрнаступление и 3 мая в бою у Гурь уничтожил и взял в плен австрийский авангард.

Но самое интересное началось дальше. Когда австрийцы двинулись по левому берегу Вислы на северо-запад, угрожая важному опорному пункту герцогства — крепости Торн, Понятовский не побежал за неприятелем, а сделал совершенно неожиданный ход. Он двинул свои войска прямо в противоположную сторону, на юго-восток, и вступил в австрийскую Галицию.

Население встретило польские отряды с ликованием. Дворяне выходили навстречу Понятовскому, ведя за собой вооружённые отряды крестьян. В городах и местечках, куда вступали полки отважного князя, ему устраивали торжественные приёмы. 9 мая польские части вошли в Люблин. В ночь с 17 на 18 мая части генералов Сокольниковского и Рожнецкого стремительным штурмом овладели укреплениями города Сандомир. Австрийцы сдали город при условии, что получат свободный выход. В то время, когда 4-тысячный гарнизон генерала Эгермана покидал крепость, 800 австрийских солдат, поляков по национальности, убежали из австрийских рядов и присоединились к польским полкам.

20 мая войска Понятовского пошли на штурм Замостья. Несмотря на 10-метровые валы и глубокие рвы, поляки почти без всякой артиллерийской подготовки бросились вперёд. Польские гренадеры под огнём врага взобрались на валы по лестницам и штурмом овладели городом. Гарнизон перестал существовать: около 500 австрийцев было убито, 2500 попало в плен.

Развивая успех, 26 мая полки под знамёнами с белыми орлами вступили во Львов, который встретил польские части как своих освободителей. Австрийские войска генерала Гогенцоллерна отступали на юг, а австрийские солдаты, уроженцы Галиции, бежали из своих полков и присоединялись к польской армии.

Понятовский объявил Галицию временно находящейся под властью Французской империи. Князь не знал, какое решение примет Наполеон в отношении Галиции, и опасался слишком явно и, возможно, преждевременно говорить о возвращении Галиции в состав польского государства. Был объявлен набор добровольцев в полки, которые были названы странным названием «франко-галицийские». Это делалось для того, чтобы дать как можно меньше пищи для раздражения русским властям.

В рапорте Наполеону Понятовский докладывал: «Набор войск проходит очень активно. В настоящий момент создаются 4 полка пехоты и 4 полка кавалерии. Полностью обмундированные и экипированные за счёт граждан, которые решили пожертвовать деньги на их создание. Среди них граф Замоийский, племянник князя Адама Чарторыйского, самого богатого собственника в Галиции. Некоторые батальоны будут готовы действовать уже через две недели...»²

Молниеносные удары Наполеона в Германии и успехи Понятовского в Галиции изумили Петербург, и император Александр не на шутку встревожился. Особенно он был обеспокоен событиями в Польше. Министр иностранных дел Румянцев по указанию царя тотчас направил приказ главнокомандующему русской армии на польской границе С. Ф. Голицыну: «...Важные и быстрые успехи французского оружия совершенно переменили общее положение дел после отъезда Вашего. Е. и. в-во не может далее отлагать исполнение своих обязательств и оставаться равнодушным зрителем при таковых происшествиях. Е. в-во, вопреки миролюбивого своего расположения, не может не принять в войне участия, тем более, что действия сей войны, начатой со стороны Австрии, коснулись почти границ наших, с одной стороны, в Варшавском герцогстве, а с другой, народным возмущением, открывшимся в Галиции»³.

Этот приказ лучше всего раскрывает намерения Александра и мотивы выдвижения русского корпуса на территорию Австрийской империи. Естественно, что его задачей было не выполнение союзных обязательств, а противодействие возможному польскому национально-освободительному движению, как на территории австрийской Галиции, так и в западных провинциях Русской империи.

Почти одновременно с приказом князю Голицыну Александр I направил письмо императору французов, где он поздравлял его с успехами в Баварии и Австрии. Это письмо

привёз в ставку Наполеона молодой русский офицер, который ещё будет много раз упоминаться на страницах этой книги. Его звали Александр Чернышёв, в описываемое время ему было всего 23 года. Все источники единодушны в том, что этот красавец и ловелас был отважен на поле сражения, а французским владел как истинный парижанин.

В рапорте о поездке Чернышёв писал: «Я нагнал генеральную квартиру и увидел императора 9 мая (*по новому стилю*) в Санкт-Пельтене, здесь я вручил ему письмо, которое мне было поручено. Он встретил меня очень хорошо и сказал мне: „Ну вот, австрийцы хотели начать войну против меня — они наказаны за свою глупую дерзость...“ 10 мая генеральная квартира была в Шенбрунне, загородном дворце, удалённом от Вены на расстоянии около лье *. 11 мая в 4 часа дня император решил проехаться на коне. Он распорядился дать мне одного из своих коней и сказал, что я могу сопровождать его повсюду...»⁴

Движение русской армии началось по получении известий об успехах Наполеона, но шансы войны переменчивы, и в 1809 г. не всё для французской армии шло гладко.

После занятия Вены Наполеон попытался форсировать Дунай, однако армия эрцгерцога Карла контратаковала французов, пока не все их части переправились на правый берег. Благодаря своему численному превосходству, благодаря тому, что позади французских полков была широкая река, ещё более разлившаяся в бурном весеннем половодье, австрийцы одержали победу в битве при Эсслинге 21—22 мая 1809 г., французские войска понесли тяжёлые потери, а знаменитый маршал Ланн был смертельно ранен.

Отношение Наполеона к русскому союзу ярко иллюстрирует эпизод, произошедший во время битвы. Когда французы отступали, а сам император подвергался смер-

* *Лье* — старинная французская мера длины, около 4 км.

тельной опасности, в лодке, которая должна была спасти главное командование армии, его сопровождали только четыре человека. Это были начальник штаба армии маршал Бертье, гофмаршал Дюрок, генерал-адъютант Савари и... Александр Чернышёв!

Кстати, по поводу русских офицеров. В связи с тем, что Франция и Россия, по крайней мере формально, находились в союзе, в штабе Наполеона оказалось по разным причинам пять русских офицеров — все молодые, все знатные, образованные и, как полагалось русским и французским офицерам, отважные. Ими были уже упомянутый штаб-ротмистр граф Александр Чернышёв, 28-летний полковник граф Иван Витте, 32-летний майор барон Владимир Левенштерн, 36-летний полковник Иван Горголи и 32-летний генерал-адъютант князь Павел Гагарин.

Читатель, знакомый с упомянутым нами произведением Дениса Давыдова «Тильзит в 1807 году», может вообразить, что все эти офицеры держались подальше от французов и смотрели насупленно на тех, кто осмеливался с ними заговорить, ведь известный партизан писал: «1812 г. стоял уже посреди нас, русских, с своим штыком в крови по дуло, с своим ножом в крови по локоть».

Можно не сомневаться, что, если бы кто-нибудь сказал им тогда подобную фразу, они бы несказанно удивились. Ведь Чернышёв, Левенштерн, Витте и другие не только лихо скакали под огнём, выполняя приказы Наполеона, но и стали закадычными приятелями адъютантов Бертье и «*officiers d'ordonnance*» * императора. Золотая молодёжь Парижа: Флао, Монтестье, Фезенсак, Канувиль, Перигор, Тюренн,

* Офицеры-ординанцы. Так назывались офицеры, исполнявшие при Наполеоне адъютантские функции. Те, кто формально назывался адъютантами, имели генеральские чины, и им, соответственно, поручались особые задания, превосходившие по своей важности обычную адъютантскую службу.

Мортемар — объединилась с золотой молодёжью Петербурга, в перерывах боевых действий посещая венские салоны, театры и рестораны. От русских офицеров ничего не скрывали, приглашали на все смотры, парады, приёмы.

Левенштерн вспоминал, что как-то после боя «мы расположились с Монтестье и Дюроком так близко с палаткой Наполеона, что наши головы опирались на тросы, поддерживающие палатку. Мы разговаривали и смеялись во весь голос. Никому, кажется, не мешало наше присутствие. Наши товарищи объяснили нам, что Наполеон даже любит громкую весёлость в своём штабе... На траве расстелили скатерть, и в то время, пока Наполеон ужинал в своей палатке с Бертье и Шампаньи, нам подали великолепную трапезу, на которой председательствовал гофмаршал Дюрок. Нам наливали дорогие бургундские вина, а блюда были великолепными...»⁵

Пока шли боевые действия неподалёку от Вены, на берегах Вислы и Сана становилось всё жарче. Об этих событиях необходимо рассказать подробно.

Блистательный поход Понятовского в Галицию и неудачи австрийских войск в Германии привели к тому, что эрцгерцог Фердинанд в ночь со 2 на 3 июня покинул Варшаву и двинулся вслед за Понятовским на юго-восток по левому берегу Вислы, в то время как Понятовский занимал правый берег. Австрийское командование решило нанести удар по польским войскам в районе Сандомира. К этому моменту значительная часть небольшой армии Понятовского была разбросана по территории Галиции и севернее на правом берегу Вислы. В Сандомире находились только 5 тыс. польских солдат под командованием генерала Сокольниковского. Однако в это время русские войска вступили на территорию Галиции и приближались к Сандомиру с северо-востока. Понятовский обратился к Голицыну с отчаянным призывом помочь обороне этого стратегически важного

пункта, так как Сандомир был не только значительным городом, но и местом удобной переправы через Вислу.

Между командующими польскими войсками и русской армией началась активная переписка. Вначале она шла в любезно-учтивых тонах. Понятовский вежливо просил русских прийти на помощь, а князь Голицын вежливо отвечал ему, почему в данный момент этого сделать невозможно. Просьбы повторялись, и постепенно тон объяснений становился более напряжённым.

7 июня 1809 г., когда австрийцы уже всюду штурмовали Сандомир, Понятовский писал Голицыну: «Указанная колонна (*речь идёт о дивизии князя Суворова, находившейся ближе всего к полякам*), вместо того чтобы двинуться на Сандомир через Замостье, по самому короткому пути, где ничто не мешало её движениям, где по моему приказу всё было приготовлено для её приёма, двинулась через Люблин и вместо того, чтобы ускорить движение, которое и так было неторопливым — всего лишь 2 мили * в день, добавила ещё крюк в четыре марша и три дня отдыха»⁶.

Время шло, кровопролитные бои за Сандомир не прекращались, а князь Голицын всё так же учтивыми фразами приводил новые объяснения задержки движения русских войск. Понятовский докладывал Наполеону: «После беседы, которую я имел с князем Голицыным, он письменно обещал перевести свои войска на левый берег реки Сан. Я тотчас дал приказ приготовить все необходимые материалы, чтобы построить мост... Дивизия князя Суворова находилась в этом месте, и я попросил его помочь ротой русских сапёров тем польским солдатам, которых я послал. Но он ответил мне, что приказ его главнокомандующего, это помогать нам в случае атаки, и ни в коем случае в его функции не входит построение мостов на Сане...»⁷

* Речь идёт о немецких милях. 1 миля — около 7,4 км.

Роман Солтык, офицер в корпусе Понятовского и очевидец событий, а впоследствии историк войны 1809 г., рассказывает, что, внимая настойчивым призывам польского князя, русские генералы вроде бы решили двинуться вперёд на помощь полякам, но в последний момент остановились. Предлог, который был найден для прекращения движения, кроме как издёвкой не назовёшь — оказалось, что это понедельник, а понедельник в России считается несчастливым днём, и поэтому русские войска не могли идти в бой в этот день недели. Польские части продолжали отчаянно оборонять Сандомир, и русские генералы обещали таки на следующий день прийти на помощь. Но тут опять вышло несчастье — генерал Сиверс, командовавший авангардом, потерял свой Георгиевский крест, а это было, без сомнения, дурным предзнаменованием, и русская армия снова вернулась на свои позиции.

Может быть это и преувеличение, так как книга Солтыка была написана в 30-е годы XIX века, после кровавого подавления польского восстания в 1831 г., активным участником которого автор являлся. Однако официальные документы дают если не точно такие мотивы, то очень похожие. Так, в эти дни князь Голицын писал Понятовскому: «Я благодарю Вас за информацию, которую Вы мне дали о движении Ваших войск, и спешу сообщить Вам ...что я вынужден ещё некоторое время остаться на занимаемых позициях, чтобы получить точные сведения от кавалерийского отряда, который я выслал в сторону Львова»⁸. Какое отношение к предполагаемому маршу имели сведения от отряда, посланного в сторону Львова, знал только Сергей Федорович...

Несмотря ни на что, героическая оборона Сандомира продолжалась. В ночь с 15 на 16 июня австрийцы бросили на штурм около 10 тыс. человек. Отчаянный, кровавый бой длился непрерывно 40 часов! Говорят, что по приказу эрцгерцога Фердинанда каждый идущий на штурм австрий-

ский солдат получил по бутылке водки. Всем офицерам обещали по 100 дукатов, а всем солдатам — по 100 флоринов, если они возьмут Сандомир.

Но поляки дрались как львы. Австрийцы оставили под стенами города около 1,5 тыс. человек, а 500 человек даже попали в плен. Однако у отважных польских солдат не оставалось больше ни патронов для ружей, ни зарядов для пушек, и, видя, что неприятель готовит новую атаку, Сокольницкий вступил в переговоры. Сандомир был сдан, но польские войска ушли из него с оружием и знамёнами.

Понятовский был в бешенстве. И если в письмах Голицыну он сохранил холодно корректный тон, то в рапорте Наполеону он уже себя не сдерживал. 27 июня 1809 г. он писал императору: «До настоящего времени между ними (*русскими войсками*) и неприятелем не было ни одной стычки... После того как русские генералы истожили все предлоги, которые только может придумать злая воля, чтобы объяснить бездействие, они потребовали, чтобы каждый день им обеспечивали продовольствие для 100 тыс. человек... Таким образом, несмотря на обязательства, принятые князем Голицыным, перейти Сан 21 числа этого месяца с двумя русскими дивизиями, река была перейдена много дней спустя, только после того, как они (*русские*) удостоверились, что австрийцы отошли за Вислу.. Две роты пехоты (*австрийские*), забытые в Жешуве, у которых достаточно было потребовать только сдаться, чтобы они сложили оружие, спокойно совершили своё отступление сквозь 20-тысячный корпус так, как если бы он находился для их защиты»⁹.

Однако если бы всё ограничивалось отсутствием содействия со стороны русских войск! На политическом фронте русское командование всемерно противодействовало полякам. Повсюду, где проходили русские войска, изгонялись недавно установленные именем Наполеона польские власти, а на место возвращались австрийские администраторы.

Сразу по вступлении русской армии во Львов губернатором города был назначен генерал Меллер-Закомельский. Польский отряд, который направлялся через Львов, не был пропущен, зато австрийский губернатор Вурмзер спокойно приехал под охраной двухсот австрийских гусар (!) и стал исполнять обязанности вице-губернатора.

В своём письме от 1 июля 1809 г. князю Голицыну Понятовский писал: «Я не могу поверить, что столь удивительные действия согласуются с волей монарха, добродетелями которого восхищается вся Европа. Если мысль о том, что Вы даёте австрийскому правительству возможность преследовать жителей Галиции за то, что они оказались верны делу, за которое Вашей Светлости поручено сражаться, не является для Вас достаточным мотивом, чтобы удержаться от восстановления (*австрийской*) администрации, я прошу Вас не забывать, что польские войска составляют 9-й корпус, который действует от имени Его Величества, императора французов»¹⁰.

Но Сергей Федорович Голицын как раз об этом не забывал; поэтому он действовал именно таким образом и доносил Александру I: «Осмеливаюсь всеподданнейше представить в. в-ву, что развязка сего дела может повлечь за собою весьма неприятные для нас следствия, ибо коль скоро начнут принимать здесь присягу в верности императору французов, то опасаясь, чтобы не начались беспокойства в присоединённых к России провинциях, коим верить никак не можно»¹¹.

Князь Голицын совершенно верно предполагал, что действия корпуса Понятовского могут вызвать волнения в западных провинциях Российской империи. Если до начала войны армия маленького польского государства «политкорректно» называлась армией герцогства Варшавского, то с началом боевых действий, ввиду того, что нужно было мобилизовать силы народа, Понятовский обратился с недвусмысленным воззванием к своим солдатам и всему населению Герцогства: «Государство, которое мы ничем не

оскорбили, соседи, империю которых когда-то спасли наши предки, ворвались на нашу территорию и рассматривают нас как орду без отечества и правительства. Они желают оторвать нас от дела нашего великого освободителя и говорят, что воюют только с императором Наполеоном... Слабость недостойна поляков. Пожертвуем всем, чтобы защитить нашу отчизну и нашу честь... Подымайтесь же, поляки! С верой в Бога и в помощь Великого Наполеона будем биться за отечество... Закроем нашими телами то, что для человека дороже всего — его независимость и его права!»¹²

С подобными воззваниями Понятовский неоднократно обращался к войскам, к населению герцогства Варшавского и к населению Галиции. В результате война 1809 г. со всей остротой поставила польский вопрос на повестку дня. Депутация населения Галиции направилась через все препятствия в ставку Наполеона в Вене и обратилась к нему с просьбой о восстановлении Польского королевства. Несмотря ни на что, император стремился сохранить дружбу с Россией и поэтому ответил на просьбу поляков очень уклончиво: «Я не скрою, что испытываю к вашей нации особые чувства ...но все личные пристрастия не должны влиять на политику. Как сделать так, чтобы Россия осталась довольна? Не знаю ещё. ...Энтузиазм галичан естественен, но я не возбуждал его. Я не обязан сделать для Галиции то, что я сделал для герцогства Варшавского, где я поручился своей честью. ...Я не хочу вовлечь себя в вечную войну с Россией. Но кто знает...»¹³

На театре военных действий отношения между русскими и поляками становились всё более и более натянутыми, и дело шло уже к открытому столкновению. В рапорте от 2 июля 1809 г. Понятовский докладывал Наполеону: «Согласие русских генералов с австрийскими стало настолько очевидным, что кажется, что они рассматривают как врагов польские войска, и в то время, когда они с удовольствием

исполняют просьбу австрийского командования, они делают всё, чтобы разрушить усилия их союзников»¹⁴.

Накануне, 2 июля, капитан Первого полка пехоты герцогства Варшавского Гембаржевский доложил своему командованию о следующем эпизоде. Он въехал в Сандомир, который только что оставили австрийцы и который, по идее, должен был быть занят русскими войсками. «Въехав в город, — рассказывает капитан Гембаржевский, — я увидел 21 австрийского гусара, построенных в линию перед квартирой капитана Денисова, который командовал отрядом русских войск. Я подумал вначале, что это пленные, но, увидев, что они были вооружены пистолетами и саблями, я их спросил: „А что вы здесь делаете?“ — они мне ответили, что они представляют собой патруль. Тогда я решил попытаться арестовать офицера, командовавшего ими. Он спокойно пил водку с русским капитаном, который остановил меня, хотя австрийский офицер уже собирался отдать мне свою саблю. Русский офицер повёл австрийца ужинать вместе с собой, а мне сказал с насмешкой: „Если Вы хотите сразиться с гусарами, можете это сделать, а я и господин офицер посмотрим на это“»¹⁵.

Понятовский не только жаловался императору, но и пытался достучаться до посла Франции в России. Он рассказывал Коленкуру, что парламентёры из русской армии постоянно ездят к австрийцам, а австрийские парламентёры — к русским, что обе армии прилагают все возможные усилия, чтобы ни в коем случае не столкнуться одна с другой. «Их аванпосты, находясь в виду друг друга, расседывают и разнуждывают своих коней, и наши патрули находят их почти всегда выпивающими вместе. Детали, которые у меня есть на этот счёт, кажутся невообразимыми...»¹⁶

Как бы ни складывались обстоятельства на польском театре военных действий, основные события кампании 1809 г. происходили, естественно, под стенами Вены. Здесь

Наполеон готовил новую попытку переправы через Дунай. На острове Лобау на Дунае, превращённом в громадный плацдарм, были произведены колоссальные инженерные работы, здесь возводили укрепления, устанавливали на них орудия, готовили средства для быстрого наведения переправы; наконец, на острове даже прокладывались дороги, и вдоль них устанавливались фонари, чтобы можно было передвигаться ночью...

Император, находясь в Шенбруннском дворце, внимательно следил за всеми этими грандиозными работами, не теряя из виду политической ситуации. Сейчас, как никогда, ему нужно было бы содействие русских войск для того, чтобы угрожать австрийцам с тыла, но к этому времени он уже получил рапорты Понятовского и был полностью в курсе того, что творилось в Галиции.

В частности, он получил письмо, перехваченное польскими разъездами на территории Галиции. Это было послание, написанное командующему австрийской армии эрцгерцогу Фердинанду одним из русских генералов — князем Горчаковым. Всё письмо было наполнено враждебностью к наполеоновской Франции; в нём открыто высказывалась надежда на скорые совместные действия австрийцев и русских в борьбе против Наполеона. Чернышёв рассказывает: «Он (*Наполеон*) пригласил меня в свой кабинет и показал письмо от князя Горчакова, обращённое к Его Светлости Фердинанду. Я постарался сделать всё возможное, чтобы уменьшить его (*Наполеона*) недовольство, а также его раздражение против генерала Левиза (*командир одной из дивизий русской армии в Галиции*)»¹⁷.

Какие бы доводы и объяснения ни приводил ловкий русский офицер, император французов понимал, что активных действий «союзной» армии ему не дожидаться. Поэтому, когда его генерал-адъютант Савари вспомнил о русском союзе, Наполеон воскликнул: «Не надо мне было рассчитывать на

подобных союзников... Какую выгоду я получил от этого союза, если он даже не может обеспечить мне мир в Германии! Скорее, они все объединятся против меня, и, если остатки человеческих чувств не позволили им предать тут же, нечего заблуждаться: они все назначили свидание на моём гробе, но пока ещё не осмеливаются там собраться»¹⁸.

В начале июля всё было готово к новой переправе. В ночь с 4 на 5 июля 1809 г. французские войска форсировали Дунай, а 5 и 6 июля, в одной из крупнейших битв XIX в. — сражении при Ваграме, нанесли поражение армии эрцгерцога Карла. Участь войны была решена...

Несмотря на, мягко говоря, недоверие, которое Наполеон испытывал отныне по отношению к русско-француз-

**Ш. Розн. Бивак Наполеона на поле сражения при Ваграме
в ночь с 5 на 6 июля 1809 г.**

скому союзу, в сражении при Ваграме рядом с императором находились уже известные нам русские офицеры: Гагарин, Чернышёв, Горголи, Витте и Левенштерн. Более того, по отношению к ним ничего не изменилось, их так же везде допускали, они так же присутствовали при всех важнейших событиях, выполняя штабную работу вместе со своими новыми товарищами по оружию. От других их отличало только подчёркнутое внимание, которое им везде оказывали. После первого дня битвы при Ваграме Чернышёв остался ночевать рядом с палаткой императора, а Гагарин, Витте, Левенштерн и Горголи отправились в тыл: «Едва мы приехали в Кайзер-Эберсдорф, — вспоминал Левенштерн, — как у нас появилось всё необходимое — продовольствие, напитки, фураж в избытке. То, что мы были русскими офицерами, гарантировало нам хороший приём. Наполеон лично отдал приказы, чтобы нас снабжали всем в изобилии, а Дюроку и Савари поручили позаботиться о том, чтобы эти приказы были выполнены»¹⁹.

Вечером после второго победоносного дня Ваграмского сражения русские офицеры снова были вокруг императора. «Пока готовили ужин, все старались добыть бумагу, чтобы написать письма в Париж и своим родным, — рассказывает Левенштерн. — Эти письма должны были отправить с поля сражения, чтобы объявить об этой победе всем европейским дворам. Блистательному красавцу Чернышёву предназначалось отвезти новость в Санкт-Петербург»²⁰.

Чем объясняется такая забота об офицерах, представляющих армию, которая в Галиции фактически саботировала боевые действия против австрийцев? Разумеется, прежде всего — политическими соображениями. Наполеон стремился показать, что союз существует, хотя сам в него уже не особенно верил. Возможно также, что император хотел в лице хотя бы некоторых представителей русской знати получить сторонников профранцузской ориентации России.

Он знал, что все молодые люди, которые пьют бургундское у его палатки, являются выходцами из знатных семей, и их мнение наверняка не останется без внимания в санкт-петербургских салонах.

Без сомнения, присутствие этих людей в свите Наполеона объяснялось политическими мотивами, однако не следует забывать, что это всё-таки очень важный знак. Мы не случайно заострили внимание на, казалось бы, столь небольшом эпизоде. Если он был ничтожен для развития военных операций 1809 г., то в истории русско-французских отношений он, без сомнения, очень важен. Чернышёв, Гагарин, Витге... не просто присутствовали в Шенбруннском дворце на поле сражения при Ваграме, они фактически **были допущены в генеральный штаб французской армии, где они чувствовали себя как дома.** Находясь рядом с палаткой императора, в рабочих кабинетах штабных генералов, постоянно общаясь с адъютантами, высшими офицерами, они были в курсе всех событий и всех планов. Если бы Наполеон в это время замыслил хоть что-то против России, если бы в его поведении по отношению к союзнику было бы хоть что-то, кроме желания действовать с ним заодно, это тотчас же стало бы известно всем, и особенно Чернышёву. Блистательный юный офицер не только постоянно ездил повсюду с императором, но и неоднократно был приглашён к обеду и ужину, сидел за столом с Наполеоном и Бертье в узком кругу самых приближённых и самых доверенных лиц императора!

При этом Чернышёв фактически был не только светским любезником и лихим рубакой, но и проницательным не по годам разведчиком. Свои рапорты о пребывании во французском штабе писали и другие участники весёлой компании, и Наполеон, конечно, догадывался, что далеко не все русские офицеры, находящиеся в его штабе, пребывают здесь из желания помахать саблями в обществе париж-

ской золотой молодежи. И тем не менее эти люди были допущены везде; тем самым император демонстрировал, что у него нет никаких секретов от России...

После Ваграма война продолжалась недолго. Французы двинулись по пятам отступающей австрийской армии, и в то время, когда уже начиналось новое арьергардное сражение, оно было прервано. 12 июля 1809 г. в Цнайме было подписано перемирие, и вскоре начались мирные переговоры, которые происходили в небольшом городке Альтенбург на границе Венгрии.

Для того чтобы сообщить Понятовскому о заключении перемирия, был послан офицер-ординарец Наполеона капитан Хлаповский. С паспортом, подписанным эрцгерцогом Карлом, он проехал по всей территории, занятой австрийскими войсками, и 15 июля он уже был в главной квартире эрцгерцога Фердинанда, а на следующий день — в штабе Понятовского.

Здесь, на польском театре войны, отношения между «союзниками» дошли до полного «театра абсурда». В начале июля австрийцы отступали. Польская армия шла за ними по пятам. 14 июля утром войска Понятовского подходили к Кракову. В этот момент в польский лагерь прибыл австрийский парламентёр. От имени генерала Монде он просил у командира польского авангарда генерала Рожнецкого перемирия на 48 часов для того, чтобы эвакуировать город без ущерба для жителей. Понятовский разрешил командиру авангарда заключить подобное соглашение, но только на 12 часов.

Это произошло в 6 вечера, и, следовательно, срок перемирия истекал 15 июля в 6 утра. Однако уже на рассвете князю Понятовскому доложили, что в городе русские войска. Князь тотчас выступил во главе кавалеристского отряда и в 6 утра был у ворот Кракова. Там уже находился генерал Сиверс с русским отрядом. Солдаты Сиверса преградили дорогу польским кавалеристам, тогда командир польского эскадрона

Потоцкий воскликнул: «У меня приказ войти в город от имени Его Величества императора французов. Надеюсь, вы не заставите меня пустить в бой пики, чтобы проложить себе дорогу!» Сиверс не стал лезть на рожон, его солдаты расступились, и польская конница вместе с князем Понятовским вступила в город, за ними шла пехота.

Каково же было удивление князя, когда он увидел, что город был наполнен русскими войсками! Оказывается, заключив перемирие с поляками, австрийцы сделали всё, чтобы поторопить русский авангард и передать ему город. Сиверс со своими войсками совершил форсированный марш и пришёл в Краков раньше поляков. Понятовский видел, что в городе не только располагаются русские части, но и спокойно разгуливают вооружённые австрийцы. На площади князю преградил дорогу эскадрон русских гусар. Они стояли, повернувшись спиной к австрийцам и лицом к польскому отряду. Свидетель этого эпизода рассказывает в своём рапорте: «Князь попросил гусар дать ему проехать. Они остались неподвижными. Тогда, разозлившись, он вонзил шпоры в бока своего коня, направил его прямо на гусар. Того, кто встал у него по пути, он отшвырнул мощным ударом кулака. Проход тогда открылся при радостных восклицаниях народа»²¹.

Вслед за князем поскакали его офицеры и кавалеристы, город заняла польская пехота. Только применив силу, Понятовский смог войти в ратушу и принять город от лица императора Наполеона. Впрочем, ещё долго, до заключения мира, вместе с польским командованием в Кракове оставался и русский штаб.

Согласно перемирию, условия которого Хлаповский доставил князю на следующий день после занятия Кракова, войска должны были оставаться на тех позициях, в которых они находились в момент подписания документа. Это означало бы для Понятовского, что он должен был уйти из древней столицы Польши. Но князь понимал, что оставить по-

добный важнейший пункт в руках австрийцев, тем более после победы, было бы абсурдом, поэтому он трактовал условия перемирия таким образом, что войска должны оставаться на тех позициях, в которых они находились в момент получения известия о перемирии. И объявил, что не отдаст Краков без приказа Наполеона.

Ситуация в городе была, прямо скажем, непростая. Как уже указывалось, в древней польской столице оставались и русские, и польские части. Отношения между «союзниками» были таковы, что начальник штаба польской армии генерал Фишер вызвал на поединок командующего русским авангардом генерала Сиверса. Офицеры также неоднократно дрались на дуэлях, а солдаты то и дело сталкивались в кулачных драках на улицах.

Несмотря на эту напряженную обстановку, Понятовский мог констатировать, что его отношения с князем Голицыным вдруг стали меняться к лучшему. Эта перемена со стороны русского главнокомандующего объяснялась его политическими видами.

Политика князя Голицына строилась не просто на враждебных полякам чувствах, он даже отмечал: «Неоспоримо, что обыватели обеих Галиций не терпят австрийцев, и сия ненависть происходит точно от тяжкого правления и образа обхождения с ними...»²²

Исходя из этого, князь предлагал следующее: восстановить Польское королевство под скипетром русского царя. Эту мысль уже давно лелеял близкий друг Александра князь Чарторыйский, вокруг неё вращалась русская политика в конце 1804 в начале 1805 гг. В это время Чарторыйский всеми силами стремился спровоцировать войну между Россией и Пруссией, чтобы отобрать у Пруссии польские земли, договориться с австрийцами и объявить о восстановлении Польского королевства, возложив королевскую корону на голову Александра I.

Как уже упоминалось, в 1805 г. война с Пруссией не состоялась, и эта идея была на некоторое время отложена в сторону, но она будет снова и снова всплывать на поверхность. Предложения Голицына были куда более скромными, чем Чарторыйского. Если последний хотел восстановить Польшу в старых границах, то Голицын исключал в своих проектах из будущего королевства всю Белоруссию, Киевскую и Подольскую губернии. Тем не менее Сергей Федорович считал, что идея восстановления Польши более чем разумна.

Он писал: «Чтобы все умы привести в равновесие, чтобы водворить повсюду спокойствие, необходимо нужен им король... Истинно все благомыслящие поляки жаждут о той минуте, в которую провозглашён будет их королём Александр, император всероссийский»²³. Однако и в 1809 г. проектом восстановления Польского королевства под русским скипетром не суждено будет осуществиться. В ответе Голицыну на его предложение министр иностранных дел граф Румянцев под грифом «секретнейшее» высказывал скептические замечания по поводу его проекта: «Можно ли положиться на постоянство польской нации и под самым видом пылкого их желания соединиться ныне под скипетром е. в-ва, не кроется ли больше умысла, чтобы тем удобнее возвратить ту часть Польши, которая России досталась и потом вовсе отмежиться от нас? Но если бы сего и не случилось, то не предстоят ли живые примеры в глазах наших, сколь слаба и ненадёжна связь между соединёнными под одной властью, но под разными именами и на особых правах государствами, невзирая на давность времени, которая, казалось бы, должна была сделать их нераздельными и неразлучными во всех случаях?»²⁴

Но может быть, самым главным контраргументом Румянцева было то, что, пока Польша оставалась разделённой между тремя державами (не следует забывать, что Пруссия

сохранила, даже после Тильзитского мира, некоторые польские земли), последние были связаны между собой как бы круговой порукой. Пока сохранялась такая ситуация, Пруссия и Австрия оставались потенциальными союзниками России, как её сообщники в не самом красивом поступке. А вот если бы Россия забрала себе все польские земли, то она могла серьёзно поссориться с двумя другими участниками раздела. Именно поэтому политическим проектом князя Голицына пока не было дано ходу. Однако Румянцев не исключал, что если знатные люди герцогства Варшавского и галицийские магнаты пожелают стать русскими подданными и обратятся по этому поводу с ходатайством, то «таковой подвиг их и предложение о том не останутся безуспешны»²⁵.

Впрочем, никаких «подвигов» и предложений на этот счёт не последовало. Политика Голицына осталась без последствий для судьбы Галиции. Зато обсуждение вопроса об этой провинции и о Польше в целом сыграло важнейшую роль в мирных переговорах в Альтенбурге.

Переговоры шли туго.

С одной стороны, у австрийцев оставались ещё немалые силы — около 250 тыс. солдат, готовых продолжать войну; с другой стороны, Наполеон сам не знал, как выйти из сложной ситуации, в которой все оказались. Кроме того, ему была неясна позиция России. В идеале он видел результатом кампании передачу Галиции герцогству Варшавскому, однако такой исход, совершенно очевидно, был бы неприемлем для Александра. Это означало бы восстановление почти половины Речи Посполитой. В этом случае сам собой напрашивался вопрос окончательного восстановления этого государства, а следовательно, отторжение от России её западных провинций. Поэтому Наполеон искал других решений. Одним из возможных вариантов было бы создание Галиции как отдельного независимого государства под властью союзного Наполеону государя, но и этот вариант

едва ли мог удовлетворить Россию — ведь вместо одной маленькой Польши получилось бы целых две маленьких Польши! Царь вполне соглашался отдать Галицию австрийскому принцу, но это никак не устраивало ни Наполеона, ни поляков, так как фактически означало бы сохранение всей Галиции в качестве австрийской провинции.

Ловкий австрийский министр Меттерних, который вёл переговоры с министром иностранных дел Франции Шампаньи, намекал на то, что союз с Австрией выгоден для Наполеона, и тому следовало бы вообще ничего не забирать от габсбургской монархии, а вместо аннексий заключить с ней союз!

Как ни странно, Наполеон был не против такого решения, но при том условии, что будет заменён человек, сидящий на троне австрийской монархии. «Близкий союз с теперешним императором невозможен, потому что, несмотря на его добрые качества, он придерживается мнения того, с кем последним он разговаривал»²⁶, — писал Наполеон своему министру иностранных дел. А в другом послании тому же адресату он говорил: «Если бы на троне был император, которому я мог доверять, такой человек, как великий герцог Вюрцбургский *, или эрцгерцог Карл, я оставил бы в целости всю австрийскую монархию, не урезав от неё ничего»²⁷. Наконец, в другом письме, адресованном Шампаньи, он подтверждает: «Если император (*австрийский*) пожелал бы отречься в пользу великого герцога Вюрцбургского, я оставил бы его страну без изменений, с её теперешней независимостью и заключил бы с ней союз, который позволил бы мне завершить великие дела континента. Я доверяю характеру и

* Фердинанд III (1769—1824) — младший брат императора Австрии Франца I, великий герцог Тосканский в 1790—1801 и в 1814—1824 гг., курфюрст и великий герцог Зальцбургский, великий герцог Вюрцбургский в 1806—1814 гг.

достойному образу мысли великого герцога Вюрцбургского. Тогда бы я считал, что спокойствие мира достигнуто»²⁸.

Интересно отметить, что Наполеону практически не требовались какие-то серьёзные территориальные уступки от Австрии. Если он предлагал обменять территориальные потери на отречение Франца I, это было связано с тем, что он не мог объявить Европе о мире, в результате которого Австрия вышла бы сухой из воды. Это значило бы объявить всем, что настоящей победы не было достигнуто или что можно безнаказанно вести войну против Французской империи.

Пусть читатель представит себе государство, которое благодаря большому напряжению сил отразило агрессию, разгромило врага и заняло своими победоносными войсками вражескую столицу. А после этого не добилось бы вообще никаких выгод и не предприняло бы никаких мер против своего неприятеля! Такого не бывает. Но Наполеон, как ни странно, был готов к подобному варианту, лишь бы ему дали хоть какое-то свидетельство, какой-то символ достигнутой победы. И отречение Франца было самым мягким, самым щадящим Габсбургскую монархию решением. Тем более что герцог Вюрцбургский, младший брат императора, был известен всем как человек высоких моральных качеств, блистательно образованный и талантливый. Наконец, ему было 40 лет, и он был в самом расцвете сил.

Но Франц I вовсе не собирался отречься от престола в пользу своих братьев. Более того, в области международной политики, начиная с этого времени, австрийским императором управлял Меттерних, бывший посол в Париже, а с 8 октября 1809 г. — министр иностранных дел. Политика Меттерниха точно изложена в его письмах накануне подписания мира. В них министр объясняет императору, что необходимо достичь согласия с Наполеоном, так как в случае попытки решить вопрос вооружённым путём австрийская армия будет наверняка разгромлена. Тогда Наполеону

не останется ничего другого, как разрушить австрийскую монархию. Поэтому Меттерних предлагает взять курс на союз с Наполеоном, однако этот союз должен был преследовать не цель помочь Наполеону, а цель его погубить: «Нужно, чтобы с момента заключения мира наша система строилась на том, чтобы ограничиваться исключительно лавированием, пытаясь найти общий язык с победителем. Только таким образом мы сохраним, быть может, наше политическое существование до дня всеобщего освобождения. Без помощи России нам нечего думать о том, чтобы сбросить ярмо, которое тяготеет над Европой... Нужно, чтобы мы сохранили наши силы до лучших времён и работали над нашим спасением более мягкими методами»²⁹.

Да, Наполеон был совершенно прав — они все давно «назначили свидание на его гробе», и австрийский союз обещал быть не более близким, чем союз с Россией. Быть может, самым безопасным для Наполеона и Франции было бы разгромить Габсбургскую монархию до конца, дав независимость Польше, Венгрии и Чехии. Но это был бы слишком радикальный поворот, чреватый новыми и новыми войнами. Император предпочёл ограничиться, как ему казалось, более разумным решением, заключавшимся в том, чтобы слегка обкорнать Австрийскую империю с разных сторон и тем самым, как ему казалось, обезопасить свою систему.

Александр I не пожелал даже присылать своих представителей на переговоры. Царь ограничился тем, что опять направил в штаб Наполеона красавца Чернышёва с письмом, в котором очень туманно выражалась позиция России в отношении будущего мирного договора: «Я передаю целиком в руки Вашего Величества свои интересы, — писал царь, — мне приятно полностью довериться Вашей дружбе ко мне. Вы можете дать мне неоспоримые доказательства этой дружбы, если вспомните то, что я говорил Вам в Тильзите и Эрфурте об интересах России по отношению к быв-

шей Польше и то, что я уже неоднократно передавал Вашему послу»³⁰.

Александр I не писал ничего конкретного. Однако за месяц до этого он очень жёстко выразил свою позицию в беседе с Коленкурром. Царь сказал посланнику: «Если дело идёт о Польше, если стоит вопрос о её восстановлении хоть в какой-то степени, то мир недостаточно велик, чтобы мы могли сговориться»³¹.

Если царь высказался жёстко, но достаточно туманно, Румянцев в беседе с послом был не менее твёрд и более конкретен. Он возмущённо говорил о поведении князя Понятовского в ходе последней войны: «Они вели себя не просто как войска саксонской армии, они называли себя поляками (*вот уж поистине дерзость — поляки называли себя поляками!*); они издавали прокламации от имени родины; они говорили о её восстановлении; они вербовали солдат даже за границей, обращаясь с патриотическими воззваниями, и некоторые подданные императора, мирно жившие под его скипетром со временем полного уничтожения королевства Польского, дали увлечь себя подобными призывами; они без паспортов перешли границу между двумя государствами; они вооружали многих из тех, кого они увлекли за собой, и, перейдя границу, некоторые из них сразу же открыли огонь по охранявшим её часовым...»³²

Далее министр продолжал, с возмущением говоря о последствиях кампании 1809 г. в Галиции: «Мысль о восстановлении королевства Польского зреет в умах тех, кто населяет герцогство Варшавское. Это не тайное желание, это открыто высказываемая надежда; она провозглашается как идея крестового похода, но эта идея может получить осуществление лишь в том случае, если предположить, что удастся разьединить двух императоров»³³.

Румянцев считал, что, если Галиция будет отторгнута от Австрии, Россия должна получить не менее двух третей

этой территории за свои «услуги» в ходе войны. В одном из разговоров с Коленкуром Румянцев воскликнул: «Поляки совершенно опьянели, нужно их немного отрезать... Неужели дело идёт о восстановлении Польши? Тогда... нас атакуют в самое сердце и, в этом случае, я буду первым, кто скажет императору, что мы допустили ошибку, следуя теперешней системе. В этом нужно признаться сегодня же и пожертвовать для борьбы с этим нашим последним солдатом...»³⁴

Речь Румянцева очень важна для понимания эволюции отношения русского общества к наполеоновской Франции в эту эпоху. Ещё раз подчеркнём, что неприязненность российской аристократии по отношению к Наполеону в первые годы XIX века, без сомнения, преувеличивается из-за огромного наслоения источников, созданных после войны 1812 г. Однако в результате войны 1809 г. враждебность русских элит к Франции становится всё более очевидной. Нужно отметить, что Николай Петрович Румянцев вовсе не принадлежал ни к англофилам типа Семёна Воронцова, ни к воинствующим консерваторам вроде вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны. Напротив, он был очень просвещённым человеком, благоволящим к французской культуре и в политическом плане стремящимся скорее к сохранению русско-французского союза. Но и этот государственный деятель отреагировал на появление польских белых орлов на границе с Российской империей как бык на красную тряпку. Из сказанного в главе 4 вполне понятно, почему для всей верхушки российской аристократии было неприемлемым восстановление Польши. Румянцев, несмотря на все свои либеральные идеи, был одним из тех, чья семья получила тысячи крепостных за счёт захвата земель бывшей Польши. Ни он, ни Салтыковы, ни Зубовы, ни Безбородко не желали терять свои доходы. Из-за польского вопроса между Россией и Францией повеяло таким холодом, что за ним уже чувствовался запах порохового дыма.

Правительство Российской империи не могло допустить восстановления Речи Посполитой, так как это поколебало бы устои крепостнического государства и отняло бы у аристократии огромные доходы. Наполеон же был отныне связан с поляками новыми узами братства по оружию. Польские солдаты, как уже говорилось, сражались с удивительным героизмом и умирали с именем Великого Наполеона на устах, надеясь на возрождение своего отечества. Причём они дрались за императора не только на берегах Вислы и Сана, но и проливали кровь на полях сражения испанской войны. Три пехотные полка герцогства Варшавского, три пехотные полка Вислинского легиона и полк Вислинских улан сражались

М. Баккиарелли. Наполеон дарует конституцию герцогству Варшавскому

повсюду от Сарагосы до Севильи, от Альбуэры до Валенсии, проявляя удивительную стойкость и отвагу. Даже такой прагматичный политик, как Наполеон, не мог себе позволить бросить их на растерзание австрийским властям. Он был воином и высоко ценил кровь, пролитую в совместной борьбе. Фраза Румянцева о том, что Россия сражалась в польской кампании, произнесённая в одной из бесед с Коленкурмом, звучала просто издевательством.

Вполне понятно, что у русских офицеров и генералов не было никакого желания защищать поляков, и Наполеон прекрасно это осознавал. В ходе кампании в Галиции между русскими и австрийцами не произошло ни одного боя, за исключением случайной ночной стычки на аванпостах, где был убит один австриец и ранено двое. Но как после этого можно было принять предложение Александра — передать России две трети Галиции, в то время как герцогство Варшавское должно было получить только треть?!

В результате долгих переговоров мир между Австрией и Францией был подписан 14 октября 1809 г. в Шенбруннском дворце. Наполеону казалось, что этот договор представляет собой компромисс. Действительно, по этому договору только западная Галиция с Краковом присоединялась к герцогству Варшавскому (всего лишь четверть всей Галиции), а почти вся восточная Галиция (или три пятых общей площади края) оставалась за Австрией; России отходил только Тарнопольский округ с 400 тыс. жителей. Кроме того, австрийская монархия лишалась юго-западных провинций: Хорватии, Рагузы, Фиуме, Триеста, Карниоля, Горицы и части Каринтии. Браунау, Зальцбург и Иннский округ передавался Баварии.

Результаты войны 1809 г. оказались поистине чреватой новой войной. Хоть Наполеон и остерегался расширения Польши, хотя польское государство всё ещё называлось герцогством Варшавским, но всем было понятно — это уже будущая Польша. По Шенбруннскому миру герцогство получило тер-

риторию 52 тыс. км², а его население увеличилось на 1,7 млн человек. Таким образом, общая численность жителей герцогства достигла 4, 3 млн человек. Это, конечно, была ещё далеко не вся Речь Посполитая, но это был уже и далеко не просто эмбрион Польши, которым можно было пренебречь, как после Тильзита. Теперь это было государство с округлившимися границами, народ которого гордился тем, что, как и пелось в мазурке Домбровского, саблей отбил «то, что взял недруг». Пламенные прокламации Понятовского, восстание поляков на территории Галиции и битвы, которые выдержали польские солдаты, с одной стороны, а с другой — совершенно очевидная враждебность к делу поляков не только российских властей, но даже со стороны офицеров и простых солдат. Как это ни странно, в Тильзите, после только что отгремевших боёв, русские и французы искренне веселились вместе. Русские и польские солдаты и офицеры, несмотря на то что были союзниками, смотрели друг на друга как на лютых врагов, и с этим ничего нельзя было поделать.

На границе с Россией возникло государство, для которого самой главной надеждой стала война за освобождение некогда отторгнутых земель. Ясно, что для правящего класса Российской империи сосуществование с этим государством было невозможным, и мысль о необходимости раздавить, уничтожить герцогство Варшавское стала естественной для всей российской элиты.

До 1803 г. у России и Франции не было вообще никаких причин сражаться. С началом франко-английской войны появился хотя бы отдаленный повод. После войн 1805—1807 гг. возникли очаги противоречий, которые оказалось не так-то просто потушить, а после войны 1809 г. напряжённость стала такой, что было бы удивительно, если бы удалось избежать серьёзных осложнений между двух империй. Теперь император Александр был близок к исполнению своей заветной мечты. Война с наполеоновской Фран-

цией из его навязчивой идеи превращалась в дело всего правящего класса России.

Наполеон чувствовал, что союз с Россией, на который он так рассчитывал, ускользает от него, что польский вопрос серьёзно осложнил отношения между странами. Он решил предпринять в отношении России несколько важнейших шагов, с помощью которых он надеялся спасти союз.

Первым из них стал дипломатический демарш в адрес российского правительства. 20 октября 1809 г., практически вслед за подписанием Шенбруннского мира, министр иностранных дел Шампаньи обратился к Румянцеву с предложением о заключении конвенции, которая поставила бы точку в польском вопросе. Шампаньи писал: «Император не только не желает поддерживать идею возрождения Польши, столь далёкую от его идей, но он даже готов сотрудничать с императором Александром во всём, что позволило бы стереть воспоминания о ней в сердцах её бывших обитателей». После этого следовала фраза, которая звучала диссонансом со всеми деяниями Наполеона; однако его желание сохранить союз с Россией было столь велико, что он поручил министру иностранных дел написать следующие слова: «Его Величество даёт согласие на то, чтобы слова „Польша“ и „поляки“ исчезли не только из всех политических актов, но даже и из истории (!!）」³⁵.

В Петербурге с энтузиазмом восприняли проект подобной конвенции, тем более что предложение о подобной конвенции было направлено Наполеону и как раз находилось в пути, когда пришло письмо от Шампаньи.

В эти дни, когда император готовился к важному политическому демаршу, он предпринял то, что можно назвать настоящим ухаживанием за Россией. Делалось всё, чтобы окружить самым деликатным вниманием русского посла Куракина. У него была своя ложа в театре Тюильри, его приглашали на все охоты, на все придворные приёмы, давая преимущества перед всеми королями, герцогами и дру-

гими высочайшими особами. Александр Борисович чувствовал себя в этой обстановке как рыба в воде. Он появлялся на всех придворных торжествах с сознанием своей важности, не забывая о бриллиантах. Так как он был награждён высшей степенью ордена Почётного легиона, он распорядился сделать ему звезду ордена из одних алмазов и гордился тем, что она должна была превосходить своим блеском звезду великого канцлера Почётного легиона.

Впрочем, в роскоши и блеске посольства Коленкур не уступал своему русскому коллеге. Он давал роскошные балы и приёмы, тем более что в конце 1809 г. у России было много поводов для празднований.

В сентябре 1809 г. победоносно закончилась война против Швеции. Эта война, которая началась зимой 1808 г. как лёгкая вооружённая прогулка, переросла летом того же года в тяжёлую затяжную кампанию. Русские войска быстро заняли Финляндию, однако осенью сопротивление шведов усилилось, а в тылу русских войск начались партизанские действия финского населения. 7 (19) ноября было заключено перемирие, которое продлилось до марта 1809 г.

Однако уже в начале февраля русские войска начали наступление. Отряд (под командованием Шувалова) двинулся на север вокруг Ботнического залива, два других двинулись прямо через залив по льду. Колонна под командованием Барклая де Толли наступала через Кваркенский пролив, самое узкое место Ботнического залива, между финским городом Вааса и шведским Умео. Другой отряд под командованием Багратиона шёл через Аландские острова.

О последнем, самом тяжёлом этапе этого удивительного похода пешком через залив рассказывает офицер из колонны Барклая: «Надлежало идти без дороги, по цельному снегу выше колена, в стужу свыше 15 градусов ...только герои могли совершить этот подвиг, единственный в военной истории. Русские перешли в двое суток около ста верст через

ледяные громады, глубокие снега, без всякого следа в жестокую стужу; опрокинули неприятеля при первой встрече и одним появлением своим покорили целую область»³⁶.

Поражения шведских войск и угроза столице привели к тому, что в Стокгольме произошёл государственный переворот. Король Густав IV был отстранён от власти и был вынужден отречься от престола. Шведский риксдаг (парламент) избрал королем дядю Густава IV, герцога Сёдерманландского.

Новые власти сразу обратились к русским с просьбой о перемирии. Однако война продолжалась. После новых побед русской армии в августе 1809 г. начались мирные переговоры, и 5 (17) сентября в Фридрихсгаме был заключён мирный договор. Согласно этому договору, Россия приобретала Финляндию и Аландские острова, морская граница проходила отныне по середине Ботнического залива. Кроме того, Швеция должна была закрыть свои порты для британских военных и торговых судов. Запрещалась их заправка водой и продовольствием. Швеция, таким образом, фактически присоединялась к континентальной блокаде. Большую роль в заключении Фридрихсгамского мира сыграл министр иностранных дел граф Румянцев, который за успешную государственную деятельность получил чин канцлера Российской империи.

Как известно, присоединение Финляндии было согласовано Александром с французским императором во время встречи в Эрфурте. Здесь же, во время свидания императоров, было оговорено, что Молдавия и Валахия должны были отойти России. Поэтому, пока русские войска воевали в Швеции, пушки загрохотали и на Дунае. Здесь боевые действия были сопряжены с большими трудностями. Дряхлый фельдмаршал Прозоровский начал кампанию не самым блистательным образом. У царя была поистине какая-то мания назначать на пост командующего армией против турок стариков — после 60-летнего Михельсона его место занял 70-летний Прозоровский. Один из его генералов, Лан-

жерон, так описывает своего командующего: «Это скорее была мумия, чем живое существо. Он был в таком ужасающем физическом состоянии, что каждый день думали — не умрёт ли на следующий. Правда, что при таком дряхлом теле его душа была полна огня, а живости его ума могли бы позавидовать многие молодые люди»³⁷.

Весной 1809 г. русская армия форсировала Дунай и двинулась против турецких крепостей, защищавших правый берег реки.

Первый серьезный удар русских войск пришёлся по крепости Браилов. В ночь с 19 на 20 апреля (1—2 мая) 1809 г. был начат штурм, который закончился кровавой неудачей, так как атака была совершенно не подготовлена. Ланжерон рассказывает, что войска, назначенные для штурма (около 8 тыс. человек), в глубокой тьме достигли рва и несмотря на огонь неприятеля сумели в него спуститься, но оказалось, что штурмовые лестницы недостаточно длинны, чтобы вскарабкаться на вал. «Наши несчастные офицеры и солдаты, сгрудившиеся в глубоком рву, не могли оттуда ни вылезти обратно, ни залезть на вал. Враг мог стрелять по ним на выбор из ружей и засыпал их картечью... Они погибали, не имея возможности бить по противнику... Огонь врага был ужасающим, и каждая пуля попадала... 200 офицеров погибли или были тяжело ранены, более 5 тысяч солдат разделили их участь»³⁸.

Прозоровский писал царю: «Сердце моё обливалось кровью. Я желал умереть, если б была малейшая возможность подать пособие и загладить несчастье, то, конечно, бросился бы я сам с войском в огонь». После этой неудачи осада крепости была снята, и русские войска два месяца провели в бездействии. Несмотря на многочисленные приказы, старик фельдмаршал не двигался с места.

В помощь престарелому фельдмаршалу был назначен генерал Багратион, известный своей активностью и отвагой.

Когда Багратион прибыл к армии, Прозоровский как специально умер, и руководство отныне взял в свои руки решительный полководец. Однако и он сразу не смог добиться успехов. Главным врагом, с которым столкнулась русская армия на южном театре военных действий, стали болезни. Багратион писал: «Главнейший мой неприятель не турки, но климат здешний. Безмерные жары, продолжающиеся с чрезвычайною силою, причиняют крайнюю слабость в людях и до невероятности умножают число больных... Болезни до такой степени свирепствуют также в Молдавии, Валахии и Бессарабии, что там, в некоторых баталионах... имеется налицо здоровых не более как от 60 до 80, а немалое число баталионов имеет едва комплектную роту»³⁹.

Тем не менее войска Багратиона перешли в наступление. 4 (16) сентября Багратион одержал победу под Рассеватом. В этом бою был разбит семитысячный отряд сераскира Козрева. Опрокинув турок, русская конница, и прежде всего казаки, преследовали бегущего врага почти 20 вёрст. В результате от 2,5 до 3 тыс. турок было изрублено, около тысячи попало в плен, причем 400 пленных умерло от ран в тот же вечер. Этот не очень крупный, но, без сомнения, успешный бой был высоко оценен в Петербурге. Багратион за победу под Рассеватом получил Андреевскую звезду, а Платов и Милорадович стали генерал-аншефами.

Почти одновременно с успехом под Рассеватом произошёл удачный бой под Фрасиной, где генерал Ланжерон нанёс поражение другому семитысячному турецкому отряду. Наконец, знаменитая крепость Измаил 14 (26) сентября капитулировала перед войсками генерала Засса. Сдалось более 4,5 тыс. турецких воинов и 2,7 тыс. вооружённых жителей, было захвачено 221 орудие и 9 небольших военных судов. На этом наступление затормозилось; более того, Багратион обратился в Петербург за разрешением отвести армию на зимние квартиры на левый берег Дуная.

Подобные половинчатые успехи не вызывали энтузиазма в аристократическом обществе. «Война с Швецией приучила Петербург к быстрым успехам,— писал Ф. Ф. Вигель,— и поэтому действия Багратиона казались весьма неудовлетворительными. Вот диковинка, что перешёл Дунай; лет пятьдесят тому назад можно было этому удивиться, а теперь никого не польстит название Задунайского; нет, брат, ступай за Балканы... Сражаться с просвещёнными шведами, кажется, труднее,— находили они,— чем с варварами, не знающими ни дисциплины, ни практики. Впрочем, этот Багратион и сам невежда, который знает войну только по практике»⁴⁰.

Однако осенью русская армия одержала очередной успех. После непродолжительной осады отрядом генерала Эссена сдалась турецкая крепость Браилов, стоившая русским войскам столько крови весной 1809 г. Турецкому гарнизону разрешили свободный выход из крепости при условии сдачи знамён и всех крепостных орудий. Мусульманским жителям также рекомендовалось покинуть город. 21 октября (2 ноября) из крепости вышли 4,1 тыс. турецких пехотинцев, 1,1 тыс. кавалеристов и 11,3 тыс. жителей. В городе осталось только 2 тыс. обитателей христианского вероисповедания.

Кроме войн с Турцией и со Швецией Россия продолжала вести войну с Персией, восстановившей союз с Великобританией, которая, в свою очередь, инициировала заключение персо-турецкого соглашения о совместных операциях на кавказском театре военных действий. Здесь русские войска также добились успехов. Генерал Торماسов, пришедший на смену старику фельдмаршалу Гудовичу, в 1809 г. отразил наступление войск под командованием самого персидского шаха Фетх-Али и сорвал попытку его сына Аббас-Мирзы захватить крепость Гянджу. Эти успехи не могли не способствовать общему оптимистическому настрою в правящих кругах России.

Победоносный Фридрихсгамский мир, взятие Измаила и Браилова дали повод для помпезных торжеств в столице

Российской империи, в которых, как всегда, французское посольство отличилось пышностью и дороговизной торжественных ужинов и балов.

Что же касается русско-французской конвенции по польскому вопросу, в Петербурге продолжались дискуссии по поводу её заключения. Конкретный проект соглашения был предложен Россией в январе 1810 г. Его текст был согласован графом Румянцевым и послом Франции Коленкур-ром и совместно ими подписан.

Вот как выглядели его основные пункты: «Ст. 1: Польское королевство никогда не будет восстановлено. Ст. 2: Высокие договаривающиеся стороны обязуются сделать так, чтобы слова „Польша“ и „поляки“ не употреблялись никогда ни по отношению к какой-либо части этого бывшего королевства, ни по отношению к его жителям, ни по отношению к его войскам. Они должны навсегда исчезнуть из всех официальных или публичных актов, какого бы вида они ни были. Ст. 3: Награды, принадлежащие бывшему Польскому королевству, упраздняются и никогда не будут восстановлены... Ст. 5: Устанавливается как важнейший, неизменный принцип, что герцогство Варшавское не имеет права получить никакого территориального расширения за счёт земель когда-то принадлежавших Польскому королевству»⁴¹.

Наполеон был готов идти далеко, но договор в такой форме вызвал у него возглас удивления. Император предложил своему министру иностранных дел изменить те пункты конвенции, которые были сформулированы слишком жёстко и даже жестоко по отношению к полякам. В своём ответном проекте он предлагал фактически повторить всё то же самое, но соблюдая при этом хотя бы какие-то относительные приличия по отношению к тем людям, которые ему верно служили.

Пункт первый был сформулирован теперь следующим образом: «Его Величество император французов обязуется не

поддерживать никакого восстановления Польского королевства, не давать никакой помощи любому государству, которое имело бы подобные намерения, не давать никакой помощи, ни прямой, ни косвенной, любому восстанию или возмущению провинций, которые составляли это королевство».

Во втором пункте говорилось: «Высокие договаривающиеся стороны и саксонский король не будут более употреблять ни в каком публичном акте слова „Польша“ и „поляки“ для именованя в современном состоянии той или иной части бывшего Польского королевства и его жителей».

Что касается третьего пункта, император был согласен, чтобы отныне не выдавались польские ордена, но он не хотел запрещать носить их тем, у кого они есть, лишая достойных людей заслуженных ими наград. В результате ордена должны были отмереть постепенно «после смерти тех, кто носит их в настоящий момент».

Последующие пункты также подверглись небольшой редакции, но в общем и целом смысл документа полностью сохранялся. Наполеон собирался дать России совершенно недвусмысленное обязательство того, что он не будет способствовать восстановлению Польши.

Однако редакция Наполеона была отвергнута российской стороной. В Петербурге был составлен новый проект договора, где с маниакальным упорством повторялись формулы январской конвенции. Опять-таки присутствовали слова о том, что «Польша никогда не будет восстановлена», о том, что из публичных актов будут убраны навсегда слова «Польша» и «поляки» и т. д. Известный польский историк Мариан Кукель написал по этому поводу, что Наполеон «понял, что его хотят оклеветать, политически скомпрометировать, осмеять как монарха и как человека»⁴².

Впрочем, когда новый русский вариант документа пришёл в Париж, политическая ситуация изменилась настолько, что Наполеон в значительной степени потерял интерес к договору...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Correspondance de Napoléon Ier... t. 18, p. 481.
2. Correspondance du Prince Joseph Poniatowski avec la France. Poznan, 1921—1929, t. 2, p. 169.
3. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. М., 1963, т. 5, с. 44.
4. Рукописный отдел РНБ, Ф 836, Чернышёв А.
5. Lowenstern W. Mémoires du general-major russe baron de Lowenstern. Paris, 1903, t. 1, p. 129—130.
6. Correspondance du Prince Joseph Poniatowski... t. 2, p. 165.
7. Ibid, p. 172—174.
8. Ibid, p. 175.
9. Ibid, p. 188—189.
10. Ibid, p. 198.
11. Внешняя политика России XIX и начала XX века, т. 5, с. 90.
12. Solytk R. Operations de l'armée sous les orders du Prince Pomiatowski...
13. Цит по: Askenazy S. Le Prince Joseph Poniatowski. Paris, p. 243—245.
14. Correspondance du Prince Joseph Poniatowski, t. 2, p. 203.
15. Ibid.
16. Ibid, p. 208.
17. Рукописный отдел РНБ, Ф 836, Чернышёв А.
18. Savary A.-J.-M.-R. Mémoires du duc de Rovigo. Paris, Londres, 1828, t. 4, p. 145.
19. Lowenstern W. Mémoires du general-major, t. 1, p. 126.

20. Ibid, p. 130.
21. Correspondance du Prince Joseph Pomiatowski, t. 2, p. 227.
22. Внешняя политика России XIX и начала XX века.
23. Там же, с. 77.
24. Там же, с. 85—86.
25. Там же.
26. Correspondance de Napoléon I. Paris, 1858—1870, t. XIX, p. 475.
27. Ibid, p. 447.
28. Ibid, p. 486.
29. Metternich C. W. L., prince de. Mémoires, documents et écrits divers. Paris, Plon, 1880—1884, t. 2, p. 305.
30. Correspondance de Napoléon I, t. XIX, p. 411.
31. Цит. по: Vandal A. Napoléon et Alexandre I, l'alliance russe sous le premier Empire. Paris, 1893—1896, t. 2, p. 112.
32. Внешняя политика России XIX и начала XX века, т. 5, с. 118—119.
33. Там же.
34. Великий князь Николай Михайлович (Романов). Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона 1808—1812. СПб., 1905—1914, т. 4, с. 144, 146.
35. Цит. по: Vandal A. Napoléon et Alexandre I, t. 2, p. 163.
36. Булгарин Ф. Воспоминания. М., 2001, с. 618—620.
37. Рукописный отдел РНБ, Ф 73 № 275 Langeron. Journal des campagnes faites au service de la Russie, 1807—1809. t. 4, p. 265.
38. Ibid, p. 415.
39. Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. М., 1945, с. 73.
40. Вигель Ф. Записки. М., 2003, т. 1, с. 514.
41. Correspondance de Napoléon I... t. XX, p. 148—149.
42. Kukiel M. Wojna 1812 roku. Krakow, 1937, p. 11.

ГЛАВА 7

Рука великой княжны и... мешки с пшеницей

Для того чтобы лучше понять события той эпохи, нам нужно отойти на время от военных гроз и политических потрясений и затронуть вопрос, который, казалось бы, имеет к теме книги только косвенное отношение. На самом деле это совсем не так, и мы надеемся, что читатель убедится в этом.

С самого начала провозглашения империи Наполеон понимал, что ему рано или поздно придётся развестись с Жозефиной. Она стала бесплодной вследствие ряда бурных событий своей молодости, а империи нужен был наследник. Однако Наполеона привязывало к этой женщине искреннее, сильное чувство, и он долго не мог решиться на развод. Тем не менее вопрос о преемнике с каждым днём становился всё острее. В конце 1809 г. всем стала известна беременность Марии Валевской, возлюбленной императора. В этот раз Наполеон знал, что ребёнок от него. Сомнения рассеялись, и теперь он был уверен, что отсутствие детей от Жозефины объясняется только состоянием здоровья самой императрицы. Решение о разводе было принято бесповоротно, и, несмотря на искренние слёзы и, можно без преувеличения сказать, горе обоих супругов, 16 декабря 1809 г. было официально объявлено об аннулировании брака по взаимному согласию.

Император желал, чтобы практически одновременно с объявлением о разводе стране было объявлено о его новом браке, и более того, он уже запланировал его на весну 1810 г., с тем чтобы в начале 1811 г. у него появился наследник. Вопрос выбора иностранной принцессы практически не стоял — будущей французской императрицей должна была быть русская великая княжна. Как уже упоминалось ещё в Эрфурте, Наполеон поручил Талейрану и Коленкуру осторожно прозондировать в этом отношении мнение Александра. Речь могла идти о двух его незамужних сёстрах. Одной из них, Екатерине Павловне, в момент Эрфуртского свидания было 20 лет, и она ещё была не замужем. Другой, младшей сестре Анне, было только 13 лет, но говорилось о перспективе. Поэтому вполне возможно было предполагать в будущем устройство брака Наполеона с младшей сестрой.

Мария Фёдоровна была в ужасе от наметившейся перспективы. Она уже давно занималась подбором партии для своей старшей незамужней дочери, причём делала это с настойчивой бесцеремонностью. Когда весной 1807 г. овдовел Франц I, Мария Фёдоровна развила бурную деятельность с целью сделать Екатерину императрицей Австрии. Отметим, что молодая девушка была на редкость честолюбивой, тщеславной и решительной. Ей также очень захотелось стать австрийской императрицей. Однако, несмотря на то что всё вроде бы могло устроиться, резко отрицательную позицию занял по этому вопросу сам царь.

Князь Куракин, докладывая Марии Фёдоровне о своём разговоре с Александром, сообщил следующее: «Император всё-таки полагает, что кайзер Франц не может поправиться великой княжне Екатерине и не является для неё подходящей парой. Император характеризует его как человека внешне непривлекательного, плешивого, безвольного, ленивого душой, ослабленного физически и умственно вследствие всевозможных несчастий, которые ему при-

шлось пережить, трусливого до такой степени, что боится пускать свою лошадь в галоп, и её должны вести под уздцы, чему сам император лично был свидетелем под Аустерлицем.— При последних словах я не мог удержаться от смеха и воскликнул: „Такой характер никак не может подойти великой княжне. У неё есть ум, душа и сильная воля; боязливость совсем ей не свойственна. А смелость, с которой она ездит верхом, вызывает зависть даже у мужчин“»¹.

На самом деле молодого царя и его сестру связывали довольно странные отношения, не слишком похожие на братскую любовь. Вот одно из писем Александра к сестре, опубликованное великим князем Николаем Михайловичем: «...К сожалению, теперь я не могу воспользоваться своим старым правом, чтобы в Вашей спальне в Твери покрывать Ваши ножки нежнейшими поцелуями. Так что, мадам, развлекайтесь как следует и не забывайте бедного арестанта в Петербурге»². Похоже, что по отношению к Францу I Александр испытал взрыв ревности, настояв в конечном итоге на том, чтобы этот брак был отклонён.

А.-Ф. Ризенер.
Великая княжна
Екатерина Павловна,
1788—1819 (исп. в 1810 г.)

Упустив выгодную политическую партию, теперь, после Эрфурта, мать решила выдать Екатерину замуж немедленно и за кого угодно, лишь бы только её дочь не стала супругой Наполеона. Впрочем, уже до Эрфуртской встречи начались переговоры о возможном браке Екатерины с герцогом Георгом Гольштейн-Ольденбургским. Пикантность ситу-

ации состояла в том, что этот герцог был родственником династии Романовых, но самое главное, его отец владел крошечным государством на берегах Балтики. Уже в 1805 г. у герцога вышел серьёзный конфликт с Наполеоном из-за его отношений с англичанами, и французский император просто прогнал герцога и его администрацию из Ольденбурга. По Тильзитскому миру герцог вернулся в свои владения, но было ясно, что в случае ухудшения отношений Наполеона и Александра он опять рискует потерять свои земли.

Таким образом, брак Екатерины и сына герцога попахивал политической провокацией, ибо заранее можно было предполагать, что интересы Французской империи и интересы маленького герцогства столкнутся. Навряд ли вдовствующую императрицу могли покорить красота и богатство жениха. Герцогство было нищее, а о внешности молодого Георга Ольденбургского с иронией написала жена Александра I, молодая императрица Елизавета: «...Его внешность малоприятна, при первом впечатлении даже чрезвычайно неприятна, хотя русский мундир его несколько приукрасил... Я бы никогда не поверила, что он может возбудить любовь, но великая княжна уверяет, что как супруг он нравится ей, а внешность не играет для неё никакой роли. Я нахожу это очень разумным»³. Что касается французского посла, то он написал следующее: «Герцог уродлив, тщедушен, лицо его покрыто прыщами, и он плохо говорит»⁴.

Пламенные чувства Екатерины к герцогу Ольденбургскому тем более вызывают сомнения, если вспомнить, что в конце 1807—1809 гг. эта непоседливая девушка переживала довольно бурную интригу с князем Багратионом. Любовники почти не скрывали свою связь, хотя это, разумеется, и было абсолютным вызовом приличиям той эпохи, а тем более правилам императорского двора. Екатерина наплевала заодно и на ревность своего брата. О том, что это не просто сплетни, говорит письмо Екатерины к Александру

после смерти Багратиона в 1812 г. «Зы помните о моих отношениях с ним, и что я вам говорила, что у него в руках имеются документы, способные меня жестко скомпрометировать, попав в чужие руки. Он мне клялся сто раз, что уничтожил их, но, зная его характер, я всегда сомневалась, что это правда. Для меня бесконечно важно (зачёркнуто: „да, пожалуй, и для вас тоже“), чтобы подобные документы не получили известность... Дело не терпит отлагательств; ради Бога, пусть никто не заглядывает внутрь, потому что это меня скомпрометирует чрезвычайно...»⁵

Не исключено, что об этой связи было известно и в Париже. Поэтому, прошупывая почву возможного будущего бракосочетания, речь в Эрфурте шла о великой княжне вообще, а не о Екатерине конкретно. В апреле 1809 г. состоялась свадьба Екатерины и Георга, и тем самым её возможность стать французской императрицей исключалась. Поэтому в случае брачного проекта речь могла идти только о великой княжне Анне Павловне.

Анне в январе 1810 г. исполнилось 15 лет, и своими свойствами она являла разительный контраст с сестрой Екатериной. Если последняя была властной, честолюбивой, дерзкой и сладострастной, Анна, наоборот, была очень спокойной, уравновешенной девушкой. Все источники отмечают её доброту и постоянство. Когда Наполеон пожелал узнать о ней поподробней, Коленкур направил императору такое описание великой княжны: «Она высокая для своего возраста и более развита, чем обычно. По словам тех, кто составляет двор её матери, она созрела уже в течение пяти месяцев. Её тело, её грудь, всё говорит об этом (*Наполеона очень интересовала зрелость девушки, потому что наследник требовался как можно скорее, поэтому Коленкур прежде всего останавливается на этом вопросе*)... Она не очень красива, но её глаза очаровывают добротой. У неё спокойный характер, все говорят, что она очень мягкая; все более

отмечают её доброту, чем её ум. В этом смысле она полностью отличается от своей сестры, про которую говорят, что она властная и решительная. Как и все великие княжны, она очень хорошо воспитана и образованна. У неё есть всё необходимое для принцессы, которой нужно будет находиться в центре двора»⁶. Наконец Коленкур ещё раз подчёркивал всеобщие надежды на то, что великая княжна будет плодотворной, так как её мать, как он выразился, — это «настоящая машина для производства детей».

За месяц до своего официального развода, 4 ноября 1809 г., Наполеон продиктовал Коленкуру распоряжение немедленно провести дипломатический зондаж возможности своего бракосочетания с великой княжной Анной. В письме послу, подписанном министром иностранных дел Шампаньи, говорилось, чтобы все необходимые демарши были осуществлены немедленно, так как «здесь считают минуты, ибо это важное политическое дело. Император как можно быстрее должен обеспечить преемственность своей династии». Министр добавлял также: «Мы не придаём никакой важности условиям даже тем, которые связаны с религией... Действуйте, ибо это письмо продиктовано императором. Его Величество полностью полагается на Вас, зная Ваш такт и Вашу преданность»⁷.

Это послание написано вполне в наполеоновском стиле. Здесь, как и на поле боя, Наполеон предписывает действовать быстро, реши-

Дж. Доу. Великая княжна Анна Павловна, 1795—1865 (исп. в 1824—1825 гг.)

тельно и как можно скорее дать ему ясный ответ. С другой стороны, он был готов пойти на все условия, которые мог выставить петербургский двор. В частности, никаких препятствий не ставилось в том случае, если бы в качестве неременного требования был поставлен вопрос о сохранении будущей императрицей православной веры.

Курьер скакал в Россию, увы, очень медленно. Вместо того чтобы доставить письмо в конце ноября — самые первые дни декабря, он сумел привезти его в Петербург только 14 декабря. Однако в этот момент царя в столице не было, четыре дня назад он уехал в Москву. Только 28 декабря (16 по старому стилю) Александр смог принять французского посла. Это произошло вечером, после ужина во дворце. Царь пригласил Коленкура в свой кабинет, и там посланник впервые обратился к царю с предложением устроить свадьбу Наполеона и великой княжны Анны.

Коленкур, как предписывали ему инструкции, не сделал официального предложения, он мог говорить только перифразами, и так же витиевато и туманно ответил ему Александр. Для начала царь выразил французскому послу весь свой восторг по поводу подобного брачного проекта. Однако далее Александр с глубоким сожалением ответил, что он не совсем владеет ситуацией. «Что касается меня, — сказал он, — эта мысль мне приятна; даже, скажу вам откровенно, по моему мнению, моя сестра ничего лучшего не может сделать. Но вы, конечно, помните, что я вам сказал в Эрфурте. Указ моего отца и его последняя воля предоставляют моей матери полную свободу распоряжаться устройством судьбы её дочери. Её мысли часто не совпадают ни с моими желаниями, ни с политикой, ни даже со здравым смыслом. Если бы всё зависело от меня, вы получили бы моё слово, не выходя из моего кабинета, потому что, я уже вам сказал, эта мысль приятна мне. Я подумаю и дам вам ответ, как вы того желаете. Но нужно мне дать в распоряжение, по крайней мере, десять дней»⁸.

Самое забавное, что Коленкур ничего не понял и в своём донесении, написанном в тот же день, передал буквально слова царя, считая, что тот действительно будет хлопотать перед своей матерью и всячески стараться способствовать столь желаемому для Наполеона браку.

Из-за многочисленных промедлений ответ Коленкура пришёл в Париж только 27 января. Таким образом, между отправлением первой депеши послу и получением первого уклончивого ответа прошло более двух с половиной месяцев. Срок даже для того времени очень большой. Обычно хороший гонец совершал путешествие из Парижа в Петербург за три недели, поэтому уже сам факт большой задержки вызвал у Наполеона дурные предчувствия.

Для императора было совершенно неприемлемо получить пощёчину в виде отрицательного ответа даже на полуофициальное предложение руки и сердца. В качестве запасного варианта у Наполеона было несколько других возможностей: жениться на дочери австрийского императора, на саксонской принцессе или, наконец, просто на достойной девушке своей страны.

По этому поводу бывшая императрица Жозефина, сохранившая по отношению к Наполеону тёплые чувства, в разговоре с государственным советником Тибодо воскликнула: «Лучше бы уж он взял француженку, хорошую и добрую девушку, что, у нас их не хватает? Если ему нужно знатную, неужто у нас нет Монморанси и других подобных семей, столь же именитых как все принцессы Европы вместе взятые. Ему нужно наследников? Ну так и что? Любая горожанка годится для этого... У меня печальное предчувствие. Иностранка! Она же выдаст все государственные тайны, она предаст его, она его отравит!»⁹ Однако вариант женитьбы на француженке Наполеон считал не соответствующим большой политике. Последующие события покажут, что оказался прав не он, а его бывшая жена...

Что касается саксонской принцессы, не было ни малейших сомнений, что король Саксонии, верный вассал и друг Наполеона, будет счастлив породниться с императором за счёт этого династического брака. Однако перспектива саксонского брака вызывала справедливые опасения. Герцогство Варшавское формально было частью Саксонии. Породниться с саксонской принцессой означало в какой-то степени породниться и с Польшей, а это было бы воспринято в России как вызов; сверх того, хотя в Саксонии и правила древняя династия, само королевство всё-таки было маленьким и не имело большого политического веса в Европе.

Наконец, первый из перечисленных вариантов, австрийский, обладал не только явными выгодами, но и очевидными отрицательными сторонами. С одной стороны, в Вене на престоле находилась одна из древнейших династий Европы. Австрия была после Франции и России самой сильной континентальной державой. Её войска, модернизированные за счёт разумных реформ, показали свою мощь в ходе войны 1809 г. С другой стороны, перспектива австрийского союза не вызывала сочувствия во Франции. У всех ещё в голове была память о Великой французской революции; принцесса, которая могла стать женой императора, была внучатой племянницей ещё совсем недавно (17 лет тому назад) казнённой королевы Марии-Антуанетты. Вслед повозке, на которой бывшую королеву везли на казнь, парижская толпа выкрикивала: «Австриячка! Изменница! На гильотину её!» Очень многие опасались, что австрийский брак будет в определённой степени реставрацией старого режима.

Тем не менее Наполеон подумал именно об австрийском браке, но только в качестве запасного варианта. Промедления с ответом из России привели к тому, что именно этот запасной вариант стал отрабатываться даже более активно, чем того желал бы Наполеон. Как уже говорилось, новый министр иностранных дел Австрии Меттерних упорно про-

должал действовать в области укрепления позиций своей страны. Он считал, что самым правильным решением в сложившейся обстановке является как можно более тесное сближение с Францией. Кроме того, умелый интриган Меттерних считал, что для Австрии было бы выгодно разрушить всякое серьёзное франко-русское сближение.

Поэтому, когда австрийский министр узнал о разводе Наполеона, он, человек очень проницательный, не сомневался, что император французов будет свататься к русской великой княжне. Без сомнения, как один из наиболее информированных людей Европы в области политики, он мог догадываться, что положительный ответ России не гарантирован, и, следовательно, можно попытаться расстроить русский брак, подтолкнув Наполеона к партии с австрийской эрцгерцогиней. Меттерних проинструктировал князя Шварценберга, ставшего австрийским послом в Париже, о своих проектах. Тот со своей стороны послал на разведку одного из своих помощников — графа де Флоре.

На одном из вечеров в Тюильри граф подошёл к известному своими связями в политическом мире сенатору де Сомонвилю и посетовал ему на то, что Наполеон женится на русской великой княжне, а не на австрийской принцессе. И дело, судя по всему, уже решено:

«— Действительно, — ответил Сомонвиль, — дело уже, по всей видимости, сделано, потому что вы не захотели им заняться сами.

— Кто это вам сказал? — ответил австриец.

— Боже мой, да об этом все говорят. А что, разве не так?

— Очень может быть, что и не так...

— Не хотите ли вы сказать, — воскликнул Сомонвиль, — что вы были бы согласны дать нам одну из ваших эрцгерцогинь?

— Да.

— Да? Это говорите вы, а что скажет ваш посол?

- Я за него отвечаю!
- А господин Меттерних?
- Без проблем!
- А император?
- Тоже без проблем!»¹⁰

В тот же вечер, уже почти ночью, Семонвиль сообщил эту новость государственному секретарю Маре, а уже утром об этом был поставлен в известность император. Таким образом, Наполеон знал, что вариант, который он рассматривает как запасной, у него в кармане. Готовность австрийцев не могла не понравиться французскому императору. Она свидетельствовала о том, что Австрия готова к самому тесному сближению.

Поэтому, когда 27 января 1810 г. Наполеон получил от Коленкура свидетельство уклончивого ответа царя, он сразу понял, что русский брак под большим сомнением. Следовательно, нужно срочно подстраховаться и придать всему происходящему такой вид, как будто император сам выбирает себе принцессу в невесты и не сомневается, что получит согласие, к кому бы ни обратился.

29 января 1810 г. в Тюильри был созван так называемый коронный совет, куда были приглашены его братья, находившиеся в Париже, неаполитанский король Мюрат, дядя императора кардинал Феш, министры и председатели ассамблей. Вопрос, который поставил Наполеон своим советникам, касался выбора невесты и предполагал четыре уже перечисленных варианта: русская великая княжна, австрийская эрцгерцогиня, саксонская принцесса или француженка. Речь Наполеона завершалась уверенной фразой: «Только от меня зависит,— смело утверждал император,— указать ту, которая въедет в Париж под триумфальной аркой».

Как и следовало ожидать, мнение совета разделилось. Клан Бонапартов и бывшие деятели революции стояли за русскую великую княжну, клан Богарне склонялся к авст-

рийской эрцгерцогине, только генеральный казначей Лебрен выступал за саксонскую принцессу. Дав всем высказаться, Наполеон объявил, что он подумает, и, поблагодарив совет за ценные предложения, закончил совещание. Тем самым император показал всем, что выбирает он сам, но пока ещё не пришёл к окончательному решению, и, разумеется, никакого отказа ниоткуда не предвидится.

Интересно, что «левые» (бывшие деятели Великой французской революции) стояли за русский брак, в то время как «правые» (представители старой французской аристократии) выступали за австрийский брак. В этом нет ничего удивительного, так как брак с русской великой княжной рассматривался исключительно с точки зрения его внешнеполитических выгод. Никаких ассоциаций с каким-либо направлением во внутренней политике Франции он не вызывал. Напротив, брак с эрцгерцогиней возбуждал воспоминания о Марии-Антуанетте и о Старом порядке. Кроме того, австрийский двор слыл оплотом непримиримого католицизма. Без сомнения, сближение с Австрией означало бы усиление влияния католической церкви, чего категорически не желали бывшие деятели революции. Напротив, ясно, что брак с православной княжной никак бы не способствовал росту значимости католической религии во Франции.

Наполеон с нетерпением ждал новых вестей из Петербурга. Новые депеши от посла пришли вечером 5 февраля в бюро министра иностранных дел. Это были зашифрованные рапорты от 15 и 21 января. К ним была приложена записка, написанная открытым текстом.

Утром следующего дня документы были на столе императора. Коленкур оптимистично заявлял, что дела движутся неплохо, но, к сожалению, Александр должен узнать мнение своей матери, и что эта процедура требует времени. Сам царь, по словам посланника, возмущён промедлениями и всеми силами старается положительно решить этот

вопрос. «Если я добьюсь успеха,— говорил он,— уверяю вас, я буду считать, что провёл самые трудные переговоры; потому что приходится сражаться не с разумными доводами, которым можно противопоставить другие доводы, а с женской логикой, притом самой bestолковой... Я не падаю духом,— продолжал он,— ибо верю, что это дело выгодно для всех нас, и то, что для союза это будет ещё одна надёжная связь. Я и так полностью верен союзу, но я счастлив при мысли, что наши преемники продолжат наше дело, и что они будут союзниками вашей династии, подобно тому, как я состою союзником её великого основателя»¹¹.

Находясь за две с половиной тысячи километров от Петербурга, Наполеон понял всё лучше, чем его посол, пребывающий в российской столице. В тот же день Наполеон приказал разыскать австрийского посла графа Шварценберга, которого немедленно пригласили на охоту. Там состоялся первый разговор, а в шесть вечера в австрийское посольство уже прибыл принц Евгений Богарне. Ему поручалось передать, что император просит руки эрцгерцогини Марии-Луизы, при условии, что посол тотчас же даст согласие и примет обязательства от имени своего монарха. Принц Евгений позже будет рассказывать: «Никогда, наверное, посол не был в таком большом затруднении. Я видел, как он крутился, метался, и на его лбу выступила испарина». Но всё-таки страх принять отрицательное решение, в то время как он знал о воле Меттерниха и, следовательно, о воле своего монарха, пересилил страх ответственности, и Шварценберг дал согласие от имени австрийского императора.

На следующий день состоялся новый коронный совет, где практически все высказались в пользу австрийской эрцгерцогини. На самом деле это был не столько совет, сколько утверждение уже принятого решения, и все высказывающиеся просто-напросто оправдывали вердикт, принятый императором. Тотчас по завершении совета было объявлено о вы-

боре императора, и в Австрию были посланы соответствующие депеши. Одновременно Коленкуру сообщили о том, что он может более не хлопотать о безнадёжном деле.

Поспешность Наполеона на первый взгляд слегка изумляет: неужели нельзя было подождать с решением столь важного дела месяц-другой? На самом деле, если приглядеться внимательней, становится ясно, что император действовал вполне разумно. Больше всего он боялся получить отказ раньше, чем он сделает предложение по другому адресу.

Кроме того, Наполеон стал лучше понимать Александра, поэтому после первых же туманных фраз последнего и его попытки спрятаться за мать император почувствовал лукавство своего оппонента. И он не ошибся. При очередной встрече с Коленкуром царь высказал ему окончательное решение, которое якобы исходило от его матери: «Единственное препятствие, которое императрица видит для брака своей дочери, — возраст, — заявил Александр, — несчастный пример двух предыдущих дочерей, выданных слишком рано, приводит к тому, что она (*императрица-мать*) не может согласиться на брак дочери ранее, чем через два года. Великая княжна Анна, по примеру её сестёр Марии и Екатерины, не должна выйти замуж раньше восемнадцати лет. Императрице нравится идея этого брака, но никакие доводы не могли убедить её подвергнуть опасности жизнь дочери, выдавая её замуж слишком рано»¹².

В ответ на эти фразы Коленкур возмущался и даже попытался немножко пристыдить царя за его слишком большое сыновнее почтение к матери. Однако это, разумеется, оказалось бесполезно, ибо решение было принято давно, и вовсе не Марией Федоровной.

О том, насколько Александр мало заботился о мнении своей матери, если речь шла о важных для него вещах, по поводу которых у него было своё мнение, говорит, например, поездка в Эрфурт, предпринятая несмотря на все слёзы

и мольбы Марии Федоровны. Пример великой княжны Екатерины убедительно показывает, насколько царь пренебрегал желаниями матери в брачном вопросе. Ведь императрица-мать жаждала выдать дочь замуж за австрийского императора, сама Екатерина также очень хотела этого брака. Наконец, с точки зрения политической это был бы куда более серьёзный ход, чем замужество великой княжны с каким-то десятиразрядным немецким князьком. Но Александр не захотел этого брака, и он не состоялся.

Ещё Альбер Вандаль в своём знаменитом произведении «Наполеон и Александр» написал: «Есть основание думать, что императрица вовсе не желала воспользоваться своим правом veto, как приписывал ей царь в своих разговорах с Коленкуром... она заранее склонялась перед его (*Александра*) решением и признавала его право решать дело»¹³. Все последующие исследования и, в частности, документы Государственного архива РФ в Москве только подтверждают эту справедливую фразу. Среди них есть несколько неопубликованных писем императрицы-матери к своему сыну; вот одно из них, написанное в Гатчине в январе 1810 г.: «Едва мои глаза открылись этим утром, я снова перечитала Ваше письмо, дорогой и добрый Александр, и снова с тем же приятным чувством. Я упрекаю себя за то, что чувство заставило меня забыть сказать Вам о следующем: я убеждена, что отсрочка, которую требует возраст моей дочери и предписывает отложить её свадьбу, не является единственной причиной, которая воздействует на Ваше решение в том случае, если государственный интерес предпишет Вам согласиться с этим союзом. Кодекс Наполеона, который лежит на моём столе, предписывает в статье IV, что в случае развода должен соблюдаться срок в три года, прежде чем можно будет снова жениться, в случае развода по общему согласию. Сверх того, я должна Вам сказать, что Горголи (*полковник, упоминавшийся в предыдущей главе*) сообщил мне, когда я его спросила о

том, на какое время назначена свадьба Наполеона, что её предполагают в Париже через два года. Так что я отдаюсь в полной уверенности нежному чувству, которое Ваше вчерашнее письмо разлило в моём сердце и за которое я Вас ещё целую тысячу и тысячу раз»¹⁴.

Хотя письмо Марии Фёдоровны несколько пуганое, всё-таки понятно, что, прежде всего, между сыном и матерью нет ни следа враждебности и ни малейшего спора, и занимаются они только тем, что вместе ищут повод, чтобы уклониться от предложения Наполеона. Более того, обратим внимание на строчку «...если государственный интерес предпишет Вам согласиться с этим союзом». Эти слова достаточно ясно показывают, что императрица-мать была готова подчиниться воле своего сына и повелителя, как то и предписывали ей законы и обычаи монархии. Поэтому все слова Александра, обращённые к французскому послу, не что иное, как дымовая завеса, призванная немного смягчить отказ. Царь и отдалённо не пытался действительно просить свою мать благословить бракосочетание великой княжны и Наполеона.

Кстати, не только мать готова была склониться перед волей Александра, но и аристократическое общество Санкт-Петербурга. Если верить рапортам французского посольства об общественном мнении насчёт планируемого брака, можно констатировать скорее положительную реакцию правящих кругов России на эту перспективу. Вот что можно прочитать в депеше от 5 февраля 1810 г., где говорилось о слухах и настроениях в Петербурге: «Говорят о проекте свадьбы императора Наполеона и великой княжны Анны. Говорят, что об этом договорились ещё в Эрфурте... Французы поздравляют русских, а русские поздравляют французов... В Москве, как и в Петербурге, все говорят об этой свадьбе, которая свершится при полном согласии нации (!)»¹⁵.

Даже если аналитики французского посольства несколько хватали через край в своих оценках настроения обще-

ства, нет сомнения, что отказ Александра никоим образом не был вынужденной мерой, как это часто говорится в исторических произведениях. И его мать, и российские элиты, даже если последние и не были восторженными сторонниками союза, не вынуждали царя отказать Наполеону. Решение Александра было частью его издавна проводимой политики. Оно было трезво обдуманно и направлено на резкое усиление конфронтации с Наполеоном.

Ещё не зная об окончательном отказе, император французов дал распоряжение министру иностранных дел Шампаньи написать Коленкуру о прекращении демаршей в отношении сватовства к великой княжне. В письме, продиктованном самим Наполеоном, последний стремится всеми силами показать, что его новый выбор не предполагает какую-то обиду и не повлечёт за собой изменения во внешней политике. Тем не менее за обтекаемыми дипломатическими фразами проглядывается недовольство, которое было чревато осложнениями во франко-русских отношениях. Но пока Наполеон стремился сохранять, по крайней мере, внешние приличия и хотя бы видимость продолжения союза.

Депеша Коленкура об окончательном отказе была послана 18 февраля и прибыла в Париж в начале марта. Этот новый укол, новый удар по самолюбию Наполеона и достоинству его империи вызвал нескрываемое раздражение и положил начало эволюции воззрений императора французов на политическую будущность Европы.

Сохранилось очень интересное свидетельство об изменении настроения императора в эти дни. Это свидетельство исходит от уже хорошо известного нам Александра Чернышёва. Красавец офицер прибыл в Париж с очередной дипломатической миссией где-то около 20 февраля. В своём рапорте Румянцеву от 23 февраля он отмечает любезный приём со стороны Наполеона, который принял его во дворце тотчас по прибытии во французскую столицу. Наполеон

ничего не говорил Чернышёву о своих матримониальных проектах. Во-первых, потому, что ко времени приезда русского адъютанта уже было принято решение о бракосочетании с австрийской эрцгерцогиней, а во-вторых, потому, что миссия Коленкура была тайной, и Наполеон вообще не хотел, чтобы кто-то знал о его неудавшемся сватовстве.

Через несколько дней после своего приезда в Париж русский офицер узнал о том, что готовится большой парад, и он высказал гофмаршалу Дюроку своё желание присутствовать на параде: «Вечером того же дня, — пишет Чернышёв, — я получил от Его Светлости (*Дюрока*) письмо, в котором он объявлял мне, что император приказал включить меня в список особ, которые будут сопровождать его на парад, и для этого мне будет приготовлен конь из придворной конюшни, чтоб сопровождать Его Величество, честь, которая до этого не оказывалась ни одному человеку, даже маршалам Франции»¹⁶.

Однако, когда русский офицер, приятно удивлённый такими великими почестями, которые в его лице Наполеон хотел воздать России, прибыл на парад, ему сообщили, что император передумал, что подобное не предусматривается правилами, и что ему предлагается смотреть парад с другими почётными гостями с балкона императорского дворца.

Блестящий парад состоялся 11 марта 1810 г. Депеша Коленкура прибыла во французскую столицу буквально накануне. Можно легко усмотреть связь между отказом в экстраординарных почестях для русского офицера с ответом царя. Отныне у Наполеона не было никакого интереса выказывать необычайное почтение державе, от которой он только что получил пощёчину, хотя и «мягкую», облачённую в вежливые формы, но всё-таки пощёчину. Русско-французский союз на этом фактически перестал реально существовать...

Переговоры о бракосочетании Марии-Луизы, как, собственно, и все события, сопутствующие этой свадьбе, прохо-

дили со скоростью форсированных маршей Великой Армии. Едва 7 февраля 1810 г. посол Шварценберг подписал предварительный договор о согласии на бракосочетание эрцгерцогини, как одобрение императора Франца было получено, и уже 27 марта 1810 г. юная Мария-Луиза была встречена в Компьене своим царственным женихом. Той же ночью она была в объятиях Наполеона. Через четыре дня, 1 апреля, в Сен-Клу состоялась церемония гражданского бракосочетания, а на следующий день, 2 апреля 1810 г., как и обещал Наполеон, обращаясь к своему совету, юная императрица «въехала в Париж под триумфальной аркой», и в середине дня в Лувре состоялась церемония церковного бракосочетания, завершившаяся пышным банкетом.

Празднества ослепляли своей роскошью. Карета императрицы, настоящее произведение искусства из золота и стекла, катилась по Елисейским Полям и площади Конкорд в окружении генералов в раззолоченных мундирах, сопровождаемая тысячами конных гвардейцев в меховых шапках, увенчанных пышными султанами, в сверкающих касках, под звуки труб и грохот литавр. Казалось, триумф был полным, однако бывшие республиканцы без бурного энтузиазма наблюдали эту картину. Государственный советник Тибодо не пожелал даже присутствовать в парадной галерее Лувра на церковной церемонии: «Туда пошла моя жена, — вспоминает он, — а я предпочёл остаться свободным среди уличной толпы. Я встал на Елисейских Полях, ожидая проезда императорского картежа. Он был действительно великолепен. Я прохаживался среди людей, которых привлекло исключительно любопытство. Народ не выражал ни энтузиазма, ни радости»¹⁷.

Рапорт парижской полиции, написанный в это время, отмечает, что население «сохраняет сильное предубеждение против австрийской принцессы». Зато поляки, жившие в Париже, ликовали. Также в донесении полиции говорилось:

«В подготовляющемся крупном событии поляки инстинктивно чувствуют будущее восстановление Польского королевства. Восстановление Польши настолько кажется им в интересах Франции, что для них оно почти не подлежит сомнению. Одна эта надежда мало-помалу возвращает императору много поляков, которых заявление министра внутренних дел с трибуны Законодательного Корпуса оттолкнуло от него»¹⁸.

Радость царила также и в салонах старой французской знати, которая не могла не наблюдать с восторгом, как в столицу с триумфом приходит в качестве государыни племянница королевы Марии-Антуанетты. Нужно заметить, что несомненным успехом бракосочетания Наполеона с Марией-Луизой стала окончательная победа над фрондой аристократии. Отныне почти все семьи знати Старого порядка постепенно перейдут на службу императорскому режиму.

Однако местом, где бракосочетание Наполеона и эрцгерцогини вызвало настоящую бурю восторга, была Вена. Австрийские элиты восприняли известие о свадьбе Марии-Луизы и французского императора как знамение того, что австрийская монархия нашла успешный способ преодолеть свои несчастья, что опасность, тяготевшая над короной Габсбургов, отныне исчезла. Французский посол в Вене докладывал о настроениях в городе в это время: «Все поздравляли друг друга, все потеряли головы. Город принял праздничный вид; стечение публики в увеселительных и общественных местах было громадно. Венцы вспомнили старую привычку собираться в концертных и балльных залах и под звуки оркестра пирушками и тостами праздновали радостное событие...» Наконец, что совершенно удивительно, ликовали офицеры австрийской армии: «Храбрая, но неудачливая армия, которой надоело постоянно проигрывать, жаждала случая одержать победу — хотя бы за счёт старых союзников — и возымела желание выместить на

России нанесённые ей Францией поражения. Австрийские офицеры заходили к нашим (*французским*) оставшимся в Вене офицерам и говорили: „Сделайте так, чтобы мы могли сражаться рядом с вами, и вы увидите, что мы покажем себя достойными этого“. От русских, которых до сих пор носили на руках, не ускользнули бестактные намёки и враждебные выходки австрийцев. Не скрывая своего удивления, они с горечью говорили: „Ещё несколько дней тому назад мы были в Вене в большом почёте. Теперь обожают французов, и все поголовно хотят воевать с нами“»¹⁹.

В современной исторической литературе бракосочетанию Марии-Луизы и Наполеона отводится второстепенная роль. В «серьёзных» политических трудах, где очень много говорится об экономике, финансах и администрации, подобным мелочам посвящают лишь пару строчек. Вполне понятно, что для современного человека, привыкшего видеть в окружающей повседневной и политической жизни подавляющее влияние экономических факторов, это вполне естественно. Однако мы говорим о наполеоновской эпохе. Вне всякого сомнения, как для классической монархии, так и для воинской империи Наполеона матримониальные вопросы играли куда более важную роль, чем они играют в политике современных государств. Бракосочетание Марии-Луизы и Наполеона было далеко не просто курьёзным событием «малой истории», оно явилось важнейшим этапом в становлении новой концепции государства и всего видения европейской политики императором. Если до февраля 1810 г. Наполеон, так или иначе, мыслил всю свою внешнюю политику как действия на европейской арене совместно с союзником, которого он видел в Российской империи, и даже войны 1805—1807 гг. не могли повлиять на это видение европейской политики. Наполеон считал эти войны недоразумением, не соответствующим геополитическим интересам обоих государств. Однако многочисленные

действия Александра I на внешнеполитической арене, и особенно поведение России в ходе кампании 1809 г., вызвали охлаждение союза. Заключение австрийского брака поставило на нём окончательный крест.

Действительно, что могло бы помешать Александру I выдать свою сестру замуж за императора Франции, если бы царь действительно желал мира? Брачный союз с могущественной империей никак нельзя было назвать мезальянсом по отношению, скажем, к браку великой княжны Екатерины с прыщавым Георгом Ольденбургским! Никто не заставлял царя при этом подчинять политику России политике Французской империи. Он мог и должен был вести политику в интересах своей страны, но неужели российским интересам помешала бы русская императрица величайшего государства тогдашней Европы, или, говоря современным языком, наличие сильнейшего «русского лобби» при французском дворе?! Её присутствие на французском троне при том уважении, которое Наполеон испытывал к брачным узам, фактически означало бы гарантию того, что войны между Россией и Францией не будет. Отныне можно было бы спорить, даже ругаться, но сложно в этом случае представить себе, чтобы Наполеон отдал приказ начать войну против своего шурина!

Отказывая Наполеону в руке своей сестры, Александр толкал императора французов на союз с Австрией и на поддержку поляков; следовательно, это была сознательная провокация, направленная на разжигание военного конфликта.

Действительно, от концепции русско-французского союза в 1810—1811 гг. Наполеон переходит к концепции единой Европы, подчинённой его скипетру. Некой огромной федеративной империи, где сохраняются независимые государства, в которых люди говорят на своих родных языках. Однако эти государства объединяются общим военным и экономическим союзом, ну и, разумеется, главой этой

огромной федеративной монархии является лично он сам, Наполеон, старавшийся отныне подражать императору Траяну и Карлу Великому. В этой объединённой под единым скипетром Европе не было места России. Она из потенциального друга превратилась в потенциального противника. При этом на границе этого потенциального противника существовало небольшое польское государство, целиком и полностью преданное Наполеону, герцогство, элиты которого были одержимы идеей войны с русской империей, мечтой об отмщении за потерянные когда-то земли и независимость, за кровь и унижения.

Конфликта ещё не было, но все его компоненты уже были налицо. Первый канцлер империи Камбасерес якобы сказал, говоря о значении брака Наполеона и Марии-Луизы: «Я уверен, что через два года у нас будет война с той монархией, на принцессе которой император не женится. Война с Австрией меня совершенно не пугает, а вот от перспективы войны с Россией я содрогаюсь — её последствия могут быть непредсказуемыми»²⁰. Известно, что подобные предсказания обычно делаются задним числом, но, даже если это так, фраза, заимствованная из мемуаров Паскье, без сомнения, отражает чувства, которые испытали многие информированные политики Франции в ту эпоху.

* * *

Одновременно с событиями политического характера в 1810 г. обострились противоречия совершенно другого плана. Речь идёт о континентальной блокаде, о которой мы начали говорить в третьей главе. Сразу отметим, что эта книга не ставит задачу выяснения всех экономических проблем, которые определяли историю Европы в начале XIX в. Нас интересует лишь то, что напрямую влияло на русско-французские отношения, то, что послужило, как считают

многие историки, одной из причин военного конфликта. Поэтому ракурс, в котором здесь рассматривается континентальная блокада,— это исключительно его значение для отношений между империями.

Тем не менее несколько слов о континентальной блокаде как таковой. Выше уже отмечалось, что континентальная блокада привела к огромным политическим последствиям, её же экономический результат для Англии оказался не особенно значительным в связи с тем, что только часть британского экспорта направлялась в Европу. Но, впрочем, даже и эту меньшую часть английского товарооборота Наполеону не удалось полностью пресечь уже хотя бы вследствие огромного пространства береговой линии Европы.

Результаты действия континентальной блокады на британскую торговлю можно увидеть в нижеприведённой таблице.

Экспорт Великобритании (в тыс. фунтов) ²¹

	1805	1806	1807	1808	1809	1810	1811
Северная и Западная Европа	16 647	13 429	10 820	5432	14 575	13 858	3483
Португалия	2028	1778	1170	600	124	2229	6165
Испания	187	62	105	1117	3035	1744	1496
Гибралтар, Мальта, Сицилия	1574	2279	3325	6834	8456	6394	7393
США	11 447	12 866	12 098	5303	7461	11 218	1875
Америка (кроме США)	8557	11 888	11 354	18 173	19 834	17 684	12 844
Прочее (Азия, Африка...)	10 669	10 729	11 610	12 511	11 533	9576	10 684
Общее	51 109	53 029	50 483	49 970	66 018	62 702	43 940
Только Европа	20 436	17 547	15 421	13 983	27 190	24 225	18 537

Как видно из таблицы, жёсткое применение континентальной блокады позволило в 1808—1811 гг. серьёзно снизить английскую торговлю с Европой, а в 1811 г. в связи с осложнением отношений Англии и США значительно снизился и общий объём британской торговли. С другой стороны, видно, что результаты были далеки от абсолюта. Если бы наполеоновская Европа обладала перевесом в морских силах или хотя бы их балансом с силами Великобритании, блокада могла бы стать очень эффективной и быстро заставила бы британскую олигархию сесть за стол переговоров. Впрочем, тогда блокада и не потребовалась бы, так как англичане не могли бы вести себя с подобной степенью дерзости и самоуверенности, с какой они действовали, имея подавляющее превосходство сил на морях.

Огромную роль в истории континентальной блокады, как и в истории всей наполеоновской империи, сыграла война в Испании. Из таблицы видно, что, выполняя требования Наполеона, Испания до начала там военных операций практически не торговала с англичанами; более того, купцы с берегов туманного Альбиона не получали доступ и к латиноамериканским владениям испанцев. С началом войны в Испании поток английских товаров хлынул на Пиренеи и в испанские владения в Америке, что стало серьёзной дырой в блокаде. Таким образом, начав испанскую авантюру с надеждой нанести экономический удар Англии, Наполеон добился прямо противоположного эффекта, открыв огромные рынки сбыта и источники сырья для английской продукции.

В результате блокада больше всего была по европейским потребителям и частично — по производителям. Наполеону приходилось прибегать к всё более жёстким мерам для того, чтобы пресечь контрабанду английских товаров. Эти меры приводили к удорожанию предметов потребления, к которым уже привыкли европейцы, прежде всего так назы-

ваемых «колониальных товаров»: сахара, кофе, табака, красителей. Поднялись цены и на продукцию английских мануфактур: высококачественное сукно, металлоизделия.

Наполеоновские таможи, установленные на севере Германии и на юге Италии, не могли сдерживать огромный поток контрабанды. Кроме того, как легко можно догадаться, гигантские барыши, которые извлекали торговцы из удачных операций по продаже запрещённых товаров, позволяли давать огромные взятки. В результате, несмотря на все жёсткие меры императора и таких его ближайших помощников, как маршал Даву в Гамбурге или генерал Рапп в Данциге, расцвела коррупция, которая была совершенно не характерна для наполеоновского государства как такового. Но здесь размер взяток был столь велик, а услуга, которую за них просили, — столь «невинна», что мало кто мог удержаться от соблазна. Действительно, ведь речь шла не о том, чтобы за деньги отпустить опасного преступника, а всего лишь о том, чтобы закрыть глаза на ввоз какой-нибудь сотни мешков кофе, которого так заждались несчастные горожане. Комиссар полиции итальянского порта Ливорно писал в своём рапорте: «Как помешать, чтобы служащий, получающий в месяц 40 франков, на которые он едва может жить, оказавшись наедине на посту, отказался бы от 200—300 франков за то, чтобы он всего лишь сделал вид, что спит полчаса в нужный момент?»²²

В результате нельзя было сказать, что блокада не влияла на английскую промышленность и английские власти, просто ее воздействие стоило совершенно несоизмеримых усилий и потерь.

Действительно, в Англии в 1810—1811 гг. разразился сильнейший экономический кризис. В 1810 г. обанкротился банк Бриквуд, что вызвало волну банкротств провинциальных банков. Наконец, крах банка Гольдсмита и самоубийство его владельца посеяли настоящую панику на бирже. Только за 1810 г. произошло 1799 банкротств. Кри-

зис финансовой системы повлѣк за собой депрессию, которую испытывала английская индустрия в 1811—1812 гг. Плохой урожай во всей Европе в 1811 г. тяжело отразился на положении рабочего класса. Первые существенные беспорядки разразились в феврале 1811 г. в районе Ноттингема. Во многих промышленных городах: в Манчестере, Лидсе, Шеффилде и Бирмингеме — вспыхнули восстания рабочих, которые пришлось подавлять силой оружия.

Однако, чтобы достичь этого эффекта, Наполеону потребовалось постоянно донимать европейского потребителя, способствовать росту оппозиционных настроений и раздражению во всей наполеоновской Европе, и даже в самой Франции, портовые города которой пережили столь большие экономические сложности, что не оправались от них даже после падения империи.

Одновременно на континентальной блокаде сфокусировалось недовольство русско-французским союзом со стороны российских элит. К сожалению, настоящих глубоких современных исследований на этот счёт нет. Существуют лишь два крупных научных труда, основывающихся на большом массиве архивных документов, о влиянии континентальной блокады на Россию. Это глава большой работы, написанной академиком Евгением Тарле о континентальной блокаде, и очень серьёзное исследование Михаила Злотникова «Континентальная блокада и Россия». Однако оба эти произведения написаны были давно. Монография Тарле появилась в 1913 г., а работа Злотникова написана была в промежутке между двумя мировыми войнами и увидела свет только в 1966 г., и к тому же в «отредактированном» советской цензурой варианте. Самая интересная часть работы Злотникова о воздействии континентальной блокады на русскую промышленность так и осталась пылиться где-то в виде рукописи. Обе эти работы, несмотря на их значимость, сильно устарели, а некоторые подходы, навязанные марк-

систско-ленинской методологией, могут вызвать сейчас разве что улыбку. Всё остальное, появившееся позже, лишь перепевы этих двух фундаментальных трудов на разный лад.

Нет сомнения, что, посвятив работу военным и политическим аспектам франко-русского противостояния в эти годы, автор не мог столь же подробно разработать вопрос, для полного изучения которого на основе русских, французских, английских, немецких, шведских, американских источников потребовались бы десятки лет. Тем не менее некоторые выводы, которые можно сделать на основе имеющихся материалов, необходимо привести на страницах этой книги.

Очевидно, что закрытие русских портов для кораблей под британским флагом не могло не вызвать резкого уменьшения внешнеторгового оборота России. Действительно, Англия была главным зарубежным партнёром для русских купцов. Русский экспорт в 1799 г. равнялся 69 000 810 руб., а импорт — 46 635 639 руб. Из этого количества английские подданные вывезли на 36 602 424 руб. товаров (53% от общего количества), привезли товаров на 8 334 981 руб. (17,9%).

За 1802—1804 гг. в русские порты пришло 7530 судов, из них:

Английских	2100
Русских	697
Прусских	681
Австрийских	428
Шведских	835
Датских	713
Турецких	732
Голландских	342
Американских	143
Французских	25
Испанских	20
Португальских	18 ²³

Англия, прежде всего, импортировала из России хлеб, строительный лес, пеньку и сало. Экспортировала в Рос-

сию «колониальные товары», шерстяные изделия, предметы роскоши и т. д. Иначе говоря, англичане потребляли главные продукты производства крупных помещичьих хозяйств, а обеспечивали предметы потребления для тех же помещиков и верхушки российской буржуазии.

Исходя из приведённых цифр, понятно, что разрыв отношений с первейшим торговым партнёром не мог не вызвать серьёзных осложнений как для российской торговли, так и для отдельных секторов производства. Тем более что прекращение отношений с Англией означало не только отсутствие доступа в российские порты английских кораблей, но и значительное снижение потока нейтральных судов, подвергавшихся отныне пиратским нападениям британского флота. В результате общий торговый оборот значительно сократился, его параметры приведены в таблице ниже.

Годы	Оборот торговли (в млн руб. серебром)		
	Морской	Сухопутный	Суммарный
Среднее за 1802—1806	69,1	12,8	81,9
1807	50,7	6,5	57,2
1808	17,4	18,9	36,3
1809	34,4	10,6	45
1812	43,1	14,7	57,8

Видно, сколь сильно повлияла континентальная блокада на русскую торговлю, общий объём которой в 1808 г. (в период самого строгого применения правил блокады в России) сократился более чем в два раза, причём объём морской торговли — почти в четыре раза!

В России, как и в других странах, континентальная блокада сопровождалась конфискацией товаров, признанных английскими, а также конфискацией самих торговых судов.

Однако, применяя правила континентальной блокады, русское правительство старалось действовать по возможности мягко. За 1808 г., по неполным сведениям, был конфискован только один корабль и грузы четырёх кораблей, восемь торговых кораблей было выслано. В 1809 г. было конфисковано 25 кораблей и грузы 26 кораблей. Зная обычаи русского чиновничества, можно легко догадаться, что мягкость применения правил континентальной блокады не обходилась без щедрых «пожертвований» со стороны заинтересованных лиц. В общем, континентальная блокада означала для России значительный упадок торговли, новые чиновничьи притеснения и поборы.

Купцы жаловались, подавали апелляции, судились, тем более что во многих случаях происхождение груза было очень сложно установить. Почти все корабли плавали под флагами нейтральных держав, их команды были интернациональными (кстати, по правилам, установленным в этот момент в России, корабль признавался неприятельским, только если более трети команды принадлежало неприятельской державе). Так как в порту не устраивали экзамен по владению языком, корабль английских судовладельцев, где и почти вся команда, и груз были английскими, но который пришёл под каким-нибудь паппенбургским флагом и судовые документы которого указывали, что идёт он из Рио-де-Жанейро, вполне мог разгрузиться в Петербурге и, приняв на борт товар, уйти обратно в Лондон. Разумеется, при условии небольших «пожертвований» на пропитание несчастного начальника таможни.

Конечно, официальные архивы умалчивают о том, кому и сколько давали, а кому не давали. Зато в личных документах можно найти интересные сведения. Так, в неопубликованной части дневника генерала Д. М. Волконского есть запись от 25 февраля 1809 г., где он указывает, что негодичант Тависон заявил ему: «Мнимое пресечение коммерции

идёт не купцам, а покупающим во вред, ибо он сам 20 000 (рублей) подарил таможенному за пропуск корабля с английскими товарами, кои перештемпелевали подложно все прусскими»²⁴.

Судовые документы проверяли, перепроверяли, дела переходили от одного чиновника к другому и доходили даже и до Госсовета, а то и до самого императора. «Указ, изданный 14 мая 1809 г., налагал обязанность на корабельщиков доказывать нейтральную собственность рядом документов. На кораблях должны быть предъявлены паспорт, корабельная крепость*, экипажный список и корабельный журнал; на груз — сертепартия**, коносамент***, декларация шкипера, свидетельство о происхождении товара, если груз весь или частью принадлежит корабельщику, и фактура, если корабль пришёл из Америки и Индии. В случае отсутствия какого-либо из указанных документов корабль высылается из порта без разгрузки»²⁵.

В качестве примера можно привести одно из рядовых дел такого типа. В июне 1810 г. в Кронштадт прибыл русский корабль «Святой Михаил» с грузом из 126 бочек сахара. Шкипер Герцберг заявил, что прибыл из Стокгольма, и предъявил документы, подтверждающие, что сахар шведского производства. Однако выяснилось, что у шкипера были две английские лицензии, которые говорили о том, что сахар был привезён из Лондона на английском корабле «Кити». На этом же судне были доставлены 30 ящиков индиго. Индиго было оставлено в Стокгольме, а сахар направлен в Россию. Напрасно купец Гольм (поверенный шкипера) доказывал,

* *Корабельная крепость* — документ, утверждающий право собственности на корабль.

** *Сертепартия* — страховой полис или договор между хозяином корабля и хозяином груза.

*** *Коносамент* — документ, выдаваемый перевозчиком груза грузоповладельцу. Удостоверяет право собственности на отгруженный товар.

что покрытие груза английскими лицензиями было вынужденной необходимостью, чтобы обеспечить российскую собственность от захвата англичанами. Комиссия постановила конфисковать сахар, а судно отпустить с русским грузом. Дело разбиралось далее в Госсовете. Большее количество членов Госсовета признали обвинение шкипера Герцберга в провозе неприятельского груза доказанным. Постановление о конфискации было оставлено в силе.

Самым крупным делом по поводу конфискации груза является дело о так называемой «тенерифской экспедиции». В начале навигации 1810 г. в русские порты пришло необычно большое количество кораблей с Канарских островов — 75! Большая часть из них прибыла в рижский порт, остальные — в Петербург и Архангельск. Такой наплыв судов с Канарских островов вызвал подозрения таможенников. Проверка документов, предъявленных шкиперами, показала, что бумаги были явно грубой подделкой: там встречались грамматические ошибки, подписи одних и тех же чиновников выглядели по-разному, да и вообще, по ним получалось, что Тенерифом одновременно управляют два губернатора. Кроме того, товары, которые везли суда: свинец, олово и жечь, — обычно приходили в Россию из Англии. В конечном итоге выяснилось, что все корабли так называемой «тенерифской экспедиции» вышли в основном из Лондона, Ярмута и других английских портов и шли через Зунд под британским военным конвоем. В результате комиссия постановила конфисковать грузы 63 кораблей, а 4 судна были оставлены под секвестром.

Нетрудно догадаться, что результатом подобных конфискации было, как уже отмечалось, сильное сокращение торгового оборота, и как следствие — жалобы купцов и недовольство значительной части знати. Однако было бы явно неправильным изображать эту ситуацию как всеобщее дружное осуждение континентальной системы. Многие из-

вестные русские политические деятели считали, что блокада — это заслуженное наказание англичанам за их наглое и эгоистичное поведение в отношении морской торговли других держав. Вот, в частности, что писал военный министр адмирал Павел Васильевич Чичагов Александру I: «Они (*англичане*) считают, что это он (*Наполеон*) разоряет и опустошает мир, ибо всё, что их не устраивает, приносит вред миру, в спасении которого англичане, как известно, так живо заинтересованы... Они уже хозяйничают в Балтийском море, не посчитавшись ни с кем и ни с чем, кроме своей воли. Английские фрегаты патрулируют в этом море, и никто не решается спросить, по какому праву... Одним словом, они командуют и распоряжаются в водной стихии, не соблюдая никаких внешних форм и приличий, не считая нужным отдавать отчёт в своих действиях кому бы то ни было... и в наше время англичане в течение 15 лет держали в подчинении весь континент, за исключением Франции, и распродали его в розницу ради собственной выгоды»²⁶.

А вот что писал царю Василий Назарович Каразин — русский и украинский учёный, инженер и общественный деятель, просветитель, основатель Харьковского университета, инициатор создания Министерства народного просвещения Российской империи: «Россия в нынешних обстоятельствах не может оставаться в двусмысленном отношении к Англии. Коль скоро мы единожды уже сблизились с коренным её неприятелем, надлежит действовать, надлежит ему помочь привести в должные пределы купеческую эту державу, которая недавно ещё, подобно как и пред сим в 1800 году, показала, что у неё нет ничего священного, и что если она когда-либо наружно и чтит наше правительство, то без всяких искренних чувств, а как орудие только своей личной, *тогодневной*, можно сказать, корысти... Извлечём всю возможную пользу из мира нашего с Наполеоном, мира, приобретённого столь дорогою ценою!

Упрочим себе навсегда мир сей. С другой стороны, поставим себя в безопасности от морско-разбойнических предприятий Англии»²⁷.

Континентальная блокада наносила ущерб внешней торговле, это очевидно, но явный перебор — делать на этом основании заключение, что вся Россия только и делала, что стонала и плакала по поводу стеснений континентальной блокады. Хотелось бы напомнить, что экономика России того времени резко отличалась от современной. Основная масса товаров, которые выпускали и которыми торговали, предназначалась для внутреннего потребления. Более того, многие производители и торговцы испытывали жесточайшую конкуренцию со стороны английских товаров и никак не могли переживать от того, что они временно прекратили поступать на российский рынок.

Вот личные наблюдения малороссийского купца: «С 1807 г. после Тильзитского мира правительством запрещен был ввоз большей части заморских товаров, потребность в коих заменили русские, чрез что торговля украинская начала увеличиваться и с 1807 года по 1812 год приняла довольно обширный размер. С сего времени началось и мое непосредственное влияние на дело. В 1808 году, на Ильинскую, в первый раз было товаров наших вывезено на 50 тысяч, а прежде бывало на 20 и 25 тысяч»²⁸.

Возьмём Москву и Московскую губернию. В подробном «Статистическом описании Московской губернии 1811 г.», по иронии судьбы вышедшем в свет в древней столице России в начале 1812 г., буквально накануне войны, мы напрасно будем искать сетования по поводу ужасного воздействия континентальной системы. Напротив, о континентальной блокаде и о её воздействии на торговлю и промышленность Москвы нет ни слова. Вот что можно прочесть о торговле московского купечества: «Получаемые из чужих краёв товары, кроме продажи оных в столи-

це, отпускаются на великие суммы в другие города Российской империи и на знатной ярмарке в государстве. Самый большой и прибыточный торг с Китаем, откуда привозят чай, бумажные и шёлковые материи, китайку*, сырец-шёлк, фарфор и проч... Внутренняя московская торговля простирается на многие миллионы, чему много способствует местоположение столицы, ибо она находится почти внутри России; почему и товары свободно доставляются из всех областей пространной империи»²⁹.

Интересно, что автор никак не переживает из-за отсутствия возможности продавать зерно в Англии. Почему? Очень просто: «Хлебопашество, хотя есть и первое их (*крестьян Московской губернии*) упражнение, но оно по причине малоземельности и плохого плодородия земли не может доставлять всех пособий к их благосостоянию»³⁰. Далее автор указывает, что ежегодно привозится «знатное количество хлеба из смежных хлебородных губерний».

Вообще, если перечислить существующие в Москве накануне войны 1812 г. фабрики и производства, можно увидеть, что все они ориентированы исключительно на внутренний рынок. Вот список и количество основных из них:

- 64 шёлковых фабрики;
- 17 ленточных;
- 27 ситцевых;
- 23 суконных;
- 1 чулочная;
- 2 бумажнобойных;
- 5 шляпных;
- 1 китаечная;
- 1 скатертная;
- 1 бумажнотканная;
- 2 кушачных.

* *Китайка* — первоначально шёлковая, затем хлопчатобумажная лёгкая ткань, производившаяся в Китае и ввозившаяся в Россию в XVIII — начале XIX века. В начале XIX века импорт был заменён отечественным производством.

Производства и мастерские:

- 1 сундучное;
- 49 кожевенных;
- 60 пивоваренных;
- 4 клейных;
- 2 пуговичных;
- 9 проволочных;
- 2 мишурных;
- 6 сусальных;
- 3 канительных;
- 2 латунных;
- 3 меднопосудных;
- 23 кирпичных;
- 7 войлочных;
- 4 солодовенных;
- 1 сургучное;
- 1 мыльное;
- 6 медных;
- 2 колокольных;
- 1 водочный завод.

Как указывает автор статистического описания, продукция всех этих производств находила сбыт в Москве и близости от неё. Так же было и во многих других регионах Российской империи, за исключением, естественно, крупных портовых городов, где производство и потребление было связано с морским экспортом. Неслучайно поэтому результатом континентальной блокады для многих отраслей русского производства и внутренней торговли стала защита их от английской конкуренции.

Уже в 1805 году московское купечество общественным приговором от 20 июня просило императора ввести протекционистские меры с целью ограничения иностранной торговли, которая «причиняет российским купцам великое в торговле помешательство»³¹.

Более того, у московских купцов вызвал беспокойство как раз отказ от запретительной системы на ввоз английских товаров накануне войны 1812 г. В своем ходатайстве, направленном в Министерство внутренних дел, купцы отмечали, что

«Россия есть такое государство в Европе, которое богатством собственных произведений, нужнейших в жизни, далеко превосходит прочие державы», и только конкуренция со стороны иностранцев мешает развитию российского производства. Если же в России будут создаваться фабрики, то благодаря собственному производству товаров страна «в чужестранных не будет иметь ни малейшей надобности...». В ходатайстве звучала также просьба о запрещении ввоза бумажного полотна, которая была внесена в статьи тарифа 1811 года. Купцы писали, что полотно отечественного производства ничуть не уступает по качеству иностранным аналогам.³²

В результате действия протекционистских мер в России за период противостояния с Англией появилось много фабрик и заводов, а существующие увеличили своё производство.

Известный специалист по статистике Российской империи Е. Зябловский приводит в своём «Статистическом описании Российской империи» (1815 г.) следующие данные по росту российского производства в период континентальной блокады. Количество суконных фабрик в 1804 г. составляло 155 (28 689 рабочих), а в 1811 г. их стало 209 (36 547 рабочих). Производство шёлка, которое с началом континентальной блокады несколько упало, затем быстро стало расти. Если в 1807 г. производилось 193 пуда шёлка, то в 1809 г.— 220, а в 1811 г.— 505.³³ Особенно же отмечает автор бурный рост пивоваренной продукции, фарфоровых, фаянсовых и сургучных заводов.

Общее же количество фабрик и заводов в 1804 г. составляло 2423 (численность рабочих 95 202). В 1814 г. их стало 3721 (количество рабочих 169 530).³⁴

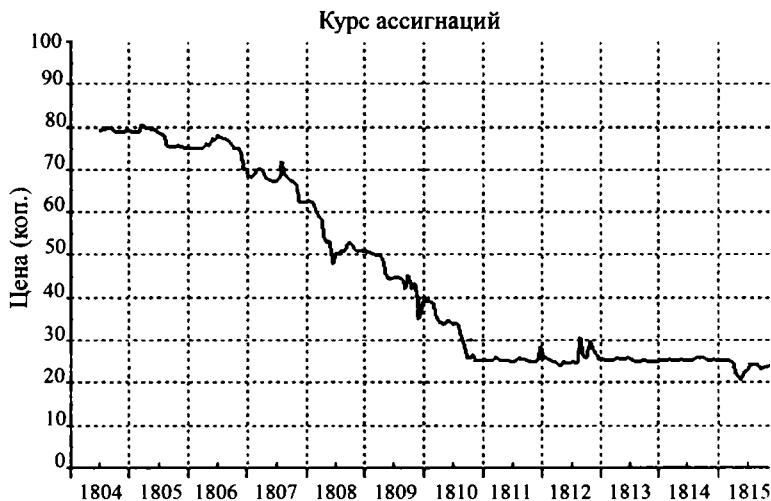
Естественно, что были и те, кто переживал затруднения, однако общий вектор был явно направлен в сторону развития русских фабрик, заводов и мануфактур.

Те историки, которые желают создать образ чудовищной континентальной блокады, разорявшей Россию, обяза-

тельно отмечают гигантскую инфляцию, которую пережила страна в эти годы. Действительно, русский бумажный рубль в 1805—1810 гг. неуклонно падал. Вот таблица, показывающая изменение курса ассигнаций по отношению к серебряным деньгам*:

1804	79,05 серебряных копеек
1805	78,74
1806	77,82
1807	67,11
1808	50,25
1809	44,64
1810	33,78
1811	24,81
1812	24,75

Более наглядно и подробно изменение курса показано на приведённом ниже графике:

Динамика курса российских ассигнаций

* Курс дан по состоянию на июнь месяц каждого из годов.

Казалось бы, эти цифры безапелляционны, ибо покупательная способность бумажных денег касалась самых широких слоёв населения, и получается, что континентальная блокада была страшным бичом, разорвавшим Россию...

Только вот незадача, никакого (или, точнее, почти никакого) отношения к континентальной блокаде это падение курса не имело. Известный специалист конца XIX — начала XX вв. в области российского денежного обращения Илларион Игнатьевич Кауфман в своём монументальном труде «Из истории бумажных денег России», подробно объясняя причины падения курса бумажного рубля, даже не упоминает континентальную блокаду!

Какова же причина огромной инфляции? А причина очень простая — громадная денежная эмиссия, которая производилась в эпоху Александра I. Начиная с 1805 г. бумажные деньги стали печатать тоннами.

В первые годы правления Екатерины в год печатали от 0,5 до 5 млн рублей ассигнациями, и потому курс бумажных денег был очень надёжен, а бумажный рубль по покупательной способности почти равнялся серебряному. Но значительная денежная эмиссия во второй период правления Екатерины, а также частично в эпоху правления Павла I привела к существенному падению курса русской валюты. В начале правления Александра I эмиссия также была очень осторожной, но с началом войн с Наполеоном плотину прорвало. Вот таблица, показывающая денежную эмиссию и количество денежных купюр, находившихся в обращении в интересующую нас эпоху:

Год	Выпущено рублей	Состояло в обращении
1801	8 799 000	221 488 335
1802	8 976 090	230 464 425
1803	19 535 575	250 000 000
1804	10 658 550	260 640 550
1805	31 540 560	292 199 110

Год	Выпущено рублей	Состояло в обращении
1806	27 040 850	319 239 960
1807	63 089 545	382 329 505
1808	95 039 075	477 368 580
1809	55 832 720	533 201 300
1810	46 172 580	579 373 880 ³⁵

Действительно, эта таблица не оставляет сомнений в происхождении инфляции. При чём тут континентальная блокада, когда за 1808 г. было отпечатано чуть ли не 100 млн рублей ассигнациями, в то время как в 1786 г., в эпоху правления Екатерины, **всего состояло в обороте лишь 46 млн бумажных рублей!!** Интересно, что некоторые историки не желают видеть этих очевидных цифр и всё говорят о том, как Наполеон разорял Россию! Ни одно ещё государство в мире, которое возами печатало бумажные деньги, не получало иного результата, чем инфляция.

Один из русских историков, утверждая, что снижение курса было связано не с этой безумной эмиссией, а с континентальной блокадой, ссылается на то, что приведенный график имеет скачки, в то время как в случае инфляции от эмиссии график должен был бы, по его мнению, опускаться плавно. Не надо быть выдающимся экономистом, чтобы знать элементарную истину, которая заключается в том, что если курс, в общем и целом, зависит от денежной эмиссии, он может совершать небольшие, «в пределах погрешности», как говорят математики, колебания. Напомним, что ассигнации были бумагами, курс которых по отношению к драгоценным металлам определялся на бирже. Естественно, что курс бумаг мог совершать скачки в связи с различными спекулятивными операциями, плохими или хорошими известиями из экономической сферы и, в частности, с отдельными эпизодами континентальной блокады. Но речь идёт только о небольших, непринципиальных колебаниях как в ту, так и в другую сторону!

Что касается министра коммерции Н. П. Румянцева, он совершенно однозначно указывал причины падения курса ассигнаций в своей записке императору Александру: «...**понижение нашего курса отнюдь не по разрыву с Англией случилось, но по тем издержкам, которые, вероятно, потребовали скоропостижного умножения ассигнаций... единственная причина снижения наших ассигнаций произошла от несоразмерности выпуска оных, и обстоятельство сие, хотя бы и было более гадательно, нежели справедливо, но поведёт нас к неприятнейшим последствиям...**» ³⁶

Зачем же правительство выпускало столь много не обеспеченных ассигнаций? Здесь мы подходим к одной из важнейших тем данной главы. Действительно, александровская эпоха была отмечена бурным ростом расходной части бюджета. И куда же тратились эти деньги? А тратились они на военные расходы. Вот цифры по военным расходам России в это время:

Год	Военные расходы (в тыс. рублях ассигнациями)	Военные расходы (в тыс. руб. серебром, при условии перевода бумажных денег по курсу на март соотв. года)
1804	41 942	33 134
1805	43 184	34 115
1806	44 304	33 228
1807	63 402	44 381
1808	118 525	69 929
1809	112 279	56 139
1810	127 936	43 499
1811	122 414	31 827
1812	160 843	40 210

Как видно, наблюдается огромный рост расходов на армию в ассигнациях. Мы намеренно показали одновременно те же расходы при условии перевода ассигнаций по курсу в серебро. При переводе по курсу получается, что в 1811 г. военные расходы даже несколько сократились по отношению к

началу царствования. Зато по сравнению с предыдущими годами увеличение военного бюджета, как в ассигнациях, так и в серебре, просто гигантское. Напомним, что к концу правления Екатерины в 1796 г. годовой военный бюджет России составлял всего лишь 21 млн руб. (ассигнациями). В эпоху Павла он вырос, но всё равно к концу правления императора составлял всего лишь 33 млн руб. (ассигнациями). Очевидно, что, как ни меряй бюджет, он увеличился принципиально. Расходы производились за счёт печати новых и новых огромных партий бумажных денег и, следовательно, приводили к инфляции.

Результатом финансовой политики Александра стал жестокий кризис денежной системы, который впоследствии продолжался ещё очень долгое время. Только в годы правления Николая I, к 1840 г., Россия сможет выйти из этого положения и создать надёжный бумажный рубль, обменивавшийся на серебро и золото. Впрочем, и он позже будет разрушен чрезмерной эмиссией, но эта история далеко выходит за рамки нашего исследования.

Теперь несколько слов о финансовых потерях от континентальной блокады. Бюджет российского государства этого времени складывался всего лишь из нескольких значительных статей: подушная подать, питейный сбор, соляной сбор и таможенная пошлина. В приведённой ниже таблице указан бюджет российского государства в 1805—1811 гг. в ассигнациях (тыс. руб.).

Год	Подушная подать	Питейный сбор	Соляной сбор	Таможенный сбор	Всего налогов (асс.)	Всего налогов (сер.)
1805	44 846	26 151	6945	11 927	107 180	82 529
1806	44 080	26 347	6553	10 181	105 593	79 195
1807	44 454	34 634	882	9134	114 765	78 040
1808	48 408	34 203	664	5523	122 633	64 995
1809	52 597	35 631	8100	8428	133 877	60 245
1810	82 348	36 747	14 699	11 185	178 043	62 315
1811	80 645	75 374	16 452	15 828	232 795	58 199

Из таблицы видно, что для бюджета континентальная блокада обернулась потерями нескольких миллионов рублей таможенного сбора, однако при этом казна получила доход, продав конфискованные товары. Общая сумма продажи этих товаров за годы блокады составила 19 184 100 рублей, перекрыв, следовательно, убытки таможенного сбора. В любом случае потери от недобора таможи были невелики и в масштабах общего бюджета Российской империи представляли лишь малозначимую часть.

Оценивая результаты континентальной блокады для России, нужно, таким образом, отметить, что она не оказала катастрофического влияния ни на русскую экономику, ни на финансы. Зато, если она на что-то и повлияла, то это, без сомнения, материальное положение элит русского общества — придворной аристократии и высшей прослойки купечества. Необходимо помнить, что Россия того времени была страной, экономическая и политическая система которой принципиально отличалась от современной. Товарное зерно на рынке поставляли не крестьяне, а владельцы крупнейших помещичьих латифундий. Это зерно, а также другие сельскохозяйственные товары фактически изымались силой у крестьянина за счёт барщины и отработок. Поэтому для истинного производителя было глубоко безразлично, что дальше произойдет с этим зерном: продаст ли его барин богатому купцу, который затем перепродаст это другому, который в свою очередь отправит зерно на корабле в Англию, или же зерно останется в амбарах помещика — крестьянину было всё равно. Более того, может быть, последний вариант, при котором зерно оставалось внутри хозяйства и внутри страны, был для кого-то из крестьян более предпочтительным, ибо хоть как-то уменьшал помещичью эксплуатацию, целью которой была продажа зерна на внешнем рынке.

Равным образом нужно отметить, что морская торговля велась исключительно богатейшими купцами. Оплатить ог-

ромные издержки по транспортировке товаров за границу, застраховаться от огромных рисков, которые сопровождали морскую торговлю даже в мирное время, могли себе позволить только те, кто обладал свободными миллионами. В результате континентальная блокада наносила ущерб только богатейшим людям России — высшей аристократии, крупным купцам и банкирам. Производители и купцы, обслуживающие внутренний рынок, если и чувствовали какие-то последствия от блокады, то в основном положительные. Однако ясно, что до власти доходило именно мнение тех, на кого блокада влияла отрицательно, тем более что столица империи, Санкт-Петербург, была и крупнейшим портом, и крупнейшим банковским центром.

Неудивительно поэтому, что позиция придворной знати, которая либо продавала своё зерно за границу, либо занимала деньги у петербургских банкиров и негоциантов, становилась всё более и более враждебна франко-русскому союзу. В результате ненависть Александра I к французскому императору отныне могла опереться на серьёзную экономическую базу, а русская аристократия морально созрела для войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: Йена Д. Екатерина Павловна. Великая княжна, королева Вюртемберга. М., 2006, с. 65.
2. Великий князь Николай Михайлович. Переписка императора Александра I с сестрой великой княжной Екатериной Павловной. СПб., 1910, с. 18.
3. Цит. по: Йена Д. Екатерина Павловна. Великая княжна... с. 92.
4. Цит. по: Vandal A. *Négociations avec la Russie relatives au second mariage de Napoléon*. P., 1890, p. 10.
5. Великий князь Николай Михайлович. Переписка императора Александра I с сестрой... с. 85.
6. Цит. по: Vandal A. *Négociations avec la Russie...* p. 23.
7. Ibid, p. 16.
8. Цит. по: Vandal A. *Napoléon et Alexandre I, l'alliance russe sous le premier Empire*. Paris, 1893—1896, t. 2, p. 226—227.
9. Thibaudeau A.-C. *Memoires de A.-C. Thibaudeau 1799—1815*. Paris, 1913, p. 274—275.
10. Цит. по: Madelin L. *Histoire du Consulat et de L'Empire*. Paris, 1944, t. VIII, p. 227.
11. Цит. по: Vandal A. *Napoléon et Alexandre I...* t. 2, p. 256.
12. Ibid, p. 272—273.
13. Ibid, p. 278.
14. ГАРФ.
15. Великий князь Николай Михайлович (Романов). *Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона 1808—1812*. СПб., 1905—1914, т. 7, с. 99, 102.
16. Рукописный отдел РНБ, Ф 836, Чернышёв А.

17. Thibaudeau A.-C. Memoires... p. 278.
18. Цит. по: Vandal A. Napoléon et Alexandre I... t. 2, p. 293, 294.
19. Ibid, p. 293—294, 297.
20. Pasquier E.-D. Histoire de mon temps. Mémoires du chanclier Pasquier. Paris, 1893—1894, t. 1, p. 378.
21. Crouzet F. L'Economie britannique et le blocus continental. Paris, 1958.
22. Цит. по: Marzagalli S. Le Blocus continental pouvait-il réussir? В сборнике Napoléon et l'Europe. Paris, 2005, p. 109.
23. Злотников М. Континентальная блокада и Россия. М., Л., 1966, с. 24, 28.
24. Рукописный отдел РНБ, Ф 775 № 4806, Д. М. Волконский. Дневник.
25. Там же, с. 156.
26. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. М., 1963, т. 4, с. 46—49.
27. Там же, с. 84—45.
28. Цит. по: Анашко А. С. Отечественная война 1812 г. и московское купечество. М., 2011.
29. Чернов С. Статистическое описание Московской губернии 1811 г. М., 1812, с. 41.
30. Там же, с. 54—55.
31. Цит. по: Анашко А. С. Отечественная война 1812 г.
32. Там же.
33. Зябловский Е. Статистическое описание Российской империи в нынешнем её состоянии. СПб., 1815, ч. IV—V, с. 10, 167.
34. Ливрон В. Статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1874, с. 120.
35. Кауфман И. Из истории бумажных денег в России. СПб., 1909, с. 22—23.
36. Внешняя политика России... т. 5, с. 298—299.

ГЛАВА 8

Тревога на границе

События начала 1810 г. с нашумевшим бракосочетанием Наполеона на некоторое время перевели вопрос о конвенции по польскому вопросу на второй план. Однако в апреле 1810 г. в Париж пришёл новый вариант проекта соглашения, составленный по личному указанию Александра I. Русский посол должен был вручить этот проект Наполеону. В случае, если последний не желал ссориться с царём, он должен был принять конвенцию, не вычеркнув и не изменив ни одного слова.

Интересно, что, когда шёл обмен проектами договора, где Александр в жёсткой форме требовал от французского императора заявить, что Польша никогда не будет восстановлена, он пригласил к себе своего друга Адама Чарторыйского и вёл с ним беседы по польскому вопросу, смысл которых не имеет ничего общего с положениями конвенции. Князь оставил записи этих интереснейших бесед, кроме того, сохранились его письма, написанные царю в это время, как и письма Александра к князю. Поэтому замыслы, которые обсуждал в этот момент русский император, вполне поддаются реконструкции.

Первая беседа состоялась 12 ноября 1809 г. В этот момент уже начались дискуссии о конвенции по Польше, о чём Чарторыйский хорошо знал. Он выразил царю сожаления, что тот стал «главным врагом, главным преследователем польской нации и польского имени... и что он довёл свою

враждебность до того, что требует, чтобы имя Польши было стёрто из истории». На это Александр ответил, что его нельзя за это осуждать, что к этому вынуждает его положение главы Российской империи. Когда же князь, которого этот довод не убедил, обратился к царю с горьким упрёком, тот, как рассказывает Чарторыйский, стыдливо «опустил глаза».

«Разве есть что-нибудь более возмутительное, чем поведение трёх держав по отношению к Польше,— продолжал Чарторыйский.— Можно ли удивляться, что идея восстановить их страну воспламеняет поляков и объединяет их... Отныне никто не сомневается, что именно по требованию Вашего Величества, чтобы не воевать с Россией, Наполеон уступил в вопросе, в котором иначе бы он никогда не уступил... В то время как здесь открывают рот только для того, чтобы в очередной раз унижить поляков, он всеми обещаниями и лестью стирает недовольство, направленное против него... Император (*Александр*) ограничился тем, что ответил мне, что в случае войны с Францией он объявит себя польским королём, чтобы привлечь умы на свою сторону. Я ответил, что тогда будет слишком поздно, и, видя, что разговор и так уже долго тянется, не стал настаивать на его продолжении»¹.

Впрочем, эта беседа была только прелюдией. 26 декабря 1809 г. царь пригласил к себе Чарторыйского и опять заговорил с ним о польском вопросе. Князь снова поставил в укор своему царственному другу подготовку унижительной конвенции по отношению к Польше: «Император уклонился от ответа на мой вопрос и сказал мне просто-напросто, что дело обстоит не так, как я его себе воображаю». Чарторыйский, который когда-то был англофилом, снова принялся, как и в предыдущей беседе, объяснять царю, почему поляки восхищаются Наполеоном. Сам князь признался Александру: «Общее впечатление, произведённое на моих соотечественников фактом существования герцогства Варшавского, не могло не воздействовать и на меня. Я не

могу заставить себя не думать о моей стране... Мой брат, мои сёстры, вся моя семья живёт в этой новой стране. Я честно признаюсь Вашему Величеству, что именно поэтому я не хочу связывать себя какими-либо делами здесь».

Александр слушал князя в глубокой задумчивости, а потом «он, словно проснувшись, произнёс: „Нет ли какого-либо способа уладить всё это, например вернувшись к нашему старому проекту, а именно дать конституцию и независимость Польше, привязав её к российской короне. Нужно дождаться,— продолжал император,— чтобы Австрия сделала опять какую-нибудь глупость и вызвала новый разрыв с Францией, тогда можно было бы договориться с Наполеоном и дать компенсацию саксонскому королю“. Император добавил, что, возможно, неплохо было бы тогда начать с земель, которые принадлежат империи (*русской*), и принять титул великого князя Литовского»².

Эта беседа, как видно из даты, происходила в тот момент, когда Александр узнал от Коленкура о намерениях Наполеона жениться на его сестре. Без сомнения, царь понимал, что отказ осложнит отношения между странами, и что он чреват конфликтом. В этой ситуации он стремился найти выгодное для России решение польского вопроса. Интересно, что, обсуждая с Чарторыйским вопрос о восстановлении Польши, царь в самой жёсткой и безапелляционной форме требовал, чтобы Наполеон подписался под конвенцией, объявляющей о том, что Польша никогда не будет восстановлена.

Прошло ещё три месяца, и царь опять пригласил Чарторыйского к себе для беседы. В этот момент Александр только что узнал, что Наполеон женится на Марии-Луизе. Он прекрасно понимал, что отношения с Наполеоном станут ещё более натянутыми, и теперь он сознательно взял курс на конфронтацию. В будущем столкновении Польша должна была играть важнейшую роль. По мысли царя, русские войска должны были вступить на территорию Герцогства и

после этого провозгласить восстановление Польши под русским скипетром.

Князь рассказывает: «Император (*Александр*) объяснил мне тогда подробности своей идеи. Среди прочих проектов он поинтересовался, нельзя ли было бы имитировать войну с Герцогством, боевые действия были бы заранее обговорены. Потом русские войска вступили бы в Герцогство, соединились бы с польскими войсками и могли бы сражаться против французов. В этом случае, как он считал, все желания поляков были бы исполнены».

Князь не мог не изумиться этому странному проекту, в котором почему-то предполагалось, что поляки радостно воспримут появление русских войск, тотчас же перейдут на сторону Александра и примутся сражаться с теми, кто только что освободил их от прусского ига! Чарторыйский пишет: «Сложности этого проекта, впрочем, были очевидны, не говоря о том, что в нём было химерического. В любом случае это обернулось бы войной с Наполеоном с её неочевидными шансами»³.

Далее Александр снова заговорил о войне и сказал, что «он не считает, что это произойдёт в этом году, потому что Наполеон занят своей свадьбой, но что он ожидает кризиса в следующем году. „Сейчас апрель,— продолжал он,— это случится через девять месяцев“. Произнося эту фразу, так же как в течение всего разговора, император смотрел озабоченным, пристальным взглядом, который напомнил мне его глаза, которые я видел под Аустерлицем. Во всём его облике чувствовалась подавленность и уныние. Я заметил большое беспокойство и большое желание решить каким-то образом польский вопрос...»⁴.

Беседы были записаны Чарторыйским сразу после их окончания, в них чувствуются стиль и манеры Александра. Сомнительно, что подобные вещи могли быть выдуманы позднее. Чарторыйский никак не нуждался в том, чтобы

фантазировать на эту тему. Похоже, что состояние царя и его идеи отражены здесь очень точно.

Обращает на себя внимание двуличие Александра. Он категорически требует от Наполеона, чтобы тот в оскорбительной для поляков форме отрёкся от идеи восстановления Польши, а сам в то же время только и думает о том, как воссоздать её под своей эгидой. С другой стороны, удивляет, что Александр говорит о войне как о решённом деле, и при этом, как заметил князь, его собеседник выглядел подавленным.

Но в начале 1810 года войну начал готовить только царь, а не Наполеон. Это был давний выбор Александра, который, без сомнения, понимал всю страшную опасность новой борьбы и знал, что своим политическим решением вызовет смерть сотен тысяч, а может быть, миллионов людей. Царь понимал также, что подвергает Российской империю и себя лично большой опасности, и ясно, что он ощущал на себе груз ответственности.

Быть может, русского императора принудили к этому решению агрессивные действия Наполеона, направленные против России? Как следует из всех предыдущих глав, главной политической идеей Наполеона до 1810 г. был союз с Российской империей. Ради этого союза он жертвовал многими другими выгодами. К этому союзу он шёл много лет. Да, при этом он проводил, особенно начиная с момента объявления континентальной блокады, агрессивную политику, да, он начал несправедливую и бесполезную войну на Пиренеях, но с Россией он сражаться никак не хотел и не думал об этом.

В своей речи от 3 декабря 1809 г., произнесённой к депутатам законодательного корпуса, Наполеон заявил: «Мой союзник и друг, император России, присоединил к своей обширной империи Финляндию, Молдавию, Валахию* и

* Здесь Наполеон несколько забежал вперёд, не сомневаясь, что русско-турецкая война закончится победой России и, соответственно, приобретением означенных земель. На самом деле этого не произошло (см. главу 9).

один из округов Галиции. Я не жалею ни о чём, что могло бы идти на благо этой империи. Мои чувства к её великому монарху полностью согласуются с моей политикой»⁵.

Декларация, сделанная Наполеоном, не была просто пустым звуком. Для Османской империи она стала важнейшим заявлением, которое турки ещё не раз припомнят Наполеону и которое тем самым окажет немалое влияние на судьбы Европы.

Слова императора подтверждаются и его делами. Начало 1810 г. было отмечено значительным сокращением французских войск, находившихся на территории Германии. 9 января 1810 г. император даёт указания военному министру Кларку: «Прикажите вице-королю (*Евгению Богарне*) вернуть в Италию все его французские полки, которые были в Германии, и разместить их в местах их постоянной дислокации, переведя их на штат мирного времени»⁶. В письме тому же адресату от 2 марта указывается: «Я хочу использовать укрепление континентального мира, для того чтобы навести экономию в моих вооружённых силах»⁷.

Наконец, 15 марта 1810 г. Наполеон отдал приказ о полном расформировании так называемой Германской армии. Германской армией назывались все французские и союзные войска, которые приняли участие в кампании 1809 г. против Австрии под личным командованием императора Наполеона. Часть этих войск была уже выведена ранее в места постоянного расквартирования, но остальные продолжали находиться на территории Германии. Согласно подробному приказу императора было дано распоряжение о расформировании штаба Германской армии, военной администрации, артиллерийского и инженерных парков. На немецкой земле должны были остаться только три дивизии корпуса Даву, которым позже будет предписано держать под контролем береговую линию на севере и Северную Германию вообще. Все остальные войска должны были быть выведены во Францию.

22 марта 1810 г. военный министр докладывал императору о выполнении его распоряжений. Из рапорта министра видно, что Германию покидали легкокавалерийская дивизия генерала Пажоля, дивизия тяжелой кавалерии Арриги, полностью уходили с немецкой земли пехотные части 2-го армейского корпуса (дивизии Таро, Дюпа и Гранжана), кавалерийская бригада Кольбера. Германию оставлял также 4-й корпус, который в кампанию 1809 г. состоял под командованием маршала Массены (пехотные дивизии Леграна и Дессе, кавалерийская бригада Пире).⁸

В начале апреля была расформирована и так называемая Брабантская армия — группировка войск, находившаяся между Маасом, Шельдой и морским побережьем. Ее части отводились на территорию Империи.⁹ Наполеон писал в это время военному министру: «Упраздните всё, что бесполезно. Нужно навести самую большую экономию среди чинов военной администрации»¹⁰.

Следствием этих распоряжений Наполеона явилось огромное передвижение войск, в результате которого десятки тысяч солдат и офицеров вернулись из Центральной Европы на территорию Французской империи. Невообразимо, каким образом подобная передислокация, которая совершенно очевидно не только не угрожала Российской империи, но и удаляла от ее границы малейшую угрозу, могла обеспокоить русского царя.

Более того, в начале 1810 г. Наполеон решает нанести решающий удар по англичанам на территории Пиренейского полуострова. С этой целью формируется так называемая Португальская армия*. Во главе ее император решил поставить лучшего, как ему казалось, из своих полководцев, маршала Массену, который покрыл себя славой в ходе

* *Португальская армия* — то есть армия, предназначенная для действия в Португалии.

войны 1809 г. с Австрией. Массена был спешно возвращен из Германии в Париж, а 29 апреля он покинул столицу Франции для того, чтобы принять под свое командование три корпуса, предназначенные для похода в Португалию. Эту армию усилили подкреплениями, спешно направленными из Франции, а во главе ее корпусов наряду с двумя генералами Жюно и Рейнье был и маршал Ней. Назначение в Португальскую армию таких звезд первой величины полководческого искусства, как Массена и Ней, говорит о том внимании, которое император уделял подготовке похода против англичан. Всю первую половину 1810 г. главной военной темой, присутствовавшей в приказах и распоряжениях Наполеона, без сомнения, будет война на Пиренеях, поглощавшая все больше и больше солдат и денег.

Следующей темой, занимавшей в это время императора, была береговая оборона и обеспечение безопасности портов от нападений английских эскадр. Одновременно он занимался флотом, укреплением итальянских городов, снабжением острова Корфу и т. д. и т. п.

Что касается вопросов гражданской деятельности, кроме внутренней политики и текущих дел империи, Наполеон постоянно был занят вопросами континентальной блокады и всем тем, что связано с присоединением Голландии к империи. 10 июля 1810 г. было объявлено о включении Голландского королевства, где правил брат Наполеона Людовик, в состав империи.

Отныне территория бывшего независимого королевства стала составной частью наполеоновского государства. Император обязался уважать религиозные свободы, местные обычаи и нидерландский язык. Аннексия Голландии мало что изменила для населения этой страны. Голландия была еще в 1794 г. занята французскими революционными войсками и превратилась в так называемую «дочернюю республику», то есть государство, целиком и полностью зависимое от Фран-

ции и находящееся с метрополией в тесном военном и политическом союзе. Поэтому присоединение Голландии к наполеоновской империи скорее улучшило положение населения, чем ухудшило, так как ко многим невыгодам зависимого положения добавились выгоды вхождения на равных в большое государство. Голландские элиты получили места в сенате в государственном совете и в законодательном корпусе. Лучшие голландские полки были включены в Императорскую гвардию. Впрочем, присоединение Голландии, так же как и присоединение к империи Рима и папских владений в 1809 г., являлось частью завоевательной политики Наполеона и было отрицательно оценено многими современниками.

Угрожало ли это расширение Французской империи российскому государству? После бракосочетания Наполеона с Марией-Луизой — весьма возможно. Империя, простирающаяся от Гамбурга до Рима, включавшая в себя в качестве зависимых государств почти все страны Западной Европы, присоединившая к орбите своей политики Австрию, отныне потенциально могла столкнуться с Российской империей.

Но в начале 1810 г. Наполеон никакими своими действиями не мог вызвать беспокойства российского царя. Да, после австрийского брака император больше не делал ставку на русский союз, но внешне он старался подчёркивать, что продолжает оставаться с Александром в дружеских отношениях, а реальность показывает, что в своих приказах и распоряжениях Наполеон был занят чем угодно, только не приготовлениями к войне с Россией.

Что же касается Александра, то первые приказы, которые можно оценить как указания, связанные с подготовкой войны, относятся к январю—марту 1810 г. В начале XX века в России была предпринята монументальная публикация документов, посвящённая войне 1812 г. Всего было издано 22 тома. К сожалению, Первая мировая война прервала эту публикацию, но, тем не менее, все основные русские бума-

ги, относящиеся к событиям 1812 года и подготовке России к столкновению с Францией, были напечатаны. Первый документ, который стоит в сборнике, датирован 2 (14) января 1810 г. Он касается назначения генерала Милорадовича на пост командующего армией, которая должна быть дислоцирована в Белоруссии со штабом в Могилёве.

Действительно, в начале 1810 г. к западным границам России начинают подтягиваться войска, которые образуют основу того, что в войну 1812 г. будет называться Первой и Второй западными армиями. На берегу Балтики, в Лифляндии, в 1810 г. был сформирован корпус Витгенштейна численностью около 29 тысяч человек (14-я и 5-я пехотные дивизии, часть кавалерии 5-й кавалерийской дивизии). На территории Литвы формируется корпус под командованием генерал-лейтенанта Эссена I, состоявший из 2, 3 и 4-й дивизий, общей численностью более 36 тысяч человек.

На Волыни формируется армия под командованием генерала Дохтурова (7, 25, 9-я пехотные дивизии, часть 5-й и 6-й кавалерийских дивизий и отдельные кавалерийские части). В документах того времени она называлась просто Западной армией. Название этой армии менялось от документа к документу, позже она будет называться также 2-й армией, Южной армией, Подольской армией. Накануне войны 1812 г. она получит название 2-я Западная армия. В приказе о назначении Дохтурова на пост командующего от 4 (16) февраля 1810 г. говорится просто: «Поручаю вам главное начальство над армиею Нашею на западе»¹¹. Войска генерала Дохтурова насчитывали более 38 тысяч человек. Наконец, под командованием генерала Милорадовича, которого мы только упоминали, говоря о его назначении на пост командующего, формируется так называемая Резервная армия численностью более 38 тысяч человек.

Большое внимание в приказах по войскам в начале 1810 г. уделялось подготовке обороны крепостей. В марте

подполковнику Эйхену, полковнику Вистицкому, полковнику Геккелю и генерал-майору Опперману были отданы распоряжения произвести осмотр западных границ России. Трём первым офицерам предписывалось найти выгодные места для расположения укреплённых лагерей, а Геккелю — выбрать место для постройки крепости «для обладания обоими берегами Двины и обеспечения коммуникаций между Ригою и Будиловым»¹². Кроме того, Опперману позднее был отдан приказ об осмотре и подготовке к обороне киевской крепости. Приказы этим офицерам заканчивались одной и той же фразой: «Исполнение порученности вашей должно по возможности оставаться в непроницаемой тайне, а чтоб скрыть истинную цель оной, то можно будет дать вид, что вы занимаетесь исправлением погрешностей подробной карты тех мест»¹³.

Казалось бы, можно сделать вывод о том, что принимаются меры для подготовки оборонительной войны. Однако приведение в порядок крепостей необходимо было для любой войны, оборонительной или наступательной. Крепости в то время были надёжными базами для армии, действующей как наступательно, так и оборонительно. Кстати, забегая вперёд, отметим, что, когда в 1811 г. Наполеон начнёт свои приготовления, он будет усиленно укреплять крепости на территории герцогства Варшавского. Этого требовала элементарная осторожность. Так что сам факт усовершенствования той или иной крепости вовсе не означал, что характер войны обязательно будет оборонительным. Тем более что другие документы того же времени показывают большой интерес к изучению материалов, необходимых для наступления. Так, 26 августа 1810 г. графу Ливену (послу России в Пруссии) и графу Шувалову (послу России в Австрии) поручено было присылать карты и сведения о соответствующих странах.

В письме Ливену говорилось: «Настоящее ваше пребывание открывает удобный случай доставить секретные сочине-

ния и планы. Ваше сият. знаете всю цену сим драгоценностям; не пожалейте трудов и, какую бы то ни было ценою, приищите и обогатите нас сими редкостями... Для собрания сколь возможно более материалов о состоянии соседних нам держав я почитаю нужным, под видом временных поручений или других каких либо предлогов, разсылать в разные места военных чиновников... Варшава, составляющая главный узел многих военно-политических сношений, должна наиболее быть предметом наших обозрений...»¹⁴

В тот момент, когда в России уже начались первые приготовления к войне, состоялся новый обмен проектами конвенций по поводу Польши. Наполеон получил очередной русский проект в середине апреля 1810 года, и опять в нём красовалась фраза: «Польское королевство никогда не будет восстановлено». Это выражение, отвергнутое ранее, опять стояло на самом видном месте.

Под раздражённую диктовку императора министр иностранных дел Шампаньи написал: «Россия желает быть успокоена по поводу намерений императора в отношении Польского королевства. Эти намерения доказаны событиями. Император мог бы восстановить Польшу в Тильзите, если бы вместо того, чтобы заключать мир, он перешёл бы через Неман. Если бы у него было подобное намерение (*восстановить Польшу*), в Вене, вместо того чтобы забирать провинции, которые были дороги австрийской монархии, он присоединил бы к герцогству Варшавскому всю Галицию. Два раза он доказал, что его политика направлена на благо Франции, что он не желает ни продолжать войну, ни проливать кровь своих подданных за интересы, которые не являются их интересами».

И далее предлагалась очередная формулировка злосчастного пункта: «Его Величество обязуется не поддерживать никакое предприятие, направленное на восстановление Польского королевства, не давать никакой помощи любой

державе, которая имела бы подобное намерение, никакой поддержки, никакой помощи, прямой или косвенной любому мятежу или восстанию жителей провинций, которые когда-то составляли это королевство».

Далее министр писал: «Нельзя понять, какую цель преследует Россия, отказываясь от редакции, в силу которой даётся ей то, чего она требует; зачем ей нужно заменить её догматической формулировкой, не употребительной, противной здравому смыслу и притом изложенной в таком виде, что император не может подписать её, не обесчестив себя... Подобный договор, вместо того чтобы скрепить союз — его ослабляет, потому что нельзя забывать, что альянс предполагает равенство между двумя империями и взаимное уважение, если же он будет основан на бессилии одной из сторон, мы получим ложный результат, противоречащий задачам союза»¹⁵.

Прошло два месяца, и каково же было изумление императора, когда в конце июня русский посол Куракин вновь представил проект конвенции по Польше, и в нём опять стояла фраза: «Польское королевство никогда не будет восстановлено»! Теперь Наполеон не на шутку разгневался. Он почувствовал, что за всем этим стоит какой-то умысел, что всё это не случайно. Сомневаясь в том, что его чересчур вежливый посол сможет передать то, что он думает по поводу подобных требований, император фактически сам берёт перо и диктует своему министру иностранных дел письмо, которое Коленкур должен зачитать в Петербурге. Всё послание проникнуто раздражением, и в нём в открытую произнесено слово, которого так старательно избегали в дипломатических документах, — война.

«Чего добивается Россия подобными речами? — восклицает император. — Войны, что ли? Откуда её постоянные жалобы? К чему эти оскорбительные подозрения? Может быть, Россия хочет подготовить меня к своей измене? В тот же день, когда она заключит мир с Англией, я окажусь с ней в состоя-

нии войны. Разве не она собрала все плоды от союза? Разве Финляндия — предмет столь долгих вожделений и столь упорной борьбы, о приобретении хотя бы частицы которой не смела даже мечтать Екатерина II, не сделалась русской губернией на всём своём обширном протяжении? Разве, без союза, Валахия и Молдавия остались бы за Россией? А мне что дал союз? ...Я не хочу восстанавливать Польши; я не хочу закончить свою судьбу в её бесплодных песках. Я должен жить для Франции — для её интересов, и не возьмусь за оружие ради интересов, чуждых моему народу, если только меня не вынудят к этому. Но я не хочу обесчестить себя заявлением, что Польское королевство никогда не будет восстановлено; не хочу уподобляться Божеству и делаться смешным; не хочу запятнать моей памяти, утверждая своей подписью и печатью этот акт макиавеллиевской политики; ибо сказать, что Польша никогда не будет восстановлена, значит больше, чем признать её раздел. Нет! Я не мог взять на себя обязательства поднять оружие на людей, которые мне ничего дурного не сделали, которые, напротив, хорошо служили мне и постоянно выказывали свою добрую волю и глубокую преданность. Ради их собственной выгоды, ради России, я убеждаю их быть спокойными и покорными; но я не объявлю себя их врагом; и не скажу французам: вы должны проливать вашу кровь, дабы отдать Польшу в рабство России»¹⁶.

Наполеон продиктовал это раздраженное письмо днём 1 июля, а вечером он отправился на большой бал, который австрийский посол князь Шварценберг давал в своём роскошном особняке. Для того чтобы все гости могли танцевать, в саду был сооружен огромный временный павильон. Он был украшен с необычайной роскошью, здесь были пышные драпировки, декорации, представлявшие собой французских и австрийских орлов, ковры и великолепные зеркала Сен-Гобенской мануфактуры, отражавшие свет тысяч свечей. Всего на празднике было около 2 тысяч гостей — вся парижская

элита, дипломатический корпус, короли, королевы, княгини, принцессы... Император с молодой супругой появился на балу вечером в пятнадцать минут одиннадцатого.

В полдвенадцатого бал был в самом разгаре. Танцевали «экосез», в котором принимали участие юная императрица, королева Неаполитанская, королева Вестфальская, княгиня Боргезе, княгиня Шварценберг и сотня других молодых дам. В момент, когда веселье было в апогее, от огня свечи вспыхнула драпировка. В мгновение пламя охватило материю, и несмотря на то, что один из офицеров стремительно бросился, чтобы оторвать загоревшуюся ткань, пламя молниеносно распространилось по помещению, для окраски которого были применены красители, разведенные на спирту.

Весь огромный зал, наполненный гостями, запылал. Толпу охватила паника. Нужно сказать, что молодая императрица проявила себя достойной преемницей своих коронованных предков. Вместо того чтобы побежать из зала, она села на трон, показывая пример спокойствия, и встала с места только тогда, когда император взял её за руку и повёл из зала. Он, однако, старался двигаться неторопливыми шагами, чтобы сохранить достоинство и подать другим пример. Ему и его молодой супруге удалось выйти из пожара невредимыми.

Едва Наполеон отвёл императрицу в безопасное место, он снова вернулся туда, где бушевало пламя, чтобы принять меры для тушения пожара и спасения пострадавших. Последних оказалось очень много — около ста человек получили ожоги и ранения, не менее десяти умерли. Сестра княгини Шварценберг, думая, что её дочь осталась в зале, бросилась в огонь, чтобы её спасти. В этот момент зал обрушился, и она погибла в пламени.

Среди пострадавших был князь Куракин. Генерал Лежён, тогда молодой офицер, рассказывает: «Одного из первых, кого я мог вытащить, был несчастный князь Куракин,

посол России. Он был в ужасном состоянии. Кожа на кисти его руки была ободрана и залита кровью... Под его телом лежало несколько наполовину обожжённых дам, которых мы вытащили с большим трудом из пламени. Шпаги мужчин цеплялись за одежду и мешали нам высвободить пострадавших. Со всех сторон раздавались крики боли и отчаяния. Матери звали своих дочерей, мужа своих жён»¹⁷.

Трагедия, произошедшая на балу Шварценберга, вызвала много пересудов в Париже. Все вспоминали, что на бракосочетании другого монарха, Людовика XVI, с австрийской принцессой Марией-Антуанеттой во время фейерверка произошёл взрыв, который унёс жизни более ста человек. Известно, какая участь постигла короля и королеву. Смутные предчувствия чего-то недоброго возникли почти у всех, кто был современником этого события.

Наполеон был суеверен, и драма бала 1 июля засела у него в мозгу. Позже, когда в ходе войны в России ему доложат, что австрийский корпус Шварценберга, сражавшийся на стороне французов, разгромлен, а сам Шварценберг погиб (обе эти новости были ложными), император воскликнет: «Значит, точно, это он был дурным предзнаменованием!»

Всё это, конечно, суеверия, но что-то в них, наверное, было. 10 июля 1810 г. Наполеон отдал первый приказ, который можно рассматривать как хотя и очень отдалённую, но, тем не менее, подготовку войны. Из замка Рамбуи он написал военному министру: «Я желаю, чтобы Вы секретно собрали информацию о состоянии дел с оружием в герцогстве Варшавском... Моим желанием является иметь в этой стране большое количество оружия, чтобы в случае необходимости вооружить население»¹⁸.

Конечно, это была всего лишь мера предосторожности с целью возможной обороны Польши, а никак не подготовка вторжения в Россию, но ведь и в России всего лишь принимали меры предосторожности...

Интересно, что в это время, когда в штабах обеих держав уже подумывали о войне, когда русские войска начали понемногу передислоцироваться в западные губернии, отношения между обеими империями формально продолжали оставаться дружественными и союзными.

В своём циркуляре послам Франции министр иностранных дел Шампаньи напоминал о том, что союз с Россией сохраняется, и французские посланники должны опровергать предположение, что между странами возникли какие-то осложнения. Одновременно Александр I в своей инструкции генерал-майору Н. Г. Репнину, которого он отправлял с посольской миссией ко двору короля Испании Жозефа Бонапарта, писал следующее: «Я должен ещё раз повторить Вам, что у меня нет более тесных и, как я полагаю, более полезных для блага моей империи связей, чем те, которые установлены мною с императором Наполеоном. Эти связи, покоящиеся на столь прочном основании, должны определять всё Ваше поведение; в глазах короля Испании... Его (*Жозефа Бонапарта*) утверждение на троне я рассматриваю не только как событие, полагающее предел неисчислимым бедствиям испанской нации, которую я всегда уважал, но и как шаг на пути к всеобщему миру, ибо, коль скоро в этом королевстве будет восстановлено спокойствие, Англия потеряет всякую возможность вести войну, опустошающую страны континента»¹⁹.

Однако, если пушки пока молчали, а дипломаты обменивались любезными фразами, уже начали активно работать воины другого, невидимого фронта — тайные агенты, русские и французские. В шпионской войне, которая развернулась гораздо раньше боевых действий, пальма первенства, без сомнения, была на стороне России.

Французский посол Арман де Коленкур, отважный воин и светский любезник (что тогда считалось вполне совместимым, и более того, даже очень хорошо сочетающимся) был

Р. Лефевр. Император Наполеон I, ок. 1805 г.

Европа в 1789 г.

Европа в 1807 г.

В. Боровиковский. Император Александр I, ок. 1801 г.

А.-Э.-Г. Роэн. Встреча на плоту в Тильзите, 25 июня 1807 г.

Н. Госс. Встреча в Эрфурте

Л.-Ф. Лежён. Сражение при Сомо-Сьерре,
30 ноября 1808 г. (фрагмент)

Князь Юзеф Понятовский (1763–1813)

Дж. Доу. Н. П. Румянцев (1754—1826)

В. Боровиковский. А. Б. Куракин (1752–1818)

Э.-Б. Гарнье. Свадебный кортеж Наполеона и Марии-Луизы въезжает в сад Тюильри, 2 апреля 1810 г.

Р. Лефевр. Императрица Мария-Луиза

П. Готеро (копия Т. Мазокки де Белуччи). Маршал Даву
(1770–1823)

Б. Патерсен. Вид Зимнего дворца и Дворцовой площади в Санкт-Петербурге (1801—1804)

плохим разведчиком, и это вполне понятно. Мораль начала XIX века оставалась ещё во многом отмеченной характерным для традиционного общества презрением к профессии шпиона. В те времена просто невозможно себе представить, чтобы пользовалось успехом произведение (литературное, театральное), подобное фильмам о Джеймсе Бонде. Считалось позорным и недостойным офицера снимать для выполнения задания свой мундир, а уж тем более под вымышленным именем проникать в неприятельский штаб; крадучись, копировать документы, подкупать служащих, действовать тайно, исподтишка. Коленкур был солдатом, и всем этим он не только не хотел заниматься лично (что вполне понятно для посла), но и даже руководить подобными действиями считал чем-то неприличным. В результате французская «разведка» в Петербурге, если её можно так назвать, сообщала только то, что лежало на поверхности: настроение общества, слухи, разговоры, сплетни... А этого было явно мало для того, чтобы дать объективную информацию о намерениях русского командования.

Впрочем, если Коленкур предпочитал держаться в стороне от тайных агентов, были другие лица, которые проявляли в этом вопросе куда меньшую шепетильность, чем деликатный посланник. Прежде всего, это был маршал Даву, командующий «Эльбским обсервационным корпусом», иначе говоря, всеми французскими войсками на территории Северной Германии. Его штаб-квартира располагалась в Гамбурге. Затем — генерал Рапп, комендант крепости Данциг, наконец, командующий войсками герцогства Варшавского князь Понятовский. Даву, Рапп и Понятовский получали информацию от сотен шпионов и добровольных осведомителей.

Однако было бы наивно представлять работу этих людей как деятельность агентов, воспетых в современных шпионских сериалах. Даже называть её современным термином «французская разведка», как это делает в своей работе, посвя-

щенной этой теме *, В. М. Безотосный, едва ли правомерно. Ведь, употребляя словосочетание «французская разведка», мы невольно вызываем ассоциацию с современной разведывательной службой — солидной структурой со специально подготовленными кадрами, с единым штабом и руководством, с планированием спецопераций и т. д. Ничего подобного в «наполеоновской разведке» не было и отдалённо.

Кто были тогдашние «разведчики»? Несколько торговцев, в основном евреев по национальности, которые подрабатывали тем, что сообщали сведения о передвижениях войск. Но все эти сведения были почерпнуты либо из визуального наблюдения, либо из разговоров подвыпивших офицеров в придорожном кабаке. На французов работало также немало поляков, в основном помещиков или состоятельных горожан, которые, большей частью, были агентами по идейным, так сказать, соображениям. Кто-то из польских осведомителей даже служил в русской армии в малых чинах. Но и они, не имея доступа к секретным документам, могли передавать только разговоры, слухи или виденное своими глазами. Ценность сведений подобной агентуры была невелика.

В России дело обстояло несколько иначе. Военный министр Барклай де Толли, как человек современных взглядов, далёких от щепетильности наивного французского посланника, организовал работу как стратегической, так и тактической разведки. В качестве военных агентов он направил офицеров в Дрезден, Мюнхен, Вена, Берлин, Мадрид. Что же касается Парижа, то здесь главную роль сыграл уже хорошо известный нам молодой офицер. Его деятельность по своему характеру была действительно близка к тому, что сейчас называется разведкой или шпионажем.

Красавцу Александру Чернышёву, одетому в изысканный полковничий (уже!) флигель-адъютантский мундир, пощи-

* В. М. Безотосный. Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005.

тый по последней французской моде, было всего лишь 24 года. Юный полковник, фаворит двух императоров, женский любезник, известный ловелас, завсегдатай пирушек с золотой молодёжью Парижа, с которой он прошёл кампанию 1809 г. не слезая с коня с саблей в руках, пользовался всеобщим уважением, доверием и любовью. Пожалуй, он несколько перехватывал через край, так как был слишком надушен, разнаряжен, завит и даже немножечко подкрашен. В общем, его считали чрезмерно слащавым, но некоторым женщинам это нравилось...

Г. де Сент-Обен. Флигель-адъютант А. И. Чернышёв (1786—1857). Гравюра исполнена в 1810 г., когда Чернышёв имел звание полковника

Как уже отмечалось, Наполеон испытывал к молодому офицеру особое расположение и приглашал его везде и всюду. Кстати, на балу у Шварценберга Чернышёв тоже был и проявил храбрость и присутствие духа, помогая спасти из пожара жену маршала Нея, жену генерала Дюрока и жену сенатора Богарне, родственника Жозефины.

Наполеон не был, конечно, совершенным простаком и понимал, что красавец офицер, который постоянно вращается в его штабе среди французских генералов и высших сановников и, как говорили сплетни, даже завёл роман с сестрой императора Полиной (!), делает это всё не только из любви к искусству. Конечно же, он передаёт увиденное и услышанное своему начальству, конечно же, составляет подробные рапорты о беседах с императором, это тоже понятно. Но ведь и Наполеон говорил с ним, учитывая, что каждое

его слово будет передано лично императору Александру и канцлеру Румянцеву. Всё это император понимал и рассматривал как естественную государственную необходимость.

Но Наполеон не догадывался, что красавец офицер не просто наблюдатель, который подобно Коленкуру сообщает светские сплетни и настроения общества страны пребывания, а настоящий разведчик в современном смысле этого слова. Этого император не подозревал и, даже когда ему сообщили, долго не мог поверить.

Начало разведывательной деятельности на территории Франции было для молодого офицера не слишком успешным. В своём письме, написанном в марте 1810 г. и обращённом к канцлеру Румянцеву, Чернышёв жалуется на трудности шпионской работы, сравнивая своё настоящее положение с тем, в котором он находился ещё совсем недавно в ходе кампании 1809 г.: «Я нашёл большую разницу в трудностях, с которыми приходится добывать сведения в Париже и в походной генеральной квартире. Там военные знают всё, и с небольшой ловкостью можно использовать их естественную откровенность, но здесь офицеры ничего не знают о делах. Приходится прибегать к людям не очень хорошего тона, и их можно заставить действовать, используя только ключик, которого у меня нет в руках»²⁰, — прозрачно намекает светский любезник и тайный агент на необходимость прислать ему побольше денег..

Впрочем, в скором времени у Чернышёва появился и золотой ключик, и дверка, куда он вставляется. Ещё в 1804 г. русскому дипломату Петру Убри удалось завербовать служащего военного министерства М. Мишеля. С началом войны 1805 г. контакт был утерян, но в 1810 г. его снова нашёл Александр Чернышёв. В то время как советник посольства Карл Нессельроде поддерживал связь с «кузеном Анри» и «Наташей»*, от

* Как читатель помнит из главы 5, это шпионские псевдонимы Талейрана и Фуше.

которых получал за хорошие деньги копии ряда конфиденциальных документов из министерства иностранных дел, Чернышёв стал успешно работать по военной линии.

С помощью Мишеля молодому офицеру удалось завербовать и ряд других чиновников. В результате была организована целая шпионская контора, которая работала по следующей схеме: императору два раза в месяц передавали подробнейшее расписание частей французской армии, их численности и размещения на данный момент.

В то время предосторожности при работе с секретными документами даже отдалённо не походили на современные. Чтобы передаваемые императору документы имели должный вид, их выносили из военного министерства и несли к переплётчику, который наклеивал бумажные листы на картон и переплетал всё красивой кожаной обложкой с золотым тиснением. Чернышёв сделал так, что по дороге документы доставлялись в то место, где молодой копиист по фамилии Сальмон переписывал все данные на уже заранее приготовленные и расчерченные таблицы.

Первую подробную таблицу французской армии Чернышёв отправил Барклаю де Толли 5 сентября 1810 г. Его рапорт, как и полагается, был составлен на изысканном французском языке (Чернышёв не употреблял другого языка для написания рапортов!): «Мой генерал! (*Так обращаются к генералам во Франции.*) В соответствии с желанием Вашей Светлости... иметь точные сведения о состоянии французской армии, и, зная всю важность этого предмета в современных обстоятельствах... я употребил все мои старания найти осведомителей в бюро военного министерства, и, приложив усилия к поискам, труды и большие денежные затраты (*прозрачный намёк*), я имел счастье преуспеть в этом полностью...»²¹ — с гордостью докладывал молодой полковник. Действительно, в руках русского разведчика оказались не просто сверхсекретные документы. Это были

сведения о численности, составе и перемещениях наполеоновской армии, которых не имели в своем распоряжении даже французские маршалы. В результате для русского военного министра и для царя не осталось секретов относительно дислокации и состояния французской армии. В истории немного примеров, когда одна из сторон была информирована о противнике так же хорошо, как русское командование с середины 1810 до начала 1812 года, когда Чернышёв будет вынужден покинуть Францию.

Кроме Чернышёва видную роль в добывании секретной информации играл советник посольства Карл Нессельроде, который, как уже упоминалось в главе 5, активно общался с «кузеном Анри». Однако здесь были и неожиданности. Так, весной 1810 г. Нессельроде получил копию с пространного рапорта министра иностранных дел Шампаньи Наполеону от 16 марта 1810 г. Вот что писал об этом документе Шильдер, известный биограф Александра I, в своем монументальном произведении, посвященном жизни царя: «Предательские намерения Наполеона относительно его Тильзитского союзника... выразились в секретной записке, выработанной по указаниям императора... 4-го (16-го) марта 1810 года; она имела предмет будущую политику Франции, обусловленную браком Наполеона с австрийской эрцгерцогиней. Ввиду неизбежного, по словам записки, сближения России с Англиею, в ней утверждалось, что союз с Россией подходит к концу, и война с ней выставлялась как настоятельная необходимость для укрепления первенствующего положения, занятого Францией в Европе. Разрыв с Россией должен был сопровождаться совершенным переустройством политической карты Европы, причем, конечно, не была позабыта и Польша: при таких условиях, как сказано в записке, империя Карла Великого была бы действительно восстановлена, но только увеличенная и усиленная просвещением десяти веков...»²²

Со времен Шильдера эта записка переходит из одного российского исторического произведения в другое, как доказательство вероломства Наполеона и того, что он первый начал подготовку войны с Россией. В частности, ссылка на неё попала и в обширное издание документов «Внешняя политика России в XIX — начале XX века». Правда, составители сборника не опубликовали сам текст записки, а лишь кратко изложили его содержание и сослались на книгу Шильдера, тем самым проявив осторожность, вероятно, не лишнюю.

Уже сам текст записки вызывает некоторую настороженность. Министр иностранных дел Шампаньи был известен вовсе не как «ястреб», а, наоборот, как сторонник сохранения хороших отношений с Россией. Его уволили 16 апреля 1811 г., когда Наполеон взял курс на конфронтацию с империей Александра, именно за то, что министр слишком скрупулёзно следовал принципам Тильзита. На его место был поставлен Маре, герцог Бассано, готовый вести ту политику, которая больше подходила императору в этот момент. Поэтому настоятельные предложения начать войну с Россией, исходящие от одного из самых миролюбивых министров наполеоновской империи, выглядят очень странно.

Все это не могло не вызвать желания проверить достоверность данного рапорта. Тем более что среди изданных во Франции и относящихся к этому периоду документов такой бумаги нет. Дальше — больше. В корреспонденции Наполеона за март 1810 г. встречается очень много писем, обращенных к министру иностранных дел. Только 16 марта 1810 г. Наполеон отправил Шампаньи 3 письма, опубликованных в корреспонденции. Но нигде, ни в одном из этих писем, ни в письмах за последующие дни нет ни слова о рапорте министра с глобальными политическими предложениями. Никакой реакции! По меньшей мере, странно...

Все это заставило обратиться к документам Национального архива Франции с целью попытаться отыскать подлин-

ник рапорта Шампаньи. Если такой рапорт существует, то он обязательно должен присутствовать в фондах государственного секретариата. Все рапорты министров, обращенные к Наполеону, направлялись в двух экземплярах. Один из них хранился в государственном секретариате (теперь это огромный фонд AF IV Национального архива). Другой экземпляр отсылался обратно в министерство, возможно, с пометками императора. Действительно, в фонде AF IV 1699 находится несколько важных документов за март 1810 г., исходящих от министра иностранных дел. Но рапорт, который приводит Шильдер, здесь отсутствует! Этого рапорта нет и в архиве министерства иностранных дел Франции.

Зато благодаря публикации писем Нессельроде мы знаем, что указанный скандальный документ был передан Нессельроде в самом конце марта 1810 г. «кузеном Анри», который получил за него 3 тысячи франков. Для Талейрана, конечно, деньги небольшие, но после своей отставки он, вероятно, считал, что и подобной суммой не стоит пренебрегать. Тем более что Нессельроде писал в письме, что ему потребуется еще 30—40 тысяч франков на экстраординарные расходы посольства,²³ иначе говоря, на оплату шпионов, и прежде всего, Талейрана. Подобная сумма уже вполне соответствовала размаху «кузена Анри». Учитывая же, что пронырливый «кузен» был еще недавно министром иностранных дел, ему ничего не стоило сфабриковать рапорт, исходящий якобы от Шампаньи. Три тысячи серебряных монет вполне стоили пары часов работы. Именно поэтому тема рапорта была избрана самая острая, а миролюбивый Шампаньи превратился в «ястреба», который советует готовиться к войне тому, кому обычно не давались подобные советы.

Конечно, быть может, документ просто-напросто не сохранился в архивах, быть может, Наполеон решил на него не отвечать, быть может, Шампаньи был слегка пьян, составляя подобную бумагу... Однако все это, мягко говоря, мало-

вероятно. И можно почти с уверенностью заявить, что так называемый рапорт Шампаньи от 16 марта 1810 г. на самом деле фальшивка, сфабрикованная Талейраном, который не гнушался никаких, самых грязных способов для того, чтобы получить деньги и заодно столкнуть лбами Россию и Францию, что, вне всякого сомнения, ему очень неплохо удалось.

Конец 1810 г. был отмечен нарастающим ухудшением франко-русских взаимоотношений. 5 августа 1810 г. Наполеон подписал так называемый Трианонский декрет, согласно которому значительно повышались пошлины на все «колониальные товары» (кофе, сахар, чай, хлопок и т. д.). В октябре того же года Наполеон отдал распоряжение о том, что все английские контрабандные товары должны подлежать немедленной конфискации и уничтожению. Эти постановления ставили своей целью победу над Великобританией в экономической борьбе. Зная о тех проблемах, которые вызвала в Англии континентальная блокада, Наполеон стремился усилить давление на своего противника и нанести ему решающий удар.

В письме Александру I от 23 октября 1810 г. французский император рекомендовал тому провести подобные же мероприятия, усилив континентальную блокаду со стороны России: «600 английских торговых кораблей скитаются по Балтике. Их отказались принять в Мекленбурге, в Пруссии, и они направились к землям Вашего Величества. Если Вы их примете, война (с Англией) будет продолжаться, если Вы их задержите и конфискуете их грузы... Англия получит страшный удар, ведь все эти товары принадлежат англичанам. От Вашего Величества зависит: наступит ли мир, или будет продолжаться война»²⁴.

Это письмо император направил Александру с уже хорошо известным нам полковником Чернышёвым. Наполеон принял его за два дня до написания этого письма в Фонтенбло. Как всегда, император был очень доброжелателен со

своим любимцем и долго беседовал с ним, пытаясь внушить молодому офицеру важность русско-французского союза: «По своему географическому положению Россия рождена, чтобы быть другом Франции. Если она останется таковым и впредь, её наградой будет расширение её владений и выгоды, которые станут следствием её содействия ближнему уже морскому миру, который не будет зависеть от капризов и деспотизма нации, находящейся благодаря принятым за последнее время мерам накануне гибели»²⁵.

Свою речь французский император заключил той же мыслью, которую он высказал и в письме Александру, — английские суда, идущие по Балтике, надо конфисковать. Однако пожелания Наполеона категорически отвергли в России. Канцлер Румянцев написал русскому послу в Париже, разумеется, для передачи Наполеону: «Что касается принятия торговых законов и иностранного тарифа без изучения того, насколько он будет способствовать благосостоянию его собственного народа, е. в-во никогда не позволит себе этого... Союз заключается в общности принципов. Эта общность будет сохранена. Е. в-во обещает это, в чём Вы можете дать соответствующие заверения, он намерен доказать эту готовность, издав аналогичные законы, приняв активные меры против торговли Великобританией, являющейся его непосредственным противником, так же как она является противником Франции»²⁶.

Государственный секретарь Михаил Михайлович Сперанский, талантливейший политический деятель александровского времени, собрал совещание петербургских негодантов, комитет которых направил в Государственный совет России обширный доклад, главным выводом которого была невозможность запрещения нейтральной торговли для России. На основе этого доклада Сперанский подготовил проект нового русского таможенного тарифа, который вместо того, чтобы поддерживать меры, принятые французским им-

ператором для борьбы с Англией, наносили удар как раз по торговле с Францией. Вопреки требованиям Наполеона, новый русский таможенный тариф упрощал выдачу лицензий на нейтральную торговлю и допускал в Россию суда всех держав, лишь бы они не плавали под английским флагом.

Очень часто эти события из сферы экономики приводятся чуть ли не как главные причины начала войны 1812 г. Россия, мол-де, отказалась принять требования Наполеона, и он, чтобы заставить Россию выполнять предписания континентальной блокады, двинул огромную армию напрямиком на Москву...

Сложно придумать более вульгарное и примитивное понимание воздействия экономики на политику. Ни Наполеон, ни Александр не были президентами так называемых демократических стран, где воротилы финансового мира определяют политику, а президенты заискивают перед крупными капиталистами, в надежде быть избранными в очередной раз, где всё определяется деньгами и экономическими интересами.

Император Александр был царём Божьей милостью. Он желал, конечно, экономических успехов своей страны, но это не было единственным приоритетом его политики. Русский царь, естественно, обращал внимание на мнение высшей аристократии, которая, как уже не раз говорилось, экспортировала своё зерно за границу, и прежде всего в Англию. Но, учитывая мнение магнатов, Александр имел огромную свободу деятельности, особенно на внешнеполитической арене. Для того чтобы произошёл переворот, такой как убийство Павла I, нужно было очень разозлить знать целым комплексом мер, направленных против её интересов, как это сделал погибший император. Причем сочетая непопулярные среди дворянской элиты действия с редкой несдержанностью и раздражительностью. Невозможно вообразить, чтобы знать бросилась душить царя только из-за того, что он ограничил экспорт пеньки или сала!

Австрийский посол в Петербурге Сен-Жюльен, который, в отличие от своего французского коллеги Коленкура, очень хорошо был осведомлён о состоянии дел в Петербурге, в рапорте своему начальнику, министру иностранных дел Меттерниху, писал: «...Пристрастие Его Величества во время своих прогулок разговаривать только с жёнами негоциантов не нравится дворянству. Правда, что недостаток звонкой монеты, налоги, которыми обременена страна, затруднения торговли дают место ропоту в обществе. Правда также, что национальная гордость чувствует себя задетой унижительной снисходительностью к требованиям тюильрийского кабинета. Но от недовольства до заговора очень далеко, и я абсолютно уверен, что нет никакой опасности с этой стороны»²⁷.

Кстати, о русском экспорте. В своём докладе в декабре 1809 г. Румянцев сообщал, что вследствие улучшения внешнеполитического положения страны, заключения мира со Швецией и Австрией «русские товары стали продаваться по довольно высокой цене и почти все были сразу проданы (!)»²⁸. Так что зерно русской аристократии выгодно продавалось, знать продолжала получать звонкую монету, и у неё не было причин для бунта. Купцы и негоцианты также получали барыши, а если кто-то даже и был недоволен, нельзя вообразить, чтобы из-за петиции нескольких десятков торговцев русский царь решился на войну! Немыслимо!!

Но, тем не менее, факты говорят о том, что в конце 1810 г. царь окончательно решился.

В ноябре 1810 г. Александр послал Чарторыйского в герцогство Варшавское с ответственной секретной миссией. О ее цели косвенно говорит переписка князя с Александром I. Однако гораздо более точно характер его миссии отражен в важнейшем документе — инструкции Чарторыйскому под названием «Меры, относящиеся до поляков». Записка хранилась в Государственном архиве с надписью на французском языке: «Это письмо может быть вскрыто

только по специальному разрешению императора. Несельроде. 7 февраля 1832 г.». Копию с нее снял известный русский историк В. А. Бильбасов, и эта копия находится в Рукописном фонде Российской национальной библиотеки.

Инструкции, которые дал Александр своему другу, изложены очень нескладно с точки зрения стиля, так как речь идёт о черновике, зато очень ясно с точки зрения их сути:

«1. Во всей поездке стараться привлечь их (*поляков*) к себе; для сего:

2. Приглашать их к себе на обеды, входить с ними в разговоры об их положении, о желании Правительства (*русского*) всеми способами оное улучшить, сравнивать оное с положением Варшавского герцогства, вселить в них мечту о присоединении оного некогда к России, возбуждать в них недоверие к Франции и к пустым их обещаниям...

7. Если будет способ увидеться с Понятовским, то... войдя с ним в рассуждение о трудности восстановления Польши посредством Франции, о жестокой войне из сего имеющей неминуемо последовать и разорении всего края и о жестоких способах, которые Россия будет принуждена принять в свою защиту»²⁹.

Таким образом, Чарторыйский должен был вести подрывную работу в Польше, а Понятовскому, если тот не загорится «мечтой о присоединении... к России», пригрозить полным разорением края. Не случайно Александр в своем коряво написанном черновике два раза повторяет похожий эпитет: «жестокой войне» и «жестоких способов».

А потом добавляет:

«10. Если сии и подобные рассуждения потрясут мнение князя Понятовского и будут им приняты, то:

11. Приготовить бумаги посему и согласиться с ним о действиях...»

Под приготовлением бумаг подразумевается, видимо, документально оформленные гарантии князю, с предостав-

лением ему того или иного поста в будущем русско-польском королевстве и финансового вознаграждения.

Царь указывает, что «если поляки предадутся России, то существование их не сумнительно». Он уверен также, что в случае перехода герцогства на сторону России Пруссия и Австрия присоединятся к коалиции. Александр надеется даже на содействие Баварии и Вюртемберга, по крайней мере, он ожидает, что они останутся нейтральными, и считает, что если даже «две последние державы (*будут*) согласны единственно на совершенное бездействие, то сего уже довольно, дабы привести Францию в самое опасное положение. Известно, что французских войск более 60 тысяч не имеется в Германии и Голландии. **Будучи внезапно атакованными**, потеряв своих союзников, можно надеяться, что успех (*антинаполеоновской коалиции*) будет совершенен»³⁰.

Таким образом, никакой оборонительной войной с целью защиты российских рубежей от коварного агрессора здесь и не пахнет, речь идет ни больше ни меньше, как о **внезапном нападении на французские войска!** Эта записка не оставляет никакого сомнения в том, что Александр готовился к агрессии, и, наверно, именно поэтому эту записку из известных русских историков процитировал только Н. Ф. Дубровин. А министр иностранных дел Нессельроде даже в эпоху Николая I считал, что настолько секретный документ нельзя смотреть без разрешения императора.

Через некоторое время, 25 декабря 1810 года, когда Чарторыйский уже исполнял свою тайную миссию в герцогстве, Александр пишет своему другу длинное письмо. Последнее полностью подтверждает положения из предыдущего документа.

«Настоящие события мне представляются очень важными, кажется, что наступил момент доказать полякам, что Россия не является их врагом, но скорей настоящим и естественным другом, — снова заявляет Александр, — и несмотря на то,

что они считают, что Россия это единственное препятствие к восстановлению Польши, нет невозможного в том, что именно она его и реализует... Никогда момент не предрасполагал к этому более, но, прежде чем двигаться дальше, я хотел бы, чтобы Вы мне ответили пункт за пунктом, и очень подробно на вопросы, которые я должен перед Вами поставить, прежде чем приступить к исполнению моего плана».

Суть вопросов Александра вытекает из его данной ранее инструкции: какие настроения присутствуют сейчас среди жителей герцогства Варшавского, и готовы ли они будут встать на сторону России, если царь объявит восстановление Польского королевства. Особенно интересует Александра I армия: какие существуют течения в её настроениях, «кто тот человек среди военных, который более всего руководит мнением армии?».

Далее царь пишет: «Если Вы мне поможете, если сведения, которые Вы мне сообщите, позволят мне надеяться на единение намерений среди герцогства Варшавского и особенно армии, в этом случае успех с Божьей помощью не вызывает сомнения. Я надеюсь не на то, что смогу противостоять талантам Наполеона, а прежде всего на то, что у него будет мало сил. Я надеюсь также на общий настрой против него в Германии».

И в конце Александр приводит расчёт сил для будущей войны. По его мнению, соотношение численности войск будет следующим:

«С нашей стороны:

100 тыс. русских
50 тыс. поляков
50 тыс. пруссаков
30 тыс. датчан

Итого: 230 тыс. человек, которых могут усилить впоследствии ещё 100 тыс. русских солдат.

С другой стороны:

60 тыс. французов (я считаю не только 46 тыс. солдат, находящихся в Германии, но прибавляю к ним ещё некоторое количество тех, кто может к ним присоединиться из Голландии и с французской территории)

30 тыс. саксонцев

30 тыс. баварцев

20 тыс. вюртембержцев

15 тыс. вестфальцев и других немецких войск

Итого: 155 тыс. человек

Но более чем возможно, что за примером, который подадут поляки, последуют немцы, и тогда против нас останется только 60 тыс. французов. А если Австрия, за выгоды, которые мы ей предложим, также вступит в борьбу против Франции, мы получим ещё 200 тыс. солдат, чтобы сражаться против Наполеона»³¹.

Многие положения этого письма, которые повторяют сказанное в инструкции, показывают, насколько Александр I заблуждался. Он был уверен, что после всего, что он делал по отношению к Польше, поляки с восторгом встанут на его сторону, и более того, в своих расчётах он с ходу поставил 50 тыс. польских солдат в строй русской коалиции! Датчан, верных союзников Франции, он также почему-то включил в своё интернациональное войско, не спрашивая их мнения.

Зато численность французов и в инструкции, и в письме он отразил очень точно. В его руках были штабные документы Наполеона, и он в деталях знал, сколько и где располагается французских батальонов и эскадронов. Царь откровенно признавался, что если он отважился драться с императором французов, то потому, что у последнего «будет мало сил».

Как всё это далеко от тех штампов, которые в течение многих лет повторяются в исторической литературе: «подготовка страны к обороне», «надвигающееся вторжение», «захватнические планы Наполеона» и т. д. и т. п. **Не потому**

против Наполеона собирались русские войска, что он был слишком силён и что границам России угрожали его несметные полчища, а потому, что он был слаб! По крайней мере так думали в ближайшем окружении царя.

Действительно, из точнейших сведений по дислокации французской армии, переданных Чернышёвым, а также дополненных из Берлина послом России графом Ливеном, следовало, что общая численность французских сил на территории Германии составляет 41 тысячу человек. К этой цифре нужно было прибавить гарнизоны Штеттина, Кюстрина и Глогау: «231 офицер и 5675 нижних чинов, включая чиновников, женщин и детей»³². Так как женщин и детей Александр в свой подсчет, вероятно, не включил, у него получилось приблизительно 5 тысяч солдат гарнизонов, а всего — 46 тысяч, что в точности соответствует агентурным сведениям на ноябрь—декабрь 1810 г. К этим силам царь добавляет французские полки в Голландии, и таким образом получается 60 тысяч солдат и офицеров.

Нет сомнений, что в последних числах 1810 г. Александр планировал войну, которая должна была начаться вторжением в герцогство Варшавское. Далее, опираясь на силы германских государств, прежде всего на Пруссию, а затем и на Австрию, царь предполагал развернуть общее наступление против Наполеона, которое могло окончиться только одним: вступлением в Париж и низложением французского императора. Разумеется, расчленение его империи подразумевалось как само собой очевидное.

Ответ князя Чарторыйского если и не был холодным душем для Александра, то, по крайней мере, явно не должен был способствовать разжиганию воинственного пыла в душе русского монарха.

В письме от 18 (30) января 1811 г. князь, который находился в этот момент в своём имении Пулавы, на территории герцогства Варшавского, писал: «Каковы бы ни были

жалобы поляков против Наполеона, он сумел их убедить, что если он и не продвинул далее дело их возрождения, то не по причине отсутствия доброй воли, а вследствие абсолютной невозможности это сделать... К этому убеждению добавляется чувство признательности за то, что Наполеон уже сделал, к существованию государства, создателем которого он является. Пусть даже это государство непрочное, пусть ничего другого не придёт ему на смену, но его рассматривают как первый действительный шаг. Поэтому нужно ожидать, что из долга, благодарности и верности люди наиболее хорошо предрасположенные и наиболее честные не захотят повернуть против Наполеона те силы, которые они получили благодаря ему. Не захотят покинуть его в тот момент, когда он более всего рассчитывает на содействие герцогства Варшавского. Прибавьте к этому братство по оружию, которое возникло между французскими и польскими войсками. Среди одних и других во всех чинах есть много тех, которые сражались вместе. Мысль о том, что французы — это друзья поляков, а русские — напротив, их самые непримиримые враги, и по политическим причинам и по личным, слишком закрепились. Она стала распространённой и особенно утвердилась в армии, где события последней войны и всё, что за ними последовало, могли только доказать её справедливость»³³.

Можно только констатировать — приехав в Герцогство, Чарторыйский понял то, чего не понимал до этого: его анализ ситуации абсолютно точен. Кстати, рапорты русских секретных агентов полностью подтверждали слова Чарторыйского. Вот что докладывал, например, капитан Нейтгарт, посланный в январе 1811 года с разведывательной миссией в Герцогство: «Войска в Варшаве, так же как обыватели, весьма преданы Наполеону, называя его возобновителем Польши»³⁴.

Чарторыйский побаивался также, что французский посол заметит приготовление русских к войне и доложит об

этом вовремя своему руководству. «Уверено ли Ваше Величество, что приближение смены системы столь радикальной (так Чарторыйский тактично называет будущую войну) скроется от взгляда господина Коленкура, который имеет возможность каждый день общаться с Вашим Величеством и с людьми, которые его окружают, и, так сказать, находясь на сцене, хорошо видит, что делается за кулисами. Нужны чрезвычайно умелые предосторожности, чтобы утаить от него подобный секрет, который военные приготовления и движения войск должны будут неминуемо ему раскрыть»³⁵.

Во всём письме это единственная ошибочная мысль. Действительно, Чарторыйский не мог догадаться, что посол Наполеона Коленкур будет настолько наивен, что не увидит обширных военных приготовлений. Но в данном случае прав был Александр — Коленкур оказался слеп.

Наконец, Чарторыйский писал следующее: «Наполеон, проснувшись от своего летаргического сна, соберёт войска, выведет из Испании большую часть своих сил и придёт форсированными маршами с армией, которая будет равна численности союзных войск».

Но это было всё-таки не тем пунктом, который больше всего пугал князя. Хорошо зная своего друга, он добавил: «Но самое главное, если план будет приведён в действие, насколько твердое решение Вашего Величества? Будет ли оно неизменным как для всего предприятия в целом, так и для того, чтобы суметь с искренностью и великодушием отнестись к целой нации, которая должна будет предаться Вам?»³⁶

В своём ответе 31 января 1811 г. царь постарался успокоить Чарторыйского насчёт своих сил и твёрдости своих намерений. Теперь он совершенно конкретно перечислил дивизии, предназначенные для наступления, более того, он приоткрывал тайну над организацией армии вторжения. Русские войска должны состоять из трех армий, насчитывающих вместе 284 500 человек, сверх того, к этим войскам должны были

присоединиться некоторые дивизии так называемой Молдавской армии (войска, сражавшиеся против турок).

Опираясь на столь внушительные силы, а также на пруссаков и польскую армию (которую царь упорно считал почти что своей), Александр писал, что он начнёт действия, следствием которых будет «моральная революция в Европе», и сможет со своими войсками «достичь Одера без единого выстрела»!

Что касается французского посла, царь писал: «Мне осталось сообщить Вам только об одном — об опасности, которое Вы высказали, что Коленкур раскроет тайну. Раскрыть её невозможно, потому что даже канцлер не знает о нашей корреспонденции. Вопрос обсуждался с ним в общем, но я не хочу, чтоб кто-либо знал, что я уже предпринимаю меры. Что касается военных приготовлений, я **придал им оборонительный характер** и потому их и не скрываю...»³⁷

Инструкция Александра и его письма Чарторыйскому — вот, пожалуй, те немногие документы, где без всяких обиняков говорится о целях военных приготовлений. Ни о какой обороне речи не идёт. Только в качестве первой задачи ставится выход на линию Одера! Сам царь откровенно пишет другу, что он придал военным приготовлениям «**оборонительный характер**», иначе говоря, оборонительными они казались только непосвящённым.

Ещё раз повторим, что автор не ставит задачу представить дело так, будто Наполеон был миролюбивым монархом, на которого обрушился страшный агрессор в лице Российской империи. Действия императора французов по отношению ко многим европейским государствам носили откровенно агрессивный характер, а его войну в Испании трудно назвать иначе кроме как завоевательной. Но в отношении России Наполеон делал всё, чтобы избежать военного конфликта. Да, он спорил по поводу таможенных тарифов, пытался навязать России свои правила экономической

игры, но за исключением формального принятия континентальной блокады российские власти не очень-то следовали его требованиям, а в конце 1810 г. своим новым таможенным тарифом просто откровенно на него наплевали.

Нет ни малейшего сомнения в том, что Наполеон никогда бы не начал войну из-за одних экономических споров. Даже если представлять императора французов в качестве расчётливого банкира, который мыслит только барышами, и то совершенно очевидно: глупо тратить многие сотни миллионов, в которые обошлась война, ради нескольких десятков миллионов, которые мог дать тот или иной экономический выигрыш, полученный в результате рискованной борьбы! Не случайно император продиктует своему министру иностранных дел Маре: «Достойны сожаления те государства, которые бы решились сражаться из-за частных торговых интересов»³⁸. Он не мог допустить, чтобы Россия формально отреклась от союза и встала на сторону Англии, но всё остальное он вынужден был бы проглатывать...

Не начав ещё подготовки к войне, Наполеон, тем не менее, дал царю великолепный повод для оправдания своих действий. Французский император, узнав о новых внешнеэкономических мероприятиях русского правительства, решил усилить борьбу с проникновением в Европу английских товаров. На севере Германии оставалось несколько дыр в континентальной блокаде, через которые эти товары ввозили. 13 декабря 1810 г. Наполеон принял решение об аннексии вольного город Гамбурга. Так как между Гамбургом и французскими владениями лежала территория небольшого герцогства Ольденбург, было принято решение оккупировать и эти земли.

Наполеон знал, что этим он, без сомнения, затронет Александра, однако, во-первых, он уже не слишком верил в союз и решил действовать так, как ему удобно, а во-вторых, он предложил герцогу Ольденбургскому достойную компенсацию — Эрфурт с прилегающими к нему землями.

Правда, земли Эрфурта меньше по площади, но зато они, без сомнения, более плодородны и живописны...

Присоединение Ольденбурга вызвало в Петербурге возмущённую реакцию, посыпались протесты, дипломатические ноты, жалобы и т. д. Конечно, действия Наполеона в отношении герцогства нельзя охарактеризовать иначе как несправедливый захват чужой территории, но нельзя забывать, что шла война, в которой противники — англичане — не останавливались ни перед какими захватами, не гнушались преступлениями, не останавливались перед огромными расходами, оплачивая врагов Франции на континенте. Так что вне этих обстоятельств невозможно рассматривать захват Ольденбурга. Как очень верно заметил российский исследователь Владлен Сироткин, «Александр I старался раздуть „Ольденбургский вопрос“ до размеров вселенского бедствия».

Именно к этому времени русская армия перешла в фазу активной концентрации сил на границе. Если в течение 1810 г. войска постепенно стягивались в западные губернии и были образованы армии, готовые к военным действиям, то теперь не только русские полки выдвигались к самым границам, но, что очень важно, были отданы приказы о переброске сил с дунайского театра военных действий на запад.

Приказы о концентрации главных сил русской армии к западным границам были отданы 21—22 января (2—3 февраля) 1811 г. Одновременно 5 дивизий из Молдавской армии направлялись на север к западным границам империи. Это были 9, 11, 12, 15 и 18-я пехотные дивизии. Так, 9-я дивизия выступила из Бухареста, 11-я из Фокшан и Браилова, 12-я из Ясс, 15-я из Измаила, 18-я из Хотина и Стефанешти... Ещё ранее 17-я дивизия была направлена на запад из Финляндии.

Для того чтобы понять, насколько серьёзным является подобное перемещение, необходимо вспомнить, что по состоянию на начало 1811 г. Россия располагала в общей

сложности 27 пехотными дивизиями * (не считая гвардии и сводно-гренадерской дивизии, сформированной 23 марта 1811 г.). Из них против турок было задействовано 9 дивизий.

Таким образом, в начале 1811 г. с Дунайского «фронта» было снято более половины сражавшихся там пехотных соединений!! И это притом, что война с Турцией продолжалась, и не было такого русского военного или политического деятеля, который, видя общую ситуацию, не призывал бы завершить войну с Османской империей как можно скорее!

Кроме движения с юга на запад, войска подтягивались и из самой глубины империи, и с севера. Так, Ревельский, Перновский и Либавский пехотные ** полки выступили из Выборга, Екатеринбургский полк — из Воронежа, Селенгинский — из Шадринска, а 18-й егерский — из Перми!

К весне 1811 г. на западных границах империи сосредоточилось уже 17 пехотных дивизий (включая 2 гренадерские и сводно-гренадерскую)! Против турок осталось только четыре дивизии. Три дивизии находилось в Финляндии, две в Грузии, одна в Крыму и одна в Оренбурге.

* К концу 1810 г. в России существовало 25 пехотных дивизий, имевших нумерацию со второй по двадцать шестую. Сверх этого была еще 1-я дивизия, гвардейская. В марте 1811 г. была сформирована первая гренадерская дивизия, а в апреле — вторая гренадерская дивизия. При этом вторая пехотная дивизия была расформирована, а её части влиты в состав других соединений. Наконец, одна пехотная дивизия формировалась в Оренбурге, но позже была расформирована, а её номер «27» присвоен другому соединению, которое было создано в октябре 1811 г. в Москве. Таким образом, по состоянию на апрель 1811 г., кроме гвардии существовали первая и вторая гренадерские дивизии, 25 пехотных дивизий, имевших нумерацию с 3-й по 27-ю и одна сводно-гренадерская дивизия.

** Строго говоря, они назывались ещё «мушкетёрскими», хотя никаких мушкетов на вооружении пехоты не было. Это устаревшее название было отменено в 1811 г., и полки стали называть пехотными.

Вслед за пехотой подтягивалась и кавалерия. Из 9 армейских кавалерийских дивизий *, существовавших в то время, 6 было сконцентрировано на западных границах. Наконец, массы казаков двинулись в марте с юга по направлению к Брест-Литовску. Десять казачьих полков были забраны из состава Молдавской армии, а два сняты с кавказской линии, где казаки выполняли функцию охраны границы от воинственных горцев.

Таким образом, практически все силы Российской империи, кроме минимума войск против турок и персов, а также самых необходимых гарнизонов и отрядов для охраны рубежей на юге, востоке и севере, были собраны на западной границе. Подобное размещение невозможно объяснить потребностями обороны, ведь, как уже не раз отмечалось, самые близкие соединения французских войск располагались более чем в тысяче километров от русской границы, да и то числен-

Б. Патерсен. Вахтпарад на Дворцовой площади. 1808 г.

* К началу 1811 г. существовало 7 легкокавалерийских дивизий и 2 кирасирских дивизии.

ность их была такова, что ни о какой угрозе для территории Российской империи от этих войск говорить не приходилось.

Одновременно в начале 1811 г. Александру I были предложены первые планы боевых действий. Самым обстоятельным и законченным являлся план генерала Беннигсена, представленный царю в феврале 1811 г. Этот план предполагал вторжение в герцогство Варшавское и разгром польской армии. Беннигсен отмечает: «Наиболее полезно овладеть Варшавою (коей потеря поразила бы и обезоружила часть поляков, неблагоприятно расположенных к России)». Далее генерал пишет: «Наша армия, решая судьбу войск польских, кои бы нас ненадолго задержали, продвинулась бы к границам Шлезии (*Силезии*)». Это важно, по мысли Беннигсена, хотя бы потому, что «одною наступательною войною возможно нам короля прусского приклонить на нашу сторону... прибавим к сему, что, оставаясь в оборонительном положении, дадим мы полякам увеличить их войска, между тем как наступательными действиями если не успеем мы истребить или рассеять польской армии, то, по крайней мере, уменьшим её гораздо, — обезоружа оною хоть частью».

Генерал прекрасно понимает, что война предпринимается вовсе не для того, чтобы спастись от нашествия Наполеона. Он пишет: «...**Власть Наполеона никогда менее не была опасна для России (!), как в сие время, в которое он ведёт несчастную войну в Гишпании** и озабочен охранением большого пространства берегов, на что потребно ему употребить сильныя армии»³⁹.

В столь же недвусмысленном тоне составлен и другой документ, направленный Александру I. Это «Политический мемуар» одного из его советников, некоего Д'Аллонвиля. Здесь прямо говорилось, что необходимо «...начать наступление, вторгнувшись в герцогство Варшавское, войдя по возможности в Силезию, и вместе с Пруссией занять линию Одера, чтобы заставить выступить германских князей и воз-

будить восстание на севере Германии. 2. расформировать польское правительство, рассеять его вооруженные силы... и **безжалостно разорить герцогство (!)**, если придётся его оставить... 9. нападать только с подавляющим превосходством сил и выгодой ситуации... Нельзя терять из виду, что человек, с которым мы воюем, соединил силы старой Франции с завоеваниями новой Франции и силами организованного якобинизма, который составляет сущность его власти. Мало поэтому поставить препятствие на пути столь большой мощи, но необходимо её уничтожить»⁴⁰.

Анализируя эти проекты и сопоставляя их с тем, что предлагал Александр Чарторыйскому, можно прийти к однозначному выводу: к концу 1810 — началу 1811 года царь решился на войну с Наполеоном, причём эта война готовилась как наступательная. В разговоре с австрийским посланником Сен-Жюльеном 3 (15) февраля 1811 г. Александр выдаёт свои планы, так как ему очень важно знать, какова будет реакция Австрии на вторжение русских войск в герцогство Варшавское. Австрийский посланник попытался быть максимально дипломатичным и ответил: «Миролюбивая система моего августейшего монарха позволяет предположить, что мы будем придерживаться абсолютной нейтральности, однако я бы попросил Вас не делать никаких выводов, по тому что я сказал, потому как я говорю это от себя лично!..»⁴¹ Более того, в разговоре с Александром Сен-Жюльен сказал: «Сир, позвольте человеку, который не имеет чести находиться на вашей службе, но который испытывает к вам глубокую привязанность... сказать вам, что вы собираетесь начать страшную борьбу, судьба которой окажет решающее влияние на судьбу России и Европы». Сен-Жюльен рассказывает, что царь тотчас схватил его за руку и воскликнул: «Генерал, не говорите „начинаю“, потому что это не я начинаю...»⁴²

Но начинал именно Александр. Если бы он готовил войска в связи с какой-либо угрозой для России, подлинной или

мнимой, ему не надо было бы концентрировать их непосредственно к границам. Как уже отмечалось, Александр знал, что к концу 1810 — началу 1811 года у Наполеона было едва 46 тыс. человек французских войск на территории Германии, да и те находились большей частью в районе Гамбурга. Эти силы никак не могли угрожать безопасности Российской империи с её более чем полумиллионной армией. Для того чтобы создать хоть малейшую угрозу для России, Наполеону необходимо было бы перебросить войска не только с территории Франции, но и из Италии и даже из Испании. Понятно, что в отсутствие современных средств передвижения такая переброска никак не могла бы занять менее 4—5 месяцев.

С учётом того, насколько в русском штабе были осведомлены о действиях французского командования, не приходится сомневаться, что, едва первые колонны тронулись бы с места, об этом тотчас стало бы известно в Петербурге. Даже принимая во внимание, что это «тотчас» означало бы, разумеется, 3—4 недели на доставку курьерами соответствующих донесений, русский штаб имел бы более чем достаточно времени для осуществления выдвижения войск на необходимые оборонительные рубежи.

Любой человек, мало-мальски знающий военное ремесло, понимает, что одно дело, когда воинская часть находится в месте своего постоянного расквартирования, и совсем другое, когда она выдвигается на боевые позиции. Последнее всегда сопряжено с расходами, сложностями логистического характера, дополнительными трудностями для прибывающих пополнений и т. д. Так что без необходимости войска из мест расквартирования никто не снимает.

Сопоставляя политические и военные планы, представленные Александру, его переговоры с Чарторыйским и Сен-Жюльеном, можно убедиться: нет никакого сомнения в том, что царь готовился не к защите рубежей страны, в чём в то время не было ни малейшей необходимости, а занимался

мероприятиями по подготовке наступательной войны. Целью этой войны было не просто вторжение в герцогство Варшавское и его разгром. Совершенно очевидно, что подобная война не могла пройти безнаказанно, что Наполеон попытался бы защитить герцогство, подтянув для этого необходимые силы. В любом случае война с ним тогда была бы неизбежна.

Именно поэтому цель военных операций определялась не только как захват Польши, но и выход на линию Одера и вовлечение Пруссии в военный союз с Россией. Разумеется, что всё это предпринималось не для того, чтобы полюбоваться на красивые пейзажи берегов Одера, а предполагало продолжение войны и разгром Наполеона. Д'Аллонвиль прекрасно резюмировал эту необходимость в уже приведённом политическом мемуаре: «Мало поэтому поставить препятствие на пути столь большой мощи, но необходимо её уничтожить».

Действительно, невозможно было бы сокрушить Польшу, организовать выступление Пруссии против Франции, не доведя это дело до логического конца, то есть не добившись полного разгрома наполеоновской империи и вступления в Париж. Таким образом, как бы это ни показалось непривычным, русские войска, сосредотачивавшиеся в районе Гродно и Вильно, Минска и Брест-Литовска, готовились не просто к походу на Варшаву, а ни много ни мало к вступлению в Париж!

Разумеется, после начала войны 1812 г. и вторжения французских войск в русские пределы эти планы мгновенно забылись, однако до этого о них говорили вовсю. Известный польский политический деятель Немцевич в своём написанном летом 1812 г. произведении «Литовские письма» рассказывал о настроениях офицеров русской армии в период накануне войны: «Всю зиму они говорили не об обороне границ, а о преследовании французов за Вислу, Эльбу и за Рейн, и аж до самого Парижа»⁴³.

Планы Александра, безусловно, подтверждает миссия Чарторыйского на территории герцогства Варшавского. Как уже отмечалось, царь поручил ему переговорить с самыми главными лицами этого государства и, прежде всего, с князем Юзефом Понятовским. Чарторыйский, пользуясь своими обширными связями, легко получил возможность провести переговоры, но в лице князя Юзефа Понятовского он встретил честного и преданного воина, который поклялся в верности Наполеону и не собирался его предавать. Более того, Понятовский тотчас же направил соответствующие рапорты в Париж. Он был настоящим рыцарем и, пообещав Чарторыйскому, что сохранит их разговор в тайне, не сообщил Наполеону ни о самом разговоре, ни о том, с кем он говорил, зато немедленно доложил всё остальное, что было связано с подготовкой русских войск к вторжению. К этому времени на столе у императора уже была целая куча написанных поляками рапортов, где ему докладывали о готовящемся нападении на герцогство. Впрочем, зная о том, что в интересах поляков столкнуть лбами Россию и Францию, этим сообщениям не очень-то доверяли. Но такого доклада, который Наполеон получил от князя, у него еще не было:

«Варшава 18 февраля 1811 г.

Сир,

Ваше Величество простит меня, если среди Ваших великих дел я привлеку Его внимание к тому, что мне удалось узнать о планах России. Важность этих сведений мне представляется столь серьёзной, а источники, в которых я их нашёл, столь надёжны, что, без сомнения, я оказался бы человеком, нарушающим признательность к Вам, если бы я хоть на секунду промедлил сообщить о них...

Российский император имеет проект объявить себя королём Польши или поставить на этот трон кого-нибудь из тех, кто ему полностью предан. Чтобы узнать о тех препят-

ствиях, которые подобные намерения встретят в герцогстве Варшавском, **умелые агенты посланы, чтобы узнать, каков дух и настроение влиятельных особ**, будь то среди гражданских лиц, будь то среди военных. Они должны изучить настроение страны и армии, чтобы узнать, можно ли, увлекая людей иллюзиями, направить их с доверием и энтузиазмом в руки той державы, которая обещает полякам их национальное возрождение, их имя и их изначальные границы...

Пруссия должна действовать со всеми своими военными силами. Король, правящий ныне, обязан будет последовать за общим движением. В случае если он будет сопротивляться, его низложат всеобщим восстанием, которое готовится Россией. **Первыми военными операциями с её стороны должен стать захват крепостей на линии Одера...**

Выполнение этого плана в отношении герцогства Варшавского будет осуществляться значительными силами, которые будут наступать с разных сторон и собираются уже между Ковелем и Гродно среди обширных пинских лесов и болот. Эти войска, составленные большей частью из конницы, должны действовать с большой скоростью. **Они должны ворваться внезапно в герцогство, уничтожить слабое сопротивление, которое может оказать армия, рассеянная по большой протяжённости страны и у которой не останется время, чтобы собраться. Затем русские войска должны вступить в Варшаву, где будет объявлено о восстановлении Польши под эгидой России и провозглашён новый монарх...**

Я не могу сообщить о способе, с помощью которого я узнал это секретное намерение, но точность сведений, которые я получил, такова, что более невозможно сомневаться. Я гарантирую Вашему Величеству словом чести, что всё то, что я сейчас изложил, действительно занимает в этот момент мысли императора (*России*)...

Я надеюсь, что нет необходимости говорить Вашему Величеству о духе, который пронизывает нашу армию, о её

преданности Франции и её августейшему монарху. Честь является гарантом поведения офицеров...

Настроение жителей герцогства хорошее, и они преданы Вашему Величеству, однако я не скрою, что всеобщим желанием является восстановление Польши, и, если этот результат будет представлен Россией — это будет серьёзный мотив для соблазнения заблуждающихся...

Вот, Сир, состояние дел. Срочность их вынудила меня пренебречь всеми формальностями и обратиться непосредственно к Вам. Простите меня, Сир, за откровенность солдата»⁴⁴.

Понятовский направил в этот же день рапорты также своему формальному начальнику, королю Фридриху Августу Саксонскому, а затем и маршалу Даву. В письме последнему говорилось, что сведения получены из многих источников, что они проверены и перепроверены, и никаких сомнений не остаётся.

Написав один раз Наполеону, Понятовский более не беспокоил императора, но засыпал своими посланиями маршала Даву и короля Фридриха Августа. В письме от 25 марта 1811 г. он писал саксонскому королю: «Новые и новые войска без конца собираются и приближаются к нашим границам. Они везут с собой свою артиллерию, а также всё необходимое, чтобы тотчас же выступить в поход... Нет сомнения, что около 160 тыс. человек собрано поблизости от герцогства Варшавского, и они предназначены для вторжения. Можно даже указать места, где оно произойдёт, когда известно, что одна армия в количестве 80 тыс. человек сосредоточена в районе Ковеля, а другая, такой же примерно численности, располагается между Вильно, Белостоком и Гродно... Большое количество кавалерии, которое входит в эту армию, не оставляет сомнения в том, что противник желает придать своим движениям большую быстроту. Что можно противопоставить этим мощным силам, действие которых будет ещё более опасным за

счёт быстроты исполнения... каковы ресурсы, которыми может располагать герцогство Варшавское? Наши крепости можно едва рассматривать как крепости. В них не существует зданий, которые могут противостоять осадным снарядам, в них нет продовольствия, и, в общем, в подобном состоянии они нам ничем не могут помочь, так как расположение в них гарнизонов только ослабит армию... а они не смогут сопротивляться мощному усилию врага. Наша армия храбра, и в ней царит самый лучший дух, но, если мы вычтем из её числа гарнизоны и депо, и всё, что мы не сможем использовать по причине недостатка снабжения, у нас останется едва 20 тыс. человек, из которых 7 тыс. кавалерии»⁴⁵.

Письма Понятовского были получены Наполеоном в начале марта, и ответом на них стали первые приказы об отправке подкреплений войскам в Германии. Однако император, видимо, не до конца поверил князю и своим дипломатическим агентам, которые сообщали примерно то же, что и он. Меры, которые предпринял Наполеон в марте 1811 г., являются, без сомнения, подготовкой войск к возможному столкновению с русскими, но всё же это не мероприятия по организации большой войны.

3 марта император сообщает командующему французскими войсками в Германии маршалу Даву, что он желал бы усилить гарнизон Данцига до 9 тыс. человек. 13 марта Наполеон пишет тому же адресату, что он хотел бы иметь надёжную крепость и опорный пункт на Эльбе. Наконец, 24 марта, опять-таки в письме Даву, Наполеон рекомендует маршалу позаботиться, чтобы Понятовский сформировал в Польше национальную гвардию.

Император пишет в том же послании: «Ничто не заставляет меня думать, что русские объединятся с англичанами, чтобы начать со мной войну. Они слишком заняты турками. Но я думаю, что, когда они с ними покончат и когда их армия возвратится, она появится в больших силах на польских

границах. Тогда они станут более требовательными, а мы уже не сможем сделать никаких движений на помощь полякам, так как при малейшем нашем передвижении они осуществят вторжение в герцогство Варшавское. Поэтому все наши перемещения мы должны будем осуществить в течение апреля. Когда это произойдёт, возможно, что последует взаимное объяснение, что позволит нам выиграть время, но тогда у меня будет хорошая позиция для наступления. Данциг будет подготовлен к обороне, в нём будет достаточный гарнизон, а у Вас будет почти две дивизии у Штеттина, так что при их малейшем движении вперёд мы придём на Вислу почти одновременно... Если русские не нападут на нас, я не желаю предпринимать в этом году никаких движений, но мы должны быть готовы»⁴⁶.

Анализируя письма императора, можно заявить, что максимум, к чему он готовился в этот момент, была оборонительная война. Количество французских войск на территории Германии увеличивалось. Укреплялся Данциг, создавались депо на Эльбе, однако всё это очень далеко от подготовки широкомасштабной наступательной войны с Россией, и уж тем более от приготовлений к вторжению. По данным Чернышёва, после весенних мероприятий Наполеона по усилению войск на территории Германии, по состоянию на 7 мая 1811 г., здесь было 73,5 тыс. военнослужащих Франции и контингентов союзных германских государств,⁴⁷ которые входили во французские соединения. При этом около 300 тыс. французских солдат и офицеров находились в Испании и Португалии, а более 350 тыс. были рассредоточены на огромном пространстве берегов империи, занимали гарнизоны во Франции, Италии, Голландии, пребывали в депо полков... Таким образом, лишь 11% французских военнослужащих были разбросаны по территории Германии и потенциально хоть как-то могли быть задействованы в войне в случае необходимости оборонять герцог-

ство Варшавское. Сложно вообразить, что это могло свидетельствовать о приготовлениях к нападению на Россию.

Таким образом, Александр явно шёл впереди своего противника. Именно он первым сосредоточил армию на границах и предназначил её для вторжения.

Объясняя свою позицию королю Вюртемберга, Наполеон написал 2 апреля 1811 г.: «Я надеюсь, и я верю, как и Ваше Величество, что Россия не начнёт войну. Однако... она создала 15 новых полков, дивизии из Финляндии и Сибири идут к границам Великого герцогства, наконец, четыре дивизии из её Молдавской армии также находятся на марше к территории границ Великого герцогства. Всё это не слова, а дела, которые показывают намерения правительства. Зачем забирать дивизии с юга, где они так нужны России в войне против турок, зачем создавать новые полки в тот момент, когда не хватает средств и когда имеешь на руках большую войну, расходы на которую покрываются только за счёт печати бумажных денег»⁴⁸.

В те дни, когда Наполеон писал это письмо, в герцогстве Варшавском судорожно готовились к предстоящему, как всем казалось, неминуемому вторжению. 4 апреля 1811 г. Понятовский спешно отбыл в Париж, чтобы лично сообщить императору обо всём происходящем. По дороге он заехал в Дрезден, где проинформировал саксонского короля о том, что происходит на границах, и затем помчался на почтовых в столицу Франции.

В его отсутствие 27 апреля в Варшаве была получена депеша от короля Саксонии, в которой приказывалось немедленно подготовить всю страну к обороне: «эвакуировать из Варшавы в Данциг всю материальную часть артиллерии, которая не будет принимать участие в обороне страны. Запастись боеприпасами, сухарями, фуражом в тыловых укреплениях между Вислой и Одером. Отозвать депо и собрать войска от Пултуска до Варшавы, вызвать из отпуска всех во-

еннослужащих. Ускорить закупки лошадей и использовать для этого реквизиции... председателю палаты имуществ предоставить в распоряжение военного министра всё, что у него есть в запасе в кассе... госпиталя должны быть немедленно эвакуированы на Калиш»⁴⁹. Было приказано даже взорвать валы Замостья в связи с тем, что эта крепость не могла бы выдержать серьёзной осады. «Это последнее предписание подчеркивает, насколько опасность оценивалась как неминуемая,— писал Луи Биньон, представитель Франции в герцогстве.— Я выступил, однако, против этой меры разрушения... Мои доводы были приняты»⁵⁰.

В Варшаве все пребывали в состоянии возбуждения. Здесь со дня на день ожидали появления русских казаков, погром, пожарища и уничтожение герцогства. Паковали архивы, которые повезли в надёжные крепости, увозили больных военнопленных, отправляли тяжёлую артиллерию в укрепления Модлина и Торна.

О происходившем в Варшаве были хорошо осведомлены в русском штабе. Вот что докладывал военному министру посол России граф Ливен из Берлина: «Польское правительство опасается внезапного вторжения русских. Они считают, что не смогут сопротивляться противнику без помощи Франции»⁵¹. Один из тайных агентов сообщал: «...Каждый полагал, что русские в несколько дней вступят в Варшаву. Прага снова была укреплена, там заложены возвышенные батареи, 800 человек при том работали, а Модлин ещё более укрепляется... Из дому князя Понятовского отправлены также лучшие картины в Калиш, и... Совет и все министры готовы ехать в Калиш. Кадеты также должны туда отправиться»⁵². А полковник Турский, руководитель русской разведки в Белостоке, так говорил о состоянии войск герцогства: «Их армия состоит из 60 тыс. человек, вооруженных, снабжённых всем необходимым, закалённых в боях, не мечтающих ни о чём другом, как погибнуть или от-

воевать своё право на существование и право называться (поляками)»⁵³.

Князь Юзеф Понятовский сразу по прибытии в Париж 24 апреля 1811 г. был принят императором в загородном дворце Сен-Клу. Здесь состоялась долгая и подробная беседа польского князя и Наполеона. Нам неизвестно, что именно говорил Понятовский, но очевидно, что его речь была страстной и убедительной. Если до беседы с ним Наполеон во многом сомневался в правдивости донесений из герцогства, то теперь он им поверил.

В этот же день император приказывает своему брату Жерому, вестфальскому королю, предпринять шаги для формирования «небольшого армейского корпуса». Новому министру иностранных дел Маре, герцогу де Бассано отдаётся указание послать в Пруссию секретных агентов с задачей узнать, что происходит между Берлином и Эльбой, а также в Кенигсберге.

Кстати, в связи с новой ориентацией внешней политики Франции были произведены изменения в составе министерства. Как уже отмечалось, министр иностранных дел Шампаньи получил отставку, и новым министром стал упомянутый Маре. Шампаньи в своих мемуарах писал, что получил отставку в связи с тем, что император отныне решил готовиться к войне с Россией, а он был противником подобного курса. Насколько это соответствует истине, сказать сложно, однако совершенно ясно, что именно в эти дни в политике Наполеона происходит крутой поворот. После получения рапортов из герцогства император принимает решение о самых серьёзных военных приготовлениях и окончательно утверждает в нем после беседы с Понятовским.

Одновременно из Петербурга был отозван уже хорошо известный нам Арман де Коленкур, и на место его назначен новым послом генерал-адъютант императора Жак-Александр Ло де Лористон. Бывший однокашник Наполеона по

военной школе, он был не только отважным боевым генералом, но и неплохим дипломатом. Император надеялся, что Лористон будет более проницательным и наблюдательным, чем его предшественник.

Вполне очевидно, что Коленкур не соответствовал новому курсу. Он не только полностью находился под влиянием Александра I, но самое главное, совершенно проглядел все военные приготовления России. Он единственный, кто ничего не увидел ни в 1810, ни в начале 1811 года. Ясно, что такой посол не мог отныне пользоваться доверием Наполеона в качестве дипломатического представителя. Что касается лично дивизионного генерала Армана де Коленкура, Наполеон, напротив, сохранил к нему огромное уважение. Он считал его глубоко честным и порядочным человеком и желал иметь его в своей свите среди своих помощников (в ходе войны 1812 г. Коленкур в качестве обер-штальмейстера будет заведовать всеми лошадьми и транспортом императорской свиты).

Коленкур приехал в Париж утром 5 июня. В этот момент Париж принимал праздничный облик. Чуть больше чем за два месяца до возвращения посла произошло важное событие — 20 марта 1811 года, как и желал того император, Мария-Луиза подарила ему наследника. Теперь, по случаю крестин мальчика, с которым многие французы, и не только, связывали надежду на стабильность и спокойствие, столица готовилась к празднику. Коленкур, не останавливаясь, проехал через предпраздничный город и без промедлений прибыл во дворец Сен-Клу. Бывший посол был незамедлительно принят императором. Это было около одиннадцати часов утра, когда Наполеон только что завершил ранний обед.

А затем началась беседа, которая продолжалась целых семь часов! К сожалению, запись этой беседы сделана Коленкуром уже после войны 1812 г., и в ней можно найти ряд мыслей, которые, без сомнения, появились задним числом.

Однако большая часть разговора, судя по всему, передана верно, поэтому мы неплохо знаем, о чём говорилось в рабочем кабинете императора в Сен-Клу 5 июня 1811 г. Разговор с Коленкуром имеет кардинальное значение для темы, которой посвящена эта книга, поэтому послушаем, о чём говорил император со своим посланцем.

Наполеон встретил начало речи генерала с нетерпением и вскипел, когда тот назвал план нападения русских на герцогство Варшавское смешной сказкой, выдуманной поляками:

— Вас дурачат Александр и русские, вы не смогли увидеть то, что происходило у вас под носом! — воскликнул император.

В ответ на это бывший посол продолжил свой отчёт и горячо возражал Наполеону, который повторял, что русские готовят нападение на герцогство. Честный и отважный воин, Коленкур дошёл до того, что сказал:

— Я готов, чтоб меня заключили в тюрьму, я готов положить голову на плаху, если события не оправдают меня...

Эти слова, сказанные с удивительной твёрдостью и уверенностью, немного смутили Наполеона:

— Итак, вы верите, что Россия не хочет войны, и что она останется в союзе и будет придерживаться континентальной системы, если я дам ей удовлетворение в Польше?

Коленкур ответил, что уступка в этом вопросе и умеренная политика будут залогом того, что мир сохранится:

— Нужно как можно ближе вернуться к тому положению, которое установилось после Эрфурта. Если вы хотите восстановить Польшу, тогда другое дело.

— Я же сказал, что не хочу восстанавливать Польшу!

— Тогда я не понимаю, зачем Ваше Величество жертвует союзом с Россией.

Сказав эту фразу, Коленкур стал с жаром доказывать, что сам император даёт пример нарушения континентальной блокады.

— Вы влюблены в Александра? — с улыбкой спросил Наполеон.

— Нет, я влюблён в мир, — твёрдо произнёс бывший посол. По мнению Коленкура, наступил момент, когда император должен сделать свой выбор между двумя решениями, каждое из которых имеет положительные стороны, но исключает другое:

— Вам нужно выбрать между Польшей и Россией, ибо дела приняли такой оборот, что, если вы не хотите разочаровать одну сторону, придётся потерять другую.

— А вы что бы выбрали?

— Союз, осторожность и мир.

Сказав это, Коленкур произнёс длинную речь, полную дифирамбов в адрес Александра I, хваля его искренность и благородство. Он говорил с таким пылом, что император полушутя заметил:

— Если бы парижские дамы вас слышали, они бы ещё больше сошли с ума от императора Александра, а то и так ваш рассказ о его манерах, о его любезности в Эрфурте вскружил им головы!

Но Коленкур не сдавался, он говорил о добрых намерениях Александра, о необъятных силах России, а затем, возвращаясь к характеру царя, добавил:

— Он упрям, он легко уступает в некоторых вещах, но в то же время он начертал себе круг, за пределы которого не переступит.

На что Наполеон воскликнул:

— Он лжив, у него византийский характер!

А далее император произнёс фразу, которую Коленкур, без сомнения, записал правильно. Эта фраза, наверное, лучше всего раскрывает то, что было в действительности, и то, что Наполеон подсознательно почувствовал в это время:

— Александр честолюбив, в его желании войны есть какая-то скрытая цель. Он желает её. Иначе почему же он отказыва-

ется от всех предложений, которые я подавал ему? У него есть какой-то тайный мотив. Вам, случайно, не удалось его разгадать? Я уверяю вас, это не Польша, и тем более не какое-то ольденбургское дело...

Эти слова императора, пожалуй, действительно самые пророческие и самые глубокие. Он инстинктивно понял, что дело не в Польше, не в Ольденбурге и не в континентальной блокаде, а в чём-то другом. Он понял, что, несмотря на все предложения, несмотря на все разумные варианты урегулирования отношений, Александр почему-то ищет столкновения. Эту странную, не поддающуюся логике ненависть русскому царю не диктовали разумные соображения геополитики или экономики. Как это ни кажется невообразимым, но и политические, и экономические вопросы были только поводом и способом для реализации этой иррациональной злобы.

Великий князь Николай Михайлович, который создал, пожалуй, одну из самых лучших работ об императоре Александре, написал: «Русский монарх во время Отечественной войны показал все свои блистательные способности... В остальные же двадцать четыре года его правления **интересы России, к сожалению, были отправлены им на второй план**»⁵⁴.

Без сомнения, после Отечественной войны, в ходе которой наполеоновские войска вступили в Россию, стало казаться естественным, что царь испытывал неприязнь по отношению к Наполеону. Но дело в том, что в 1811 г. Наполеон не вступил ещё в Россию. И более того, не собирался воевать с Россией, по крайней мере до тех пор, пока не получил убедительных свидетельств подготовки Александром широкомасштабной войны против него.

Очень часто историки, приводя выдержки из беседы Наполеона с Коленкурром, делают акцент на различных пророческих замечаниях французского посла, касающихся необъятных просторов России, сил её армии и сурового климата... Мы не можем проверить, что сказано было тогда, а что было

написано позднее, но обычно подобные предсказания делаются задним числом. Если есть что-то, что можно привести наверняка, это как раз те слова, которые Коленкур записал, несмотря на то что они шли вразрез с тем, что случится позднее. Именно этим словам мы больше всего и доверяем. Возможно также, что послу хорошо запомнилось завершение беседы, поскольку оно было довольно эмоционально.

— Война и мир в руках Вашего Величества, — воскликнул Коленкур, — я умоляю вас ради вашего счастья, ради процветания Франции подумать и сделать правильный выбор между тяготами войны и выгодами мира.

— Вы говорите как русский, — строго ответил Наполеон.

— Нет, Сир, как добрый француз и как верный слуга Вашего Величества!

Коленкур был честный человек, и Наполеон знал и ценил это. Доводы бывшего посла были произнесены столь страстно, столь энергично, с такой верой в их справедливость, что император засомневался. А может, действительно, вся информация о готовящемся нападении русской армии — не что иное, как плод воображения экзальтированных поляков, заинтересованных в разжигании конфликта, да творчество мелких агентов, которые пишут небылицы, лишь бы было за что получать деньги?

На следующий день после разговора с Коленкуром, 6 июня 1811 г., император отдал ряд приказов, отменяющих предыдущие указания о начале военных приготовлений. Военному министру было отдано распоряжение вернуть обратно в депо командный состав новых формирующихся батальонов, направлявшихся в Германскую армию*, был

* Напомним, что *Германская армия* (Armée d'Allemagne) — это французская армия, расквартированная на территории германских государств; так же как *Итальянская армия* — совокупность французских войск на территории Италии, *Испанская армия* — совокупность французских войск на территории Испании.

отменён приказ, согласно которому отряды, шедшие на пополнение Испанской армии, должны были направляться в Германию, и т. д.

Нельзя, конечно, сказать, что эти распоряжения прекращали все военные приготовления, но эти приготовления как бы притухли. В речи, произнесённой 16 июня на открытии законодательного корпуса, Наполеон громогласно декларировал: «Англичане повсюду поджигают войну, то они приписывают Франции проекты, которые могут беспокоить другие государства... То они призывают к самолюбию наций, чтобы возбудить их ревность... В любом случае только война на континенте может обеспечить их процветание. Но я не хочу ничего, что выходило бы за рамки заключённых мною договоров. Я никогда не пожертвую кровью моих народов интересам, которые не являются интересами непосредственно моей империи (*прозрачный намёк на войну за восстановление Польши*). Я надеюсь, что мир на континенте не будет нарушен»⁵⁵.

Действительно, в июне 1811 г. военно-политическая ситуация, казалось, изменилась. Все источники, находящиеся в распоряжении французского императора, отмечали уменьшение военной активности на российской территории. Подобное положение было связано с изменением намерений Александра. Сведения, полученные царём из герцогства Варшавского, были для него неутешительны. План наступления строился на двух принципиальных положениях: первое — предполагалось, что поляки и армия герцогства частью перейдут на сторону России, а частью останутся пассивными; второе — вторжение должно было произойти внезапно, оно должно было захватить герцогство врасплох и мгновенно подавить, как считалось немногих, которые окажут сопротивление.

Но дело обернулось совершенно иначе. Князь Понятовский категорически отказался стать предателем, а маленькая армия герцогства решила драться до последнего во имя

Польшы и Наполеона. Наконец, экстренные мероприятия, проведённые польским командованием, привели к тому, что армия была приведена в полную боевую готовность. В случае войны часть её могла запереться в крепостях, ожидая подхода помощи, часть — уйти из-под удара и использовать все возможности, чтобы отступить на соединение с саксонскими и французскими войсками.

Подобный вариант развития событий совершенно не устраивал Александра. Зато появилась другая перспектива, и именно её начнёт разрабатывать царь с начала лета 1811 г. Стало очевидным, что в ответ на сосредоточение русских войск на границе Наполеон ответил началом самых широкомасштабных военных приготовлений, о которых тотчас же стало известно русскому командованию и не только. Войска тогда продвигались очень медленно, а информация, хоть и не с современной скоростью, но всё же распространялась несравненно быстрее, чем неспешное движение пехотных колонн и тяжёлых армейских обозов. Поэтому о приготовлениях французского императора вскоре узнали во всей Европе. По всеобщему мнению, война должна была грянуть в скором времени. Роковое колесо завертелось, и теперь, чтобы его остановить, от обеих сторон потребовались бы серьёзные политические усилия и добрая воля...

В этой ситуации, когда подготовка к войне началась и во Франции, Александр понял, что у него есть довольно выгодный вариант алгоритма действий, а именно — завлечь Наполеона на свою территорию и вести сначала оборонительную войну, чтобы предварительно измотать неприятеля. Нетрудно было понять, что, раз начав серьёзно готовиться к войне, французскому императору будет непросто остановиться. О войне теперь говорили все русские и все польские офицеры. Первые бахвалились тем, что скоро будут в Варшаве и Париже, вторые грозились отшлёпать «москалей» как следует и восстановить великую Польшу «от

моря до моря». В этой ситуации неизбежны были провокации с той и с другой стороны, обострения конфликта, как следствие этого — новые приготовления Наполеона и новые витки напряжённости. Иначе говоря, столкновение стало практически неизбежным.

Можно сказать, что Александр своей цели добился. Теперь сложно было надеяться, что Россия и Франция помирятся, а тем более ожидать, что сохранится не формальный, а реальный союз. За почти десять лет деятельности на внешнеполитической арене молодой царь реализовал свой болезненный комплекс. Россия и Франция, у которых не было решительно никаких серьёзных противоречий, а, наоборот, имелись все предпосылки к тесному взаимодействию на международной арене, стали врагами, хотя открыто эти слова ещё не произносились.

Александр, у которого было тонкое политическое чутьё, понял, что в этой ситуации очень выгодно было бы выставить себя перед Россией и Европой в качестве невинного агнца, продемонстрировать, что он всегда действовал как верный союзник и миролюбивый монарх, но стал жертвой несправедливой агрессии со стороны ненасытного деспота.

В случае наступательной войны первые же поражения вызвали бы в России взрыв возмущения. В случае же оборонительного характера первых боевых действий можно было заручиться куда более серьёзной поддержкой общественного мнения, которое легче могло бы простить отдельные неудачи. Бескрайние просторы Российской империи становились в таком случае не препятствием (для мобилизации сил), а благоприятным фактором, вследствие возможности поглотить с помощью пространства усилия неприятеля.

Подчеркнём, что речь идёт только о первой фазе войны, конечная цель которой была не защита России, а сокрушение наполеоновской империи и, следовательно, поход в Европу и вступление в Париж. Только в случае начала кон-

фликта в виде оборонительной войны её завершение лишь откладывалось на более позднее время.

Людвиг фон Вольцоген, немец на русской службе, в будущем генерал, а в тот момент флигель-адъютант царя в чине подполковника, рассказывает в своих очень точных воспоминаниях: «26 июня (1811 г.) я был внезапно приглашён в императорскую резиденцию на Каменном острове. Меня принял лично император в своём кабинете. У него был озабоченный вид, и он заявил мне, что ожидает неотвратимой войны с Наполеоном. Он очень долго колебался, он сделал всё, чтобы дело до этого не дошло... он знает, что русские и очень многие в Европе не понимали мягкость, которую он проявлял в отношении императора французов, но он считал, что его долг состоял в том, чтобы не подвергать благо своего народа, честь своей династии и судьбу мира случайностям войны без крайней необходимости. Теперь эта крайняя необходимость наступила. Ожидание отныне несовместимо с политической честью. Если Наполеон не изменит свой тон, он (*Александр*) будет драться до того, пока один и них не падёт... Чтобы подготовиться к этому крайнему случаю, он выбрал меня для осмотра западной части его империи, которая должна была стать театром войны, и подготовить тщательным образом оборонительную войну»⁵⁶.

Если отбросить неизбежную преамбулу о том, как царь старался на благо своего народа, слова Александра очень точно отражают реальную ситуацию. Действительно, он решил, что «ожидание более не совместимо с политической честью», иначе говоря, война необходима. Эта война должна быть доведена до логического конца — ликвидации Наполеона и его империи. Наконец в сложившейся ситуации на повестке дня встала война, начало которой должно пройти в оборонительных операциях.

В это время Александр окружил себя целой свитой людей, приехавших в Россию, как скажет позже поэт, «на ловлю сча-

ства и чинов». Среди них выделялись корсиканец из Аяччо — Поццо ди Борго, клан которого исторически враждовал с кланом Бонапартов; французские эмигранты, полные ненависти к новой Франции, д'Аллонвиль и де Вернег; немецкий националист, ярый враг Наполеона, Штейн; итальянец Серра-Каприола, дипломатический агент монархической и клерикальной реакции; и известный интриган, швед Армфельд. Всё достоинство этих людей определялось не знаниями, не заслугами перед Россией, не талантами, а только одним — их жгучей ненавистью к Наполеону. Им было глубоко наплевать на те страдания, которые выпадут на долю русского народа в случае войны, на тысячи погибших людей, они жаждали лишь одного — утопить в крови императора французов. Так, Армфельд, точно отражая новую стратегию царя, написал в это время, что он очень надеется, что Наполеон «попадёт в западню», иначе говоря, начнёт войну первым.

Одной из умелых провокаций Александра был вопрос компенсации за Ольденбург. Уже в апреле 1811 г. Чернышёв во время очередной встречи с Наполеоном передал императору слова Румянцева: «Если бы удалось ссыпать в один мешок дела Польши и Ольденбурга, перемешать их хорошенько, а затем вытряхнуть, то союз между Францией и Россией сделался бы более прочным». Это предложение, высказанное намёком молодым флигель-адъютантом, нашло своё подтверждение в депешах, присланных новым послом Франции в России генералом Лористоном в июне и июле 1811 г.

Уже в разговоре с Чернышёвым Наполеон, услышав о Польше, воскликнул: «Ну нет, сударь! К счастью, мы ещё не дошли до такой крайности. Отдать герцогство Варшавское за Ольденбург было бы верхом безумия. Какое впечатление произвела бы на поляков уступка хотя бы одной пяди их территории в момент, когда Россия угрожает нам! Мне, сударь, каждый день со всех сторон твердят, что у вас существует проект захватить герцогство. Да ведь и мы не все мёртвые!»⁵⁷

Во время апрельского разговора ловкий флигель-адъютант вывернулся, сказав, что, быть может, он не слишком правильно понял мысли руководства, но летние депеши от Лористона совершенно определённо подтвердили — Александр желает в качестве компенсации за Ольденбург именно часть герцогства Варшавского. В ответ Наполеон продиктовал своему министру иностранных дел Маре подробную записку, фактически рассуждение, беседу с самим собой, что делать в данной ситуации: «Всё заставляет думать, что мир удалось бы сохранить, если бы можно было уступить область герцогства Варшавского, населённую 500—600 тыс. жителями... Если бы в герцогстве существовала особая народность, численностью в 500—600 тыс. человек, территорией которой император мог бы располагать и которую без ущерба для чести он мог бы передать России, эта уступка была бы предпочтительнее войны. Но все части герцогства принадлежат одному народу, если он потеряет 500—600 тыс. человек, его полная гибель будет лишь делом времени. Вопрос, следовательно, стоит следующим образом: может ли Франция допустить, чтобы Россия приросла всем герцогством? Такое увеличение перенесёт границы России на Одер и на границы Силезии. Это государство, которое Европа в течение целого столетия тщетно старалась удержать на севере и которое, благодаря стольким захватам, распространилось уже много дальше своих естественных границ, сделается большой силой на юге Германии и будет вмешиваться в дела остальной Европы, чего здравая политика не может допустить... Исходя из этого, Его Величество решил поддерживать силой оружия существование герцогства Варшавского, неразрывно связанное с его целостностью»⁵⁸.

Таким образом, кажется, всё ясно. Война, которая встала на повестку дня, должна была стать войной, целью которой была защита герцогства Варшавского, с неизбежным следствием в случае победы Наполеона — восстановлением

Польского королевства. Император считал, что Российское государство и так достигло необычайной степени могущества, и дальнейшее его увеличение приведёт к абсолютному дисбалансу сил в Европе. Поэтому война неминуема. Так считал, в частности, выдающийся историк русско-французских отношения Альбер Вандаль.

Однако один интереснейший документ, почему-то оставшийся вне поля зрения многих исследователей, вносит серьёзные коррективы в эту стройную концепцию. Речь идёт о письме князя Чарторыйского к Александру, написанном 24 июля 1811 г., то есть как раз тогда, когда Наполеон решал принципиальный вопрос своих дальнейших действий в отношении России.

«Как кажется, Франция, упорно пытающаяся покорить Испанию, готова предпринять всё, чтобы сохранить мир с Россией», — указывает князь своему царственному другу. И далее, подчёркивая твёрдую позицию Наполеона в отношении целостности герцогства, Чарторыйский передаёт слова императора французов: «Пусть только один казак нарушит границу герцогства, и я объявлю о восстановлении Польши».

Приведённая фраза почти точно соответствует мыслям Наполеона в письме, продиктованном Маре, но далее князь передаёт фразу императора, которая представляет всё в совершенно неожиданном свете. Если верить документу, Наполеон заявил: «Говорят, что император Александр желает провозгласить себя королём Польши, если это будет сделано не насильем, а по нашему взаимному согласию, — я охотно соглашусь на это (!). Я сам уже предлагал подобный вариант, но тогда он не принял этот дар. Я соглашусь даже на то, чтобы королём Польши был провозглашён его брат (!)». Чарторыйский далее пишет: «Это его (*Наполеона*) собственные слова... Я предлагаю Вашему Величеству вступить в переговоры с Наполеоном о судьбе Польши и поляков и с помощью восстанов-

ления Польши решить недоразумение, не дать начаться войне и сохранить согласие между империями»⁵⁹.

Таким образом, даже летом 1811 г. Наполеон был готов отдать всю Польшу русскому царю при единственном условии, чтобы это произошло «по взаимному согласию», а не было бы разгромом созданного им герцогства. Разгромом, сопряжённым с гибелью десятков тысяч людей и репрессиями в отношении тех, кто служил под знамёнами Наполеона.

Получается, что Наполеон защищал даже не столько герцогство, сколько честь своей империи. Он был не против того, чтобы отдать всю Польшу под российский протекторат, лишь бы избежать войны с Россией, и лишь бы это было сделано с соблюдением формальных приличий. Наполеон справедливо полагал, что одно дело — поделиться с другом, пусть даже очень сомнительным, и другое дело — бросить верно служивших ему людей на растерзание врагу. Разумеется, что такая «полюбовная» передача Польши в руки Александра I потребовала бы со стороны царя каких-то встречных уступок и гарантий. Зато всякая франко-русская война была бы исключена, уже хотя бы потому, что с исчезновением наполеоновской Польши в лице герцогства две империи, как и ранее, были бы «разведены» в разные концы Европы.

Но со стороны Александра никакой реакции на предложения Наполеона, переданные через князя Чарторыйского, не последовало. Царь совершенно не искал мирного разрешения конфликта, а искал только войны, уничтожения наполеоновской империи и, прежде всего, свержения Наполеона. Русские войска продолжали подтягиваться к границам.

Наполеон получил по этому поводу многочисленные рапорты от своих подчинённых. Прежде всего, от Даву, которому стекалась информация в его штаб-квартиру в Гамбурге, и от Раппа, который руководил разведывательной сетью из Данцига.

«Нам угрожает скорая и неизбежная война, — писал один из авторов донесений маршалу Даву, — вся Россия готовит-

ся к ней. Армия в Литве значительно усиливается. Туда направляются полки из Курляндии, Финляндии и отдалённых провинций. Некоторые прибыли даже из армии, воевавшей против турок... **В русской армии силён боевой дух, а её офицеры бахвалятся повсюду, что скоро они будут в Варшаве...**»

Предыдущее письмо Даву отправил 3 июля 1811 г., а спустя всего несколько дней маршал снова писал: «Сир, я имею честь адресовать Вашему Величеству последние рапорты из Варшавы. В ближайшие дни вышлю расписание четырёх корпусов русской армии, а также местонахождение их полков, согласно различным рапортам... Вероятно, эти рапорты сильно преувеличены, ибо согласно им в Ливонии и Подолии собрано более двухсот тысяч солдат, но ясно, что силы русских там очень значительны...»

Через несколько дней Даву выслал императору новые донесения из Варшавы. Вот выдержки из этих рапортов:

«Августово, 27 июня 1811 года.

Раньше повсюду говорили, что приготовления на границах герцогства — это лишь меры предосторожности русских, вызванные перемещением польских войск, теперь **русские открыто говорят о вторжении в герцогство** по трём направлениям: через Пруссию из Гродно на Варшаву и через Галицию...

Рапорт Лужковской таможни (*на Буге*).

6 июля 1811 года.

Три офицера из дивизии Дохтурова осматривали границу по Бугу... **Русские жители и казаки уверяют, что эти офицеры приехали выбирать место для лагерей, и что скоро русская армия вступит в герцогство.**

Рапорт из Хрубешова.

27 августа 1811 года.

Письма, полученные из России, возбуждают разговоры о приближающейся войне... Повсюду в окрестностях ожи-

дается прибытие новых войск (*русских*), для которых приготавливаются запасы...

Рапорт генерала Рожнецкого из Остроленки.

31 августа 1811 г.

...Новости с северной границы Ломжинского департамента подтверждают то, что уже много раз говорилось: большое количество повозок циркулирует между Пруссией и Россией. Ни от кого не скрывают, что речь идёт о боеприпасах»⁶⁰.

На основании многих донесений можно было заключить, что русские дивизии перебрасываются с Дуная к границам герцогства.

И Наполеон взорвался. 16 августа 1811 г. он продиктовал своему министру иностранных дел Маре подробную записку, приведённую выше, о ситуации в Европе, а за день до этого, в свой день рождения, он совершил публичное выступление, не оставившее у всей Европы сомнений о состоянии русско-французских взаимоотношений.

В жаркий солнечный день 15 августа 1811 г., как обычно в день рождения императора, происходил приём в тронном зале Тюильри. Как всегда, зал был переполнен высокопоставленными сановниками, членами дипломатического корпуса, именитыми гостями. Император не торопясь обходил приглашённых, вступая со всеми в короткие, ничего не значащие вежливые беседы. День был столь жарким, и в зале было столь душно, что сановники и генералы, обливавшиеся потом в своих расшитых золотом тяжёлых мундирах, потихоньку стали расходиться. Именно в этот момент император подошёл к князю Куракину. Впрочем, и с ним разговор начался с банальных фраз, касавшихся боевых действий русской армии против турок. Наполеон произнёс нечто похожее на лекцию по стратегии, а потом, заговорив о неудачах русской армии, внезапно сказал, что они про-

истекают «не столько из-за ошибок ваших генералов, сколько из-за вашего правительства, которое забрало у них те войска, что были крайне необходимы, которое увело пять дивизий с берегов Дуная на берега Днестра. **И зачем?** — задал он риторический вопрос, а потом с жаром стал на него отвечать: — **Чтобы вооружаться против меня, против вашего союзника ...против меня, который никогда не хотел воевать с вами и не хочет этого делать и сейчас! ...и всё это ради кого? Ради принца Ольденбургского? Ради нескольких контрабандистов?.. Вот из-за подобных людей вы и готовите войну со мной! Но знайте, что у меня есть 600 тыс. солдат, чтобы выставить против вас, у меня есть 400 тыс. в Испании, я знаю своё дело, и пока вы меня ещё ни разу не побили, и с Божьей помощью надеюсь, что не побьёте никогда!»**

Наполеон говорил быстро, с порывом и энергией, осыпая оцепеневшего и что-то мямлящего посла потоком упрёков и угроз. Речь императора была эмоциональна, он иногда противоречил сам себе: «Я же не знал, до какой степени вам был важен этот Ольденбург, если бы я знал, я сделал бы по-другому. Но сейчас что делать? Возвратить вам его с моими таможенниками, иначе я не могу. Но вы же не захотите! ...а в Польше я не дам вам ничего ...нет, ничего!»⁶¹

Император не прекращал поток излияний целых три четверти часа, но под конец решил закончить свою речь, как и подобает на дипломатических приемах, на мажорной ноте: «Давайте объяснимся и не будем воевать». С этими словами он пожал руку Куракина и позволил ему, наконец, удалиться...

Александр Борисович, раскрасневшийся от жары и волнения, едва выйдя из тронного зала, заявил всем, что «у императора было очень жарко».

Свидетели этой сцены, послы европейских стран, присутствующие на приёме, тотчас в мельчайших деталях об-

рисовали произошедшее в рапортах своим дворам. Куракин также описал всё в подробном отчёте о разговоре, и потому, собственно говоря, длинная речь Наполеона сохранилась для истории, конечно, с небольшими вариациями от одного документа к другому. Несмотря на её оптимистическое завершение, все восприняли обращённую к Куракину тираду как декларацию, почти что как объявление войны. Собственно говоря, так оно и было. Начиная с этого времени правительства и армии обеих держав не сомневались: тревога на границе обернётся войной...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Czartoryski A.-J. Mémoires du prince Czartoryski et correspondance avec l'Empereur Alexandre I. Paris, 1887, t.2, p. 211—214.
2. Ibid, p. 217, 220, 221.
3. Ibid, p. 222.
4. Ibid, p. 223.
5. Correspondance de Napoléon I... t. 20, p. 50.
6. Ibid, p. 108.
7. Ibid, p. 250.
8. Margueron L. Campagne de Russie. Paris, 1903, t. 1, p. 101—102.
9. Ibid, p. 103—104.
10. Correspondance de Napoléon I... t. 20, p. 268.
11. Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-Учёного Архива Главного Штаба. Отдел I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. СПб., 1900, т. 1, с. 3.
12. Там же, с. 20.
13. Там же, с. 18.
14. Там же, с. 86.
15. Correspondance... t. 20, p. 154, 155, 158.
16. Ibid, p. 159—160.
17. Lejeune L.-F. Mémoires du general Lejeune. Paris, 1895, t. 2, p. 39.
18. Correspondance... t. 20, p. 457—458.
19. Внешняя политика России, т. 5, с. 450—451.
20. Рукописный отдел РНБ, Ф 836, Чернышёв А.

21. Материалы Военно-Учёного Архива Главного Штаба. Т. 1, ч. 2, с. 181.
22. Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1905, т. 3, с. 18.
23. *Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, 1760—1850, extraits de ses archives*, p., s. d., t. 3, p. 235—237.
24. *Correspondance...* t. 21, p. 224.
25. Vandal A. *Napoléon et Alexandre I...* t. 2, p. 502.
26. Внешняя политика России... т. 5, с. 624—625.
27. Grand Duc Nicolas Mikhailovitch. *L'Empereur Alexandre. Essai d'étude historique*. SPб, 1912, t. 1,
28. Внешняя политика России, с. 315.
29. Рукописный отдел РНБ, фонд 73 № 378.
30. Там же.
31. Czartoryski A.-J. *Mémoires*, t. 2, p. 250—252, 254.
32. Материалы Военно-Учёного Архива Главного Штаба. Т. 1, ч. 2, с. 282.
33. Czartoryski A.-J. *Mémoires...* t. 2, p. 257—258.
34. Материалы Военно-Учёного Архива Главного Штаба. Т. 2, с. 53.
35. Czartoryski A.-J. *Mémoires*, t. 2, p. 264.
36. *Ibid*, p. 265—266.
37. *Ibid*, p. 277—278.
38. Vandal A. *Napoléon et Alexandre I*, t.3, p. 222.
39. Там же, с. 83—93.
40. Fabry G. *Campagne de Russie*. P., 1900—1903, t. 1, p. IV, VII.
41. Grand Duc Nicolas Mikhailovitch, t. 1, p. 392.
42. *Ibid*, p. 395.
43. Niemcewicz J. U. *Listy litewskie*. Warczawa, 1812, p. 8.
44. *Correspondance du Prince Joseph Poniatowski avec la France*. Poznan, 1921—1929, t. 3, p. 156—160.
45. *Ibid*, p. 192—194.
46. *Correspondance de Napoléon I*, t. 21, p. 508.
47. Материалы Военно-Учёного Архива Главного Штаба. Т. 2, с. 263—267.

48. Correspondance de Napoléon I, t. 22, p. 15.
49. AF IV 1655/1.
50. Bignon L.-P.-E. Souvenirs d'un diplomate. La Pologne (1811—1813). Paris, 1864, p. 57—58.
51. Материалы Военно-Учёного Архива Главного Штаба. Т. 2, с. 208.
52. Там же, с. 297—298.
53. Там же, с. 74.
54. Grand Duc Nicolas Mikhailovitch, t. 1, p. VI.
55. Correspondance de Napoléon I, t. 22, p. 243.
56. Wolzogen L. von. Mémoires d'un général d'infanterie au service de la Prusse et de la Russie (1792—1836). Paris, 2002, p. 63.
57. Correspondance de Napoléon I, t.3, p. 131.
58. Vandal A. Napoléon et Alexandre I, t.3 p. 221—222.
59. Grand Duc Nicolas Mikhailovitch, t. 1, p. 362—363.
60. Margueron L. Campagne de Russie. Paris, 1903, t. 3, p. 22, 29, 50, 51, 187, 188.
61. Цит по: Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris, 1856, t. 13, p. 186—188.

ГЛАВА 9

Дипломатия на широком фронте

Война отныне была предрешена, но, прежде чем заговорили пушки, на всём фронте будущего военного столкновения завязалось грандиозное дипломатическое сражение. Речь шла о том, как поведут себя в будущем конфликте страны, сопредельные Российской империи. Вне зависимости от того, должна ли была война для России стать оборонительной или наступательной, её ход во многом должен был зависеть от позиции Швеции, Пруссии, Австрии и Турции. О герцогстве Варшавском говорить не приходится, так как его настроения не вызывали ни малейшего сомнения. Что касается Турции, она уже вела войну с Россией, но до столкновения империй оставалось ещё немало времени, и турки могли либо помириться с царём, либо, наоборот, начать воевать с удвоенной силой. Разумеется, в случае с Турцией ситуация зависела не только от политической обстановки и усилий дипломатов, но и от развития событий на театре военных действий.

Но об этом чуть позже, а пока начнём с северного фланга предстоящего столкновения великих империй.

Швеция

Лагерь, в котором оказалась Швеция в 1812 г., куда менее определялся геополитикой, чем цепью случайных обстоя-

ятельств, достойных плохого исторического романа. Как уже упоминалось в главе 6, в результате переворота в Швеции был свергнут Густав IV, и королём был избран его дядя герцог Сёдерманландский. Власть почти сама собой пришла к нему по праву родства. Он уже управлял королевством в качестве регента при малолетнем Густаве IV в 1792—1796 гг. Теперь уже очень немолодой герцог снова оказался у власти, на этот раз в качестве короля, принявшего имя Карл XIII. По современным понятиям это был ещё совсем не дряхлый человек, в 1809 г. ему исполнился только 61 год. Однако в то время люди старели несколько быстрее, чем сейчас, и, кроме того, Карл XIII обладал очень плохим здоровьем, а многие вообще говорили о его слабоумии.

Так как сына у престарелого монарха не было, риксдаг решил избрать наследного принца для продолжения династии и управления королевством при мало способном к этому короле.

Выбор пал на принца Карла-Августа Гольштейн-Аугустенбургского. Он был избран в июне 1809 г., но не прошло и года, как 28 мая 1810 г. во время смотра войск упал с лошади... и тотчас скончался, как было официально объявлено, от «апоплексического удара».

Страна опять осталась без управления, нужно было снова избирать наследника! Среди кандидатов, кроме младшего брата погибшего принца, серьёзно рассматривалась кандидатура датского короля или, на худой конец, его сына, чтобы в перспективе объединить два королевства. Шведский риксдаг очень хотел угодить Наполеону, так как шведы надеялись, что император рано или поздно сменит гнев на милость и вспомнит о заблудшем старом (ещё с начала XVII в.) союзнике Франции. Поэтому кандидатуры датского короля или датского принца, являвшихся верными союзниками наполеоновской империи, казались очень перспективными. Так оно и было. Но, увы, для многих шведов всё,

связанное с Данией, было неприемлемым, настолько укоренилась старая вражда этих двух скандинавских народов.

В ситуации, когда сам король и наиболее влиятельные шведские политические деятели не могли никак определиться, инициативу перехватил молодой офицер Карл-Отто Мёрнер, решивший попытаться продвинуть на шведский престол одного из наполеоновских маршалов. Мёрнер привёз письмо от Карла XIII императору французов в Париж и здесь сумел встретиться с Бернадотом, который из всех наполеоновских полководцев был наиболее известен в Швеции. В 1807 г. маршал сражался против шведской армии в Померании и зарекомендовал себя как неплохой полководец, а главное, проявил себя как великодушный победитель по отношению к шведским пленным.

Молодому офицеру легко удалось добиться согласия Бернадота, а далее, так как Наполеон хранил молчание, решив не воздействовать на решение риксдага, за него заговорили другие. Тем, кого Мёрнер увлёк за собой, удалось убедить риксдаг, что Наполеон жаждет избрания своего маршала, но молчит из скромности. И совершенно невообразимая авантюра удалась. На заседании риксдага 21 августа 1810 г. маршал Бернадот единогласно был избран наследным принцем. Узнав об этом, Наполеон был в шоке, но было уже поздно. Император хотел было довольно осторожно намекнуть маршалу, что, быть может, не стоило принимать подобный дар, но Бернадот ловко парировал: «Сир, не желаете же Вы, чтобы я встал выше Вас, отказавшись от короны?» На что Наполеон вынужденно ответил: «Хорошо, отправляйтесь, и пусть свершится то, что должно свершиться».

Реакцию императора нетрудно понять, учитывая, что среди всех его маршалов Бернадот выделялся, но не своими талантами, а своим вечным недовольством, оппозицией и намеренным срывом крупных военных предприятий. В 1802 г., ещё будучи дивизионным генералом, Бернадот

оказался замешан в заговоре, возникшем среди военнoслужаших подчинённой ему Западной армии *. Этот заговор, ни много ни мало, ставил своей целью вооружённый мятеж и насильственное свержение первого консула. Заговор был раскрыт, ряд офицеров надолго угодили в тюрьму, но никаких мер против генерала-заговорщика принято не было.

Спустя четыре года, 14 октября 1806 г., во время двойного сражения под Йеной и Ауэрштедтом корпус под командованием Бернадота находился прямо посредине между двух битв. До Ауэрштедта, где маршал Даву, истекая кровью, принял неравный бой, было всего лишь несколько километров, но Бернадот категорически отказался прийти на помощь своему товарищу по оружию. Даву одержал блистательную победу, но вся армия была возмущена поступком Бернадота, и как сказал один из офицеров: «Действия маршала Бернадота были столь недостойными, что его следовало бы либо отдать под трибунал, либо сделать вид, что ничего не произошло. К сожалению, император избрал второй вариант действий».

Во время битвы под Эйлау корпус Бернадота также не пришёл на помощь, на этот раз главным силам армии. Наконец, в 1809 г. под Ваграмом маршал не слишком удачно действовал во главе саксонского корпуса, зато в воззвании, обращённом к солдатам своего соединения, едва ли не весь успех французской армии в этот день объяснялся несравненными манёврами саксонцев...

Естественно, возникает вопрос, почему уже в 1802 г. Наполеон вместо суда над Бернадотом и как минимум его разжалования, а быть может и тюремного заключения, в 1804 г. сделал его маршалом. Почему в 1806 г. даровал Бернадоту

* *Западная армия* — армия, расквартированная на территории западных департаментов Франции со штаб-квартирой в городе Ренн (Бретань).

громкий титул князя Понте-Корво и огромную денежную ренту, но не отдал его под военный трибунал после безобразной выходки под Ауэрштедтом?

Для ответа на этот вопрос нам придётся с геополитических высот спуститься на тот уровень, на который историки обычно предпочитают не переходить, ибо они, как выразился в своё время Луи Мадлен, «опасаются прослыть романистами». Тем не менее в случае с Бернадотом невозможно не сказать хотя бы пару слов о его личной жизни. Дело в том, что в 1798 г. молодой генерал Бернадот женился на очаровательной девушке Дезире Клари, дочери состоятельного марсельского негодяя. Но эта девушка по иронии судьбы была, ни много ни мало, отвергнутой невестой Наполеона Бонапарта! Той, которую за два года до этого он бросил ради внезапно охватившей его страсти к Жозефине Богарне.

Сохранившееся письмо Дезире Клари к Наполеону показывает, насколько драматичным было это расставание. Вот несколько строк из него: «Ну вот Вы и женаты на другой. Больше не позволено несчастной Эжени (*так Наполеон, который всех переименовывал на свой манере, называл Дезире*) любить Вас и думать о Вас... Я думала, что я стану счастлива, я надеялась Вас увидеть скоро и стать самой счастливой из всех женщин, выйдя за Вас замуж... Теперь я желаю только смерти. Жизнь для меня страшная мука с тех пор, как я не могу её Вам посвятить»¹.

Чувство вины перед Дезире Наполеон сохранит на многие годы; что бы там ни говорили, в некоторых случаях император мог быть сентиментальным и подверженным самым обычным человеческим чувствам и слабостям. Но комплекс вины был не единственной причиной. Дело в том, что сестра Дезире, Жюли, вышла замуж за... брата Наполеона Жозефа Бонапарта, и таким образом Бернадот к тому же оказался дальним родственником Наполеона,

седьмой водой на киселе, конечно (мужем свояченицы), но всё же родственником.

Оба этих личных фактора заставляли императора закрыть глаза на поведение строптивного и неверного маршала, прощая ему выходки, которые он не простил бы никому другому. В частности и поэтому он не стал препятствовать избранию Бернадота наследным принцем, хотя почти не сомневался, что тот поведёт политику своей отныне Швеции так, чтобы как можно меньше следовать в фарватере политики Наполеона.

Но всё же император ещё надеялся, что французское происхождение маршала, а также геополитические интересы Швеции не позволят Бернадоту вести откровенно враждебную политику по отношению к своей ставшей теперь далекой родине.

Кстати, нужно сказать, что не только деятельность нескольких ловких интриганов стала причиной того, что Бернадот был с энтузиазмом выбран риксдагом. Шведские элиты надеялись, что французский маршал на престоле гарантирует, что отныне у шведской армии будет хороший военачальник. И в тот момент, когда разразится русско-французский конфликт, о возможности которого уже всю говорили во второй половине 1810 г., у Швеции появится шанс вернуть утраченную Финляндию, а может быть, и нечто большее. Сам престарелый король с энтузиазмом говорил, обращаясь к эмигранту на шведской службе генералу Сюрмену: «Если Наполеон поссорится с Александром — какая будет у нас великолепная возможность вернуть Финляндию! ...Я не могу уже более сесть на коня, но на корабле больше нужна голова, чем ноги. Наследный принц будет командовать армией, а я флотом. Как прекрасно закончить своё правление славным походом!» «Когда он произносил эти слова, — рассказывает Сюрмен, — его глаза блестели, его язык уже более не заплетался, казалось, король становился моложе от одной только этой мысли»².

Но Бернадот развернул политику Швеции в совсем другом направлении; конечно, во многом причиной этого были жёсткие требования Наполеона в сфере присоединения королевства к континентальной системе. Подчиняясь предписаниям императора французов, 17 ноября 1810 г. Швеция объявила войну Великобритании, а ещё ранее под давлением Александра сообщила о закрытии своих портов для английских судов. Однако для страны, где чуть ли не все крупные города находились на побережье, а экономика почти целиком зависела от морской торговли, подобные ограничения были трудно приемлемы. То, что для России было лишь неприятным стеснением, стало бы экономической катастрофой для Швеции. Впрочем, шведы никогда и не выполняли в действительности требования блокады даже на таком уровне, как Россия. В шведские порты заходили суда не только под английским флагом, но даже и английские боевые корабли. Причём английские офицеры прогуливались на берегу, не снимая своей формы и не стараясь хоть как-то скрыть своё присутствие (что касается рядовых моряков, в те времена они носили некое подобие рабочей одежды, по которой было сложно определить их принадлежность к тому или иному флоту). Посол Наполеона, бывший ярый якобинец Алькье, в довольно резкой форме настаивал на выполнении шведской стороной правил блокады. Однако его многочисленные представления не приводили ни к какому эффекту, а отношения между Францией и Швецией становились всё более натянутыми. Бернадот, казалось, был совсем не против такого оборота событий.

Более того. Вместо политического курса на возвращение Финляндии, что могло, конечно, произойти только в случае франко-русского конфликта и участия Швеции в борьбе против России, наследный принц намеревался сделать ставку на совсем другое приобретение. Он решил, что для шведских элит самое главное — территориальное расширение, и

возлагал надежды на захват Норвегии, которая входила в это время в состав Датского королевства и, следовательно, была частью государства — верного союзника Франции.

С этой замечательной идеей Бернадот обратился к императору французов через уже упомянутого посла Алькье. Подчёркивалось, что, если Наполеон окажет помощь в этом завоевании, Швеция станет для него надёжным помощником, в случае войны с Россией направит свои войска на отвоевание Финляндии и, более того, даже будет угрожать Петербургу.

Мысль обобратить верного союзника и друга вызвала у императора взрыв негодования: «В голове шведского принца столько горячечного бреда и нескладных мыслей, что я не придаю никакого значения сообщениям, которые он сделал борону Алькье...» Более того, император подчёркивал однозначно: «Я поручаю моему министру (*иностранных дел*) приложить все усилия, чтобы ободрить и поддержать Данию и сообщить, что... я при необходимости окажу ей помощь всеми силами моей империи»³.

Получив недвусмысленный отказ, Бернадот стал зондировать почву в отношении России. Для переговоров в Петербург был послан граф Лёвинхильм, в задачу которого входило, как указывалось в его инструкциях, «приобрести Норвегию и предотвратить возможность неожиданного сближения России с Францией».

Накануне петербургских переговоров в январе 1812 г., в связи с полным несоблюдением Швецией континентальной блокады, французские войска заняли шведскую Померанию — маленький остаток некогда обширной Шведской империи на юге Балтики. Задача была всё та же, которая привела в своё время к оккупации Ольденбурга, — воспрепятствовать проникновению английских товаров на север Германии. Подобные действия не могли не сказаться отрицательно на франко-шведских отношениях и ещё более подтолкнуть

Бернадота к сближению с Александром. «Поспешность (в переговорах с Россией) меня удивила,— рассказывает генерал Сюрмен,— я могу её объяснить лишь старой и постоянной враждебностью Бернадота к Бонапарту. Король подтвердил моё мнение, сказав, что с самого прибытия в Швецию наследный принц думал опереться на Россию и нанесённый проездом визит Чернышёва в предыдущем году (1811) уже посеял семена сближения. Так что вторжение в Померанию лишь ускорило дело и послужило принцу тем, что дало хороший повод, чтобы обозначить свою позицию»⁴.

Царь без возражения согласился на перспективу грабежа Дании в обмен на то, что Швеция в грядущей войне выступит на стороне России. Интересно, что, заявляя везде о себе как о поборнике прав угнетённых Наполеоном народов, Александр без малейших сантиментов был готов отдать народ Норвегии под власть шведского короля, что для норвежцев означало бы самый несправедливый национальный гнёт. Более того, согласно договору, подписанному почти одновременно в апреле 1812 г. в Петербурге и Стокгольме, Россия должна была помочь своими войсками в завоевании Норвегии.

Тем не менее, прежде чем пустить в ход оружие, царь предложил сначала воздействовать на датского короля «убеждением» и порекомендовать ему отдать Норвегию добру-здорову. Причём в качестве компенсации за потерянные земли Александр готов был отдать датчанам... Ольденбург! Иначе говоря, готовясь к грандиозной войне якобы из-за потери маленького герцогства родственников Александра, царь без малейшего сожаления был готов отдать это герцогство как плату за шведский союз в предстоящей войне! Может, тогда проще было обойтись без войны?..

Бернадот, в свою очередь, обещал Александру высадить войска в Померании для операций на левом фланге и тылах французской армии. Согласно русско-шведскому договору, подписанному в Петербурге 24 марта (5 апреля) 1812 г., было

определено, что «высокие договаривающиеся стороны обещают друг другу помощь, принимая на себя самое торжественное обязательство совместно осуществить диверсию, которая расстроила бы операции войск Франции и ее союзников, направив объединенный корпус в составе 25—30 тыс. шведов и 15—20 тыс. русских различных родов войск в тот из пунктов на побережье Германии, который будет сочтен тогда наиболее подходящим для ведения успешных действий против армий Франции и ее союзников». Но это далеко не все. Статья 9 договора определяла дату нападения. Русские войска «должны быть готовы к действиям с 1 мая сего года по старому стилю (13 мая по новому стилю)»⁵.

Однако бывший маршал не удовлетворился тем, что заключил союз против страны, давшей ему жизнь и славу. Он всеми силами стремился ещё более разжечь ненависть Александра к Наполеону, ибо очень боялся, что в случае, если Россия и Франция примирятся, ему, прямо скажем, не поздоровится. Верный проводник его мыслей граф Лёвинхильм высказал чудовищную мысль, с которой полностью был солидарен Бернадот: «Только в тот день, когда польётся кровь, можно быть уверенным, что ход событий не будет прерван»⁶.

Таким образом, на северном фланге дипломатическое сражение обернулось явно не в пользу Наполеона. Швеция, бывшая держава «восточного барьера», оказалась не просто в лагере его противников, но более того, в стане его непримиримых врагов. Как скажет Сюрмен: «Никто не способствовал так сильно падению Бонапарта, как Бернадот, наследный принц шведский»⁷.

Пруссия

В отличие от Швеции, политика прусских властей по отношению к Франции определялась не случайными дипло-

матическими кульбитами и альковными историями, а вполне естественными потребностями и не менее естественной реакцией на французское завоевание. Население разгромленной в 1806 г. Пруссии, лишившейся половины своих земель по Тильзитскому договору, униженной долгой французской оккупацией, обзлѐнной расходами на выплату огромной военной контрибуции, естественным образом было настроено враждебно как по отношению к Наполеону лично, так и к французам вообще. В главе 5 уже отмечалось, что в 1808 г. на территории Пруссии возникла тайная организация Тугендбунд, направленная на борьбу с наполеоновской империей. Пруссия стала также источником германской националистической философии и идеологии, которая позже даст известные всем печальные плоды.

При этом нужно отметить, что поражение в войне, как ни странно, принесло и свои положительные результаты. Под влиянием контакта с Францией Пруссия невольно должна была встать на путь радикальных преобразований, как в обществе, так и в армии. В октябре 1807 г. был опубликован знаменитый эдикт, который уничтожил феодальную зависимость крестьян и освобождал земельную собственность от различных ограничений, которые стесняли её куплю-продажу. В ноябре 1808 г. была проведена муниципальная реформа, вводившая самоуправление в городах. Одновременно были проведены и административные реформы, модернизирующие весь государственный аппарат королевства.

Одними из самых крупных нововведений были реформы в армии. Эти преобразования проводились под руководством генерала Герхарда фон Шарнхорста, который с 1807 г. возглавлял комиссию по реорганизации армии, а с 1808-го — военное министерство. Хотя всеобщая воинская повинность будет установлена в Пруссии только в 1814 г., однако новая прусская армия была уже народной армией, где путь к офицерским званиям открывался для каждого, у

кого были к этому способности, вне зависимости от словной принадлежности.

Шарнхорст стремился развить уважение к простому солдату, он считал, что нравственная сила армии гораздо важнее, чем мелкие детали технической стороны военного дела. Во многом идеи Шарнхорста повлияли на будущее творчество величайшего военного теоретика Карла фон Клаузевица, который был ближайшим соратником знаменитого преобразователя прусских войск. Во многих изречениях Клаузевица, посвящённых войне, чувствуется тот дух, который он и Шарнхорст пытались вложить в новую прусскую армию: «Армия, сохраняющая свой привычный порядок под губительным огнем, никогда не поддающаяся панике перед воображаемой опасностью, а перед лицом действительной оспаривающая каждую пядь поля сражения, армия, гордая сознанием одержанных побед, которая на краю гибели, после поражения, сохраняет силу послушания и не утрачивает уважения и доверия к своим начальникам, армия, физические силы которой закалились среди лишений и трудов, как мускулы атлета, и которая смотрит на эти напряжения как на средство, ведущее к победе, а не как на проклятие, тяготеющее на ее знаменах, армия, которой обо всех этих обязанностях и добродетелях напоминает короткий катехизис, состоящий всего из одного лозунга — лозунга о чести ее оружия, — такая армия действительно проникнута воинским духом»⁸.

Без сомнения, думая о том тяжёлом состоянии, в котором оказалась Пруссия, Клаузевиц позже написал: «Завтра заключается в сегодня, будущее создаётся в настоящем; в то время как вы безумно уповаете на будущее, оно уже выходит изуродованным из ваших ленивых рук. Время — ваше, то, чем оно станет, зависит от вас».

О том, какие настроения господствовали в прусской армии и в Пруссии вообще, говорят многие документы. По этому поводу приведём одно ещё никогда не публиковав-

шееся свидетельство, письмо, написанное 8 сентября 1811 г. и перлюстрированное почтой, работавшей по заданию маршала Даву. Его автор — офицер прусской кавалерии; вот что он пишет:

«Все говорили о возможности новой войны между Россией и Францией. Теперь об этом говорят меньше, но зато уверяют, что война между Францией и Пруссией близка... С нашей стороны не хотят выполнять его (*Наполеона*) желания и не боятся его властного тона. Король ответил, что он скорее похоронит себя под обломками трона, чем даст удовлетворение его претензиям... В Кольберге выгрузили 50 тыс. английских ружей, и можно себе вообразить, с какой энергией все готовятся к будущим событиям. Поведение России по отношению к нам доказывает, что отношения между нашими государствами таковы, какие только можно было бы пожелать. Говорят, что император России подарил русских коней полку бранденбургских гусар и полку „Гард дю Кор“. Эти хорошие кони будут служить и в нашем полку, который получит 97 голов, половина которых прибыла с Украины и из Польши. Ты не можешь себе вообразить энтузиазм прусской нации, которая узнала о решении короля. А вы, галлы, что вы думаете, видя Пруссию в такой мощи? Вы, наверно, думали, что Пруссия перестала существовать как сила и что крылья её орла подрезаны?

...Несколько недель тому назад мы выкинули забавную шутку. Нам нужно было стрелять из пистолетов, чтобы к пальбе привыкали наши люди и кони. Мы взяли несколько досок, склотили их вместе, сделали щит и на нем нарисовали красками французского кирасира. Он служил нам мишенью, и мы стреляли в него с разных дистанций на шаге, на рыси и на галопе»⁹.

Как можно судить из этого письма, посланного за границу, прусская армия была настроена по-боевому и была готова сразиться с французами. Мнения тех, кто был настроен

положительно по отношению к Наполеону, а такие тоже были, тонули в атмосфере общей враждебности. Императору об этом докладывали, и он прекрасно знал обстановку.

Однако, если в войсках было много горячих голов, прусский король совершенно не рвался в бой. Более того, он очень отрицательно относился к военным приготовлениям Александра I, считая его инициатором конфликта. 12 мая 1811 г. в своем письме русскому царю Фридрих-Вильгельм III написал: «Я знаю из верных источников, что император французов не желает войны, и мне кажется, что только от воли Вашего Величества зависит, можно ли будет ее избежать. Я оставляю в стороне причину споров с этим монархом (*Наполеоном*), я не осмеливаюсь решать, в какой степени его действия затрагивают государственные интересы России; но мне кажется, что, применяя чуть более внимательно принципы большой континентальной системы, избегая тем самым поводов для споров, объяснившись, наконец, с императором Наполеоном по поводу того, что его так беспокоит, Ваше Величество могло бы избежать грозы, последствия которой будут неисчислимы. Не стоит ли лучше применить все способы, которые имеются в нашей власти, чтобы сохранить мир на континенте, которого, как кажется, желает его народ, как и остальные народы Европы»¹⁰.

В ответ на мольбы Фридриха Вильгельма не разжигать конфликта в Европе Александр написал письмо, где он возмущался тем, что ему приписывают намерение начать войну... и одновременно дал понять, что его желание обжалованию не подлежит. В этой ситуации несчастный прусский король, который единственный из монархов Европы искренне желал мира, почувствовал, что его обязательно раздавит либо Франция, либо Россия, если он решительно не примет ту или иную сторону в надвигающемся конфликте.

Тогда 16 июля 1811 г. Фридрих Вильгельм написал царю письмо, в котором он опять робко заметил, что, по его мне-

нию, Наполеон все-таки «не хочет войны с Россией, так как он слишком занят на Пиренеях». Однако, понимая, что делать нечего, он предложил царю заключить договор, согласно которому при малейшей опасности со стороны французов русские войска должны были вступить в Пруссию и далее совместно с пруссаками сражаться против наполеоновских полков, разбросанных на территории Германии. Король умолял, раз уж Александр хочет войны, действовать решительно и «прийти реально мне на помощь и не бросать меня в тяжелой ситуации, когда меня раздавят превосходящие силы Наполеона... Пруссия нуждается в решительной системе, которая могла бы обеспечить ей поддержку и гарантии безопасности...»¹¹ Этот план вполне соответствовал настроениям Александра весной 1811 г., зато не очень отвечал его новому стратегическому видению обстановки в конце того же года.

Как уже не раз отмечалось, именно в начале лета 1811 г. Александр от плана наступательной войны переходит к идее заманить наполеоновские войска на свою территорию. Прусские предложения пришлось не ко времени, и царь опять заколебался. Он очень долго не давал никакого ответа прусскому королю, и тогда в сентябре в Петербург с тайной миссией был отправлен сам Шарнхорст. В его задачу входило изложить Александру ту сложную ситуацию, в которой оказалась Пруссия. Действительно, если французский посол де Сен-Марсан был столь же удивительно слеп, как Коленкур, и ровным счётом не замечал военных приготовлений Пруссии, их очень хорошо видели маршал Даву и губернатор Данцига генерал Рапп. Даву и Рапп буквально засыпали императора подробными рапортами о вооружении прусской армии, о подготовке крепостей, о подвозе оружия и боеприпасов, об усиленных учениях прусских войск. Понятно, что в этой ситуации Пруссия рисковала вступить в борьбу один на один с могущественным сосе-

дом. А ещё понятно, что в 1811 г. исход подобной борьбы не вызывал ни у кого ни малейших сомнений.

Именно поэтому Шарнхорст должен был убедить Александра выступить немедленно. В противном случае король боялся, что ему придётся, дабы не быть раздавленным между двумя могучими империями, вступить в союз с Францией, чего он никак не желал. Однако Александр действительно колебался. Он целую неделю не принимал Шарнхорста, который добрался до Петербурга, соблюдая глубокую тайну и предосторожности, достойные авантюрного романа.

Наконец, 4 октября царь принял генерала, но был с ним весьма сдержан. Шарнхорст предлагал начать наступление русских войск, объединиться в общую массу с пруссаками и дать Наполеону решительную битву. В ответ Александр предложил в случае приближения французов действовать по-другому: прусским войскам запереться в крепостях и вести активную оборону, а русской армии тем временем завлечь неприятеля на свою территорию, разгромить его, а потом прийти на помощь пруссакам.

Вполне очевидно, что такой план не вызвал энтузиазма у прусского генерала, ведь в соответствии с ним прусские полки и прусское государство оказались бы брошены на неопределённый срок без всякой поддержки! В результате долгого спора русско-прусская конвенция была всё-таки подписана 7 октября 1811 г. Она предполагала некое промежуточное решение. В случае военной опасности некоторая часть русских войск сразу придёт на помощь пруссакам, остальные подойдут по мере возможности, причём прусской армии рекомендовалось немедленно отступать на встречу русским подкреплениям. Королю же Александр советовал сразу покинуть Берлин и бежать в Кёнигсберг.

Понятно, что подобная конвенция не могла внушить Фридриху Вильгельму особенной бодрости. Он рисковал остаться в ещё худшем положении, чем в конце 1806 г., а

судьба Прусского королевства повисла бы на волоске. Тогда Шарнхорсту поручили новую секретную миссию. На этот раз ему нужно было отправиться в Вену и попытаться получить от австрийцев надёжные заверения о совместных действиях против Наполеона. Этот вояж прусский генерал принял скорее для очистки совести, ибо ответ австрийцев был вполне предсказуем.

Опять Шарнхорст с переодеваниями, под чужим именем тайно добрался до Вены, и опять его заставили долго ждать, но позиция австрийских политиков была ещё менее благожелательной, чем позиция Александра. Конечно, австрийские правящие круги, мягко говоря, «недолюбливали» Наполеона, но, как уже упоминалось, Меттерних взял курс на временное сотрудничество с Францией для извлечения из этого наибольших политических выгод. Кроме того, Австрия лишь полвека тому назад была чудовищным образом ограблена Пруссией, отторгнувшей от Габсбургской монархии её древнюю провинцию — Силезию. Ожидать от австрийцев, чтобы они бросились очертя голову с риском для существования государства спасать своих прусских «друзей», было бы довольно странно. 26 декабря Шарнхорст получил вежливый, но безапелляционный отказ...

Хотя все эти переговоры оставались в глубокой тайне, военные приготовления и болтовню офицеров невозможно было скрыть. В результате 14 ноября 1811 г. Наполеон направляет маршалу Даву приказ составить на крайний случай план войны с Пруссией: «Этот проект должен преследовать цель взять инициативу в свои руки в том случае, если Пруссия будет и дальше лгать. Вы должны всё рассчитать для того, чтобы сделать наши действия наиболее эффективными. Отметьте мне на карте теперешнее положение армии герцогства (*Варшавского*), Ваших дивизий, саксонских и вестфальских войск. Сообщите мне, как Вы предполагаете совершить Ваше наступление, и какие силы Пруссия нам может противопоставить в Берлине и в Кольберге»¹².

Ответом на распоряжение императора был план маршала Даву, датированный 25 ноября 1811 г. Этот план по своему стилю является лучшим воплощением идей немецкого блицкрига, покоящихся на мыслях Шарнхорста и теории Клаузевица. Только немецкий блицкриг, направленный против самих авторов подобной идеи. План войны «на сокрушение», как сказал бы Клаузевиц, войны безжалостной, коварной и стремительной, призванной уничтожить вражеское государство внезапным мощным ударом.

Согласно плану маршала Даву, в назначенный день дивизии Фриана, Гюдена, Морана, Компана и Дессе должны были вступить на территорию Пруссии с разных сторон, причём объявив, что они лишь идут на помощь польским войскам, которые подверглись внезапному нападению со стороны русских. Прусские власти и войска должны были быть захвачены врасплох. Все курьеры немедленно перехвачены, всякое сообщение между прусскими отрядами прервано. Чтобы вызвать у прусских офицеров и генералов полное смятение в головах, планировалось использовать подложные документы. Пруссаки должны были понять, что происходит, только уже оказавшись полностью обезоруженными.

Чтобы этого удалось добиться, нужна была абсолютно полная тайна подготовки. Даже дивизионные генералы французской армии во время их выдвижения на исходные позиции до самого момента нападения не должны были знать, с какой целью они совершают марш. «Только в тот день, когда начнётся реализация плана по дезорганизации прусской армии, войска узнают свою настоящую цель... Все прусские власти должны быть поражены ужасом и быстротой развития событий». Даву предполагал также захватить в Берлине самого короля. «Его взятие в плен столь важно, что я думаю, не стоит упускать это из виду», — писал маршал.

Наконец, что касается Понятовского. Польские дивизии вместе с войсками из Данцига должны были нанести по

Пруссии удар с тыла, однако Понятовскому не следовало ничего сообщать заранее. «Это не потому, что я ему не доверяю, — писал Даву, — я считаю его человеком надёжным и полностью преданным Вашему Величеству, но документ может валяться где-нибудь на столе, а в его стране есть очень ловкие женщины».

Сам Даву понимает, что его план — это шедевр коварства, но он оправдывает это: «Я знаю, что ни одно слово из моего плана не соответствует тому, что можно назвать благородством, но это будет лишь платёж той же монетой прусскому правительству за его действия»¹³.

План Даву не был одобрен Наполеоном, уж очень вероломным он показался императору. К тому же пруссаки, чувствуя, что вокруг королевства собираются тучи, приняли решение пойти на соглашение с Наполеоном. 29 января 1812 г. посол Франции в Пруссии был уведомлён, что король готов принять требования императора французов. При этом выражалась надежда, что великодушный монарх по собственному побуждению дарует Пруссии некоторое снисхождение.

Тотчас же начались конкретные переговоры по поводу заключения союза, и 24 февраля 1812 г. договор между Францией и Пруссией был подписан. Согласно условиям этого трактата Пруссия обязывалась выставить вспомогательный корпус в 20 тыс. человек, постоянно пополняющийся в случае убыли. Кроме союзного контингента, Пруссия должна была открыть свою территорию для прохода французских войск и предоставить большое количество провианта для армии. Согласно договору, пруссаки должны были поставить «400 тыс. квинталов* пшеницы, 200 тыс. ржи, 12,5 тыс. риса, 10 тыс. сухих овощей, 2,2 млн квинталов мяса, 2 млн бутылок водки, 2 млн бутылок пива, 650 тыс. квинталов сена, 350 тыс. соломы, 200 тыс. мер овса,

* *Квинтал* — старинная французская мера веса, 48,95 кг.

6 тыс. лошадей под лёгкую кавалерию, 3 тыс. лошадей для кирасир, 6 тыс. лошадей для артиллерии и обозов, 3 тыс. запряжённых повозок и госпиталя на 15 тыс. больных».

Впрочем, всё это прусские власти предоставляли не бесплатно. В союзном трактате было прописано: «В случае счастливого исхода войны против России, если, несмотря на желания и надежды обеих высоких договаривающихся сторон, эта война произойдёт, его императорское величество (*Наполеон*) обязуется доставить прусскому королю территориальное вознаграждение, чтобы возместить жертвы и убытки, которые (*пруссский*) король понесёт во время войны»¹⁴.

Узнав об этих притязаниях пруссаков, Наполеон усмехнулся: «А клятва над гробом Фридриха?» Император намекал на трогательные излияния и клятвы Александра, Фридриха Вильгельма и королевы Луизы в потсдамской усыпальнице великого короля.

Прусский союз обеспечил Наполеону небольшой воинский контингент, крупные материальные ресурсы и территорию, по которой свободно могли пройти его войска. Однако, добившись содействия королевства, император французов делал наступательную войну почти невозможной для Александра. У русских генералов отныне было ещё меньше соблазна начинать вторжение, ибо одной из главных их целей было объединение русских войск с прусскими. Наполеону казалось, что он выигрывает, получая дополнительные силы от Пруссии, но на самом деле он проигрывал. Впрочем, тогда этого никто не мог бы вообразить.

Австрия

Позиция Габсбургской монархии в будущем конфликте была самой взвешенной, строго мотивированной и отвечающей интересам своего государства. Здесь не было ни альков-

ных историй, ни метаний из стороны в сторону, лишь последовательная, ясная линия, намеченная министром иностранных дел Меттернихом. У нас имеются великолепные документы австрийской внешней политики того времени, которые позволяют составить ясное представление о её развитии. Дело в том, что Меттерних очень много и подробно писал своему государю о внешнеполитических планах, а Франц с этими планами всегда соглашался. Доклады министра написаны именно в то время, о котором идёт речь, они не являются мемуарами, написанными спустя много лет, или измышлениями посторонних лиц. Наконец, Меттерних, вне всякого сомнения, вёл в эти годы внешнюю политику Австрии, и поэтому его письменные размышления — это свидетельства первого лица, определявшего курс своего государства.

Кроме того, министр иностранных дел Австрии был одним из самых информированных людей в Европе в отношении внешнеполитических проблем. Во время бракосочетания эрцгерцогини Марии-Луизы он приехал в Париж и оставался там несколько месяцев. В это время он постоянно встречался с Наполеоном, и не просто встречался, а вёл с императором долгие, можно сказать даже, удивительно долгие беседы. В эти годы Наполеон сильно изменился физически и морально. некогда сухощавый, энергичный, до крайности целеустремлённый первый консул превратился в человека, который если не рано состарился, то, по крайней мере,

Ф. Жерар. Клемент Венцель
Лотар фон Меттерних
(1773—1859)

изменился больше, чем можно было ожидать в его возрасте. Ему было всего лишь сорок с небольшим, а он уже сильно пополнил. К его твёрдой воле добавилась самоуверенность, но самое удивительное, что император стал на редкость болтлив. Впрочем, для того чтобы реализовать этот маленький порок, ему нужен был хороший, высокообразованный, интеллектуальный собеседник, умеющий при этом слушать. Меттерних идеально отвечал этим параметрам. Блистательно образованный, тонкий дипломат, он великолепно понял эту особенность Наполеона и сумел стать чуть ли не его наперсником, которому император, чем дальше, тем больше излагал свои проекты.

Сложно понять, было ли это удивительной наивностью, или удивительной самоуверенностью, или тем и другим вместе, но Наполеон фактически раскрыл многие свои секреты в разговорах с человеком, который возглавлял политику государства, воевавшего с Францией 4 раза менее чем за 20 лет! Более того, который вовсе не исключал, что его держава рано или поздно снова вступит в вооружённую борьбу с Наполеоном! Но, как ни странно, несмотря на это император очень откровенно излагал лукавому австрийцу свои идеи и планы. Так что свидетельства Меттерниха являются ещё и первостепенным источником по истории этой эпохи.

Итак, что же австрийский министр предполагал делать в случае будущего конфликта России и Франции? Он писал, что существуют «три возможных решения: союз с Россией; настоящий союз с Францией при энергичном ей содействии; нейтралитет Австрии».

По поводу перспективы союза с Россией Меттерних абсолютно бескомпромиссен: «Первый вариант невозможно учитывать в наших расчётах. Военные силы Вашего Величества будут парализованы даже до того, как мы успеем их применить. Враг вступит в столицу империи, Галиция восстанет... Что же касается... помощи со стороны России, ис-

тория предыдущих войн уже показала, чего можно ожидать от этой державы».

Меттерних отбрасывает также и идею полного и открытого союза с Наполеоном, считая, что такой союз неприемлем для Австрии, ибо нанесёт ущерб тому порядку вещей, который Габсбурги, по его мнению, представляют в Европе. Под «порядком вещей» Меттерних подразумевает легитимную монархию — её строй и её ценности.

Наконец, Меттерних считает, что абсолютный нейтралитет также невозможен. Почему? Министр иностранных дел уверен, что в будущей войне у России нет никаких шансов. Он говорит: «По моему мнению, Польша является гарантией будущей победы Франции в войне с Россией». Ибо восстание поляков на территориях западных губерний Российской империи неизбежно, и оно «разожжёт пламя, которое распространится до самых пределов старой Польши... Наполеону достаточно сказать слово, чтобы Польша возродилась как значительное и могучее государство. Чтобы это сделать, он не нуждается в нашей помощи...»

Из всего этого тонкий австрийский политик делает вывод, что оставаться в стороне от подобной ситуации было бы просто абсурдно. Тем более что Меттерних не видит в восстановлении Польши вреда для Австрии. Более того, он отмечает: «Я считаю, что у нас есть выгода в возрождении этой старой монархии».

Соответственно, министр полагает, что самое правильное — это занять промежуточную позицию между безусловным союзом с Наполеоном и нейтралитетом. Принять участие в войне, но делать это, если так можно выразиться, без фанатизма. За своё участие в военной кампании попросить серьёзное вознаграждение. Прекрасно понимая, что следствием победы Наполеона будет восстановление Польши, и что в этом случае для Австрии некогда отторгнутые земли Речи Посполитой станут невозможной обузой, он заранее

соглашается с тем, чтобы отдать Галицию будущей возрожденной Польше. Зато в качестве компенсации потребовать от Наполеона возвращение всех иллирийских провинций. «Выгоды границы, которая снова вернёт нам контакт с Италией и Тиролем... несравненны по выгодам с границей, которая соединяет нас с Россией. Мы снова займём среди европейских государств то место, которое мы потеряли в последнее время»¹⁵.

С мнением Меттерниха вполне согласовывалось мнение большинства представителей австрийской элиты. Майор Прендель, посланный с дипломатической и разведывательной миссией в Австрию, докладывал, что сторонников «добраго дела», как на жаргоне европейской аристократии называлась война с Наполеоном, в Вене не очень много, зато весьма влиятельна группировка сторонников эрцгерцога Карла, в которую также входят генерал Грюне, генерал Радецкий, генерал Дука и другие. «К партии эрцгерцога примыкают все крупные землевладельцы этой страны, которые из-за своего эгоизма забывают общее благо и боятся опустошения их земель французами (*в случае войны с Наполеоном*)». Эта влиятельная группировка австрийских элит поддерживает Меттерниха, который очень недоброжелательно смотрит на возможность усиления России, в частности, как сообщает Прендель, министр заявил: «Если согласиться с тем, чтобы турки отдали России Молдавию и Валахию, австрийцам придется обходиться без мяса, а кавалерии без лошадей (*турецкие провинции были крупным поставщиком продовольствия и коней в Австрию*)»¹⁶.

В результате действия Австрии по отношению к русско-французскому конфликту были продуманными и строго следовали заранее намеченной линии. Когда граф Шувалов, посол России в Австрии, сделал Меттерниху первые предложения о союзе, последний разыграл наивность: «Как вы будете сочетать подобный союз с Австрией,— спросил

он,— с теми отношениями, которые существуют у вас с Францией? Неужели ваш союз с Наполеоном уже не существует?»¹⁷

В ответ Шувалов начал говорить, что альянс России и Франции продолжает оставаться самым надёжнейшим, но всё же хотелось бы на всякий случай иметь и австрийский союз. Меттерних ушёл от прямого ответа. Зато своему императору он написал довольно жёстко: «Россия, которая вела в последнее время самую неудачную политику, оказалась в ситуации, когда она стала опасна для её соседей и бессильной против Франции. У этого государства (*России*) нет денег, нет внутренней связи, оно обращается к нам за помощью, не имея возможности оказать нам реальную помощь со своей стороны»¹⁸.

Не следует поэтому удивляться, что переговоры между Францией и Австрией не должны были встретить принципиальных затруднений. К тому же Наполеон и не надеялся получить от Габсбургской монархии какую-то слишком уж активную помощь. Ему достаточно было некоторого содействия этой страны. Первые предложения о союзе поступили австрийскому послу в Париже в ноябре 1811 г. В ходе переговоров Наполеон обещал Австрии возвращение иллирийских провинций и даже Силезии, в случае если Пруссия вздумает изменить свою позицию. 14 марта 1812 г. министр иностранных дел Франции Маре и австрийский посол Шварценберг подписали договор о союзе, который был ратифицирован 10 дней спустя в Вене. Австрия обязывалась выставить для будущей войны 30-тысячный контингент. Наполеон поначалу желал больше войск, но австрийцы поплакались о своей бедности, и император вполне удовлетворился и этим. Договор предполагал, что австрийские войска будут действовать отдельным корпусом под командованием австрийского генерала. Интересный факт: несмотря на то что австрийские войска должны были сра-

жаться в рядах Великой Армии, территория Австрии объявлялась нейтральной и не участвующей в боевых действиях.

Франко-австрийский союз был тайным, однако всё тайное когда-то становится явным, и Александр узнал об этом соглашении благодаря тому, что дипломатический представитель Габсбургской монархии в Стокгольме барон Нейперг информировал шведские власти о подписании франко-австрийского договора. С учётом того, что уже говорилось о Бернадоте, можно было не сомневаться, что эти сведения будут тотчас же переданы в Россию. Известие о том, что австрийцы окажутся союзниками Наполеона, стало ещё одним доводом для Александра, чтобы отказаться от наступательных планов.

Турция

Что касается позиции Турции, она определялась не столько дипломатическими расчётами, сколько событиями продолжающейся русско-турецкой войны. Успехи русской армии в 1809 г. были недостаточны для принуждения Турции к миру. Потому российское правительство решило усилить войска на дунайском театре военных действий, а также произвести смену командующего, несмотря на то что генерал Багратион покрыл себя славой в ходе предыдущей кампании. Во главе армии был поставлен генерал граф Николай Михайлович Каменский, восходящая звезда русского полководческого искусства.

Молодой полководец был сыном фельдмаршала Михаила Каменского, который отличился в войнах России второй половины XVIII в., но к концу своей военной карьеры совсем выжил из ума и дошёл до того, что бросил подчинённую ему армию в декабре 1806 г. накануне Пултуского сражения. Это не помешало его сыну снискать заслуженные

лавы в ходе войны со Швецией в 1808—1809 гг., где он проявил себя на редкость талантливым и отважным военачальником. 17 ноября 1809 г., когда ему ещё не исполнилось тридцати трех лет, он стал уже полным генералом. Теперь при дворе надеялись, что таланты и харизма этого человека помогут решить участь кампании. В его распоряжении оказалась внушительная военная сила. Для борьбы с турками было выделено около 100 тыс. человек. В составе армии Каменского было 142 батальона пехоты, 117 эскадронов и 10 полуэскадронов кавалерии, 108 казачьих сотен и 108 артиллерийских орудий. Сверх того, ему было подчинено 140 боевых судов дунайской флотилии.

С этими силами Каменский перешёл в решительное наступление. Части генерала Засса, переправившись через Дунай, 19 (31) мая овладели крепостью Туртукай. Брат Каменского, также известный генерал, во главе своего корпуса совместно с отрядом генерала Маркова 22 мая (3 июня) отчаянным штурмом взял крепость Базарджик, уничтожив

Кампания русской армии на Дунае в 1810 г.

большую часть гарнизона и взяв в плен более 2 тысяч турок. Наконец русские войска осадили знаменитую крепость Силистрию, которая сдалась 30 мая (11 июня) 1810 г. Правда, штурм другой турецкой крепости, Шумлы, обернулся кровавой неудачей. Это не помешало Каменскому повести свои войска на приступ другой турецкой крепости Рушук. Однако и тут он потерпел поражение. Штурм 22 июля (3 августа) 1810 года буквально захлебнулся в крови. Здесь русская армия потеряла 3 тысячи убитыми и более 5 тысяч ранеными, то есть половину всей армии, сосредоточенной под Рушуком!

Однако жестокие неудачи не сломили дух молодого полководца. Он снова перешел в наступление и 26 августа (7 сентября) у Батина полностью разгромил 30-тысячную турецкую армию. Вслед за этой убедительной победой Каменского 15 (27) сентября пал Рушук, и, наконец, поздней осенью русским войскам удалось овладеть крепостями Никополем, Плевной и Ловчей. В результате в ходе успешной кампании 1810 г. русская армия нанесла туркам серьёзное поражение и овладела всей линией придунайских крепостей. Оставалось теперь сделать только один бросок вперёд, разбить немногочисленные силы противника и триумфально вступить в Константинополь...

Но именно в этот момент Александр I принял решение снять пять дивизий с дунайского фронта и направить их к западным границам!! Некоторые русские историки изображают ситуацию таким образом, что якобы Наполеон сорвал неминуемый успех русской армии на турецком театре военных действий. Но из сказанного на страницах этой книги очевидно, что инициатива переброски русских войск с юга на запад принадлежала исключительно царю. Это передвижение войск не только не было вынужденной мерой в связи с угрозой границам России, но, наоборот, послужило главной причиной появления подобной угрозы.

Вне всякого сомнения, к началу 1811 г. отношения между Россией и Францией стали вконец плохими. В воздухе явно пахло порохом. Можно даже сказать, что Наполеон стал опасным для русской империи, но той пружиной, которая привела в действие механизм начала подготовки к войне, стала именно передислокация русских войск с Дуная в западные губернии.

Таким образом, решение императора Александра I нельзя назвать иначе как настоящим ударом по интересам России. В тот момент, когда русские войска имели все шансы решить многовековой спор с Османской империей оконча-

Генерал от инфантерии Н. М. Каменский
(1776-1811)

тельно и бесповоротно, Александр решил напасть на герцогство Варшавское.

Теперь на дунайском театре вместо девяти дивизий осталось всего лишь четыре дивизии с ослабленной кавалерией. В общей сложности — не более 46 тысяч человек. Кроме того, граф Николай Каменский тяжело заболел. Его увезли в Одессу, где он и скончался в мае 1811 г.

Во главе армии был поставлен выдающийся полководец и дипломат Михаил Илларионович Кутузов. Естественно, что с теми силами, которые остались в распоряжении Кутузова, не было никакой возможности вести решительную наступательную войну, в лучшем случае можно было надеяться удержать занятые позиции.

И действительно, Кутузов принял оборонительную стратегию, а армия визиря, собравшись к югу от Рушук, начала наступление. Атака, предпринятая турками на Рушук 22 июня (3 июля) 1811 г. была отбита, однако, несмотря на этот успех, русский полководец ушёл со своей армией за Дунай. В ночь с 28 на 29 августа (с 10 на 11 сентября) турки частью войск переправились через эту водную преграду. Кутузов не стал вступать в открытый бой, а окружил армию визиря кольцом укреплений.

В этот момент к русскому полководцу прибыли на помощь подкрепления. 9-я и 15-я пехотные дивизии, совершив бесполезную многомесячную прогулку, опять вернулись к Дунайской армии. Дело в том, что летом 1811 г., как уже упоминалось, царь принял решение о том, что он будет вести оборонительную войну. Нападение на герцогство было отменено. Что же касается обороны, было абсолютно очевидно, что никакой войны в течение 1811 г. Наполеон начать не может, и, следовательно, войскам, стоящим на западной границе, нечего будет делать как минимум до весны следующего года. В соответствии с этим две упомянутые дивизии были отправлены обратно.

Конечно, их появление не могло уже вернуть кампанию в то русло, в котором она могла бы идти в случае, если бы Александр не лишил Дунайскую армию половины её личного состава. Но, тем не менее, помощь подоспела не без пользы. 2 (14) октября 1811 г. отряд генерала Маркова, заблаговременно переправившийся на южный берег Дуная, внезапно атаковал оставшиеся там турецкие отряды. Разгромив неприятеля, Марков замкнул окружение турок на северном берегу, поставив свои батареи вдоль реки, прямо напротив расположения войск визиря. Турецкая армия, окружённая со всех сторон, лишённая подвоза продовольствия, вынуждена была капитулировать. Из 22,7 тысяч турецких солдат, переправившихся на северный берег, 25 ноября (7 декабря) 1811 г. сдалось лишь 8,5 тысяч человек, так как остальные дезертировали, умерли от болезней, голода и ран или находились в госпиталях.¹⁹

После капитуляции между сторонами было заключено перемирие, и начались переговоры о мире. К этому моменту стало понятно, что отношения между Россией и Францией вот-вот перерастут в войну, и поэтому турки, несмотря на тяжёлое поражение, были неуступчивы. Однако сам факт переговоров и их, в конечном итоге, успешное завершение лучше всего свидетельствуют об отношении Наполеона к войне с Россией. Несмотря на то что в начале 1812 г. войска, как русские, так и французские, в полную силу готовились к войне, сам Наполеон еще не решил окончательно, насколько ему необходима эта война. В противном случае он ни за что не допустил бы успешного завершения русско-турецких переговоров. Да, без сомнения, туркам давали понять, что им не следует слишком торопиться с заключением мира, ведь в это время русские войска были собраны на границе, а французские находились на марше. Однако до февраля 1812 г. туркам не было направлено никакого ясного, однозначного документа, который подтверждал бы намерения Наполеона начать войну с Россией. Что

же касается англичан — они развили бурную деятельность, обещая султану помощь и щедро оплачивая участников переговоров с турецкой стороны. В частности, был подкуплен турецкий драгоман * князь Мурузи.

Наполеон пожинал плоды своей тильзитской политики. Конечно, после начала испанской кампании и, тем более, после Эрфуртской встречи речь не шла уже о перспективе передачи России Константинополя и проливов. Но даже в конце 1810 г., когда русско-французская война стала во весь рост на повестку дня, Наполеон продолжал соблюдать обязательства, которые он принял по отношению к царю в Эрфурте, а именно согласие на то, что Россия займёт всю территорию Османской империи вплоть до Дуная (вся территория современной Молдавии и Румынии) и при этом не будет пытаться захватить Сербию.

В разговоре с Меттернихом в середине 1810 г. французский император ещё раз подтвердил это: «Я подписал обязательства, и у меня нет никаких причин и поводов, чтобы их нарушать. Эти обязательства стали для меня обременительными, и я предвижу, что они повлекут за собой ущерб для Франции, но Вы знаете, почему в своё время я их подписал. Отказаться теперь от этих обязательств — значит тотчас же дать России повод для войны, что вовсе не соответствует моим желаниям. Кроме того, если я сделаю такое, у меня не будет права надеяться на то, что мне будут верить. Какие гарантии смогу я Вам дать однажды, если я буду нарушать свои обязательства из-за того, что обстоятельства изменились?»²⁰

Естественно, что время тильзитской дружбы безвозвратно ушло в прошлое, и Наполеон заявлял в том же разговоре:

* *Драгоман* — официальная должность переводчика и посредника между ближневосточными державами и европейскими дипломатическими и торговыми представительствами. Должность предполагала как переводческие, так и дипломатические функции.

«Я не потерплю приобретения (*Россией*) и дюйма земли на правом берегу Дуная». Тем не менее вряд ли турки пришли в большой восторг от того, что Наполеон соглашался на огромное расширение российской территории за счёт Османской империи. Кстати, туркам была хорошо известна речь императора, обращенная к депутатам законодательного корпуса, где он заявлял: «Мой союзник и друг, император России, присоединил к своей обширной империи Финляндию, Молдавию, Валахию и один из округов Галиции. Я не жалею ни о чём, что могло бы идти на благо этой империи. Мои чувства к её великому монарху полностью согласуются с моей политикой». Наконец, турецкая сторона была проинформирована и о тех предложениях, которые Наполеон делал Александру по поводу раздела Османской империи. В этой ситуации знаки со стороны французских дипломатов, подаваемые туркам о желательности того, чтобы они не заключали мир с русскими, были недостаточны.

Только 15 февраля 1812 г., в тот момент, когда были уже отданы приказы о концентрации Великой армии, представителю Франции в Константинополе Латур-Мобуру были направлены полномочия, необходимые для того, чтобы попытаться спешно заключить союз с Османской империей, но это уже не изменило хода русско-турецких переговоров.

Впрочем, несмотря на всё английское золото, неудачи турецких войск и предшествующую позицию Наполеона, турецкая сторона не подписывала мир. Как-никак, перспектива огромного русско-французского конфликта не могла не заставить турецкие правящие круги задуматься. В этой ситуации опять-таки вступил в дело случай.

Недовольный медленным ходом переговоров царь решил отстранить Кутузова от командования и передать руководство армией и ведение переговоров адмиралу Чичагову. Известно, что Александр I, если очень мягко сказать, недолюбливал Кутузова. Отсылая адмирала Чичагова на место

нелюбимого полководца, царь сказал: «Мир с Турцией никак не удаётся заключить. Безобразия наших войск в Молдавии и Валахии довели до отчаяния жителей этих краёв... Кроме того, я полагаю, что нынешний командующий, автор всех этих несчастий, не способен добиться результатов, которые требуют энергии, доброй воли и быстроты в исполнении...»²¹

Чичагов покинул Петербург 2 (14) мая 1812 г. До его приезда в Бухарест оставалось лишь несколько дней, когда 16 (28) мая 1812 г. договор был подписан с одной стороны Кутузовым, с другой стороны — турецким уполномоченным Ахмед-Пашой.

Без сомнения, Кутузов был прекрасным полководцем и тонким дипломатом, однако сусальная картинка доброго «дедушки Михаила Илларионовича» и идеального народно-героя, если очень мягко сказать, весьма далека от истины. Кутузову были вовсе не чужды многие человеческие слабости. Он не просто любил деньги, но не пренебрегал возможностями не слишком честно обогатиться, он любил женщин и жил в Бухаресте в роскоши, окружённый настоящим гаремом... Но ещё важнее то, что Михаил Илларионович не особенно любил утруждать себя прозаическими заботами о снабжении вверенных ему войск и о поддержании среди них дисциплины и порядка. Результатом стала распущенность в его армии, которую подтверждают все источники.

Чичагов не был великим полководцем, скорее наоборот, зато он был довольно честным человеком. В своих мемуарах он описывает состояние армии, которую он получил под команду: «Проезжая по Молдавии и Валахии, я заметил покинутые дома, и я узнал, что их собственники бежали от реквизиций и от бесчинств солдат. Многие скрывались в лесах... Дисциплина столь разболталась, что грабёж был в порядке вещей, и военнотружущие забирали всё, что они считали необходимым. Я был вынужден примерно наказывать солдат, которые были назначены мне в охрану, так как они

отнимали силой провизию в домах, находящихся рядом с моим»²².

Кроме этого, Кутузов никогда не делал подарки конкурентам. Узнав о том, что к армии должен прибыть его преемник, Михаил Илларионович решил любой ценой заключить мир. Объективно эта поспешность оказалась мотивированной, так как мир был подписан менее чем за месяц до начала боевых действий на западной границе, однако поспешность Кутузова объяснялась прежде всего личными соображениями.

Мир был действительно странным, если учитывать огромные жертвы, которые были принесены Россией, и успехи, одержанные русской армией в ходе кампаний 1809—1811 гг. Вместо княжеств Молдавии и Валахии Оттоманская Порта уступала России лишь часть Молдавского княжества, которое позже стало называться Бессарабией. Граница между Российской империей и Оттоманской империей устанавливалась по реке Прут. Понятно, что это очень и очень далеко от того, что планировалось изначально, и от того, на что в своё время дал согласие Наполеон (напомним, что речь шла о приобретении всей занятой русскими войсками территории до самого Дуная).

Шестая статья договора обязывала Россию возвратить Турции завоёванные крепости на берегу Чёрного моря, Анапу и Потю, а также город Ахалкалаки. Россия сохраняла за собой Сухуми и территории западной Грузии. Зато договор возвращал Сербию под османское иго. Все крепости должны были быть переданы туркам, горящим желанием отомстить сербам за их национально-освободительное восстание.

В общем и целом Бухарестский мир трудно назвать выгодным для России, тем не менее, в ситуации, которая сложилась весной 1812 г., даже такой мир, даже заключённый по личным мотивам, нужно признать скорее успешным.

Подводя итог, можно сказать, что дипломатическая битва была в целом выиграна Россией. Используя просчёты наполеоновской дипломатии, Александр сумел добиться безопасности своих стратегических флангов в предстоящей борьбе. Более того, кажущийся успех Наполеона, вынудившего Пруссию и Австрию принять его сторону, обернулся в действительности неудачей для французского императора. Именно присоединение последних двух стран к лагерю наполеоновской Европы заставило царя отказаться от наступления и лишило Великую Армию возможности стремительным ударом разгромить силы Александра. Но об этом в следующей главе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: Armaillé, M. C. A. de Ségur. Une fiancée de Napoléon. Desirée Clary, reine de Suède. P., 1897, p. 44—45.
2. Suremain J.-B. de. La Suède sous la République et le Premier Empire. Mémoires du lieutenant general de Suremain (1794—1815). Paris, 1902, p. 257.
3. Correspondance de Napoléon I... t. 21, p. 415—417.
4. Suremain J.-B. de. La Suède... p. 267.
5. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. М., 1963, т. 6, с. 322—325.
6. Vandal A. Napoléon et Alexandre I... t. 3, p. 371.
7. Suremain J.-B. de. La Suède... p. 289.
8. Клаузевиц. О войне. М., 1936, т. 1, с. 200.
9. S. H. D. Fond Davout 1. K 1. 26.
10. Bailleu P. Briefwechsel König Friedrich Wilhelm's III und der Königin Luis emit Kaiser Alexander. Leipzig, 1900, p. 219.
11. Ibid, p. 227—228.
12. Correspondance de Napoléon I... t. 23, p. 14.
13. Margueron L. Campagne de Russie. Paris, 1903, t. 3, p. 324—327.
14. Тарле Е. В. 1812 год. М., 1994, с. 26.
15. Metternich C. W. L., prince de. Mémoires, documents et écrits divers. Paris, Plon, 1880—1884, t. 2, p. 407—414.
16. Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-Учёного Архива Главного Штаба. Отдел I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. СПб., 1900, т. 8, с. 168.

17. Ibid, p. 397.
18. Ibid.
19. Рукописный отдел РНБ, Ф 73 № 275 Langeron. *Journal des campagnes faites au service de la Russie, 1810—1812*, t. 5, p. 201.
20. Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-Учёного Архива Главного Штаба. Отдел I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. СПб, 1900, т. 8, с. 375.
21. Tchitchagof P. *Mémoires de l'amiral Pavel Tchitchagof, gouverneur des principautés de Modlavie et de Valachie en 1812*. Paris, 1909, p. 53.
22. Ibid, p. 71—72.

ГЛАВА 10

Кое-что об удобстве составлять планы задним числом...

Еще до того, как закончилось дипломатическое сражение, о котором шла речь в предыдущей главе, военные приготовления обеих сторон достигли невиданного ранее масштаба... Но мы начнем все же не с них. Прежде чем говорить о дивизиях, полках, обозах, снаряжении и боеприпасах, необходимо уяснить, какая стратегическая концепция руководила действиями командования российской и французской армий, ради чего собирались на границах огромные силы, что предполагалось сделать в ходе военных операций. Иначе говоря, каковы же были планы сторон?

Русский план

Откройте почти любую серьезную работу по истории войны 1812 года, и вы найдете сначала описание подготовки Наполеоном вторжения на русскую территорию, затем, в зависимости от пристрастий автора, легкое или безжалостное осуждение императора французов за его агрессивные намерения и отсутствие реализма в планировании. Действительно, завоевать Россию с её бескрайними просторами — не абсурд ли? Затем вы найдете более или менее под-

робный рассказ о том, как, несмотря на отдельные мало-значительные разговоры о наступлении, русские полководцы готовили оборонительную войну для защиты страны от нашествия.

Конечно, информированный историк не забудет привести фразу Барклая де Толли, которую тот произнес еще в 1807 г. в разговоре с прусским дипломатом и историком Бартольдом Георгом Нибуром. Разговор происходил в Мемеле, где Барклай находился на излечении после тяжелого ранения, полученного в битве при Эйлау. Вот как передавал слова Барклая, которые он слышал от Нибура, французский генерал Матье Дюма, писавший «все-го-то» тридцать лет спустя: «Русский генерал надеялся заманить мощную французскую армию в самое сердце России, даже дальше Москвы, утомить ее, удалить ее от операционной базы, заставить ее истощить свои ресурсы и материальную часть до тех пор, пока с помощью сурового климата он не перейдет в контрнаступление и не уготовит Наполеону вторую Полтаву на берегах Волги (!). Это было ужасающее и очень точное пророчество»¹.

Разумеется, это пророчество было очень точное, тем более что оно появилось более чем четверть века спустя после произошедших событий... Не секрет, что война 1812 года развивалась совершенно иначе, чем ее представляли себе накануне столкновения. Поэтому позднее, когда её участники взялись за перо, они вольно или невольно «подогнали» свои воспоминания о том, что было перед войной, под то, что реально произошло в ходе конфликта.

Не составляет исключения и русский «план» войны. Мы берем это слово в кавычки, потому что никакого ясного, официально принятого плана боевых операций до самого начала войны не существовало. С 1810 до 1812 г. императору Александру было представлено более 40 различных планов действий против Наполеона. Среди этих документов были такие, которые составили безвестные прожектеры, даже не

состоявшие на службе в русской армии. Зато были и планы, подготовленные в самом ближайшем окружении царя лицами, пользовавшимися влиянием в армии и при дворе. Среди подобных авторов выделяются военный министр генерал Барклай де Толли, генерал Беннигсен, генерал-адъютант Уваров, генерал принц Евгений Вюртембергский и другие.

Как уже указывалось, в начале 1811 г. почти все проекты русского командования были нацелены исключительно на наступление. Однако после неудачи своей польской интриги царь отказывается от немедленной атаки и задумывается о возможности вести оборонительную войну. Это действительно так, но на этом никак нельзя ставить точку в рассмотрении вопроса плана русского командования, обсуждая лишь детали того, как русское руководство собиралось заманить в глубь страны армию «двунадесяти языцев». Вплоть до июня 1812 г. на стол царя ложились один за другим проекты наступления, и не только составленные иностранными прожектерами.

Сам Барклай, который якобы не сомневался в необходимости ведения оборонительной войны и «заманивания» врага аж до Волги, писал в начале 1811 г. фразы, мало похожие на те, которые рассказывал Нибур. В докладе военного министра говорилось прежде всего о наступательной войне. Ее цель определялась следующим образом: «1-е. Завладев герцогством Варшавским, переменить его правительство, присоединить прусские войска к нашей армии и, выиграв чрез то к себе доверие у других держав, родить в них бодрость и надежду избавиться из-под тягостного ига. 2-е. Чрез временное нашествие в неприятельские земли можно будет содержать войска свои сколько можно долее на чужой счет и потом лишить неприятеля всех способов к наступательной войне... Все сии предложения не иначе можно произвести в действо, как предупредя неприятеля в наступательном движении»².

Дж. Доу. Генерал Барклай де Толли (1761—1818)

Действительно, в своем плане Барклай де Толли не исключал и возможность обороны, но все же главная мысль его концепции состояла в немедленном ударе по герцогству Варшавскому.

Летом 1811 г. на смену плану незамедлительного вторжения в герцогство приходит концепция оборонительной войны. Она частично нашла свое отражение в печально знаменитом плане Фуля, о котором речь пойдёт дальше. Одновременно появился огромный по объему (в напечатанном виде примерно 70 книжных страниц) проект, составленный племянником военного министра, флигель-адъютантом Андреем Ивановичем (Отто) Барклаем де Толли. В качестве системы войны здесь предлагалось следующее: «Уклоняться постоянно от решающих сражений, беспокоить неприятеля со всех сторон... используя крупные массы легких войск всех видов, затягивать продолжение кампании, быть твердым в превратностях фортуны... употреблять медлительность Фабия, разумную быстроту Ганнибала или Юлия Цезаря... вот оружие, самое сильное, которое можно использовать против нового способа ведения войны французами... Принцип французов — не жалеть людей, он рассчитан на численное превосходство и на короткое время. Именно поэтому они не смогут существовать долго, не уничтожив сами себя»³.

После чтения этого документа, казалось бы, можно заключить, что русское командование ясно наметило себе цели и методы, и теперь осталось, как выразился один из известных русских историков, на основе этих идей создать «операционный план, являвшийся частью первого этапа стратегической программы».

Увы, никакой последовательной разработки плана, да еще с «этапами стратегической программы» (!) проследить невозможно. Наоборот, видны лишь беспрестанные хаотические метания между самыми разными вариантами планов боевых действий.

После подписания тайной конвенции с Пруссией войскам были отданы указания перейти границу, как только поступит соответствующая команда. Приказом от 8 (20) октября 1811 г. командиру корпуса Витгенштейну предписывалось выдвинуться на запад так, чтобы 5-я дивизия «в несколько дней по получении приказания могла перейти в Тильзите за реку Неман». Самому генерал-лейтенанту Витгенштейну предписывалось перенести свою главную квартиру в местечко Шавли, находившееся примерно в 90 км от границы. Через несколько дней генерал-лейтенанту Багговуту и генерал-лейтенанту Эссену I были также направлены приказы от военного министра, согласно которым они должны были сразу по получении «от генерал-лейтенанта графа Витгенштейна известия, что со вверенными ему войсками переправляется у Тильзита или на каком другом месте через Неман в Пруссию», немедленно выдвигать к границам свои войска. ⁴

Через два дня генералу Дохтурову и генералу Багратиону были направлены одинаковые распоряжения: «Как скоро получите через нарочитого курьера от гр. Витгенштейна известия, что он вступает в Пруссию, то ни мало не медля, извольте приказать войскам... тотчас выступить» ⁵. К приказу прилагались пакеты с маршрутами для войск. Эти пакеты нужно было вскрыть только по прибытии курьера с сообщением о начале наступления Витгенштейна. Командующим корпусами приказывалось соблюдать строжайшую тайну, причем указывалось: «Дабы не сделать преждевременной напрасной тревоги, то не предписывать им (войскам) формально, чтобы были готовы к походу, но содержать их в готовности к оному частыми осмотрами» ⁶.

Эти письма однозначно являются указаниями по подготовке наступательной войны с целью поддержки прусских войск. Разумеется, подобное движение вперед не могло не коснуться герцогства Варшавского, особенно если посмот-

реть на карту, где показано размещение русских войск в этот период. Совершенно очевидно, что марш вперед и Дохтурова, и Багратиона означал вторжение в герцогство Варшавское со всеми вытекающими последствиями. Однако, как уже указывалось, военная конвенция с Пруссией не была ратифицирована, и проект наступления снова остался лишь на бумаге.

Не слишком-то оборонительным стилем были проникнуты и предложения генерала Барклая де Толли в письме царю, которое датируется 22 января (3 февраля) 1812 г. Военный министр предлагал целый комплекс действий, направленных на подрыв сил наполеоновской империи. Он писал: «Необходимо стараться: 1) уничтожить влияние Франции в германских государствах и подготавливать там диверсии; 2) вынудить часть французских войск покинуть северный театр военных действий и перейти на юг, с тем чтобы расходы по содержанию их легли на саму Францию; 3) использовать все обстоятельства, которые могут в корне подорвать могущество французского правительства, стараясь воздействовать на настроение французского народа; 4) использовать все политические средства, которые могут служить для того, чтобы лишить Францию ее союзников...

Не составило бы большого труда заставить и жителей самой Франции задуматься о том рабстве, в которое они попали... Если прибавить к этому вторжения со стороны моря и, возможно, даже со стороны Испании, то Наполеон вскоре будет вынужден использовать часть своей армии, чтобы заставить повиноваться себе внутри самой Франции»⁷.

Особо «миролюбиво» и в духе «подготовки обороны» звучит следующая фраза: «Я не говорю о Польше, так как достаточно будет нескольких успешных сражений, и вся Польша будет в наших руках»⁸.

Но, быть может, после безрезультатных переговоров с Пруссией Барклай де Толли стал строго следовать оборонительной концепции, развивая и детализируя «общий опера-

ционный план» отступления в глубь России? Для того чтобы убедиться, что это и отдаленно не соответствует реальности, достаточно посмотреть на рапорт военного министра Александру I от 1 (13) апреля 1812 г. Указывая на то, что французы сооружают мосты на Висле и собираются форсировать эту реку, Барклай де Толли пишет: «Все сии обстоятельства побуждают нас поспешить сколь возможно скорее, чтобы хотя несколько предупредить неприятеля... войска могут однако ж тотчас двинуться, если только получу я на то Высочайшее Вашего Императорского Величества повеление... все колонны обеих армий и корпусов должны перейти границу; сие неожиданное движение наших войск неприятеля может немало беспокоить»⁹.

Таким образом, даже в середине апреля 1812 г. военный министр вовсе не собирался отступать, а намеревался «поспешить», дабы «предупредить неприятеля». Но это далеко не все. Уже в самом конце апреля 1812 г. были даны указания подготовить переправы через реку Неман «при Мерице, Олите и Станеве... дабы можно было воспользоваться ими, как только скоро потребуется надобность»¹⁰.

Как можно легко догадаться, мосты должны были строиться не в качестве дружеской помощи наполеоновским понтонерам, а для переброски русской армии на западный берег, иначе говоря, для начала наступления в герцогство Варшавское! Таким образом, царь и военный министр за полтора-два месяца до войны, к которой готовились два с половиной года, так и не определились, что же они будут делать.

Стоит ли говорить обо всех прочих генералах и штабных офицерах? Те из них, кто хорошо умел писать, заваливали командование своими прожектами, в которых и речи не было о заманивании врага в глубь своей территории. Все они практически говорили об одном: необходимости немедленного наступления на герцогство Варшавское. Приведем некоторые из наиболее характерных.

Полковник Тейль, резидент русской разведки в Австрии, писал в сентябре 1811 г.: «Почти всегда императору Наполеону предоставляли инициативу ведения войны, что давало ему решающее превосходство... Не мне решать, нельзя ли избежать этого общего правила... и иметь возможность начать боевые действия, как только представится выгодный момент и когда заблагорассудится России, а не Франции... Быстрый захват герцогства Варшавского будет самым прекрасным и самым полезным началом»¹¹.

Генерал-адъютант Уваров в октябре 1811 г. писал Александру I (на чудовищном французском языке): «Будет большой выгодой для русских... захватить Варшаву врасплох, чтобы утвердиться там и чтобы перенести театр войны во вражескую страну... Прусский король будет очень счастлив, если он будет освобожден от необходимости впустить французские войска на свою территорию... Он может снова стать верным союзником России с того момента, как она возьмет на себя решение вступить на прусскую территорию и защищать ее. Подобное движение будет иметь также огромное значение по тому впечатлению, которое оно произведет среди угнетаемых народов Германии, Италии и Швейцарии»¹².

Генерал-майор Довре докладывал генерал-адъютанту князю Волконскому 3 (15) марта 1812 г. о том, что французы продвигаются к русским границам: «Гроза разразилась так быстро, что единственное полезное, что мы могли бы сделать в этих обстоятельствах, а именно занять города Тильзит и Мемель и, следовательно, все течение Немана, не было осуществлено... Десять дней тому назад занятие этих мест потребовало бы у нас лишь труд туда вступить, обладание Тильзитом прикрыло бы нам границу между Юрбургом и Полангеном и позволило бы нам иметь открытую дверь для последующих событий...»¹³ Этот доклад, конечно, не является планом, но, тем не менее, генерал-квартирмейстер Первого корпуса Довре явно не собирался отступать на

Волгу и к тому же предполагал сохранять «открытую дверь для последующих событий», иначе говоря — плацдармы, необходимые для наступления.

Среди прочих штабных документов хранится записка от 12 (24) марта 1812 г. неизвестного лица, адресованная, судя по всему, военному министру. Разумеется, ее никак нельзя рассматривать как указание к действиям или план командования, однако советы, которые в ней даются, и доводы, которые приводятся, без сомнения являются тем, о чем говорили и что обсуждали в русском штабе непосредственно накануне начала боевых действий.

«Если Россия будет столь неосторожна, чтобы дожидаться прихода французских войск в Пруссию и в герцогство Варшавское,— пишет автор,— если она не предупредит их своими маршами, можно будет увидеть, насколько быстро противник сможет продвинуться с одной стороны к Риге, а с другой стороны через герцогство Варшавское выйти к Бресту, Пинску, Минску, Могилеву и Смоленску. Тогда придется бороться не только с французской армией, но и со всем польским народом, который восстанет как один. Тогда России, несмотря на ее многочисленную армию, с трудом удастся выбить противника из своих провинций»¹⁴.

Если эта записка интересна нам лишь как пример идей, обсуждаемых в русском штабе, а её сочинитель был, судя по всему, малоизвестной личностью, то автора «Проекта плана операций русских войск в герцогстве Варшавском» герцога Александра Вюртембергского неизвестным никак не назовёшь. Он был военным губернатором Белоруссии, витебским и могилевским губернатором и накануне войны 1812 года состоял при штабе Первой армии. Так как герцог являлся родственником императора, его мнение, безусловно, было в армии не последним.

В марте 1812 г. Александр Вюртембергский подал на рассмотрение обширный план полномасштабного наступления

русских войск: «Русская армия должна сконцентрироваться в четырех основных пунктах: у Гродно, у Белостока, у Брест-Литовска и Владимира-Волынского... Вместе с корпусом в 15—16 тысяч человек, который будет действовать вместе с пруссаками, это составит массу в 226 тысяч человек...»

Герцог подробно описывал маршруты корпусов и далее указывал: «Как только Варшава будет взята, тет-де-пон * в Праге будет простреливаться с тыла и попадет нам в руки без необходимости атаковать его с фронта. Необходимо будет разрушить этот тет-де-пон как можно скорее. Второй корпус после взятия Варшавы... двинется вперед в двух колоннах. Третий корпус... после того как форсирует Буг у Тересполья, двинется прямо на Люблин... Четвертый корпус Российской армии, тот, который перед началом кампании будет сосредоточен у Владимира, перейдет реку Буг... продолжит свое движение на Краков, который он займет, очевидно, без особых трудностей... Все, что можно будет предпринять далее, мне кажется, зависит от обстоятельств, которые невозможно сейчас ни предвидеть, ни руководить ими»¹⁵. Необходимо указать, что автор предполагает и ситуацию, при которой возможно будет действовать оборонительно. Тем не менее главная идея плана — это стремительный захват герцогства Варшавского, а дальше война, смотря по обстоятельствам.

Нетрудно догадаться, что, если даже холодный, расчётливый Барклай де Толли и его окружение говорили о наступлении, ясно, что генерал Багратион, весь энергия и порыв, буквально вскипал при одном слове «отступление». За два месяца до начала войны, 17 (29) апреля 1812 г., он писал военному министру свои соображения, сформулированные скорее как требования. «По сему предположению, — отмечал Багратион, — движение мое должно быть наступатель-

* *Тет-де-пон* — предмостное укрепление.

ное, тем более что ваше высокопр-ство уведомляете меня в прежних письмах, что обсервационная армия, собранная между Житомиром и Тарнополем будет надзирать движения австрийцев, в окрестностях Лемберга находящихся... лишь в самой крайности должно помышлять **об отступлении, толико во всех отношениях вредоносном»** ¹⁶.

К весне 1812 года относятся и планы крупных операций на стратегических флангах театра военных действий. О первой мы уже упоминали в предыдущей главе. Речь идет о так называемом Померанском проекте. Заключив русско-шведский союзный договор 24 марта (5 марта) 1812 г., Александр добился от Бернадота обещания произвести высадку шведских войск на севере Германии. Кроме шведов, в этой операции должны были принимать участие и русские солдаты. Всего предполагалось создать объединенную русско-шведскую армию, в которой должно было быть около 25—30 тысяч шведов и 15—20 тысяч русских. Корпус должен был возглавить сам наследный принц шведский Карл-Юхан, он же бывший маршал французской империи Жан-Батист Бернадот. Впрочем, планирование этой операции осталось лишь на словах. Шведы действительно приняли участие в боевых действиях против Наполеона, но это произошло гораздо позже, только в кампанию 1813 г.

Кроме проекта действий на северном фланге, весной 1812 г. возник и так называемый Далматинский проект. Его появление было связано с тем, что, во-первых, близилось подписание мира с Турцией, а во-вторых, Австрия встала в ряды сторонников Наполеона. У Александра возникла идея произвести на южном фланге диверсию с помощью освободившейся от противостояния с турками Дунайской армии. Назначая в апреле 1812 г. на пост ее командующего адмирала Чичагова вместо Кутузова, царь дал ему инструкции, согласно которым адмирал должен был возбудить восстание в Венгрии против власти австрийского императора

и одновременно двинуться в Сербию, Боснию, Далмацию, Черногорию и Хорватию с целью объединить эти славянские народы и увлечь их в борьбу против итальянских владений Наполеона.

Сам адмирал был наполнен энтузиазмом от порученной ему великой миссии, сравнимой по масштабу с походами Александра Македонского. Однако его подчиненные по-другому оценивали этот план. Вот что написал по поводу Далматинского проекта генерал Ланжерон: «После своего приезда адмирал Чичагов нам открыл план кампании, который он хотел привести в исполнение и от которого он был, по-видимому, в восторге. Ни одному человеку в голову не мог прийти подобный сумасбродный проект злополучного плана кампании и вообще такой губительной идеи. Я не мог узнать, кто был автор этого плана. Говорили, что эта честь принадлежит англичанам. Но для меня непостижимо, как мог подобный проект быть принятым таким умным и образованным человеком, каким был Император Александр, а тем более таким знаменитым военным, как Барклай-де-Толли, бывший тогда военным министром. Нам было приказано перейти Сербию, Боснию и идти к устьям Котаро, которую надо было взять; затем нам велено было соединиться с английским флотом и напасть на французские завоевания в Италии, чтобы отвлечь внимание Наполеона и заставить его прислать туда часть его войск. Ничего не было приготовлено для этой экспедиции; надо было идти наудачу, просить провианта у сербов, которые не могли снабдить 50 000 человек, или брать его у босняков, которые не давали нам его и могли нас задержать в своих ущельях и горах, где бы мы себя чувствовали заключенными» 17.

Далматинский проект был эфемерным, так же как и Померанский. Тайные дипломатические контакты, которые были установлены в мае—июне 1812 г., показали, что австрийцы не собираются по-настоящему воевать против рус-

ских, и, следовательно, начинать широкомасштабное вторжение на территорию Австрийской империи абсурдно. С другой стороны, начавшиеся боевые действия против Наполеона показали, что у русского командования нет возможности расплывать силы на предприятия, подобные Далматинскому проекту. В сентябре Александр отдал Чичагову распоряжение выступить со своей армией для действия во фланг Великой армии. На этом проект великого похода в Италию окончательно завершился.

Хотя ни Померанский, ни Далматинский проект не были реализованы, сам факт серьезного обсуждения подобных действий еще раз доказывает, что даже в апреле 1812 г. для царя было далеко не очевидно, что война, которую он собирается вести, будет исключительно оборонительного характера. Действительно, наступление в Северной Германии, а уж тем более марш на Италию совершенно не имели смысла, если, как утверждают некоторые мемуаристы, царь и его военный министр собирались отступить чуть ли не до Волги. Зато в случае наступления подобные маневры если и были не слишком оправданны, то, по крайней мере, при определенных обстоятельствах могли дать хотя бы небольшие выгоды.

Напомним, что в 1805 г. продвижение главных сил союзной русско-австрийской армии в Германии было поддержано операциями союзной англо-русско-шведской армии в Северной Германии и высадкой русских и английских войск в Италии. В 1805 г. эти фланговые «диверсии» закончились ударом по воздуху и напрасным распылением сил и средств. Они ничем не помогли основным силам, действующим в центре Германии. Но подобный стиль планирования полностью соответствовал характеру Александра I и предназначался исключительно для ведения войны в Европе.

Однако в начале мая (по новому стилю) стало очевидно, что силы, собранные Наполеоном, огромны, и переход в наступление все менее и менее вызывал энтузиазм у рус-

ского командования. Именно в это время появляется план войны, составленный полковником Толем, генерал-квартирмейстером, прикомандированным к Первой армии.

О полковнике Толе говорили, что он — «самый образованный офицер в Главном штабе». Его слово было далеко не последним среди главного командования российских войск. Позже, «по прибытии Кутузова к армии, определен исполняющим должность генерал-квартирмейстера всех действующих армий, пользовался полным доверием главнокомандующего (по утверждению А. И. Михайловского-Данилевского, без Толя не проводился ни один военный совет и не принималось ни одно решение)»¹⁸.

План войны полковника Толя был датирован 29 апреля (10 мая) 1812 г. Согласно мнению автора, наступательная война была бы выгодна, но он пишет: «К сожалению моему, я должен заметить, что благоприятное время к наступательным действиям для нас миновалось». Поэтому составитель документа считает, что необходимо готовиться к оборонительной войне. В результате план Толя некоторые историки относят к некому предвосхищению тех действий, которые будут реально совершены в ходе кампании. Однако для этого плана подобное определение подходит меньше всего.

Толь предполагает, что Наполеон «соберет главные силы (*la masse de ses forces*) в числе 100 000 в окрестностях Варшавы, откуда ближайшею и выгоднейшею для него операционною линиею начнет действовать на Брест-Литовский или на Брянск, Слоним и далее...». Поэтому автор считает, что наилучшим способом противодействия врагу будет сосредоточение всех основных сил русской армии между Гродно и Белостоком (Толь предполагает расположить Первую западную армию в районе Соколки, а Вторую западную армию — в районе Высоколитовска).

А затем Толь, ни много ни мало, собирается дать противнику решающее сражение: «Имея 148 000 регулярного войска

и 25 000 казаков, можем ему (*неприятелю*) во всех местах сделать надлежащий отпор. Россияне всегда там побеждали французов, где дрались с ними в соединенных и сомкнутых силах». В то время как главная армия, по мысли Толя, должна вступить в основную битву, небольшие отряды кавалерии, регулярной и иррегулярной, от тысячи до двух тысяч человек, двинутся вперед, «чтобы ворваться в неприятельский край... стараться причинять ему (*неприятелю*) всевозможный вред»¹⁹.

Таким образом, нет ничего общего между планом Толя и якобы существовавшими скифскими прожектами заманивания Наполеона в глубь России. План генерал-квартирмейстера не предполагал немедленного наступления на территорию герцогства, но он предусматривал практически с ходу дать французам генеральное сражение на самой границе, чего, нужно сказать, Наполеон и желал. Фактически план Толя — это лишь немного отсроченное наступление. Единственное различие в том, что автор собирался разбить врага не на его территории, а на своей земле поблизости от границы. Потом, разумеется, должно было начаться победоносное наступление, которое могло закончиться лишь в Варшаве и Париже.

Одновременно со всеми перечисленными проектами, начиная с 1810 г., Александр поручил Фулю, прусскому генералу, перешедшему на русскую службу в конце 1806 г., разработать план войны.

Изложение этого, казалось бы, архиизвестного проекта можно найти в любой мало-мальски значимой книге о войне 1812 г. Обычно рассказ сводится к тому, что Фуль составил план, согласно которому предлагалось разделить русскую армию на две большие группировки: Двинскую армию (в северном секторе военных действий) и Днепровскую армию (в южном секторе). В случае начала боевых действий против французов Двинская армия должна была отступить к укрепленному лагерю, сооруженному в начале 1812 г. в из-

лучине реки Двины неподалеку от местечка Дрисса (Витебская губерния). Предполагалось, что Наполеон будет безуспешно пытаться овладеть лагерем. При этом Днепровская армия станет решительными действиями громить коммуникации неприятеля и уничтожать его резервы. Понеся большие потери при попытке штурма укреплений, а также за счет действий русских на южном крыле, неприятельская армия утратит численное превосходство, и тогда в наступление перейдет и Двинская армия.

Действительно, подобную версию плана Фуля можно прочитать в любом произведении, посвященном Отечественной войне. Однако кажется, что ни один из авторов подобного пусть и мало практичного, но вполне понятного плана, очевидно, не читал подлинный текст Фуля. Это не удивительно, ведь «план Фуля», а точнее, многочисленные стратегические наброски, сделанные печально известным генералом, никогда не были опубликованы. Они хранятся в РГВИА, и это 151 страница текста, написанного очень корявым французским языком, не слишком разборчивым почерком и с грамматическими ошибками чуть ли не в каждом втором слове. Русские авторы, видимо, поленились расшифровать эту «китайскую грамоту», а французские до нее не добрались.

Читатель будет, вероятно, очень удивлен, что никакого плана как такового в этих записках нет. Есть только многочисленные, порой абсолютно бессвязные фрагменты размышлений, написанных, судя по всему, в 1810 — начале 1812 г. Они касаются как предстоящей войны с Наполеоном, так и военного искусства вообще. Так как истинный текст Фуля никто еще никогда не приводил, мы поместили в приложении большой фрагмент опуса этого генерала. Иначе читатель бы просто не поверил тому, что будет сказано ниже.

Но для начала несколько слов о самом генерале Фуле. Он был характерным продуктом схоластической немецкой

военной школы конца XVIII в. Сверх того, он был человеком очень странного поведения, полностью отрешенным от всех жизненных реалий. Фуль прожил в России шесть лет и не выучил ни одного русского слова, в то время как его русский денщик научился изъясняться по-немецки!

Точную характеристику как самому генералу, так и той ситуации, в которой он составлял «план», дал Карл Клаузевиц, оказавшийся в начале 1812 г. на русской службе. Так как Клаузевиц не знал ни одного слова по-русски, его определили в помощь Фулю, для общения с которым этот недостаток не имел большого значения.

Вот что Клаузевиц написал о своем начальнике: Фуль «не имел никаких практических знаний. Он давно уже вел настолько замкнутую умственную жизнь, что решительно ничего не знал о мире повседневных явлений. Юлий Цезарь и Фридрих Второй были его любимыми авторами и героями. Он почти исключительно был занят бесплодными мудрствованиями над их военным искусством, не оплодотворенным хотя бы в малейшей степени духом исторического исследования... Он не знал языка, не знал людей, не знал ни учреждений страны, ни организации войск, у него не было определенной должности, не было никакого подобия авторитета, не было адъютанта, не было канцелярии; он не получал рапортов, донесений, не имел ни малейшей связи с Барклаем, ни с кем-либо из других генералов и даже ни разу не сказал с ними ни единого слова. Все, что ему было известно о численности и расположении войск, он узнал лишь от императора; он не располагал ни одним полным боевым расписанием, ни какими-либо документами, постоянно справляться с которыми необходимо при подготовительных мероприятиях к походу»²⁰.

Очевидно, что такой генерал не мог создать ничего иного, кроме как схоластический, оторванный от жизни проект.

Впрочем, план Фуля, как показывает текст, приведенный в приложении, превосходит по своему абсурду все, что можно было бы ожидать от самой нелепой утопии. «Записки сумасшедшего» — вот единственная характеристика, которая приходит на ум при чтении бессвязных, противоречивых, пересыпанных пустыми, ничего не значащими столбцами цифр, указывающих на количество сухарей для той или иной дивизии.

Но все по порядку. Для начала Фуль безапелляционно называет численность войск, которые задействует Наполеон в будущей войне с Россией: 240 тысяч человек, и точка. А затем дает подробное расписание этого числа, взятого с потолка, по количеству тех или иных иностранных континентов. Далее, так уверенно, как будто он только что дружески беседовал с Наполеоном, доверившим ему все свои сокровенные планы, Фуль заявляет, каким образом будет действовать император французов, — он разделит свои силы на три части: армию Нижней Вислы (на севере), армию Верхней Вислы (примерно на широте Луцка и Ровно) и Иллирийскую армию для операций на Дунае. Затем Фуль подробно рассказывает, сколько дней от решения о начале войны в Париже и Петербурге пройдет до того или иного движения французских и русских войск, и точно (до последнего сухаря!) расписывает, сколько кому потребует фунтов этой нехитрой еды, и как, куда, каким транспортом эти сухари нужно будет доставлять. Кстати сказать, *Zikharu* — это, очевидно, единственное «русское» слово, которое выучил Фуль и которое он с удовольствием употребляет более сотни раз на страницах своего опуса.

Ни о каком отступлении в глубь России в его плане и по-прежнему не упоминается. Более того, Фуль уверенно пишет: «Резервы, предназначенные обеспечить коммуникации и занимать фиксированные пункты на операционной базе, не смогут принять реального участия в войне, которая будет разворачиваться на границах»²¹.

Вся будущая война в представлении Фуля выглядит как маневры относительно немногочисленных армий в стиле эпохи Фридриха II в районе Тильзита, Вильно, Луцка... словом, на самых границах Российской империи.

Так как предстоящая война, по мнению немецкого схоластика, должна живо напоминать кабинетные войны XVIII века, он вспоминает о так называемой «пятипереходной системе» и самым серьезным образом поучает: «Армия, которую сопровождает походная хлебопекарня и продовольственный обоз, так как это было в Прусской армии в правление Фридриха II, может удалиться от своего магазина на пять переходов, не прибегая к реквизициям на местности. Подобное движение представляет собой, тем не менее, усилие, и армия не может находиться долгое время на расстоянии 5 переходов от своего магазина, так как это приведет к разрушению обозов. Обычной дистанцией нужно принять дистанцию в 5 переходов. В этом случае армия будет располагаться на расстоянии 1 марша от походной хлебопекарни, последняя на расстоянии одного марша от магазина. Армия, у которой нет походной хлебопекарни и у которой нет продовольственного обоза, может удалиться на 3 марша от своего магазина, если фуры войскового обоза могут быть нагружены сухарями на 8 дней. Однако в этом случае удаление от магазина на 3 марша является чрезвычайным обстоятельством. Нормальное удаление армии от магазина в этом случае не должно превосходить двух маршей. Если армия удаляется на большее расстояние, ее обозы должны быть пополнены реквизированными повозками. Например, если армия должна удалиться на 5 маршей от магазина, откуда она должна получать свое обеспечение, вблизи от магазина необходимо собрать реквизированные повозки, чтобы иметь возможность нагрузить на них сухарей на 8 дней»²².

Чего только стоит замечательный расчет (подобных которому, кстати, у Фуля десятки) о марше русских дивизий из

Риги, Ревеля и Петербурга: «Дивизия из Риги выступит в поход, когда голова колонны дивизии из Ревеля будет находиться от нее в одном дне марша. Дивизия же из Ревеля будет действовать подобным образом по отношению к гвардейской дивизии. Дневная потребность трех дивизий составляет 51 623 порции сухарей, что составляет 103 246 фунтов, если порция составляет 2 фунта. Таким образом, продовольствие на 8 дней будет составлять 412 984 порции, что весит 825 968 фунтов. Провиант на 12 дней составляет 629 476 порций, или 1 238 552 фунта. Провизия на 32 дня составляет 1 651 936 порций, или 3 303 872 фунта. Груз, который может везти крестьянская лошадь, составляет 300 фунтов. Чтобы везти дневной провиант потребуется 344 лошади. Чтобы везти провиант на 8 дней, потребуется 2752 лошади. Чтобы везти провиант на 12 дней — 4128 лошадей. Чтобы везти провиант на 32 дня — 11 008 лошадей»²³.

Вот так, ни больше и ни меньше, 3 303 872 фунта и 11 008 лошадей! В этих забавных расчетах Фуль проявляет себя еще к тому же и скрягой: он рассчитывает, что для Двинской армии нужно 51 673 порции говядины в день, для этого Фуль определяет 64 быка, которых он сам считает по 800 порций из одного быка. Если эти числа перемножить, получится 51 200 порций, так что 472 порции Фуль решил сэкономить...

Очевидно, что не только в условиях военного, но даже в условиях мирного времени при самой строгой экономии, при идеально честных и неподкупных администраторах подобная точность невозможна, и она является не чем иным, как совершенно оторванным от жизни бумагомарательством. В лучшем случае — некоей базой для каких-то дальнейших расчетов, но не более.

Другие, абсолютно бесполезные для изучения реальной истории записки Фуля мы не приводим. Достаточно упомянуть их названия, чтобы понять, насколько они оказа-

лись далеки от реальных событий войны 1812 г. Среди них «Записка о предполагаемом нападении неприятеля на правое крыло», «Записка о предполагаемом нападении неприятеля на левое крыло», «Записка о базисе военных действий Наполеона», «Записка о печении хлеба и сухарей», «Записка о базисе военных действий», «Записка о разных способах для обхода военных позиций», «Предположительные действия между Мемелем, Прегелем и Инстером» и т. д.

Ну а где же знаменитый Дрисский лагерь? Не исключено, что ему была посвящена отдельная записка, которая не попала в стопку документов, хранящихся в РГВИА. Здесь же можно найти лишь общие замечания о выгоде укрепленных лагерей (см. приложение), а затем пространное рассуждение о том, какие редуты и люнеты нужно сооружать, чтобы уж точно сразить всю армию Наполеона.

Впрочем, как известно, Дрисский лагерь был построен. И, скорее всего, «план Фуля», а точнее, «планы Фуля» претерпели эволюцию, с приближением войны 1812 года приняв формы, близкие к тому, что обычно описывается в исторической литературе. Тем не менее очевидно, что подавляющее большинство рассуждений Фуля, сохранившихся в архиве, не могли измениться; среди них самое главное — Фуль не предполагал никакого глубокого отступления, а лишь манёвры в приграничных районах.

Что же касается укрепленных лагерей в 1810—1811 гг., мысль об их полезности в то время явно витала в воздухе, и это вполне понятно. Дело в том, что известный английский генерал Веллингтон успешно применил оборонительные линии Торрес-Ведрас во время португальской кампании. События у Торрес-Ведрас разворачивались в октябре 1810 — марте 1811 г. и были широко известны во всей Европе. Действительно, английский полководец построил неподалеку от столицы Португалии огромные оборонительные сооружения, насчитывавшие в общей сложности

108 фортов и 151 редут, на которые было поставлено 1067 пушек. Протяженность первой линии составляла 46 км, за ней было построено еще две линии мощных укреплений. Все эти огромные оборонительные сооружения были возведены с использованием характера местности. Действительно, чтобы овладеть Лиссабоном, который был главной базой английских войск в Португалии, а с политической стороны — ключевым пунктом, французам необходимо было двигаться к городу в узком пространстве между рекой Тахо и океаном. Левый фланг англо-португальской армии упирался в океан, а правый — в Тахо. Река в этом районе, близком к устью, достигает ширины нескольких километров и, следовательно, абсолютно недоступна для форсирования сухопутными войсками. Наконец, за укреплениями стояло почти сто тысяч человек, из которых более половины составляли регулярные английские и португальские войска, а остальные были ополченческими формированиями. Нетрудно догадаться, что армии Массены, у которого было не более 50 тысяч человек, не удалось преодолеть эти оборонительные сооружения, по размаху строительства достойные египетских пирамид. Тем более что обеспечение Лиссабона продовольствием и боеприпасами не встречало никаких препятствий вследствие полного господства на море британского флота, который к тому же надежно прикрывал фланги боевой линии.

События в Португалии послужили переломным моментом в ходе войны на Пиренейском полуострове. Неудача армии Массены, остановленной Веллингтоном под Торрес-Ведрас, стала темой разговоров всех офицеров европейских армий, и, конечно же, успешное применение оборонительных линий дало пищу для теоретических размышлений в области тактики и стратегии. Вне всякого сомнения, эти разговоры могли вполне повлиять даже на такого мало интересующегося реальной жизнью схоластика, как генерал Фуль.

Однако его план не учитывал ни численность враждующих армий, которую, кстати, хорошо знала русская разведка, ни особенности стратегической обстановки, ни, наконец, свойства местности. Если Веллингтон добился успеха под Торрес-Ведрас, то только благодаря особому характеру местности, политическому и военному значению Лиссабона и, наконец, благодаря многочисленности своей армии, которая с истинно джентльменской отвагой предпочла при двукратном превосходстве защититься от неприятеля за тройной линией фортификационных сооружений. Невозможно удержаться от того, чтобы не добавить одну пикантную деталь особенности укреплений Торрес-Ведрас. Последняя самая короткая фортификационная линия окружала не центр Лиссабона, а специальное место, предназначенное для посадки британской армии на корабли. Иначе говоря, «железный герцог» рассчитывал, что в случае взятия французами двух первых линий португальцы должны будут сами разбираться, что им делать со своей столицей, в то время как английские храбрецы смогут не беспокоиться за безопасную посадку на корабли.

Ясно, что русской армии плыть из Дрисского лагеря было некуда. Но самое главное, лагерь не прикрывал никаких важных пунктов на территории страны. Даже если бы он был укреплен, как линии под Лиссабоном, его можно было бы обойти и, заблокировав равными силами, двигаться остальными войсками в любом избранном направлении. Но его укрепления, построенные наспех начиная с апреля 1812 г., были далеки от совершенства. Лагерь находился в пространстве, замкнутом с тыла излучиной реки Двины, а по фронту, который представлял собой хорду этой дуги (длиной около 5 км), были сооружены земляные редуты и люнеты, весьма далекие от совершенства. Но самое главное — река Двина в этом месте неглубокая, и ее почти везде можно перейти вброд. Это место для лагеря было выбра-

но генерал-адъютантом Вольцогеном, которого послали произвести рекогносцировку после того, как летом 1811 г. «план Фуля» (а скорее, планы Фуля) был в общем одобрен Александром, но при этом официально так и не утверждён.

В общем, все рассуждения Фуля настолько схоластичны, настолько далеки от реальности, что диву даешься, как опытные боевые генералы вообще могли серьезно обсуждать его опусы. Именно поэтому ряд историков высказал мнение, согласно которому «план Фуля» был не чем иным, как попыткой Александра I переложить ответственность за отступление на самого «безответного» из генералов — чудака, не имеющего никакого влияния среди российских элит, человека, на которого можно было бы повесить любую ответственность, тем самым отведя недовольство армии и общества от «настоящих составителей планов: императора Александра I и Баркляя де Толли»²⁴.

Без сомнения, в этой точке зрения есть рациональное зерно, и нет почти никакого сомнения, что Александр при любом неблагоприятном обороте событий с удовольствием нашел бы козла отпущения в лице идеального для этой роли генерала Фуля. Однако считать, что Александр заранее планировал отступление и использовал для его подготовки план Фуля, совершенно невозможно. Во-первых, как видно из приведенных в приложении отрывков, планы Фуля постоянно менялись, он сам толком не знал, какому алгоритму следовать, и видел будущую войну в виде каких-то непонятных маневров на границе, что очень далеко от заранее продуманной идеи отступления и заманивания врага в глубь страны. Во-вторых, ни у Александра, ни у Баркляя также не было никакого ясного видения действий русской армии в будущей войне. Царь и его военный министр сами метались из стороны в сторону и были буквально засыпаны со всех сторон разнообразными предложениями, большинство из которых предполагало наступление.

Можно, конечно, отмахнуться от многих проектов, таких как план Беннигсена, или Уварова, или герцога Вюртембергского, сказав, что эти люди не имели никакого значения для принятия окончательного решения. Но кроме мнения генералов существуют еще не вызывающие никаких сомнений приказы Барклая де Толли поздней осенью 1811 г. Витгенштейну, Багговуту и Эссену, рассматривающие возможность наступления с целью оказания помощи прусскому королю. Наконец, уже упоминался доклад Барклая де Толли от апреля 1812 г., где он предлагает Александру начать немедленное наступление. Подготовка к сооружению мостов на Немане — это совершенно однозначное действие, которое не оставляет сомнения в его цели и еще раз подчеркивает, что чуть ли не до самого начала войны самое высшее командование русской армии колебалось перед выбором: наступать или принять войну на своей территории.

Но даже если подготовку к наведению переправ можно как-то с натяжкой отнести на счёт операции по дезинформации и противника, и своих собственных генералов, чтобы выглядеть сторонниками отважного наступления, то апрельский доклад Барклая де Толли никак нельзя причислить к подобным мистификациям. Рапорт военного министра был совершенно секретным и предназначался только для императора, иначе говоря, о нем знали только те, кто действительно принимал решение.

Наконец, размещение русских войск и магазинов с продовольствием, о чем будет развернуто говорить в следующей главе, не оставляет никакого сомнения в том, что армия готовилась к наступлению или, по крайней мере, рассматривала вторжение в герцогство Варшавское как более чем вероятный вариант развития событий. Мало того что войска располагались на самой границе, что еще как-то можно оправдать соображениями, связанными с дезин-

формацией неприятеля, но уж размещение главных магазинов с запасами продовольствия в двух шагах от неприятельской территории, когда заранее четко намечена линия отступления, совершенно не поддается никакой логике.

Ну и само присутствие Александра I при армии? Зачем царю нужно было, прибыв в апреле 1812 г. в Вильно, оставаться с войсками до самого начала боевых действий, если он твердо знал, что армия будет отступать? Уж не для того ли, чтобы подать пример бегства во главе полков? Именно в отсутствие Александра отступление войск прошло бы самым естественным образом и не встретило бы таких моральных препятствий, которые, без сомнения, создавало нахождение монарха при армии. И уж тем более было бы легче свалить все на какого-то безвестного немца.

Присутствие Александра во главе войска имело смысл только в том случае, если он собирался триумфально вступать в Варшаву и провозглашать себя польским королем, а затем развивать победоносное наступление на Европу.

Таким образом, можно заключить, что, скорее всего, ни у Александра, ни у Барклая вплоть до самого начала боевых действий не было какого-то ясного видения будущей войны. Единственное, что знал Александр, — это то, что он должен свергнуть Наполеона и не пощадить для этого хоть миллионы жизней. Как конкретно он будет это делать, царь не знал. Зато ясно, что уже с 1810 г., когда армия оказалась на границах, в ней господствовали исключительно наступательные настроения. Все только и говорили о том, как они ворвутся в герцогство, лихо разгромят его, объединятся с пруссаками и пойдут на Париж. Начиная с весны 1811 г., когда царь узнает, что его виды на Польшу, скорее всего, реализовать невозможно или очень затруднительно, он начинает обсуждать план оборонительной войны. Тем более что Наполеон попал на провокацию и начал реально готовиться к войне.

Однако и в это время, вплоть до самых последних дней, ни царь, ни его генералы не остановились на конкретном плане. Интересно, что наукообразные рассуждения генерала Фуля, очевидно, действительно повлияли на Александра. У последнего явно была извращённая склонность к схоластическим рассуждениям, недаром накануне Аустерлицкой битвы царь фактически вручил судьбу русской армии безвестному горе-теоретику Вейройтеру. В результате, посмотрев на размещение русской армии в начале 1812 года, можно видеть, что оно почти точно соответствует идеям Фуля о трех армиях: Двинской, Днепровской и Молдавской. Действительно, русские войска весной 1812 г. сосредотачивались практически точно в тех районах, о которых говорили записки чудаковатого генерала. Только позднее, уже непосредственно перед столкновением, войска, стоящие в районе Луцка, будут разделены на две части. Одна из этих частей, выдвинувшаяся на север в район Волковыска, получит название 2-я Западная армия, а войска, оставшиеся в районе Ковеля и Луцка, станут 3-й Обсервационной армией генерала Торماسова. Так вместо двух армий в центре и на севере появятся три армии. Что же касается Молдавской армии Чичагова, то о ней обычно забывают рассказывать, говоря о начале боевых действий, так как она осталась далеко на юге, ибо никакой иллирийской армии против нее Наполеон не двинул.

Разумеется, когда основная масса французских войск форсировала Одер и Вислу и стала приближаться к границам Российской империи, настроения начали серьезно меняться. Численность французских войск была очень хорошо известна русскому командованию, и опасность предстала перед всеми во весь рост. В этой обстановке кроме схоластического плана Фуля появляется и ненамного менее схоластичный план Толя, предполагавший обороняться на границе.

Когда до перехода Немана Наполеоном оставалось всего несколько дней, стало очевидно, что придется отступить. Александру в этот момент покинуть армию было уже слишком поздно — это бы выглядело как бегство. Царю пришлось некоторое время сопроводить свои войска в их ретиреде. Но даже тогда, когда до первых выстрелов пушек оставалось всего лишь несколько дней, высший командный состав русской армии, исключая, конечно, Баркляя де Толли, не считал, что отступление неизбежно. Горячий князь Багратион писал царю 8 (20) июня 1812 г.: «Неприятель, собранный на разных пунктах, есть сушая сволочь... Прикажи, помолясь Богу, наступать!»²⁵

Французский план

Посмотрите любую популярную книгу о войне 1812 г., и вам почти наверняка попадет фраза, якобы произнесенная Наполеоном накануне: «Через пять лет я буду господином мира, останется только Россия, но я раздавлю и ее». Это, так сказать, из теории общего политического планирования. Что же касается конкретных стратегических замыслов, то они нередко характеризуются другим, почти столь же глубокомысленным выражением: «Если я возьму Киев, я буду держать Россию за ноги; если я захвачу Петербург, я возьму Россию за голову; если я займу Москву, я поражу Россию в самое сердце».

Конечно, эти фразы карикатурны. Так, первая почерпнута из мемуаров аббата де Прадта, написанных и опубликованных сразу после падения Наполеона, в тот момент, когда к власти пришли его непримиримые враги в лице Бурбонов. Что же касается самого автора — он был послом в Варшаве в 1812 г. и зарекомендовал себя на этом посту так, что получил гневный нагоняй от императора. Рестав-

рация Бурбонов дала возможность неудачливому дипломату свести счеты со своим бывшим начальником в желчной книжке, которой он вдобавок старался выслужиться перед новыми властями.

О том, насколько его опус полезен для изучения истории, свидетельствует фраза, которая красуется на первой странице: «Император был замечен в том, что в момент своих самых печальных и мрачных мыслей изрек памятные слова: „Если бы не один человек, я был бы уже властелином мира...“ Этот человек — это я, — скромно добавил автор и продолжил: — Так что **можно сказать, что я спас мир**, и с этим титулом я могу навсегда надеяться на его признательность и блага»²⁶.

Если уважаемый читатель согласен с подобной концепцией исторического процесса и может поверить в то, что самый бестолковый из всех дипломатов наполеоновской эпохи спас Россию, то тогда ему придется принять и другие гипотезы, высказанные в мемуарах самовлюбленного аббата. В них, в частности, присутствует мысль, которая станет характерной для всех последующих произведений, изображающих Наполеона как психически неуравновешенного человека, одержимого целью властвовать над миром. Прадт писал: «Император, едва родившись, едва поднявшись на трон, сгорал от желания захватить весь мир»²⁷.

Как кажется, книга, которую вы держите в руках, на основании фактов доказывает, что политика Наполеона, несмотря на наличие агрессивных черт, строилась на реалистичных началах. Ни в каких официальных и неофициальных письмах французского императора, ни в каких его реально отданных распоряжениях даже отдаленно, даже самыми туманными намеками нет речи о покорении мира. Да, без сомнения, успешные войны увеличивали амбиции императора, но до 1810 г. он стремился к вполне осуществимой задаче: в союзе с Россией победить морскую деспотию Англии, открыть возможность для свободной торговли всех стран и установить

прочный мир, опираясь на русско-французский союз, ради которого он был готов идти на многие жертвы.

После неудачи своего брачного проекта, видя бесплодность своих попыток выстроить отношения с Александром и найдя, как ему казалось, положительный отклик в Австрии, он постепенно приходит к идее создания объединенной под его властью Европы — федеративной империи. В ней должны были сохраниться и находящиеся у власти династии, и национальные традиции, но она была бы объединена едиными внешнеполитическими целями, близостью законодательных систем, денежной системой, сетью дорог и каналов, единой системой мер и весов и т. д.

О том, как Наполеон видел эту империю, лучше всего говорят не написанные во времена Реставрации мемуары, а официальные документы той эпохи. Вот речь, произнесенная в день рождения Наполеона, 15 августа 1812 г., в кафедральном соборе города Эльбинга генеральным комиссаром западной Пруссии де Буанем. Эта речь — поистине гимн наполеоновской Европы, изложение мечты, которую преследовал император, и того, к чему он был близок накануне войны 1812 г.:

«От далекой Иллирии до берегов Тибра и Сены, от берегов Тахо до Двины и Борисфена (*Днепра*), от Эгейского моря до Балтики — во всем этом огромном пространстве, занимаемом **Империей и Цивилизацией**, искусствами и науками, все нации, ее составляющие, все монархи, правящие ей, объединенные одними интересами, одними чувствами, празднуют сегодня годовщину рождения Наполеона Великого, Императора Французов и короля Италии... Если Император расширил так далеко пределы своей Империи силой своего оружия и своего гения, а также мудрости... он объединил также сердца всех народов, к которым он вынужден был некогда нести войну.

Я хочу прежде всего говорить здесь о жителях Пруссии. Действительно, когда-то берега Вислы и Немана были ареной

боев между Империей и этим королевством, но теперь Его Величество король Пруссии дает своим подданным пример дружбы и преданности Франции и верности своим клятвам. Прусские войска сражаются под теми же знаменами, что и войска Его Императорского величества и соперничают с ним в отваге и славе...

...все бывшие враги стали друзьями и верными союзниками Его Величества, сражаясь сегодня против Англии и России — единственных держав, противостоящих ему.

Эти огромные политические изменения не только плод побед и результат доверия к монарху, целью которого является прочный мир... и прекращение войн, которые в течение стольких веков истощали Европу и не согласуются с тем состоянием цивилизации, до которого она поднялась...

Либеральные принципы легли в основу законодательств всех государств... и кодекс Наполеона, принятый во многих из них, станет, без сомнения, вскоре всеобщим...

Если мы вспомним также о единстве мер и весов... народы Европы **будут в скором времени представлять собой единую семью**, хотя и под властью отдельных и независимых правительств, — это и было бы высшим достижением цивилизации.

Нищенство — эта проказа общества — искоренено во всей Империи. Построены дома, где несчастные находят верное убежище, отдых, заботу и утешение...

Воображение изумляется, когда видишь какие... преодолены, казалось бы, непреодолимые барьеры природы, чтобы прорубить дороги, ведущие из Франции в Италию через перевал Мон-Сенис и перевал Сен-Бернар, какие прорыты каналы, чтобы соединить море с внутренними областями Империи, когда смотришь на то, сколь много создано новых полезных учреждений, сколь большую поддержку получили науки, торговля, мануфактуры, как украшена или, иначе говоря, реконструирована столица, ставшая, несмот-

ря на древность, новым городом — самым большим и самым великолепным, когда видишь Рим словно поднятым той же рукой из руин и занявший место, которое он когда-то занимал в дни своей славы...»²⁸

В этой империи не было места для России. Своей непримиримой враждой Александр перевернул концепцию наполеоновской политики: вместо стремления согласовать усилия двух великих государств, которые в союзе и дружбе могли бы управлять Европой, Наполеон пришел к концепции некой новой великой Римской империи, по отношению к которой Россия была чужаком, и к тому же небезопасным. Сосредоточение русских войск на границе стало тем детонатором, который привел в действие огромный механизм, колеса которого неумолимо закрутились. Теперь война приближалась к границам российского государства. Но все-таки, что реально планировал Наполеон? Какие политические цели ставил он в предстоящей войне и какой была его стратегическая концепция? Неужели все-таки собирался дойти до Москвы?

Как ни странно, разбирая этот вопрос, горячие сторонники Наполеона утверждают почти то же самое, что и особо рьяные русские патриоты, а именно: Наполеон с самого начала только и мечтал, что начать войну с Россией. Только первые заявляют, что делал это он для защиты европейской цивилизации от русских варваров, а вторые — что он собирался покорить русский народ, обратить его в другую веру, навязать ему чуждые институты. Последнюю из указанных точек зрения можно найти чуть ли не в каждой второй популярной книге о войне 1812 года, изданной в России. Первая же сформулирована наиболее четко в работах Эдуарда Дрио, для которого война 1812 г. была некоей сублимированной «высшей войной» за европейскую цивилизацию.

Понятно, что при таком понимании задач Наполеона вполне естественно воображать, что император ставил своей

целью поход на Москву, дабы в древней русской столице разрушить навсегда и посрамить Святую Русь. Об этом, как нам очень точно сообщает де Прадт, он мечтал с самого рождения. Кроме «выдающегося» произведения аббата, существует еще одна работа, из которой все позднейшие историки черпали «неоценимые» свидетельства подготовки похода прямоком на Москву. Это воспоминания некоего Вильмена, о которых даже наиболее известный современный французский исследователь наполеоновской эпохи Жан Тюлар написал в своей критической библиографии: «Вильмен передает немного обработанные по форме речи императора накануне похода в Россию... Эти воспоминания составляют источник первоклассного значения о последних годах империи»²⁹.

Если верить мемуарам Вильмена, Наполеон заявлял без обиняков весной 1812 г.: «Я захвачу Москву, я отброшу его (*Александра*) в Азию... Варварские народы суеверны, и у них примитивные идеи. Страшный удар в сердце империи, по Великой Москве, по Святой Москве, отдаст мне в руки эту тупую и слепую массу». Далее, как и полагается, поход на Индию и завоевание мира: «Этот длинный путь — путь в Индию. Александр Великий отправился в свой поход так же далеко, как если бы он пошел из Москвы, чтобы достигнуть Ганга... Предположите теперь, что Москва взята, Россия сокрушена, царь вынужден склониться или погиб в каком-нибудь дворцовом заговоре... Скажите мне, разве для великой армии французов с их союзниками не возможно, выйдя из Тифлиса, достигнуть Ганга? Его достаточно будет коснуться французской шпагой, чтобы в Индии рухнуло все это нагромождение меркантильного величия (*Англии*). Это будет гигантская экспедиция, я согласен, но вполне выполнимая в XIX веке. Этим ударом будет завоёвана независимость западной Европы и свобода морей»³⁰.

Читатель, наверно, подумал, что Вильмен был ближайшим соратником Наполеона, которому тот доверял все

свои мысли и проекты. Увы, Абель-Франсуа Вильмен был юным секретарем генерал-адъютанта графа де Нарбонна. Как утверждает секретарь, Нарбонн точно пересказывал ему речи императора. Разумеется, юноша всё великолепно запомнил и через 40 лет (!!), уже пожилым человеком безошибочно воспроизвел в своих мемуарах...

Чтобы проанализировать текст Вильмена, для начала послушаем, что же, по его словам, говорил Нарбонн в ответ на безумные речи Наполеона. Оказывается, генерал-адъютант, естественно, знал все, что произойдет, и, почти что падая перед императором на колени, восклицал: «Я умоляю вас от имени всех, не ведите в глубь России судьбу Франции!!.. В этот раз придется сражаться с бесконечной дорогой через полупустынную страну или намеренно разоренную. Это будет война со скифами... едва вы перейдете Неман, как окажетесь в другом мире... Вокруг победоносной армии, за ее огненным маршем все будет враждебно, все наполнено варварством... Вы узнали русских в Италии, Пруссии и Германии и повсюду их били. Но вы не знаете, что они могут сделать в глубине России, вооруженные своим климатом, своим варварством и своим фанатичным отчаянием»³¹.

Конечно же, столь ясное предвидение будущего вряд ли было связано с экстрасенсорными способностями Нарбонна. Зато очень легко быть прозорливым, когда произведение пишется много лет спустя событий. Интересно, что в мемуарах Вильмена сплошь и рядом встречаются почти что цитаты из литературы, написанной о русском походе в тридцатые-сороковые годы XIX века. Мемуары Вильмена на самом деле скорее некие размышления на тему наполеоновской истории, где подлинные воспоминания автора причудливо переплетаются с фантазиями и кусками из исторических произведений. Совершенно невообразимо, чтобы генерал Нарбонн только тем и занимался, что пере-

сказывал свои беседы с Наполеоном секретарю, а тот их точно и без искажений изложил много лет спустя!

Не следует забывать еще один очень важный фактор. Мемуары Вильмена появились в тот момент, когда в Европе только что вспыхнул конфликт, известный под названием Крымская война. Вся либеральная интеллигенция Европы ополчилась против николаевской России. О Крымской войне некоторые авторы говорят, что она была первой современной войной, где большую роль играли новые технические средства: паровые двигатели, телеграф, дальнобойное нарезное оружие. Осаде Севастополя был посвящен первый в истории военный фоторепортаж. Одновременно родилась и информационная война, которая в начале XIX века находилась лишь в эмбриональном состоянии. Мемуары Вильмена являются частью этой информационной войны, в задачу которой входило изобразить Россию как опасную агрессивную варварскую державу, угрожающую европейским свободам. Достаточно обратить внимание на слова Наполеона, в которых он якобы говорит о том, что результатом русского похода будет «независимость (!) западной Европы». Совершенно абсурдная фраза для эпохи Наполеона I.

К счастью, в отношении мнения Нарбонна существует важнейший архивный документ, написанный лично самим генерал-адъютантом в мае 1812 года. Мы приведём письмо Нарбонна в главе 12, где речь пойдёт о непосредственной подготовке военных операций. Отметим лишь, этот документ ставит такой жирный крест на написанных Вильменом сказках, что их можно цитировать исключительно как яркий пример полного искажения реальности.

Добавим также, что в окружении Наполеона в этот момент было много представителей старой французской аристократии. Подобно Нарбонну, камергер и посол в Неаполе д'Обюсон де ла Фейяд, происходил из древнейшей аристократической семьи Франции. В январе 1812 г. в связи с тем,

что подготовка к войне с Россией к этому моменту стала секретом Полишинеля, он подал императору «Заметку о политической ситуации Франции в январе 1812 г.». В этом пространном документе говорится о возможной войне с Россией. Автор не только не трепещет и не кидается на колени перед императором, умоляя «не вести в глубь России судьбу Франции», а, напротив, совершенно уверенно пишет следующую фразу: «Освобождение крестьян (*российских*) расположит на нашу сторону не только литовцев, не только народ Курляндии и Ливонии, но и самих русских земель, гарантией этого является пример пугачевского восстания. Исходя из этих соображений и учитывая огромное превосходство в силах, можно не сомневаться, что предстоящая война будет просто военной прогулкой (!)»³².

Как все это отличается от жутких пророчеств, написанных задним числом!

Среди мрачных «предсказаний» особенно выделяется неоднократно используемый историками пассаж из мемуаров Мармона. Дело якобы происходило в начале 1810 г., Мармон встретился с адмиралом Декре, и тот ни с того ни с сего произнес «прорицание», которое обычно относят к гениальному предвидению исхода русской кампании: «Хотите, я открою вам правду? Хотите, я открою вам тайну будущего? Император — сумасшедший, он совершенно сумасшедший! И из-за него все мы полетим в тартарары, и все кончится страшной катастрофой»³³.

Для того чтобы оценить степень достоверности этого высказывания, достаточно вспомнить, что маршал Мармон был человеком, которого Наполеон считал своим близким другом, но, несмотря на это, маршал совершил в 1814 г. предательство, которое даже непримиримые враги свергнутого императора считали подлым. В своих мемуарах, написанных примерно в то же время, что и записки Вильмена, автору нужно было решить довольно сложную задачу — объяснить

сначала, почему он с рвением служил Наполеону, а потом — почему он предал своего благодетеля. Поэтому концепция мемуаров Мармона крайне простая: в первые годы своей деятельности Наполеон был хорошим, а потом стал плохим, ну а к началу русской кампании вообще свихнулся...

Впрочем, ни якобы мольбы Нарбонна, ни страшные «пророчества» Декре, ни действительно существовавшие шапкозакидательские прожекты д'Обюсона не повлияли на составление стратегических планов... Каковы же они были в действительности? Мы не можем заглянуть в мысли Наполеона, зато на основании многочисленных распоряжений, приказов, подписанных им накануне войны, мы можем узнать его реальные цели. Если мы внимательно остановились на мемуарах Вильмена, то лишь для того, чтобы показать, насколько опасно делать заключения на основе позднейших воспоминаний, которые сплошь и рядом искажают реальность. К сожалению, в большинстве исторических трудов, русских или французских, далеко идущие выводы и заключения делаются именно из болтовни, подобной той, что приводит бывший секретарь.

В воспоминаниях Вильмена Наполеон с каким-то маниакальным упорством повторяет слово «Москва». Почему император так упрямо говорит об этом губернском городе? Напомним, что в 1812 г. Москва не была столицей России уже ровно сто лет, и если бы Наполеон задумывал свою кампанию как войну на завоевание совершенно ненужных ему пространств, он, наверно, хотя бы иногда упоминал в своих рассуждениях название и другого города — столицы Российской империи Санкт-Петербурга. Здесь, между прочим, находились резиденция российского императора, Генеральный штаб, Военное министерство, весь государственный аппарат империи, здесь располагались штабы всех гвардейских полков, и, наконец, здесь проживала вся придворная аристократия, все те, кто реально управляли судьбами России.

Но ни в одном приказе Наполеона, где говорится о подготовке войны с Россией, не упоминается в качестве стратегической цели не только Москва, но даже и Петербург! Зато очень часто можно найти такие географические названия, как Варшава, Торн, Мариенбург, Мариенвердер, Пултуск, Эльбинг, Модлин, Плоцк, Познань, Данциг.. и только в июне 1812 года к этим названиям добавляются Вильно и Ковно.

Что это все значит? А значит это то, что на основании многочисленных рапортов, которые Наполеон получал в 1810 — начале 1812 г., у него не оставалось сомнений в том, что русская армия готовит нападение. Таким образом, если он не двинет войска к русским границам, то герцогство Варшавское будет растоптано, уничтожено, сожжено, а далее русские поднимут восстание в Пруссии и двинутся на него с еще большими силами.

С другой стороны, Наполеон был уверен, что, едва только русское командование получит известие о том, что началось выдвижение французских и союзных полков в сторону Польши, оно немедленно предпримет наступление, ворвется в герцогство Варшавское, а далее — см. предыдущий вариант. Поэтому главной целью император видел скорейшую переброску армии на рубеж Вислы. Только здесь он мог быть уверен, что даже в случае бурного наступления русских войск последние упрулись бы в широкий водный рубеж, а у французов было бы достаточно времени, чтобы принять контрмеры.

Конечно, никакого плана войны, подробно изложенного на бумаге, Наполеон не оставил. Ему не требовалось это делать, потому что он был хозяином ситуации и знал, что любые планы на войне неминуемо многократно корректируются и изменяются. Даже план знаменитого Ульмского маневра 1805 г., даже план Аустерлицкой битвы, в которых, как наивно считают некоторые историки, все было просчи-

тано и продумано до малейших деталей с самого начала, на самом деле постоянно изменялись в соответствии с изменением обстановки. При этом общая идея сохранялась. Но если зафиксированного на бумаге плана не было, то в руках исследователя существуют приказы начальнику штаба и маршалам — командирам корпусов, с помощью которых, как с помощью фрагментов мозаики, можно составить общую картину стратегического замысла Наполеона.

Первая цель французского полководца, которая видна из настоящих документов той эпохи, — занять рубеж по западному берегу Вислы. Этот рубеж должен был быть обеспечен крепостями и предместными укреплениями, прежде всего — огромной Данцигской крепостью, которая обеспечивала левый (северный) фланг стратегического развертывания французской армии. Именно там император собирался активно действовать. Еще в письме вюртембергскому королю от 2 апреля 1811 г. Наполеон пишет: «Сохраним ли мы мир? Я надеюсь, что да, но необходимо вооружаться и сделать надежным Данциг, который является ключом ко всему»³⁴. Последняя фраза совершенно немислима в том случае, если Наполеон готовил поход вглубь России.

Одновременно французский полководец старался обеспечить всю линию Вислы надежными укреплениями. Целый ряд писем конца 1811 — начала 1812 г. посвящен крепостям Модлин и Торн, а также предместным укреплениям на Висле: Мариенбургу, Мариенвердеру и Праге. Особенно мощные укрепления сооружались вокруг Модлина, который должен был стать вместе с Данцигом мощнейшим опорным пунктом на Висле. Начало большому строительству было положено в 1807 г., а первый план крепости был начертан выдающимся французским военным инженером генералом Шасслу-Лоба. В конце 1811 — начале 1812 г. здесь непрерывно работало на строительстве укреплений до 12 тысяч крестьян. В архиве исторической службы сухо-

путных сил Франции можно найти подробные отчеты о грандиозных работах в Модлине, а также в Торне. В эти крепости подвозились огромные запасы продовольствия, пороха и разнообразных военных припасов. 26 марта император отдает указание послать «триста миллье * пороха в Данциг, сто миллье в Торн и двести миллье в Модлин. Вся транспортировка пороха должна быть совершена без задержек». Император предписывал также, чтобы «Замостье было снабжено всем необходимым, так как эта крепость, возможно, будет осаждена неприятелем в первую очередь»³⁵.

Император полагал, что мощные укрепления Модлина, Торна и Праги остановят русское наступление на рубеже Вислы в том случае, если оно начнется до приближения французской армии. Это позволит сконцентрировать силы на Висле и не дать уничтожить герцогство, даже если французские войска немного запоздают и не успеют вовремя выйти на линию реки. Именно эта опасность — не успеть предотвратить вполне вероятное стремительное русское наступление — стала причиной того, что в январе—феврале 1812 г. полки выступали из мест своей постоянно дислокации в величайшем секрете. Наполеон прекрасно понимал, что многочисленные русские агенты, а также дипломатические представительства, которые находятся в крупных городах Германии, без сомнения, сообщат о продвижении французских колонн через Мюнхен, Дрезден, Берлин и т. д.

Именно поэтому 10 марта 1812 г. Наполеон пишет сердитое письмо своему начальнику штаба, в котором говорится: «Выразите мое недовольство герцогу д'Абрантес (*генералу Жюно*) за то, что он приехал в Мюнхен раньше своих войск, вследствие чего мое движение станет известным на два дня раньше, ибо русский курьер, который уехал бы 2 марта, отправился наверняка 29 февраля»³⁶. Таким обра-

* *Миллье* (millier) — старинная французская мера веса, около 0,5 т.

зом, Наполеон вовсе не пытался незаметно «подкрасться» к России и напасть на нее врасплох. Он не сомневался, что уже в Мюнхене русский военный атташе подробно доложит о движениях французских колонн, но хотел, чтобы это произошло как можно позднее, и у него была бы возможность выйти к Висле до начала русского наступления.

В своем письме от 3 марта 1812 г. начальнику штаба маршалу Бертье Наполеон указывает на самую важную, по его мнению, задачу: «Моим главным желанием является не допустить разорения герцогства в случае, если русские начнут войну. Князь Экмюльский (*Даву*) должен будет тогда поспешно двинуться, чтобы защитить территорию (*польскую*)»³⁷.

16 марта император пишет Бертье несколько писем, где он очень подробно излагает тот план, который существовал у него на это время: «Передайте князю Экмюльскому (*маршалу Даву*), что я послал ему распоряжения, исходя из варианта, при котором русские не перейдут границу и не

начнут вторжение. В этом случае все, что я ему приказал, надо исполнить буквально. Главное, чтобы войска отдохнули, были хорошо накормлены, чтобы на Висле были построены мосты и были в порядке предмостные укрепления. Таким образом, с ее рубежа можно было начать активную фазу кампании в случае, если боевые действия откроются. Но если русские начнут войну, вступив в Пруссию и в герцогство Варшавское... первый корпус выдвинется на рубеж реки

Маршал Бертье,
князь Невшательский
(1753—1815)

Алле и будет угрожать флангу армии (*русской*), наступающей на Варшаву через Гродно»³⁸.

В другом письме от 16 марта маршалу Бертье Наполеон указывает: «Таким образом, если русские не начнут наступление, которое вынудит князя Экмюльского изменить свою диспозицию, генеральная квартира будет в Торне... Посоветуйте ему (*Даву*) послать адъютанта к князю Понятовскому, чтобы предупредить, что войска готовы двигаться в случае необходимости на помощь Варшаве и поддерживать войска герцогства... Князь Экмюльский ускорит тогда марш своего корпуса в том случае, если русские начнут вторжение и будут угрожать Варшаве. Впрочем, я не думаю, что это произойдет (*сейчас*)»³⁹.

Буквально через несколько дней Наполеон снова пишет начальнику штаба: «Если в случае движения князя Экмюльского на Вислу русские объявят нам войну и вторгнутся в герцогство... он (*Удино, командир 2-го корпуса*) двинется на Штеттин и оттуда на Вислу, чтобы поддержать князя Экмюльского»⁴⁰. И тут же в другом письме император снова указывает: «Если вследствие движения князя Экмюльского на Торн, саксонцев и вестфальцев на Варшаву, баварцев на Познань русские войска перейдут границу герцогства или Пруссии, нужно, чтобы он (*3-й корпус Великой Армии под командованием Нея*) мог двинуться тотчас же, чтобы, пройдя через Познань, быстро выдвинуться к Торну»⁴¹.

Таким образом, первую часть плана Наполеон видел, прежде всего, в развертывании своих войск на линии Вислы. В случае наступления русских передовые части должны были встретить противника на хорошо укрепленном рубеже, а затем, с подходом всех сил Великой Армии, разгромить их. В случае, если русского наступления не произойдет, император сам предполагал двинуться навстречу русской армии и разбить ее в пограничном сражении. Исходя из всей полученной им информации, он нисколько не сомневался, что

войска Александра если и не двинутся вперед, то будут ждать его в полной боевой готовности и тотчас же дадут генеральное сражение, как это было под Аустерлицем и Фридландом.

Напомним, что собственно решающая часть Аустерлицкой кампании началась 27 ноября 1805 г. наступлением русской армии. На шестой день, 2 декабря, произошла битва при Аустерлице, а менее чем через двое суток было заключено перемирие. Прессбургский мир был подписан через три недели. Летняя кампания 1807 г. началась 5 июня, опять-таки наступлением русских, через 9 дней произошла решающая битва под Фридландом, а еще через четыре дня во французский лагерь прибыл первый русский парламентар, а Тильзитский мир и союз были подписаны опять же через три недели. Вероятно, примерно такой же график Наполеон предполагал и для кампании 1812 года.

Как известно, несмотря на все рассуждения русских генералов о наступлении, армия Александра не перешла рубежей Российской империи, но военная машина империи Наполеона была запущена и не могла остановиться. Из Италии и Испании, с берегов Северного моря и Адриатики шли сотни тысяч солдат, катились пушки, поднимали пыль на дороге тысячи лошадиных копыт. Обратного пути не было... Император отныне видел целью кампании короткий стремительный удар по русским войскам, сосредоточенным на границе, их разгром и заключение победоносного выгодного мира. В письме маршалу Даву император указывал, что кампания, очевидно, продлится около 20 дней.

К началу июня 1812 г. император уже почти не сомневался, что первый форсирует Неман, но даже в это время он продолжал опасаться наступления русских. В письмах от 26 мая и 5 июня своему брату Жерому он говорил: «Я поручаю вам защиту мостов в Пултуске и Сироцке, на Нареве и Буге, потому что в моем выдвижении я дам неприятелю возможность наступать до Варшавы...»⁴²

Еще яснее Наполеон высказался в следующем письме, где он рекомендовал брату, чтобы тот постарался: «...заставить всех предполагать, что вы будете двигаться на Волынь и приковать внимание противника как можно дольше к этой провинции. В это время я обойду его правый фланг... перейду Неман и займу Вильну, которая будет первой целью кампании... Когда этот маневр будет замечен неприятелем, он будет либо соединяться и отступать (к Вильне), чтобы дать нам битву, либо сам начнет наступление... Во втором случае, когда... враг будет под стенами Праги (*предместье Варшавы*) и на берегах Вислы ...я охвачу его... и вся его армия будет сброшена в Вислу...»⁴³

Наконец, даже 10 июня в письме, адресованном Бертье, император выражает мысль о том, что русские, возможно, вторгнутся на территорию герцогства Варшавского с целью овладеть его столицей. Иначе говоря, всего за несколько дней до начала войны французский полководец исходил из того, что русские войска начнут-таки вторжение в герцогство!

Наполеоновская разведка не обладала такими агентами, как выдающийся шпион флигель-адъютант Александр Чернышёв. Как уже не раз отмечалось, все сведения, которые получал Наполеон, были лишь сообщениями информаторов, которые могли только слушать разговоры русских офицеров и генералов. Им и близко не удавалось проникнуть в тайные совещания на высшем уровне, а уж тем более вызнать то, о чем говорит со своим военным министром император Александр. Зато болтовню подвыпивших офицеров наполеоновские агенты слушали и записывали. Как уже отмечалось в первой части этой главы, в русской армии все только и говорили, что о наступлении. Как совершенно верно отмечал генерал М. Богданович в «Истории Отечественной войны 1812 года», написанной в пятидесятые годы XIX века: «Перед открытием войны 1812 года войска наши и весь народ русский уверены были, что мы будем действовать наступательно. Мысль о

допущении неприятеля в пределы русского царства не могла найти места в понятиях нашего народа...»⁴⁴

Ясно, что сторонники отступления, если таковые вообще существовали, либо говорили тихо, либо вообще помалкивали. Зато сторонники наступления, люди, подобные Багратиону, выступали открыто и громко. Легко представить себе, что мог слышать какой-нибудь польский помещик, пригласивший к себе в усадьбу на ужин группу русских офицеров! Можно не сомневаться, что после нескольких бокалов речь шла лишь о будущей войне, о марше на Варшаву и о вступлении в Париж. Именно такие разговоры и передавались Понятовскому, а тот, в свою очередь, сообщал их Раппу и Даву. Поэтому Наполеон не получал никакой информации ни о каких проектах, связанных с отступлением.

Можно только дивиться тому, что император вообще не имел представления о существовании Дрисского лагеря, а значит, и о «планах Фуля»! О том, что такой лагерь вообще есть на свете, Наполеон узнал, только когда его кавалерия, преследуя отступающие русские войска, оказалась чуть ли не нос к носу с редутами на берегах Двины! Поэтому не стоит удивляться тому, что Наполеон совершенно не принимал в расчет возможность отступления русской армии даже на столь короткое расстояние.

Кстати, император имел информацию о Померанском проекте и знал о русских планах наступления на юге. Все это так походило на план кампании 1805 года! То же самое наступление в центре, те же самые отвлекающие удары в Северной Германии и Италии. Обратим внимание к тому же, что в ходе двух войн с Россией 1805 и 1807 гг., если исключить, конечно, эпизод отступления маленькой армии Кутузова вдоль по долине Дуная, русская армия действовала по одному алгоритму — наступление.

В двух предыдущих случаях из трех (Аустерлиц, Фридрихсбург) своим мощным контрударом Наполеон добивался

блистательной победы. В одном из трех случаев (Эйлау) он в ходе битвы с трудом только сдвинул с места русскую армию; как известно, это произошло потому, что у него было явно недостаточно войск. Ну что ж, теперь он решил сделать так, чтобы никаких сомнений в его численном и материальном превосходстве не оставалось. Русская армия должна была быть буквально прихлопнута ударом могучей кувалды. Для этого Наполеон сосредоточил невиданные ранее силы.

Непосредственно о численности его войск, организации корпусов и дивизий мы говорим в следующей главе. А пока отметим только один несомненный факт: предстоящую кампанию французский полководец видел как грандиозный контрудар по наступающим русским войскам или разгром неподвижной армии неприятеля на границе. Причем второй вариант появился чуть ли не в последние дни перед началом войны, когда император с некоторым удивлением увидел, что русская армия не идет ему навстречу.

Наконец, о марше в бескрайние просторы чужой земли. Как уже понятно, по мысли Наполеона, так называемый «поход на Москву» должен был найти свое завершение где-то под Варшавой. Когда же русская армия осталась неподвижной, было решено перенести боевые операции за Неман. Но даже в этом случае император совершенно не сомневался, что его поход будет направлен не в енисейскую тайгу, а на территории западных провинций Российской империи, то есть на территории все той же Речи Посполитой, аннексированной Россией лишь семнадцать лет тому назад. В письме Евгению Богарне, командующему французскими войсками в Италии, Наполеон писал накануне начала выдвижения войск к границе: «**Война в Польше** — это вовсе не война в Австрии. Без хороших транспортных средств тут не обойтись»⁴⁵. Обратим внимание, что император пишет своему приемному сыну не о перспективе похода на Камчатку, а о войне именно на польской территории.

Мы еще не раз будем останавливаться на настроениях, которые господствовали на территории Литвы и Белоруссии. Это заслуживает отдельного подробного рассказа. Отметим лишь самое главное — и шляхта, и крестьяне, и горожане здесь ждали Наполеона как освободителя. Без сомнения, на территории бывшего Великого княжества Литовского не было того единодушия в пронаполеоновских настроениях, что на территории прусской Польши, где в 1806—1807 гг. французов встречали с иступленным ликованием. Александру I удалось привлечь к себе часть литовских элит, тем более что некоторые помещики побаивались освобождения крепостных. Но в большинстве своем Литва была настроена враждебно по отношению к русской армии. Русские офицеры и генералы чувствовали себя здесь на чужой земле. И если даже Наполеон, возможно, сомневался в том, насколько единодушно его поддержит население Литвы, он мог быть совершенно уверен, что это население явно не будет враждебно.

По этому поводу генерал-лейтенант Эссен I* прислал военному министру 2 (14) февраля 1812 г. донесение из Слонима, где он очень четко обрисовал настроения, царившие на территории западных провинций Российской империи: «...помещики, имеющие состояния, не желают войны, менее же достаточные и наипаче называемые мелкой шляхтой, совсем противнаго расположения, а вообще желают восстановления польскаго края и народа. Для того, наверно полагать можно, что все оказанные здешнему краю Его Императорским Величеством (*Александром I*) милости забыты будут, коль скоро иным государем обещано им бу-

* Генерал-лейтенант Эссен И. Н. в начале 1812 года командовал так называемым Обсервационным корпусом, позднее ставшим 6-м пехотным корпусом, и временно, до прибытия Барклая де Толли, всей 1-й Западной армией.

дет восстановление Польши; большая часть всем жертвовать готова, только б лишь до того достигнуть»⁴⁶.

Почти то же самое доносил 9 (21) февраля 1812 г. военному министру и командир Второго корпуса генерал-лейтенант Багговут: «Богатые помещики и другого звания люди, достигшие почтенных лет, кажутся к нам преданными, но, напротив, молодые, по своему легкомыслию, желают и надеются на перемены. Пока мы будем вести войну за границей, то от поляков нашего края нельзя ожидать вредных следствий; если же война будет в наших пределах, в это время, можно полагать, неприятель от них получит немалые приращения войску...»⁴⁷.

Почти в это же время литовско-гродненский гражданский губернатор В. С. Ланской писал: «Безошибочно можно сказать, что здесь под пеплом кроется огонь, который при первом благоприятном случае готов вспыхнуть»⁴⁸, — а полицейский инспектор барон Розен докладывал 7 (19) сентября 1811 года министру полиции Балашову из Вильно: «Как верный подданный я могу под присягою уверить, что, во время пребывания моего в Литве, я везде находил поляков недоброжелательствующими России, и они теперь более, нежели когда-нибудь, надеются на восстановление Польского королевства»⁴⁹. Наконец, действительный статский советник Кржижановский, командированный в западные провинции Российской империи, писал тому же Балашову, что «поветы вилейский, речичский, слуцкий, мозырский и пинский поголовно были неблагонадёжны и готовы были поднять оружие против России»⁵⁰.

Таким образом, речь шла не об авантюрном походе в неизведанные заснеженные просторы, кишашие партизанами, а о пограничном сражении с подавляющим превосходством сил на территории, где ожидалось найти самый дружественный приём и получить поддержку, и уж точно не встретить никакого сопротивления. Именно поэтому хоро-

шо информированный Меттерних не сомневался в исходе войны Наполеона с Россией. Вспомним его фразу, которая была приведена в предыдущей главе: «По моему мнению, Польша является гарантией будущей победы Франции в войне с Россией».

Интересно, что в это же время хорошо известный нам князь Адам Чарторыйский написал почти то же самое одному из своих друзей, объясняя, почему он вынужден покинуть Польшу и не может присоединиться к числу тех, кто собирался сражаться за ее возрождение: «Разве одни глупцы не видят, что **все возможные вероятности обещают победу гению победы, напротив, все несчастья должны обрушиться на Александра.** Благородно ли, справедливо ли будет, чтобы в этих несчастьях душа его удручилась еще зрелищем неизвинительной благодарности со стороны человека, который ему столько обязан?»⁵¹ Таким образом, если Чарторыйский оставался в стороне от борьбы, то лишь из жалости к Александру I, которого он уже считал, без всякого сомнения, обреченным.

Отметим ещё раз, что обе фразы взяты из документов, написанных накануне похода, и четко отражают настроения подавляющего большинства знающих свое дело европейских политиков. Ясно, что если бы Александр I дал сражение на границе, то война, скорее всего, развивалась бы как предполагал Меттерних и как, видимо, считал Чарторыйский. Можно не сомневаться, что после ее окончания в воспоминаниях политиков и военных рассказывалось бы, как все они даже и секунду не сомневались в успехе похода Наполеона. Более того, не было бы, наверное, генерала Великой Армии, который не написал бы в своих мемуарах о том, что именно он подал императору эту ценную и мудрую идею разгромить, наконец, войска Александра и восстановить Польшу, поставив тем самым преграду на пути вражеской империи.

Кстати, о мемуарах и о Меттернихе. Его воспоминания были написаны если не по свежим следам событий, то, по крайней мере, человеком, в руках которого находились документы, записки и письма предвоенной эпохи, и поэтому, даже если мемуарам известного политика и нельзя доверять безусловно, как нельзя доверять вообще никаким мемуарам, отдельные пассажи из них все-таки заслуживают внимания.

Вот что пишет австрийский министр о беседах с императором накануне войны 1812 г.: «Наполеон лелеял большие иллюзии. Самым главным из его ложных расчетов было то, что русский император либо не осмелится предпринять борьбы с Францией, либо будет вынужден закончить ее тотчас же после первых побед Великой Армии, в которых Наполеон не сомневался... **Наполеон был убежден, что русская армия будет его атаковать.** Что касается меня, я был уверен, что император Александр не перейдет границы, будет ждать атаки французской армии и сумеет ее расстроить, отступая перед ней. Я выразил эту точку зрения, но Наполеон отверг ее, говоря о том, что он досконально знает способ действия Александра»⁵².

Разумеется, уверенность Меттерниха в том, что «Александр не перейдет границы», и что русская армия будет отступать, появилась, скорее всего, задним числом. Что же касается планов императора в передаче австрийского министра, они полностью совпадают с тем, что можно заключить на основе документов, написанных накануне кампании. Именно поэтому мы позволим себе привести еще одну выдержку из мемуаров Меттерниха, в которой он сообщает о том, как изменились проекты Наполеона, когда тот понял, что русские, скорее всего, не перейдут в наступление: «Когда он (*Наполеон*) узнал от передовых войск своей армии, собранных в герцогстве Варшавском... что он должен отказаться от надежды быть атакованным царем, он изложил мне план кампании, на котором остановился. Он рассказал мне о нем в сле-

дующих словах: „Мое предприятие из числа тех, где только терпением можно добиться результата. Победа будет принадлежать тому, кто окажется более выносливым. Я начну кампанию переходом через Неман, а завершу ее в Смоленске и Минске. Именно там я остановлюсь. Я укреплю эти города и займу Вильно, где будет находиться генеральная квартира будущей зимой. Я займусь организацией Литвы, которая жаждет освободиться от гнета России. Увидим, кому из нас надоест первому: мне, армия которого будет жить за счет России, или Александру, который будет кормить мою армию за счет своей страны. Возможно, лично я в момент самых сильных зимних холодов вернусь в Париж“»⁵³.

Конкретные рубежи, на которые должна была выйти Великая Армия, возможно, не слишком точно переданы Меттернихом: остановиться в Минске или в Смоленске — это не одно и то же. Однако общий принцип совершенно очевиден — после разгрома главных сил русской армии занять территорию бывшей Речи Посполитой и в случае, если Александр проявит упорство и не пожелает заключить мир, дожидаться, пока он не будет вынужден пойти на мировую.

Если мы привели фразы австрийского политика, почерпнутые из его мемуаров, то только потому, что они точно соответствуют картине, которая вырисовывается на основе документов, составленных накануне войны.

Вот, в частности, документ, который был послан из Варшавы буквально за несколько дней до войны, 30 мая (11 июня) 1812 г., русским разведчиком, имя которого нам неизвестно, но который, без сомнения, вращался в самых высших сферах польско-французского командования. Автор документа писал: **«Можно заключить с уверенностью, что Наполеон не намеревается перенести войну в Россию (автор имеет в виду исконно русские земли)**, он понимает всю опасность такого предприятия, которое к тому же слишком далеко от его замысла закончить войну как можно скорее.

Единственная цель, которую он ставит перед собой в этот момент, — это разрушить бессмертное творение Екатерины Великой, возродив Польшу, чтобы противопоставить нам этот барьер. Оттеснив нас за Двину и Днепр, он будет деспотически править всей Европой, которую мы не сможем более эффективно защитить»⁵⁴.

Неизвестный агент, переживавший за то, что Россия, возможно, более не сможет «эффективно защитить» Европу, блистательно резюмировал стратегическую задачу, которую ставил перед собой Наполеон накануне войны 1812 г. Как совершенно точно указывает автор доклада, Наполеон не собирался двигаться в исконно русские земли, а уж тем более идти на Москву. Его задача была «разрушить бессмертное творение Екатерины Великой», то есть освободить земли бывшей Речи Посполитой и создать государство, которое стало бы стражем для его европейской империи на востоке. Вспомним речь, произнесенную генеральным комиссаром западной Пруссии де Буанем, в которой он указал границы империи, простирающиеся от Тахо до Двины и Днепра.

Таким образом, план Наполеона накануне войны с Россией можно резюмировать следующим образом: предполагая вероятность того, что русские войска будут наступать, император принял решение остановить их на рубеже Вислы и разгромить фланговым ударом. Однако вследствие того, что ни в апреле, ни в мае 1812 г. русская армия не начала наступать, а войска Наполеона уже сконцентрировались на рубеже Вислы, французский полководец принимает решение самому перейти в наступление. Он был уверен, что сразу вслед за переходом Немана последует решающая битва, победив в которой, его войска займут территорию бывшей Речи Посполитой, отошедшую к России по разделам конца XVIII века. Наполеон не исключал возможности, что разгром противника в генеральном сражении не даст ему сразу окончательной победы. В таком случае, видимо, предпо-

лагалось находиться на занятой территории бывшей Польши до тех пор, пока Александр не пойдет на мир.

Нечего и говорить, что ни в одном из официальных документов, посвященных подготовке войны с Россией, не идет речь ни о каком походе на Индию, слухи о котором можно найти во многих мемуарах, в частности в воспоминаниях Вильмена. Об этом походе очень любят рассуждать историки, черпающие свою информацию из слухов и выдумок. К тому же все это очень хорошо согласуется с безумными идеями о мировом господстве. Совершенно невообразимо, что, если бы Наполеон, готовясь к войне с Россией, хоть каким-то образом предполагал продолжить поход, подобно Александру Македонскому, переходом через Гималаи, это бы нашло хоть какое-то отражение в рабочей корреспонденции, приказах начальнику штаба, военному министру или маршалу Даву, людям, которым император доверял все свои секреты. Вспомнить хотя бы обсуждение с Даву возможности внезапного нападения на Пруссию. Не исключено, конечно, что в каких-то частных разговорах император мог вспоминать о своем проекте, который он предлагал еще Павлу I. Возможно также, что в случае успешного исхода столкновения с Россией Наполеон мог предполагать после заключения мира действительно организовать поход какого-нибудь корпуса с целью выбить англичан из Индии. Но это никоим образом не относилось к планам войны на 1812 г., при подготовке которых ставились конкретные цели и задачи, вполне понятные и достижимые.

Политико-стратегический план войны предопределял и выбор конкретных средств, о чем и пойдет речь в следующей главе. В связи с тем, что предполагалась не война с целью уничтожения российского государства, а военная операция, хотя и с широкомасштабными, но все-таки вполне конкретными целями, методы решения предполагались чисто военные. Ни к каким методам тотальной вой-

ны Наполеон с самого начала решил не прибегать. Все его приказы говорят только о чисто военной подготовке. Император изначально отказался от идеи освободить в России крепостных, к чему призывал его в своей записке д'Обюссон де ла Фейяд.

В отношении же Польши Наполеон занял умеренную позицию. Да, отныне он решился на восстановление большого польского государства, но не желал заранее связывать себя какими-то конкретными обязательствами, чтобы оставить за собой свободу манёвра на переговорах, которые должны были состояться после его победы. Он вовсе не исключал уступок в польском вопросе, дабы легче достигнуть компромисса с российским руководством.

Если таковы были планы Наполеона, это не значит, что среди его подчиненных, в особенности поляков, не было горячих голов, которые стремились к настоящей тотальной войне на сокрушение. Подобные мысли можно найти в очень пространным проекте, который был представлен императору в феврале 1812 г. дивизионным генералом армии герцогства Варшавского Михалом Сокольниковским.

Документ назывался «Очерк о способах избавить Европу от влияния России и посредством этого от влияния Англии»^{*}. В длинной преамбуле к проекту в самых зловещих тонах излагается описание политики российского государства. Автор указывает, что «политика русского правительства основывается на системе захватов и узурпации, которую царь Петр I завещал своим преемникам. Эта традиция передается от одной царствующей особы к другой... Раздел Польши был первым шагом, который она (*Россия*) сделала к

^{*} Перевод этого документа на русский язык был опубликован в Минске в 2003 г. Мы публикуем выдержки из собственного перевода подлинника этого документа, хранящегося в архивах французского министерства обороны (S. N. D. 1M1490).

исполнению своих целей»⁵⁵. Разумеется, по мнению автора, эти цели — ни много ни мало — господство над миром.

Сокольницкий передает свою беседу с одним из русских генералов, который якобы заявил ему следующее: «Если бы Павел не внес беспорядок в армию своей манией реформ, если бы он тотчас двинулся против французов, как приказала бы мудрая Екатерина, если бы он не ополчил против себя дворянство своим выходками, Александру оставался бы лишь один шаг, чтобы добиться этого... разве мы не потомки гуннов — победителей римлян, разве под ударами наших братьев норманнов не трещала империя Карла Великого?»

Нужно отметить, что подобные страшилки сочинялись о России уже не первый раз, но особенность документа Сокольницкого в том, что, как выясняется, все безобразия российских цари творят не только при попустительстве, но с прямой помощью Англии. Автор пишет, что из-за «чудовищного союза России с Англией... весь континент, а скорее, даже весь мир стал добычей грабежа, порока, крючкотворства, коварства, предательства, преступлений, раздоров, бесчестья, глупости, ростовщичества, алчности и всех других пороков...»

Более того, по мнению Сокольницкого, отныне вообще мир разделился на две силы: с одной стороны — «империя света» (это, конечно, наполеоновское государство), с другой стороны — «империя тьмы» (как легко догадаться — Россия). Разумеется, что при таком подходе к политическим проблемам задача войны заключается в том, чтобы разгромить «империю тьмы» и сделать это окончательно и бесповоротно.

Соответственно, война с Россией, по мысли Сокольницкого, должна была только начаться занятием Литвы. Среди важных мероприятий, которые предлагал провести генерал, был поход значительной части армии на Волынь. Во главе этого похода Сокольницкий предлагает поставить

князя Доминика Радзивилла*, которого в своем документе он называет «молодой князь Радзивилл». Эта кандидатура предложена не случайно, так как «в его владении находилось больше земель, чем у всех остальных помещиков Литвы, вместе взятых, к тому же в окрестностях Слуцка и Несвижа проживает много зависящей от него знати».

Подняв восстание на Волыни, польские войска должны были двинуться на юг, чтобы овладеть Киевом. Другому отряду ставилась задача выйти на юг Белоруссии и также поднять там восстание. Сокольницкий предполагает также движение части войск на северо-восток, на Нарву, и не исключает, что франко-польские войска когда-либо вступят в Петербург и Москву, хотя последнее не является важным с его точки зрения. Самое главное, считает Сокольницкий, «нанести поражение русским одновременно всюду, где только можно, или, по крайней мере, всюду, где их можно настичь».

Результатом войны, по мнению генерала, должно стать расчленение Российской империи. Кроме безусловного восстановления Речи Посполитой следовало создать предохранительную буферную зону из вассальных «герцогств», каждое из которых в случае необходимости выставляло бы от 25 до 30 тысяч солдат, которые «могли бы по примеру поляков служить во французской армии». Сокольницкий предлагает создать следующие герцогства: Ливонское, Полоцкое, Смоленское, «не считая самого города, который должен превратиться в польский пограничный форпост», Мстиславское, Черниговское, Полтавское.

Запорожских казаков Сокольницкий предлагает объединить с крымскими татарами, чтобы организовать государство под названием «Наполеонида» (!). Наконец, Санкт-Петербург польский генерал считал необходимым превратить в большой вольный торговый город, подобный

* Характеристику князя Радзивилла и его биографию см. в главе 12.

Данцигу, «под непосредственной протекцией великого императора». Петербуржцы, как и жители других герцогств, должны были бы выставять контингент для службы во французской армии.

Таким образом, заключает автор, «уменьшенная до своих естественных границ, отброшенная от берегов Балтики и Черного моря, отделенная от великой империи мощным заслоном, сдерживаемая армиями, всегда готовыми отразить ее агрессию, Россия будет вынуждена отказаться навсегда от своих проектов завоеваний, вторжений и узурпаций всех видов. Англия, этот отъявленный враг Франции, всего континента и священной особы Наполеона, увидев, как у России из рук выпал окровавленный кнут ...будет вынуждена умолять о снисхождении героя, которого она оскорбила и которого она ненавидит только потому, что боится»⁵⁶.

Тем не менее даже в этом случае Сокольницкий побаивался, что Европа не будет окончательно защищена от страшного призрака русского могущества, ибо он считает, что русский самодержец может призвать «азиатские орды», которые опять-таки будут угрожать Европе.

Поэтому генерал пишет следующее: «Вполне вероятно, что, если появится какой-то пророк среди этих орд, который покажет им, что за Каспийским морем находится земной рай, эти толпы слепо последуют за своим начальником до самой Бенгалии. Надежда на добычу будет для этих полудикарей приманкой, перед которой они не смогут устоять. И Александр сможет тогда стать настоящим монархом востока и единственным хозяином Азии. Это предложение должно, несомненно, исходить от какого-нибудь влиятельного русского вельможи. Так как русских очень легко подкупить, то можно не сомневаться, что можно заполучить любого из них, если хорошо заплатить».

Ну и наконец, Сокольницкий завершает свой мемуар совершенно неожиданной фразой: «Таков будет смертель-

ный удар, который герой нанесет Англии (!!), и от которого она уже не сможет оправиться».

Мы подробно остановились на экстравагантном плане Сокольницкого не потому, что предложения польского генерала каким-то образом были использованы Наполеоном; дело в том, что проект Сокольницкого — это скорее представление о плане французского полководца в изложении тех, кто приписывает ему стремление к мировому господству. Так как проект Сокольницкого был составлен, как можно легко догадаться, до начала войны, географический пункт Москва упоминается там только один раз, да и то между делом. Зато генерал действительно предлагал осуществить разгром российской государственности в том виде, в котором она существовала.

Довольно необычно выглядят пассажи Сокольницкого, касающиеся Англии. Видно, что генерала эта тема мало волновала, знал он ее плохо, но понимал, что императору требуется обязательно что-нибудь с антибританским содержанием. Поэтому Сокольницкий к месту и не к месту вставляет пассажи, которые дают ужасную характеристику не только России, но и Англии, а в завершение, как уже было указано, вообще ни с того ни с сего заявляет, что победа над Россией будет означать смертельный удар для Англии.

Никто не знает, сколь внимательно Наполеон читал произведение Сокольницкого, но совершенно очевидно, что ни одно из положений плана польского генерала не было использовано при подготовке войны 1812 г. План Сокольницкого предусматривает продолжительную войну, действия Наполеона были направлены на стремительный удар. Сокольницкий предлагал мобилизовать все антирусские силы, поднять восстание крестьян и шляхты на Украине и в Белоруссии; Наполеон к этому совершенно не готовился. Наконец, никакого франко-польского корпуса для того, чтобы двигаться на Волынь, выделено не было.

Деятельность Сокольницкого заставляет нас обратиться к еще одному эпизоду, о котором часто упоминают историки. Речь идет о знаменитом «Завещании Петра Великого». Во многих произведениях о войне 1812 г. можно найти строки, в которых говорится, что этот подложный документ, где в самом зловещем виде представлена политика России XVIII столетия, был придуман самим Наполеоном и опубликован накануне войны с Россией с целью создания резко отрицательного образа Российской империи и её дискредитации во французском общественном мнении.

Действительно, в 1812 г. в Париже появляется книга историка и публициста Шарля-Луи Лезюра «О развитии русского могущества». В этой книге на страницах 177—179 приводится текст документа, который великий российский император якобы оставил в назидание своим потомкам. Согласно этому документу, Петр завещал России достигнуть господства над миром. Методы достижения этой цели сформулированы в 14 пунктах, где великий император наставлял своих потомков действовать следующим образом: «1. Не пренебрегать ничем, чтобы дать русской нации европейские формы и обычаи... 2. Поддерживать государство в состоянии непрерывной войны, чтобы закалить солдат и поддерживать нацию в готовности выступить по первому сигналу... 6. Поддерживать анархию в Польше, влиять на ее сеймы, особенно на выборы королей, расчленять ее при каждом возможном случае и, в конце концов, покорить ее полностью... 9. Любой ценой, силой или хитростью, вмешиваться в дела и распри Европы и особенно Германии...»⁵⁷

Результатом всех этих действий должен был стать финальный акт, слегка похожий на конец света из американских блокбастеров. Соединенные силы России уничтожат Австрию, русские войска выйдут к Рейну, за ними «последуют неисчислимые азиатские орды, и по мере того, как они будут продвигаться по Германии, два мощных флота

выйдут один из Азовского моря, а другой из Архангельска, на борту их будут другие орды. Под сопровождением вооруженных флотов, Черноморского и Балтийского, они внезапно появятся на Средиземноморье и на берегах океана и обрушат все эти дикие кочевые народы, свирепые и жадные до добычи, на Италию, Испанию и Францию. Они вырежут часть жителей, а остальных уведут в рабство, чтобы наполнить сибирские пустыни (!!)...»⁵⁸

Эти страшные пророчества не были выдуманы Лезюром, они родились на основе документов, появление которых современные исследователи относят к 90-м годам XVIII в. Первый из этих документов был составлен неким Томбёром на основе оригинала, который он якобы видел в 1794 г. в Варшаве. Следующая версия «Завещания Петра Великого» была сделана в 1796 г., над ее оставлением работал поляк Порадовский. И, наконец, составителем третьей версии, которая появилась немного позже, был уже нам хорошо известный генерал Михал Сокольницкий. Ряд стилистических особенностей выдает его руку в «Завещании Петра Великого», которое некоторыми своими оборотами подозрительно напоминает отдельные пассажи из плана войны, составленного Сокольницким накануне войны 1812 г. Взять хотя бы и там и там навязчиво повторяемое словосочетание «азиатские орды».

Так что Наполеону не требовалось выдумывать документ, который появился во французском министерстве иностранных дел в эпоху Директории. «Завещание Петра Великого» было, наоборот, спрятано под сукно в связи с долгими и упорными поисками императором русского союза. Даже если книга Лезюра вышла и не без указания самого Наполеона, то она была не частью информационной войны против России, а не более чем оправданием уже начавшегося военного конфликта.

Дело в том, что работа Лезюра увидела свет в то время, когда французские войска уже вступили в Москву. Она не

готовила общественное мнение к войне, а скорее пыталась оправдать уже свершившийся факт. На последней странице можно прочитать: «Ни у одной войны не было столь важной и благородной цели. Для такого благодеяния не жалко принести никакой жертвы. И пока политики путались в напрасной болтовне, гений великой империи свершил приговор судьбы... Его меч отомстил за несчастья цивилизованной Европы. Французский орел развернул свои крылья на золотых шпилях древних царских дворцов. Больше страшные дети севера не будут угрожать нашим деревням, нашим городам, нашему искусству. Они уже оставили плодородную землю, которую недавно разорили (*имеются в виду западные провинции*), и скоро они будут проклинать союз с Альбионом, который больше не будет мешать тому, чтобы они признали наконец границы, за которые более в своей гордыне не стремились бы перейти. Итак, я откладываю свое перо под звуки, прославляющие победу...»⁵⁹ Эти строки могли быть написаны только где-то в сентябре-октябре 1812 г., когда французская армия находилась в Москве. А сама книга, очевидно, появилась не раньше ноября-декабря 1812 г.

Кстати, что касается книги Лезюра и «Завещания Петра Великого». Многие факты из истории русской политики, приводимые Лезюром в его книге, основываются не на пустом месте, другое дело, что в его работе они представлены самым тенденциозным образом. Она очень походит на английские памфлеты о Франции, которые читали не только в Англии, но и в России, только с той разницей, что в них в подобных же зловещих тонах описывалась политика наполеоновской империи. Так что при желании, взглянув под определенном углом, можно было увидеть в пугающем, страшном виде как политику Наполеона, так и политику российских императоров.

Зато, если мы обратимся к официальным публикациям, которые появились накануне войны, мы с удивлением смо-

жем констатировать, что современные понятия информационной войны с целью очернения противника и превращения его в глазах общественности своей страны в воплощенное зло начисто отсутствовали в наполеоновской империи.

Основной официальной публикацией наполеоновской империи являлась ежедневная газета «Moniteur Universel». Напрасно читатель будет искать здесь статьи, напечатанные накануне войны, похожие по духу на книгу Лезюра. До самого начала боевых действий в официальной газете Франции можно найти только либо положительные высказывания, либо абсолютно нейтральные заметки о Российской империи. Вот некоторые из них, появившиеся в 1812 году, накануне войны:

«Из Петербурга, 8 февраля. Придворный советник Бродский, владелец земель под Константиноградом в Полтавской губернии, нашел простой и надежный способ делать прививку баранам... через несколько дней после прививки бараны обладают тем же иммунитетом, что и ребенок, которому сделали вакцинацию»⁶⁰.

«Из Петербурга, 23 февраля. Его Величество император объявил об учреждении двух золотых медалей в сто дукатов каждая за ответы на вопросы, на которые экономическое общество не смогло найти удовлетворительного решения»⁶¹.

«Из Петербурга, 3 марта. Два ученых путешественника, г-н Энгельгардт и Паро, вернулись из путешествия, которое они совершили по Кавказу, направляясь в Дерпт. Они посвятили целый год барометрическому изучению уровня земли Каспийского и Черного морей. Чтобы исследовать, какой из двух этим морских водоемов имеет более высокий уровень»⁶².

«Из Петербурга, 3 марта. В Тверской губернии были открыты источники минеральной воды, которая очень напоминает по своим свойствам воды Пирмона и Спа»⁶³.

«Из Петербурга, 10 апреля. Администрация почт приняла необходимые меры, чтобы на дороге из Белорус-

сии через Лугу установить надежное сообщение для почты. На каждой почтовой станции будет находиться по 36 лошадей»⁶⁴.

Нужно обладать, очевидно, извращенным сознанием для того, чтобы в статьях о прививках баранам и тверской минеральной воде видеть антирусскую направленность. Наполеон, даже развернув в полной мере все военные приготовления, не исключал, что он найдет способ уладить дело с Александром миром. А если и придется воевать, то, как уже неоднократно говорилось, он полагал, что война будет краткой, и очень быстро придется перейти к стадии переговоров. Потому накал антирусских настроений в обществе был императору абсолютно ни к чему. Если в конце 1812 г. и появилась книга, подобная работе Лезюра, то только потому, что война совершенно вышла за пределы тех рамок, которые изначально предназначтал ей французский полководец.

Единственным, что каким-то образом относится к моральной подготовке французского общества к войне с Россией, был шпионский скандал, который разразился в начале 1812 г. В это время агенты французской полиции сумели доказать, что молодой красавец Александр Чернышёв, о котором уже не раз упоминалось на страницах этой книги, занимался в свободное от официальных обязанностей время не только соблазнением красивых парижанок, но и кое-какими другими делами. Агенты министра полиции Савари доставили своему начальнику неопровержимые доказательства того, что 21 февраля 1812 г. Чернышев подготовил для русского царя депешу, содержащую массу подробностей, почерпнутых накануне в министерстве военной администрации, а также точнейшее расписание Великой Армии, основанное на последних приказах, данных военным министром. В этих сведениях Наполеон без труда узнал свои собственные приказы и секретные документы, о которых во Франции знало всего лишь несколько человек.

В том, какого рода деятельностью занимался Чернышёв, не оставалось никаких сомнений. Но император не пожелал схватить молодого шпиона за руку, чтобы не вызвать немедленной реакции со стороны России. Как уже подчеркивалось, Наполеон очень опасался, что русская армия перейдет в наступление еще до того, как он сосредоточит свои силы на Висле. Поэтому император не только не стал обострять ситуацию, но, наоборот, пригласил к себе Чернышёва на аудиенцию. И более того, пожелал видеть его даже два раза.

Первый раз Наполеон провел долгую беседу с молодым полковником 25 февраля, а следующая встреча состоялась прямо накануне отъезда Чернышёва 27 февраля. Оба разговора были необычайно продолжительными. Можно только изумиться их длительности, так как прощальная беседа длилась целых три с половиной часа. Наполеон вовсе не распекал русского флигель-адъютанта за его шпионские выходки. Более того, в своем официальном отчете Чернышёв отметил: «В течение всей аудиенции император Наполеон беседовал со мной с большим хладнокровием, как будто продумал заранее все, что он хотел сказать. Вообще он был очень осторожен и не держался так свободно, как в предыдущие разы, когда я имел честь с ним говорить. Его Величество часто старался себя сдерживать и казался очень умеренным»⁶⁵.

Наполеон «не держался так свободно, как в предыдущие разы»... Ещё бы! Как император вообще нашёл в себе силы вежливо беседовать с тем, кто, как выяснилось, подкупал сотрудников военного министерства и воровал секретные документы! Да ещё говорить много и долго...

Беседа, разумеется, была в деталях записана Чернышёвым и представлена в докладе царю. Из долгого и довольно противоречивого монолога можно было понять лишь то, что император в который раз просил передать Александру, что он готов сговориться по всем вопросам, вызывающим

разногласия. Он нисколько не скрывал, что начал подготовку к войне. Наполеон заявил: «Я начал теперь готовиться к войне. Если вы вернетесь сюда месяца через три или четыре, вы найдете все в другом состоянии, чем сейчас» ⁶⁶.

Множественно император повторял, что он не желает этой войны, которая навязана ему: «Признаюсь,— сказал он,— что еще два года назад я не верил, что между Францией и Россией может произойти разрыв. По крайней мере при нашей жизни, а так как император Александр молод, и я должен жить долго, я полагал, что спокойствие Европы гарантировано нашими взаимными чувствами. Мои остались неизменными, и вы можете передать ему, что, если судьбе будет угодно, чтобы два самых могущественных государства на земле сражались из-за пустяков, я буду воевать по-рыцарски, без всякой ненависти и злобы. Если позволят обстоятельства, я предложу ему даже пообедать на аванпостах...— Далее император продолжил: — Я посылаю вас к императору Александру как моего уполномоченного в надежде, что еще можно прийти к соглашению и избежать того, что прольется кровь сотен тысяч храбрецов только потому, что мы не сошлись во мнении насчет цвета ленты *» ⁶⁷.

На основании долгих бесед Наполеона можно с уверенностью сказать, что он собирался на войну с тяжелым чувством. В своей беседе с Меттернихом он сказал: «Если бы кто-нибудь мог избавить меня от этой войны, я был бы ему очень благодарен».

Конечно, если немедленный разрыв был нежелательным, Чернышёва по дипломатическим законам не могли арестовать и судить. Но с учетом того, что по нормам морали того времени царский флигель-адъютант действовал как подлец, его могли демонстративно с презрением вышвырнуть из Франции, сопроводив его экстрадицию жёсткими

* Имеется в виду из-за пустяков.

комментариями в прессе, опозорив его как офицера, обесчестившего себя шпионской деятельностью, и добавить к этому резкие выпады в адрес России. Так бы, наверно, и сделали, если бы Наполеон стремился к походу на Москву. Но даже в феврале 1812 г., уже начав собирать небывалую по численности армию, император не закрывал дверь для переговоров.

Разумеется, что касается подручных Чернышёва, с ними ни Наполеон, ни его полиция церемониться не собирались. Едва молодой офицер выехал из Парижа, как в дом, где он жил, нагрянула полиция. Поначалу обыск не дал никаких результатов, так как Чернышёв целую ночь перед отъездом провел у камина, сжигая все компрометирующие бумаги, которые не мог взять с собой. Но, на горе поделщикам молодого резидента, была обнаружена небольшая записка, неизвестно почему оказавшаяся под ковром. Автором записки был как раз тот, кто сообщал молодому полковнику основные сведения. Тотчас же по почерку был обнаружен автор, которым оказался, как мы уже упоминали, сотрудник военного министерства Мишель.

Этот человек и все его сообщники в скором времени были арестованы. И только тогда, когда выяснились все подробности грандиозной шпионской аферы, Наполеон смог дать волю своему возмущению. Он пожелал, чтобы суд над предателями был проведен открыто и с соблюдением всех юридических формальностей. На скамье подсудимых оказалось четыре избличенных чиновника: Мишель, Саже, Сальмон и Мозе. Несколько человек, ранее арестованные как их сообщники, были выпущены за недостатком улик. Отпустили также некоего Вюстингера, который был связным между Мишелем и Чернышёвым. Это было сделано потому, что Вюстингер был подданным иностранного государства, к тому же служащим русского посольства. Он присутствовал на суде лишь в качестве свидетеля.

Прокурор начал заседание 13 апреля 1812 г. напыщенной торжественной речью, близкой по стилю к помпезному классицизму, модному в то время: «Господа судьи! В какую пропасть преступлений и несчастий рискуют упасть те, кто по природе своей службы хранят секреты правительства, и те, которые без необходимости вступают в связи с агентами иностранных держав...»

На изобличения прокурора подсудимые могли ответить лишь что-то маловразумительное, и ни у кого не осталось сомнений в их виновности; тем не менее защите удалось отстоять сообщников Мишеля. Сам Мишель был приговорен к смертной казни с конфискацией имущества. Саже приговорили к наказанию древним способом — выставлению у позорного столба и денежному штрафу. Сальмона и Мозе, как ни странно, вообще оправдали.

Этот процесс, наделавший много шума в парижском обществе, можно привести в качестве единственного примера «информационно-пропагандистской войны». Несмотря на то что император мобилизовал небывалые еще в истории военные силы, о чем речь пойдет в следующей главе, никакой идеологической обработки в преддверии конфликта и отдаленно не проводилось. Ничего общего с современностью, когда могучие державы стирают в порошок противника с помощью средств массовой информации еще до того, как заговорит оружие. Всю энергию Наполеон сосредоточил на одном — собрать огромную армию и разгромить войска Александра в короткой чисто военной операции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Dumas M. Souvenirs du lieutenant général comte Mathieu Dumas du 1770 a 1836. P., 1839, t. 3, p. 416—417.
2. Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-Учёного Архива Главного Штаба. Отдел I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. СПб., 1900, т. 7, с. 187—188.
3. Там же, т. 4, с. 12, 15. 16.
4. Там же, т. 5, с. 249, 302—303.
5. Там же, т. 5, с. 313—314.
6. Там же.
7. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. М., 1963, т. 6, с. 268—270.
8. Там же.
9. Отечественная война 1812 года..., т. 11, с. 2.
10. Там же, т. 11, с. 409.
11. Там же, т. 5, с. 61.
12. Там же, т. 11, с. 337.
13. Там же, т. 10, с. 5.
14. Там же, т. 10, с. 69.
15. Там же, т. 10, с. 265—269.
16. Там же, т. 11, с. 232.
17. Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806—1812 гг. // Русская Старина, сент. 1910, с. 269.
18. Ивченко Л., Толь Карл Федорович // Сборник Отечественная война 1812 г., М., 2004, с. 706.

19. Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-Учёного Архива Главного Штаба... т. 11, с. 324—332.
20. Клаузевиц. 1812 год. М., 1937, с. 28, 31.
21. РГВИА Ф. 846, Оп. 14, 3584.
22. Там же.
23. Там же.
24. Безотосный В. М., Парсанов В. С. Фуля план // Сборник Отечественная война 1812 г., М., 2004, с. 758.
25. Цит. по: Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников. 1812—1815 гг. СПб., 1882.
26. Pradt D.-G.-F. de Fourt de, Histoire de l'ambassade dans le Grand-Duché de Varsovie en 1812. P., 1815, p. 1.
27. Ibid, p. 16.
28. S.H.A.T. C_2 130.
29. Tulard J., Nouvelle bibliographie critique des mémoires sur l'époque napoléonienne écrits ou traduits en français. P., 1991, p. 298.
30. Villemain A.-F. Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature. P. 1853—1855, t. 1, p. 165, 175—176.
31. Ibid, p. 173, 167—168.
32. AF IV 1699/8.
33. Marmont A.-F. L. V. de. Memoires du marechal Marmont duc de Raguse de 1792 a 1841. Paris, 1857, t. 3, p. 215.
34. Correspondance... t. 22, p. 17.
35. Ibid, t. 23, p. 344.
36. Correspondance..., t. 23, p. 299.
37. Ibid, p. 279.
38. Correspondance..., t. 23, p. 314.
39. Correspondance..., t. 23, p. 317—319.
40. Ibid, p. 335.
41. Ibid, p. 335—336.
42. Correspondance... t. 23, p. 435.
43. Ibid, t. 23, p. 470—471.
44. Богданович М. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. СПб., 1859, с. 107.

45. Correspondance..., t. 23, p. 143.
46. Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-Учёного Архива Главного Штаба... т. 9, с. 4.
47. Там же, с. 128.
48. Цит. по: Дубровин Н. Ф. Русская жизнь... с. 441.
49. Там же, с. 520.
50. Там же, с. 521.
51. Цит. по: Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века. М., 2007, с. 554.
52. Metternich C. W. L., prince de. Mémoires, documents et écrits divers. Paris, Plon, 1880—1884, t. 1, p. 113, 121—122.
53. Ibid, p. 122.
54. Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-Учёного Архива Главного Штаба... т. 12, с. 287—288.
55. S.H.D. 1M1490.
56. Ibid.
57. Lesur Ch.-L. Des progrès de la puissance russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIXe siècle. P., 1812, p. 177—178.
58. Ibid, p. 179.
59. Ibid, p. 469—470.
60. Moniteur Universel, 17 mars 1812.
61. Moniteur Universel, 26 mars 1812.
62. Moniteur Universel, 8 avril 1812.
63. Moniteur Universel, 16 avril 1812.
64. Moniteur Universel, 9 mai 1812.
65. Донесения полковника А. И. Чернышёва императору Александру Павловичу // Сборник Российского исторического общества, т. 21, с. 144.
66. Бумаги А. И. Чернышёва за царствование императора Александра II // Сборник РИО, т. 121, с. 166.
67. Донесения полковника А. И. Чернышёва... // Сборник РИО, т. 21, с. 142—143.

ГЛАВА 11

Путь меча

Итак, сомнений больше не было. Обе стороны сознательно стремились к военному конфликту. С запада и востока к границе герцогства Варшавского и России шли и шли войска. Никогда еще обе страны-участницы противостояния не готовились к войне так долго и так тщательно. Фактически битва должна была решить, кому править в Европе — Наполеону или Александру.

Русская армия

Непосредственные приготовления к главной войне с Французской империей начались в России с 1810 г., но на самом деле все, что происходило в военной области с 1802 г., уже можно назвать подготовкой к военным действиям. Как указывалось выше, почти с самого начала своего правления Александр I взял курс на конфронтацию с Наполеоном, подчинив этой идее все силы и ресурсы российского государства.

Первейшей задачей в подготовке войны было, естественно, усиление и модернизация армии. В эпоху Павла I были частично изжиты многие язвы российской армии, прежде всего — чудовищная коррупция и произвол последних лет правления Екатерины. Однако организация войск

требовала реформ, необходимо было также усовершенствовать тактические приёмы в соответствии с требованиями времени. Кроме того, сил, которые остались в наследие от предыдущего царствования, было явно недостаточно, чтобы начать борьбу с целью разгрома наполеоновской Франции.

В конце правления Павла I общая численность полевых войск России составляла 280 тысяч человек, а вместе с гарнизонными батальонами и вспомогательными войсками — 387 тысяч человек.¹ Речь идет о численности армии по штату. Чтобы получить списочную численность*, эту цифру следует уменьшить как минимум на 10—20 процентов, а реальное количество войск было, естественно, еще меньше. В общем, если вычесть отсутствующих, но прибавить иррегулярные казачьи части, можно приблизительно оценить численность всех вооруженных сил России на начало XIX века в 400 тысяч человек.

Это было значительно меньше, чем могла выставить Франция в момент военной угрозы. Неслучайно, что, едва Александр I начал готовиться к развязыванию войны в Европе, он тотчас сосредоточил усилия на том, чтобы увеличить численность армии. Главным препятствием на пути количественного роста российских вооруженных сил была система пополнения полков личным составом. В стране, где существовала крепостная зависимость, было невозможно осуществлять комплектование войск методом призыва новобранцев, который взяла на вооружение Французская республика, а вслед за ней в течение XIX века и другие страны Европы. Как известно, призывная система основывается на том, что солдаты служат в армии относительно непродолжительное время и, обучившись военному делу, уходят в запас. В случае военной угрозы резервисты призываются

* *Списочная численность* — численность войск по документам, предъявленным в вышестоящие органы.

под знамена, и армия мирного времени быстро увеличивается в численности, порой в несколько раз. Подобная система предполагает определенное доверие государства к гражданам своей страны, которые, получив военную подготовку, не начнут рано или поздно вооруженного восстания против существующего строя.

Но население России этого периода состояло на 97 процентов из крестьян, большей частью помещичьих крепостных или государственных. Если бы в стране с подобной структурой населения была введена воинская повинность буржуазного типа, то либо вскоре произошла бы революция, либо исчез бы класс крепостных крестьян (в том случае, если бы правительство решило давать свободу за службу в армии). Естественно, что ни тот ни другой вариант для правящего класса был неприемлем. О том, насколько боялись вооружать народ, говорит документ, посвященный рассмотрению вопроса политической опасности народного ополчения 1806—1807 гг. Говоря о неприемлемости вооружения крупных масс народа, автор документа, составленного в Военном министерстве, указывает, памятуя о восстании Пугачева: «Кто будет заложником (*поручится*) за внутреннее спокойствие Империи, когда безграмотный донской казак... собрал себе сообщников, возмутил народ и потрясал основание государства, так что регулярные... городские гарнизоны клали оружие и отдавались в плен уродливой злодейской сволочи»².

Чтобы оружие не попало в руки «злодейской сволочи», власти империи, начиная с Петра, поступали следующим образом: крестьянин, которого забирали в солдаты, отныне переходил в воинское сословие. Хоть он и оставался на нижней ступени социальной иерархии, но больше не был крепостным. Зато он должен был служить всю жизнь! Только при Екатерине II был определен предельный срок службы в 25 лет. Подобный срок всё равно означал, что для мирной жизни рекрут пропадал безвозвратно. Служба была

столь тяжела, а материальные и санитарные условия такие, что лишь менее двух процентов (!) солдат доживали до окончания срока пребывания под знаменами.³

«Когда крестьянин назначен, чтобы быть рекрутом, его родители и родственники собираются как на поминки,— писал о русской армии в своём докладе от 1804 г. адъютант французского посла командир эскадрона Польштр.— Его оплакивают, его целуют на прощание и рассматривают как человека, потерянного для семьи»⁴.

Зато социальный эффект был налицо: рекрут, оказавшийся в армии, отныне не чувствовал никакой связи с крестьянской массой, из которой он только что вышел. Вот что писал в своем дневнике в 1809 г. Иван Михайлович Долгорукий, владимирский генерал-губернатор: «Мужик ничего так не боится, как солдата. Ему не столько страшен его штык и сабля как хищность. Стоя постоем, солдат все тащит у мужика из сусек, из амбара и со стола. У хозяина нет ничего своего, пока тут солдат живет... И странное дело! Рекрут, вчера взятый в службу, уже назавтра обходится со своим братом мужиком как со злодеем и все у него готов отнять»⁵.

Точно так же, как владимирский генерал-губернатор, уже упомянутый французский офицер Польштр отмечал: «Рекрут, видя, что у него нет способа избежать перехода в новое состояние, внезапно меняет свои чувства. Он забывает своих родителей, все, что связывает его с местом рождения. Если офицер, командующий отрядом, прикажет рекруту поджечь собственную деревню, он сделает это»⁶.

Собственно, этого и добивалась крепостническая олигархия. Солдат становился надежным орудием не только против внешнего врага, но и против крестьянских бунтов и возмущений. Более того, членами воинского сословия становилась и семья солдата — жена и дети. Но так как на ничтожное солдатское жалованье содержать ребенка было невозможно, детей отдавали в так называемые военно-сиротские заведения,

ибо ребенок становился как бы сиротой при живых родителях. В военно-сиротских заведениях готовили будущих мастеровых, музыкантов и унтер-офицеров, необходимых армии.

Разумеется, при подобной системе слишком большой количественный рост армии был разорителен как для помещичьих хозяйств, так и для страны вообще. Именно поэтому норма рекрутских наборов, которые проводились раз в год, была относительно невелика: обычно 1 рекрут с 500 мужчин, подлежащих рекрутской повинности. Последних было около 15 млн человек*, следовательно, такой рекрутский набор давал приблизительно 30 тысяч будущих солдат. Так было до прихода к власти Александра. В 1800 г. при императоре Павле I рекрутского набора вообще не было. В 1801 г., в последний год правления Павла и первый год правления Александра, когда последний еще не занялся внешней политикой, рекрутского набора опять-таки не было.

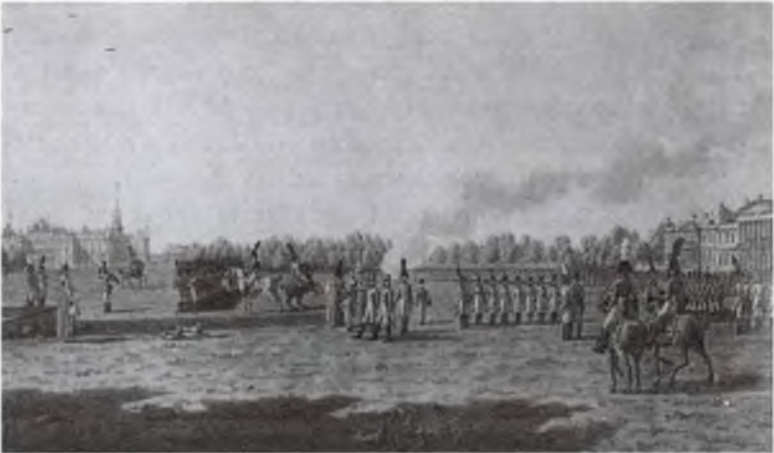
Зато с 1802 г. рекрутские наборы начались с все более увеличивающимся размахом. В 1802 г. было призвано 2 из 500 человек, в 1803 г.— опять 2 из 500, в 1804 г. на некоторое время норма снизилась, вернувшись к привычной 1 из 500, зато в 1805 г. норма была увеличена до 4 из 500 человек. В 1806 г. снова рекрутировали четверых из 500, потом состоялся еще дополнительный набор — 1 из 500, а потом было объявлено о созыве ополчения...

Если учитывать, что часть ополчения 1806 года была распущена, а часть зачислена в полки, общее количество мобилизованных рекрутов с 1802 г. до начала войны 1812 г. составило более чем миллион человек! Достаточно сказать, что за весь XVIII век, в течение которого Россия практически непрерывно воевала, было набрано 2271 тыс. рекрутов. Иначе говоря, за 10 лет правления Александра под знамена

* Это число, разумеется, росло, так, в 1810 году было 15 923 704 обязанных рекрутской повинностью.

было призвано почти столько же войск, сколько за половину предыдущего века. Нечего и говорить, что с началом войны 1812 г. были проведены дополнительные наборы и объявлено о созыве нового ополчения. Но это уже другая история, о которой пойдёт речь в следующей части книги.

Здесь мы хотим указать лишь на то, что русская армия не только интенсивно готовилась к войне, но делала это в масштабе, который явно находился за пределом финансовых и экономических возможностей российского государства. Выше уже отмечалось, какие огромные расходы вызвало увеличение армии, что, в свою очередь, вызвало инфляцию и недовольство среди всех сословий. Версия о том, что все это делалось для защиты от нападения агрессора, совершенно не соответствует фактам. Ведь самые большие наборы проводились в 1808—1810 гг., когда армия Наполеона не только не угрожала России, а более того, претерпевала значительные сокращения.

Б. Патерсен. Обучение рекрут на Марсовом поле в Санкт-Петербурге. 1806 г.

Благодаря массовым наборам численность русских войск не прекращала значительно увеличиваться в эпоху правления Александра. В 1805 г. общее количество всех вооруженных сил России составило 489 тысяч человек (включая казачьи войска). А в 1811 г. российская армия насчитывала уже более 617 тысяч солдат и офицеров.⁷

Рост численности происходил как за счет создания новых частей, так и за счет увеличения численности уже имеющихся. Формировались новые пехотные и кавалерийские полки, а также артиллерийские бригады (см. приложение № 3). В 1811 г. были созданы так называемые войска внутренней стражи, которые являются аналогом современных внутренних войск. Численность этого подразделения вооруженных сил составила в начале 1812 года 38 тысяч человек по спискам. Во время войны они станут элементом, вокруг которого будут формироваться резервы и ополчение.⁸

Наконец, в 1808 г. были учреждены так называемые рекрутские депо. Эти депо должны были стать источником подготовленного пополнения для войск. На каждую дивизию было учреждено по одному депо. В каждом депо полагалось иметь по 2280 человек. Для обучения рекрут сюда выделялось 6 обер-офицеров, 24 унтер-офицера и 240 рядовых. Штаб-офицер являлся командиром депо. По прибытии в депо рекруты проходили 8—9-месячный курс обучения, а потом отправлялись в войска. На самом деле в ходе войны из части рекрутских депо были сформированы новые пехотные и кавалерийские дивизии, другие же были отправлены на пополнение армии (необязательно в свою дивизию).

Качество людского материала, из которого формировались полки, разумеется, оставляло желать лучшего. Во время массовых рекрутских наборов 1806—1811 гг. требования к качеству рекрутов были значительно снижены; в строй допускались лица в возрасте от 17 до 37 лет. Минимальный рост, допустимый для поступления в армию, определялся в

2 аршина 3 вершка (155,6 см). В ходе же наборов 1812 г. разрешалось принимать на службу людей ростом 2 аршина 2 вершка (151,1 см) и возрастом от 18 до 40 лет.⁹

В общем, средний рост солдат российской армии 1812 года составлял только 1,60 м, что по современным понятиям соответствует среднему росту 13-летнего ребёнка. Это связано, конечно, с тем, что общий средний рост европейского населения был значительно ниже современного. Сверх того, к общей низкорослости населения добавлялось и то, что помещики явно не стремились пополнить ряды армии своими крепостными крестьянами могучего телосложения. Приведённый показатель роста явно не соответствует расхожему штампу плечистого гренадера «чудо-богатыря», но таковы объективные данные. Для сравнения отметим, что средний рост французского солдата был тоже не особенно велик, но всё же достигал 1,65 см.¹⁰

Во время рекрутских наборов в ходе войны 1812 г. требования к качеству рекрутов еще понизились. Было дано распоряжение: «...не браковать: редковолосых, разноглазых и косых,— ежели только зрение их позволяет прицеливаться ружьем, с бельмами и пятнами на левом глазе, заик и косноязычных, если только могут сколько-нибудь объясняться; не имеющих до 6 или 8 зубов боковых, лишь бы только были в целости передние, для скусывания патронов необходимые; с маловажными на черепе наростами, не препятствующими носить кивер или каску; с недостатком одного пальца на ноге, если это ходьбе рекрута не затрудняет; имеющих на левой руке один какой-либо сведенный палец, не препятствующий заряжать и действовать с ружьем; принимать и кастратов».¹¹

Определяя, какого из крестьян отдать в солдаты, помещики, естественно, выбирали не только слабых, но и тех, от кого было меньше всего пользы в хозяйстве: «Если среди его крестьян или слуг есть неисправимый вор, то он (*помещик*)

отсылает его, — рассказывал Ланжерон. — За неимением во-ра, он отдает пьяницу или лентяя; наконец если среди его крепостных находятся одни лишь честные люди, что почти невозможно, то он выбирает самого слабосильного. Существуют весьма строгие законы относительно приема этих рекрут, их роста, возраста, наружности и здоровья и даже качеств, которыми они должны обладать; но доказано, что законы эти, как к несчастью и многие другие, легко обходятся в России, и поэтому на 50 рекрут, посылаемых в полки, приходится много таких, которые, в силу этих законов, не должны бы были быть приняты»¹².

Впрочем, это не означало, что боевые качества русской армии были плохими. Наоборот, она традиционно славилась своей выносливостью и отвагой. Вот что писал о русских солдатах тот же автор: «Из всего здесь прочитанного видно, что я был прав, говоря, что русская армия должна была быть наихудшею в Европе. Каким же образом происходит, что она одна из лучших? Русский солдат приписывает это Николаю-угоднику, а я приписываю это русскому солдату; действительно, благодаря тому, что он лучший солдат в мире, победа всюду ему сопутствует!.. Воздержный как испанец, терпеливый как чех, гордый как англичанин, неустрашимый как швед, обладающий восприимчивостью к порывам и вдохновению французов, валлонов и венгерцев, он совмещает в себе все качества, которые образуют хорошего солдата и героя... покойный прусский король, знавший толк в военном деле, говорил о русских: „Их гораздо легче убить, чем победить, и, когда их уже убили, их надо еще повалить...“ Несокрушимые твердыни или опустошительные потоки, воздержные, когда надо, дисциплинированные, когда того желают, они подчиняются всему одинаково скоро; одетые или не одетые, накормленные или умирающие с голоду, получающие свое жалованье или не получающие, они никогда не ропщут, идут вперед всегда и

при одном слове „Россия“ и „император“ бросаются в огонь»¹³.

Тот же Ланжерон в рапорте императору докладывал о сражении при Руцуке 22 июня (4 июля) 1811 г.: «22 числа в моем каре в течение часа турецкие ядра скосили 123 солдата и 30 коней. При этом ни один человек не наклонил головы, а две трети солдат были рекруты этого года. Такова русская пехота»¹⁴.

Несмотря на высокие морально-боевые качества, русская армия унаследовала от предыдущих времен многие архаичные установления, которые требовали немедленных изменений. В январе 1810 г. военным министром стал генерал от инфантерии Барклай де Толли. Военный министр весьма пессимистично оценивал тогдашнее состояние русской армии. Он считал, что в кампаниях 1805—1807 гг. войска находились в куда более благоприятном положении, чем накануне новой войны. Вот что он докладывал графу Румянцеву в августе 1810 г.: «Тогда российские армии, будучи в союзе с Австрией, Англией, Пруссией и Швецией, вступали в брань увенчанные лаврами побед. Испытанные в тысяче счастливых сражениях, храбрые воины бестрепетно несли жизнь на жертву для Государя и отечества, поставляя единою наградю подвигов своих — бессмертную славу. Чувство непреодолимых воинов возвышало душу каждого. Цветущее состояние финансов представляло обильные источники для продолжения войны; напоенный твердым предубеждением к славе, любовью к Государю, отечеству и преверженностью к закону дух воинства и народа открывал наилучшие надежды к окончанию сей войны».

Теперь же, по мнению Барклая де Толли, ситуация изменилась: «Вместо сильных и мужественных войск, полки наши составлены большей частью из солдат неопытных и к тягостям войны неприобывкших. Продолжительная нынешняя война затмевает в них наследственные геройские добродетели».

тели, дух национальный от бремени усиленной и бесполезной войны, как и силы физики, начинают ослабевать»¹⁵.

Именно поэтому военный министр наметил большую программу реформ, которые были призваны подготовить русскую армию к войне с сильным противником. Прежде всего Барклай де Толли справедливо считал, что необходимо заботиться о солдате, уменьшив тем самым огромные даже по меркам того времени санитарные потери русской армии. Общих сводных данных по потерям этого типа в эпоху Александра не имеется, но ряд данных позволяет оценить их порядок. Так, в ходе русско-турецкой войны 1806—1812 гг. российская армия потеряла в общей сложности около 150 тыс. человек, из них только около 30 тыс. погибли на полях сражений, остальные умерли от болезней.¹⁶ То есть на долю санитарных потерь приходилось не менее 80% общего количества смертности в этой войне.

Благодаря педантичности российской администрации в эпоху правления Николая I существуют сводные данные о потерях в 1825—1850 гг. За этот период, полный военных походов и близкий по своей специфике александровскому, русская армия потеряла убитыми 30 233 солдата. А от лишений, болезней за тот же период умерли 1 062 839 человек,¹⁷ что составило 40,4% от призванных на службу, или около 40 тыс. человек в год. Правда, среди закончивших свой жизненный путь в госпиталях были и умершие от ран, но их количество можно примерно сопоставить с количеством убитых, причём последних наверняка было больше. Следовательно, округленными цифрами, от оружия противника погибло около 50 тысяч человек, а от лишений — миллион. Иначе говоря, соотношение 1 : 20. Не экстраполируя буквально эти данные на интересующий нас период кануна войны 1812 года, можно, тем не менее, с уверенностью сказать, что санитарные потери в русской армии были никак не меньше указанных 80%, а скорее, даже выше этого процента.

В письме генерал-лейтенанту Штейнгелю в 1810 г. военный министр указывал: «По моему мнению, нет другой причины к умножению больных и даже смертности, как неумеренность в наказании, изнурение в учениях сил человеческих и не попечение о сытной пище. Вашему пр-ству по опыту должно быть известно закоренелое в войсках наших обыкновение: всю науку, дисциплину и воинский порядок основывать на телесном и жестоком наказании; были даже примеры, что офицеры обращались с солдатами безчеловечно, не полагая в них ни чувств, ни разсудка. Хотя... мало-помалу таковое зверское обхождение переменялось, но и поныне еще часто за малые ошибки весьма строго наказывают...»¹⁸

Реалия, о которой говорит официальное письмо военного министра, вполне подтверждается многочисленными свидетельствами современников. Вот что писал в своих воспоминаниях офицер Елисаветградского гусарского полка Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен: «Была еще одна черная сторона: безжалостное, тиранское обращение с солдатами. Не только за преступления и проступки, но и за ошибки на ученье наказывали сотнями палок. На ученье вывозили палки, а если нет, то еще хуже: наказывали фухтелями и шомполами по спине. Много удушливых и чахоточных выходило в неспособные. И все это против проникнутаго благочестием, повиновением, преданностию, готоваго на всякое самоотвержение русскаго солдата — идеала воина! Жестокость доходила до невероятнаго зверства. При производстве в офицеры из сдаточных, некоторые начальники скрывали полученный о том приказ, придирались к произведенному, наказывали его несколькими сотнями ударов палками, чтобы, по их словам, у него надолго осталось в памяти»¹⁹.

«Многие офицеры находили в этих истязаниях „особое удовлетворение и, как бы ради спорта, за чаем, велели на-

казывать солдат виновных и невиновных“»²⁰, — рассказывал другой очевидец.

«Русские офицеры могут бить солдата, сколько им угодно, лишь бы тот не умер, — подтверждает уже упомянутый выше адъютант французского посла. — Только в случае, если солдат умрет, офицер пойдет под трибунал. Часто случается, что если находят многих виновных, то их заставляют пороть один другого по очереди. Я видел, как полковник (*кавалерии*), недовольный выправкой своего эскадрона, приказать запереть всех солдат и лошадей в конюшне и оставить их там на сутки без еды»²¹.

А неизвестный автор поэмы «Солдатская жизнь», сочинённой в это время, написал:

Лучше в свете не родиться,
Чем в солдатах находиться,
Этой жизни хуже нет,
Изойди весь белый свет.²²

Тем не менее военный министр считал, что обучать войска можно не только с помощью нещадной порки, и требовал этого от своих подчиненных: «Российский солдат имеет все отличнейшие воинские добродетели: храбр, усерден, послушен, предан и неприхотлив, следственно, есть много способов, не употребляя жестокости, довести его до познания службы и содержать в дисциплине»²³.

Наконец, Барклай де Толли стремился изжить (насколько это, конечно, возможно!) воровство интендантских чиновников, которое приводило к тому, что солдат получал лишь самую убогую пищу, и в результате армия несла огромные потери от смертности в результате болезней. Министр отмечал: «В пищу солдатам, кроме хлеба, ничего не доставляют, а на лицах их не токмо не видно здоровья и живости, но по цвету и худобе можно назвать целые роты или батальоны больными и страждущими... Я приказал ежеме-

сячно представлять мне выписку из полковых рапортов о числе больных, по коей судить буду о способностях и усердии полковых начальников, ибо за неопровергаемую истину принять можно, что число в полку больных показывает ясно образ управления»²⁴.

Без сомнения, реформы, проводимые в русской армии, не могли происходить без влияния контакта боевого и мирного с армией Наполеона. В главе 5 уже рассказывалось, как в кампанию 1809 г. русские офицеры фактически исполняли службу штабных офицеров в ставке наполеоновской армии. Без сомнения, их опыт и информация о французской армии широко использовалась в ходе реформ. Особенно важную роль сыграла миссия генерала Петра Михайловича Волконского, которого царь в Тильзите представил Наполеону, а затем послал во Францию с целью изучить организацию штабов наполеоновской армии. Молодой генерал (Волконскому был только 31 год), представитель одной из самых аристократических семей России, пробыл во Франции почти три года, общаясь со всеми знаменитыми французскими полководцами.

Результатом его пребывания во Франции стала реформа штабов русской армии и организация их по типу наполеоновских.

В эпоху Павла I был упразднен Генеральный штаб, но вскоре возродился под названием «Свита Его Императорского Величества по квартирмейстерской части». Со вступлением на престол Александра I начальником этой службы (генерал-квартирмейстером) стал инженер-генерал Сухтелен, а в ноябре 1810 г. по своему возвращению из Франции начальником Свиты стал князь Волконский. В течение двух лет, которые прошли с назначения Волконского до начала войны, были проведены большие изменения в организации и работе Свиты. К 1810 г. на службе в Свите по квартирмейстерской части состояло 167 офицеров. Наставлением к их службе послужил документ, составленный по приказу Волконского

полковником Толем, — «Руководство к отправлению службы чиновникам (*офицерам*) дивизионного генерал-штаба». Большую роль в работе штаба стали играть так называемые колонновожатые, для которых с 1811 г. был организовано специальное учебное заведение — Училище колонновожатых. Колонновожатыми были юнкера, готовившиеся стать офицерами штаба. В их задачу входила повседневная штабная работа, а в военное время — организация движения войсковых колонн и взаимодействие различных отрядов.

Наконец, главным произведением, созданным на основе французского опыта, было «Учреждение для управления Большой действующей армией», утвержденное царём 27 января (8 февраля) 1812 г. Этот документ для вооруженных сил явился по своему значению следующим после петровского устава 1716 г. Он определял структуру управления армии, полномочия главнокомандующего, структуру корпусных и дивизионных штабов и их взаимоотношения с Генеральным штабом. «Учреждение» включало положение о военной полиции, о военном суде и судопроизводстве, об интендантском управлении и т. д.

Использование французского опыта послужило базой не только для организации штабной работы, но и для реформ в организации и тактики пехоты. Во французской пехоте в каждом батальоне имелись, кроме обычных рот (рот центра), элитные роты, то есть подразделения, составленные из солдат, отличавшихся высокими физическими и моральными качествами. В каждом батальоне линейной пехоты во Франции, начиная с 1808 г., было шесть рот: одна рота гренадеров (отборных солдат высокого роста), одна рота вольтижеров (отборных солдат низкого роста, употреблявшихся обычно в цепи стрелков) и четыре роты фузилеров (обычных солдат).

Русская пехота была реформирована по этому образцу с поправкой на русские привычки и установления. Реформы

произошли в 1810 г. Отныне все полки российской пехоты получили единообразную организацию. Каждый батальон теперь состоял из одной гренадерской и трех обычных рот (в гренадерских полках эти роты назывались фузилерными, в мушкетерских — мушкетерскими, в егерских — егерскими). Каждая рота делилась на два взвода, причем первый взвод гренадерской роты назывался гренадерским, а второй — стрелковым (аналог французских вольтижеров). В развернутом строю батальона гренадеры строились справа, а стрелки — слева, так же как это было у французов. Наконец, при построении в колонну для быстрых передвижений и штыкового удара стрелки рассыпались перед батальоном и на его флангах для того, чтобы прикрывать своим огнем движение основной массы батальона.

Эти реформы были не только формальными, но и предполагали изменение боевой подготовки. В частности, Барклай де Толли требовал обучения солдат прицельной стрельбе. Подобное требование кажется само собой разумеющимся в современной армии, но было не столь уж очевидным в ту эпоху. Мы еще не раз будем говорить об особенностях тактики того времени, проистекавшей из характера огнестрельного оружия XVIII — начала XIX века. Гладкоствольное ружье с кремневым замком даже при самом умелом использовании не могло дать точного выстрела, так как разброс пули был довольно велик. Это привело к тому, что в XVIII веке в большинстве армий делали ставку исключительно на залповый огонь, ценя прежде всего не качество стрельбы отдельного солдата, а умение батальона дать дружный залп и стрелять часто. В общем, в этом была логика; однако войны Великой французской революции и Наполеона показали, что отдельно стоящие в рассыпном строю умелые стрелки могут даже в пределах технических возможностей оружия того времени играть значительную роль в тактическом смысле, прикрывая огнем передвижения сомкнутых масс

пехоты. Забегая вперед, скажем, что спаянность и решительность сомкнутых масс продолжала в начале XIX века играть решающую роль на поле боя. Стрелки же являлись лишь дополнением, хотя очень важным и нужным.

Кроме того, как бы ни были несовершенны ружья начала XIX века, при соответствующих навыках и при стрельбе на короткой дистанции они могли быть весьма смертоносным оружием. Но для этого требовалась серьезная огневая подготовка. В русской же армии, согласно регламентам той эпохи, в год в мирное время на одного солдата полагалось для обучения стрельбе выделять по... 6 патронов. Да и внимание обращалось больше на внешний вид оружия, чем на его боеготовность. Остен-Сакен писал в своих воспоминаниях: «Оружие и все металлические вещи блестели от наведенного на них полира — тогдашнее выражение, что, разумеется, приносило много вреда оружию. При осмотре ружей, сильно встряхивали шомполом, чтобы он, ударяясь о казенную часть, производил звук как можно громче... Гусаров учили стрелять из карабинов залпами (!) в цель очень редко, и то глиняными пулями»²⁵.

Исходя из этого, Барклай де Толли писал: «Главное в военных экзерцициях занятие солдата должно быть в цельной стрельбе; искусство сие не может иначе приобретаться, как безпринужденным поощрением в нем к тому охоты... Я надеюсь, что если г.г. дивизионные, полковые и батальонные командиры неослабное будут иметь смотрение за сим учением, то в короткое время нижние чины в цельной стрельбе доведены будут до совершенного искусства, которое у нас ныне еще в большом небрежении. Г.г. начальники обязаны надзирать, чтобы офицеры сами занимались стрелянием в цель, дабы они могли с лучшим успехом учить солдат»²⁶.

В области тактики русские войска использовали большой боевой опыт, накопившийся в ходе многочисленных войн, которые Россия вела с 1805 по 1812 г. Так, в 1811 г.

был разработан новый устав пехоты, где значительная роль уделялась действию не только развернутых сомкнутых линий пехоты, но и колонн, и рассыпного строя. В свое время выдающийся немецкий военный историк Дельбрюк написал, что, «если бы случайно сохранились одни только прусский и французский строевые уставы, можно было бы воображать, что у нас в руках имеется документальное доказательство того, что тактика боя в рассыпном строю изобретена пруссаками в 1812 году»²⁷. Если бы Дельбрюк знал русский язык, он наверняка упомянул бы о русском уставе 1811 г., в котором как раз даются рекомендации о действиях рассыпного строя. Во французских официальных уставах все это нашло отражение только позднее, хотя именно французы развили новую форму боя.

Устав 1811 г. настраивал войска на гибкие активные формы боя, но особенно суворовские традиции проявились в документе, который называется «Наставление господам пехотным офицерам в день сражения», написанном генерал-майором М. С. Воронцовым. Это наставление было отредактировано Багратионом и издано для войск 2-й Западной армии в июне 1812 г. Наставление нацеливало русских офицеров на умелое применение стрелковых цепей, но, тем не менее, оно совершенно справедливо исходило из того, что тогдашнее огнестрельное оружие не могло быть решающей силой: «Офицерам не довольствоваться одной перестрелкой, но высматривать удобного случая, чтобы ударить в штыки, и пользоваться сим, не дожидаясь приказа; при таких ударах всегда должно собою пример показывать...» При атаках неприятеля, занимающего деревню или рощу, «не должны заниматься в сих случаях перестрелкою; ибо с скрытым неприятелем невыгодно перестреливаться; должно атаковать его поспешно штыком... Такими смелыми атаками всегда скорее прогонишь неприятеля из крепких мест и с меньшей потерей людей, нежели перестрелкою. Во всех сих атаках на

штыках нужно, чтобы солдаты кричали „Ура!“ для знаку прочим колоннам, что они дерутся удачно и наступательно и для приведения неприятеля в робость»²⁸.

В наставлении офицерам и солдатам запрещалось говорить «Нас отрезали!». В случае если офицер громко скажет такую фразу, то общество офицеров должно изгнать его из своих рядов, а солдата за подобные слова полагалось предать нещадному битью шомполами. Составители наставления утверждали, что храбрец никогда не будет отрезан. Нужно просто повернуться грудью к врагу и решительно пойти на него. И с какой бы стороны он ни стоял, он будет разбит. Завершается наставление уверенностью в том, что отвага и смелость приведут к победе гораздо вернее, чем все премудрости: «Упорство и неустрасимость больше выиграли сражений, нежели все таланты и все искусство»²⁹. Таким образом, авторы наставления еще раньше великого военного теоретика Клаузевица указали, что победа достигается смелостью, отвагой и энергичными действиями, а не схоластическими рассуждениями.

При этом авторы наставления не были ретроgrадами, отрицавшими необходимость использовать технические достижения, и указывали, что нужно учить людей цельной стрельбе и следить за состоянием оружия: «Коль скоро будут готовиться к делу, то долг всех офицеров и особливо ротных командиров есть тщательно осмотреть все ружья... требовать, чтобы у солдата было, по крайней мере, еще два кремня в запасе; чтобы положенные 60 патронов были налицо и в исправности...»³⁰

Целям улучшения огневой подготовки служило и перевооружение русской пехоты. В 1808 г. в армии было введено ружье нового образца, которое представляло собой не что иное, как копию французского ружья с небольшими изменениями в параметрах. Самым главным отличием была разница в калибре: у французов калибр был 17,5 мм, а у русских —

17,78 мм (7 линий *). Подобная разница могла быть полезна с учётом специфики предполагаемых боевых действий. Как известно, в гладкоствольном оружии пуля была всегда немножко меньше по диаметру, чем канал ствола. Конечно, если стрелять из русского ружья французской пулей, зазор оказывался немного больше, чем обычно, и точность несколько снижалась, однако стрелять все же было возможно, в то время как французы либо вообще не могли пользоваться русскими зарядами, либо это было крайне опасно.

Кстати, подобная ситуация, только с обратным знаком, была в артиллерии. У французов калибр пушек, 6- и 12-фунтовых, был чуть больше, чем калибр соответствующих русских и прусских орудий. Поэтому французские артиллеристы могли использовать трофейные артиллерийские боеприпасы, а русские и пруссаки не могли.

Несмотря на перевооружение пехоты новыми ружьями, единообразия в этом вопросе так и не было достигнуто. В 1812 г. на вооружении полков продолжали оставаться как русские, так и иностранные ружья 28 разных калибров (от 12,7 до 21,91 мм).³¹

Ситуация с разнобоем оружия была столь серьезной, что в 1809 г. шеф Либавского мушкетерского полка генерал-майор Вадновский докладывал: «...Честь имею донести, что во вверенном мне Либавском мушкетерском полку — ружья по давнему их существу, начиная с 1700 года, состоят в разных калибрах, почему и нельзя большей части оным определить настоящее заключение калибров...»³²

Ситуация в Либавском полку не была исключением. Другой рапорт от этого же года указывает, что в Ширванском мушкетерском полку имелось четыре калибра ружей от 7 1/2 до 8 линий, в Томском — три калибра от 8 1/8 до

Линия — старинная мера длины. 1 линия = 10 точек = 1/10 дюйма = 2,54 мм.

8 ⁵/₈, в Уфимском — три калибра от 7 ¹/₄ до 7 ³/₄, в 19-м егерском — шесть калибров от 7 ²/₃ до 8. ³³

Подобная ситуация, вне всякого сомнения, проистекала из-за огромного численного роста армии. У правительства просто не было достаточно ресурсов, чтобы единообразно вооружить огромные массы войск.

Касаясь вопроса вооружения, необходимо сказать несколько слов о вооружении кавалерии. Опыт наполеоновских войн 1805—1809 гг. показал, что отказ от защитного вооружения конных войск, который повсеместно происходил в XVIII веке, оказался преждевременным. Действительно, в эпоху господства линейной тактики, когда все внимание полководцев было сосредоточено на залповом огневом бое пехоты, кирасы и каски стали в известной степени анахронизмом, так как бой с применением холодного оружия становился все более и более редким. Однако наполеоновские войны, где сражающиеся пехотинцы часто пользовались штыками, а кавалеристы — саблями и палашами, показали, что кираса и каска могут быть даже очень выгодными, не говоря уже о том моральном преимуществе, которое они дают воину, имеющему защитное вооружение.

Именно поэтому в самом начале 1812 г. высочайшим повелением было приказано вернуть тяжелой кавалерии кирасы, которые она утратила сразу по приходе к власти Александра I в 1801 г. Тогда 7 кирасирских полков были переведены в драгуны, а оставшиеся лишились своего защитного вооружения. Номинально существовало 2 гвардейских и 6 армейских кирасирских полков, которые отличались от остальной кавалерии ростом коней и солдат, однако не имели ни кирас, ни касок. В 1803 г. возвратились каски, а, как уже указывалось, в 1812 г. снова появились кирасы. Защитное вооружение получили 10 полков (Кавалергардский, Лейб-гвардии Конный, Кирасирский Его Величества, Кирасирский Ее Величества, Кирасирский Военного Ордена,

Екатеринославский кирасирский, Глуховский, Малороссийский, Новгородский и Астраханский кирасирские, последние два полка были созданы в 1811 г.). В ходе кампании 1812 г. и заграничных походов русские кирасиры не раз докажут, что они не зря получили свое защитное вооружение, вступая в отчаянные схватки с тяжелой французской кавалерией, также носившей стальные кирасы.

Одновременно было замечено, что пика также еще не исчерпала своих возможностей. Это неоднократно с успехом доказывали русские казаки и польские уланы. Именно поэтому накануне войны 1812 г. в русской армии было принято решение вооружить пиками гусар, чтобы быстро создать большое количество пиконосной кавалерии.

Однако в отличие от защиты кирасир, введение пики в гусарских полках едва ли было удачным. Современники единодушно отмечали, что пика, будучи грозным оружием, имела в то же время ряд существенных недостатков. В неумелых руках она была бесполезна. Если даже неопытный кавалерист, вооруженный саблей, мог так или иначе использовать ее в бою и наносить ущерб неприятелю, то неподготовленный боец с пикой в серьезной схватке был просто беспомощен. Дело в том, что для опытного конного воина не представляло особого труда парировать прямой удар новичка: пика длинная и тяжелая, поэтому заранее видно, куда придётся удар. А если клинком сабли отвести пику в сторону, улан останется совершенно незащищенным перед противником, вооруженным обычным холодным оружием.

Офицер Изюмского гусарского полка Мартенс вспоминал: «Великий князь ввел во все гусарские полки копьё. Для легкой кавалерии копьё составляет бесспорно превосходное оружие, но для того, чтобы владеть им целесообразно, требуется большой навык и должная практика. Ввести же это оружие за два месяца до начала похода было величайшей бессмыслицей; копьё в руках человека, не умеющего им владеть,

составляет только помеху. Поэтому гусары, ловко действовавшие саблею, были в высшей степени недовольны копьями и в самом начале похода переломали и выбросили их». ³⁴

Теперь несколько слов о Гвардии. Необходимо отметить, что в области комплектования Гвардии в России обратились к французскому образцу. До этого русская гвардия формировалась, прежде всего, лучшими рекрутами. Но так как во Франции в Старую гвардию отбирали лучших солдат, военный министр принял решение о том, что и российская гвардия должна состоять не только из хороших рекрутов, но и из заслуженных воинов, выбранных из других полков. В 1811 г. по всей армии был направлен циркуляр, согласно которому «дивизионные командиры обязаны на укомплектование гвардейских пеших полков выбирать с каждого гренадерского пехотного и егерского полка по 4 гренадера и по 2 стрелка» ³⁵.

Впрочем, состав, вооружение, обмундирование и степень обученности российской императорской гвардии и без того были безупречными. Офицер-ординарец французского императора Альбер де Ватвиль, посетивший Петербург в 1810 г. с целью передачи дипломатических депеш, докладывал Наполеону 16 июня того же года о параде, на который он был приглашен в свите французского посла: «Выправка войск и точность, с которой они маневрировали, были настолько безупречными, что я не мог даже вообразить подобного. Все эволюции выполнялись по уставам, близким к французским. Русский полк может маневрировать вместе с французским, при условии, что его командир будет знать французский язык... Конная артиллерия, мундир которой изменился за два дня и стал теперь подобен униформе французских конных егерей, действовала на плацу с удивительной скоростью и слаженностью» ³⁶.

Давно было известно, что во Франции военное инженерное дело поставлено на самом высоком уровне. Неслу-

чайно поэтому для изучения французского инженерного опыта во Францию был направлен военный инженер Майоров, в задачу которого входило осмотреть крепости на севере Франции и территории бывшей Голландии. Французские военные и гражданские власти с удовольствием показывали русскому офицеру достижения в области технической мысли. Так что Майоров в письме канцлеру Румянцеву написал: «Я считаю себя обязанным поблагодарить за щедрое и открытое поведение по отношению ко мне министра внутренних дел, который почтил меня своей дружбой и осыпал знаками внимания»³⁷. Результатом поездки Майорова были его предложения по модернизации русских крепостей.

Офицерский корпус российской армии в 1812 г. не претерпел значительных изменений по сравнению с первыми годами XIX века. Он сохранял характерные черты любого офицерского корпуса традиционных монархических стран. 89% командного состава были дворянами,³⁸ что, например, почти соответствует проценту дворян в офицерском корпусе дореволюционной Франции (в эпоху Людовика XVI дворяне составляли около 80% офицерского состава). В российской армии офицером принципиально мог стать солдат крестьянского происхождения, для этого он должен был прослужить в унтер-офицерском звании не менее 12 лет. Для солдатских детей и выходцев из духовенства этот срок снижался до 8 лет.³⁹ Впрочем, как видно из предыдущей цифры, офицеров — выходцев из простолюдинов было немного, и они совершенно не определяли дух офицерского корпуса.

Однако представлять себе российских офицеров как богатых дворянских сибаритов, ведущих разгульную жизнь и ведрами заказывающих шампанское в дорогих заведениях, как это часто делается в вульгарной литературе и кинематографе, было бы явно неправильно. Современные иссле-

дователи показали, что большая часть российского офицерского корпуса жила на скудное жалованье: 77% офицерского корпуса «не были владельцами или наследниками крепостных и недвижимости. Офицеров-помещиков было всего 3,8%»⁴⁰. Что же касается жалованья, оно поистине удивляет своей мизерностью. Жалованье офицеров армейской пехоты было следующим:

прапорщик — 125 руб. ассигнациями в год,
подпоручик — 142,
поручик — 166,
штабс-капитан — 192,
капитан — 200,
майор — 217,
подполковник — 250,
полковник — 334.

Правда, доходы офицеров, получаемые от государства, не ограничивались жалованьем. Офицеры получали также так называемые «столовые деньги» (в зависимости от должности) и квартирные (в зависимости от чина и семейного положения). Однако дополнительные выплаты составляли не более $\frac{1}{3}$ жалованья.

Если учитывать, что рубль ассигнациями в описываемую эпоху почти точно равнялся французскому франку, можно легко сравнить служебные доходы французских и русских офицеров. Вот таблица жалованья французских офицеров линейных полков (не учитывая доплаты):

суб-лейтенант (соответствует подпоручику) — 1000 франков в год,
лейтенант (поручик) — 1200,
капитан — 2400,
командир батальона (по-русски — майор) — 3600,
полковник — 5000.

Таким образом, получается, что французские офицеры получали примерно в десять раз большее вознаграждение, чем русские! Конечно, цены в русской провинции, где сто-

яли армейские полки, были не такими высокими, как цены в Петербурге или Париже, но тем не менее, очевидно, что армейским офицерам приходилось влачить поистине нищенское существование.

Очень сложно провести соответствие между покупательной способностью денег той эпохи и нашего времени. Можно только привести некоторые цены в указанный период, которые могут дать понятие о ценности тогдашних денег. Так, например, в неизданной части дневника Дмитрия Михайловича Волконского за февраль 1810 г. записано, что повсюду дороговизна: «в трактирах на одну персону кушание без водки и вина — 2 1/2 рубля (*ассигнациями*), на сутки два покая малые — 2 1/2 рубля (*ассигнациями*)»⁴¹. Тот же автор указывает, что четверть овса (209 л) стоит от 1 1/4 до 1 1/2 рубля ассигнациями. Поездка же на извозчике — не дешевле 30 копеек. Из изданной части дневника Д. М. Волконского мы можем также узнать, что в мае 1812 г. поденщики настолько подняли расценки, что требуют по «1 руб. 10 коп. в день»⁴². Таким образом, даже поденный рабочий в Москве мог зарабатывать раза в два больше, чем младший офицер. Последнему же, получавшему в месяц жалованье 12 рублей, было сложно гульнуть в трактире или кататься на извозчике.

Кроме всего прочего, офицер должен был экипироваться на свои деньги, а стоимость полного обмундирования составляла не менее 200 рублей, то есть равнялась годовому жалованью капитана!

Даже свитский офицер Н. Н. Муравьев вспоминает, что ему не хватало денег на самое необходимое: «Мундиры мои, эполеты, приборы были весьма бедны; когда я еще на своей квартире жил, мало в комнате топили; кушанье мое вместе со слугою стоило 25 копеек в сутки; щи хлебал деревянную ложкою, чаю не было, мебель была старая и поломанная, шинель служила покрывалом и халатом, а часто заменяла и

дрова. Так жить, конечно, было грустно, но тут я впервые научился умерять себя и переносить нужду»⁴³.

Конечно, сказанное относится к простым армейским офицерам. Их товарищи по оружию из гвардии, выходцы из богатейших семей российской аристократии, могли себе позволить блистательную униформу и траты на безумные кутежи, ставшие источниками для многих литературных произведений, которые ввели в массовое сознание расхожий штамп русских офицеров — кутил и повес.

Увы, жизнь простого армейского офицера и его тяжелое материальное положение было таковым, что ему подчас сложно было даже заказать хорошие эполеты. Если до войн с Наполеоном и вызванной гонкой вооружений инфляцией жалованье русских офицеров можно было считать скудным, то в результате безудержного увеличения армии и сопутствующего печатания ассигнаций доходы офицеров, живших только на жалованье, стали ничтожными. И можно только диву даваться, как армейским офицерам удавалось выживать.

В этом смысле реформы Барклая де Толли ничего не могли изменить вследствие катастрофической нехватки финансовых средств.

Что касается образовательного уровня офицерского состава, подобно тому, как это было и во многих других армиях тогдашней Европы, лишь меньшая часть имела военное образование. Только 25—30% русских офицеров войны 1812 г. закончили военные учебные заведения.⁴⁴ Что же касается основной массы офицеров, она готовилась прямо в полках. В основном производились унтер-офицеры из дворян, прослужившие в этом чине не менее года.

Несмотря на все эти недостатки, с которыми министр был бессилен бороться, в русской армии с 1810 г. велась огромная работа по увеличению численности вооружённых сил, по улучшению их снабжения, совершенствованию организации и боевой подготовки войск.

Добавим в качестве курьёза, что именно в этот период в российской армии появился обычай отдавать честь. До этого только при встрече с императором генералы и офицеры обязаны были останавливаться и, вставая по стойке «мирно», снимать головной убор. Приказом военного министра от 23 июня 1808 г. было предписано головных уборов не снимать, а остановившись, поднимать **левую руку** к шляпе. Также было предписано приветствовать и генералов, а при встрече с другими офицерами лишь приложить, не останавливаясь, левую руку к головному убору.

Возвращаясь к масштабным преобразованиям, отметим, что далеко не все замыслы Барклай де Толли удалось реализовать до конца, но в общем и целом армия усилилась не только в количественном отношении. Конечно, за счёт массовых рекрутских наборов произошло ухудшение рядового состава, но зато в целом войска теперь были лучше подготовлены к боевым действиям, чем в предыдущие войны.

В 1811 г. армия, готовая к бою, стояла на границе. К концу года ее дислокация была следующей.

Корпус графа Витгенштейна (5-я и 14-я пехотные дивизии, 1-я кавалерийская дивизия) — 34 290 человек — в Лифляндской и Курляндской губерниях.

Корпус генерал-лейтенанта Багвута (1, 4, 17-я пехотные дивизии, 1-я кирасирская, 2-я кавалерийская дивизия) — 47 520 человек — в Виленской и Витебской губерниях.

Корпус генерал-лейтенанта Эссена I (3, 11, 23-я пехотные дивизии, 3-я кавалерийская дивизия) — 41 045 человек — в Гродненской, Минской и Могилевской губерниях.

Армия генерала от инфантерии Багратиона (2, 7, 12, 18, 24, 26-я пехотные дивизии, 2-я кирасирская, 4-я, 5-я кавалерийские дивизии) — 104 322 человека — на Волыни и в Подолье.

В общем, на западных границах было сосредоточено около 227 тысяч человек (речь идет только о строевых).

По флангам этих сил и в тылу располагались:

На севере, в Финляндии, — корпус генерал-лейтенанта Штейнгеля (6, 21, 25-я пехотные дивизии и два драгунских полка) — 30 653 человека.

В Петербурге — корпус великого князя Константина (гвардия конная и пешая, два гренадерских и один пехотный полк) — 28 526 человек.

На юге, на Дунае, находилась Молдавская армия генерала от инфантерии Кутузова (8, 9 (частично), 10, 15, 16 и 22-я пехотные дивизии, 6-я и 7-я кавалерийские дивизии) — 87 026 человек. *

В Крыму — корпус генерал-лейтенанта герцога Ришелье (13-я и 9-я (частично) пехотные дивизии, кавалерия, впоследствии сведённая в 8-ю кавалерийскую дивизию) — 19 501 человек.

На кавказской линии — корпус генерал-лейтенанта Ртищева (19-я пехотная дивизия, 1 драгунский полк) — 9928 человек.

В Грузии — корпус генерал-лейтенанта Паулуччи (20-я пехотная дивизия и два драгунских полка) — 23 745 человек.

В Москве формировалась 27-я пехотная дивизия генерал-майора Неверовского — 10 641 человек. ⁴⁵

В начале 1812 г. войска еще ближе подтянулись к границе. Гвардия выступила из Санкт-Петербурга, а Кутузов получил приказ отослать обратно 9-ю и 15-ю дивизии из Молдавской армии, вернувшиеся к ней в конце 1811 г. Они должны были присоединиться к левому флангу армии Багратиона.

* Как уже указывалось, из 9 дивизий Молдавской армии пять были направлены в начале 1811 г. к западным границам империи, но, так как нападение на герцогство Варшавское было отменено, две дивизии (9-я и 15-я) были возвращены на Дунай. В результате в Молдавской армии было 6 дивизий.

В результате в первой половине апреля 1812 г. русские войска заняли позиции вдоль границы (см. рисунок на с. 580—581) на фронте более чем 800 км от окрестностей Шавель в Литве до Кременца в Тернопольском округе.

Приведённая схема составлена на основании двух документов из Российского государственного военно-исторического архива, показывающих квартирное расположение Российской армии весной 1812 г. Один датирован 17 февраля (1 марта), другой — 25 марта (8 апреля). Тот, что имеет более раннюю дату, на самом деле является приказом о выдвигании ряда частей к границе. С учётом того, что некоторые полки, согласно этому документу, должны были сделать многодневный переход (некоторым предстояло идти более 40 дней), чтобы занять означенные квартиры, он, как и последующий, описывает размещение Российской армии примерно к середине апреля 1812 г. Поэтому эти документы дополняют друг друга и позволяют достаточно точно обрисовать расстановку Российских войск на данный период.

Как видно из документов, русские войска на западной границе располагались двумя группами дивизий: Первая и Вторая армии. Причём Вторая армия к этому времени начала дробиться на две части — одна севернее, другая южнее реки Припять и окружающих её болот.

Первая армия в этот период включала 9 пехотных (вместе с Гвардией) дивизий, Вторая армия — 8 пехотных дивизий, наконец, Дунайская (бывшая Молдавская) армия, не обозначенная на схеме, насчитывала 4 пехотные дивизии. Расположена она была в Валахии (территория современной Румынии) примерно в 800 км к югу от левого фланга Второй армии.

Обращает на себя внимание, что и размещение русской армии, и распределение сил явно носят следы плана Фуля. Как и желал того «величайший» теоретик, российские войска на западных границах были разделены на три армии:

Балтийское море

Развёртывание сил русской армии и войск

Великой Армии к середине апреля 1812 г.

«Двинскую» (1-я Западная), «Днепрэвскую» (2-я Западная) и «Днестровскую» (Дунайская). Последняя, как и было прописано в планах экстравагантного генерала, имела в своих рядах 4 дивизии. Вторая армия была несколько меньше того, что предполагал Фуль, в ней было 8 пехотных дивизий вместо предписанных планом 9. Что же касается Первой армии, она была явно многочисленней того, что было определено Фулем, — 9 дивизий вместо 5.

Отметим для начала, что Дунайская армия находилась далеко на юге и поэтому была совершенно не связана с остальными войсками. Впрочем, дело здесь не только в Фуле. Мир с Турцией ещё не был подписан, и, хочешь не хочешь, необходимо было держать войска на Дунае.

Что же касается главных сил, их распределение не может не изумлять. Если столь растянутое расположение ещё кое-как подходило для наступления, то для обороны оно было верхом абсурда. Подобную 800-километровую линию легко можно было бы разорвать в любом пункте. Если же планировалось отступление, то подобное положение было чревато катастрофой, так как отдельные потерявшие связь с командованием группы войск обрекались на беспорядочное бегство.

Уточнение изначального расположения русских войск очень важно, потому что оно лучше всего отражает то, как виделась будущая война русскому командованию. Если бы Барклай де Толли с самого начала планировал оборонительную войну с изматыванием неприятеля в ходе отступления, он не мог бы допустить такого расположения! Вытянуть стоящие в первой линии войска кишкой в 800 км в длину, притом что в некоторых местах они были удалены от границы всего на несколько километров!

Это ещё раз доказывает, что ни у императора Александра, ни у его министра не было ясного плана действий. Изначально готовилось вторжение в герцогство, потом царь и его министр начали метаться от одного алгоритма действий

к другому и в отсутствие ясной концепции приняли как некую рабочую гипотезу планы полоумного Фуля, расставив в соответствии с его идеями войска на театре будущих военных действий.

То же самое можно сказать и рассматривая размещение основных складов с продовольствием (магазинов) для армии. Самые важные из них на западных границах находились в городах Риге, Динабурге, Шавли, Вильне, Слониме, Брест-Литовске, Дисне, Пинске, Бобруйске, Мозыре, Ковеле.

Размещение магазинов в Риге, Динабурге, Бобруйске, Мозыре и Дисне является разумным при любых алгоритмах действий, так как они могли снабжать как наступающую, так и обороняющуюся армию. Эти населенные пункты были значительно удалены от тогдашней границы. Так, Мозырь и Бобруйск отделяло от рубежей государства около 350—400 км, Рига находилась более чем двухстах километрах от границы, к тому же она была мощной крепостью, надёжно защищавшей размещенные здесь запасы продовольствия.

Зато Брест-Литовск находился прямо на границе, Шавли, Вильно, Слоним и Ковель были удалены на расстояние около 100 км. Сверх того, менее важные, но все-таки значительные магазины были сосредоточены в Ковно, Гродно, Вылковыске, Пружанах, Высоко-Литовском, Соколке, то есть населенных пунктах, лежащих непосредственно на границе или в нескольких километрах от нее. Если бы руководство русской армии ясно и четко наметило для себя план оборонительной войны, подобное размещение складов было бы совершенно немыслимо. При отступлении, даже неглубоком, которое допускали гипотезы Фуля, практически все последние перечисленные склады неизбежно оказались бы в руках врага.

Генерал Ермолов отмечал в своих записках: «В настоящее время (1812 г.) казалось все приуроченным со стороны

нашей к войне наступательной: войска приближены к границам, магазины огромные заложены в Белостокской области, Гродненской и Виленской губерниях, почти на крайней черте наших пределов»⁴⁶.

Как уже отмечалось, примерно с середины мая 1812 г. русское командование поняло, что в сложившейся ситуации наступление стало весьма маловероятным. Именно поэтому были отданы приказы, в соответствии с которыми произошла последняя значительная передислокация войск накануне войны. В соответствии с этой перегруппировкой часть войск Второй западной армии должны была переместиться примерно на двести километров к северу. Главная квартира переносилась из Луцка на Волыни в Пружаны.

Подобные перемещения отражают тот факт, что русское командование теперь действительно перешло к оборонительной концепции, и естественно, что при этом появилось некое инстинктивное желание вопреки идеям Фуля закрыть зияющую брешь в расположении русских войск между Пружанами и Гродно.

Менялась также и организационная структура войск, сосредоточенных на западной границе. Теперь они распределялись следующим образом:

Первая западная армия военного министра генерала от инфантерии Барклая де Толли имела главную квартиру в Вильно. В этой армии было 6 пехотных корпусов (1-й Витгештейна, 2-й Багговута, 3-й Тучкова, 4-й Шувалова, 5-й великого князя Константина, 6-й генерал-лейтенанта Дохтурова) и 3 резервных кавалерийских (1-й Уварова, 2-й Корфа, 3-й Палена). «Летучий корпус» из 14 казачьих полков под командованием Платова прикрывал левый фланг Первой западной армии и располагался в районе Белостока. Общая численность армии — примерно **136 тысяч** человек.

Вторая западная армия генерала Багратиона сдвинулась к северу и существенно уменьшилась. Часть войск этой ар-

мии была оставлена в районе Луцка. Главная квартира Багратиона располагалась отныне в г. Волковыске. К армии Багратиона, чтобы как-то компенсировать её значительные потери, была направлена 27-я пехотная дивизия Неверовского из резерва.

Теперь **Вторая западная армия** состояла из 7-го и 8-го пехотного корпусов, 27-й пехотной дивизии (*присоединилась к армии 3 июля*), 4-го кавалерийского корпуса и девяти казачьих полков генерал-майора Иловайского (времененно Второй западной армии были переподчинены 6-й пехотный и 3-й кавалерийский корпуса, однако с началом кампании эти соединения будут действовать вместе с Первой западной армией). В результате общая численность Второй западной армии отныне была примерно **57 400** человек.

Из войск, оставленных в районе Луцка, была образована так называемая **Третья обсервационная армия** под командованием генерала от кавалерии Торماسова. Её дополнительно усилили соединениями из корпуса герцога Ришелье и из второго резервного корпуса. В результате образовалась значительная армия, состоящая из пехотных корпусов Каменского, Маркова и Сакена, а также кавалерийского корпуса Ламберта. **Общая численность** Третьей обсервационной армии составляла примерно **48 800** человек.

Все эти организационные перестановки привели к тому, что даже некоторые русские генералы не очень ясно представляли, к какой армии они относятся. Что же касается иностранных шпионов, то они вообще совершенно сбились со счета, и Наполеон вплоть до июля месяца никак не мог понять, сколько же дивизий насчитывает армия Багратиона!

Позади этих войск в первой линии резервов находился **1-й резервный корпус генерала Меллера-Закомельского**. Он был разбросан на обширной территории примерно 300 км по фронту, от Прибалтики (г. Бауске) до центра Белоруссии (г. Борисов). Штаб-квартира находилась в городе Торопец

Псковской губернии. Общая численность резервного корпуса была около **20 тысяч человек**.

Второй резервный корпус дислоцировался в Мозыре и Бобруйске. Его командиром был генерал-лейтенант **Эртель**, общая численность составляла около **46 тысяч человек**.

Численность трёх армий вместе взятых — около 308 тысяч, а в общей сложности, считая отдельные части и гарнизоны, войска, сосредоточенные на западных границах России, насчитывали примерно **340 тысяч человек**.

Кроме того, не следует забывать **Дунайскую армию**, состоявшую под начальством адмирала **Чичагова**. В её рядах насчитывалось около **62 тысяч человек**.

С учетом войск, сражавшихся против Персии, иррегулярных войск, резервных формирований, отдаленных гарнизонов, войск в Финляндии, в Крыму, на Кавказе, в Оренбурге и т. д. общая численность вооруженных сил Российской империи составляла около **650 тыс. человек**.

Приведенная численность войск на западных границах России весьма отличается от того, что можно найти в традиционной литературе по войне 1812 г. Почти везде фигурируют следующие данные по русской армии — 210—215 тысяч человек (1-я армия — 127 тыс. чел., 2-я армия — 45—48 тыс., 3-я армия — 40—45 тыс.). А далее обычно пишут, что Наполеон располагал более 600 тыс. чел. и тем самым имел трехкратное превосходство в численности.

Все это нельзя назвать иначе как эквилибристикой с цифрами. Авторы приводят взятые из реальных боевых расписаний цифры, которые старые историки (Михайловский-Данилевский, Богданович) когда-то указали в своих произведениях. Однако метод окончательного подсчета является характерным приемом, к которому обычно прибегают военные историки, стремящиеся подчеркнуть заслуги своей армии, сражавшейся, как и положено героям, с несметными полчищами врагов. У «хороших» считают только

строевых солдат в самых передовых частях, а у «плохих» складывают всех, кого только можно, вплоть до калек и инвалидов в удаленных гарнизонах.

Поэтому при подсчете общей численности русской армии, готовой к военным действиям, почему-то практически никогда не учитываются войска 1-го и 2-го резервных корпусов, которые в течение двух недель могли оказаться в зоне ведения военных операций и действительно вскоре поступили на пополнение войск первой линии.

Кроме того, в Русской и Французской армиях существовали разные способы подсчета строевых и нестроевых. Солдаты обоза в русской армии не считались строевыми, а во французской армии считались. Следовательно, во всех французских боевых расписаниях обозных считают, а в русских — они приводятся отдельной строкой, которой ряд историков просто пренебрегает, — ведь речь идет о нестроевых! Но эти нестроевые выполняли точно такую же роль и были вооружены точно так же, как соответствующие солдаты французских обозных частей. Значит, нужно в таком случае для сравнения численности армий либо вычитать численность обозных из французских боевых расписаний, что в ряде случаев невозможно, либо, что проще и правильнее, считать обозных и в русской армии.

То же самое относится и к денщикам. Разумеется, от этой массы полувоенных-полуслуг в бою не было ровно никакого толку. Но дело в том, что во французской армии их официально не существовало, на деле же старшие офицеры брали себе некоторое количество солдат в качестве «ординарцев». Эти солдаты более не служили в строю, и в сражении от них было не больше проку, чем от русских денщиков. Поэтому, если денщики в отличие от обозных солдат представляли собой абсолютно бесполезную в боевом отношении массу, мы никак не можем провести подсчет их количества во французской армии, где их формально не

было. Следовательно, невозможно привести численность того или иного французского соединения «очищенной» от денщиков, которые в русской терминологии считались нестроевыми.

Поэтому есть лишь один способ, который позволяет относительно корректно **сравнивать** численность русской и французской армий; он заключается в том, чтобы учитывать в боевых расписаниях всех строевых и нестроевых. Что же касается частей, стоящих во второй и третьей линиях стратегического развертывания, нужно указывать, какие именно войска и в течение какого срока могли принять участие в боевых действиях. Только так можно правильно оценить численное соотношение войск.

Наконец, что касается самих цифр. Если говорить о численности русской армии, то наиболее полное исследование было произведено современным российским ученым Шведовым С. В. в его диссертации «Комплектование, численность и потери Российской Армии в Отечественной войне 1812 года»⁴⁷. Объем источников, используемых этим историком, очень велик, и тому, кто специально не посвятил долгие годы изучению вопроса численности русской армии, трудно соперничать по глубине с этим исследованием. Без сомнения, в результаты диссертации Шведова можно внести отдельные дополнения и корректировки, но вряд ли они могут быть принципиальными.

Хотелось бы напомнить, что все боевые расписания грешат неточностями. Когда же речь идет о подсчете войск в составе крупных армий, неизбежно столкновение с лакунами, пропущенными ведомостями, арифметическими ошибками, неучетом отдельных частей, отсутствием данных по подразделениям, выделенным в отряды, и т. д. и т. п. В результате доля погрешности даже при самых точных и честных подсчетах всегда будет составлять не меньше, а то и больше нескольких процентов.

Из приведенного обзора очевидно, что русская армия подготовилась к войне так хорошо, как это вообще было возможно, оставаясь в рамках феодально-крепостнической системы хозяйства. В течение почти всей первой половины александровской эпохи Россия только и делала, что вела войны с Наполеоном и готовилась к следующим. Было мобилизовано огромное количество рекрутов, а армия была реорганизована в соответствии с духом времени. О передвижениях противника было известно все до мельчайших подробностей. Войска стояли на границах в полной боевой готовности, чтобы либо перейти в наступление, либо сразиться с врагом на территории Российской империи почти сразу после начала боевых действий.

Армия Наполеона

Как следует из предыдущих глав, процесс принятия решения о подготовке к войне с Россией со стороны Наполеона можно разделить на три периода. Начиная с июня 1810 г. император, обеспокоенный военными приготовлениями Александра, начинает, в свою очередь, принимать меры предосторожности для возможной защиты герцогства Варшавского. В апреле 1811 г., когда на границах герцогства возникает реальная опасность, Наполеон начинает серьезные военные приготовления. Наконец, летом 1811 г., получив сведения о переброске русских войск с Дуная к западным границам России, он приходит к выводу, что война неизбежна, и отныне его действия направлены на подготовку своей армии к разрешению конфликта военным способом. Начиная с этого момента дипломатия отходит на второй план. Император намечает план войны, о котором достаточно подробно было сказано в предыдущей главе, и готовит войска к походу, о чем мы и будем говорить здесь.

Французская армия в эпоху Наполеона, вне всякого сомнения, стала сильнейшей армией мира. Император унаследовал от революции новую военную организацию, более гибкую и более приспособленную к новым условиям вооруженной борьбы, чем та, которая была во Франции Старого порядка. В момент самого сильного напряжения борьбы Французской республики с монархической Европой было объявлено о всеобщей мобилизации народных масс на борьбу с врагом, так называемой «levée en masse», провозглашенной декретом Конвента от 23 августа 1793 г. Декрет гласил: «С этой минуты и до той поры, пока неприятель не будет изгнан за пределы республики — все французы находятся в состоянии мобилизации для службы в армии. Молодые люди пойдут сражаться; женатые будут ковать оружие и доставлять продовольствие; женщины будут изготавливать палатки, шить одежду и работать в лазаретах; дети будут щипать из старого белья корпию; старики дадут понести себя на площади, чтобы своими речами подогреть мужество бойцов и проповедовать ненависть к королям и единство республики».

Благодаря небывалому напряжению сил во Франции в короткий срок было поставлено под ружье еще невиданное число солдат — почти миллион человек! * Подобного количества вооруженных сил действительно никогда еще не было ни у одной страны в течение всей истории человечества. Ведь, как убедительно доказали серьезные военные историки конца XIX — начала XX века, все рассказы о многомиллионных армиях древности не что иное, как плод фантазии. Неудивительно, что Франция с успехом сражалась против всей Европы и вышла из борьбы победительницей. Однако в результате

* Современные исследователи склонны считать, что реально в строю было около 750 тыс. чел., однако списочная численность армии даже превосходила 1 млн чел.

политических событий 1794—1795 гг. к власти на место кровавых романтиков эпохи якобинского террора приходят прагматики — жулики и проходимцы всех мастей, объединенные единственным желанием сколотить состояние в самое короткое время, наворовать и наслаждаться богатством. Это тотчас же сказалось на армии, которая постепенно утратила веру в справедливость дела, за которое она воевала, разочаровалась во многих идеалах и стала просто-напросто разбегаться во все стороны. В результате к 1799 г. во Франции под ружьем осталось не более 350 тысяч человек. Кроме того, оставшиеся в строю солдаты не желали служить проходимцам, стоявшим во главе государства. Зато они поверили в то, что есть человек, который сможет вернуть те идеалы, за которые когда-то они ушли воевать, вернуть справедливость и вознаградить тех, кто проливает свою кровь за отечество.

Бонапарта привели к власти не только опытные политики, желавшие стабильности и порядка в государстве, но и армия, без поддержки которой бескровная «революция 18 брюмера»*, как окрестили это событие современники, была бы просто невозможна. Важно также, что поддержка со стороны войск была добыта не денежным подкупом, не бесплатной раздачей водки и дешевыми обещаниями, а родилась фактически спонтанно. Униженная, оплеванная, презираемая армия, сражавшаяся за независимость своего отечества, взбунтовалась против шайки коррумпированных политиканов, разорявших страну. Армия возненавидела их «рай» — рай для «жирных». Она мечтала о справедливости и потому с удовольствием пошла за молодым победоносным полководцем.

Нечего и говорить, что в своих последующих политических мероприятиях Наполеон не консультировался с солдатами и

* 18—19 брюмера VIII года Республики (9—10 ноября 1799 г.) — дата переворота, который привел к власти Наполеона Бонапарта.

очень редко — с офицерами и генералами, однако несомненно также, что его режим, установившийся, в частности, благодаря движению, спонтанно родившемуся в недрах войск, стал сознательно или бессознательно выразителем этих чаяний воинов, мечтавших о «справедливой республике».

Первый консул, а впоследствии император не обманул надежды воинов. Государство Наполеона не было военной диктатурой в вульгарном смысле, когда властью заправляет клика военных. Однако, несмотря на то что гражданское управление оставалось в руках специалистов своего дела из штатских, общество наполеоновской Франции было насквозь пронизано воинскими идеалами.

Эти принципы построения государства нигде не были теоретически сформулированы Наполеоном. Он был практик и делал то, что было, по его мнению, в данный момент необходимо сначала для Франции, а потом для многонациональной Империи. Но, сознательно или бессознательно, император стремился возвысить элиту духа и самопожертвования — новое рыцарство в полном смысле этого слова.

Государство Наполеона не было страной, где господствуют биржевые дельцы и спекулянты, напротив, это был мир, где доминировала элита меча. Именно она определяла вкусы, нравы и ценности общества. В этом смысле государство Наполеона, несмотря на его развитую экономику и передовую науку, как это ни звучит парадоксально, было государством еще более «старого порядка», чем дореволюционная Франция. В своих моральных ценностях по ряду параметров оно ближе к идеалам суровых рыцарей Средневековья, чем придворных кавалеров XVIII века.

Вполне понятно, что это государство, где так ценилась воинская доблесть, которое жило фактически во враждебном окружении, не могло не обращать внимания на численность и качество защищавшей его армии. Закон, определявший способ пополнения рядов войск, был определен

еще до прихода к власти Наполеона, 5 сентября 1798 г. Однако в эту бурную и нестабильную эпоху он фактически не применялся и был реализован только в эпоху Консульства и Империи.

Французская армия пополнялась с помощью так называемой конскрипции, то есть военной обязанности, которая распространялась на всех мужчин, которым исполнилось 20 лет. Однако «класс» каждого года (те новобранцы, которым в этом году исполнились определенные законом 20 лет) принимался на службу не целиком.

Во-первых, новобранцы освобождались по самым разным причинам, например, не подлежали призыву в армию женатые, служители культа, те, кто имел какой-либо пост в системе высшего образования, исключались из призыва сыновья вдов, старшие сыновья в семьях, где отцу было более 70 лет, и т. д. Во-вторых, те, кто подлежал призыву, тащили жребий, и в результате на службу попадала лишь часть призывников. Наконец, допускались замещения — те, кто вытаскивал неудачный номер и должен был идти на службу, могли поменяться своим жребием с теми, кому повезло. Разумеется, такую услугу предоставляли совсем не бесплатно. Это позволяло богатым людям освободить своих сыновей от «налога кровью», а беднякам порой давало возможность заработать кругленькую сумму, ведь стоимость замены примерно соответствовала стоимости хорошего дома.

В начале эпохи Империи норма конскрипции была довольно щадящей. Призывалось лишь от 30 до 80 тысяч новобранцев в год. Однако с 1805 г. начинаются массовые наборы, более 100 тыс. человек в год. Согласно официальным рапортам, с начала правления Наполеона Бонапарта (1799 г.) и по 1811 г. включительно в армию было зачислено 979 293 новобранца. Сверх того, в начале 1812 г. на службу было призвано еще 120 292 человека. Таким образом, учитывая, что эти цифры, как и все цифры, характеризующие

численность войск, несколько завышены, можно сказать, что за время правления Наполеона до войны 1812 г. под знамена было призвано немногим более миллиона человек. Иначе говоря, ровно столько, сколько было набрано рекрут в России за тот же период времени.

При этом далеко не все призывники были французами. В эпоху Консульства уже 16,3% призывников были выходцами из так называемых «новых департаментов», а к 1812 г. таковых уже было более четверти (25,6%). Это были немцы, итальянцы, голландцы, бельгийцы, жители тех территорий, которые были присоединены к Франции в эпоху Республики и Империи. В общем население Французской империи к 1812 г. насчитывало 42 млн человек, что примерно соответствовало численности населения Российской империи, которое к 1812 г. составило 41 млн человек. Кстати, прирост российского населения, как и прирост населения Французской империи, произошел в основном за счет присоединения территорий.

Таким образом, военные усилия России и Франции были примерно одинаковыми. С той только разницей, что для России подобная мобилизация была разорительной, а для богатой империи Наполеона — более-менее сносной. Вследствие того, что серебряный французский франк наполеоновской эпохи, как уже отмечалось, по покупательной способности практически точно соответствовал бумажному рублю 1811—1812 гг., легко произвести сравнение.

Напомним, что все доходы Российской империи в 1811 г. составили 232 млн руб. ассигнациями. Из них за год на военные нужды было затрачено 122 млн руб. В этом же году общий бюджет Французской империи составил 951 млн франков. Из них на нужды армии было истрачено 615 млн. Может показаться, что Франция оставила Россию далеко позади в гонке вооружений, однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что это не так. Напомним, что, как было

указано выше, жалованье французских офицеров чуть ли не на порядок превосходило жалование русских офицеров. Равным образом отличалось содержание солдат. В качестве жалованья простому солдату (мушкетеру или егерю) в России выделялось в год лишь 9,5 руб. Французский фузилер (то есть также самый простой солдат) получал в год 110 франков, то есть примерно в десять раз больше!

Кроме несравненно более высокого жалованья, Французская армия была лучше снабжена и обмундирована. Офицер русской артиллерии вспоминает о том, как в начале войны 1812 г. он впервые вблизи увидел солдат Наполеона: «Мы... смотрели первый раз на пленных французов. Это был видный народ, хорошо и опрятно одетый. Ни на одном из нас, офицеров, не было такой одежды. Досадно было нам смотреть на их гордость...»⁴⁸

Вполне понятно, что при такой разнице в содержании солдат и младших офицеров французский военный бюджет был в пять раз больше русского, хотя количество войск, поставленных под ружье, и качество их вооружения были примерно одинаковыми.

Отметим, что армия Наполеона обладала не только большой численностью, хорошей экипировкой и вооружением, но она также отличалась высоким боевым духом. Знаменитый Клаузевиц, который был непримиримым врагом наполеоновской Франции, написал восторженную фразу, продиктованную искренним восхищением противником, с которым ему пришлось сражаться: «Надо было самому наблюдать стойкость одной из частей, воспитавшихся на службе Бонапарту и предводимых им в его победоносном шествии, когда она находилась под сильнейшим и непрерывным орудийным огнем, чтобы составить себе понятие, чего может достигнуть воинская часть, закаленная долгой привычкой к опасностям и доведенная полнокровным чувством победы до предъявления самой себе тре-

**Э. Деталь. Наполеон принимает смотр Императорской гвардии
весной 1812 г.**

бования высочайших достижений. Кто не видел этого, тот не сможет этому поверить»⁴⁹.

Не страх перед наказанием был главной мотивацией отваги. Жажда славы, почестей, желание подняться по ступеням военной иерархии и, наконец, просто упоение борьбой ради борьбы пронизывали всю армию Наполеона, вплоть до самой толщи солдатской массы. Капитан Дебёф рассказывает в своих бесхитростных и удивительно точных мемуарах о чувствах, которые он, будучи молодым солдатом Наполеона, испытывал в первом бою: «...Войска, в нетерпении сразиться с врагом, ринулись по мосту. Затрещала ружейная пальба, и я ускорил шаг, гордый тем, что я ступил на австрийскую землю, и еще более тем, что я шел в охране знамени. Это было великолепное зрелище — мой первый бой...»⁵⁰ Прошло немного времени, и новичок стал закаленным воином, без оглядки идущим на врага: «В тот же миг мы устремились вперед. Я сжал в руках ружье и ускорил шаг в нетерпении доказать, что я достоин быть французом»⁵¹.

«Какой это был прекрасный бой! — записал 18 октября 1806 года в своем дневнике другой солдат. — Мы не очень-то много видели, ибо дым заволакивал нас со всех сторон. Но как опьяняет весь этот грохот. Тебе хочется кричать, скусывать патроны и драться. При всполохах огня, вылетающего из жерл орудий, в красных клубах пушечного дыма, были видны силуэты канониров на своем посту, похожих на театр китайских теней. Это было восхитительно!»⁵²

Как видно из последнего отрывка, бесстрашие перед лицом опасности перешло в наполеоновской армии в нечто большее — жажду опасностей. Грохот канонады вызывал у основной массы солдат и офицеров не страх, а страстное желание сразиться с врагом, добиться новых отличий, совершить подвиги. Вот что капитан Фантен дез Одоар занес в свою тетрадь 4 декабря 1808 года, когда после сравнительно продолжительной мирной передышки (больше года!)

его полк на марше в Испании услышал впереди гул орудий: «После Фридланда мы не слышали этого величественного голоса битв. Его первые раскаты, звучащие подобно раскатам отдаленного грома и отраженные тысячекратным эхом в горных долинах, по которым шли наши колонны, заставил нас восторженно затрепетать от наших воспоминаний и наших надежд»⁵³.

Эти слова не были пустой бравадой. Едва только эти люди оказывались в бою, они рвались в самое пекло. Их отвага носила на себе отпечаток живости национального характера французов, она была дерзкой, напористой и лучше раскрывалась в атаке, чем в обороне. Вот только часть списка представленных к награждению после сражения под Ауэрдштедтом солдат 25-го линейного полка:

«...Монтрай Жан, сержант, первым ворвался на вражескую батарею и захватил у канониров знамя артиллерии.

Тренкар Пьер, гренадер, захватил вражескую пушку, после того как убил одного канонира, а остальных взял в плен.

Бертолон Жозеф, вольтижер, во время всей битвы дрался с вражескими кавалеристами, уничтожил многих из них и с жаром преследовал неприятеля.

Видаль Мишель, фузилер, первым устремился во вражеские ряды...»⁵⁴

А ведь это всего лишь один из многих полков, мужественно сражавшихся в этой битве!

«Эти французские солдаты,— писал в 1806 году прусский офицер,— они такие маленькие и слабые, один из наших немцев побил бы их четверых, если бы речь шла только о физической силе, но под огнем они превращаются в сверхъестественных существ»⁵⁵.

Во время испанской кампании в 1811 году при штурме Сагунта, неприступной крепости на скалах, французские штурмовые колонны устремились на приступ через узкую, едва проходимую брешь под ураганным огнем обороняю-

щихся: «Обломки крепостной стены осыпались под ногами наших солдат, и, поднявшись к бреши, они увидели перед собой неразбитую стену. Чтобы подняться до пролома, нужно было подтягиваться на руках, а позади него стояли испанцы, которые встретили наших солдат жестоким огнем в упор. Но отвага штурмовой колонны была такова, что офицерам, которые вели ее на приступ, пришлось затратить немалые усилия, чтобы остановить ставший безнадежным штурм и отвести назад людей... Здесь полегло 400 человек, среди которых было много достойных офицеров»⁵⁶.

Офицеры французской армии, близкие к солдатской массе, тем не менее, не опускались до нее, а стремились поднять ее до своего уровня. Конечно, командовать французскими солдатами было не всегда просто. Офицеру недостаточно было лишь появиться в эполетах перед фронтом, чтобы его признали за командира. Он должен был быть лидером — быть сильнее духом, отважнее, умнее, щедрее, чем его подчиненные. Вот, например, что писал старый солдат в бесхитростном послании своему бывшему командиру части, генералу Друо: «...Я считаю, что самое главное, чтобы командир заслужил любовь солдат, потому что, если полковника не любят, не очень-то захотят погибать за него... Под Ваграмом в Австрии, где так отчаянно дрались и где наш полк сделал все, что мог, как Вы считаете, сражались бы так наши гвардейские артиллеристы, если бы они Вас не любили? ...К тому же Вы говорите с солдатами так, как если бы они были Вам ровней. Есть офицеры, которые разговаривают с солдатами, как если бы они были солдатами, но, по-моему, это не стоит и ломаного гроша...»⁵⁷

Действительно, когда офицер отвечал этим критериям, преданность подчиненных, их готовность идти за ним куда угодно не знали границ. Полковник Шаморен, командир 26-го драгунского полка писал своей жене из Испании 1 января 1811 года: «Вчера мы закончили старый год тем,

что разбили вражеский отряд, захватив у них немало пленных, и мой полк вел себя так, как всегда. Какие люди! Как они беззаветно сражаются, какое счастье командовать подобными солдатами»⁵⁸.

«Разделите то, что у вас есть, с вашими солдатами,— советовал де Брак,— они поделятся с вами, и вы не останетесь в проигрыше. Вы увидите однажды, когда у вас не будет ничего, как старый солдат будет горд, будет счастлив отдать вам свой последний кусок хлеба, а если надо, то отдать за вас и свою жизнь»⁵⁹.

Солдаты, которые шли в огонь за такими командирами, как Друо, Шаморен или де Брак, подававшими пример бесстрашия и воспитывавшими в них культ чести, поистине презирали смерть. Вот что писал 1 августа 1815 г. лейтенант Жан Мартен, рассказывая о том, как во время боя при Шарлеруа ему пришлось пересечь колонну повозок с ранеными: «...Перепачканные кровью, лежащие в беспорядке один на другом, они были искалечены самым разным образом, и смерть уже читалась на многих лицах. Но именно эти люди, казалось, наименее заботились о своей судьбе, то, о чем они думали, был успех нашей армии. Забывая боль, они старались поднять наш дух. Они поднимали свои бледные лица над повозками и кричали: „Вперед, товарищи, не бойтесь! Все идет отлично. Еще немного, и враг побежит!“ Я видел тех из них, над которыми смерть уже простерла свои объятия, но они употребляли свой последний вздох, чтобы крикнуть: „Да здравствует Император! Дерзьмо пруссакам!“ Другие размахивали своими окровавленными конечностями, грозя врагу и сожалея лишь о том, что они не могут мстить!»⁶⁰

Впрочем, эти солдаты, отличавшиеся напористой отвагой и высоким чувством чести, требовали строгого и справедливого командования. Когда ими руководили такие заботливые, но требовательные, а если надо, и беспощадные командиры, как, например, маршал Даву, французская ар-

мия соблюдала безупречную дисциплину. Но если командиры ослабляли бдительность, а иногда просто физически не могли проконтролировать своих солдат, последние легко превращались в мародеров, бесчинствовали и грабили мирное население.

Так, в Испании маршал Сульг, командовавший войсками в Андалузии, сам подавал дурной пример, «конфискуя» в свою пользу произведения искусства и сокровища испанских монастырей. Понятно, что и его солдаты вели себя не лучшим образом. Зато маршал Сюше, командовавший в Арагоне и Валенсии, заботился о своих войсках и одновременно требовал от них строжайшей дисциплины. Когда отряды Сюше и Сульга соединились для совместных действий, офицер из армии Юга записал: «Мы увидели несколько отрядов его (*Сюше*) войск, стоявших под Валенсией, и изумились их великолепной форме. По прекрасному состоянию их экипировки можно было подумать, что они только что прибыли из Франции. Они были здоровы и обеспечены всем необходимым... так что мы произвели на них жалкое впечатление нашими запыленными, изодранными мундирами, драными башмаками и высохшими лицами. Солдаты Сюше соблюдали строгую дисциплину, в то время как наши привыкли к беспорядкам, так что они наградили нас эпитетом „бандиты с юга“. Действительно, генералом, наиболее поддержавшим в Испании честь французского имени, был, без сомнения, Сюше. Опытный воин и мудрый администратор, он знал цену золота и крови, экономно расходуя и то и другое» ⁶¹.

Говоря о командирах, нельзя не отметить то, что в отличие от русской армии, их не отделяла от солдат сословная пропасть. Будучи лидерами и примером для солдат, они происходили почти из той же среды, что и последние. Хотя, конечно, и здесь за счет образования и сословных традиций процент сыновей дворян, военных и просто богатых людей

был значительно выше, чем в солдатской среде. Вот таблица происхождения младших офицеров французской армии*:

Из дворян (причем 0,5% из дворян империи)	более 5%
Из семей землевладельцев	около 20%
Из буржуазных семей (коммерсантов, негоциантов, рантье, фабрикантов)	около 25%
Из семей чиновников и представителей свободных профессий	около 13%
Из семей военных	около 10%
Из семей ремесленников	около 10%
Из семей крестьян	около 16%
Из семей рабочих и поденщиков	менее 1% ⁶²

Наполеон закрепил в данном вопросе результат революционных преобразований, окончательно поставив крест на делении вооруженных сил по кастовому принципу. Отныне, как сказал генерал Фуа, армия слилась в «массу единую и неделимую. Путь от новобранца, призванного шесть месяцев назад, до маршала империи проходили, не встречая барьера в образе мыслей и чувств» ⁶³.

Впрочем, был один пункт, который сближал офицеров русской и французской армий. Только меньшая часть офицеров наполеоновской армии (15%) окончили военные школы, остальные получили свои эполеты, пройдя путь от солдата и унтер-офицера.

При этом, будучи в основном людьми молодыми, командные кадры наполеоновской армии обладали огромным боевым опытом. Маргерон в солидной публикации документов, посвященных подготовке русской кампании, приводит сведения о выслуге лет офицеров корпуса Даву (на 1811 год). Эти данные мы свели в следующую таблицу:

* Речь идет о данных опроса 1814 г., но они если и отличались от данных 1812 г., то незначительно.

Выслуга лет	Полковники		Командиры батальонов		Капитаны	
	Число	%	Число	%	Число	%
1—3	—	—	—	—	—	—
4—6	—	—	—	—	13	4,2
7—9	—	—	2	2,9	16	5,2
10—12	—	—	—	4,4	17	5,5
16—18	3	11,5	14	20,6	81	24,0
19—21	11	42,3	26	38,2	96	37,5
22—24	5	14,2	7	10,3	25	7,7
25—27	4	15,5	8	11,8	23	7,0
28—30	3	11,5	7	10,3	8	2,5
31—33	—	—	—	—	2	0,6
Итого:	26	100	68	100	299	100 ⁶³

«Эти цифры, — пишет Маргерон, — показывают с поразительной силой и лучше, чем это можно сделать любым другим способом, какую закалку и какой опыт войны должны были получить офицеры различных родов оружия, достаточно только сказать, что любой военный, имеющий в это время 6—7 лет службы, принял уже участие в многочисленных и славных кампаниях, пройдя поля битв с большинством армий Европы»⁶⁵.

Если брать средние показатели, то в 1812 г. тридцатипятилетний капитан имел примерно 18 лет выслуги. И какой выслуги! Многие имели в своем багаже 10—12 пройденных кампаний!

Как и русские офицеры, командные кадры наполеоновской армии в большинстве (около 60%) не имели неслужебного дохода или обладали лишь малозначимыми денежными средствами. Однако на этом сходство завершается.

Император щедро вознаграждал кровь, пролитую за отечество. В предыдущем разделе уже проводилось сравнение доходов русских и французских офицеров. Добавим лишь, что если говорить о привилегированных частях наполео-

новской армии, то их жалованье, особенно со всеми дополнительными выплатами, показалось бы русским армейским офицерам просто заоблачным. Так, полковник гвардейского полка получал со всеми выплатами в год 11 838 франков, капитан — 4492, лейтенант — 3170.

Эта армия, полная энергии и отваги, не прекращала расти в численности. Если в 1805 г. общая численность вооруженных сил Французской империи приближалась к 450 тыс. человек, то к войне 1812 г. она увеличилась примерно вдвое.

Во французской армии, так же как и в русской, санитарные потери были очень велики. За всю наполеоновскую эпоху французская армия понесла в качестве безвозвратных потерь около 900 тыс. человек ⁶⁶ (что составило примерно половину всех мобилизованных французов — 1 800 000 чел. *). Из них только менее 200 тыс. пали на поле брани или умерли от ран, остальные умерли из-за болезней и лишений. Иначе говоря, один погибший приходился на 3,5—4 умерших от болезней. Тем не менее подобные потери в общем были несколько меньшими, чем в русских войсках, а потому при почти что равной численности призыва французская армия была более многочисленной, чем русская.

Официально, согласно штатам, численность всех сухопутных вооружённых сил Франции в 1809 г. составила 917 тыс., а в 1812 г. достигла 1099 тыс. ⁶⁷ Но это, разумеется, чисто теоретические цифры. Для того чтобы узнать реальную численность, нам необходимо привлечь данные... разведки.

Благодаря разведывательным сведениям, присланным полковником Чернышёвым, у нас есть великолепная сводная таблица численности французской армии на 15 августа

* Как уже отмечалось, до начала войны 1812 г. было мобилизовано немногим более 1 млн чел.

1811 г.* Согласно этой таблице общая численность вооруженных сил Французской империи (без гвардии) составляла 825 489 человек.⁶⁸ Правда, эта цифра делится на две части: «активные» войска и «неактивные». К первым принадлежали те, кто состоял на действительной военной службе в своих частях (742 047). К числу «неактивных» относились те, кто состоял под следствием, числился военнопленным, находился в госпиталях, в различных отрядах или командировках. Общая численность «неактивных» — 83 442 человека. Понятно, что тех, кто временно находился в госпиталях, и тем более тех, кто были посланы в командировку, следует считать как состоящих на службе. Но вряд ли в рядах вооруженных сил следует учитывать тех, кто находился в плену или под следствием. Поэтому округленно можно считать численность вооруженных сил Французской империи несколько менее 800 тыс. человек. К этим войскам следует добавить императорскую гвардию, которая не была включена в общую ведомость. Ее численность на то же 15 августа 1811 г. составила 39 767 человек.⁶⁹ Таким образом, Наполеон располагал в тот момент, когда он окончательно решил вести войну против России, вооруженными силами, насчитывавшими более 800 тыс. человек, где-то около 820—830 тыс. солдат и офицеров.

Однако, как уже неоднократно говорилось, императорские войска вели тяжелую упорную войну в Испании, которая оттягивала на себя огромные силы. Согласно той же

* Увы, подобные документы сохранились только благодаря деятельности талантливого шпиона. Сводных рапортов по численности всей французской армии (не по отдельным корпусам и армиям, о которых сохранились буквально кипы бумаг) в архиве французского министерства обороны не существует. О русской армии мы благодаря данным Шведова, который провел грандиозную работу по обработке строевых рапортов, знаем, что общих сводных рапортов по русской армии не сохранилось.

ведомости, примерно 260 тыс. военнослужащих французской армии (8800 офицеров и 250 872 унтер-офицера и рядовых) сражались в этот момент в Испании. Причем речь идет исключительно об «активных» бойцах. Вместе с «неактивными» общее количество французских войск в Испании составляло примерно 300 тыс. человек.

Около 333 тыс. солдат и офицеров располагалось на территории Империи, большей частью прикрывая береговую линию от возможных высадок неприятеля. Здесь же располагалось и большая часть из 40 тыс. солдат и офицеров императорской Гвардии. Наконец, на территории Итальянского королевства, в Иллирии, в Неаполе и на острове Корфу было около 63 тыс. человек под ружьем. На территории Германии располагалось 58 тыс. военнослужащих, и им на подкрепление двигалось еще 22 тыс. солдат.

Приняв решение о том, чтобы противодействовать Александру силой оружия, Наполеон должен был произвести гигантскую перегруппировку войск. Невозможно было сражаться против всех сил русской империи, имея лишь 80 тыс. солдат Даву и 60 тыс. поляков.

Казалось бы, французская армия была огромной, но император не мог вывести большое количество войск из Испании без того, чтобы не вызвать там катастрофу. Невозможно было значительно ослабить и оборону берегов, так как англичане могли в любой момент произвести высадку и если не двинуться на Париж, то уж, по крайней мере, легко овладеть каким-нибудь оставшимся без защиты важным городом империи, например Гамбургом, Бордо или Амстердамом, посеяв тем самым панику в тылах. Как ни крути, но для обороны береговой линии и поддержания порядка внутри государства требовалось оставить не менее 250—300 тыс. человек. Столько же надо было держать и в Испании. Причем речь идет об «активных» солдатах, а не о тех, кто лежал в госпитале или сидел в тюрьме. Следова-

тельно, для войны на границах Польши оставалось не так много и даже просто-напросто мало войск.

Именно поэтому в 1811 г. был объявлен большой призыв (138 тыс. человек). Большая часть этих призывников к моменту составления таблицы уже находилась в войсках и была учтена при расчете, но были и те, что еще не присоединились к своим полкам. Наконец, в начале 1812 г. был объявлен новый призыв новобранцев. Под ружье было поставлено еще 120 292 человека. Таким образом, перед войной с Россией Наполеон довел армию до той численности, которая когда-то была достигнута революционным Конвентом в момент наивысшей опасности для республики, и даже превзошёл её. Реальное общее количество вооруженных сил Французской империи составило к этому моменту около 950 тыс. человек.

При этом было бы совершенно неправильно представлять Францию, как делали некоторые историки, опустошенной страной, где в полях работали только старики, женщины и дети. Общее число потенциальных призывников лишь с территориями старых департаментов составляло 250 тыс. человек в год. Так что даже в ходе больших наборов 1811—1812 гг. на службу привлекалась только половина (а с учетом новых департаментов значительно меньше половины) призывников, подлежащих мобилизации.

Выдающийся французский историк Жан Тюлар в своей монументальной работе «История Парижа» (в период империи) привел архивные документы по призыву новобранцев-парижан. В общем итоге за всю эпоху Наполеона было призвано только 31,87% молодых мужчин, подлежащих призыву.⁷⁰ Нужно сказать, что данные по Парижу никак не меньше средних по империи, а скорее даже немного превосходят их, так как близость властей в столице мешала уклоняться от призыва.

Несмотря на усиление армии, выделить достаточное количество войск для войны на восточных рубежах всё равно

было очень непростой задачей. Вспомним фразу Беннигсена: «...Власть Наполеона никогда менее не была опасна для России, как в сие время, в которое он ведёт несчастную войну в Гишпании и озабочен охранением большого пространства берегов, на что потребно ему употребить сильныя армии». Действительно, из огромной массы своих войск император мог направить для войны с Россией лишь немногим более 300 тыс. человек собственно французских военнослужащих, причем для этого не только пришлось снимать войска с территории империи, но ослаблять даже группировку войск в Испании.

Из Испании Наполеон решил забрать те части, которые имели, если так можно выразиться, прямое отношение к войне с Российской империей, — а именно все польские войска. Пешие полки Вислинского легиона (1, 2, 3-й и подразделения 4-го), состоявшего на службе Франции, получили приказ выдвигаться из Арагона и Валенсии в конце января 1812 г., а уже 22 марта 1812 г. они застыли в парадном строю на площади Карузель в Париже перед дворцом Тюильри. Смотр принимал сам император, и он с удовлетворением отметил, что эти люди, прошедшие четыре года тяжкой кампании, были готовы к новым подвигам: «В моей роте, — рассказывает офицер Вислинского легиона Брандт, — не было ни одного солдата, который не был бы хоть раз ранен». Несмотря на это, пишет Брандт, «во время парада поляки, которые ждали от новой войны восстановления их отечества, кричали с энтузиазмом „Да здравствует Император!“»⁷¹

Что касается Вислинских улан*, то они должны были идти на далекую войну с самого юга Испании, из Андалузии! Оттуда же в марте 1812 г. выступили в поход 4, 7 и 9-й

* В июне 1811 г. Вислинские уланы были преобразованы в 7-й и 8-й полки французских шеволежеров-улан. Однако старое название продолжало употребляться.

пехотные полки герцогства Варшавского, покрывшие себя славой во многих боях от Мадрида до Гренады. Все польские полки должны были пополниться новобранцами в Польше. Только до Варшавы им предстояло пройти пешком почти 3,5 тыс. км!

В течение февраля месяца приказ о подготовке к выступлению получили также Баварские, Саксонские, Вестфальские, Вюртембергские, Баденские, Бергские, Гессенские контингенты, а также войска мелких немецких княжеств, входивших в Рейнскую конфедерацию. Готовились к походу и итальянские войска. Равным образом, как уже указывалось, была подписана военная конвенция с Пруссией, в результате чего собирался Прусский контингент, а позже начали выступление и австрийцы.

Однако первыми выступили в поход все-таки войска собственно французской армии. 1-й корпус (Первый Эльбский наблюдательный корпус, как он тогда назывался) маршала Даву получил приказ от 21 февраля 1812 г., в котором предписывалось 24 часа спустя после его получения начать выступление к линии Одера (см. рис. на с. 614). Под командованием Даву кроме его пяти дивизий состояла также 7-я дивизия, находившаяся под Данцигом. Наконец, в зоне его командования располагался 1-й кавалерийский корпус генерала Нансуги. В общей сложности это составляло почти 100 тыс. человек.

В это же время получил приказ начать выдвижение из Ганновера 2-й корпус (2-й Эльбский наблюдательный корпус) под командованием маршала Удино (6, 8, 9-я дивизии).

3-й корпус (наблюдательный корпус Берегов Океана) под командованием маршала Нея (10, 11, 12-я дивизии) выступил из Майнца. По ходу движения к нему должна была присоединиться 25-я дивизия (вюртембергская).

Наконец, 4-й корпус (Итальянский наблюдательный корпус) под командованием вице-короля Евгения Богарне

выступил 19 и 20 февраля из Милана и с берегов Адидже (Италия). В этот корпус входили 13, 14 и 15-я дивизии, а также итальянская гвардия.

Позади пехотных масс собирались также отряды 2-го и 3-го кавалерийских корпусов, начала выдвижение и императорская гвардия.

Почти все войска, входившие в указанные корпуса, были французскими. Исключение составляли лишь 25-я вюртембергская дивизия, 15-я дивизия, состоявшая из итальянцев, и итальянская Королевская гвардия. Общая численность двинувшихся в поход отрядов составляла около 300 тыс. человек. Все эти войска 1 января 1812 г. получили название Великая Армия.

Это название впервые появилось 29 августа 1805 г., когда войска, стоявшие в Булонском лагере и готовящиеся к выступлению против Англии, развернулись на 180 градусов и двинулись в поход против австрийцев. Согласно приказу императора, они должны были отныне именоваться «Grande Armée», что значит дословно «Большая Армия», «Основная армия». Однако слово «Grande» по-французски означает также и «Великая». Уже после первых побед в кампании 1805 г. это наименование все больше подразумевает именно понятие «Великая», сохраняя при этом свое значение основной группировки войск под командованием императора. Таким образом, армия, воевавшая в 1805—1807 гг. будет все время называться Великой Армией. Однако в 1808 г. ее основные корпуса почти в полном составе были переброшены в Испанию. В значительной степени поэтому в кампанию 1809 г. войска, сражавшиеся против австрийцев под командованием Наполеона, не получили название Великая Армия, а назывались всего лишь Armée d'Allemagne (Германская армия). Предпринимая в 1812 г. невиданную по масштабам подготовку к походу, Наполеон вернул войскам под своим командованием гордое название Великая Армия.

С 1 февраля 1812 г. начальником генерального штаба Великой Армии был назначен маршал Бертье, князь Невшательский. С этого же времени у армии появился общий штаб и финансовая отчетность, и стало налаживаться централизованное снабжение.

3 марта 1812 г. армия получила новую организацию. В это время в ее ряды влились многие союзные контингенты, в результате было образовано еще четыре корпуса. Отметим, что только 1 апреля исчезли наименования Эльбских обсервационных корпусов, обсервационного корпуса Берегов Океана и Итальянского обсервационного корпуса, а все корпуса получили номера.

Польские войска под командованием князя Понятовского, стоявшие на Висле, получили название 5-го корпуса (16, 17, 18-я дивизии).

Баварские войска под командованием генерала Гувийона Сен-Сира получили название 6-й корпус (19-я и 20-я дивизии).

Саксонские войска под командованием генерала Рейнье получили название 7-й корпус (21-я и 22-я дивизии).

Вестфальские войска под командованием лично короля Жерома и генерала Вандамма стали называться 8-й корпус (23-я и 24-я дивизии).

Наконец, 24 марта из польских и немецких полков был создан 4-й корпус резервной кавалерии.

К середине этого месяца Великая Армия развернулась на линии Одера и позади нее. 5-й польский корпус находился на Висле в качестве авангарда, развернувшись от Варшавы до Плоцка.

Левый фланг авангарда упирался в крепость Данциг, рядом с которой стояла 7-я дивизия. В качестве крайнего авангарда левого фланга прусский корпус сосредоточивался в районе Кенигсберга.

10 марта начальник генерального штаба маршал Бертье составил проект, согласно которому все силы Великой Армии были сведены в три большие группировки:

левый фланг — 1, 2, 3-й корпуса, 1-й и 2-й корпуса резервной кавалерии, Императорская гвардия (227 тыс. человек, 557 орудий);

центр — 4-й корпус, Итальянская королевская гвардия, 6-й корпус, 3-й кавалерийский корпус (84 тыс. человек и 208 орудий);

правый фланг — 5, 7, 8-й корпуса, 4-й кавалерийский корпус (76 тыс. человек и 159 орудий).

Общая численность Великой Армии на середину марта 1812 г. составляла 387 тыс. человек при 924 орудиях.

В этом подсчете не учитывался ряд резервных соединений, таких как дивизия Дендельса, состоявшая из Бергских и Баденских войск, которая позже послужит для формирования 9-го корпуса, а также так называемая Дивизия княжеств — соединение, сформированное из подразделений мелких немецких государств. Наконец, не были учтены прусские войска. Если принять во внимание эти соединения, то в начале марта в рядах Великой Армии было уже более 420 тыс. человек.

Кроме того, 7 марта 1812 г. была подписана конвенция с Данией, которая выставила для обороны побережья Южной Балтики дивизию в 10 тыс. человек пехоты и кавалерии при 50 орудиях.

В это время все дороги Центральной Европы были покрыты колоннами войск, движущимися артиллерийскими батареями и многочисленными обозами, которые направлялись в сторону Польши. О том, насколько велика была площадь, занятая массами войск, говорит то, что, когда головы колонн уже форсировали Одер, из Франции и западной Германии в поход продолжали выступать новые и новые батальоны, эскадроны и батареи. Последние отряды

4-го корпуса еще только выходили из Милана, в то время как его передовые отряды подходили к Дрездену! Войска Императорской гвардии, выведенные из Испании, 14 марта только прибыли в Байонну на юге Франции. Вислинский легион, о котором мы уже говорили, подходил к Парижу. Таким образом, можно сказать, что **Великая Армия, занимая фронт примерно в 500 км, растянулась в глубину более чем на 2000 км!**

Тем не менее даже такое количество войск не обеспечивало значительного численного превосходства над вероятным противником, и поэтому Наполеон стремился поставить под ружье все контингенты союзных государств, какие только было возможно. Даже маленькие княжества Ангальт и Липе выставили для войны 1661 человека, Шварцбург, Вальдек и Рейсс — 1350, Франкфурт — 1687. Что касается французских частей, то император добивался увеличения численности не столько созданием новых полков, сколько увеличением числа солдат в рядах старых. Так, полки корпуса Даву (1—5-я дивизии) были увеличены до того, что имели 5 действующих батальонов сверх запасного. Нормальная полная численность полка предполагала 4 действующих батальона и 1 батальон депо, в котором не было рот гренадеров и вольтижеров. Этот батальон депо носил номер пять. Поэтому, увеличив численность полков до пяти действующих батальонов, их пронумеровали 1, 2, 3, 4, 6, так как батальон депо сохранил пятый номер.

Император требовал увеличить численность батальонов практически до штатного состава. В результате полки корпуса маршала Даву, который безупречно исполнил приказ, достигли численности почти 4 тыс. человек, что соответствовало количеству солдат в некоторых дивизиях на испанском театре военных действий! При этом, чтобы новый батальон, составленный из новобранцев, не оказался хуже батальона, составленного из старых солдат, было произведе-

Развёртывание сил Великой Армии (15 марта 1812 г.). Русские войска на карте не показаны

но так называемое «смешивание» (*tiercement*). Новобранцы из батальонов, носивших четвертый и шестой номера, были равномерно распределены по всем подразделениям полка, так же как и опытные офицеры и унтер-офицеры из первых батальонов.⁷² В результате получились хорошие части, где было много молодежи и при этом имелось достаточное количество закаленных воинов всех званий, имевших солидный боевой опыт.

Все источники единодушно отмечают безупречную выправку, отличное качество униформы и высокую дисциплину солдат и офицеров 1-го корпуса. Вот что писал в своих записках о войне 1812 г. барон Дюфур, старший военный комиссар Императорской гвардии, о корпусе Даву на марше: «Перед нашими глазами было великолепное зрелище 65—90 тысяч солдат, униформа которых, движение и слаженность действий носили на себе отпечаток порядка самого совершенного, строгой дисциплины и предусмотрительности командира, который умел обучать и сохранять своих солдат»⁷³.

Развернув свои войска между Эльбой и Одером, Наполеон не сомневался, что русская армия не сможет уже застать его врасплох в герцогстве Варшавском. Именно поэтому он отныне не торопил свои полки, а старался дать им возможность отдохнуть, собраться, подтянуть отставших и не торопясь двинуться навстречу неприятелю. Перед Великой Армией была поставлена задача выдвигаться на рубеж Вислы во второй половине апреля. В своем письме маршалу Бертье он указывал, что желает, чтобы его армия была к 1 мая расположена «в развёрнутом боевом порядке на Висле»⁷⁴.

Исполняя распоряжение императора, корпус маршала Даву вместе с 7-й дивизией к 15 апреля развернулись на фронте от Торна до Данцига вдоль по течению Вислы. 5-й корпус Понятовского оставался там, где он стоял, от Плоцка до Варшавы, остальные корпуса подтягивались, чтобы встать рядом с ними и позади них. Удино (2-й корпус) всту-

пил в Берлин, Ней (3-й корпус) — во Франкфурт-на-Одере. В это время на смену весенней распутице пришла хорошая погода, и войска могли продемонстрировать как своим командирам, так и населению Германии и Польши свой бравый внешний вид.

Вот что писал генерал Ледрю, командир 10-й дивизии корпуса Ней из Франкфурта-на-Одере 25 апреля 1812 г.: «Вчера господин маршал герцог Эльхингенский провел смотр моей дивизии, которую я собрал в полулье от города на обширной равнине. 14 тысяч человек и 24 артиллерийских орудия стояли развернутые в боевых линиях. Войска были одеты в самую красивую форму и представляли собой внушительное зрелище. С тех пор как я воюю, я еще не видел такой прекрасной дивизии. Всего здесь было в достатке. В четвертой линии стояли резервы артиллерии, фургоны и зарядные ящики всех видов и почти 800 упряжных лошадей в хорошем состоянии... Все мои роты гренадеров и вольтижеров были в полном составе, каждая по 140 человек, все с красными и желтыми султанами. Я командовал маневрами дивизии в течение 6 часов... Дивизия затем прошла церемониальным маршем... что длилось примерно полтора часа. Я получил теплые слова, самые любезные, со стороны маршала и королевского принца (*Вюртембергского*), которые не прекращали поздравлять меня и восхищаться полками, проходившими парадом»⁷⁵.

Из этого письма довольного собой командира дивизии видно, что и части корпуса Ней были великолепны, а особенно обращает на себя внимание впечатляющий численный состав дивизии, полки которой по своей численности ненамного уступали частям Даву.

2-й корпус Удино также выглядел более чем достойно. Когда после долгих переходов корпус подошел к Берлину, ему было приказано подготовиться к параду; на следующий день войска предстали на смотре в таком безукоризненном

виде, «как будто к параду готовились в течение недели», как отметил французский посол в своем рапорте министру иностранных дел.⁷⁶ Во главе с маршалом полки продефилировали по улицам Берлина. Юная супруга Удино так описала свои впечатления от этого парада: «Маршал встал во главе своих 40 тысяч человек, и из окон нашего посольства я видела, как полки идут по улицам. Это было великолепно!.. Все войска... медленным церемониальным шагом шли от ворот Шарлоттенбург по самым красивым и прямым улицам Берлина, разворачивая на них свою мощь. Это был поистине торжественный момент»⁷⁷.

Однако за парадом смотрели не только из окон французского посольства. Посол России граф Ливен тотчас же написал рапорт Барклаю де Толли. Он не был столь же восторженным, как слова жены маршала, но подтверждал, по крайней мере, место и время проведения торжественного марша. С другой стороны, посол отметил, что численность батальонов не столь велика, как можно было ожидать: «Они насчитывают по 600 человек, а кавалерийские полки — по 700 человек». В следующем рапорте Ливен подробно перечисляет номера частей и добавляет фразу, которая подчеркивает, насколько строго командование поддерживало порядок в своих войсках: «Эти войска соблюдают самую строжайшую дисциплину. Вчера было расстреляно два солдата за то, что они убили крестьянина на дороге, а сегодня шесть человек будут расстреляны за различные проступки, среди прочих — дезертирство»⁷⁸. Хотелось бы еще раз подчеркнуть: в русском штабе великолепно знали обо всех перемещениях французских корпусов.

Пока войска продолжали движение вперед, Наполеон мобилизовывал все новые и новые части и доводил до конца реформы, которые должны были усилить его армию. Для того чтобы обеспечить тылы, весной 1812 г. была призвана национальная гвардия. Сто когорт (батальонов) первого

призыва были переданы в распоряжение военного министерства, 88 из них были организованы и вооружены. Их задачей была защита тех населенных пунктов, где проживали национальные гвардейцы, охрана арсеналов, несение караульной службы в крепостях. В общем, национальная гвардия являлась аналогом ополчения, предназначенного для охраны собственной территории.

Огромное значение Наполеон придавал организации обозного парка. Вспомним его фразу, написанную принцу Евгению: «Война в Польше — это вовсе не война в Австрии. Без хороших транспортных средств тут не обойтись». Кроме многочисленного артиллерийского обоза, о котором мы скажем позже, существовал просто обоз (*train des équipages*), предназначенный как для перевозки продовольствия, так и для транспортировки прочих необходимых военных грузов. В Великой Армии поначалу было 6 батальонов обоза (2, 6, 7, 9, 10, 12-й французские батальоны обоза), 1 батальон обоза Итальянского королевства и 1 батальон обоза Императорской гвардии. В общей сложности эти батальоны имели в своих рядах 2016 повозок.

Император посчитал это количество недостаточным, и декретом от 24 января 1812 г. было организовано еще 8 батальонов обоза. Четыре из них состояли из 2424 легких повозок, сделанных по образцу, который использовался для перевозки грузов крестьянами из Франш-Конте (*voitures a la comtoise*). Четыре других батальона обоза использовали повозки, которых тянули... быки. Подобные повозки Наполеон, конечно, не раз видел в Италии. Император решил, что такой неординарный обоз на быках, во-первых, позволит перемещать большой груз, а во-вторых, даст возможность перемещать своим ходом мясо, необходимое для прокорма войск. Общее количество повозок на быках должно было достигнуть числа 1224. Наконец, еще один отдельный итальянский батальон обоза был также создан из расчета бычьих упряжек. Забегая

вперед, скажем, что это нововведение окончилось совершенно неудачным. Обозы, которые тянули быки, постоянно отставали, быки то ли дохли, то ли их продавали, то ли съедали сами погонщики. Очень скоро с началом войны не осталось ни одного «бычьего» батальона.

В общей сложности количество французских и итальянских обозных частей должно было достичь 17 батальонов и 6300 повозок.

Что касается классических повозок, они были обновлены. На смену старой модели повозки, которая весила 1200 кг, пришла облегченная повозка весом 983 кг, причем вес, который повозка могла взять, оставался прежним — 30 квинталов, или 1470 кг. Облегченные повозки в стиле Франш-Конте могли брать по 12 квинталов (588 кг). А повозки на быках — 20 квинталов, то есть около тонны.

Кроме многочисленных повозок, которыми были заполнены все дороги Германии, армия везла с собой небывалую по мощи артиллерию. Император, видимо, решил, что не допустит повторения Эйлау, где русская армия превосходила французов и по численности войск, и особенно, по численности артиллерии. Поэтому каждая пехотная дивизия получила 1 пешую 8-орудийную батарею (6 шестифунтовых пушек и 2 гаубицы) и 1 конную 6-орудийную батарею (4 шестифунтовых пушки и 2 гаубицы). Сверх того, почти все полки получили по 2 трехфунтовых орудия, а 16 больших полков * корпуса Даву даже по 4 орудия. Поэтому, когда Ледрю говорит в своем письме, что его дивизия имела 24 орудия, он имеет в виду 14 орудий пешей и конной артиллерии и плюс 10 полковых орудий.

Кроме дивизионной артиллерии, каждый корпус имел свою корпусную артиллерию, в которой обычно были батареи 12-фунтовых орудий.

* Состоявших из пяти действующих батальонов.

Не следует забывать, что каждая пушка имела, по меньшей мере, 2—3 зарядных ящика и сверх того — зарядные ящики в так называемом резервном парке. Кроме того, артиллерия перевозила запасные лафеты. Она же транспортировала специальные зарядные ящики, где хранились патроны для пехоты, фургоны с инструментами и походные кузницы. Поэтому только артиллерия корпуса Нея, например, по ведомости на июнь 1812 г. имела 459 повозок (пушек, лафетов, фургонов), причем каждая повозка была запряжена 4—6 лошадьми.

Кроме того, был организован артиллерийский резерв, приданный гвардии, и, наконец, были сформированы два осадных парка: один в Данциге, другой — в Магдебурге. В Данциге насчитывалось 130 тяжелых орудий (24- и 12-фунтовых пушек, тяжелых гаубиц и мортир). В Магдебурге — 100 тяжелых орудий. 14 рот артиллерийского обоза были предназначены, чтобы транспортировать этот огромный осадный парк, в задачу которого входило при необходимости вести осаду Риги и Динабурга.

Кроме того, создавался также большой общий артиллерийский парк, который должен был транспортировать дополнительные запасные зарядные и патронные ящики. Большой общий парк обслуживало еще 5 рот артиллерийского обоза.

В общем же, даже без осадных парков и большого общего парка, для транспортировки 924 орудий и всех обозных повозок требовалось 25 900 лошадей.

Кроме артиллерии и продовольственного обоза в Данциге был создан также понтонный парк. Он должен был располагать двумя полными наборами элементов для постройки мостов по 100 понтонов в каждом. Помимо этого, создавался третий понтонный парк, который не имел понтонов, зато располагал всеми необходимыми тросами, якорями, инструментами, чтобы сооружать мосты из найден-

ных на месте лодок. Кроме того, каждый армейский корпус и Императорская гвардия получили в свое распоряжение небольшой понтонный парк, который позволял быстро наводить мосты через неширокие реки. Шесть рот обоза должны были транспортировать необходимые понтонерам повозки. Понтонный парк, по мысли императора, должен был быть таким, чтобы в течение нескольких часов можно было навести два моста через Вислу или через любую другую реку шириной не более 400 м.

Для того чтобы не оказаться в трудном положении на реках и водоемах, в помощь понтонерам Наполеон приказал создать два экипажа моряков.

Грандиозные обозы требовали огромного пополнения конским составом, так же как и кавалерия, о которой речь пойдет дальше. Согласно рапорту Лакюзэ де Сессака, министра военной администрации, требовалось закупить более 50 тыс. лошадей. Впрочем, на 17 марта 1812 г. было приобретено уже 32 тыс. лошадей, поставка оставшихся не вызвала сомнений.

Все это позволило буквально исполнить приказ императора, который требовал от маршала Даву, чтобы кавалерийские полки, находившиеся в Германии, были доведены до численности 1000, даже 1100 человек в каждом. Действительно, согласно штатному расписанию численность полка тяжелой кавалерии должна была равняться 1040 человек и 1053 коня, легкой — 1043 человека и 1055 коней. Однако на самом деле полков такой численности на войне никогда не видели, да и в мирное время они крайне редко бывали так укомплектованы. В начале кампании численность кавалерийского полка обычно была 600—700 человек, а к концу кампании уменьшалась примерно вдвое. Но «железный маршал» Даву строго исполнил приказ императора, и некоторые кавалерийские полки в тех соединениях, которые находились в зоне его командования, были доведены до чис-

ленности личного состава в 1050 человек и даже более. Так, в рапорте от 1 мая о состоянии 7-го гусарского полка указывается, что только в боевых эскадронах полка, идущих в рядах армии, насчитывается 1161 офицеров и солдат, а сверх того более 100 человек находятся в депо! ⁷⁹

Это были такие огромные полки, что командиры с трудом могли с ними управиться. В результате командование кирасирским полком поручали бригадному генералу, а полк фактически рассматривали как бригаду. Впрочем, подобная ситуация сохранялась недолго. Кавалерия — это очень хрупкое оружие, несколько переходов — и количество коней стремительно сокращалось вследствие падежа, которому было множество причин. Тем не менее нельзя не отметить, что никогда еще Великая Армия не располагала такими огромными конными массами. Только в четырех корпусах резервной кавалерии по состоянию на 15 июня в строю насчитывалось 37 861 человек и 40 839 коней. ⁸⁰

Наполеон не только увеличил численность кавалерии, но и всевозможными способами старался ее усилить. Прежде всего, он решил создать мощный ударный кулак из кирасирских полков, способных массированными атаками смести с поля боя кавалерию и пехоту вероятного противника. Кроме 12 кирасирских полков Франции, в кампанию отправились 2 полка вестфальских кирасир, 2 полка саксонских кирасир и польский кирасирский полк. Кроме того, в 1810 г. во французскую армию был принят полк голландских кирасир, получивший 14-й номер (единственный кирасирский полк, сражавшийся в Испании, носил 13-й номер). 14-й кирасирский также вошел в состав Великой Армии.

Наконец, в 1810 г. император решил дать кирасы элите линейной кавалерии — карабинерам. Последние, рассматривавшиеся как «гренадеры конных войск», ранее носили синие мундиры с красными эполетами и высокие меховые шапки. Но согласно новому регламенту они получили ще-

гольские белые мундиры и нарядные кирасы из стали, покрытой декоративным латунным листом.

Таким образом, в составе Великой Армии 1812 г. было 20 отборных тяжелых конных полков, закованных в броню. Наполеон был уверен, что с их помощью разгромит противостоящую кавалерию и нанесет сокрушительный удар по пехоте. Именно поэтому министерской инструкцией от 1 февраля 1812 г. строжайше запрещалось «раздергивать» кирасирские полки на генеральские эскорты, использовать их в разведках, выдвигать в стрелки для прикрытия марша основных частей и т. д. Командование должно было как зеницу ока хранить полки и дивизии тяжелой кавалерии на марше и в мелких боях, трепетно о них заботиться, а в генеральном сражении без сожаления бросить их вперед, чтобы всадники в латах, не щадя ни себя, ни своих коней, сломили любого врага.

Для того чтобы лучше беречь кирасир во время похода, каждая кирасирская дивизия из трех полков получила в свое распоряжение по одному полку легкой кавалерии, созданных в 1811 г. шеволежеров-улан * (или, иначе, шеволежеров-пикинеров). Эти полки были созданы, чтобы на походе выставлять караулы, выделять патрули, производить разведку — словом, делать все, для чего не стоило тратить тяжеловооруженных кирасир. Подобно русскому командованию, вооружившему гусар пиками, Наполеон также желал получить больше конницы, снабжённой этим возрожденным видом оружия. Поэтому в 1811 г. шесть французских драгунских полков были названы шеволежерами-уланами, получили новую униформу, пики и усиленно занимались с этим оружием под руководством польских инструкторов. Впрочем, подобно русским гусарам, французские шеволе-

* По-французски *cheveu-légers-lanciers*. *Chevaux* — кони, *légers* — легкие, *lance* — копьё.

жеры не сумели стать ни аналогом польских улан, ни русских казаков и в ходе кампании 1812 г. нигде особенно не отличились.

Зато можно было не сомневаться, что опытные польские уланы Вислинского легиона, преобразованные в 7-й и 8-й полки шеволежеров-улан на службе Франции, прекрасно проявят себя. Так оно и было. Однако маршал Султ, который командовал армией на юге Испании, несмотря на многочисленные приказы, так и не отпустил в русскую кампанию свой самый драгоценный кавалерийский полк — 7-й шеволежерский, сформированный из самых закаленных и покрытых боевыми шрамами старослужащих улан Вислинского легиона.

Ещё бы, ведь слава этих прошедших огонь и воду всадников наполняла врага ужасом. Только 11 мая 1811 г. в кровавой битве под Альбуэрой три эскадрона Вислинских улан в едином порыве просто уничтожили целую английскую бригаду генерала Колборна, захватив пять британских знамён! После этого англичане отдали приказ не брать поляков в плен, а испанцы прозвали Вислинских шеволежеров «адские польские пиконосцы». Ясно, что командующему армии юга не хотелось терять таких бойцов.

В результате в русской кампании принял участие полностью только 8-й полк шеволежеров-улан, который к моменту начала подготовки к походу находился во Франции. А из 7-го в походе на восток принял участие всего лишь один взвод под командованием поручика Богуславского, который догнал армию в конце августа недалеко от Вязьмы, и маршевый эскадрон, сумевший все-таки вырваться в июне 1812 г. из Испании и подошедший навстречу остаткам армии только в декабре 1812 г.

Добавим, что конные егеря, набранные в Гамбурге маршалом Даву, также получили пики вместе с названием 9-й полк шеволежеров-улан.

Кроме этих шеволежеров, с севера Германии в рядах французских войск шел 1-й сводный прусский уланский полк и вестфальский гвардейский шеволежерский полк. Оба этих полка были вооружены пиками. Наконец, в рядах армии императора сражались также саксонский полк шеволежеров-улан принца Клеменса и 1-й и 2-й бергские уланские полки*.

Но все-таки в вопросе пиконосной кавалерии император надеялся прежде всего на поляков. В 1812 г. кавалерия герцогства Варшавского насчитывала в своих рядах 10 уланских полков (из 16 кавалерийских). Это были полки кавалерии, носившие номера 2, 3, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 15, 16-й, великолепные конные части, где владению пикой обучали мастера своего дела.

Наконец, в гвардии состоял 1-й польский шеволежерский полк, бойцы которого виртуозно владели пиками. По его образу и подобию был создан и 2-й шеволежерский уланский полк, однако его сформировали из бывшего полка гвардии Голландского королевства. Голландские уланы своим печальным примером доказали то же, что и русские гусары, вооруженные пиками: пика — это оружие только для того, кто умеет хорошо ею владеть. Голландские уланы были не раз биты.

Несмотря на этот последний неудачный пример, обращает на себя внимание то, что в наполеоновской армии впервые было собрано такое огромное количество кавалерии, вооруженной пиками, — 25 уланских и шеволежерских полков. Наполеон надеялся, что на аванпостах уланы смогут противостоять казакам, грозные пики которых

* Обычно считается, что в рядах Великой Армии был только 2-й бергский уланский полк, а 1-й находился целиком в Испании. Подробное расписание Великой Армии, хранящееся в военном архиве Франции, показывает, что в гарнизоне Данцига находился отряд полка численностью в 426 чел. строевых.

деморализующе воздействовали на французских кавалеристов, а в больших сражениях помогут кирасирам прорывать неприятельские каре.

Однако император обращал внимание не только на оружие атаки, но и предусмотрительно заботился обо всех мерах, необходимых для обороны. Несмотря на сосредоточение гигантских масс войск, продолжались работы по укреплению Модлина, Замостья и предместных укреплений на Висле. В письме из Парижа своему начальнику штаба маршалу Бертье император писал: «Если русские не сделают никаких движений, мы должны оставаться на месте, привести в порядок Мариенбург, пополнить запасы Торна, Данцига и не двигаться, так как мы находимся в состоянии мира. Я хотел бы, чтобы мы так дожили до мая. Однако, если русские объявят войну, князь Экмюльский (*Даву*) должен подтянуть баварцев к Торну, предупредить герцога Эльхингенского (*Нея*), что он должен двигаться на Познань, а герцога Реджио (*Удино*) — что ему необходимо двигаться на Вислу»⁸¹.

Как известно, никакого наступления русской армии не началось, и французские корпуса, отдохнув, продолжили выдвижение вперед. К началу мая вся Великая Армия развернулась на рубеже Вислы. 26 мая Наполеон отдает распоряжение форсировать реку и продвигаться вперед к границам Российской империи.

В результате 31 мая 1812 г. Великая Армия развернулась на 400-километровом фронте от Кенигсберга до Люблина.

На крайнем левом фланге у Кенигсберга стояли войска прусского контингента, составившего основу будущего 10 корпуса.

1-й корпус маршала Даву располагался от Эльбинга до Мариенбурга,

2-й корпус Удино — в районе Мариенвердера,

3-й корпус Нея — перед Торном,

Развёртывание сил Великой Армии (31 мая 1812 г.).
Русские войска на карте не показаны

4-й корпус Евгения Богарне развернулся между Липно, Плоцком и Вышгородом,

6-й корпус Сен-Сира находился вместе с войсками 4 корпуса у Плоцка,

5-й корпус Понятовского располагался от Модлина до Варшавы,

8-й корпус Вандамма — у Варшавы,

7-й корпус Рейнье находился неподалеку от Пулав (к западу от Люблина).

Сверх того, в 100 км южнее, в районе Львова (Лемберга), отдельно от общей массы войск находился австрийский корпус, уже вошедший в боевую линию. С учётом этих сил фронт развёртывания достигал 500 км.

Корпуса резервной кавалерии, выдвинув часть лёгкой конницы в авангарды, продвигались позади пехотных корпусов: 1-й кавалерийский корпус шёл вслед за войсками Даву, 2-й кавалерийский корпус — вслед за Неем, 3-й кавалерийский корпус — позади группировки принца Евгения, наконец, 4-й кавалерийский корпус продвигался вслед за правофланговой группировкой.

Императорская гвардия шла немного позади общего фронта, её полки двигались на Торн, следуя тем самым за правым флангом ударной левофланговой группировки. Генеральная квартира располагалась в Познани.

В это время Великая Армия достигла пика своего могущества. Ее общую численность в эти дни приводят почти во всех исторических произведениях, посвященных войне 1812 г., — 678 тысяч человек при 1272 орудиях. Действительно, эти сведения позаимствованы из знаменитой работы барона Денние, инспектора по смотрам Великой Армии. Его мемуары были опубликованы в 1842 г., и данные в них приводятся в соответствии с документами, копиями которых, вероятно, располагал Денние.

В архиве французского министерства обороны хранятся документы под номерами 2С 700 и 2С 701, где приводятся подробнейшие боевые расписания Великой Армии, предназначенные, видимо, лично для императора. В них представлены результирующие цифры, очень близкие к хорошо известным нам по работе Денние данным.

Наиболее полным является расписание 2С 701, результирующие данные из которого приведены в Приложении № 2. Документ датирован 1 августа 1812 года, однако эта датировка не имеет почти никакого отношения к его содержанию, так как перед расписаниями большинства всех корпусов стоит дата 15 июня. Некоторые датируются 15 мая, 5, 7, 8, 9-й и гвардия представлены сведениями на 1 июля, и только резервный 11-й корпус представлен на 15 июля, что позволяет, впрочем, лучше оценить боевой потенциал армии, ибо резервные части достигли задуманной численности только к середине лета.

Общая численность армии по этому боевому расписанию — 644 024. В рапорт не был включён австрийский корпус; если прибавить его количественный состав к числу из таблицы, то получится 674 тыс., что уже почти точно совпадает с данными Денние. Наконец, если мы укажем, что в расписании имеются заметки, сделанные другими чернилами, которые дают ещё несколько тысяч солдат и офицеров, идущих на соединение с армией, можно будет констатировать, что классическая цифра Денние 678 тыс. солдат и офицеров практически идеально точна.

Итак, казалось бы, можно сделать вывод, что Наполеон обладал по отношению к русским войскам, собранным на границе, если не трехкратным, то уж по меньшей мере двукратным превосходством. Обычно в русских исторических сочинениях так и пишется. Авторы приводят, как уже упоминалось, численность трех Западных армий (без нестроевых): 210—215 тысяч человек и тотчас же со-

общают, что Наполеон двинул против них 678 тысяч солдат.

Это и есть тот лукавый способ подсчета, о котором уже мы писали. Если считать, что в Великой Армии было 678 тысяч человек, то численность русских войск, противостоящих ей, нужно оценивать не менее как в 600 тысяч!

Почему? По той простой причине, что 678 тысяч — это не численность войск, которые могли быть задействованы в начале кампании, а общее количество всех военнослужащих, административно относящихся к Великой Армии, расквартированных на территории Германии и великого герцогства Варшавского, включая, в частности, 41 372 раненых, которые лежали в госпиталях! В общее расписание входят и гарнизоны Гамбурга, Данцига, Кюстрина, Штеттина, Глогау, Штральзунда, Магдебурга, которые, естественно, никоим образом не выступили в поход.

Здесь же учитываются такие резервные формирования, как датская дивизия, которая занималась охраной берегов, 31-я дивизия, которая не двинулась с места, 33-я дивизия, только частично принявшая участие в самых последних событиях войны. Кроме того, здесь посчитаны и такие удалённые депо, как кавалерийское депо в Ганновере; наконец, в результирующее число входят и 27 407 солдат и офицеров, находящихся на марше, подчас у берегов Рейна! Словом, учитываются не только те соединения, которые шли далеко позади и присоединились к армии уже во время ее отступления, но и те, которые вообще не приняли никакого участия в войне 1812 г.

Если в качестве потенциальных участников боевых операций считать солдат гарнизона Гамбурга, отстоящего от границ Российской империи более чем на 1300 км, то в численность русских войск, собранных для войны с Наполеоном, следует включить не только Дунайскую армию Чичагова, но и гарнизоны Риги, Петербурга, Москвы и даже

Выборга, Симферополя, Воронежа, Костромы, Вологды и т. д. Словом, практически все вооруженные силы России, за исключением тех 20—30 тысяч человек, которые были так или иначе задействованы в боевых операциях против персов, и тех немногих, которые находились на Урале и в Сибири. Более того, мы должны считать и тех, кто потенциально мог быть в самом скором времени задействован для предстоящей войны. С этой точки зрения, казак, который лежал дома на печи где-то под Новочеркасском, мог куда быстрее быть поставлен в строй и добраться до мест будущих боев, чем французский новобранец из кавалерийского депо в Ганновере!

Потому, если мы хотим оценить реальное соотношение сил в начале войны, нам нужно считать только войска обеих сторон, которые приняли участие в первых боевых операциях или потенциально могли это сделать. Говоря о русской армии, мы оценили численность войск, сосредоточенных на границе с ближайшими резервами, в 340 тысяч человек. Реально в боевых действиях против этих сил примут участие 10 корпусов Великой Армии (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10-й и австрийский), вся резервная кавалерия и Императорская гвардия. Эта группировка на момент начала боевых действий насчитывала в своих рядах около 440 тысяч человек.

Таким образом, видно, что Наполеон обладал серьезным превосходством в силах, тем более что почти все части его ударной группировки имели боевой опыт, в то время как в указанные 340 тысяч русских войск входили наряду с лучшими полками России и слабые резервные формирования, составленные из никогда не нюхавших пороха новобранцев.

В то же время понятно, что реальное численное превосходство Великой Армии было очень далеко от тех фантастических цифр, которые можно встретить в исторической литературе. Более того, так как боевые действия в конечном итоге разворачивались на территории Российской им-

перии, в русскую армию несравненно быстрее прибывали пополнения, и скоро всякое численное превосходство наполеоновских войск начисто исчезло. Но об этом разговор пойдёт в следующей части книги.

Кстати, читатель уже, очевидно, обратил внимание на то, что мы довольно редко употребляли словосочетание «французская армия», чаще говоря либо о войсках Наполеона, либо используя термин «Великая Армия». Действительно, силы, которые Наполеон привёл к границам Российской империи, никак нельзя назвать французскими войсками. Архивное боевое расписание, которое мы обработали, наглядно демонстрирует, что в рядах Великой Армии кроме французов были:

- поляки — 78 820 человек,
- итальянцы * — 22 072,
- немцы:
 - саксонцы — 26 720,
 - вестфальцы — 29 733,
 - баденцы — 6521,
 - гессенцы — 8447,
 - вюртембергцы — 13 155,
 - баварцы — 29 038,
 - бергцы — 4596,
 - пруссаки — 19 494,
 - уроженцы мелких немецких княжеств: 10 024,
 - испанцы — 3722,
 - португальцы — 5740,
 - швейцарцы — 9532,
 - хорваты — 3732,
 - далматинцы — 1992,
 - иллирийцы — 2886,
 - датчане — 12 610,

* Уроженцы Итальянского королевства, север Италии.

неаполитанцы — 7987,
австрийцы — 30 000.

Итого: 326 821 * солдат нефранцузского происхождения и 347 203 француза. На самом деле иностранцев, если говорить не юридически, а фактически, в Великой Армии было еще больше. Как уже упоминалось, в этот период времени 25,6% «французских» солдат были уроженцами новых департаментов, то есть родились в Амстердаме, Турине, Гамбурге, Риме, Генуе или Брюгге; многие из них до поступления на службу даже не говорили по-французски. Неслучайно поэтому в инструкции, данной маршалом Даву для «смешивания» батальонов старых солдат с батальонами новобранцев, говорилось: «Необходимо позаботиться о том, чтобы солдаты, говорящие по-французски, были смешаны с теми, которые не говорят на этом языке»⁸².

Иначе говоря, если учитывать указанные 25,6%, получится, что еще 88 884 человека (из 347 203) не были французами. В результате иностранцев в Великой Армии было практически $\frac{2}{3}$, а именно 64,6% (415 705 из 674 024).

Офицер полка Молодой гвардии Бургуэн, вспоминая о своей части в начале русской кампании, написал: «Во французских полках был обычай: для того чтобы скрасить монотонность долгих маршей, петь все песни, которые помнили солдаты и офицеры. Каждый край привносил что-то свое. Спетое один-два раза запоминали все... В нашей части песни Лангедока, Прованса и Пикардии соседствовали с песнями Парижа, Пьемонта и всех других областей империи — ибо в 5-м тиральерском, как и в других полках императорской армии, служили „французы“ из Генуи и Амстердама, Майнца и Эрфурта, здесь пели на всех языках и на всех наречиях...»⁸³

* Разумеется, все эти числа с точки зрения математики правильно было бы округлить, так как ни одно из них не является точным.

Было бы глубоко ошибочным представлять эту массу иностранных войск как нечто подобное полчищам Ксеркса (в изображении древнегреческих историков, конечно), где многочисленные разноплеменные толпы опасливо шли в бой, повинувшись бичам надсмотрщиков. Наполеон дал своей армии такой мощный импульс, настолько заставил поверить в себя солдат и офицеров всех наций Европы, что вперед с энтузиазмом шли не только поляки, которых вела в бой идея национального освобождения. Рука об руку с ними сражались итальянцы и немцы, швейцарцы и даже испанцы и португальцы, оказавшиеся в рядах Великой Армии.

Вот как ярко и точно описал в своем дневнике итальянский офицер Цезарь Ложье настроения в среде итальянских солдат накануне войны 1812 года: «На этом походе царит радость и веселье (*sic!*); итальянским войскам присуще в высшей мере самолюбие, рождающее чувство собственного достоинства, соревнования и храбрость. Не зная, куда их ведут, солдаты знают, что идут они в защиту справедливости; им даже неинтересно разузнавать, куда их именно отправляют... Одни своими безыскусственными и грубоватыми рассказами, своим философским и воинственным видом приучают других к стоицизму, учат презирать страдания, лишения, самую смерть: они не знают другого божества, кроме своего повелителя, другого разума, кроме силы, другой страсти, кроме стремления к славе.

Другие — этих больше всего — не имея той грубости, которая не подходит пахарю, ставшему солдатом, столь же добродушны, но поразвитее и пускают в ход патриотизм, жажду славы. И все это уравнивает дисциплина, пассивное повиновение — первая солдатская добродетель...

Соревнование наше еще более возбуждается, когда мы узнаем о славных подвигах наших товарищей по оружию в Испании, и каждый из нас тревожно ожидает, когда же наступит момент, и мы сравняемся с ними, а то и превзойдем

их. Да и полки, которые мы встречаем по дороге, не менее электризуют нас рассказами о геройских подвигах в последних походах...»⁸⁴

Мы еще неоднократно будем говорить о той отваге, с которой дрались представители всех наций Европы, однако, вне всякого сомнения, подобная армия была более хрупкой, чем войска, составленные из солдат одной нации. Полки разных народов Европы объединяла и держала вместе вера в звезду императора, в его справедливость и в его несомненную победу. Пока это было так, солдаты всех наций отчаянно шли в бой, соревнуясь между собой в отваге. Но когда поход обернется катастрофой, естественно, что поведение многих иностранных частей будет отличаться от куда более преданных Наполеону французских полков. Хотя и здесь следует сделать оговорки, особенно учитывая, что многие польские солдаты и офицеры до последнего вздоха остались верны императору.

Конечно, нет сомнений в том, что было бы лучше набрать армию, например, из одних французов и поляков. Но у Наполеона не было такой возможности. При той стратегии, которую он выбрал, императору требовалось значительное численное превосходство, а его, с учетом испанской войны, можно было добиться только за счет привлечения огромной массы иностранных контингентов.

И последнее. Исходя из той же стратегии мощного короткого удара, Наполеон увеличил ряды пехотных и кавалерийских полков до почти чрезмерного количества. Очевидно, что такие части, в которых было много новобранцев, должны были оказаться, подобно иностранным полкам, не слишком стойкими к лишениям долгого марша. Но именно на отсутствие подобных маршей и была сделана ставка. Император не сомневался, что все решится в первые дни кампании. Будь то на западном берегу Немана или на восточном, но все произойдет почти сразу. Здесь, на гра-

нице, по его мнению, должна была состояться грандиозная битва, которая решила бы участь либо империи Александра, либо империи Наполеона. В этой битве, конечно, оказались бы правы большие батальоны, большие кавалерийские полки и большие батареи.

Не следует забывать, что особенности тактики начала XIX века были таковы, что при хороших командных кадрах солдату, стоявшему в сомкнутом строю, достаточно было иметь только добрую волю и храбрость. В подавляющем большинстве случаев все делали офицеры и унтер-офицеры, которые отдавали приказы, обрамляя строй солдат слева, справа и сзади. Недаром слово «кадры», по-французски «cadres», означает «рамка», то есть то обрамление, внутри которого, словно окантованный рамкой, стоял сомкнутый строй. Эти «рамки» были у Наполеона великолепными: молодые, но опытные офицеры, закаленные в боях унтер-офицеры, и все это под командой решительных, прошедших огонь и воду генералов.

Для боя следовало всего лишь увеличить численность солдат. Что и было сделано императором, начальником штаба и маршалом Даву, создавшими огромные батальоны и огромные полки. Подобная армия совершенно не предназначалась для длительного похода. Если бы император с самого начала планировал поход на Москву или Петербург, он бы делал ставку на выносливость и закаленность старослужащих. Но он был уверен, что идти далеко не придется, а для одной-двух решительных битв новобранцы и иностранные полки окажутся ничуть не хуже, чем части, составленные из опытных французских солдат.

Вне всякого сомнения, Наполеон заблуждался, ибо мы знаем, какая война ждала его на восточном берегу Немана. Но тогда ни он, ни русские, ни французские генералы знать этого никак не могли...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Милютин Д. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. СПб., 1857, т. 1, с. 80.
2. Столетие Военного министерства 1802—1902. СПб., 1903, т. 4, ч. 1, кн. 2, отд. 2, прил. 1, с. 9.
3. Богданов Л. П. Русская армия в 1812 году. М., 1979, с. 66.
4. Archive Nationale, 31 AP 9 dossier 39, Notes sur l'Armée Russe et sur sa formation, par Paultres, chef d'escadron, aide-de-camp du général Hédouville.
5. Рукописный отдел РНБ, Фонд 568, 3, Долгорукий И. М. Воспоминания, 1809, с. 15—16.
6. Archive Nationale, 31 AP 9 dossier 39, Notes sur l'Armée Russe et sur sa formation...
7. Шведов С. В. Комплектование, численность и потери Российской Армии в Отечественной войне 1812 года. Дис. канд. ист. наук: 07.00.02: Саратов, 2005, с. 267.
8. Там же, с. 45.
9. Столетие Военного министерства 1802—1902...
10. Соколов О. В. Армия Наполеона. СПб., 1999, с. 62.
11. Цит. по: Ульянов И. Э. Регулярная пехота 1801—1855. М., 1997, с. 10.
12. Ланжерон А. Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II. Состав и устройство русской армии.— РС, 1895, т. 83, № 3, с. 148—149.
13. Там же, т. 84, № 5, с. 199—200.

14. Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-Учёного Архива Главного Штаба. Отдел I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. СПб., 1900, т. 4, с. 179.
15. Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА..., т. 1, ч. 1, с. 80.
16. Рукописный отдел РНБ, Ф 73 № 275 Langeron. Journal des campagnes faites au service de la Russie... t. 5, p. 45.
17. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978, с. 114.
18. Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА..., т. 1, ч. 1, с. 53.
19. Остен-Сакен Д. Е. Отрывок из летописи Елисаветградского гусарского полка. — Военный сборник, 1870, № 10, с. 245.
20. Цит. по: Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века... с. 370.
21. Archive Nationale, 31 AP 9 dossier 39, Notes sur l'Armée Russe et sur sa formation...
22. Цит. по: Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века... с. 372.
23. Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА..., т. 1, ч. 1, с. 54.
24. Там же.
25. Остен-Сакен Д. Е. Указ. соч., с. 243.
26. Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА..., т. 1, ч. 1, с. 90—91.
27. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 4, с. 401.
28. Наставление господам пехотным офицерам в день сражения, 1812 г.
29. Там же.
30. Там же.
31. Баиов А. Курс истории русского военного искусства. Выпуск VII. Эпоха императора Александра I. СПб., 1913, с. 123.

32. Федоров В. Г. Вооружение русской армии за XIX столетие с атласом чертежей..., СПб., 1911, с. 382.
33. Там же, с. 385.
34. Мартенс. Из записок старого офицера // Р. С., 1902, № 1, с. 106.
35. Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА..., т. 4, с. 284.
36. AF IV 1699/1. Rapport d'Albert de Watteville, 16 juin 1810.
37. Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА..., т. 2, с. 194.
38. Целорунго Д. Капитан N, портрет русского офицера 1812 г. // Родина, 1992, № 6—7.
39. Целорунго Д. О бедном гусаре замолвите слово... // Родина, 8/2002, с. 31.
40. Там же.
41. Рукописный отдел РНБ, Фонд 775 № 4860. Волконский Д. М. Дневник. 1801—1832.
42. Волконский Д. М. Дневник. 1812—1814. // 1812 год... Военный дневники, М., 1990, с. 132.
43. Муравьев Н. Н. Записки // Цит. по: Ивченко Л. Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года.
44. Столетие Военного министерства 1802—1902... т. 10, с. 148—149.
45. Бутурлин Д. История нашествия Наполеона на Россию в 1812 году. СПб., 1837, с. 84—86.
46. Записки А. П. Ермолова. 1798—1826 гг. М., 1991, с. 124.
47. Шведов С. В. Комплектование, численность и потери Российской Армии в Отечественной войне 1812 года. Дис. канд. ист. наук: 07.00.02: Саратов, 2005.
48. Митаревский Н. Ф. Рассказы о войне 1812 года. Записки молодого артиллерийского офицера. М., 1878, с. 22.
49. Клаузевиц. О войне. М., 1936, т. 1, с. 177.
50. Desboeufs Ch. Souvenirs du capitaine Desboeufs. P., 1901, p. 55.
51. Ibid, p. 71.

52. Ravy D. Journal d'un engagé volontaire pendant les campagnes de 1805, 1806 et 1807 // Histoire d'un régiment. La 32 demi-brigade (1775—1890), p. 147.
53. Fantin des Odoards L.-F. Journal du général Fantin des Odoards. Etapes d'un officier de la Grande Armée, 1800—1830. P., 1895, p. 194—195.
54. Soldats d'Iena et d'Auerstaedt // Carnet de la Sabretache. 166, oct. 1906, p. 612.
55. Roguet F. Mémoires militaires du lieutenant-général comte Roguet, colonel en second des grenadiers a pied de la Vieille Garde. P., 1862—1865, t. 3, p. 226.
56. Gonneville A.-O. de. Souvenirs militaires. P., 1875, p. 203.
57. Цит. по: Girod de l'Ain J.-M.-F. Dix ans de souvenirs militaires de 1805 a 1815. P., 1873, p. 33—34.
58. Цит. по: Thoumas C.-A. Les Grands cavaliers de l'Empire. P., 1890—1892, t. 2, p. 331.
59. Brack F. de. Avant-postes de cavalerie légère. P., s. d., p. 66.
60. Martin J.-F. Souvenirs d'un ex-officier. P., 1867, p. 498.
61. Fée A.-L.-A. Souvenirs de la guerre d'Espagne dite de l'indépendance (1809—1813). P., 1856, p. 168.
62. L'Officier français des origines à nos jours. Sous la direction de C. Croubois. Saint-Jean-d'Angély, 1987, p. 147.
63. Foy M.-S. Histoire de la guerre de la Péninsule. Bruxelles, 1827, t. 1, p.71—72.
64. Margueron... Op. cit., t. 3, p. 37—48.
65. Ibid, p.37.
66. Houdaille J. Pertes de l'armée de terre sous le Premier Empire, d'après les registres matricules // Population. Revue bimestrielle de l'institut national d'études démographiques. Janv., Fevr. 1972 1, p. 45.
- Соколов О. В. Армия Наполеона. СПб., 1999, с. 66.
67. Pijeard A. Armée napoléonienne. Paris, 1993, p. 305.
68. Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА..., т. 4, вкладка между с. 264—265.
69. Там же, с. 272.

70. Tulard J. Histoire de Paris.
71. Brandt H. von. Souvenirs d'un officier polonais. Scenes de la vie militaire en Espagne et en Russie (1808—1812). P., 1877, p. 217, 219.
72. Margueron... Op. cit., t. 3, p. 78—79.
73. Dufour. Guerre de Russie 1812. Biarritz, 2007, p. 117.
74. Correspondance de Napoléon.
75. Archives Nationales 123 AP 5.
76. Цит. по: Vandal A. Napoléon et Alexandre I... t. 3, p. 327.
77. Le maréchal Oudinot, duc de Reggio d'après les Souvenirs inédits de la maréchale par Gaston Stiegler. P., 1894, p. 152—153.
78. Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-Учёного Архива Главного Штаба... т. 10, с. 91, 104.
79. Archives Nationales AF IV 119.
80. SHD 2 C 701.
81. Correspondance de Napoléon... t. 23, p. 339—340.
82. Margueron... Op. cit., t. 3, p. 81.
83. Bourgoing P.-C.-A. de. Souvenirs militaires du Baron de Bourgoins (1791—1815). P., 1897, p. 133.
84. Laugier C. de. La Grande Armée. Récits de Césaire de Laugier, officier de la garde du prince Eugene. P., s. d., p. 10.

ГЛАВА 12

Европа и Россия перед битвой

«Никогда праздники не были столь блистательными, как в эту зиму 1812 г. Балы и торжества следовали один за другим, и казалось, перекрывали своим веселым шумом подготовку к самой большой войне,— записала королева Гортензия в своих воспоминаниях и далее безапелляционно добавила: — Франция была счастлива»¹.

Действительно, никому в то время и в голову не могло прийти, чем обернется для наполеоновской империи война, которая вскоре должна была разразиться. Но что переживала, что чувствовала страна в эти месяцы, предшествующие грандиозному походу? Была ли она действительно счастлива?

Если почитать рапорты русских послов и особенно вездесущего Чернышёва, то вся империя только и делала, что изнывала под гнетом и мечтала о том, чтобы иностранные войска вступили в Париж и освободили страну от кровавого деспота. Русский агент, не по годам зрелый молодой человек, знал, что хочет читать его повелитель, поэтому передавал настроения страны настолько же извращенно, насколько верно копировал боевые расписания французских войск. Если что-то и было записано им правильно, так это брюзжание старых аристократок, вернувшихся из эмиграции и с раздражением видящих обновленную Францию. Однако, если бы Чернышёв спросил мнение 22 миллионов

французских крестьян, которые составляли $\frac{2}{3}$ населения Франции (в старых границах), он, наверно, услышал бы совсем другое.

Для тех, кто работал на земле своими руками, император означал гарантию того, что свергнутый феодализм уже не вернется. За время революции и империи в стране появилось полмиллиона новых земельных собственников, которые отныне составляли стеновой хребет экономики и государства. Во Франции навсегда исчез смертельный голод, который время от времени возникал при Старом порядке вследствие природных бедствий и неурожаев. Это не значит, конечно, что французская деревня мгновенно стала сказочно богатой, но что не вызывает ни малейшего сомнения, так это действительно качественный скачок в положении народных масс, который невозможно отрицать.

Консервативный крестьянский мир мало интересовали вопросы свободы самовыражения, зато очень занимала проблема земельной собственности, а залогом сохранения этой собственности был режим империи. Жан-Антуан Шаптал, министр внутренних дел с 1801 по 1804 г., а позже сенатор, писал: «Можно было бы подумать, что система конскрипции и большие налоги должны были бы вызвать резко отрицательное отношение крестьян к императору, но это было бы ошибкой. Самые его горячие сторонники были в деревне, ибо он был гарантией того, что безвозвратно ушли в прошлое феодальные повинности, десятина, засилье сеньора, и, наконец, то, что земли эмигрантов навсегда остались за их новыми хозяевами»².

Как это ни удивительно, но Наполеон пользовался огромной популярностью не только у крестьян, но и у рабочих. Очень часто, говоря о положении рабочих, отмечают, что при Наполеоне сохранялся закон Ле Шапелле (1791 г.), который вводил рабочие книжки и запрещал объединения рабочих. Действительно, полиция эпохи империи стреми-

лась не допускать забастовок, однако та же самая полиция бдительно следила за тем, чтобы предприниматели не ущемляли права рабочих, и неоднократно становилась на сторону последних. Конскрипция, забирая в армию более трети молодых мужчин, сделала так, что для предпринимателей рабочие руки становились все более и более ценными. Империя не знала безработицы. Средняя дневная заработная плата рабочего в Париже достигала 3—4 франков, иначе говоря, была близка к жалованью суб-лейтенанта. Квалифицированный же рабочий в Париже мог получать до 7 франков в день! Не случайно поэтому рабочие были одними из самых горячих сторонников империи, и еще долго после возвращения к власти Бурбонов людей в рабочих предместьях будут арестовывать за крамольные крики: «Да здравствует Император!»

Победы и слава императора льстили патриотическим чувствам народных масс, но не только. «Его симпатии были искренне на стороне простых людей: крестьян, солдат, ремесленников, рабочих,— писал выдающийся историк эпохи империи Луи Мадлен,— они угадывали ее и платили ему той же симпатией»³.

«Я был не только, как говорили, императором солдат, я был императором крестьян, императором простых людей, всей Франции,— вспоминал Наполеон на острове Святой Елены.— Я вышел из рядов народа, мой голос отвечал его гласу. Вы видели этих новобранцев, детей крестьян... Я не льстил им, я обращался с ними порой сурово, но они от этого не любили меня меньше, они были до конца рядом со мной, они кричали „Да здравствует император!“»⁴

Что касается элит, их одобрение было не столь однозначным. Промышленная буржуазия в основном горячо поддерживала режим империи, а торговая, в связи с континентальной блокадой и многочисленными затруднениями для коммерции, вызванными войнами, естественно, отно-

силась к империи скорее прохладно. Однако в общем и целом, несмотря на то, что капиталисты отрицательно восприняли испанскую войну, пока успех был на стороне императора, последний мог не сомневаться, что буржуазия на его стороне.

Старая аристократия частично продолжала фрондировать, что давало хорошую пищу для рапортов Толстого или Чернышёва. Однако успехи императора и блеск его двора все более и более привлекали старую знать. Граф д'Оссонвилль вспоминал, что его дед, закоренелый роялист, узнав о блистательной победе Наполеона над пруссаками, воскликнул: «Какой человек, какой человек! Как жаль, что он не законный монарх!»⁵ После брака с Марией-Луизой значительная часть даже самой старой и знатной аристократии поспешила присоединиться к системе. Что уж говорить, если даже виконт де Нарбонн, выходец из одной из самых знатных семей старой Франции, внебрачный сын короля Людовика XV, занимавший при Людовике XVI пост военного министра, рассматривал за честь стать генерал-адъютантом императора.

Однако не эти, даже самые лучшие представители старой знати определяли отныне облик страны и, хотя эти люди составляли во многом придворный штат, они не были главной элитой империи. Император желал вознаградить тех, кто жертвуют собой на службе стране. Наполеону удалось создать такую систему, при которой если и не каждый власть имущий был достойным человеком, то, по крайней мере, именно достойные люди определяли стиль поведения, нравы и ценности общества.

Перси, один из выдающихся хирургов того времени, добившийся славы, денег и высокого положения в системе официальной иерархии, записал в своем дневнике, который он вел лично для себя: «Небо благословило мою деятельность. Я старался выполнять мой долг как честный

гражданин, без интриг, без способств, недостойных порядочного человека. И я сделал свою карьеру... Получилось, что, занимаясь людьми малыми в этом мире, я добился внимания великих»⁶.

В обществе, созданном Наполеоном, во главу угла были поставлены прежде всего воинские добродетели — отвага, самопожертвование, воинская честь. В этих добродетелях император видел нечто большее, чем необходимые качества воинов-профессионалов. В воинском, рыцарском духе император искал моральный стержень общества.

Император решительно отвергал буржуазный социум, где ценность человека определяется только количеством денег на его банковском счете. «Нельзя, чтобы знатность происходила из богатства, — говорил он Рёдереру, видному политическому деятелю эпохи Республики и Империи. — Кто такой богач? Скупщик национальных имуществ, поставщик, спекулянт, короче — вор. Как же основывать на богатстве знатность?»

Одновременно, уважая традиции старого дворянства, император не считал, что достаточно происходить из знатного рода, чтобы иметь право на власть и почести. «Вы дали себе труд родиться, только и всего», — мог повторить Наполеон вслед за Фигаро, обращаясь к старой аристократии. По его мнению, происхождение из древней знатной семьи было хорошей форой для молодого человека, но не более.

Кровь, пролитая на поле сражения, самопожертвование во имя общего блага, воинская честь — вот что должно было, по мысли императора, стать основой для новой элиты. В обществе Старого порядка воинская элита сформировалась в незапамятные времена. Она стала чисто наследственной, и, признавая равенство всех людей перед Богом, средневековая знать и вельможи XVI—XVII вв. образовали замкнутую касту, почти непроницаемую для простолюдинов. Наполеон дал шанс вернуться к истокам и открыл воз-

можность для всех без исключения тяжелыми ударами меча выковать свой дворянский герб.

«Когда кто-нибудь испрашивал у императора милость, будь то на приеме или на воинском смотре, он обязательно задавал вопрос просителю, был ли тот ранен? Он считал, что каждая рана — это часть дворянского герба. Он почитал и вознаграждал подобную знатность»⁷, — написал в своих мемуарах генерал Рапп. Сам осыпанный почестями отважный воин мог подтвердить своим примером этот максим. Он всегда шёл первым в самое пекло боя и был ранен 23 раза!

«Действительно благородным является тот, кто идет под огонь, — совершенно однозначно высказался император в разговоре со своим адъютантом Гурго. — Я отдал бы мою дочь за солдата, но никогда — за администратора... Я могу любить только воинов»⁸. «Быть офицером — это значило тогда быть знатным, перед воинским мундиром все склонялось, и перед воинской славой меркло все остальное...»⁹ — отмечал другой мемуарист.

Император старался сделать так, что воинская слава затмевала все остальное. Самопожертвование людей во имя отечества и общего блага должны были восславить художники и скульпторы, композиторы и музыканты, писатели и поэты. Мало того что достойного воина щедро вознаграждали, эту награду стремились преподнести так, чтобы поднять человека в его собственных глазах, заставить его почувствовать ответственность и проникнуться желанием совершить еще большие подвиги.

Вручая контр-адмиралу Верюэлю награду за удачный морской бой против англичан, Наполеон сказал: «Ваши блистательные заслуги, господин контр-адмирал, вызывают восхищение всех французов. Вы отбросили вражеские эскадры, как достойный преемник славы Дюге-Труэна и Рюйтера. Примите же от имени Победы лавры, которые заслужили ваша доблесть и ваше мастерство».

Если же герой погибал в бою, то император стремился воздать ему наивысшие почести. Когда тело маршала Ланна, павшего в битве под Эсслингом, привезли в Париж, по приказу императора была устроена такая пышная церемония, какой Париж еще не знал. Тело маршала везли в Пантеон на огромном катафалке, убранном пучками вражеских знамен, взятых в боях, его эскортировала целая дивизия: генералы и штаб в раззолоченных мундирах, пехота и конница в полном снаряжении, артиллерия с пушками и зарядными ящиками, инженерные войска. Огромный кортеж двигался между рядами всех войск гарнизона, стоявших под ружьем в парадной форме, склонялись знамена, звонили колокола всех церквей Парижа, и, не переставая, раздавался грохот пушек, отдававших артиллерийскими залпами честь герою, погибшему смертью храбрых.

Неслучайно поэтому вся молодежь Франции только и мечтала, что о воинской карьере. На уроках в лицеях и военных школах беспрестанно изучали деяния героев древности, а Плутарх с его «Сравнительными жизнеописаниями» был истине заменителем Библии. «Мысли о воинских подвигах кипели в голове всех молодых людей, — рассказывает капитан Блаз, — а бессмертные свершения нашей армии заставляли биться сердца и наполняли их благородным энтузиазмом»¹⁰.

В такой обстановке несложно вообразить, что слухи о подготовке новой военной экспедиции вызвали не ужас и не обращенные к Наполеону коленопреклоненные просьбы остановиться, а бурный, почти что иступлённый энтузиазм. Все офицеры, все, кто каким-то образом относился к армии, жаждали принять участие в этой «последней войне империи». Да, так ее уже окрестили, эту будущую войну, потому что никто не сомневался, что, закончившись блистательной победой, она приведет к тому, что воцарится всеобщий мир.

Каких только ужасов не найдешь в мемуарах, написанных с высоты знаний о том, что произойдет впоследствии,

о каких только мрачных предчувствиях, сновидениях, знамениях не повествуют авторы! Конечно же, все они осуждали Наполеона за подготовку этого похода, и каждый на своем уровне только и делал, что пытался его удержать...

А вот что можно прочитать в дневнике, написанном 1 марта 1812 г. офицером, который выразил чувства, которые действительно охватывали тогда его и многих подобных ему офицеров: «Я узнал с невыразимым удовольствием, что мои самые пылкие желания сбудутся. Она начнется, эта новая кампания, которая так превознесет славу Франции! Гигантские приготовления завершены, и скоро наши орлы взлетят над теми краями, которых наши отцы не знали даже названия... Мои мысли — это мысли всей армии. Никогда еще она не горела таким нетерпением устремиться навстречу новым триумфам...»¹¹

В то время как французскую армию охватил воинственный пыл, французское общество уже стало уставать от славы, и на приближающуюся войну люди штатские смотрели без особого энтузиазма, хотя и без особой тревоги.

Что касается России, то очень сложно поймать подлинный вектор настроений русского общества. В мемуарах, написанных, разумеется, много лет спустя после войны, мы видим массу свидетельств тревоги, беспокойства, ожиданий надвигающейся грозы, ужас перед приближающимся нашествием и, разумеется, патриотический подъем.

В истории лейб-гвардии Семеновского полка Дирина П. Н. можно найти очень характерное описание этих настроений такими, какими они представлялись уже после войны 1812 г.: «В ясные зимние ночи в глубине морозного синего неба в России появилась комета. Толковники грамотеи из народа объясняли, что это „планида ходит по аэру“, народ же называл ее „хвостатую звезду“, или „звездой с помелом“, и, вздыхая, говорил: „не к добру все это: пометет она землю Русскую!“ Состояние умов было

тревожное; все ждали не то голода, не то мора, но в большинстве общее мнение склонялось к тому, что „быть войне великой!“ ... Само имя Наполеона, озаряемое неизменным блеском кровавых побед, нравственно влияло на умы современников, заключая в себе какое-то безотчетное понятие о безграничной силе, а на темную массу простого народа наводило даже панический ужас, словно бы имя таинственного духа»¹².

Словом, почти что Европа накануне тысячного года, когда люди с суеверным ужасом ожидали конца света! Без сомнения, для художественного эффекта это очень красиво, хотя свидетельства, относящиеся ко времени непосредственно перед войной, куда менее драматичны. Если обратиться к подчас сухим дневникам, самое удивительное, что ничего страшного их авторы обычно не замечали. Конечно, разговоров о войне было немало, ведь одни войска стояли на границе, другие к ней выдвигались. Но об этом говорили больше военные, а гражданское общество?

Среди записок, сделанных накануне войны, дышат непосредственностью строки, написанные Варварой Ивановной Бакуниной (урожденной Голенищевой-Кутузовой), женой гражданского губернатора Петербурга. Вот что записала эта хорошо осведомленная дама в январе—феврале 1812 г.: «Январь... мало перемен, особливо в сравнении прошлогодняго (*с прошлым годом*).

С нетерпением ожидали желанного мира с турками. Надежда на оный казалась основательною по благоразумным распоряжениям М. И. Голенищева-Кутузова и неожиданном успехе во всех его предприятиях противу неприятеля, который, в ужас приведенный, более нас еще желал мира.

6-го числа не было парада Крещенского, но войска не распущены; новый повод к предположению, что ожидают повседневно известия о мире и войска удержаны для торжества.

13-го числа большой парад, день рождения Имп. Елисаветы Алексеевны; каждого пешаго полка гвардии третьяго баталиона арестованы все офицеры, худо маршировали, от того, может быть, что озябли, мороз был пресильный...

Февраль. Слухи о налогах, разнообразные толки, неудовольствие от того, что исчезла надежда к миру (*с Турцией*). Начали поговаривать о войне с французами и пророчить близкий поход гвардии...»¹³

Если обратиться к рапортам французского посла Лористона, написанным в первые месяцы 1812 г., можно также найти сдержанные характеристики настроений Петербурга. Так, 3 февраля 1812 г. посланник пишет: «Французов продолжают везде хорошо принимать». Через день, 4 февраля: «Особого беспокойства не видно, к французам относятся хорошо, с той же любезностью, что и раньше. Даже купцы, которые должны были бы быть довольны, как кажется, опасаются войны». В марте, буквально накануне отъезда Александра к армии, Лористон пишет: «Русские вельможи и большинство генералов не желают войны. Самые враждебно настроенные — это иностранцы на службе России, особенно немцы и шведы»¹⁴.

Настроения русских офицеров накануне войны, пожалуй, лучше всего характеризует поручик артиллерии Радожицкий в своих очень точных воспоминаниях, дышащих полнотой момента, хотя они и были написаны некоторое время спустя. Возможно, у автора была хорошая память, и он был честным человеком. По крайней мере все, что он пишет, вполне соответствует документам того времени: «Мы жили в Несвиже довольно весело и не думали о французах; немногие из наших офицеров между службой занимались политикой. По газетам доходили и до нас кой-какие новости; но мы в шуме своей беззаботливости скоро о них забывали. Один только N (*один из нестроевых офицеров*), как человек грамотный, занимавшийся чтением Священного Писания и Мос-

ковских ведомостей, более всех ужасался Наполеона. Терзаемый призраками своего воображения, он стал проповедовать нам, что этот Антихрист, сиречь Аполлион или Наполеон, собрал великие, нечистые силы около Варшавы, не для чего иного, как именно для того, чтобы разгромить матушку-Россию; что при помощи Сатаны Вельзевула, невидимо ему содействующего, враг непременно полонит Москву, покорит весь Русский народ, а за тем вскоре последует — свтопреставление и страшный суд. Мы смеялись таким нелепостям в досаду N, который называл нас безбожниками; он, не шутя, был внутренне убежден в своем пророчестве и, беспрестанно нюхая табак, уговаривал нас верить ему по совести, причем ссылался на девятую главу Апокалипсиса, где именно сказано о Наполеоне, как о предводителе страшного воинства со львиными зубами, в железных латах и с хвостами, подобными скорпионовым. Разум несчастного грамотея столь сильно поколебался, что когда командировали его по делам службы в Москву, он на пути всем и каждому предсказывал об Антихристе Наполеоне»¹⁵.

Что же касается императора Александра, он четко усвоил и отныне строго следовал намеченной линии внешнего поведения: он не хочет войны, он будущая жертва несправедливой агрессии. Эту позу он принял и для, так сказать, внутреннего, и для внешнего потребления. Лористон докладывал 5 марта 1812 г., что царь сказал ему: «Я объявил, что не хочу войны, я не буду нападать, мои мероприятия только оборонительные». В другом письме Лористон говорит то же самое: «Император повторяет, что он не начнет первым войну». Однако тут же не столь наивный посол, как Коленкур, дополнил: «Впрочем, если он найдет хороший предлог, возможно, он последует за советом генералов и двинется, чтобы разорить герцогство Варшавское, тем самым затруднив наш марш. Моим теперешним мнением является то, что он выждет нападения, но я не могу читать его мысли»¹⁶.

Вся риторика царя была не более чем дымовой завесой. С обеих сторон войска готовились к столкновению, и вопрос стоял только о времени. Если среди русского руководства и был кто-то, кто хотел уладить дело миром и несколько наивно еще надеялся на это, был канцлер Румянцев. Неоднократно он заявлял Лористону, что он надеется, что возможно еще прийти к соглашению и что, «возможно, объяснения произойдут на месте событий... Эти объяснения станут переговорами. Я сказал об этом императору Александру, что, даже когда армии будут стоять напротив друг друга, можно сохранить мир»¹⁷.

В том, что армии должны были в скором времени оказаться поблизости друг от друга, сомнений не было. 2 (14) марта в поход выступили лейб-гвардии Егерский полк, Финляндский полк и Гвардейский экипаж, 5 (17) марта Петербург покинула артиллерия Императорской гвардии, кавалергарды и лейб-гвардии Конный полк, 7 (19) марта отправились в путь лейб-гвардии Измайловский и лейб-гвардии Литовский полки. 9 (21) марта выступили Семеновцы, 10 (22) марта — Преображенцы.

Отъезд царя намечался на 27 марта (7 апреля) 1812 г., однако за 10 дней до его отъезда произошло очень важное событие. Вечером 17 марта выдающийся сановник, фактически второе лицо в государстве после императора, государственный секретарь Сперанский был приглашен в кабинет Александра I к восьми часам вечера. Он вышел оттуда через два часа с лишним, «в большом смущении, с заплаканными глазами». Генерал-адъютант П. В. Голенищев-Кутузов, бывший в тот день дежурным, рассказывал, что «Сперанский при выходе из кабинета был почти в беспмятстве, вместо бумаг стал укладывать в портфель свою шляпу и наконец упал на стул, так что он, Кутузов, побежал за водой. Спустя несколько секунд, дверь из государева кабинета тихо отворилась, и Александр показался на пороге,

Тропинин. М. М. Сперанский
(1772—1839)

видимо растроганный: „Еще раз прощайте, Михайло Михайлович“, — проговорил он и потом скрылся»¹⁸.

Когда Сперанский вернулся к себе домой, его уже ждали начальник полиции генерал-адъютант Балашов и заведующий особой канцелярией тайной полиции де Санглен. Бывшему всемогущему чиновнику едва дали время на то, чтобы собраться и написать прощальную записку царю. Сперанский не стал будить свою двенадцатилетнюю дочь,

лишь перекрестил дверь комнаты, где она спала, и сел в поджидавшую его кибитку. Впереди был долгий путь и ссылка...

За что Александр I безжалостно расправился с человеком, о котором все единодушно утверждали, что он является одним из лучших чиновников? Человеком необычайно разносторонне образованным, трудолюбивым до того, что работал по 17—18 часов в сутки, чуждым всякому стяжательству, коррупции, наконец, человеком, проводившим серию последовательных реформ, направленных на модернизацию русского государства.

Хорошо осведомленный де Санглен рассказывал, что утром 17 марта Александр I так высказался о Сперанском: «Я спрашивал его, как он думает о предстоящей войне и участвовать ли мне в ней своим лицом? Он имел дерзость, описав мне все воинственные таланты Наполеона, советовать, чтобы, сложив все с себя, я собрал Боярскую думу и представил ей вести Отечественную войну. Но что же я такое? Разве нуль?»¹⁹

Сперанский позволял себе достаточно вольно высказываться о способностях Александра I, «выставлял его человеком ограниченным, равнодушным к пользе Отечества, беззаботным, красовавшимся своею фигурою, свиставшим у окна, когда ему докладывали дела...»²⁰ Этого было бы уже вполне достаточно для того, чтобы мстительный, злопамятный император возненавидел талантливого государственного секретаря. Но все-таки это было не единственной причиной. Александру требовалась поддержка консервативных слоев высшего дворянства в будущей войне с Наполеоном. Он должен был всем показать, что порывает с курсом реформ, которые, пусть и очень робко, вступили в противостояние с интересами аристократической олигархии, черпавшей свое богатство в эксплуатации миллионов крепостных.

О том, насколько царь попал в точку, говорит замечательный по своей непосредственной реакции документ, автор которого, уже упомянутая жена петербургского губернатора Бакунина, просто захлебывается от злорадного восторга, рассказывая о падении Сперанского: «Велик день для отечества и нас всех — 17-й день марта! Бог ознаменовал милость свою на нас, паки к нам обратился, и враги наши пали. Открыто преступление в России необычайное, измена и предательство. Неизвестны еще всем ни как открылось злоумышление, ни какия точно были намерения и каким образом должны были приведены быть в действие. Должно просто полагать, что Сперанский намерен был предать отечество и Государя врагу нашему. Уверяют, что в то же время хотел возжечь бунт вдруг во всех пределах России и, дав вольность крестьянам, вручить им оружие на истребление дворян. Изверг, не по доблести возвышенный, хотел доверенность Государя обратить ему на погибель. Магницкий, наперсник его и сотрудник, в тот же день сослан... принята весть с восторгом; посещали друг друга для поздравления, воздали славу и благодарение Спасителю Господу и хвалу

сыну отечества, открывшему измену, но нам неизвестному. Никакое происшествие на моей памяти не возбудило всеобщего внимания до такой степени, как это; все забыто, — одно занятие, одна мысль, один у всех разговор»²¹.

Все это злобное брызгание слюной говорит о том, что российская аристократия была готова стереть в порошок любого, кто хоть отдаленно касался вопроса крепостного права. Ни за что ни про что честнейший государственный деятель назван «изменником», «предателем» и «извергом, не по доблести возвышенным»!!

Сперанский играл в жизни империи столь большую роль, что заменить его во всех его функциях одним человеком не представлялось возможным. Непосредственно должность государственного секретаря передали ультраконсерватору вице-адмиралу А. С. Шишкову, но, уезжая к армии, царь приказал Шишкову последовать за ним, чтобы исполнять обязанности по составлению важных государственных бумаг, а в отсутствие адмирала исполнять обязанности госсекретаря было поручено бывшему помощнику Сперанского А. Н. Оленину.

Обеспечив таким образом «тылы», Александр мог покинуть столицу. Кроме гофмаршала Толстого, царь взял с собой в поездку канцлера Румянцева, шведа Армфельда, главной заслугой которого была лютая ненависть к Наполеону, министра полиции Балашова и, конечно же, «преданного без лести» Аракчеева. Уже хорошо известная нам супруга петербургского губернатора умиленно написала об отъезде Александра: «Простясь с царскою фамилиею, приехал в сопровождении только великих князей в Казанский собор в час пополудни; митрополит служил молебен в путь шествующим с коленопреклонением. Государь плакал и все с ним; по окончании молебствия митрополит благословил Государя, который простился с братьями, поклонился всем и сел в коляску. Несколько десятков тысяч народу, собрав-

шегося на тротуарах перед церковью, закричало „ура“; стоящие на крыльце чиновники и все бывшие в церкви повторили те же восклицания со слезами; Государь скоро ускакал из вида, но народ бежал долго за ним вслед»²².

Всего лишь через пять дней, 14 (26) апреля, в Вербное воскресенье, Александр I во главе огромной свиты подъехал к воротам Вильно. За шесть верст от города его встретил главнокомандующий 1-й Западной армией военный министр Барклай де Толли с огромной свитой из генералов и в сопровождении нескольких эскадронов кавалерии. Непосредственно перед столицей Литвы царь сел на коня и въехал в город под грохот пушек и звон колоколов. На улицах и площадях города с одной стороны была выстроена часть гвардейских полков, навстречу царю вышли представители ремесленных цехов в торжественных одеждах, с хоругвями. Александр I, красиво гарцуя на коне, как всегда любезно улыбался в ответ на приветствия и наконец прибыл в генерал-губернаторский дворец, где его встретили представители литовского дворянства, члены городского совета и руководство Виленского университета.

Первые дни пребывания царя в Вильно были наполнены приемами, балами, празднествами. Александр старался очаровать всех своей любезностью и изысканным обращением. По привычке он особенно старался обворожить знатных красавиц и, вне всякого сомнения, преуспел в этом вопросе.

Представительница старейшего литовского рода, урожденная графиня Софья Тизенгаузен была в числе тех, кого русский царь буквально сразил наповал. Чувствуется, что даже многие годы спустя, когда графиня под фамилией своего мужа Шуазель-Гуфье писала мемуары, она вспоминала о произошедшем так же ярко, как через несколько дней после событий.

Девятнадцатилетняя девушка была под столь сильным впечатлением от встречи с царем, что через много лет она

написала в мемуарах восторженные строки о своем кумире: «Императору Александру было тридцать пять лет, но он казался несравненно моложе... Несмотря на правильность и нежность его очертаний, несмотря на блеск и свежесть его цвета лица, красота его при первом взгляде поражала не так, как выражение приветливости, привлекавшее к нему все сердца и сразу внушавшее доверие. Его благородная, высокая и величественная фигура, часто наклоненная с той грацией, которая отличает позу античных статуй, в то время проявляла склонность к излишней полноте; но он был сложен прекрасно. У него были живые умные глаза цвета безоблачного неба»²³.

С детской непосредственностью она восхищалась и тем, что царь мог проводить много времени за беседой с дамами: «В этом была поистине доброта и изысканность, проводить целые часы за разговором с женщинами о забавных пустяках (!)»²⁴.

Впрочем, хотя говорить о пустяках было действительно в характере Александра, нужно сказать, конечно, что в Вильно он занимался не только этим. Его задачей было попытаться привлечь на свою сторону местные элиты. Александр приглашал к своему столу представителей высшей знати Литвы: князей Сулковских, Любецких, графов Огинских и Корвицких и т. д. Кроме улыбок и любезных речей, тем козырем, который он мог без всякого сомнения использовать в беседах со знатью, было сохранение существующего строя, выгодного для магнатов, надежная гарантия незыблемости крепостного права, а также неприкосновенность дворянских вольностей. Это были доводы, вполне понятные аристократии, и если Александр и не добился большого успеха в объединении вокруг российской короны польско-литовских вельмож, он, вне всякого сомнения, сумел привлечь на свою сторону многих из них, тех, для кого надежность материального благополучия была куда важнее туманных перспектив национального освобождения.

Именно поэтому виленское дворянство во время блистательного бала в честь Александра, данного на Святой неделе, под аккомпанемент оркестра воздавало царю напыщенные дифирамбы. Александр как всегда воспринимал всё с любезной улыбкой и открыл бал торжественным полонезом, предложив руку супруге генерала Беннигсена, урожденной польской баронессе Буттовт-Анджейкович...

Таким образом, внешне между русским царем и польско-литовской знатью установились почти идиллические отношения. Однако сам Александр I, несмотря на свою внешнюю поверхностную увлеченность проявлениями восторга, в деловых документах был не только очень трезв но, более того, просто враждебен полякам. Так, своему министру полиции Балашову царь в это время писал: «Известно, впрочем, что поляки всегда были легкомысленны и ветрены, следовательно, весьма склонны к интригам. Отличительным характером их во все времена было: никогда не быть довольными тем состоянием, в котором находятся, и любить новости, хотя бы они сопряжены были с действительною их невыгодою. Итак, приняв в основание все сии истины, ежели и должно полагать, что, по врожденной ветренности нравов, они желают перемены, то, тем не менее, утвердить можно, что без какой-либо посторонней силы и влияния то же самое легкомыслие их воспретит им дать дальнейшее действие своим замыслам»²⁵.

Однако от виленских проблем вернёмся к общеевропейским...

Накануне своего отправления из Санкт-Петербурга Александр I через канцлера и министра иностранных дел Румянцева послал в Париж ультиматум, обращенный к Наполеону. В этом ультиматуме говорилось следующее: «До тех пор, пока Франция останется на нынешних позициях, наши войска не перейдут границ, но, если главные силы Французской армии переправятся через Одер или аванпосты

на этом берегу реки получают слишком сильные подкрепления, нам придется считать войну объявленной».

Далее указывалось, что Россия готова вести переговоры о нахождении какого-то выхода из сложившегося тупика в отношениях между империями, но «первым и основным условием каких бы то ни было переговоров должно быть данное по всей форме обещание, что немедленным следствием любого соглашения явится: 1) полная эвакуация прусских владений... 2) сокращение гарнизона Данцига (*до той численности, которую он достигал перед 1 января 1811 г.*)»²⁶.

Ультиматум пришел в Париж 24 апреля, в тот день, когда Александр подъезжал к Вильно. Куракин тотчас же вручил документ министру иностранных дел Франции Маре, который, разумеется, незамедлительно передал его императору. Наполеон принял русского посла 27 апреля 1812 г. в 9 утра. После обмена вежливыми фразами Наполеон обрушился на Куракина с гневным выговором. Куракин пытался что-то отвечать, но у него не получилось. Князь записал в своем рапорте, что император горячо восклицал: «...Вы вооружились. Вы заставили меня сделать то же самое. С тех пор я не скрывал от вас, что готовился к бою. Я повторил это много раз, и я специально это прилюдно высказал 15 августа в конце приема, который был дан в Тюильри. Я придал всю возможную публичность моим демаршам. То же самое я объявил полковнику Чернышёву перед его отъездом. И я не скрываю от вас, что теперь у меня все готово, мои войска стоят на Висле. Каким же способом вы собираетесь договориться со мной? Герцог де Бассано сказал мне, что вы хотите, чтобы прежде всего я очистил Пруссию. Это невозможно. Подобная просьба — настоящее оскорбление. Вы приставляете мне нож к горлу. Моя честь не позволяет мне соглашаться на подобные условия. Вы же дворянин, как вы можете мне делать такие предложения?»²⁷

Правда, после гневной речи Наполеон предложил Куракину в том случае, если военные действия уже начались, за-

ключить перемирие и отвести войска на исходные позиции. На что Куракин охотно согласился. Подобное предложение может показаться абсурдным, но дело в том, что оно вытекало из текста ультиматума. В ультиматуме черным по белому было написано, что переход французских войск через Одер будет рассматриваться как объявление войны. С учетом того, что именно в эти дни многие французские дивизии форсировали Одер, вполне можно было предполагать, что русские в соответствии с текстом ультиматума уже начали боевые действия атакой против герцогства Варшавского. Именно поэтому предложение Наполеона было вполне разумным.

Ряд историков вслед за Вандалем отмечают, что Наполеон не мог принять требования ультиматума, состоящие в очищении Пруссии от французских войск. Но с другой стороны, он боялся отказать, так как не хотел, чтобы русские войска перешли в наступление и сорвали тем самым его тщательную подготовку к кампании. Из-за этого ему пришлось прекратить сношения с Куракиным после беседы 27 апреля и искать всяческие предлоги, чтобы не встречаться с русским дипломатом до своего отъезда. Равным образом избегал встреч с Куракиным и герцог де Бассано.

Это действительно так. Но дело в том, что ультиматум требовал не немедленного ухода французов из Пруссии, а лишь **обязательства** того, что, какими бы ни были условия дальнейших соглашений, уход французских войск с прусской территории непременно будет подразумеваться. Если бы Наполеон был хитрым дипломатом, ничто не мешало бы ему подписаться под этой фразой, а потом на переговорах выставить какие-либо неприемлемые для России условия, например передачу герцогству Варшавскому всех земель, отторгнутых Россией от Речи Посполитой, или что-нибудь в этом духе. Так, с одной стороны, он бы выиграл время, обманул бы бдительность своего противника, а с

другой стороны, выполнил бы все формальные условия русского ультиматума и принципы международного права.

Наверно, на его месте Александр I так бы и сделал, но Наполеон был куда более эмоционален и честен. Подобные требования его раздражали, отказываться он считал крайне опасным, а обманывать не хотел. Поэтому он просто-напросто не стал ничего отвечать Куракину.

Впрочем, одновременно Наполеон решает послать на встречу с Александром своего генерал-адъютанта Нарбонна, аристократа и умелого дипломата, о котором уже не раз упоминалось на страницах нашей книги. Причем инструкции, отосланные министром иностранных дел Нарбонну, находившемуся в этот момент в Берлине, были составлены 3 мая, а датированы 25 апреля, той датой, когда Наполеон мог еще не знать о русском ультиматуме.

Миссию Нарбонна обычно рассматривают исключительно как попытку выиграть время и закончить все приготовления, необходимые для начала боевых действий. Однако барон Эрнуф, автор подробного исследования о деятельности Маре, герцога де Бассано, полагает, что миссия Нарбонна ставила перед собой задачу не только затянуть время, провести военную дипломатическую разведку, но и в последний раз попытаться договориться с Александром. Эрнуф ссылается на то, что инструкции для переговоров, данные Нарбонну, были очень подробными и исходили из надежды на положительный результат. Наконец, инициатива посылки переговорщика исходила лично от Маре, а император согласился на посылку Нарбонна с крайней неохотой.

Сложно сказать, насколько миссия Нарбонна ставила задачу разведки, и насколько она была искренней попыткой найти общий язык. Скорее всего, присутствовало и то и другое.

Пока Маре давал последние инструкции последнему предвоенному гонцу, Куракин настаивал, чтобы ему дали

четкий ответ. И 8 мая он объявил, что всякая новая отсрочка вынудит его уехать из Парижа, потому он требует немедленной выдачи паспортов.

Как известно, в дипломатическом протоколе затребование послом паспортов означает объявление войны. Таким образом, Куракин, как это ни странно, ломал планы сразу обоих императоров: русского, который решил играть роль невинного агнца, и французского, который поставил себе задачу закончить перед началом боевых действий все военные приготовления и аккуратно расставить по своим местам каждый батальон, каждый эскадрон, каждую батарею, повозку, лошадь и каждого быка.

На следующий день, 9 мая, Куракин добился встречи с министром иностранных дел. Император уехал из Парижа всего лишь за несколько часов до этой встречи. В этой ситуации русский посол потребовал выдать ему паспорта, и тогда Маре описал ему всю ответственность его шага — ведь получалось, что посол по собственному почину объявлял войну! Он с такой страстностью говорил Куракину о его ответственности, о том, что тот берет на свою душу тяжкое деяние перед Россией, Францией и всем миром, что несчастный князь... разрыдался.

Несмотря на проливаемые слезы, несмотря на все доводы министра, Куракин отказался взять обратно просьбу о выдаче паспортов. Маре понимал также, что его ответственность огромна, потому что получалось, что эти два человека — князь Андрей Борисович Куракин и он, Маре, герцог де Бассано, — являются зачинщиками войны, так как один объявил ее от имени России, а другой принял этот вызов от имени Франции!

В результате Маре предложил немедленно начать переговоры, но поинтересовался, есть ли у Куракина на это полномочия. Полномочий у Андрея Борисовича, конечно, не было. Свой спор они продолжили и 10 мая. Когда же на

следующий день Куракин решил-таки объявить войну Франции и, полный мрачной решимости, пришел в министерство иностранных дел... объявлять ее было уже некому, разве что швейцару, стоящему у входа в министерство: Маре уехал вслед за императором.

В результате объявил ли Куракин войну Франции или не объявил — этот вопрос можно считать открытым, хотя, скорее, де-факто обе страны уже тогда, 11 мая 1812 г., находились в состоянии войны. Кстати, напомним, что согласно союзному договору со Швецией, Россия обязалась начать войну с Наполеоном 1 (13) мая 1812 г. Можно сказать, что царь довольно скрупулезно выполнил условия этого договора.

Что касается Наполеона, он получил сведения о выезде Александра к армии в самом конце апреля, когда началась эпопея с русским ультиматумом. Теперь было ясно, что война неизбежна, и его нежелание вступать в какие-то переговоры вполне понятно, так как отныне он не сомневался, что в любом случае дело будет решаться не за столом переговоров, а на полях сражений. В это время, когда 4-й корпус Великой Армии проходил через Баварию, баварский король задал вопрос полковнику Бурмону, начальнику штаба дивизии Брусье: «Как вы считаете, будет ли у нас война?» «Не знаю, — ответил тот, — но, когда я вижу в пути столько переговорщиков, я сомневаюсь, что можно будет о чем-нибудь договориться». «Действительно, — вздохнул король, — четыреста тысяч переговорщиков договорятся с трудом»²⁸.

Зная, что русский царь находится уже в рядах своей армии, Наполеон решил покинуть Париж. Огромный поезд из карет и повозок выехал из Сен-Клу, загородной резиденции императора, 9 мая в 6 часов утра. Обычно Наполеон путешествовал очень быстро и редко останавливался по дороге. Теперь он взял в поездку императрицу Марию-Луизу и огромный придворный штат, поэтому, конечно, весь этот

двор на колёсах не мог стремглав лететь вперёд, как это обычно происходило в поездках Наполеона.

Правда, подчас историки, желая подчеркнуть размеры этого небывалого императорского поезда, утрируют его медлительность. Несмотря ни на что, путешествие проходило, по понятиям того времени, довольно быстро. Около тысячи километров, отделяющие Дрезден от Парижа, были преодолены менее чем за 8 дней, то есть средняя скорость перемещения двора была около 120 км в день, что являлось тогда нормальной скоростью передвижения на почтовых.

Саксонский король, который был восторженным почитателем Наполеона, опасаясь, как бы не пропустить встречу столь важного гостя, выехал из Дрездена во Фрейберг, в 30 км к западу от своей столицы, и в ночь с 15 на 16 мая не хотел даже ложиться спать, боясь пропустить приезд императора и его двора. Однако поезд из десятков экипажей появился только после полудня 16 мая. Саксонский король и королева встретили знатных гостей и, добавив к огромной веренице карет и колясок экипажи саксонского двора, направились в Дрезден. Императорские и королевские кареты въехали в саксонскую столицу около 10 часов вечера. Весь город был иллюминирован. Огромные толпы стояли вдоль улиц в ожидании необычайного зрелища. Приветствуемый грохотом артиллерийского салюта, пышный кортеж под эскортом блистательных саксонских кирасир при свете факелов проследовал по улицам саксонской столицы и въехал во двор королевского дворца.

Так началось пребывание Наполеона в Дрездене, которое длилось две недели и оставило в памяти потомков картину могущества европейской империи. Чтобы засвидетельствовать свое почтение властелину Европы, в Дрезден приехали император и императрица Австрии, князя Веймарский, Кобургский, Мекленбургский, великий герцог Вюрцбургский (напомним, что он был братом австрийского

императора), королева Екатерина Вестфальская и, наконец, 26 мая король Прусский со своим наследником. «Дрезден сегодня забит до отказа,— записал в своем дневнике офицер гвардии Фантен дез Одоар.— Это удивительное зрелище, видеть, как бывшие враги Наполеона стали его придворными»²⁹.

Саксонский король, пожилой 62-летний человек, который пользовался огромным уважением и любовью своего народа, очень высоко ценил союз с Наполеоном. Он с гордостью предоставил императору Европы свой дворец. В воскресенье 17 мая в Дрезденском соборе был отслужен торжественный молебен в честь прибытия высоких гостей, а 18 мая Наполеон уже в качестве хозяина встречал в Дрездене австрийскую императорскую чету: императора Франца и его молодую жену Марию Людовиду.

О последней необходимо сказать пару слов. В 1807 г. австрийский император во второй раз овдовел. Вспомним, что именно тогда Мария Федоровна жаждала выдать за него свою дочь Екатерину, но, как уже отмечалось, реализации этого проекта воспрепятствовал Александр. В результате император Франц не породнился с русской правящей династией, а женился на своей девятнадцатилетней кузине Марии Людовике Моденской д'Эсте. Эта знатная девушка славилась своей красотой, но также и своей жгучей ненавистью к Наполеону, к которому у нее были личные счеты. Дело в том, что в 1796 г. ее семья вынуждена была бросить свои итальянские владения из-за побед республиканцев и французских войск, предводимых молодым генералом Бонапартом. С тех пор она проживала в Австрии и сохранила стойкую неприязнь к генералу Бонапарту, которая стала также и неприязнью к императору французов.

В Дрездене Наполеон попытался быть любезным со всеми царствующими особами, но особенно он расточал свою галантность в адрес Марии Людовики, понимая, что от ее

мнения во многом зависит позиция слабого и нерешительного австрийского императора. Однако, если сам австрийский император был просто в восторге от своего зятя, Мария Людовика осталась непреклонна; на любезности Наполеона отвечала сухими короткими фразами, всеми способами стараясь избежать парадного церемониала, в котором Наполеон оказывался в центре собрания королей.

Внешне Мария Людовика очень подружилась со своей падчерицей, Марией-Луизой, императрицей Франции, которая была моложе ее лишь на 4 года. Последняя ослепляла всех роскошью своих туалетов, возбуждая восхищение и зависть других принцесс. Своей молодой мачехе она демонстрировала многочисленные шкатулки, набитые драгоценностями. Когда какая-то вещица привлекла внимание Марии Людовики, молодая императрица тотчас подарила ей понравившееся украшение, чем, увы, вызвала слёзы «бедной родственницы».

Вечером 18 мая саксонская королевская чета дала пышный банкет в честь знатных гостей, после которого они с балкона любовались видом иллюминированного Дрездена. Весь город был залит огнями, и огромные толпы народа наслаждались небывалым зрелищем.

Мадам Дюран, придворная дама из свиты Марии-Луизы, вспоминала: «Роскошь, которую они (*придворные*) демонстрировали в высшей мере, праздники, концерты, банкеты, охоты, званые вечера, где они проводили часы, все это превратило столицу Саксонии в место, сверкающее блеском и великолепием, центром которого был Наполеон»³⁰. Император французов хотел, чтобы его двор затмевал все остальные, и его придворные дамы, следуя указаниям, неизменно появлялись в столь роскошных нарядах, что придворные дамы австрийского императора иногда сравнивали себя с Золушками.

Зачем Наполеону потребовалось это пышное дрезденское свидание коронованных особ? Была ли это только

обычная человеческая слабость и желание увидеть покорность своей европейской империи? Без сомнения, отчасти да. Но более серьезной целью Дрездена должно было стать, по мысли императора, скрепление союзных уз, прежде всего между Францией и Австрией, не зря он расточал комплименты Марии Людовике. По отношению к прусскому королю, которого Наполеон вначале не собирался приглашать, он также старался проявлять любезность, прилагая усилия, чтобы привлечь на свою сторону и это государство. Наконец, дрезденская встреча должна была, вероятно, по мысли Наполеона, оказать моральное давление на противника, показав Александру I его политическую изоляцию и единение Европы вокруг Франции.

Наполеону действительно удалось расположить к себе австрийского монарха, но дело в том, что последний не играл почти никакой политической роли, все серьезные дела решал Меттерних, который как очень трезвый политик был мало расположен к восторгам по поводу пышных приемов. Его интересовало только реальное соотношение сил. В данный момент, по его мнению, все силы были на стороне Наполеона, и он был готов вести Австрию, как уже отмечалось, в фарватере наполеоновской политики, но очень осторожно и ограничиваясь скорее символической поддержкой. Когда же сила окажется на стороне врагов Наполеона, Меттерних без колебаний станет в их ряды...

Сюда же, в Дрезден, прибыл герцог Бассано с несколькими важными донесениями. Во-первых, он изложил Наполеону результаты своих встреч с русским послом, и, кроме того, в Дрездене Наполеон получил письмо от Куракина от 11 мая, в котором князь требовал свои паспорта. Но паспортов несчастный Куракин не добился. Наполеон согласился выдать их только членам дипломатической миссии, но не самому послу. В результате неопределенность осталась, и было совершенно непонятно, в каком состоянии

находятся Российская и Французская империи: то ли формально их союз еще сохраняется, то ли державы уже пребывают в состоянии войны.

Наполеон распорядился послать в Петербург курьера, который отвез депешу Лористону. В ней ему был дан приказ употребить все способы, чтобы доехать до Вильно, там передать приказ графу де Нарбонну уехать, а самому оставаться в Вильно как можно дольше, чтобы покинуть этот город, получив паспорта на выезд из России.³¹ Однако Лористон так и не добился разрешения на поездку в Вильно и в результате остался в Петербурге примерно в той же ситуации, что и князь Куракин в Париже.

Наконец, здесь же, в Дрездене, Наполеон получил известие о неудаче своего демарша в отношении Англии. Дело в том, что 17 апреля 1812 г., желая попытаться радикальным образом предотвратить войну, которой он очень не желал, Наполеон написал письмо лорду Кесельри, министру иностранных дел Великобритании. В этом письме он говорил следующее: «Много изменений произошло в Европе за 10 лет (войны). Они являются, без сомнения, следствием войны, которая разгорелась между Францией и Англией. Много других изменений произойдет еще, и также по той же причине... Несчастья, которые разоряют Пиренейский полуостров и обширные районы испанской Америки, должны вызвать сострадание всех наций и желание прекратить эти бедствия».

В соответствии с этим Наполеон предлагал заключить мир, по которому он готов был вернуть в Португалию старую династию, при условии сохранения короны Испании за своим братом. При этом он соглашался подтвердить, что Испания будет независима от Франции, и династия Жозефа будет также независима от царствующей во Франции династии, а в Испании будет провозглашена конституция, выработанная кортесами (парламентом). Французские войска должны были уйти из Испании и Португалии. Неа-

политанское королевство предлагалось разделить; континентальная часть осталась бы за Мюратом, а остров Сицилия — за старой неаполитанской династией. Письмо завершалось следующей фразой: «Его Величество император и король руководствуется единственно интересами человечества и интересами спокойствия народов, и, если это четвертое предложение мира останется без ответа, как предыдущие, у Франции, по крайней мере, будет утешение, что кровь, которая прольется, будет полностью на совести Англии»³².

Видимо, пролитой крови было суждено остаться на совести Англии, потому что английский министр ответил хотя и вежливым, но твердым отказом.

Уже когда пребывание в Дрездене подходило к концу, 28 мая * в столицу Саксонии прибыл генерал-адъютант Нарбонн. Он доложил, что Александр принял его любезно и выслушал, но не согласился ни на какие переговоры.

Почти во всех исторических сочинениях на эту тему можно найти ответ, который якобы дал Александр посланцу Наполеона: «У меня нет иллюзий, я знаю, насколько император Наполеон является великим полководцем,— и, развернув карту Российской империи, воскликнул, указывая на нее: — Но смотрите, за меня и пространство, и время! Нет такого удаленного уголка территории, который не будет враждебен вам, куда я не смог бы отступить. Нет такого удаленного места, в котором я не мог бы защищаться, прежде чем согласиться на позорный мир. Я не нападу, но я не сложу оружие до тех пор, пока останется хоть один вражеский солдат на территории России»³³.

В другом варианте Александр развернул карту России «и, указав на самую отдаленную окраину своей империи,

* Именно 28, а не 26 мая, как ошибочно указывается в ряде исторических произведений.

которая... примыкает к Берингову проливу, добавил: „Если император Наполеон решился на войну, и если счастье не будет благоприятствовать правому делу, ему придется идти за миром до сих мест“»³⁴.

Более того, Александр раскрыл Нарбонну и детали своего плана, заявив, что он «...будет стараться избегать битвы против слишком сильного противника и сумеет решиться на все жертвы, чтобы затянуть войну и ослабить силы Наполеона»³⁵.

Если мы скажем, что первая цитата принадлежит перу уже хорошо знакомого нам Вильмена, а третья — не менее известного творца мифов графа де Сегюра, станет ясно, откуда берутся легенды.

Ведь, согласно общепринятому мнению, Нарбонн и все остальные пытались удержать Наполеона от авантюрного похода. Все, конечно, знали, что Великая Армия дойдёт до самой Москвы, никто не сомневался, что русские будут отступать, разоряя свою территорию, сожгут древнюю столицу, а потом в пустынных морозных равнинах казаки и партизаны довершат разгром французских войск. Об этом не догадывался только дурачок Наполеон. А все те, кто потом будет писать мемуары, знали, чем закончится это предприятие, и если не пытались предотвратить его по причине своего невысокого ранга, то уж, по меньшей мере, терзались в муках, охваченные предчувствием страшной катастрофы...

Думается, читатель уже догадывается, что все эти рассказы относятся к планам, составленным задним числом... и не ошибётся! Хотя письменный рапорт Нарбонна императору неизвестен, зато в Российском военно-историческом архиве хранится подробный отчёт, который генерал-адъютант направил 24 мая 1812 г. маршалу Даву из Варшавы по пути в Дрезден. Небольшая часть этого письма была опубликована Карлом Шильдером в его знаменитой истории Александра I. Вот какой фрагмент документа можно

прочитать в этой книге: «Русская армия не перейдет Неман ни в Гродно, ни в Тильзите, ни в другом месте. Мы не настолько счастливы, чтобы они на это решились. Судя по всему, император (*Александр*) готов проиграть две или три битвы, и он напускает на себя вид, что готов сражаться, если придется, хоть в Татарии»³⁶.

Уже эти строки рапорта имеют явное расхождение с мемуарной версией. Обратите внимание: Нарбонн пишет, что царь не собирается отступать в «Татариию», а лишь «напускает на себя вид». Это совсем не одно и то же. Можно было не сомневаться, что, раз Шильдер привёл лишь маленький фрагмент рапорта, причём не очень-то подтверждающий «классическую» версию, вероятно, что это неспроста. Так оно и оказалось!

Рапорт Нарбонна не имеет ничего общего с тем, что позже будут писать в мемуарах! Вот что на самом деле докладывал генерал-адъютант императора, не в изложении его секретаря через сорок лет, а именно тогда, накануне войны:

«Я имею честь действительно подтвердить Вам, что мне сообщили, что русские наводят мост (*через Неман*) в Олите, но я ничего не слышал о мостах в Мерече и Ковно.

Русская армия действительно совершает много передвижений, но я могу утверждать, что речь не идёт о наступлении.

Русская армия не перейдет Неман ни в Гродно, ни в Тильзите, ни в другом месте. Мы не настолько счастливы, чтобы они на это решились...

Я считаю, что они ждут, и что они собираются принять битву на тех позициях, которые они сейчас занимают, прежде чем они отойдут к Двине.

В их действиях прослеживается крайняя неуверенность, естественное следствие того, что они находятся в полном незнании планов императора (*Наполеона*)...

Я думаю, что можно было бы добиться результата от переговоров, если бы в теперешнем положении мы могли бы

их вести. Они согласились бы на всё, исключая тот пункт*, которому придаёт такое внимание император (*Наполеон*).

Я думаю, что союзный договор (*России*) с Англией ещё не подписан.

Мир с Турцией, кажется, далёк от подписания...

Завтра император (*Александр*) поедет, чтобы посетить расположение своих войск. Судя по всему, он готов проиграть две или три битвы и **напускает на себя вид, что готов сражаться, если придется, хоть в Татарии. Что совсем не очевидно»**³⁷.

Как видно из текста рапорта, Нарбонн даже и отдалённо не пугает войной на Камчатке. Да, он действительно считал, что русские войска не перейдут в наступление, но и только. Зато уже в первых строках генерал-адъютант указывает, что «русские наводят мост в Олите». Ясно, что мост через Неман мог сооружаться только в случае необходимости какого-то пусть частного, но всё же удара, движения вперёд. Впрочем, это не особенно важно. Важнее всего фраза Нарбонна о том, что русские «собираются принять битву на тех позициях, которые они сейчас занимают». Правда, Нарбонн добавлял: «Прежде чем они отойдут к Двине». Последнее совершенно не пугало императора французов, который собирался нанести такой удар, после которого отступать к Двине было бы уже особенно некому.

Наконец генерал-адъютант не только указывал, что Александр лишь напускает вид, что собирается отступать вплоть до «Татарии», но и высказывает сомнения насчёт твёрдости подобного решения.

В действиях русского командования Нарбонн усмотрел неуверенность, а вовсе не решимость заманивать французов в глубь России, о чем даже выдающийся историк Вандаль, попавшись на кривое зеркало мемуаров, написал, что

* Вероятно, речь идёт о континентальной блокаде.

царь говорил об этом «серьезно, определенно, с кроткой гордостью». Наконец, в рапорте подчёркивается, что в случае переговоров царь мог бы «согласиться на всё»!

Если Нарбонн в таком духе писал маршалу Даву, который не был его начальником, то можно себе представить, как опытный царедворец построил свой доклад императору, зная, что тот был уверен, будто Александр примет сражение на границе, и на этом строил весь свой план действий! Мы не знаем, конечно, этих выражений, но мы можем представить себе, что было сказано, не только из адресованного Даву рапорта.

Известно письмо принца Евгения Богарне, командующего 4-м корпусом и всей центральной группировкой Великой Армии, от 27 мая 1812 года. Накануне Нарбонн проехал через расположение корпуса Евгения Богарне и почти наверняка встречался с принцем, хотя бы для того, чтобы оказать ему должное почтение.

«Я получил вчера, — пишет принц Евгений, — новости о русских. Кажется, они боятся предстоящей борьбы и знают, что будут разбиты. Говорят даже, что они готовы пойти на большие уступки без боя»³⁸. Это почти точно повторяет то, что было написано в рапорте генерал-адъютанта, но можно допустить, что в разговоре с принцем Нарбонн был ещё более оптимистичен.

Правда, письмо Евгений Богарне адресовал своей жене, и поэтому ясно, что он старался придать посланию мажорный тон, однако эта уверенность в своих силах и в том, что неприятель трепещет, ощущается во всей корреспонденции принца.

В другом своем послании (от 1 июня) он пишет: «Война не может быть долгой и продлится не более сентября»³⁹, в следующем (от 5 июня): «У нас будет время закончить войну до зимы. У русских не хватает продовольствия, и, что удивительно, из их армии дезертируют даже казаки»⁴⁰.

И, наконец, 8 июня Евгений констатирует: «Мы видим с удовольствием, что решающий момент уже близко, и все быстро закончится. Я радуюсь надежде, что все завершится до зимы после двух-трех мощных ударов» ⁴¹.

Несколько ранее жена вестфальского короля Жерома Бонапарта, командующего правофланговой группировкой Великой Армии, записала в своем дневнике: «Король (*Жером*) получил депеши от господина Буша, своего посла в Петербурге. Тот пишет, что в России царит растерянность и те, кто еще недавно произносил против нас злобные речи, сейчас выступают за сохранение мира любой ценой» ⁴².

Обратим внимание, что цитируемые отрывки написаны были накануне войны, а не год и не 50 лет спустя. Их авторы принадлежали, без сомнения, к наиболее информированным людям той эпохи. Евгений Богарне был не только командиром центральной группировки войск, но и приемным сыном императора, а Екатерина — не только королевой Вестфальской, но и невесткой Наполеона и одновременно племянницей вдовствующей российской императрицы Марии Федоровны (Мария Федоровна, в девичестве София Мария Доротея Августа Луиза фон Вюртемберг, приходилась сестрой королю Вюртемберга, отца Екатерины) и двоюродной сестрой Александра I. Что касается Чарторыйского, его представлять нет необходимости.

Возвращаясь к миссии Нарбонна, нужно отметить, что, если бы Александр действительно вздумал говорить фразы, подобные тем, которые можно прочесть у Вильмена или у Сегюра, он подверг бы себя огромной опасности. Вдруг Наполеон действительно серьезно отнесся бы к этим словам? Ведь, хотя император французов не мог уже избежать войны, он вполне мог перестроить свою стратегию и от наступления сразу всей огромной массой войск мог перейти к стратегии осторожного продвижения частью сил с оставлением позади огромных резервов. Мог обратить гораздо

больше внимания на политические способы борьбы, начать с декларации о восстановлении Речи Посполитой в старых границах, а то и пойти еще дальше — взять да издать манифест об освобождении русских крепостных. Тогда царю вряд ли удалось бы вернуться с берегов Берингова пролива, куда он якобы собирался отступить!

Наполеон не желал вести тотальной войны именно потому, что был уверен, что в скором времени все закончится миром (конечно, выгодным для него), и поэтому совершенно не следует рубить все концы и лишать себя возможности договориться с аристократической верхушкой России. Он не сомневался, что победит и так, чисто военными способами, и даже в вопросе о восстановлении Польши, хотя он его и решил для себя положительно, оставался крайне осторожным.

Но ведь именно тотальной войны с социальным подтекстом на территории Российской империи как огня боялась русская аристократия! Вот что писала уже известная нам губернаторша: «Общее желание всех, чтобы шли вперед и предупредили бы Наполеона в Пруссии... тем паче, что пограничные наши губернии — польския и немецкия, и что Наполеон может в них получить и продовольствие, и встречать конспирацию; бояться также, что когда он приблизится к русским губерниям и объявит крестьян вольными, то может легко сделаться возмущение, но что до этого Фулю, Армфельду и прочим!»⁴³

Мы неслучайно так подробно рассмотрели вопрос результатов миссии Нарбонна и её представления в мемуарах и в подлинных документах того времени. В этом эпизоде ярко отразились те искажения до неузнаваемости, представления с точностью до наоборот того, что было, того, что планировали, того, что чувствовали люди накануне грандиозной войны.

Кроме встречи с Нарбонном, в Дрездене незадолго до своего отъезда император побеседовал еще с одним челове-

ком, которому было суждено сыграть известную роль в предстоящих событиях. Это был уже не раз упомянутый нами аббат де Прадт, архиепископ Мехельнский. Тот самый, который заявил без обиняков: «Я спас мир, и с этим титулом я могу навсегда надеяться на его признательность и блага». Конечно, самовлюбленный сибаритствующий аббат брал на себя слишком многое, заявляя о своей решающей роли в гибели наполеоновской империи, но действительно, руку он к этому приложил.

Наполеону был необходим официальный представитель в герцогстве Варшавском, который должен был исполнить важную роль: с одной стороны, разжечь энтузиазм поляков, с другой стороны, не слишком много им обещать. Иными словами, хитрый дипломат, но одновременно и человек, умеющий произносить и цветистые речи, не лишенный энтузиазма и определенной харизмы. В Варшаве уже был наполеоновский представитель — барон Биньон, но Наполеону казалось, что этот умелый дипломат и неплохой руководитель разведки является слишком не крупной фигурой для того, чтобы воздействовать на воображение поляков.

Непонятно, почему выбор императора пал на аббата де Прадта, который занимал пост духовника императора и исполнял ряд дипломатических поручений. Наполеон считал, что духовный сан де Прадта сыграет положительную роль в стране, где так сильна католическая религия, а изворотливость поможет избежать слишком серьёзных обязательств перед поляками.

Однако выбор императора оказался, вне всякого сомнения, чудовищным просчетом. Аббат де Прадт, может быть и способный выполнять мелкие поручения, оказался на высоком посту жалкой пародией на Талейрана, всеми пороками которого он обладал, не обладая при этом ни единым его достоинством. Все современники единодушно заклеили бездарное поведение аббата в Варшавском герцогстве. Гра-

финя Потоцкая выразила общее мнение, написав о нем: «Во всем блеске, присущем представителю великой нации и могущественного государя, к нам явился господин де Прадт, показавшийся нам таким ничтожным и вульгарным из-за своей напыщенности и высокомерия. Он все время говорил о своем хозяйстве, кухарке, за которой послал в Париж... болтал без передышки, рассказывал избитые анекдоты, смеялся над благородными и восторженными чувствами, которых не понимал, и обнаруживал полное отсутствие достоинства и такта»⁴⁴.

Сделав это неудачное назначение и побеседовав с Набронном, Наполеон подготовился к отъезду. Екатерина Вестфальская записала в своем дневнике: «Он попрощался с каждым двором по отдельности, он поговорил с каждым королем, с каждым принцем, королевой или принцессой, и все, мужчины и женщины, короли или нет, заплакали, прощаясь с ним. Император был тоже глубоко растроган. Этот отъезд был настоящим несчастьем. Я никогда его не забуду. Пусть же Господь хранит его! И пусть как можно скорее он вернется к нам с триумфом!»⁴⁵

Наполеон осчастливил своим прощанием «каждого короля» 28 мая, а в 4.30 утра 29 мая его карета уже катилась по направлению к Познани. Император приехал в Познань 30 мая в 20.30. Здесь его ждал такой же восторженный прием, как и в 1806 г.: «Повсюду были триумфальные арки, иллюминация, транспаранты с девизами, которыми выражались пожелания и высказанная вперед признательность народа, уверенного в своем будущем»⁴⁶, — вспоминал офицер Вислинского легиона. Он же рассказывает, что повсюду горели надписи по латыни *Herói invincibili* (Напобедимому герою), *Restauratori Patriae* (Восстановителю Отечества), *Grati Poloni Imperatori magni* (Благодарные поляки великому императору). Наконец, на башне собора Бернардинцев, которую император мог видеть из своего окна, красовалась

грандиозная иллюминация в виде лаврового венка с девизом *Napoleoni magno Caesari et victori!* (Наполеону Великому Цезарю и победителю!). Огромные ликующие толпы теснились на улицах, освещенных яркой иллюминацией. Все было наполнено праздником и восторгом...

На следующий день император принял делегацию местного дворянства. Посетители, думая подчеркнуть свое почтение к императору, пришли в расшитых придворных костюмах, чулках и туфлях. Наполеон, бросив недовольный взгляд, воскликнул: «Господа! Я предпочел бы увидеть вас в сапогах со шпорами, с саблями на боку, так, как выглядели ваши предки при приближении татар и казаков. Мы живем в то время, когда нужно постоянно носить оружие и держать руку на эфесе меча» ⁴⁷.

Вообще, несмотря на восторги поляков, император, приехав в Познань, был скорее недоволен. По пути из Дрездена, на дорогах, забитых военными конвоями, обозами, отрядами пехоты и кавалерии, Наполеон понял, что его старания идеально организовать армию далеки от реализации. Войск и обозов было слишком много.

Жиро де Л'Эн, офицер из дивизии Дессе, только что вернувшийся из Испании, написал: «Меня поразили контраст Великой Армии с теми войсками, которые я видел в Испании и которые только что покинул. Здесь было огромное количество повозок и багажей всех видов, за каждой дивизией тянулся хвост из экипажей в 2 лье (8 км)... У всех генералов и старших офицеров были фургоны и коляски, запряженные двумя конями, у некоторых даже двухколесные кабриолеты, почтовые экипажи. Прибавьте к этому артиллерийские обозы, основные парки, мостовые экипажи, госпитальные повозки и т. д., и вы сможете судить о различиях, которые я увидел по сравнению с Испанской армией, которая кроме пушек и зарядных ящиков везла позади себя лишь несколько вьючных мулов» ⁴⁸.

Именно поэтому в Познани 31 мая Наполеон подписал строгий регламент по внутреннему порядку Великой Армии. В этом регламенте строго предписывалось генералу, ответственному за обозы: «Жестко действовать против слуг и других лиц, находящихся при обозах, которые посмеют выйти из своих рядов. Он должен остановить все экипажи, фургоны или повозки, которые не будут входить в число разрешенных. Остановленные повозки будут переданы командиру жандармерии армейского корпуса, который должен сбросить их с дороги, если они затрудняют марш колонн. Если же они будут принадлежать тем, кто не имеет права иметь экипажи, последние будут тотчас сожжены, а лошади переданы артиллерийскому обозу... Каждый извозчик или слуга, который покинет своих лошадей и свою повозку для грабежа, будет наказан как мародер. В случае сопротивления он тотчас же будет предан военному трибуналу... Всем, кто следует за армией, запрещается давать убежище женщинам дурного поведения. Что касается последних, они будут арестованы, их лицо перепачкано черной краской, они будут проведены перед фронтом лагеря и изгнаны... Всем военнослужащим запрещается брать с собой жен в поход. Только маркитантки и прачки разрешены (*при условии получения специального жетона от жандармерии*)... при командовании будет учрежден специальный трибунал, который будет судить все воинские проступки»⁴⁹.

Впрочем, все эти регламенты проще было издать, чем привести в исполнение. Организация французских корпусов предполагала высокую степень сознательности солдат и офицеров. Количество жандармерии (военной полиции) было ничтожно мало по отношению к численности войск. Так, например, на весь корпус Даву, который по результатам переключек 25 июня 1812 г. насчитывал 69 553 человека (со штабами округленно около 70 тыс. чел.), приходилось только 98 жандармов. Иначе говоря, один жандарм при-

мерно на 700 человек! При всем желании жандармерии было очень сложно организовать порядок на марше в армии, которая внезапно обзавелась непредсказуемо большими обозами. Вот как описывает свой экипаж командир 2-й гвардейской дивизии генерал Роге: «У меня был крытый экипаж, два фургона, книги, много географических карт, 12 лошадей, 6 слуг. Другие офицеры были тоже хорошо экипированы. Это создавало затруднения в пути»⁵⁰.

Еще бы это не создавало затруднений, если все дороги Польши и Германии были забиты обозами! Это очень отличалось от того, что еще совсем недавно можно было наблюдать в походных колоннах Великой Армии. Хирург дивизии Сюше д'Эральд, вспоминая о наступлении французской армии в октябре 1806 г., писал: «На марше не видно было ни одной роскошной кареты, ни одного фургона с багажом старшего офицера. Только сталь, огонь и еще раз огонь! Никаких ливрей. Каждый в нашей армии был бойцом. Полковники ели суп из котелка, который варили гренадеры первого взвода...»⁵¹ Если даже д'Эральд немного идеализирует Великую Армию 1806 г., контраст все-таки был разителен, и он бросился в глаза почти всем участникам этого похода.

Отдав распоряжения в Познани, император, к великому удивлению многих, отправился не на восток в Варшаву, а повернул на северо-восток и вечером 2 июня прибыл в Торн. Здесь он пробыл почти четверо суток, отсюда были направлены приказы о движении армии от Вислы к Неману. Наполеон продолжал считать очень вероятным внезапный контрудар со стороны русской армии. Из Торна и позже из Данцига он отдает один за другим приказы по поводу действий в случае русского наступления.

В главе 10 приводилась выдержка из приказа, данного из Торна королю Жерому. Добавим только, что там же в Торне император написал принцу Евгению, которому он рекомендовал следующее: «Если противник перейдет в наступление,

чтобы двигаться на Варшаву, выступив через Белосток, вы окажетесь у него на правом фланге. Если же он выступит через Олиту, вы окажетесь слева от него. Если же он двинется прямо на вас, вы будете отходить к главным силам армии. В этом случае вам придется поменять операционную линию... Если предположить, что вестфальскому королю придется отступить на Модлин, ваша операционная линия не будет под угрозой, и вы, наоборот, сможете спокойно маневрировать, чтобы угрожать операционной линии неприятеля»⁵².

Когда император отдавал эти приказы, значительная часть войск Императорской гвардии собралась в Торне, и здесь Наполеон провел смотр своих элитных полков. В своем дневнике Фантен дез Одоар записал 5 июня 1812 г.: «Император провел сегодня большой смотр на гласисе крепости. Его великолепная верная гвардия получила то счастье, которое заставляет забыть усталость. Великий человек, со своей стороны, был, кажется, рад видеть на наших лицах то впечатление, которое произвело на нас его присутствие. Пешком он неспешно проходил перед нашими рядами. Он говорил со многими офицерами и солдатами отеческим тоном, за который мы его так любим. Он действительно был среди своей семьи»⁵³.

Из Торна, все так же пробиваясь среди многочисленных колонн на марше, Наполеон направился еще севернее, в Данциг; туда он прибыл 7 июня в 20.30. Данциг был крупнейшим опорным пунктом наполеоновской империи на побережье Балтики. Огромная крепость, существовавшая еще до прихода французов, была расширена и дополнительно укреплена. Здесь находился многонациональный гарнизон, который словно был слепком со всей европейской империи Наполеона. В июне 1812 г. здесь было около двадцати тысяч человек, полки французские, польские, баварские, вестфальские, итальянские, неаполитанские... под командованием верного генерал-адъютанта Раппа. Наполеон рассмат-

ривал Данциг как краеугольный камень обороны герцогства Варшавского. Действительно, опираясь на эту мощнейшую крепость, он мог держать линию Вислы при внезапном наступлении войск Александра. Наполеон внимательно осмотрел все укрепления, склады, верфи и портовые сооружения и провел также смотр частям гарнизона.

Здесь в Данциге император встретил Мюрата, которого призвал командовать своей резервной кавалерией. Мюрат дулся на своего командующего из-за того, что ему не дали приехать в Дрезден:

«— Вы заметили, как Мюрат плохо выглядит, он, кажется, болен? — сказал Наполеон, обращаясь к Раппу.

— Болен? Нет, Сир, он просто очень опечален.

— Опечален? Почему? Он что, недоволен тем, что он король?

— Он переживает из-за того, что считает, что он не настоящий король.

— Пусть он не делает глупостей в своем королевстве и помнит, что он француз, а не неаполитанец»⁵⁴.

На следующий день император снова объезжал город и его укрепления. Судя по всему, здесь же, в Данциге, Наполеон сообщил Раппу свои мысли по поводу предстоящей кампании. Как уже понял читатель, мы категорически исключаем все размышления по поводу планов войны, почерпнутые из мемуаров. Тем не менее уже было сделано исключение для мемуаров Меттерниха в связи с его осведомленностью и с тем, что он, очевидно, писал свои мемуары, руководствуясь заметками, сделанными непосредственно перед войной. В любом случае все им написанное строго соответствует документам, составленным накануне войны. То же самое относится и к записям Раппа. Фразу из его мемуаров ни в коем случае не следует рассматривать как доказательство, скорее, в ней можно видеть иллюстрацию, которая в точности соответствует тому, что можно почерп-

нуть из документов, написанных до начала войны. Рапп пишет, что император сказал ему: «Я перейду Неман. Я разобью его (*Александра*) армию и займу русскую Польшу. Ее я объединю с герцогством и создам королевство (*Польское*). Здесь я оставлю 50 тысяч человек, которых будет содержать сама страна. Ее жители желают снова стать нацией, они воинственны, они сумеют объединиться, и скоро у них будут многочисленные и обученные войска. В Польше не хватает оружия — ну что ж, я его поставлю. Это королевство будет сдерживать русских и станет барьером против вторжения казаков»⁵⁵.

Почему император вместо Варшавы направился в Данциг? Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, ударное крыло Наполеона располагалось на севере вдоль побережья Балтийского моря, и поэтому естественно, что он хотел приблизиться к своим главным силам. С другой стороны, император, думая о восстановлении Польши, вероятно, хотел давать как можно меньше конкретных обязательств, которые могли связать ему руки в момент неизбежных, как ему казалось, мирных переговоров с Россией. Однако, несмотря на отсутствие императора, несмотря на то что проходящие через герцогство Варшавское войска оставляли за собой не самые лучшие воспоминания, столица Польши пребывала в состоянии патриотического подъема: «Население герцогства и особенно Варшавы находилось тогда под властью удивительной экзальтации, почти что невообразимой, — писал в своих воспоминаниях французский представитель в Варшаве Биньон. — Здесь призывали войну с величайшим пылом. Другие нации Европы благословляли мир, который давал им покой, но для герцогства мир был всего лишь продолжением двусмысленного положения, из которого был только один выход — война... Все на что-то надеялись: военные мечтали о славе, честолюбцы — об увеличении могущества государства и

Гембаржевский. Князь Понятовский проводит смотр в Варшаве накануне войны 1812 г.

почестях для себя. Собственники надеялись на то, что они будут продавать продукцию своих хозяйств, женщины мечтали о блистательном дворе и возвращении их бывшего влияния на общество. Даже крестьянин, взявший ружье, показывал, что он достоин своей приобретенной свободы. Слово Отечество было у всех на устах, было в каждом сердце... Особенно женщины не скрывали свои чувства... Ожидая от войны восстановления своего Отечества, они не были в ослеплении по поводу той опасности, которая каждую из них могла ожидать... В Варшаве у самых знатных дам в армии были мужья, сыновья, братья... В течение трех месяцев, которые предшествовали войне, во всех салонах Варшавы дамы собирались вокруг круглого стола, щипали корпию и готовили перевязочные материалы. Эта картина — изящные женщины, которые стали сестрами милосердия, представляла собой нечто трогательное и ужасное, воспоминание об этом никогда не изгладится из моей памяти»⁵⁶.

Война еще не стала отечественной для России, но она уже была отечественной войной для Польши. Графиня Потоцкая вспоминала в своих мемуарах: «Как только распространилось известие о войне, вся молодежь, не ожидая призыва, бросилась к оружию. Ни угрозы России, ни расчеты и опасения родителей не могли остановить этот патриотический порыв, который по своему энтузиазму и самоотверженности напоминал движение 1806 года, но только теперь было гораздо больше уверенности в успехе. Новое поколение пришло на смену старому, которое отчасти уже исчезло в рядах французской армии, и дети, пылая от возбуждения, с лихорадочным любопытством слушали рассказы старших: надежда вернуться с победой устремляла их к героическим поступкам. Солдаты, едва вышедшие из юношеских лет, приводили в восхищение старых гренадеров. Без военного мундира никто не решался показаться на улице, боясь насмешек уличных мальчишек»⁵⁷. «Польская армия уже в пол-

ном составе, благодаря тому порыву, с которым она была организована, получила приказ выступать в поход. Она двинулась, включив в свои ряды самую блистательную молодежь. Не было такой семьи, известной в истории Польши, представители которой не явились бы на этот зов»⁵⁸.

Действительно, все знаменитые семьи Польши и Литвы пополнили своими представителями ряды наполеоновской армии. Но самой удивительной и самой необычной судьбой была судьба князя Доминика Иеронима Радзивилла. Его жизнь была столь необычна и в то же время столь характерна, что мы не можем не сказать о нем хотя бы несколько слов. Князь Доминик родился в 1786 г. в семье литовских магнатов, самой богатой семье Речи Посполитой. Очень рано Доминик потерял отца, а затем и мать, став единственным наследником гигантского состояния. После раздела Речи Посполитой почти все владения семьи Радзивиллов оказались на территории Российской империи. У молодого князя было 120 тысяч душ крепостных крестьян! Это примерно четверть миллиона подданных, целая страна! В 1804—1805 гг. Радзивилл жил в Петербурге, где сблизился с уже хорошо известным нам Адамом Чарторыйским. Потом молодой князь путешествовал по Европе, был в Берлине, Париже, Вене. В начале 1810 г. он вернулся в свои имения, но затем совершил совершенно удивительный поступок.

В начале 1811 г. он приехал в герцогство Варшавское и обратился к князю Понятовскому с просьбой принять его в армию. Разумеется, 25-летний наследник древнейшего рода считал, что он заслуживает почетного места в польских войсках. Князь Понятовский уступил просьбе молодого человека, но предложил ему тоже что-нибудь пожертвовать для Польши. В конечном итоге Доминик внес на нужды польской армии сумму в 234 тысяч злотых и фактически на свои деньги экипировал целый полк. 1 апреля 1811 г. был подписан декрет о назначении Доминика Радзивилла полковником

армии герцогства Варшавского. Более того, Понятовский взял молодого князя в поездку в Париж, которую предпринял в апреле того же года (см. главу 8). Ее целью, как уже подробно сообщалось, было изложение Наполеону опасности, нависшей над герцогством. В Париже молодой князь познакомился с императором французов и всей политической и военной элитой империи, став горячим сторонником Наполеона и дела восстановления Польши.

Когда молодой полковник вернулся в герцогство вместе с Понятовским и принял под командование 8-й уланский полк, состоявший частично из уроженцев Галиции, а частично из беглецов из России, от властей Российской империи пришло строгое предупреждение. Юному князю намекнули, что он, видимо, заблуждается, вступив в армию, предназначенную для борьбы с государством, где находятся, между прочим, его владения. На Доминика это никак не подействовало. Тогда в качестве первого предупреждения у него конфисковали 150 деревень, но, когда и это не возымело результата, его лишили всего состояния. Так молодой «миллиардер», если говорить современными терминами, самый богатый человек Литвы и самый богатый после императорской семьи человек России, стал бедняком. Но и это не испугало молодого князя. Всем несметным богатствам он предпочел возможность стоять в рядах Великой Армии и первым во главе своего полка вступить в Вильно.

Впрочем, в планах польского командования было использовать огромный престиж и известность молодого князя. В одном из своих донесений от 9 (21) февраля 1812 г. генерал Багратион докладывал, что никто на Волыни не желает приобретать конфискованные имения молодого князя, так как «тем, кто отважится купить, даже взять на посессию что-либо из имения князя Доминика Радзивилла», грозит опасность.⁵⁹ Поэтому, когда Сокольниковский предлагал императору направить отдельную колонну на Волынь, он ре-

комендовал поставить во главе этой колонны князя Радзивилла. В ходе ее марша на сторону отряда Радзивилла должны были встать его многочисленные крестьяне и мелкая шляхта, зависимая от княжеского дома (см. главу 10).

Когда читаешь документы, посвященные биографии Радзивилла, понимаешь, насколько убогим является представление, что все в мире происходит исключительно за счет стремления к реализации материальных интересов. Возможно, для подавляющего большинства людей так оно и есть, но для рыцарской элиты, представителем которой являлся Доминик Радзивилл, дело обстояло иначе... Нельзя не сказать, что, выбрав служение Наполеону и делу восстановления Польши, Радзивилл лишился не только богатства. После катастрофы 1812 г. он, вполне вероятно, имел возможность просить милости у Александра и вернуть себе своё состояние. Ведь царь ненавидел только Наполеона и всячески поощрял сторонников императора французов, а тем более таких известных и богатых, переходить на свою сторону. Но Доминик предпочел остаться в рядах тех польских частей, которые до конца служили Наполеону. 30 октября 1813 г. в битве при Ганеу в героической атаке польских шеволежеров он получил картечную рану в голову и умер через несколько дней, 11 ноября того же года. Ему было только 27 лет..

Возвращаясь к настроениям в герцогстве, необходимо отметить, что необычайный патриотический подъем отмечали не только Биньон и Потоцкая, но и куда менее склонные к экзальтации русские агенты. Еще летом 1811 г. неизвестный источник докладывал из Варшавы русскому командованию: «По появлению слухов о войне между Францией и Россией боевой дух в Польше распространился пуще прежнего. Войска готовы предпринять что угодно и полностью преданы Наполеону»⁶⁰.

В феврале 1812 г. граф Витте доносил Александру I о настроениях в герцогстве: «Слух о приближающейся войне

между Россией и Францией здесь у всех на устах. Подготовка к войне происходит с огромной активностью»⁶¹.

5 (17) марта барон Тейль сообщал Барклаю де Толли: «Военные (*герцогства*)... наполнены энтузиазмом так называемого польского дела и здесь не пренебрегают ничем, чтобы подогреть дух офицеров и солдат»⁶².

25 марта (6 апреля) 1812 г. тайный советник Щербинин писал генералу Эссену I, что посланный в Варшаву агент докладывал: «В Праге (*предместье Варшавы*), так и в самой Варшаве, нашел все дома, наполненные солдатами и везде в улицах, где ни ходил, встречал их кучами... Все вообще мастеровые в Варшаве заняты какой-нибудь работою для войска, одни шьют на оное одежду, другие заготавливают обувь, третьи делают фуры, четвертые починивают ружье и проч... Все офицеры, коих видел в трактирах, в которые нарочно заходил, ни о чем более не говорят, как о войне, о которой твердят также беспрестанно пьяные солдаты... по всем площадям и улицам обучают рекрут, одних маршировать с ружьями, а других рубиться на саблях... разнесся, между прочим, по Варшаве слух, что Император Наполеон, уничтожив будто бы наименование герцогства Варшавского, повелел именоваться оному впредь Королевством Польским, что было причиною необыкновенной радости между военными, кои пили даже и по улицам, крича, что есть мочи: Виват Император Наполеон! Виват Польское Королевство!»⁶³

В «Записке о положении политических и военных дел в герцогстве Варшавском», составленной для Александра I накануне войны 1812 г., говорится: «Дух доброжелательства правительству французскому и надежда, что оное Польшу возстановит, доводит почти до сумасшествия всех тех, которые по воинской или по штатской части получают знатные жалованья и прочия выгоды и награждения, а орден французский — легиона чести и возстановленной давней поль-

ский золотого креста, имеют знатное влияние и на чиновнике воинском или штатском и на самом даже рядовом»⁶⁴.

Наконец, даже друг царя Адам Чарторыйский, видя, как развивается ситуация в герцогстве, 4 июня 1812 года написал Александру, в очередной раз прося царя освободить его от всех постов и должностей на службе России: «Вы говорите, что Наполеон не сделает ничего великого и достойного для Польши. А если произойдёт обратное? Что мне тогда делать? Каково тогда будет моё положение по отношению к моей семье, к моим соотечественникам? Ведь я окажусь не только посторонним по отношению к их усилиям, но я буду сверх того отмечен печатью вражды!.. Я прошу у Вашего Величества, чтобы Вы сами решили, когда освободить меня от службы...»⁶⁵

В то время как Польша готовилась к столкновению, французские войска завершали процесс концентрации в тех местах, которые император наметил для нанесения удара. Самое удивительное, что даже в эти последние моменты перед столкновением Наполеон постоянно пишет своим подчиненным о том, что необходимо делать в случае русского наступления. Из Данцига 10 июня император давал инструкции своему начальнику штаба Бертье* на случай, если русские предпримут наступление на Варшаву. Император отмечал, «что, если противник предпримет наступление справа от Нарева... он подставит свой фланг вице-королю, который должен будет атаковать его правое крыло. Если же неприятель будет наступать между Наревом и Бугом... тогда 5-й и 8-й корпуса могут ударить ему справа. В то время, как враг углубится в операции, которые не дадут ему никакого выигрыша, ибо по здравому рассуждению он упрется в Вислу и проиграет нам несколько маршей, левое крыло нашей армии, которое должно перейти Неман, обрушится на его фланг и на тылы раньше, чем он сможет отступить...»⁶⁶

* Эти инструкции упоминались в главе 10.

Генерал Анри Бонналь в своей работе, посвященной началу войны 1812 г., отмечал: «Настойчивость, с которой Наполеон приписывал русским проект начать войну наступлением на Варшаву, доказывает, что он считал, что их армия наполнена таким же безудержным наступательным духом, как в 1806—1807 гг., и тем, что сторонники „русской партии“ жаждут наказать поляков за их любовь к Франции, захватив герцогство Варшавское» ⁶⁷.

Действительно, ожидание русского нападения стало буквально навязчивой идеей. Последние указания о том, что делать в случае наступления неприятеля, были даны 20 и 21 июня (!) в письмах, обращенных к королю Жерому, ⁶⁸ иначе говоря, за 2—3 дня до перехода через Неман!

В эти последние дни, предшествующие войне, продвижение французских войск становилось все более и более трудным. Теперь колонны соединялись, сближались, и все дороги были уже до отказа забиты войсками. В начале похода расстояние между колоннами было достаточно большим, и полки на марше имели возможность нормально размещаться на ночлег и неплохо питаться, так что участники будущей войны с ностальгией вспоминали об этом периоде. Вот что, в частности, вспоминал фузилер-гренадер Императорской гвардии Анри Шельтенс: «Это было поистине удовольствие, идти по прекрасным дорогам, проходящим среди живописных мест, в эти погожие весенние дни. Каждый вечер мы располагались на постое у жителей, иногда удачно, иногда не очень. Не всегда попадаешь к богачам, но добрые немцы делали все, что возможно, для нас, хотя я думаю, без особой радости. Но солдат мало беспокоит о том, как настроен хозяин дома, в котором он располагается. Если ему не дают похорошему, он возьмет по-плохому» ⁶⁹.

Теперь же войск было столь много, что они обчищали все на своем пути, словно стаи саранчи. Вдобавок немецкие союзники нередко позволяли себе бесчинства, и Наполеон сде-

лал строгие выговоры маршалу Нею, в корпусе которого отличались своей недисциплинированностью на походе вюртембергские контингенты, и королю Жерому. Император писал последнему: «Очень жалуются на дисциплину ваших войск, говорят, что у вас каждый делает, что ему в голову взбредет»⁷⁰. Однако подобных мягких замечаний явно не хватало. Вюртембергский капитан фон Зуков вспоминает, что при приближении его дивизии «крестьяне прятались в лесах со своим скотом и самым ценным, что у них было, когда мы вступали в деревню, мы обычно находили дома пустыми»⁷¹.

Офицер Вислинского легиона Брандт вспоминает, что командир отряда, встретившийся ему в Торне, рассказал ему о беспорядках, творящихся в округе: «Каждый, говорил он, делает, что хочет, берет, где может... Французы, итальянцы, вюртембергцы, баденцы, баварцы и даже поляки разоряют весь край. Если так будет продолжаться долго, мы съедем друг друга, как голодные крысы. Наверно, император слеп, если он терпит подобные безобразия»⁷².

Нет, император не был слеп, конечно. Но он полагал, очевидно, что главное — довести эту массу войск до столкновения с неприятелем, а там короткая битва, и все кончится. Мародеров иногда расстреливали, но в большинстве случаев на них просто закрывали глаза. Солдат Якоб Вальтер из вюртембергского контингента вспоминает, как он и его товарищи разграбили маленький польский городок Кальвария: «Этот городок был польским, то есть дружественным нам. Жители обратились с жалобой к королевскому принцу. Он отдал приказ расстрелять первого из солдат, которого увидят вне лагеря... Решимость принца действительно впечатляла. Он бегал перед фронтом войск и направлял свой пистолет то на одного, то на другого солдата. Мы боялись, что он выстрелит и ещё убьет кого-нибудь. Однако нехватка продовольствия успокоила его гнев и удержала его руку»⁷³.

Не всегда, впрочем, все ограничивалось для солдат тем, что их начальник угрожал пистолетом. Во французских частях, особенно в корпусе Даву, беспощадно работали военно-полевые суды, и расстрелы здесь были не редкостью.

Тем не менее за несколько дней до подхода к Неману грабеж стал, если так можно выразиться, официальным. Полковник Сен-Шаман вспоминал: «Мы получили приказ забрать все, что мы найдем из зерна, спиртных напитков и скота во время нашего размещения на квартирах... Выполнение этого приказа было крайне неприятно для всех наших офицеров, потому что после того, как мы хорошо провели время у местного помещика или богатого фермера, где нас часто принимали лучше, чем во Франции, мы вынуждены были, уходя, в качестве благодарности, забрать упряжки, зерно и скот... Я думаю, что все офицеры, так же как и я, старались максимально смягчить судьбу тех, у кого мы реквизировали запасы, но даже при этом ущерб, который мы наносили, был огромным»⁷⁴.

Таким образом, война еще не началась, а ее бедствия уже очень остро почувствовали жители Восточной Пруссии и многих регионов герцогства Варшавского.

Пока солдаты и офицеры набивали свои повозки зерном и мукой, последние приготовления к войне заканчивались. Вечером 12 июня император прибыл в Кенигсберг, где четверо суток будет находиться его ставка; откуда были направлены указания о подготовке к форсированию Немана. Действительно, если Наполеон до сего времени считал русское наступление очень вероятным, то теперь он был почти уверен, что первый шаг вперед сделают его войска и война начнется на территории Российской империи.

15 июня в Кенигсберге Наполеон отдал первые конкретные распоряжения о переходе через Неман. В письме Евгению Богарне император указал: «Моим желанием является перейти (*Неман*) между Ковно и Олитой. Я могу навести че-

рез реку 4 или 5 мостов одновременно и переправить 1, 2 и 3-й корпуса, а также Гвардию, возможно также 4-й и 6-й корпуса. Вся эта масса быстро двинется на Вильно. Если всё произойдет таким образом, вестфальский король двинется быстрыми маршами из Новогорода на Белосток, чтобы следовать за Багратионом. Я думаю, что первые выстрелы будут сделаны либо 22, либо 23 июня неподалеку от Ковно»⁷⁵.

Как видно из этого распоряжения, окончательный оперативный план появился у Наполеона только буквально в последние дни перед началом кампании. Основной принцип плана остался прежним — разгромить русские войска в одном-двух сражениях на границе и тем самым решить участь войны в самые короткие сроки. Однако конкретный способ исполнения этого общего плана вырисовался только к середине июня. Как видно из письма императора, ни о каком разрезании русских армий не идет речи. Задача очень простая: выдвигая левое ударное крыло вперед, обрушиться на главные силы 1-й Западной армии, в то время как действия армии Багратиона должны были быть скованы продвижением вперед группировки Жерома Бонапарта.

Как следует из приведенного документа, даже 15 июня император еще не очень четко представлял себе, что будет делать центральная группировка под командованием принца Евгения (4-й и 6-й армейские корпуса и 3-й кавалерийский корпус). Ее предназначение должно было определиться в зависимости от дополнительных сведений о противнике. Нужно сказать, что на тот момент информация о русской армии, которой располагал Наполеон, не была, конечно, столь точной, как те данные, которые в свое время присылал Чернышёв своему правительству, но в целом она соответствовала реальности. Сведения о противнике были получены как от агентов на территории России, так и от дезертиров, прибывавших в расположение Великой Армии.

Начальник отдела, который сосредотачивал разведывательную информацию, генерал Сокольников докладывал из Торна, что только 8 июня сюда прибыли 4 казака, 1 рядовой псковского драгунского полка, 1 рядовой сумского гусарского полка, 4 рядовых из гродненского гарнизонного батальона.⁷⁶ Анализируя разнообразные показания, личный секретарь Лелорнь д'Идевилль подал 10 июня записку, где он указывал, что численность русской армии может достигать до 297 тыс. человек, но реально под ружьем состоит 228 тысяч.⁷⁷ Речь, разумеется, шла об общем количестве бойцов в трех русских армиях, стоявших непосредственно на границе (без учета резервов). Можно отметить, что эти цифры почти один в один совпадают с численностью строевых чинов, указанной в предыдущей главе (227 тыс.).

Таким образом, Наполеон был неплохо информирован об общем состоянии русских войск, хотя, конечно, не знал всех деталей.

Нужно сказать, что русское командование также было хорошо осведомлено обо всех перемещениях и о численности наполеоновских войск. Так, 5 (17) июня генерал Тормасов докладывал Барклаю де Толли результаты сбора информации своими агентами: «Сила французской армии со всеми союзниками полагается в 400 тыс. человек. Польские войска составляют 5-й корпус, ими командует к. Понятовский, коего главная квартира в Остроленке, к сему же корпусу соединятся идущие из Гишпании польские войска. На правой стороне Вислы ожидают прибытие баварских и саксонских войск, итальянский 40-тысячный корпус идет к Позену (*Познань*); при нем находится большое количество понтонов. Вице-король Италии в Варшаву уже прибыл»⁷⁸. Как видно из последнего документа, в русском штабе также очень точно оценивали силы противника. Действительно, как уже указывалось, в первом эшелоне войск Великой Армии было около 410 тыс. человек (если не считать австрийцев). Именно этих солдат и офицеров и учли русские агенты.

В своих мемуарах генерал Вольцоген (в то время полковник в свите Александра) также сообщает: «Я организовал хорошую службу шпионажа и часто получал информацию о марше французской армии через герцогство Варшавское... Я очень быстро узнал, что Великая Армия Наполеона движется в Восточную Пруссию. Я узнал также, что все его внимание направлено на Вильно и на 1-ю армию»⁷⁹.

Однако обе стороны были хорошо информированы не только с точки зрения чисто военной, но и общеполитической. 16 июня из Кенигсберга по распоряжению Наполеона министр иностранных дел Маре послал две депеши. Одна из них была направлена французскому послу графу Лористону, другая — русскому послу во Франции графу Куракину. В письме Лористону указывалось, что, так как «правительство решилось на войну, вы не можете оставаться более в Петербурге. Его Величество приказывает вам запросить ваши паспорта и пересечь границу»⁸⁰. Что же касается письма Куракину, в нем излагались претензии Наполеона к Александру. Письмо завершалось следующей фразой: «Его Величество, не сомневаясь более в намерениях вашего двора, приказал мне выслать вам паспорта, а вашу настойчивую просьбу об их получении он рассматривает как объявление войны»⁸¹.

В советской исторической литературе стало аксиомой то, что Наполеон напал без объявления войны. Это положение попало и во многие исторические труды, опубликованные в России уже после исчезновения коммунистической цензуры. Как видно из приведенных документов, это совершенно не соответствует истине. Все формальные шаги, которые должны делать уважающие себя правительства, были соблюдены. Что же касается реальности, все и так давно все знали, что происходит, а основные распоряжения по Великой Армии становились известными русскому командованию в течение нескольких дней.

Кстати, относительно действий Куракина. Как уже отмечалось, своим неоднократным запрашиванием паспортов формально он уже и так объявил войну Франции. Министр иностранных дел Румянцев довольно жестко раскритиковал действия русского посла. В своем письме из Вильно от 10 (22) июня он указал следующее: «Вы проявили излишнюю настойчивость в ваших неоднократных требованиях относительно выдачи паспортов не только для вас лично, но для всего состава посольства, вплоть до персонала посольской церкви, хотя никакое повеление нашего августейшего государя не уполномочивало вас на это»⁸².

Что же касается Лористона, курьер привезет ему указание от министра иностранных дел 22 июня, и в тот же день Лористон официально запросит свои паспорта. Таким образом, можно сказать, что до начала боевых действий на рассвете 24 июня 1812 г. русская и французская империи уже объявили друг другу войну, причем даже не один раз.

17 июня Наполеон был в Инстербурге, а 19-го в Гумбинене. Здесь по приказу императора был написан 1-й бюллетень Великой Армии. Подобные бюллетени выпускались в наполеоновских войсках в ходе кампаний. Так, первый бюллетень Германской армии (Французской армии 1809 г.) вышел только 24 апреля 1809 г., иначе говоря, лишь две недели спустя после начала боевых действий. Публикация 1-го бюллетеня, где указывались причины, из-за которых начиналась война, безусловно, свидетельствовала о том, что державы не только находились в состоянии войны, но она уже фактически началась.

Русское командование, которое было хорошо осведомлено обо всех событиях во французском лагере, именно в этот день решило позаботиться о том, чтобы затруднить переправу французов в Ковно. Ковенский житель Лавринович в своем дневнике записал: «8 (20) июня. По приказу полиции в течение прошлой ночи и сегодняшнего дня

разбирала мост на реке Вилии *, и сегодня вечером его уже не было»⁸³.

Итак, к 20 июня Русская и Французская армии стояли друг против друга. Ни у кого, по крайней мере среди командного состава, не осталось сомнений в том, что великая война начнется в самые ближайшие дни. Однако в эти последние часы перед столкновением русское командование, которое готовило войну уже более двух лет, находилось в какой-то странной нерешительности.

Становилось очевидным, что все ранее составленные планы никуда не годятся, а нового плана, ясного и последовательного, не существовало. Вольцоген, находившийся в этот момент в числе лиц, особо приближенных к царю, написал: «Когда 17 июня (*по новому стилю*) я прибыл в Вильно, я нашел все в полном хаосе. Здесь также царила беззаботность, которая проявлялась в тысячах разнообразных увеселений. Император слушал всех. Было столько же мнений о предстоящей войне, сколько было людей в его окружении. Граф Румянцев, министр иностранных дел, не верил в то, что боевые действия действительно начнутся. Он все еще надеялся перехитрить Наполеона, который, по его мнению, „занимался лишь демонстрациями“. Генерал Беннигсен хотел дать битву в Новых Троках, Армфельд, генерал-адъютант императора... у которого была дурная репутация интригана, имел свое мнение, генерал Опперман имел четвертое мнение, генерал барон Пауллуччи — пятое. Только Богу известно, как они и прочие изобретатели планов усиливали путаницу. Только Фуль вцепился в идею твердо следовать разработанному им плану и отступить, как было

* *Река Вилия* — приток Немана, впадает в него в городе Ковно. Через р. Вилию шла дорога из Ковно в северном направлении. Разрушение моста на Вилии, через который шла важная для связи между русскими корпусами дорога, могло быть предпринято только в случае полной уверенности в том, что французы предпримут наступление.

решено. Генерал Барклай молчаливо одобрял этот план. При всем этом беспорядке и нерешительности в Вильно хорошо было известно, что 12 июня Наполеон прибыл в Кенигсберг, что колоссальная армия в 450 тыс. человек, полностью готовая к бою, приближается к Неману на фронте от Тильзита до Гродно... В русской генеральной квартире продолжали метаться между желанием действовать и полным бездействием, между беспокойством легкомысленным видением событий. Мы были совершенно дезорганизованы, у нас не было никакой ясной цели, в то время как „Ганнибал стоял у ворот“»⁸⁴.

Если верить воспоминаниям Вольцогена, в разговоре с Александром он воскликнул: «„Боже мой! Перед началом таких событий мы не можем терять ни секунды, нужно немедленно утвердить окончательный план. Ваше Величество, вы должны поручить командование армией кому-нибудь одному“... Император дал мне выговориться, попытался меня успокоить и отослал меня со словами... „Наполеон так быстро не подойдет“»⁸⁵.

Но Наполеон, как известно, шёл быстро. Его армия теперь была полностью готова к бою, все расставлены по своим местам и горели желанием быстрее сразиться с русскими, взирая на будущую кампанию с радужным оптимизмом. 17 июня Евгений Богарне написал: «Кампания вот-вот начнется, и все заставляет думать, что она не будет продолжительной. Ну и хорошо. А то говорят, зима и осень отличаются в этих краях дурной погодой...»⁸⁶

Можно сказать с уверенностью, что во второй части фразы принц Евгений не ошибся, но это уже совсем другая история...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Hortense de Beauharnais, Mémoires de la reine Hortense. P., 2006, p. 265.
2. Chaptal J.-A. Mes souvenirs sur Napoléon, par le comte Chaptal. P., 1893, p. 293.
3. Madelin L. Histoire du Consulat et de l'Empire. P., 1948, t. 11, p. 185.
4. Correspondance de Napoléon... t. 32, p. 258.
5. Haussonville J.-O. B. de Cléron, comte d'. Ma jeunesse, Souvenirs par le comte d'Haussonville. P., 1885, p. 19.
6. Percy. Journal des campagnes du baron Percy, chirurgien en chef de la Grande Armée. P., 1986, t. 2.
7. Rapp J. Mémoires écrit par lui-meme et publié par sa famille. P., 1823, p. 4.
8. Gourgaud G. Journal de Sainte-Hélène (1815—1818). P., 1947, t. 1, p. 213—214.
9. Цит. по: Bertaud J.-P. La place de l'officier dans le régime napoléonien // La bataille, l'armée, la gloire. Actes du colloque de Clermont-Ferrand, 1983. Association des Publications de Clermont II, 1985, p. 222.
10. Blaze E. La vie militaire sous le Premier Empire. P., 2011, p. 16.
11. Fantin des Odoards L.-F. Journal du general Fantin des Odoards. Etapes d'un officier de la Grande Armée, 1800—1830. P., 1895, p. 293.
12. Дирин П. Н. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883, т. 1, с. 382—383.
13. Бакунина В. И. Двенадцатый год в записках Варвары Ивановны Бакуниной // Русская старина, 1885, т. 47, № 9, с. 392.

14. Великий князь Николай Михайлович (Романов). Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона 1808—1812. СПб., 1905—1914, т. 6, с. 202, 207, 250—251.
15. Радожицкий И. Т. Походные записки артиллериста, 1812—1816. М., 1835, с. 16—18.
16. Великий князь Николай Михайлович (Романов). Дипломатические сношения России и Франции..., т. 6, с. 223, 217.
17. Там же, с. 235.
18. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861, т. 2, с. 15.
19. Цит. по: Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царство, т. 3, с. 38.
20. Там же, с. 35.
21. Бакунина В. И. Двенадцатый год в записках... с. 293.
22. Там же, с. 395.
23. Шуазель-Гуфье С. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе // Державный сфинкс, М., 199, с. 268.
24. Choiseuil-Gouffier Mme la Csse, Rémimicences sur l'Empereur Alexandre Ier et sur l'empereur Napoléon Ier. Bésançon, 1862, p. 21.
25. Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века. СПб., 2007, с. 544.
26. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. М., 1963, т. 6, с. 333—339.
27. Сборник Российского императорского исторического общества. М., 1877, т. 21, с. 363—364.
28. Цит. по: Castlot A. Napoléon. P., 1968, p. 401.
29. Fantin des Odoards L.-F. Journal... p. 294.
30. Durand S. C. de. Mémoires sur Napoléon, l'impératrice Marie-Louise et la cour des Tuileries. P., 1886, p. 126.
31. Великий князь Николай Михайлович (Романов). Дипломатические сношения России и Франции... т. 6, с. 283.
32. Correspondance de Napoléon... t. 23, p. 371—373.
33. Villemain A.-F. Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature. P., 1853—1855, t. 1, p. 187.

34. Vandal A. Napoléon et Alexandre Ier. P., t. 3, p. 430.
35. Ségur, general comte de. La campagne de Russie. Geneve, 1972, p. 12.
36. Шильдер Н. К. Император Александр I... т. 3, с. 374.
37. ЦГВИА Ф 846, Оп. 16, 3616.
38. Eugene de Beauharnais. Mémoires et correspondance politique et militaire du prince Eugene. P., 1858—1860, t. 7, p. 550.
39. Ibid, p. 351.
40. Ibid, p. 357.
41. Ibid, p. 360.
42. Jérôme Bonaparte. Mémoires et correspondance du roi Jérôme et de la reine Catherine. P., 1861—1866, t. 5, p. 166.
43. Бакунина В. И. Двенадцатый год... с. 396—397.
44. Потоцкая А. Мемуары 1794—1820. М., 2005, с. 201.
45. Jérôme Bonaparte. Mémoires et correspondance... t. 6, p. 32.
46. Brandt H. von. Souvenirs d'un officier polonais. Scenes de la vie militaire en Espagne et en Russie (1808—1812). P., 1877, p. 226.
47. Ibid, 229.
48. Girod de l'Ain J.-M.-F. Dix ans de souvenirs militaires de 1805 a 1815. P., 1873, p. 236—237.
49. Archive Nationale AF IV 1643.
50. Roguet. Mémoires militaires du general Roguet (1789—1812). P., 2009, p. 550.
51. D'Héralde J.-B. Mémoires d'un chirurgien de la Grande Armée. P., 2002, p. 97.
52. Correspondance... t. 23, p. 469.
53. Fantin des Odoards L.-F. Journal... p. 297.
54. Rapp J. Mémoires. P., 1825, p. 131.
55. Ibid, p. 134.
56. Bignon L.-P.-E. Souvenirs d'un diplomate. La Pologne (1811—1813). P., 1864, p. 214—216.
57. Потоцкая А. Мемуары... с. 200.
58. Potocka. Mémoires de la Csse Potocka 1794—1820. P., 1897, p. 309.
59. Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-Учёного Архива Главного Штаба. Отдел I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. СПб., 1900, т. 9, с. 129.
60. Там же, т. 3, с. 284.

61. Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-Учёного Архива Главного Штаба. Отдел I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. СПб., 1900, т. 9, с. 175.
62. Там же, т. 10, с. 22.
63. Там же, т. 10, с. 134—135.
64. Там же, т. 7, с. 161.
65. Рукописный отдел РНБ, фонд 73 347.
66. Correspondance... t. 23, p. 480.
67. Bonnal H. La manoeuvre de Vilna. P., 1905, p. 48.
68. Correspondance... t. 23, p. 515, 525.
69. Scheltens H. Souvenirs d'un grenadier de la Garde. P., 2004, p. 47.
70. Correspondance... t. 23, p. 498.
71. Suckow, colonel de. D'Iena à Moscou. Fragments de ma vie 1800—1812. P., 2001, p. 151.
72. Brandt H. von. Souvenirs d'un officier polonais... p. 231—232.
73. Dif J. Les mémoires de Jakob Walter 1812. P., 2003, p. 17.
74. Saint-Chamans A.-A.-R. De. Mémoires du général comte de Saint-Chamans, ancien aide de camp du maréchal Soult (1802—1823). P., 1896, p. 212—213.
75. Correspondance... t. 23, p. 496.
76. Archive Nationale AF IV 1646/2.
77. Ibid.
78. Отечественная война 1812 года... т. 13, с. 40.
79. Wolzogen L. von Mémoires d'un général d'infanterie au service de la Prusse et de Russie (1792—1836). P., 2002, p. 84.
80. Fain, baron. Manuscrit de mil huit cent douze. Bruxelles, 1827, t. 1, p. 131.
81. Ibid, p. 133.
82. Внешняя политика России... т. 6, с. 438—439.
83. Рукописный отдел РНБ, фонд Военского 152 оп 2 № 295. Лавринович Семен. Дневник особенных происшествий в уездном Ковенском училище и в городе Ковне с 1811 по 1813 г.
84. Wolzogen L. von. Mémoires... p. 85.
85. Ibid, p. 86—87.
86. Eugene de Beauharnais. Mémoires et correspondance... p. 374.

ЭПИЛОГ

Поздним вечером 21 июня 1812 г. Наполеон приехал в маленький польский городок Вильковвышки, от которого по большой дороге оставалось всего 28 км до Немана. Отсюда на следующий день император обратится к своей армии с воззванием и объявит о начале войны. А еще через день на рассвете 24 июня прогремят первые выстрелы...

Но об этом речь пойдет в следующей книге. Пока же остановим на миг события истории в эти жаркие дни середины июня 1812 г., когда Великая Армия подходила к берегу Немана.

Эта книга попыталась дать ответ на вопрос: почему началась противоестественная русско-французская война? Почему полки, собранные со всей Западной Европы, многие из которых прошли по 2—3 тысячи километров, подошли к западным границам России? Надеемся, что читатель не думает более, что виной всему якобы существовавшие безумные планы Наполеона о мировом господстве. Нечего и говорить, что толстовская концепция, согласно которой «ничто не было исключительной причиной события, а событие должно было свершиться, только потому, что оно должно было совершиться», тоже не выдерживает критики. У войны 1812 г. были вполне конкретные авторы, на совести которых лежит подавляющая часть ответственности за эту историческую трагедию.

Обычно ее первым, главным и практически единственным виновником считается император Наполеон. Якобы

его захватническая политика, стремление подчинить все экономическому и политическому диктату Франции и, наконец, его жажда мирового господства привели к походу на Россию, которая оставалась единственной независимой страной на Европейском континенте, не желавшей подчиняться наглой воле завоевателя... Вне всякого сомнения, политика Наполеона привела к тому, что сложились условия для этой войны. Но было бы совершенно необоснованно не учитывать ту огромную, поистине роковую роль, которую сыграл в истории Европы русский царь Александр I.

Когда в результате отцеубийства он пришел к власти, никаких причин для франко-русской войны не было и, казалось, быть не могло. Бонапарт, при всем своем властолюбии, сосредоточил свое внимание на внутренней политике, всеми силами стараясь сделать Францию процветающей державой. Именно он выступил инициатором мирных переговоров с Австрией, Россией и Англией, именно он сделал все, чтобы мир с этими державами был подписан в течение 1801—1802 гг. Да, конечно, он стремился сделать так, чтобы мир был выгоден для него, но какой государственный деятель, находящийся в здравом уме, будет поступать иначе? Впрочем, нет, исключение все-таки нашлось: это был царь Александр I. Его политика 1802—1803 гг., направленная на резкую конфронтацию с Францией, не имела под собой ровным счетом никаких оснований. Никакие российские интересы не заставляли Александра I так жестко, так непримиримо действовать по отношению к Франции и ее талантливому лидеру. Но Александр не просто занял резкую антифранцузскую позицию, он фактически подтолкнул английские правящие круги к войне.

Без сомнения, франко-английские противоречия были очень острыми. Без сомнения, английская буржуазия жаждала устранить с мировой арены опасного торгового и промышленного конкурента в лице новой Франции. Без со-

мнения, английские купцы не переносили Бонапарта, в котором видели человека, живущего совершенно в ином измерении, чем они. Тем не менее вся эта злоба и зависть не смогли бы вылиться в войну, если бы англичане не чувствовали поддержки на континенте. По-пиратски в одиночестве рыскать по морям было бы абсолютно бесперспективно, если бы правящие круги Великобритании не находили никакой опоры на суше. Если в 1803 г. английские олигархи решили растоптать Амьенский мирный договор, то только потому, что они видели — Россия не только не будет противостоять их амбициям, но, наоборот, поддерживает и одобряет их.

Эта позиция — целиком и полностью личная инициатива Александра. Ничто: ни геополитические интересы, ни даже общественное мнение — не заставляли русского царя безоглядно поддерживать наглые претензии британских толстосумов. Подавляющее большинство правящего класса России стояло за независимую внешнюю политику страны в стиле Петра Великого и Екатерины Великой, той, что сумела заставить уважать на морях русский флаг и выступила инициатором «вооруженного нейтралитета». Да, русские дворяне ненавидели Французскую революцию, но Бонапарт был уже не революция. Это прекрасно, кстати, понял Павел I, взявший курс на сближение с Францией. Это прекрасно понимали и многие представители русского правящего класса. Не следует забывать, что все они жили под влиянием французской культуры, говорили, читали и писали по-французски. Безоглядная поддержка Англии была совершенно не в интересах большинства русского дворянства. Если в правительстве и было несколько горячих англофилов, то только потому, что этого хотел царь. Захотел бы он по-другому — были бы другие люди, потому что, следует еще раз подчеркнуть, никакого императива во вражде с Францией у России не было.

Наоборот, приличные отношения с Францией при сохранении торговых отношений с Англией были для России самым лучшим способом сбить наглую спесь британских олигархов и притормозить слишком честолюбивые стремления молодого консула. Но Александр выбрал совершенно другую политику. Он развязал англичанам руки. Едва только успев начаться, англо-французская война обострила все противоречия, накалила обстановку на континенте. Однако и теперь война России с Францией никак не следовала автоматически из создавшейся ситуации. Александру потребовались поистине титанические усилия, чтобы заставить другую крупную державу континента, Австрию, вступить в антифранцузский союз. В отличие от первых двух коалиций, третья совершенно не была спонтанной. Австрию загоняли в нее пинками. В подобной ситуации нечего было надеяться на то, что австрийские солдаты и офицеры будут сражаться с большим подъёмом. Даже генералитет и гражданские власти нехотя оказывали содействие союзнику, вынудившему их воевать.

Русские историки часто говорят о войне 1805 г. как о войне превентивной. Якобы Наполеон с самого начала только и думал, что напасть на Россию, и нужно было его остановить. Как кажется, документы и материалы, приведенные в этой книге, убедительно доказывают, что теория превентивной войны не выдерживает ни малейшей критики. Война 1805 г. не предотвратила будущие военные конфликты, а наоборот, их спровоцировала. Расширение Франции за счет Пьемонта или Генуэзской ривьеры мало затрагивало интересы России, а тем более не угрожало ее безопасности. Первый консул, а впоследствии император постоянно подчеркивал свою приверженность концепции русско-французского союза. Конечно, он делал это не по причине какого-то особого пристрастия к русскому народу, а в поисках своих выгод. Но что мешало России умело

использовать хорошие отношения с Францией для того, чтобы найти в них выгоды для себя?

Итак, Россия, а вместе с ней и вся Европа были втянуты в глупую, ненужную, кровопролитную войну, за которую большую, если не всю ответственность несет император Александр. Эта война закончилась для русской армии катастрофой на кровавом поле под Аустерлицем 2 декабря 1805 г. Но Наполеон совершенно сознательно не пожелал довести уничтожение русской армии до конца. Он надеялся, что этот поступок будет оценен царём. Буквально через несколько дней после битвы в разговоре с Гаугвицем французский император сказал: «Россия будет со мной, быть может, не сегодня, но через год, через два, через три года. Время стирает все воспоминания, и из всех союзов это будет тот, который мне больше всего подходит»¹.

Увы, Наполеон не знал, с кем он имеет дело. Во главе России стоял человек, который поставил во главу угла только одну задачу — удовлетворить чувство личной зависти и мстительности по отношению к Наполеону. Вспомним, что великий князь Николай Михайлович Романов метко сказал о мелочной, полной личных комплексов политике Александра I: «В остальные же двадцать четыре года его правления интересы России, к сожалению, были отправлены им на второй план».

Что касается французского императора, то его слишком далеко завело желание обезопасить себя в будущем, извлечь максимальную выгоду из победы. Империя Наполеона и появившиеся вокруг нее вассальные государства стали слишком много значить в европейской политике. Баланс сил был нарушен, и с подобным государством стало весьма непросто поддерживать равноправные взаимоотношения. Поражение при Аустерлице также разбудило доселе дремавшие силы. Русское дворянство и, в особенности, офицерский корпус отныне желали реванша. Конечно, все это было еще доста-

точно далеко от сильных антифранцузских настроений в русском обществе накануне войны 1812 г. Однако это было уже не то в основном безразличное и иногда даже благожелательное отношение к Бонапарту в годы его Консулата.

В этой обстановке Александр развязал новую войну против наполеоновской Франции. Именно развязал, потому что для войны 1806—1807 гг. было еще меньше причин, чем для предыдущей. Тем более что почти одновременно начался очередной русско-турецкий конфликт. Но и эта четвертая по счету коалиция против новой Франции закончилась полной катастрофой: разгромом пруссаков, а менее чем через год жесточайшим поражением русских войск под Фридландом.

Принято писать, что Тильзитский мир, заключенный под давлением неизбежных обстоятельств, был непрочен, что русское общество пылало ненавистью к наполеоновской Франции и новая война становилась все более неизбежной. Действительно, отныне настроение российских элит изменилось. К жажде реванша со стороны офицерского корпуса добавилась вполне серьезная экономическая база для конфликта вследствие континентальной блокады, которая была по интересам наиболее привилегированных слоев российского общества. Кроме того, новая война с Александром вынудила Наполеона коснуться польского вопроса, который стал отныне камнем преткновения в отношениях между державами. Не могло российское дворянство спокойно смотреть на пусть даже маленькую Польшу, возрожденную под именем герцогства Варшавского. Исследования современных историков показывают, насколько сильно было брожение в западных провинциях империи, что, без сомнения, представляло опасность для основ российского государства.

Так что это мнение, в общем, верно — после Тильзита вероятность нового конфликта возросла. Тем не менее многие историки, основывающиеся на данных из мемуарной

литературы, без сомнения, утрируют ситуацию. Общественное мнение в России не было столь единодушным, как это было принято считать, и в общем даже в 1807—1810 гг. Александр вполне имел возможность при наличии политической воли не только избежать конфронтации с наполеоновской Францией, но и, наоборот, использовать союз для укрепления и расширения Российской империи. Однако действия русского царя были направлены в прямо противоположном направлении.

Тильзит усилил также и амбиции Наполеона, ввязавшегося в испанскую авантюру. Эту ситуацию царь умело использовал для того, чтобы сделать конфронтацию еще более вероятной. В 1809 г. Австрия начала войну фактически с благословения Александра. Одно его твердое слово, и этой войны могло бы и не быть.

Первым результатом австро-французской войны 1809 г. было то, что англичане спаслись от разгрома в Испании; как следствие, британские правящие круги стали еще менее склонны к компромиссам, и потому всякая возможность мирного урегулирования европейского спора стала еще более призрачной. Но война 1809 г. обострила и польский вопрос. Самоотверженная борьба маленькой армии Понятовского, с одной стороны, с другой — более чем сомнительное «содействие» союзного корпуса под командованием Голицына не могли не повлиять на условия Шенбруннского мира. Герцогство Варшавское было щедро вознаграждено за мужество его солдат. Россия получила лишь нечто, похожее на подачку.

Но что оставалось делать Наполеону, которому его вероломный союзник не только не помог, но более того, постоянно вставлял палки в колеса тем, кому, исходя из буквы договора, должен был содействовать?!

И все-таки, несмотря на эти события, несмотря на совершенно очевидное двуличие Александра, Наполеон принял решение связать свою судьбу с сестрой царя и тем са-

мым совершить последнюю попытку спасти разваливающийся союз. Конечно, в перспективе французский император мог во имя интересов своего государства поступиться родственными связями, но с другой стороны, не был же он сумасшедшим, который желал ввести не только в свою спальню, но и в свой дворец, в свои министерства и штабы представителей страны, с которой он собирался воевать. Ну не мог он думать о русском браке иначе, как о способе укрепить, а точнее, попытаться сохранить союз. Это была его последняя надежда, последний шанс, на который он надеялся в своем десятилетнем поиске сближения с Россией. Того сближения, ради которого он испортил отношения с Турцией, отдал на волю Александра Швецию, прекратил боевые действия 18 июня 1807 г., когда имел все шансы раздавить русский арьергард, а затем просто уничтожить остатки русской армии, разбитой под Фридландом.

Политика, как и всякого человека, нужно судить прежде всего не по словам, а по делам. Все действия Наполеона на внешнеполитической арене до 1810 г. были направлены на то, чтобы попытаться связать Россию и Францию дружественными узами, снискать расположение русского царя, делая последнему такие уступки, которые он мог совершенно не делать. Ведь Россия, проиграв войну в 1807 г., получила не уменьшение своей территории, а приращение! Пусть в истории найдут другой такой пример, когда армия государства, два раза напавшего на другое, два раза была вдребезги разбита, и при этом само государство не только ничего не лишилось, но даже что-то приобрело! Разве это не ясные, очевидные дела, показывающие отношение Наполеона к перспективе русско-французского союза? Реакцией на все эти действия, на все эти жесты был ответ Александра на брачное предложение. Точнее, очевидное уклонение от ответа, означающее отказ. Эта пощечина, которую Наполеон получил от царя, не стала причиной разрыва, но ясно пока-

зала: все попытки сблизиться с Александром обречены на провал.

Отныне Наполеон понял, что для укрепления и сохранения той системы, которую он создал и построил, нужно опираться на кого угодно, но не на Александра I. Это, разумеется, не означало немедленной русско-французской войны, но в той сложной накаленной атмосфере, которая существовала в Европе, в обстановке, когда Англия не жалела никаких жертв, чтобы активизировать все враждебные Франции силы, подобное состояние было чревато конфликтом, и обе стороны это прекрасно понимали.

Именно поэтому с 1810 г. и с той и с другой стороны начинают принимать меры предосторожности на случай агрессии теперь уже потенциального противника. Эта ситуация не родилась спонтанно, не вытекала естественным образом из природы государств и их экономических интересов. Она появилась только благодаря десятилетней целенаправленной деятельности Александра I. Если Наполеону можно и нужно ставить в вину многие его шаги на внешнеполитической арене и, конечно, прежде всего, его агрессивную войну в Испании, то в отношении России его поведение в течение долгого времени было постоянно самым дружелюбным. В документах, исходящих от императора, нельзя проследить ничего, кроме уважительного отношения к Российской империи и ее главе и попыток как можно более тесного сближения на основе общности геополитических интересов.

В этой связи очень важен вопрос континентальной блокады, а точнее, проблема интерпретации влияния континентальной блокады на русско-французские отношения. Многие русские историки, стремясь выставить Наполеона сумасшедшим агрессором, всеми силами старались изобразить ситуацию, в которой оказалась российская экономика, как катастрофическую и близкую к гибели из-за сближения с Францией. Благодаря такой картине нена-

висть Александра к французскому императору получала рациональное объяснение, и более того, царь превращался в защитника русских экономических интересов. Однако большинство рассуждений по поводу разрушительного влияния блокады на российскую экономику рассыпаются в прах при столкновении с фактами.

Существует очень важный связанный с блокадой вопрос, который искаженно освещается многими историками. Это вопрос инфляции бумажного рубля, которая якобы возникла как следствие блокады. Подобное утверждение является грубой подтасовкой фактов и откровенной ложью. Как было показано на страницах этой книги, инфляция проистекала единственно из-за огромного ничем не обеспеченного выпуска ассигнаций, который, в свою очередь, был напрямую связан с авантюристической, агрессивной политикой Александра I.

Итак, с 1810 г. начинаются военные приготовления обеих сторон, которые при желании можно интерпретировать по-разному. Однако в скором времени в действиях русского царя начинает явно просматриваться подготовка к вторжению в герцогство Варшавское. Александр желает провозгласить себя польским королем, он считает, что сможет поставить под свои знамена поляков, затем поднять против Наполеона Пруссию и в конечном итоге разгромить Французскую империю, пользуясь ослаблением силы Наполеона в Центральной Европе вследствие трудностей испанской кампании.

В начале 1811 г. огромная передислокация российских войск к западным границам не оставила больше никаких сомнений в намерениях Александра. Самым явным, самым показательным действием явилась переброска более чем половины сражавшейся против турок армии, произошедшая в тот момент, когда эти силы были остро необходимы на дунайском «фронте». Подобное перемещение невозможно объяснить с точки зрения нужд обороны. Оно было

возможно только в случае, если готовилось немедленное нападение.

Именно так его и восприняли современники. В герцогстве Варшавском началась настоящая паника в ожидании вторжения русских войск. Это тревожное настроение, этот страх быть растоптанными подавляющим превосходством сил князь Понятовский донес до Наполеона, которому передалось беспокойство поляков. Отныне император понимал, что волей или неволей ему нужно готовиться к войне в Центральной Европе.

Однако после долгой беседы с вернувшимся из России послом Наполеон на некоторое время засомневался. Результатом страстной речи Коленкура была отмена ряда военных мероприятий. Но вскоре Наполеон получает новую информацию, опровергавшую мнение его бывшего посла в России. 15 августа 1811 г. на приеме дипломатического корпуса император обращается к русскому посланнику Куракину с такой речью, что всем становится понятно: отныне война предрешена.

Обе стороны теперь лихорадочно готовились к вооруженному конфликту. Хотя в русской армии полностью господствовал наступательный дух, в 1811 г. царь не осмелился отдать приказ о вторжении в герцогство. Причиной этому была твердая позиция Понятовского, не пожелавшего стать изменником. Впрочем, перемещение русских войск к границе продолжалось, и можно почти с уверенностью сказать, что если бы французский император не предпринял в конце 1811 — начале 1812 г. беспрецедентные по размаху военные приготовления и дипломатическое наступление, которое лишило Александра поддержки Пруссии, русская армия почти наверняка перешла бы в наступление весной 1812 г.

При подготовке боевых операций Наполеон исходил из следующего положения: русская армия стоит на границах в полной готовности и в любой момент может вторгнуться на

территорию герцогства, тем самым нарушив все планы и расчеты французского командования. Отсюда первым и главным желанием Наполеона было не допустить этого внезапного русского нападения. Именно поэтому император стремился организовать выступление своих войск максимально скрытно. Именно поэтому он пытался принять все возможные меры предосторожности (оказавшиеся, впрочем, совершенно бесполезными), стараясь сделать так, чтобы русское командование как можно позже получило информацию о приближении французских войск к Висле.

Главной стратегической задачей Наполеон считал максимально быстро развернуть свою армию на Висле до начала русского вторжения. Согласно идее французского императора, армия Александра должна была быть остановлена на рубеже Вислы и разгромлена мощным ударом во фланг северной группировкой Великой Армии. Политика шла рука об руку со стратегией, и Наполеон добился того, что не только Пруссия, но и Австрия выступила на его стороне, обеспечив тем самым фланги стратегического развертывания.

Но именно поэтому все русские планы изменились. Получив подробную информацию о том, какие массы французских войск приближаются к Висле, узнав, что Австрия и Пруссия поддержали Наполеона, Александр и Барклай де Толли все более и более охладевали к идее вторжения в герцогство.

При этом, отказавшись в конечном итоге от наступления, командование русской армии не приняло никакого конкретного плана действий. Так называемый «план Фуля» был на самом деле не последовательным проектом оборонительной войны, построенной на идее неглубокого, но всё же отступления, а просто-напросто бессвязным набором схоластических размышлений по поводу возможных боевых операций. Эти «планы» не получили никакого официального одобрения, но при этом русские войска распо-

жились вдоль западных границ империи в соответствии с идеями немецкого прожектёра!

Но путаница в штабах и отсутствие внятного плана оказались в конечном итоге, как ни странно, на руку царю. Известный русский военный историк и теоретик конца XIX века Леер писал: «...Если на войне трудно разгадать противника толкового, то еще труднее относительно бестолкового». Ведь, если бы в русской армии был твердо принят ясный и последовательный план отступления, для подготовки которого проводились бы столь же ясные и последовательные мероприятия, это не могло бы скрыться от Наполеона. Даже при идеальном сохранении секрета всеми посвященными в него офицерами (что практически невозможно вследствие того, что при последовательной подготовке количество посвященных в план неизбежно становится слишком большим), само размещение войск, магазинов, складов показало бы, что армия собирается отступать в глубь страны. Но в русской армии нельзя было проследить никакой последовательной подготовки к отступлению, а ее размещение, безусловно, говорило о том, что русские собираются наступать или, в крайнем случае, принять сражение сразу на границе.

Исходя из того, что он имеет дело с «противником толковым», действия которого логичны, Наполеон подготовил все, чтобы реализовать, как ему казалось, самый выигрышный вариант — постараться сделать так, чтобы русская армия не перешла в наступление, но разгромить ее в генеральном сражении сразу вблизи от границы. По мысли французского императора, сражение должно было состояться в самые первые дни войны и произойти, скорее всего, на подходе к Вильно. За разгромом главной русской армии должно было последовать, вероятно, короткое стратегическое преследование, а далее заключение победоносного мира. Никаких походов на Москву, Казань, Камчатку и в Бенгалию не предполагалось. Вся организация Великой Армии, многочисленные приказы

и распоряжения императора — все подтверждает, что планировалась война стремительная, молниеносная, которая должна была быть закончена в 20 дней.

Из стратегического плана вытекало и отношение Наполеона к политическим вопросам, таким как восстановление Польши или освобождение русских крестьян. Французский император собирался очень быстро воевать и еще быстрее помириться, поэтому он совершенно не намеревался заниматься в России революционной деятельностью, что сделало бы невозможным мир с русским руководством. Он считал, что мощный военный удар превосходящей по численности массы войск позволит разрешить все политические проблемы, поэтому мероприятия, которые насмерть разозлили бы всю российскую элиту, начисто исключались.

В польском же вопросе Наполеон проявлял удивительную осторожность, если учитывать, что ему предстояла тяжелая война. Необходимо отметить, что часть русских элит готова была смириться с потерей «польских провинций», при условии, конечно, что территориальные потери были бы психологически приемлемы. Понимая, что даже после убедительной военной победы необходимо будет идти на определённый компромисс, Наполеон не желал давать полякам каких-либо четких гарантий, ибо это могло бы связать ему руки на переговорах с Россией после, как ему казалось, неминуемой победы.

Мы знаем, что в конечном итоге произошло, но в то время об этом еще никто не знал. Рассказы позднейших мемуаристов, занимавших тогда видные посты в наполеоновской армии, о том, какие мрачные предчувствия их терзали и как они дружно умоляли императора отказаться от опасного похода, — всего лишь мудрость задним числом. План Наполеона не был авантюристическим, он исходил из тех реалий, известных французскому императору и его генералам, которые также в то время считали, что никаких особых

трудностей его реализация не вызовет. Вспомним письма принца Евгения, который утверждал, что «война не может быть долгой и продлится не далее сентября». Подобным же образом рассуждали не только brave солдаты, но также и расчётливые политики, среди которых был и знаменитый Меттерних, которого совершенно невозможно заподозрить в восторженном отношении к Наполеону и его армии.

Интересно, что при этом в русской армии не прослеживается каких-либо упадочнических настроений. Если камарилья, вертевшаяся вокруг царя, явно была в ажиотаже и растерянности, что находило своё выражение в ежеминутно меняющихся планах, то простые офицеры и в особенности молодёжь смотрели без страха на надвигающуюся грозу. «Война решена. Тем лучше, — написал за восемь дней до начала боевых действий русский офицер штаба в своём дневнике, — мы окунёмся в родную стихию. Давно уже каждый из нас сгорает от нетерпения проявить себя на поле чести. Наши юные головы заняты мыслями только о битвах, о схватках с врагом и о славных подвигах»².

В этом молодой офицер не ошибался. Возможностей совершить подвиги хватило на всех...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: Sorel A. L'Europe et La Révolution française. Paris, t. VII, 1905.
2. Дурново Н. Д. Дневник 1812 года // 1812 год. Военные дневники. М., 1990, с. 75.

Приложение 1

**Соображения генерал-лейтенанта Фуля о силах,
употребляемых Наполеоном против России
и о противопоставляемых ему оборонительных средствах
(заглавие в оригинале на русском, остальное — на французском)**

Наполеон пожелает воевать с Россией только тогда, когда закончит дела с Испанией.

В его распоряжении будет:

80 000 французов

60 000 поляков

30 000 баварцев

20 000 саксонцев

10 000 вюртембергцев

40 000 итальянцев

Войска других князей Рейнской конфедерации, равным образом, как и Голландии *, будут употреблены для охраны коммуникаций.

Император французов развернет, таким образом, 240 тысяч бойцов на фронте, который протянется от Иллирии до Данцига. Чтобы прорвать фронт с большей легкостью, он будет угрожать границам России от берегов Дуная до Полангена.

Он сформирует три армии:

1. Иллирийскую армию с целью отвлекать наше внимание на Валахию и Молдавию.

2. Армию Верхней Вислы, задачей которой будет проложить дорогу до Днепра.

3. Армию Нижней Вислы, с задачей которой будут входить операции по поддержке центральной армии, а также проложить себе дорогу до Двины.

* Фуль писал эту записку, скорее всего, в 1810 г., а Голландия, как известно, была присоединена к Французской империи в июле 1810 г.

Россия сможет противопоставить 225 435 бойцов, разделенных на три армии:

15, 16, 22, 13-я дивизии будут образовывать Днестровскую армию численностью 63 012 бойцов.

8, 11, 12, 2-я гренадерская, 25, 18, 10, 2, 7-я дивизии, а также корпус кавалерии, стоящий под Житомиром, будут составлять Днепровскую армию численностью 109 398 бойцов, предназначенную, чтобы прикрыть операционную базу, расположенную на этой реке.

1, 14, 5, 4 и 3-я дивизии будут составлять Двинскую армию, состоящую из 55 325 * бойцов, предназначенную, чтобы охранять операционную базу, располагающуюся на этой реке.

Резервы, предназначенные обеспечить коммуникации и занимать фиксированные пункты на операционной базе, не смогут принять реального участия в войне, которая будет разворачиваться на границах.

Если все будет подготовлено для марша и для снабжения войск продовольствием, от момента, когда будет принято решение начинать войну, до того момента, когда из Петербурга будут разосланы приказы о формировании армии, пройдет 4 дня. Курьер, направленный к Молдавской армии, отправится на пятый день и прибудет на пятнадцатый день к месту назначения. Генералу, командующему Молдавской армией, потребуется 8 дней для того, чтобы подготовить выступление дивизий, предназначенных для усиления Днепровской армии. От Дуная до Луцка 90 миль ** и 120 миль до Бреста. Таким образом, дивизии Молдавской армии прибудут на 73-й день в Луцк и на 88-й день в Брест.

Гвардейская дивизия может прибуть на 60-й день в Тильзит, в Ковно или в Вильно. Двинская армия может быть сформирована в этот же день в этих пунктах.

Когда завершится Испанская война, поляки, к которым присоединятся саксонцы, смогут вернуться в свое отечество. Под различными предложениями 40—50 тысяч французов могут быть расквартированы от Данцига до Варшавы. Баварцы и вюртембержцы должны рассматриваться как войска наиболее удаленные от границ России.

Когда решение о войне будет принято, в Париже также потребуются 4 дня, чтобы разослать приказы относительно движения войск. Курьер в Мюнхен отправится на 6-й день и прибудет на 9-й день к ме-

* Если сложить численность армии, которую приводит Фуль, получится 227 735. Либо цифры написаны неразборчиво, либо Фуль ошибся в сложении на 2300 человек.

** Фуль измеряет расстояние в немецких милях. Немецкая миля — 7420 м.

сту назначения. Войскам Рейнской конфедерации требуется 8 дней, чтобы подготовиться к маршу. От Мюнхена до Луцка 180 миль. Баварские и вюртембергские войска смогут прибыть туда на 107-й день.

Если в Петербурге и Париже решение о войне будет принято в тот же день, Днепровская армия, собранная у Луцка, будет иметь опережение в 34 дня по сравнению с армией Верхней Вислы. Это время она сможет использовать, чтобы беспокоить правый фланг операционной базы противостоящей ей армии.

Однако невозможно, чтобы в Петербурге и Париже решение привести войска в движение было принято в один и тот же день. Возможно, что в Петербурге решение о формировании будет принято тогда, когда будет получено известие от русских миссий в Мюнхене и Штутгарде о скором марше баварцев и вюртембергцев. В этом случае решение начать войну будет принято, по крайней мере, на 20 дней позже, чем в Париже. Таким образом, Днепровская армия будет сформирована на 93-й день в Луцке и окажется на 108-й день в Бресте.

Армия Верхней Вислы сможет прибыть на много дней раньше в Брест, чем в Луцк, следовательно, соединение войск, прибывающих из Молдавии с Днепровской армией, не сможет быть осуществлено в этом месте.

Если секретными статьями договора последнего мира (*имеется в виду Шенбруннский договор с Австрией*) войскам Рейнской конфедерации будет разрешен проход через Моравию и Богемию, армия Верхней Вислы может быть сформирована раньше. Эта армия двинется на встречу с Днепровской армией, где бы она ни находилась, в Бресте или в Луцке. По многим соображениям, для нас лучше встретить неприятеля со стороны Луцка, чем со стороны Бреста. Двинувшись на последний из этих пунктов, противник будет иметь выгоду поддержать свои операции в центре своей базы и маневрировать с большой легкостью справа или слева от Брестской позиции. Армия Нижней Вислы будет находиться достаточно близко, чтобы поддержать напрямую наступательные операции армии Верхней Вислы.

В Бресте Днепровская армия, обойденная с левого фланга, подвергается опасности быть отрезанной от своей операционной базы и от подкреплений, которые должны прибыть из Молдавии.

Связь между Луцком и Днестром не так затруднительна, ее легче установить, чем связь из Бреста с этой же рекой.

Противник будет вынужден двинуться на Луцк и опираться в своих маневрах на одну из оконечностей своей операционной базы, что требует больше времени и имеет больше сложностей, чем когда армия опирается в своих движениях на центр операционной базы.

Армия Верхней Вислы не сможет обойти позицию под Луцком с левого фланга, не подвергаясь опасности быть отрезанной от своих

коммуникаций с окончательностью своей операционной базы. Ей не сможет также оказывать помощь армия Нижней Вислы.

В окрестностях Луцка Днепровская армия гораздо меньше подвержена опасности, чем в окрестностях Бреста, быть отрезанной от Днестра и от подкреплений, которые могут прибыть из Молдавии.

Главное направление Днепровской армии — это Луцк и Киев.

Если в Петербурге решение о начале войны будет принято на 20-й день, Двинская армия будет сформирована и на 80-й день сможет прибыть в Шавли и расположиться на той же линии, что и Днепровская армия. В том случае, если наступательные операции армии Нижней Вислы не будут предшествовать наступательным операциям армии Верхней Вислы.

Дивизии из Риги и из Ревеля, а также гвардейская дивизия выдвигаются из своих мест расквартирования в Шавли, чтобы лучше сберечь воинские экипажи, правительство предпримет меры, чтобы в местах квартирного расположения войска могли бы питаться за счет жителей. В городе Шавли им смогут выдать рацион сухарей на 12 дней.

Дивизия из Риги выступит в поход, когда голова колонны дивизии из Ревеля будет находиться от нее в одном дне марша. Дивизия же из Ревеля будет действовать подобным образом по отношению к гвардейской дивизии. Дневная потребность трех дивизий составляет 51 623 порции сухарей (*в оригинале — Zoukhary*), что составляет 103 246 фунтов, если порция составляет 2 фунта. Таким образом, продовольствие на 8 дней будет составлять 412 984 порции, что весит 825 968 фунтов. Провиант на 12 дней составляет 629 476 порций, или 1 238 552 фунта. Провизия на 32 дня составляет 1 651 936 порций, или 3 303 872 фунта. Груз, который может везти крестьянская лошадь, составляет 300 фунтов. Чтобы везти дневной провиант потребуется 344 лошади. Чтобы везти провиант на 8 дней, потребуется 2752 лошади. Чтобы везти провиант на 12 дней — 4128 лошадей. Чтобы везти провиант на 32 дня — 11 008 лошадей. Потребуется начать печь сухари в Риге на 8-й или на 24-й день. Дорога из Риги на Шавли должна быть освобождена для марша войск. Транспорт сухарей может отправиться из Риги в Шавли только с 12-го по 44-й день или с 32 по 64-й день.

Таким образом, можно будет располагать 22 днями, чтобы перевезти месячную провизию сухарей из Риги в Шавли. Половину провизии можно будет перевезти водным путем во Фридрихштадт и использовать тем самым две дороги. Расстояние от Риги до Фридрихштадта 18 миль. Каждая дорога будет разделена на 2 этапа. Потребуется на каждой станции по 250 лошадей. Таким образом, потребуется на 4 станции ежедневно задействовать 100 лошадей. Так как это, без сомнения, будет большим обременением для края, будет разумно учре-

дить еще до принятия решения о начале войны достаточно крупный магазин в Шавли, чтобы он имел необходимое для печения провизии сухарей на 32 дня. Будут приняты меры, чтобы до прибытия войск была испечена провизия на 8 дней. Нужно иметь достаточное количество рабочих рук, чтобы испечь за 3 дня провизию на 4 дня.

Дневное потребление фуража дивизией из Риги 2418 рационов, ревельской — 5350, а гвардейской — 7770.

Дивизия из Риги сможет сделать отдых на 12 дней в районе Шавли, дивизия из Ревеля — отдых 8 дней, а дивизия гвардии — 4 дня.

Каждая дивизия отправится, имея с собой фуража на 3 дня. Таким образом, в городе Шавли потребуется для дивизии из Риги 36 270 рационов, для дивизии из Ревеля — 38 850, а для дивизии гвардии — 53 390. Всего 148 510 рационов. Если к этому прибавить фураж для непредвиденных случаев на 3 дня, магазин города Шавли будет иметь 195 124 рациона, что весит 5 853 720 фунтов, ибо дневной рацион составляет 30 фунтов. Чтобы транспортировать это количество в течение 22 дней из Риги в Шавли потребуется задействовать на 4 станциях в день 2221 лошадь, а всего дополнительно 8884 лошади. Срок в 22 дня представляется достаточно небольшим для формирования магазина фуража в городе Шавли. Его потребуется учредить до того, как будет принято решение до начала войны. Этот магазин должен содержать необходимое количество овса.

До прибытия гвардии дивизии из Риги и Ревеля займут места на кантонир-квартирах, первая слева от города Шавли, а вторая справа. Гвардия будет располагаться в Шавли и вокруг этого города. Так как солдаты не могут питаться исключительно порциями сухарей, примут меры для того, чтобы до прибытия войск было собрано некоторое количество крупы и гороха, а также необходимое количество быков. Так, порция мяса составляет полфунта говядины, один бык составляет 800 порций. Таким образом, нужно 64 быка для 51 673 порций. Примут меры, для того чтобы иметь также некоторое количество водки.

На 1-й или на 20-й день будет еще неизвестно, каким образом нужно вести боевые действия со стороны города Шавли. Дивизия из Вильно получит поэтому приказ быть сконцентрированной, не перемещая войска, которые будут располагаться вдоль по Неману. Эта дивизия двинется в район Олиты в тот же день, когда дивизия из Риги, Ревеля и гвардия соберутся в районе города Шавли.

В то же время дивизия из Гродно будет сконцентрирована рядом с этим городом и вышлет небольшие отряды в сторону Белостока.

Сохранение Риги — это предмет особой важности. Желая прикрыть эту крепость частью армии, можно подвергнуться риску быть обойденными слева. Это может иметь весьма неприятные последствия, вплоть до потери самой крепости.

Рижский гарнизон потребует вследствие недостатка пехоты резервы 3-й и 4-й дивизий. К ним нужно добавить некоторое количество кавалерии. Пехота резерва 2-й и 22-й дивизий вместе с резервной кавалерией 4-х дивизий будет составлять корпус, который разместиться в Минске. Два батальона и два эскадрона будут выделены в Свенцяны. Этот небольшой отряд будет взят из корпуса в Минске, где будет находиться муки на 32 дня и фуража на 36 дней для вышеозначенного корпуса. Передовая база Двинской армии получит, таким образом, дополнительную провизию. Для всей Двинской армии, включая резерв, на Двине и в Риге будет муки на 4 месяца и фуража на 1 месяц. От Витебска до Динабурга будет муки на 6 месяцев и фуража на 1 месяц. Кроме того, на этой большой операционной базе будет припасено необходимое количество крупы, водки и другой провизии, необходимой для армии.

В тот же день, когда Двинская армия соберется в районе городов Олита, Гродно и Минск, 6 дивизий и резервы Днепровской армии займут позиции следующим образом.

2-я и 7-я дивизия — в окрестностях Ковеля.

7-я дивизия двинется вперед только тогда, когда 2-я уступит ей пространство. Направление марша будет на Пружаны, Кобрин и Ратно. Полк егерей, полк гусар, полк пехоты и конная батарея займут место войск 2-й дивизии, которые расположатся в районе Бреста. Этот небольшой корпус выделит маленькие отряды из Бреста в Бранск и в Бельск.

Между Брестом и Ковелем примерно 7 дней марша. Войска 2-й дивизии, имея положенный провиант, придут, таким образом, без затруднения в Ковель. Будут посланы только небольшие отряды за фуражом. Часть войск из 7-й дивизии должны будут сделать 14 маршей, чтобы прибыть в Ковель. В соответствии с этим необходимо приготовить для 7-й дивизии в Кобрине запас сухарей на 8 дней и фуража на 4 дня.

Дневное потребление войсками 7-й дивизии, которая будет двигаться из Ковеля, составляет 10 087 порции сухарей и 3734 рациона фуража. Дневное потребление войсками этой дивизии, которая расположится в Бресте, составляет 4739 порций и 1717 рационов. В Кобрине для войск, которые будут идти из Ковеля, будут заготовлены следующие припасы:

$10\ 087 \times 8 = 80\ 696$ порций и

$3757 \times 4 = 15\ 028$ рационов.

Для тех, которые расположатся в Бресте:

$4739 \times 32 = 151\ 598$ порций и

$1714 \times 6 = 10\ 284$ рациона.

18-я и 10-я дивизии в окрестностях Луцка,

19-я и 25-я дивизии в окрестностях Владимира.

Резервы 7, 10, 9 и 18-й дивизий, усиленные кавалерийским корпусом из Житомира, в окрестностях Пинска.

В Ковеле для 7-й и 2-й дивизий будет приготовлено:

$$\begin{array}{r} 10\ 087 \\ 13\ 456 \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{r} 10\ 087 \\ 13\ 456 \end{array}} \right\} \times 32 = 733\ 376 \text{ порций}$$

$$\begin{array}{r} 3767 \\ 3960 \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{r} 3767 \\ 3960 \end{array}} \right\} \times 6 = 46\ 202 \text{ рациона}$$

Во Владимире для 18-й и 10-й дивизий:

$$\begin{array}{r} 14\ 165 \\ 14\ 825 \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{r} 14\ 165 \\ 14\ 825 \end{array}} \right\} \times 32 = 927\ 680 \text{ порций}$$

$$\begin{array}{r} 3767 \\ 3960 \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{r} 3767 \\ 3960 \end{array}} \right\} \times 6 = 62\ 873 \text{ рациона}$$

Во Владимире для 9-й и 25-й дивизий будет приготовлено:

$$\begin{array}{r} 15\ 705 \\ 8786 \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{r} 15\ 705 \\ 8786 \end{array}} \right\} \times 32 = 783\ 680 \text{ порций}$$

$$\begin{array}{r} 5172 \\ 2804 \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{r} 5172 \\ 2804 \end{array}} \right\} \times 6 = 46\ 836 \text{ рационов}$$

В Пинске для резервов 7, 10, 9 и 18-й дивизий и кавалерийского корпуса из Житомира:

$$\begin{array}{r} 13\ 344 \\ 14\ 216 \\ 4624 \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{r} 13\ 344 \\ 14\ 216 \\ 4624 \end{array}} \right\} \times 32 = 1\ 125\ 888 \text{ порций}$$

$$\begin{array}{r} 5274 \\ 6774 \\ 5172 \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{r} 5274 \\ 6774 \\ 5172 \end{array}} \right\} \times 6 = 127\ 338 \text{ порций}$$

8, 11 и 12-я дивизии могут быть предназначены, чтобы перейти из Молдавской армии в Днепровскую.

8-я дивизия должна иметь в день 20 431 порцию и 3951 рацион.

11-я дивизия должна иметь в день 20 433 порции и 5951 рацион.

12-я дивизия должна иметь в день 19 366 порций и 5951 рацион.

В Яссах для трёх дивизий будет собрано:

$$\begin{array}{r} 20\ 431 \\ 20\ 433 \\ 19\ 366 \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{r} 20\ 431 \\ 20\ 433 \\ 19\ 366 \end{array}} \right\} \times 12 = 723\ 000 \text{ порций}$$

$$5\ 961 \times 3 \times 4 = 71\ 412 \text{ рационов}$$

В Махновке, Константинове и в Белой Церкви будет в каждом из этих пунктов:

$$\left. \begin{array}{l} 20\ 431 \\ 20\ 433 \\ 19\ 366 \end{array} \right\} \times 8 = 482\ 000 \text{ порций}$$
$$5961 \times 3 \times 4 = 71\ 412 \text{ рационов}$$

Армия, которую сопровождает походная хлебопекарня и продовольственный обоз, как это было в Прусской армии в правление Фридриха II, может удалиться от своего магазина на пять переходов, не прибегая к реквизициям на местности. Подобное движение представляет собой, тем не менее, усилие, и армия не может находиться долгое время на расстоянии 5 переходов от своего магазина, так как это приведет к разрушению обозов. Обычной дистанцией нужно принять дистанцию в 5 переходов. В этом случае армия будет располагаться на расстоянии 1 марша от походной хлебопекарни, последняя — на расстоянии одного марша от магазина. Армия, у которой нет походной хлебопекарни и продовольственного обоза, может удалиться на 3 марша от своего магазина, если фуры войскового обоза могут быть нагружены сухарями на 8 дней. Однако в этом случае удаление от магазина на 3 марша является чрезвычайным обстоятельством. Нормальное удаление армии от магазина в этом случае не должно превосходить двух маршей. Если армия удаляется на большее расстояние, ее обозы должны быть пополнены реквизированными повозками. Например, если армия должна удалиться на 5 маршей от магазина, откуда она должна получать свое обеспечение, вблизи от магазина необходимо собрать реквизированные повозки, чтобы иметь возможность нагрузить на них сухарей на 8 дней. Эти повозки должны быть разделены на две равные части, каждая из которых двинется навстречу войсковым обозам, чтобы доставить провиант сухарей на 8 дней на дистанцию 2 переходов от армии... (следуют долгие рассуждения по поводу обозов, магазинов, сухарей и повозок).

Открытие кампании (предположение № 1)

В Париже и Санкт-Петербурге решение о принятии войны принято в один и то же день.

Двинская армия в течение 30 дней будет иметь значительное численное превосходство над армией Нижней Вислы.

План кампании для главнокомандующего Двинской армией будет таков, чтобы, используя свое численное превосходство, обойти базу армии Нижней Вислы, расположенную на Нареве, держаться макси-

мально долго на этой позиции, которая будет беспокоить коммуникации вражеской армии с Наревом, не вступать в бой, если противник будет превосходить в численности и маневрировать так, чтобы не быть отрезанным ни от Вильно, ни от Двины.

Армия Нижней Вислы предполагается меньшей численности, чем Двинская армия, и поэтому сможет оказать ей сопротивление разве что со стороны Гродно и Олиты. Поэтому дивизии из Ревеля и Риги, а также гвардия не встретят препятствия, чтобы форсировать Неман у Тильзита. От Шавли до Тильзита 5 дней марша. Авангард войск, собранных у Шавли, двинется в поход на 60-й день.

Армейский корпус двинется в поход на 61-й день. Авангард будет достаточно многочисленным, чтобы иметь возможность удержаться до прибытия корпуса на уровень Тильзита, в том случае, если противник не будет иметь возможность разрушить мост. Так как войска, предназначенные для того, чтобы составить гарнизон Риги, не понадобятся в начале операций, они могут располагаться в городах Либава и Гольдинген, и часть этих войск двинется в поход на 60-й день, чтобы овладеть Мемелем. Маленькие отряды, расположенные вдоль границы, двинутся вперёд на линию реки Русс *, чтобы захватить все лодки, которые там будут найдены. Авангард армейского корпуса вместе с понтонёрами постарается быстро навести мост в Тильзите, если последний будет разрушен неприятелем. Вследствие ширины реки это может быть только понтонный мост. Если не будет достаточного количества времени для того, чтобы завершить строительство моста, войска будут переправлены на лодках. Мемель и Русс могут быть заняты на 64-й день. В Риге все будет приготовлено, чтобы транспорт с сухарями на 32 дня в этот день находился на рейде Мемеля, чтобы оттуда их переправить в Русс.

Армейский корпус прибудет на 65-й день в окрестности Тильзита и будет иметь сухари до 72-го дня включительно. Может получиться так, что на 69-й день сухари из Мемеля не прибудут еще в Тильзит. Чтобы не происходило задержки в операциях, на 54-й день будет сделана достаточно значительная реквизиция лошадей, чтобы перевезти сухари на 4 дня из Шавли в Тейш. На 64-й и 65-й день они будут погружены на армейские повозки и прибудут на 67-й день в Тильзит и на 70-й день в Инстербург. Армейскому корпусу потребуются сухари только на 72-й день, и он сможет двинуться на 67-й и 68-й день из Тильзита в Инстербург. Если сухари из Мемеля прибудут на 69-й день в Тильзит, армейские повозки будут свободны, и в Тильзите будут погружены сухари в

* Русс — немецкое название правого рукава дельты Немана. Также Русс — наименование города на этой реке, ныне литовский город Русне.

69-й и 70-й день, чтобы они прибыли в Инстербург на 72-й день и служили продовольствием для армии вплоть до 80-го дня... *(далее в таком же духе про сухари и повозки).*

Вильно является главным пунктом, который противник будет иметь в качестве своей цели. Он не будет атаковать позицию у Вилькомира, потому что он потеряет там много людей. Он предпочтет расположиться у Янова, чтобы вступить в связь с корпусом, который по дороге из Гродно двинется на Вильно. Движение из Янова на Вильно и из Вилькомира в тот же пункт не могут быть одновременными, противник поэтому сможет получить выгоду атаковать с большим превосходством со стороны Вильно. Заняв этот город, он не будет спешить двигаться вперед. Он попытается организовать свои операции и вступит в контакт с жителями края, чтобы поднять их на восстание. Если правофланговый корпус будет отходить из Вилькомира к Колтынянам, противник будет иметь в распоряжении жителей края, расположенного между Вильно, Вилькомиром, Динабургом и Курляндией. Защищая позицию у Вилькомира, теряют Вильно, потому что главная армия должна будет отступать на Неменчин, и неприятель обратит свое главное усилие на позицию под Вилькомиром. Отступление из Вилькомира на Колтыняны может быть трудным, кажется, что невозможным будет сохранить Вильно, кроме как маневрируя с большим искусством на линии полукрута, центром которого является Вильно, а радиус проведен на расстоянии двух переходов.

Возможно, будет проще вынудить неприятеля оставить Вильно, чем сохранять этот город, направив отступление правофлангового корпуса из Вилькомира на Динабург и сочетая это отступление с диверсиями значительного отряда казаков, которые будут маневрировать справа от этого корпуса. Можно будет вынудить противника употребить в дело против этого корпуса и казаков корпус более значимый, чем корпус правого фланга. В этом случае противник не сможет продолжать наступление против основного корпуса.

Трудности для неприятеля увеличатся, если другой отряд казаков будет вести диверсионную войну между Неманом и Вильно. В этом случае главная армия сможет удержаться на линии Свенцяи и будет иметь то превосходство, что она не даст распространиться восстанию.

Противник, не имея возможности развернуть свои силы вокруг Вильно на большом пространстве, будет испытывать нехватку провианта, и сам город станет для него обременительным.

В войнах, которые до настоящего времени Наполеон вел за Рейном, он основывал свои операции на снабжении, которое велось из Франции и с которым он получал все ему необходимое. Он не может действовать таким же образом в войне, которую он собирается вести

между Вислой и Неманом. Он не может предпринять ее, не основав склады продовольствия, боеприпасов, снаряжения и т. д. Эти склады будут располагаться эшелонами и опираться на границы...

Система укрепленных лагерей

Способ наступления, который принял для себя император Наполеон, — вынудить своего противника ввести все свои войска в дело, в то время как он сам сберегает резерв, с помощью которого он наносит решающий удар либо по одному из флангов, либо по центру неприятельской армии.

Целью укрепленных лагерей будет помешать Наполеону использовать эту систему с успехом и сделать так, чтобы он потерял численное превосходство в решающий момент, уничтожив его живую силу, в то время как он не сможет уничтожить в подобной же пропорции противостоящие ему войска. Кроме того, с самого начала он вынужден будет употребить больше сил, которые он обычно сберегает...

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Результирующая таблица по численности

	офицеры штаба	Количество		В строю							Выделенных за пределы армии			
		всего	в полках	человек			лошадей				человек			
				офицеров	уланов и разведчиков	всего	офицеров	лошадей разведчиков	обозных	всего	офицеров	уланов и разведчиков	всего	офицеров
Ген Штаб и канцелярия	249	1	0	45	1086	1131	67	315	70	452	0	0	0	0
1 корпус ¹	199	89	16	2035	71555	73590	1276	4370	5759	11405	85	2104	2189	31
2 корпус	129	48	20	1211	35799	37010	682	3772	2877	7331	28	866	894	27
3 корпус	139	46	26	1124	38098	39222	969	4361	2942	8272	56	713	769	49
4 и 6 к. ²	203	82	37	2146	71015	73161	1664	6520 ³	5994	14178	90	2223	2313	117
5, 7 и 8 к. ⁴	225	69	45	1870	66763	68633	2005	9508	5593	17106	106	2212	2318	55
9 корпус ⁵	40	49	14	1053	40354	41407	412	1472	1450	3334	20	592	612	25
10 корпус	72	39	16	979	31781	32760	401	2759	2155	5315	17	500	517	7
11 корпус ⁶	60	77	14	1500	56011	57511	262	1734	492	2488	0	0	0	0
Кав резерв	197	0	211	1670	36191	37861	3765	34686	2388	40839	109	3392	3501	196
Имп. гвардия	73	41	25	1289	47404	48693	1534	6984	8061	16579	0	89	89	0
5 парк арт. и инженер в.	137	0	0	422	19887	20309	761	1333	10330	12424	1	282	283	0
Гарнизоны	96	7	0	185	6821	7006	117	53	112	282	6	57	63	4
Цик. экипажей	7	9	1	205	6568	6773	65	223	0	288	29	280	309	5
32-я див. Дитская	22	11	8	321	11789	12110	419	403	1207	2029	0	0	0	0
Войска на марше	0	0	0	591	26816	27407	858	9862	732	11452	0	0	0	0
Г. д. кав. дельо	10	0	0	67	3664	3731	125	1192	0	1317	0	0	0	0
прочие ⁷	0	0	0	10	250	260	20	250	0	270	0	0	0	0
	1858	568	433	16723	571852	588575	15402	89797	50162	155361	547	13310	13857	516

¹ 1-й корпус вместе с 7-й дивизией, которая была позже выделена в состав 10-го корпуса.

² 4-й и 6-й корпус — войска под командованием вице-короля Италии (Евгения Богарне).

³ В подлиннике ошибочно дана цифра 13 520, истинная цифра легко вычисляется, если сложить

⁴ 5-й, 7-й и 8-й корпус — войска под командованием Вестфальского короля (Жерома Наполеона).

⁵ 9-й корпус — войска под командованием герцога Беллюнского (маршала Виктора).

⁶ 11-й корпус — войска под командованием герцога Кастильонского (маршала Ожера).

⁷ Прочие — войска, не приписанные ни к каким корпусам.

⁸ В подлиннике потеряли 10 человек при сложении.

корпусов Великой Армии по состоянию на июнь 1812 г.

Разложение		В госпиталях				В отпусках				под следствием	Общая численность, с офицерами					
обозначения	всего	офицеров	унтер-офицеров и рядовых	всего	офицеров	унтер-офицеров и рядовых	всего	офицеров	человек		офицеров	лошадей		всего		
									унтер-офицеров и рядовых			всего	офицеров		лошадей рядовых	обозначения
0	0	0	0	0	0	0	0	0	45	1086	1131	67	315	70	452	
12	173	23	7279	7302	0	0	0	33	2143	80971	83114	1307	4500	5771	11578	
0	243	33	6572	6605	0	0	0	23	1272	43260	44532	709	3988	2877	7574	
0	317	53	3167	3220	3	12	15	28	1236	42018	43254	1018	4629	2942	8589	
85	929	63	3340	3403	0	0	0	2	2299	76580	78879	1781	7247	6079	15107	
147	643	83	6054	6137	0	2	2	14	2059	75045	77104	2060	9949	5740	17749	
30	217	21	2061	2082	0	0	0	0	1094	43007	44101	437	1634	1480	3551	
0	184	19	1645	1664	0	0	0	0	1015	33926	34941	408	2936	2155	5499	
0	0	36	5339	5375	0	0	0	0	1536	61350	62886	262	1734	492	2488	
1	3118	7	1159	1166	2	4	6	0	1788	40746	42534	3961	37607	2389	43957	
0	27	0	2137	2137	0	0	0	0	1289	49630	50919	1534	7011	8061	16606	
54	54	1	937	938	0	0	0	0	424	21106	21530	761	1333	10384	12478	
0	13	0	474	474	0	92	92	1	191	7445	7636	121	62	112	295	
0	5	17	352	369	0	0	0	0	251	7200	7451	70	223	0	293	
0	0	10	490	500	0	0	0	4	331	12283	12614	419	403	1207	2029	
0	0	0	0	0	0	0	0	0	591	26816	27407	858	9862	732	11452	
0	0	0	0	0	0	0	0	0	67	3664	3731	125	1192	0	1317	
0	0	0	0	0	0	0	0	0	10	250	260	20	250	0	270	
329	5923	366	41006	41372	5	110 ⁰⁰	115	105	17641	626383	644024	15918	94875	50491	161284	

числа по столбцам и по строкам.

Оглавление

Предисловие	3
ГЛАВА 1. Начало и конец русско-французского союза	15
ГЛАВА 2. «Под Австерлицем он бежал...»	66
ГЛАВА 3. Тильзит	131
ГЛАВА 4. Россия от Стокгольма до Константинополя!	202
ГЛАВА 5. Пламя над Пиренеями	240
ГЛАВА 6. Jeszcze Polska nie zginęła	280
ГЛАВА 7. Рука великой княжны и... мешки с пшеницей	322
ГЛАВА 8. Тревога на границе	368
ГЛАВА 9. Дипломатия на широком фронте	441
ГЛАВА 10. Кое-что об удобстве составлять планы задним числом... ..	479
ГЛАВА 11. Путь меча	550
ГЛАВА 12. Европа и Россия перед битвой	642
ЭПИЛОГ	705
Приложение 1. Соображения генерал-лейтенанта Фуля о силах, употребляемых Наполеоном против России и о противопоставляемых ему оборонительных средствах	721
Приложение 2. Результирующая таблица по численности корпусов Великой Армии по состоянию на июнь 1812 г.	732

Популярное издание

Олег Соколов

БИТВА ДВУХ ИМПЕРИЙ
1805—1812

Ведущий редактор *Наталья Тюленева*
Художественный редактор *Юлия Межова*
Технический редактор *Валентина Беляева*
Компьютерная верстка *Ольги Савельевой*
Корректор *Валентина Леснова*

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Астрель-СПб»
198096, Санкт-Петербург, ул. Кронштадтская,
д. 11, лит. А
E-mail: mail@astrel.spb.ru

Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

■ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА ■

НАПОЛЕОН I БОНАПАРТ

*В речах каждого солдата
искала душа императора*

Словно претворяя слова древнего пророчества в жизнь, Наполеон неистово стремился стать владыкой — и не одной отдельно взятой страны, а целого мира! Он стирал с лица земли одни народы, позволяя возникнуть другим. И настал тот миг, когда демиург в нем властно возобладал над человеком, которого к кормилу власти некогда привел простой народ. Отмахнувшись от народа, презрев его чаяния, он и впрямь стал мнить себя владыкой целого мира. Да что там — мира! Очень может статься, что своими помыслами он уже начинал стремительно возноситься к небесам, намереваясь в итоге бросить дерзкий вызов самому Творцу всего Сущего...

И это стало началом конца Наполеона Бонапарта.

Перед вами удивительная жизнь человека, наделенного высокой и мятежной душой, познавшего невероятные взлеты и сокрушительные падения и осмелившегося низвергнуть все понятия и установки обыденного мира.

Соколов Олег Валерьевич — крупнейший специалист по истории наполеоновской эпохи, кавалер ордена Почетного легиона, основатель движения военно-исторической реконструкции в России, — впервые раскрывает нам тайну рокового решения Наполеона — почему же он начал войну с Российской империей?

Может, причиной тому мечты Наполеона о мировом господстве? Или у войны 1812 года были совсем другие «авторы», на совести которых лежит ответственность за эту историческую трагедию? Почему не состоялся «русский брак» императора? Кто хотел стать польским королем? Кому была выгодна эта война — разделенной Польше, изолированной Англии, униженной Пруссии? Кто проигрывал от союза Франция — Россия?

Впервые за двести лет здесь представлены оригинальные первоисточники — архивные документы, дневники, мемуары (как русские, так и французские), — с которыми еще не знаком российский читатель.

Бесстрастная история — без цензуры.

ISBN 978-5-271-42347-5

9 785271 423475